ВЕЛИКИЙ ТВОРЕЦ МИРОВ

Филип
ФАРМЕР

Мир Реки:
Магический лабиринт

В МАГИЧЕСКОМ ЛАБИРИНТЕ ФАНТАЗИИ

Эксмо

Филип
ФАРМЕР

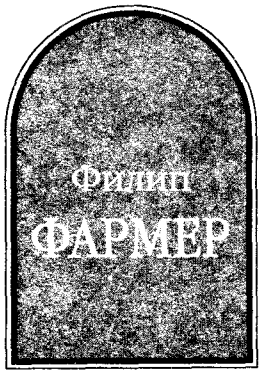
Мир Реки:
Магический лабиринт

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Филип

ФАРМЕР

Мир Реки: Магический лабиринт

Филип
ФАРМЕР

Мир Реки

•

Магический лабиринт

•

Боги мира Реки

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Филип

ФАРМЕР

Мир Реки:
Магический лабиринт

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 24

Philip José Farmer

RIVERWORLD

The Magic Labyrinth © 1980 by Philip José Farmer

Gods of Riverworld © 1983 by Philip José Farmer

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Фармер Ф. Х.

Ф 24 Мир Реки: Магический лабиринт: Фантастические романы / Филип Фармер; [пер. с англ. Н. Виленской, С. Трофимова, И. Васильевой]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 704 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-24469-0

Плавание по магическому лабиринту воображения классика современной фантастики Филипа Хосе Фармера продолжается. Грандиозный замысел эпопеи, действие которой разворачивается на берегах таинственной Реки, опоясывающей планету, воскрешенные неизвестно кем и непонятно для каких целей миллиарды представителей человечества всех эпох, стран и народов, великие исторические личности, непосредственно участвующие в сюжете, блеск фантазии и радуга приключений — это и есть причина причисления «Мира Реки» к вершинным достижениям не только фантастики, но и литературы в целом.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-24469-0

© *Перевод. Н. Виленская, С. Трофимов, И. Васильева, 2007*
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Магический лабиринт

Харлану Эллисону, Лесли Фидлеру, Норману Спинраду — самым живым из всех живых

Этим романом кончается серия «Мир Реки», все концы связываются в неподдающийся мечу гордиев узел, все человеческие тайны разрешаются, заканчивается Река длиной в миллионы миль, завершаются поиски и пути.

Филип Хосе Фармер

Один лишь ум судья, лишь он способен
Магический осилить Лабиринт...
И там лишь человек увидит слитно,
что на Земле он видит по частям...

Касиды Хаджи Абду аль-Язди

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Глава 1

«Каждому следовало бы бояться только одного человека — самого себя».

Это было любимое изречение Оператора.

Еще Оператор много говорил о любви — мол, того, кого боишься больше всех, надо также очень любить.

Человек, известный некоторым как Икс, или Таинственный Незнакомец, не питал к самому себе ни повышенного страха, ни большой любви.

Было трое человек, которых он любил больше себя и всех остальных.

Он любил свою жену, ныне покойную,— но не так глубоко, как двух других.

Свою приемную мать и Оператора он любил с равной силой — по крайней мере, так ему казалось раньше.

Приемная мать находилась за много световых лет от него, и ему пока не нужно было о ней беспокоиться — а возможно, и никогда не придется. Знай она, что он творит, она испытала бы глубокий стыд и горе. Он же горевал оттого, что не может объяснить ей, зачем он это делает, и оправдать себя.

Оператора он любил по-прежнему, но в то же время ненавидел.

Теперь Икс ожидал — когда терпеливо, когда нетерпеливо и гневно — легендарного, однако реального парохода. Он пропу-

---

© Перевод Н. Виленской.

стил «Рекс грандиссимус», и единственной его надеждой оставался «Марк Твен».

Если он и на этот пароход не попадет... Нет, сама эта мысль была невыносима. Он должен попасть.

Однако, взойдя на борт, он может оказаться в самой большой за всю свою жизнь опасности — не считая одного, самого страшного испытания. Он знал, что Оператор находится в низовьях реки. Грааль показывал ему местонахождение Оператора. Но это была последняя информация, которую Икс получил по карте. Раньше спутник все время следил за Оператором, другими этиками и агентами, передавая их сообщения граалю Икса, который был не только граалем. Потом карта исчезла с серой поверхности — тогда Икс понял, что на спутнике что-то разладилось. Теперь его могли захватить врасплох и Оператор, и агенты, и другие этики.

Это он, Икс, когда-то смонтировал на спутнике тайный механизм для слежки за всеми обитателями башни и подземелий. Они, конечно, тоже следили за ним. Но деформатор ауры надул аппаратуру, и тот же деформатор позволил Иксу лгать Совету двенадцати.

Теперь Икс стал таким же несведущим и беспомощным, как все остальные.

Между тем если и есть в этом мире кто-то, кого Клеменс взял бы на борт даже при полном комплекте, то это Оператор. Стоит только взглянуть на него — и Клеменс остановит пароход и возьмет этого человека.

Когда же пароход подойдет и он, Икс, ухитрится стать членом команды, ему придется всячески избегать Оператора, пока не представится случай захватить того врасплох.

Маскировка, достаточно хорошая, чтобы надуть даже других странствующих этиков, тот великий ум не обманет. Оператор сразу узнает Икса, и тогда у Икса не останется никаких шансов. Пусть Икс силен и ловок — Оператор сильнее и ловчее его.

Кроме того, у Оператора будет и психологическое преимущество. Икс, оказавшись лицом к лицу с любимым и ненавидимым человеком, может замешкаться, и ему недостанет ярости и напора, нужных для атаки.

Так что, каким бы трусливым и низким это ни казалось, придется напасть на Оператора сзади. Икс позволил себе уже много

низостей с тех пор, как пошел против других,— сумеет совершить и эту.

Ему с детства внушали отвращение к насилию, но учили и тому, что насилие оправдано, когда твоя жизнь в опасности. Воскресительная энергия, делавшая каждого в мире Реки практически бессмертным, здесь в расчет не принималась. Теперь воскрешения прекратились, но даже когда они шли своим чередом, Икс должен был принуждать себя к насилию. Что бы там ни говорили его наставники, цель все-таки оправдывает средства. Кроме того, все убитые им умирали не навсегда. Так, по крайней мере, думал Икс. Он не предвидел настоящей ситуации.

Икс жил в бамбуковой, крытой листьями хижине на берегу Реки — на правом, если смотреть против течения. Прожил он здесь недолго.

Теперь он сидел над рекой на густой короткой траве. Вокруг расположились еще человек пятьсот, и все ждали обеда. Раньше здесь собрались бы все семьсот — но, когда воскрешения прекратились, населения поубавилось. Смертность проистекала в основном от несчастных случаев — зачастую это были столкновения с крушащими лодки и пожирающими людей речными драконами,— в результате самоубийств и убийств. Когда-то больше всего народу гибло на войне. Но войн в этом районе уже много лет не случалось. Всех потенциальных завоевателей перебили, и теперь уж они не появятся нигде на Реке, чтобы опять сеять смуту.

Сохранению мира способствовало также влияние Церкви Второго Шанса, нихиренитов, суфи и прочих пацифистских религий.

Рядом стоял гриб из гранита с красными вкраплениями. Такие сооружения назывались питающими камнями. Высота ножки составляла пять футов, а диаметр шляпки — футов пятьдесят. На ее поверхности имелось семьсот углублений. В каждом стоял цилиндр из серого металла, преобразующий энергию, подаваемую на питающий камень, в еду, спиртное и прочие блага. Эти контейнеры и кормили огромное население Реки, составлявшее тридцать пять—тридцать шесть биллионов. То, что обеспечивали граали, можно было дополнить рыбой, желудевым хлебом и побегами молодого бамбука, но этого было бы недостаточно для прокорма жителей узкой долины, по которой протекала Река длиной десять миллионов миль.

Люди, собравшиеся у камня, болтали, смеялись и дурачились. Икс не разговаривал с соседями, занятый своими мыслями. Ему пришло в голову, что неисправность на спутнике, возможно, проистекает не из естественных причин. Ведь аппаратура, установленная им, была рассчитана на тысячу лет. Может, она отказала оттого, что Пискатор — японец, называвшийся ранее Охара,— что-то напортил в башне?

Теоретически Пискатор должен был погибнуть в одной из ловушек, устроенных Иксом, или же попасть в стазисное поле Оператора. Однако Пискатор был суфи, и у него могло хватить ума и проницательности, чтобы избежать западни. Одно то, что он сумел войти в башню, свидетельствовало о его высоком этическом развитии. Больше ни один из пяти миллионов кандидатов, воскрешенных землян, не прошел бы сквозь верхний ход. Икс позаботился только о нижнем, и только двое знали об этом ходе, пока до него не добралась экспедиция древних египтян.

Икс был расстроен и обескуражен, найдя их тела в секретной комнате. Тогда он еще не знал, что один египтянин ушел, утонул и был потом опять перенесен в долину,— не знал, пока не услышал рассказа об этом путешествии, дошедшего до Икса в искаженном виде кто знает через сколько рук. До агентов этот рассказ, должно быть, не дошел вовремя — а потом уж поздно было передавать его этикам в башне.

Теперь Икса беспокоило то, что, если Пискатор и впрямь случайно повредил механизм слежки, тот же Пискатор мог оживить этиков... а тогда ему, Иксу, конец.

Он смотрел через долину на холмы предгорий, поросшие высокой травой и деревьями, радующие глаз всеми красками цветов железного дерева,— а дальше высились неприступные горы, ограждающие долину. Мучимый страхом и досадой, Икс снова впал в гнев, но быстро взял себя в руки с помощью ментальной техники. От этого приступа, он знал, температура его тела на несколько секунд подскочила до ста градусов Цельсия. Сейчас Икс разрядился и чувствовал некоторое облегчение, но знал, что вскоре гнев снова охватит его. Техника, к сожалению, бессильна подавить сам источник гнева. Иксу никогда его не преодолеть, хотя он и делал вид перед наставниками, будто одержал над гневом победу.

Икс, заслонив рукой глаза, взглянул на солнце. Через несколько минут гриб изрыгнет гром и молнию, как и миллионы других питающих камней на обоих берегах. Икс отодвинулся от камня и зажал пальцами уши. Шум будет оглушительный, а от разряда всегда подскакиваешь, хотя и ждешь его.

Солнце достигло зенита.

Прокатился гром, и засверкали голубовато-белые электровспышки.

На левом берегу, но не на правом.

Однажды камни правого берега уже отказывали.

Жители правого берега ждали в тревоге, с растущим страхом, но энергия так и не поступила, и обеда не последовало. Когда же люди не дождались и завтрака, их испуг и беспокойство превратились в панику.

На следующий день голодное население правого берега хлынуло на левый.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ»

Глава 2

В первый раз сэр Томас Мэлори умер на Земле, в 1471 году от Рождества Христова.

После Дня Воскрешения сей английский рыцарь пережил несколько ужасных недель, страдая не столько от телесных ран, сколько от душевного потрясения. Впрочем, пищу, которую подавал ему «граалец», он нашел восхитительной. Прямо как в его «Книге о короле Артуре», где Галахад и его сподвижники «вкусили у того стола яств, коих никто из рыцарей еще не вкушал».

Временами Мэлори казалось, что он сошел с ума. Его всегда занимало безумие, состояние, в котором человек приобщается к Богу, отрешаясь от мирских забот и скорбей, не говоря уже о своих собственных. Но у человека, который столько лет просидел на Земле в тюрьме и не тронулся разумом, голова, должно быть, весьма крепкая. В тюрьме сэра Томаса поддерживало отчасти и то, что он создавал первый английский эпос в прозе. Он знал, что читатели его будут немногочисленны, да и тем его творение не придется по вкусу, но это ничуть его не беспокоило. В отличие от первого своего труда, который был основан на повестях великих французских авторов о древнебританском короле Артуре, свой новый труд Мэлори посвятил мытарствам и конечной победе сладчайшего Иисуса. Не в пример многим изверившимся христианам Мэлори держался за свою веру, упрямо отметая все «факты», что само по себе, если верить его критикам, было признаком безумия.

Дважды убитый уже на Реке свирепыми неверными, Мэлори наконец нашел приют в местности, с одной стороны заселенной парфянами, с другой — англичанами.

Парфяне были нацией древних всадников, известных привычкой пускать стрелы на скаку при отступлении. Отсюда — «парфянская стрела»

Кто-то объяснил Мэлори, что они называются так из-за того, что сражаться с ними было паршиво. Мэлори подозревал, что этот молодчик над ним посмеялся,— а почему бы и нет, раз это остроумно?

Англичане происходили в основном из семнадцатого века и говорили на языке, который Мэлори понимал с трудом. Но после стольких лет все они овладели также и эсперанто, который миссионеры Церкви Второго Шанса использовали как язык универсального общения. В этой стране, известной ныне как Новая Надежда, царил мир, хотя так было не всегда. Когда-то здесь было множество мелких государств, ведших отчаянные бои со средневековыми германцами и испанцами на севере. Предводителем врагов был Крамер, прозванный Хаммер, Молот. Когда его убили, настали мирные времена, и государства постепенно слились в одно. Мэлори пустил там корни и взял к себе в хижину Филиппу Хобарт, дочь сэра Генри Хобарта. Хотя венчание больше не практиковалось, Мэлори настоял на нем и попросил своего друга, бывшего католического священника, совершить этот старинный обряд. Позднее Мэлори вернул и жену, и священника в католичество.

Он несколько опешил, узнав, что в их краях объявлялся настоящий Иисус Христос вместе с некой еврейкой, знавшей Моисея в Египте и во время Исхода. Иисуса сопровождал также некто Томас Микс, американец, потомок европейцев, эмигрировавших на континент, который был открыт только через двадцать один год после смерти Мэлори. Но Крамер сжег на костре и Иисуса, и Микса.

Сначала Мэлори отрицал, что человек, называвший себя Иешуа, был истинным Христом. Он мог быть евреем, современником Христа, но не им самим.

Затем Мэлори, собрав все доступные ему сведения о высказываниях Иешуа и о его мученической кончине, пришел к выводу, что это, возможно, все же был истинный Христос. Поэтому Мэлори объединил предания, услышанные от местных жителей,

в единый эпос, который и записывал при помощи чернил и пера, сделанного из рыбьей кости, на бамбуковой бумаге. Заодно он решил канонизировать и американца, который стал у него стойким святым Фомой по прозванию Белая Шапка.

Со временем Мэлори и его ученики, забыв, что все жития святых вымышлены, искренне уверовали в то, что святой Фома и вправду странствовал вместе с Господом своим Иисусом по этому миру, который есть чистилище, хотя и не похож на ту обитель между землей и небом, что изображалась когда-то священниками на Земле.

Тот, кто обвенчал Томаса и Филиппу, был на Земле епископом, а стало быть, преемником святого Петра, и поэтому мог учить других и посвящать их в сан. Однако кучка католиков оставила некоторые свои земные привычки. Они стали терпимыми, не пытались восстановить инквизицию и не сжигали ведьм. Если бы они продолжали придерживаться старых обычаев, их быстро изгнали бы, а то и убили.

Однажды поздней ночью Томас Мэлори лежал без сна, обдумывая очередную главу своего труда. Внезапно снаружи поднялся крик и беготня. Мэлори сел и разбудил Филиппу, испуганную и дрожащую спросонья. Вдвоем они вышли посмотреть, что происходит. Люди показывали на безоблачное небо, где было светло, как в полнолуние, от скопища звезд и от светящихся газовых туманностей.

Высоко на фоне сияющего неба темнели два странных объекта. Один был меньше другого и состоял из двух частей: большой сферы и привеска внизу. Хотя с земли не было видно связи между этими двумя частями, создавалось впечатление, что они все же связаны, поскольку движутся с одинаковой скоростью. Одна женщина, знающая толк в таких вещах, сказала, что это похоже на воздушный шар.

Мэлори таких шаров никогда не видел, но слышал о них от пришельцев из девятнадцатого и двадцатого веков — похоже было, что в небе действительно плывет один из них.

Второй объект, гораздо больше первого, походил на гигантскую сигару.

Та же женщина сказала, что это аэростат или дирижабль — а возможно, корабль неизвестных существ, создавших эту планету.

— Ангелов, что ли? — буркнул Мэлори.— Зачем им воздушный корабль? У них есть крылья.

Внезапно огромное воздушное судно накренилось, и Мэлори, забыв обо всем, закричал в один голос со всеми. И присоединился к общему воплю, когда оно взорвалось. Горящий корабль стал падать в Реку. Воздушный шар продолжал лететь на северо-восток и вскоре пропал из виду. Тем временем пылающий корабль рухнул в воду. Его скелетообразная основа затонула почти сразу, но куски обшивки еще горели несколько минут, пока не погасли.

Глава 3

На небесном корабле путешествовали не ангелы и не демоны. Тот, кого Мэлори с женой вытащили из воды и доставили на берег в своей лодке, был точно таким же человеком, как они. Длинный и тощий, как шпага, чернявый, с большим носом и слабым подбородком, он таращил на спасителей черные глазищи при свете факела, не говоря ни слова. Когда его внесли в общинный дом, вытерли, укрыли теплыми одеялами и напоили горячим кофе, он произнес что-то по-французски, а потом заговорил на эсперанто:

— Сколько еще спаслось?

— Пока неизвестно,— ответил Мэлори.

Несколько минут спустя к берегу прибило первое из двадцати двух тел — многие из них сильно обгорели. Один труп был женский. Поиски вели всю ночь и часть утра, но никого больше не обнаружили. В живых остался только француз. Хотя он был слаб и еще не вышел из шока, он захотел встать и принять участие в поисках. Увидев тела, сложенные у питающего камня, он разразился слезами и долго плакал. Мэлори счел это добрым знаком. Значит, незнакомец был не настолько потрясен, чтобы быть неспособным выразить свое горе.

— Куда делись те, другие? — спросил француз.

После ответа его горе превратилось в ярость, он погрозил кулаком небесам и прорычал проклятие какому-то Торну. Позже он спросил, не видел ли кто-нибудь здесь еще одну воздушную машину, вертолет. Многие видели.

— А он куда направился? — спросил незнакомец.

Кто-то сказал, что машина, издававшая громкий стрекот, ушла вниз по Реке. Другие — что вверх. Спустя несколько дней пришло известие, что машина упала в Реку на двести миль выше

по течению, во время грозы. Видел это только один человек, и он утверждал, что из тонущей машины кто-то выплыл. В ту местность по барабанной связи послали запрос: не появлялись ли там неизвестные? Оттуда ответили, что нет.

В Реке плавало небольшое количество граалей, их выловили и принесли спасенному. Один он опознал как свой и в полдень уже ел из него. Несколько граалей были «свободными», то есть открыть их мог любой, и государство Новая Надежда реквизировало их.

Потом француз спросил, не проплывали ли мимо гигантские суда с гребными колесами. Да, одно прошло, «Рекс грандиссимус», управляемое бесчестным Иоанном, королем английским.

— Хорошо,— сказал француз, подумал и добавил: — Я мог бы остаться здесь и подождать, пока не придет «Марк Твен». Но я, пожалуй, отправлюсь вслед за Торном.

Он уже достаточно оправился, чтобы рассказать о себе. И как он о себе говорил!

— Я — Савиньен де Сирано Второй де Бержерак. Я предпочитаю, чтобы меня называли Савиньен, но все почему-то зовут меня Сирано. И я позволяю людям эту маленькую вольность. Ведь в последующих веках меня знают как Сирано, хотя это неверно, и я столь знаменит, что люди уже не могут привыкнуть к другому имени. Им кажется, что они лучше знают, как меня называть. Вы, разумеется, слышали обо мне.

И он оглядел своих спасителей, словно давая понять, какая честь для них принимать у себя столь великого человека.

— С прискорбием должен сознаться, что не слышал,— сказал Мэлори.

— Что? Я был величайшим фехтовальщиком своего времени. Да что там своего — всех времен. К чему понапрасну скромничать? Я был также автором нескольких замечательных трудов. Я написал острые сатиры о путешествии на Солнце и на Луну. Мою пьесу «Обманутый педант» некий мсье Мольер позднее, кажется, выдал за свою, внеся в нее некоторые изменения. Ну, возможно, я несколько преувеличиваю, но он, безусловно, использовал мою комедию. И, как я понимаю, англичанин по имени Джонатан Свифт также использовал некоторые мои идеи в своих «Путешествиях Гулливера». Я их не упрекаю, поскольку и сам порой использовал чужие идеи — усовершенствуя их, разумеется.

— Все это очень хорошо, сэр,— сказал Мэлори, воздержавшись от упоминания о собственных работах.— Но если для вас это

не слишком утомительно, вы могли бы рассказать нам, как очутились на воздушном корабле и отчего этот корабль загорелся.

Де Бержерак жил у Мэлори в ожидании времени, когда ему найдут пустую хижину или дадут инструменты, чтобы он сам построил себе дом. В тот момент он, его хозяева и еще человек сто сидели или стояли у большого костра перед хижиной.

Рассказ получился длинный и еще более фантастический, чем повести самого рассказчика или Мэлори. Сэр Томас, однако, чувствовал, что француз рассказывает не все. Когда тот закончил, Мэлори произнес, словно размышляя вслух:

— Так значит, это правда, что есть башня посреди северного полярного моря — того самого, из которого берет начало Река, впадая потом в него же? И правда, что создатели этого мира, кто бы они ни были, живут в этой башне? Хотелось бы мне знать, что стало с тем японцем, Пискатором. Приняли ли обитатели башни — а это, безусловно, ангелы — его к себе, ибо он прошел сквозь врата рая? Или они отослали его куда-то — возможно, в отдаленную часть Реки? И этот Торн — что могло толкнуть его на преступление? Быть может, он демон в человеческом обличье.

Де Бержерак громко и презрительно рассмеялся.

— Ни ангелов, ни демонов не существует, друг мой. На Земле я говорил, что нет и Бога, но сейчас этого не утверждаю. Но, признавая существование Творца, не обязательно верить в сказки об ангелах и демонах.

Мэлори стал горячо настаивать на своем. Завязался спор, во время которого француз ушел прочь. Ночь он провел, как слышал Мэлори, у одной женщины, считавшей, что столь непревзойденный фехтовальщик должен и любовником быть непревзойденным. По ее словам, он оправдал ожидания, хотя оказался, пожалуй, чересчур привержен тому способу любви, который, по общему мнению, достиг высот — или, скорее, бездн — во Франции. Мэлори охватило отвращение. Но позднее в тот же день де Бержерак пришел, чтобы извиниться за свою неблагодарность по отношению к тому, кто спас ему жизнь.

— Я не должен был насмехаться над вами, мой спаситель, принявший меня под свой кров. Приношу вам тысячу извинений, надеясь получить взамен одно прощение.

— Я вам прощаю,— искренне сказал Мэлори.— И хотя вы отвергали нашу церковь на Земле и кощунственно высказывались о Боге — возможно, сегодня вы не откажетесь посетить вечернюю мессу за упокой души ваших товарищей?

— Это самое меньшее, что я могу сделать,— сказал де Бержерак.

Во время службы он обливался слезами так, что потом Мэлори, пользуясь возвышенным настроем Бержерака, спросил его, не хочет ли тот вернуться к Богу.

— Я, пожалуй, никогда и не покидал его, если он существует,— ответил француз.— Я оплакивал тех, кого любил на борту «Парсеваля», и тех, кого уважал, хотя и не любил. Я плакал от злости на Торна — или как его там зовут по-настоящему? А еще я плакал оттого, что столько мужчин и женщин еще так невежественны и суеверны, что верят во всю эту чушь.

— Вы говорите о мессе? — ледяным тоном осведомился Мэлори.

— Да, уж простите мне и эту вину! — крикнул де Бержерак.

— Не прощу, пока вы искренне не покаетесь и не принесете свое покаяние Богу, которого столь тяжко оскорбили.

— Quelle merde!* — сказал Бержерак, но тут же обнял Мэлори и расцеловал его в обе щеки.— Как я хотел бы, чтобы то, во что вы верите, было правдой! Но будь это так, как мог бы я простить Бога.

Он простился с Мэлори, сказав, что они, быть может, больше никогда не увидятся. Завтра поутру он отправляется вверх по Реке. Мэлори заподозрил, что для этого Бержераку придется украсть лодку — так оно и оказалось.

Потом Мэлори часто думал о человеке, выпрыгнувшем из горящего дирижабля, о человеке, побывавшем в башне, о которой говорили многие, но которую не видел никто, кроме француза и его спутников. Или, если верить рассказу Бержерака, кроме них, кучки древних египтян и одного лохматого получеловека.

Не прошло и трех лет, как мимо прошел второй огромный корабль. Он был даже больше «Рекса», богаче его, быстрее, лучше оснащен и вооружен. Но назывался он не «Марк Твен». Его капитан, американец Сэмюэль Клеменс, переименовал корабль, назвав его «Внаем не сдается».

Капитан, очевидно, слышал, что король Иоанн назвал свой корабль, бывший «Внаем не сдается», «Рекс грандиссимус». Поэтому Клеменс взял старое название, торжественно написав его на борту.

* Экое дерьмо! *(фр.)*

Пароход остановился, чтобы подзарядить свой батацитор и граали. Мэлори не представилось случая поговорить с капитаном, но он видел и его, и его удивительного стража. Джо Миллер и правда был великаном десятифутового роста и весил восемьсот фунтов. Но он был не столь косматый, как представлялось Мэлори по рассказам. Он оказался не более волосатым, чем многие известные Мэлори мужчины, хотя у Джо волосы были длиннее. Челюсти у него действительно выдавались вперед, а нос был точно у обезьяны-носача и походил на здоровенный огурец. Однако вид у великана был разумный.

Глава 4

Преследователь двигался по Реке.

До полудня оставался час. Через час легендарный пароход бросит якорь, и толстенный алюминиевый кабель с медным наконечником соединит батацитор судна с питающим камнем на берегу. Мощный импульс энергии, который поступит на камень, подзарядит батацитор, а граали, расставленные на медной пластине на борту корабля, наполнятся пищей, спиртным и прочим.

Пароход был весь белый, только над четырьмя колесными кожухами крупными черными буквами значилось: «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». Ниже помельче: «Капитан Сэмюэль Клеменс». Ниже еще мельче: «Владельцы “Мстители, Инкорпорейтед”».

Над рубкой развевался голубой флаг с алым фениксом.

Такой же флаг был поднят на кормовом флагштоке, наклоненном под углом сорок пять градусов с кормы нижней палубы.

В длину пароход Сэма насчитывал пятьсот пятьдесят футов восемь дюймов. В ширину между колесными кожухами — сто пятнадцать футов. Осадка при полной нагрузке составляла восемнадцать футов.

На пароходе было пять палуб. На нижней, «А», или котельной, размещались разные склады, огромный батацитор, чья шахта уходила вверх на следующую палубу, четыре электромотора, приводящие в движение колеса, и огромный котел.

Батацитор представлял собой громадный аппарат пятидесяти футов в ширину и сорока трех в высоту. Один из инженеров Сэма утверждал, что это изобретение относится к концу двадцатого века. Поскольку этот инженер якобы жил после 1983 года, Сэм подозревал в нем агента. (Инженер давно уже умер.)

Батацитор (батарея-конденсатор) мог принять высоковольтный разряд питающего камня за секунду и распределить всю энергию за секунду или меньше, если требовалось. Он служил источником энергии для четырех мощных электродвигателей и прочих систем корабля, включая кондиционирование воздуха.

Подогреваемый электричеством котел шестидесяти футов диаметром и тридцать высотой снабжал горячей водой душевые, отапливал каюты, обеспечивал производство спирта, приводил в действие паровые пулеметы и самолетные катапульты, подавая сжатый воздух к пушке, озвучивал свистки и поставлял бутафорию для обеих дымовых труб. Трубы назывались дымовыми по старинке — на самом деле из них выходил пар, окрашенный под дым, и то когда Сэму приходила охота устроить представление.

В задней части котельной палубы на уровне воды находился большой люк для двух катеров и торпедоносца.

На следующей палубе, «Б», были устроены по бокам крытые проходы, и она называлась прогулочной.

На пароходах, которые в молодости водил по Миссисипи Сэм, как раз нижняя палуба называлась главной, а та, что над ней,— котельной.

Но поскольку на «Внаем не сдается» котел помещался на нижней палубе, Сэм соответственно назвал и ее. А вторую палубу стал именовать главной. Сначала это путало его помощников, привыкших к земной терминологии, но потом они привыкли.

Иногда, если пароход становился на якорь в мирной местности, Сэм отпускал команду на берег (кроме вахтенных, разумеется). И устраивал экскурсию для местных высокопоставленных лиц. Одетый в белый китель из рыбьей кожи, длинный белый килт, белые, до колен, сапоги, в белой капитанской фуражке, он проводил своих гостей по судну сверху донизу. При этом, разумеется, он и несколько десантников не спускали с экскурсантов глаз, поскольку на «Внаем не сдается» имелось немало соблазнов для сухопутной публики.

Попыхивая сигарой между фразами, Сэм объяснял все — или почти все — любопытным визитерам.

Закончив осмотр нижней, котельной, палубы, Сэм вел их наверх на главную палубу, «Б».

— Моряки назвали бы эти ступеньки трапом,— говорил он.— Но поскольку почти вся моя команда состоит из сухопутных крыс и у нас имеется несколько настоящих трапов, то я решил: пусть лестницы так и зовутся лестницами. В конце концов, они состоят из ступенек, а не из перекладин. По той же причине я постановил, невзирая на яростные протесты ветеранов флота, именовать стены не переборками, а стенами. Однако разницу между обычной дверью и люком я оставил. Люк — это толстая, водо- и воздухонепроницаемая дверь, которая задраивается с помощью рычажного механизма.

— А что это за орудие? — спрашивал кто-нибудь из туристов, показывая на длинную дюралюминиевую трубу, похожую на пушку и стоящую на лафете. С казенной части в нее входили широкие пластмассовые трубки.

— Это паровой пулемет восьмидесятого калибра. Его сложный механизм позволяет выбрасывать на большой скорости поток пластмассовых пуль, поступающих снизу. Движущей силой служит пар из котла.

Однажды некто, побывавший на «Рексе», сказал:

— У короля Иоанна есть несколько паровых пулеметов семьдесят пятого калибра.

— Да. Я сам их проектировал. Но этот сукин сын увел у меня пароход, и я, когда строил новый, установил более мощные пулеметы.

Сэм показывал гостям окна (не иллюминаторы, а именно окна) вдоль крытого прохода, «который некоторые члены моей команды с невиданной наглостью и неслыханным бесстыдством называют коридором, за моей спиной разумеется».

Он показывал туристам каюты, поражая их удобствами и роскошью.

— У нас здесь сто двадцать восемь кают, каждая рассчитана на двоих. Обратите внимание на медную откидную койку. Оцените фаянсовые унитазы, душевую с горячей и холодной водой, умывальник с латунной арматурой, зеркала в латунных рамах, дубовые письменные столы. Шкафы не очень велики, но мы ведь не возим с собой большой запас одежды. Обратите также внимание на оружейную стойку, где можно держать пистолеты, винтовки, копья, мечи и луки. Ковры на полу сделаны из человеческих волос. А поглядите-ка на стенную роспись. Это все оригиналы кисти Мотонобу, жившего с тысяча четыреста семьдесят шестого по тысяча пятьсот пятьдесят девятый год, великого японского художника, основавшего живописный стиль «кано».

А в соседней каюте имеются картины Зевсиса из Гераклеи. Их десять. Собственно говоря, это каюта самого Зевсиса. Он, как вам известно, а может, и неизвестно, был великим художником

пятого века до нашей эры, уроженцем Гераклеи, греческой колонии в Южной Италии. О нем говорили, что он выписывает виноградную кисть так похоже, что птицы слетаются ее клевать. Зевсис не подтверждает этого, но и не отрицает. Я лично предпочитаю фотографии, но и в моей каюте есть картины. Одну написал Питер де Хох, голландский художник семнадцатого века. Другую — итальянец Джованни Фаттори, тысяча восемсот двадцать пятый — тысяча девятьсот восьмой годы. Бедняга. Это была, очевидно, его последняя работа, так как он упал за борт во время вечеринки и колесо размололо его на куски. Даже если его воскресили, что маловероятно, он нигде не сможет найти краски — они имеются только здесь и на «Рексе».

Потом Сэм вел всех вдоль прогулочной палубы на нос, к установленной там 88-миллиметровой пушке. Она еще не опробована в деле, говорил Сэм, и запас пороха пора уже менять.

— Зато, когда мы нагоним «Рекса», подлый Иоанн взлетит на воздух.

На променаде находились еще и ракетные батареи — самонаводящиеся снаряды стреляли на полторы мили, а их боеголовки из пластиковой взрывчатки весили сорок фунтов.

— Если пушки подведут, ракеты точно разнесут его задницу.

Одна из туристок была хорошо знакома с книгами Клеменса и биографическими трудами о нем. Она тихо сказала своему спутнику:

— Никогда бы не подумала, что Марк Твен такой кровожадный.

— Сударыня,— сказал Сэм, услышавший эти слова,— я вовсе не кровожаден! Я самый мирный человек на свете! Я не выношу насилия, и при мысли о войне у меня все нутро переворачивается. Если вы читали мои очерки о войне и о тех, кому она по вкусу, вы должны это знать.

Но эту ситуацию, как и многие другие, мне просто навязали. Чтобы выжить, приходится лгать лжецам, обманывать обманщиков и убивать убийц, пока они не убили тебя! Для меня это лишь вынужденная, хотя и оправданная, необходимость. Что бы сделали вы, если бы король Иоанн увел у вас пароход — и это после того, как вы годами разыскивали железо и прочие металлы, чтобы осуществить свою мечту! А потом годами сражались с теми, кто хотел отнять у вас вашу находку, и вас со всех сторон подстерегали убийство и измена! Как бы вы поступили, если бы Иоанн убил ваших близких друзей, вашу жену и ушел, оставив вас в дураках? Позволили бы вы, чтобы это сошло ему с рук? Думаю, что нет, если в вас есть хоть капля мужества.

— Мне отмщение, и аз воздам, сказал Господь,— заметил мужчина.

— Да. Возможно. Но если Господь существует и как-то осуществляет свою месть, как он может делать это без участия людей? Слыхали вы, чтобы злодеев поражала молния? Ну, бывает иногда. Однако молния поражает ежегодно и тысячи невинных. Нет уж, Господь вынужден использовать простых смертных в качестве своих орудий, а кто больше годится на это, чем я? Из кого еще обстоятельства выковали столь острое и пригодное для дела Господня оружие?

Сэм так расстроился, что пришлось послать десантника в большой салон за четырьмя унциями бурбона ради успокоения нервов.

Еще до того, как прибыло виски, кто-то из туристов пробурчал:

— Чушь собачья!

— Выкиньте его с парохода! — крикнул Сэм.

Так и сделали.

— Какой вы сердитый,— сказала его читательница.

— Да, мэм, я сердит. И есть отчего. Я был сердит на Земле, сержусь и здесь.

Десантник принес Сэму виски. Тот мигом выпил порцию и продолжал экскурсию, вновь обретя хорошее настроение.

Он повел группу по широкой лестнице в большой салон. Они остановились у входа, и послышались охи и ахи. Салон имел двести футов в длину, пятьдесят в ширину и двадцать в высоту. На потолке висели в ряд пять огромных хрустальных люстр. Салон кроме множества окон освещали потолочные и настенные светильники, а также торшеры из фасонно отлитой меди.

В дальнем конце была сцена — на ней, пояснил Клеменс, ставились спектакли или помещался оркестр. Имелся там и большой экран, который опускали, когда показывали кино.

— Химически обработанную пленку мы не применяем,— говорил Сэм.— У нас электронные камеры. Мы снимаем оригинальные фильмы или повторно экранизируем земную классику. Сегодня, например, будет показываться «Мальтийский сокол»*.

---

* Детективный роман Д. Хэммета, экранизированный в Голливуде.

Из прежнего состава у нас нет никого, кроме Мэри Астор — ее настоящее имя Люсиль Лангеханке, и она играет секретаршу Сэма Спейда. В том фильме, как мне говорили, она играла не свою роль. Впрочем, вряд ли кто-то из вас понимает, о чем я толкую.

— Я понимаю,— сказала читательница Марка Твена.— А кто же играет ее прежнюю роль в вашем фильме?

— Американская актриса Элис Брэйди.

— А Сэма Спейда? Не могу себе представить в этой роли никого, кроме Хэмфри Богарта.

— Говард да Сильва, тоже американец. Настоящее его имя Говард Гольдблат, если я не ошибаюсь. Он очень благодарен за то, что ему дали эту роль, хотя и утверждает, что на Земле у него не было случая раскрыться полностью. Но он сожалеет, что его аудитория будет столь малочисленна.

— А режиссер кто? Уж не Джон ли Форд?

— Никогда о таком не слыхал. Наш режиссер — Александр Зингер.

— А я никогда не слыхала о нем.

— Возможно. Но он, кажется, в свое время был известен в голливудских кругах.

Несколько раздраженный этим ненужным, по его мнению, вмешательством, Сэм стал показывать шестидесятифутовый, из полированного дуба бар по левому борту, с выстроенными в ряд бутылками и графинами. На группу произвели большое впечатление и напитки, и хрустальные бокалы. Еще больше поразили всех четыре больших рояля. Сэм сказал, что у него на борту есть по меньшей мере десять знаменитых пианистов и пятеро композиторов. Например, Селим Пальмгрен (1878–1951), финский композитор и пианист, известный тем, что основал школу финской национальной музыки. Имеется также Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (1525–1594), автор знаменитых мадригалов и мотетов.

— Раньше с нами плавал Амадей Моцарт,— сказал Сэм.— Он действительно великий композитор, некоторые считают — величайший из всех. Однако он оказался таким скверным человечишкой, таким ябедой, распутником и трусом, что я выкинул его с корабля.

— Моцарт? — сказала все та же женщина.— Боже мой, Моцарт! Вы просто скотина — как вы посмели так поступить с замечательным композитором, с гением, с божеством?

— Мэм, поверьте мне, он сам меня до этого довел. Если вам не нравится мое поведение, можете уйти. Десантник проводит вас на берег.

— Хреновый из вас джентльмен.

— Как сказать.

Глава 5

Группа шла вдоль прохода к носу мимо дверей кают. Последней справа была каюта Клеменса, и он показал ее туристам. Их удивленные и восторженные возгласы доставляли ему удовольствие. Наискосок, сказал он, живет его телохранитель Джо Миллер со своей подругой.

За капитанской каютой помещалась клетушка с лифтом, идущим на нижний из трех этажей рубки. Этот уровень назывался палубой «Е», или наблюдательным пунктом,— там стояли мягкие стулья, кресла и небольшой бар. В окнах имелись опоры для пулеметов, стреляющих пластиковыми или деревянными пулями.

Следующий этаж мостика именовался палубой «Ж», или артиллерийской палубой, поскольку там стояли четыре двадцатимиллиметровых паровых орудия. Снаряды к ним подавались через загрузочные шахты с котельной палубы.

Последняя палуба, «Ж», собственно рубка, была вдвое больше предпоследней.

— Хоть танцуй,— говорил Клеменс, ничего не имевший против преувеличений, особенно когда преувеличивал он сам.

Он представлял гостям радистов и операторов радара, первого помощника, офицера по связи и рулевого. Последним был Генри Детвейлер, француз, эмигрировавший на Средний Запад Америки в начале девятнадцатого века. Сначала он стал рулевым на речных судах, потом капитаном, а в конце концов — владельцем нескольких пароходных компаний. Умер он в Пеории, штат Иллинойс, в своем похожем на дворец особняке.

Первый помощник, Джон Байрон, был англичанин (1723–1786). Мичманом он участвовал в знаменитом кругосветном походе Энсона, но потерпел крушение у чилийского побережья. Став адмиралом, он заслужил прозвище «Джек-Ненастье», ибо его флот, выходя в море, каждый раз попадал в сильный шторм.

— А еще он приходится дедом знаменитому или печально знаменитому поэту лорду Байрону,— сказал Сэм.— Верно, адмирал?

Байрон, невысокий блондин с холодными голубыми глазами, кивнул.

— Адмирал? — удивилась женщина, все время цеплявшаяся к Клеменсу.— Но если вы капитан...

Сэм, затянувшись сигарой, ответил:

— Да, я единственный капитан на борту. Остальные у нас — от адмирала и ниже. Моими воздушными силами, которые состоят из четырех пилотов и шести механиков, командует генерал. Десантниками тоже. Последний, между прочим, служил генералом в армии Соединенных Штатов во время Гражданской войны. Он чистокровный индеец, вождь племени сенека. Зовут его Эли С. Паркер, а по-ирокезски Донехогава, что означает Хранитель Западных Ворот. Он получил хорошее образование и на Земле был инженером-строителем. В Гражданскую войну он состоял при штабе генерала Улисса С. Гранта.

Дальше Сэм показал, как управляется судно. Рулевой сидит в кресле, по обеим сторонам которого из пола торчат металлические рычаги. Эти рычаги регулируют задний или передний ход колес, а также скорость их вращения. Впереди, на контрольной панели, имеется множество приборов, среди них несколько генераторов колебаний.

— Вот это сонароскоп. С его помощью рулевой определяет глубину Реки, расстояние от берега и следит, нет ли в воде крупных, представляющих опасность предметов. Когда рулевой включает автоматическое управление — вот этот диск,— ему только и дел остается, что следить за сонароскопом да наблюдать за берегами. Если автоматика вдруг откажет, можно включить запасную систему и в это время наладить основную.

— Выходит, управлять пароходом легко? — спросил кто-то из мужчин.

— В общем, да. Но только опытный рулевой способен справиться с непредвиденными трудностями, вот почему почти все они — ветераны-речники с Миссисипи.

Сэм обратил общее внимание на то, что рубка находится в девяноста футах над поверхностью Реки, а также на то, что мостик, в отличие от земных судов, расположен по правому борту, а не в центре палубы.

— От этого «Внаем не сдается» еще больше походит на авианосец.

Гости наблюдали, как тренируются десантники на летной палубе и как множество мужчин и женщин практикуются в боевых

искусствах: борьбе на мечах, копьях, ножах, топорах, в стрельбе из лука.

— Каждый член команды, включая меня, обязан владеть всеми видами оружия. Кроме того, каждый должен уметь заменить любого другого. Их всех обучают электротехнике, электронике, слесарному делу, умению командовать и править судном. Половина команды научилась играть на фортепиано или на других инструментах. На этом судне больше людей, владеющих множеством профессий и ремесел, чем где-либо еще на планете.

— А капитаном тоже бывают все по очереди? — спросила надоедливая женщина.

— Нет. Это единственное исключение,— ответил Сэм, хмуря густые брови.— Всем свою голову не приделаешь.

Он нажал одну из кнопок на панели. Завыли сирены, и Джон Байрон велел офицеру по связи отдать через селектор команду «Мостки готовь». Сэм перешел на правый борт, пригласив с собой туристов. Те ахнули, увидев длинные и толстые металлические брусья, выдвинувшиеся из трех нижних палуб.

— Если мы не сумеем потопить «Рекс»,— сказал Клеменс,— то перейдем на него вот по этим мосткам.

— Прекрасно,— сказала женщина.— Но ведь команда «Рекса» тоже может перейти к вам на борт по своим мосткам.

Голубовато-зеленые глаза Сэма сверкнули над ястребиным носом.

Однако другие туристы были так изумлены и так трепетали, что Сэм напыжился, словно индюк. Он всегда восхищался разными механическими штучками и любил, когда другие разделяли его энтузиазм. На Земле он обанкротился как раз из-за своего интереса к новомодной технике, вложив средства в неоправдавшую себя буквопечатающую машину Пейджа. Женщина не унималась:

— Что вы скажете о железе, алюминии и прочих металлах? Эта планета крайне бедна минералами. Где вы их взяли?

— Случилось так,— начал Сэм, довольный, что может похвастаться своими подвигами,— что в долину упал гигантский никелево-железный метеорит. Помните, как много лет назад все питающие камни на правом берегу вдруг отказали? Именно падение метеорита прервало подачу энергии. Как вам известно, через сутки подача возобновилась. И вот...

— Но кто ее восстановил? — спросил турист.— Я слышал разное, но...

— Я находился, можно сказать, по соседству,— продолжал Сэм.— Разлив Реки и взрывная волна чуть было не погубили меня и моих спутников.

Сказав это, он мысленно поморщился — не потому, что едва избежал тогда гибели, а потому, что вспомнил, как поступил потом с одним из этих спутников — с Эриком Кровавым Топором.

— Поэтому я могу засвидетельствовать тот потрясающий, но непреложный факт, что не только энерголиния восстановилась за одну ночь, но и пострадавшая от взрыва почва. Трава, деревья, вывороченная земля — все вернулось на место.

— Но кто это сделал?

— Должно быть, те, кто создал эту долину и воскресил нас. Я слышал, будто они люди, такие же, как мы, земляне, пришедшие из далекого будущего. Однако...

— Нет, они не люди,— сказал турист.— Определенно нет. Все это создал Бог.

— Если вы так хорошо с ним знакомы,— сказал Клеменс,— дайте мне его адрес. Я хотел бы ему написать. Мы были первыми,— продолжал он,— кто добрался до места падения метеорита. Воронка — наверное, не менее широкая и глубокая, чем знаменитый аризонский кратер,— была уже засыпана, но мы застолбили участок и начали копать. Чуть позже мы узнали, что в одном государстве ниже по Реке имеются большие залежи бокситов и криолитов. Однако тамошнее население не имело орудий для их добычи и последующей переплавки. Мы же в Пароландо получили возможность выплавлять алюминий после того, как изготовили железные орудия. То государство, Душевный Город, напало на нас, чтобы отнять у нас железо. Мы побили их и забрали бокситы и криолиты. Выяснилось также, что в кое-каких относительно ближних странах есть залежи меди и олова, равно как ванадия и вольфрама. Мы обменяли свои железные изделия на эти металлы.

Женщина, нахмурясь, сказала:

— Не странно ли, что в этом районе оказалось столько металлов, в то время как в других почти ничего нету? И вероятно, просто так совпало, что вы, разыскивая эти металлы, оказались рядом с упавшим метеоритом?

— Может, это Бог направил меня туда,— ехидно ответил Сэм.

Нет, не Бог, сказал он про себя. А Таинственный Незнакомец, этик, назвавшийся Иксом, который еще несколько тысяч

лет назад расположил месторождения именно в этом районе. И который направил туда метеорит.

С какой целью? Чтобы Сэм построил корабль, обзавелся оружием и поднялся вверх по Реке миллионов на десять миль, до самого моря. И добрался до башни, что высится среди полярных туманов.

И что же потом?

Сэм не знал. Предполагалось, что этик придет к нему еще раз — ночью, во время грозы, как приходил всегда. Должно быть, он предпочитал грозу потому, что разряды молний мешали тонким приборам этиков выследить ренегата. Этик должен был дать Сэму дальнейшие указания. Тем временем другие выбранные Иксом бойцы должны были отыскать Сэма, чтобы отправиться вверх по Реке на его корабле.

Но все получилось не так, как было задумано.

Сэм больше ни разу не видел Таинственного Незнакомца и не слышал о нем. Сэм построил свой корабль, но его компаньон, король Иоанн Безземельный, угнал пароход. А несколько лет спустя прекратились «малые воскрешения», или «переносы», и жители долины вновь стали умирать бесповоротно.

Что-то случилось с обитателями башни, с этиками. И с Таинственным Незнакомцем, как видно, тоже.

Но он, Клеменс, все равно плывет к истокам Реки, чтобы попытаться проникнуть в башню. Теперь он уже знает, как трудно будет преодолеть горы, опоясывающие море. Джо Миллер, титан-троп, видел башню с карниза неприступного кряжа, когда сопровождал фараона Эхнатона. Еще Джо видел, как на вершину башни садилась какая-то гигантская воздушная машина. Потом Джо споткнулся о грааль, оставленный каким-то неведомым предшественником, упал и разбился насмерть. Воскреснув где-то в долине, он встретил Сэма и рассказал ему свою невероятную историю.

— А что это за дирижабль, о котором ходило столько слухов? — спросила женщина.— Почему вы не отправились на нем вместо парохода? Тогда вы могли бы добраться до истоков за несколько дней, а не за тридцать—сорок лет.

На эту тему Сэм не любил говорить. Правда заключалась в том, что никто даже не подумал о воздушном корабле до тех пор, когда «Внаем не сдается» был уже готов к отплытию. А вот тогда к Сэму явился немецкий инженер фон Парсеваль и спросил, почему Сэм не построил воздушный корабль вместо водного.

Главный инженер Клеменса, Милтон Фаербрасс, бывший астронавт, загорелся новой идеей, остался с Парсевалем и построил-таки дирижабль. Он поддерживал радиосвязь с пароходом и, долетев до башни, сообщил, что ее высота — чуть больше мили, а диаметр — миль десять. «Парсеваль» сел на ее вершину, но лишь один из команды, японец-суфи, называвший себя Пискатором (он летал прежде на малом дирижабле), сумел пройти внутрь. Другим помешала некая незримая, но ощутимая сила. Еще до этого офицер по имени Барри Торн заложил бомбу в вертолет, в котором Фаербрасс с несколькими людьми летел на пробную посадку, Торн взорвал бомбу по радио, а потом улетел с дирижабля на другом вертолете. Но его тоже ранило, и вертолет разбился об основание башни.

Торна доставили обратно на дирижабль и допросили. Он отказался отвечать, но был заметно поражен, узнав, что Пискатор прошел в башню.

Клеменс подозревал, что Торн либо этик, либо один из помощников этиков, или агент, как называли таких людей рекруты Икса.

В том же Клеменс подозревал и Фаербрасса. Возможно, что и женщина, Анна Обренова, погибшая при взрыве вертолета, тоже была либо этиком, либо агентом.

Сэм на основании доступных ему фактов пришел к выводу, что давным-давно в долине почему-то осталось некоторое количество агентов и, возможно, несколько этиков. Икс, вероятно,— один из них.

А значит, агенты и этики стараются добраться до башни тем же образом, что и жители долины. И на его корабле, возможно, тоже есть агенты или этики, или те и другие. Как и на «Рексе».

Почему этики и агенты не сумели вернуться в башню воздушным путем, Сэм не знал.

Он считал, что всякий, кто утверждает, что жил после 1983 года, относится к числу создателей мира Реки. Вся история после 1983 года, по его мнению, была ложной — это только код, по которому посвященные распознают друг друга.

Возможно, они уже догадались, что рекруты Икса раскусили этот их код, и больше не станут к нему прибегать.

— Дирижабль предназначался для разведывательных целей,— пояснил женщине Клеменс,— для съемки местности. Однако его капитан имел приказ проникнуть в башню, если представится возможность. Затем он должен был вернуться к пароходу и захватить с собой меня и еще нескольких человек. Но войти туда не смог никто, кроме философа-суфи Пискатора, да и тот оттуда уже не вышел. На обратном пути капитан, женщина по имени Джилл Галбирра, взявшая на себя командование после гибели Фаербрасса, выслала на вертолете десант против «Рекса». Король Иоанн был взят в плен, но бежал, спрыгнув с вертолета. Не знаю, остался он в живых или нет. Вертолет вернулся на «Парсеваль», продолжавший полет к нашему пароходу. Затем Галбирра сообщила, что ею замечен большой воздушный шар, и направилась к нему, но тут Торн снова вырвался на волю и похитил вертолет. Галбирра, подозревая, что он оставил на борту бомбу, организовала поиски. Бомбу не нашли, но Галбирра не могла успокоиться и повела дирижабль вниз, желая на всякий случай высадить команду. Потом она сообщила, что произошел взрыв, и больше мы о «Парсевале» ничего не слышали.

— Ходят слухи,— сказала женщина,— что он разбился выше по Реке за много тысяч миль отсюда. Спасся только один человек.

— Только один? Боже, кто же он? Или она?

— Имени его я не знаю, но слышала, что он француз.

Сэм застонал. На дирижабле был только один француз, Сирано де Бержерак, в которого была влюблена жена Сэма. Его одного из всей команды Сэм не стал бы оплакивать.

Глава 6

День клонился к вечеру, когда Сэм увидел создание еще чуднее Джо Миллера. Джо был хотя бы человеком, этот же явно родился не на Земле.

Сэм сразу сообразил, что незнакомец относится к небольшой группе выходцев из созвездия тау-Кита. Информатор Сэма, покойный барон Джон де Грейсток, знавал одного из них. По словам барона, в начале двадцать первого века на околоземной орбите появился небольшой тау-китянский корабль — пришельцы выслали его перед посадкой большого звездолета. Инопланетянам оказали теплый прием, но затем один из них, Монат, заявил, выступая по телевидению, что таукитяне способны продлевать свою жизнь до нескольких сот лет. Земляне потребовали, чтобы пришельцы поделились этой наукой с ними. Когда тауки-

тяне отказались, мотивируя это тем, что долголетие ничего, кроме зла, землянам не принесет, людские толпы линчевали почти всех инопланетян и захватили их космический корабль. Монат с большим сожалением включил сканер на спутнике, и ударивший оттуда луч истребил почти все человечество. Так, по крайней мере, полагал Монат. Сам он не видел последствий своего поступка. Толпа и его растерзала на части.

К лучам смерти он прибег, потому что боялся, что земляне используют захваченный корабль для постройки новых, а потом отправятся на родную планету Моната, навяжут ей войну и, возможно, перебьют всех ее жителей. Он не знал, произойдет это или нет, но предпочел не рисковать.

Сейчас таукитянин стоял в узком челноке, который в любой момент мог перевернуться, и отчаянно махал руками в сторону парохода, прося, как видно, чтобы его взяли на борт. Многие просились, подумал Сэм, но мало кому это удавалось. Однако таких еще не было — ишь какое двуногое чудо: не то человек, не то птица. Сэм приказал рулевому описать круг и подойти к челноку.

Любопытствующая команда столпилась в крытом проходе, а таукитянин влез по короткому трапу на котельную палубу. За ним следовал его спутник, обыкновенный человек. Челнок отнесло течением на радость тому, кто первый его заметит.

Двое десантников и сам генерал Эли С. Паркер сопроводили обоих в рубку. Сэм пожал им руки, представился, говоря на эсперанто, и представил своих помощников. Настала очередь незнакомцев.

— Я Монат Грраутут,— глубоким низким голосом сказал двуногий.

— Мать честная! — воскликнул Сэм.— Тот самый!

Монат улыбнулся, показав вполне человеческие зубы.

— Значит, вы слышали обо мне.

— Вы единственный таукитянин, кого я знаю по имени. Я годами обшаривал берега в поисках кого-нибудь из вас и ни разу в глаза ни одного не видел. И вдруг на тебе — сам Монат!

— Я не с тау-Кита. Высадившись на Земле, мы дали неверную информацию. На самом деле я с одной из планет Арктура. Мы обманули землян, опасаясь, что они окажутся воинственными и...

— Правильная мысль. Хотя потом вы, пожалуй, разделались с ними несколько круто. Но почему вы продолжали твердить,

что явились с тау-Кита, когда, помимо своей воли, воскресли здесь?

Монат пожал плечами. Совсем как человек, подумал Сэм.

— По привычке, я полагаю. Притом мне хотелось убедиться, что земляне больше не представляют опасности для моего народа.

— Я вас не упрекаю.

— Когда я в этом удостоверился, то начал говорить правду.

— Ясно,— засмеялся Сэм.— Вот сигары, угощайтесь оба.

Ростом Монат был шесть футов восемь дюймов, тощий и розовокожий. Килт, его единственная одежда, позволял рассмотреть почти все тело, но скрывал то, что для некоторых было интереснее всего. Грейсток говорил, что член инопланетянина может сойти за человеческий и обрезан как у всех мужчин их мира. Зато мошонка представляет собой узловатый мешочек, набитый множеством мелких яичек.

Лицом инопланетянин тоже напоминал человека. Бритый череп, очень высокий лоб, ниже густые, черные, курчавые брови спускаются до сильно выступающих скул. Глаза темно-карие. Нос красивее, чем у многих людей. Только ноздри обрамляет тонкая перепончатая оборка длиной в одну шестнадцатую дюйма, а заканчивается нос толстым хрящом с вмятиной посередке. Губы как у собаки — тонкие и черные. Раковина лишенного мочки уха абсолютно не похожа на человеческую.

На руках по четыре пальца, включая длинный большой, и на ногах тоже.

Ну что ж, в забегаловке от такого никто бы не шарахался, подумал Сэм. И в конгрессе тоже.

Сопровождал Моната американец, родившийся в 1918 году и почивший в 2008-м, когда тау-китянский или арктурианский луч очистил Землю от всего живого. Звали его Питер Джейрус Фрайгейт, ростом шесть футов, крепкого сложения, с черными волосами, зелеными глазами и в фас не лишенный привлекательности — в профиль его портил слишком маленький подбородок. Как и Монат, он имел при себе грааль и сверток с пожитками, а также каменный нож, топор, лук и колчан со стрелами.

Сэм сильно сомневался, что Монат сказал правду о месте, откуда он прибыл, и что Фрайгейт назвался своим настоящим именем. Сэм сомневался во всех, кто утверждал, что жил после 1983 года. Однако он не собирался ничего говорить на этот счет, пока не познакомится с двумя пришельцами получше.

Когда они выпили по бокалу, Сэм лично проводил их в офицерскую каюту рядом со своей.

— Мне как раз не хватает трех человек до комплекта,— сказал он.— Есть свободная каюта на котельной палубе, но там не слишком удобно, поэтому я переведу двух младших офицеров отсюда вниз, а вы займете эту.

Мужчина и женщина, занимавшие каюту, не слишком обрадовались такому приказу, но подчинились беспрекословно.

Вечером новоприбывшие ужинали за капитанским столом, ели с фарфоровых тарелок, расписанных древнекитайским художником, и пили из резных хрустальных кубков. Столовые приборы были из серебряного сплава.

Сэм и все остальные, включая гиганта Джо Миллера, внимательно слушали рассказы новичков об их приключениях в мире Реки. Услышав, что они совершили длинное путешествие с Ричардом Фрэнсисом Бёртоном, знаменитым исследователем девятнадцатого века, лингвистом, переводчиком и писателем, Сэм испытал потрясение. Этик говорил ему, что завербовал также и Бёртона.

— Не знаете, где он сейчас? — спокойно спросил Сэм.

— Нет,— ответил Монат.— Мы потеряли его во время боя и потом не нашли, хотя и искали.

Сэм велел Джо Миллеру рассказать о египетской экспедиции. Капитану уже наскучила роль вежливого слушателя и хозяина. Он любил сам руководить беседой, но ему хотелось посмотреть, какое впечатление произведет рассказ Миллера на этих двоих. Когда Джо закончил, Монат сказал:

— Так! Значит, в полярном море действительно есть башня!

— А я что говорю, черт возьми,— подтвердил Джо.

Сэм собирался выждать еще неделю и послушать, что еще эти двое скажут о себе. А там он подвергнет их куда более строгому допросу.

Через два дня, когда в полдень пароход бросил якорь у правого берега для подзарядки, питающие камни остались немы, и разряда энергии не последовало.

— С нами крестная сила! — сказал Сэм.— Опять метеорит, что ли?

По-настоящему он не считал, что авария произошла по этой причине. Этик говорил ему, что в космосе установлены отражатели метеоритов и тот, единственный, проскочил только потому, что он, Икс, в нужный момент отключил защиту. Отражатели должны и сейчас плавать в космосе, выполняя свою задачу.

Но если авария случилась не из-за метеорита, то из-за чего же тогда?

Новая неисправность в системе этиков? Раз люди больше не воскресают, значит, что-то разладилось в механизме, преобразующем тепло планетарного ядра в энергию, снабжающую питающие камни. Хорошо еще, что камни соединены параллельно, а не последовательно. Иначе голод бы настал повсюду, не только на правом берегу.

Сэм немедленно распорядился следовать дальше. Ближе к сумеркам пароход остановился у левого берега, но местные жители, как и следовало ожидать, не разрешили воспользоваться их камнем. Произошло кровавое побоище, от которого Сэму стало дурно. Фрайгейт в числе других погиб от маленькой ракеты, пущенной с берега.

Потом отчаявшиеся жители правого берега вторглись на левый. Они прибывали толпами, и остановить их было невозможно, пока с обеих сторон не перебили столько народу, что освободилось место для граалей оставшихся в живых.

Сэм отдал приказ к отплытию не раньше, чем трупы перестали загромождать Реку. Несколько дней спустя он сделал долгую остановку, чтобы восполнить потери, понесенные в бою.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА БОРТУ «РЕКСА»: НИТЬ РАЗУМА

Глава 7

Это Логу и Алиса помогли Бёртону и остальным попасть на корабль короля Иоанна.

Их отряд добрался вверх по Реке до места, где «Рекс» сделал стоянку, чтобы дать команде отдохнуть и произвести ремонт. Народу туда сбежалось видимо-невидимо — кто хотел поглазеть вблизи на большой корабль, кто лелеял честолюбивые замыслы записаться в команду. Имелось несколько вакансий — по слухам, после того, как капитан чересчур сурово покарал шестерых человек, пренебрегавших своими обязанностями. Однако заменять их он не спешил.

Король Иоанн сходил на берег в окружении двенадцати десантников. Но ни для кого не было тайной, что король не пропускает красивых женщин. И Логу, необычайно красивая белокурая тохарка*, прогулялась перед ним в одной коротенькой юбочке. Иоанн велел охране остановиться и заговорил с Логу. Очень скоро он уже пригласил ее осмотреть пароход, намекнув при этом, что капитанская каюта — наиболее интересный предмет для осмотра и осматривать ее следует только вдвоем.

Логу засмеялась и сказала, что охотно поднимется на борт, но только вместе со своими друзьями. Что же до свидания с глазу на глаз, то она подумает, но не даст окончательного ответа, пока не увидит все судно.

* Тохары — полуоседлая народность, обитавшая в Средней Азии и ассимилировавшаяся в XI веке. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Король Иоанн огорчился, но потом рассмеялся и пообещал показать Логу то, что другим обычно не показывает. Логу была неглупа и догадалась, что он имеет в виду,— но она знала, что им до зарезу нужно попасть на «Рекс».

Тогда Алису, Бёртона, Казза и Бесст тоже пригласили на экскурсию.

Бёртон весь кипел, не желая получать доступ к Иоанну ценой легкомысленного поведения Логу. Однако иного пути не было. Предыдущие заявления Бёртона о том, что он найдет способ пробраться на борт, несмотря на все препятствия, так и остались словами, не воплотившись в дела.

Если Бёртону хотелось хоть как-то зацепиться на «Рексе», ничего другого не оставалось.

Поэтому Логу прибегла к старой как мир, но по-прежнему эффективной уловке. Не говоря ничего прямо, она дала понять, что, возможно, и ляжет с Иоанном в постель. Бёртону это не понравилось. Он чувствовал себя сутенером, и его злило, что женщина сумела добиться того, чего не смог он. Однако он терзался все же меньше, чем терзался бы на Земле и даже здесь некоторое время назад. В этом мире он хорошо усвоил, на что способна женщина, освобожденная от оков и условностей земного общества. Он ведь сам писал когда-то: «Женщина повсюду в мире есть то, чем позволяет ей быть мужчина». Если это было истиной в викторианские времена, то теперь уже устарело.

По пути на пароход Логу представила всех остальных. Все, кроме Бёртона, назвались настоящими именами. Бёртон решил на сей раз не прибегать к своей старой полуарабской, полуафганской личине и не называться ни Мирзой Абдуллой Бушири, ни Абдулхасаном, ни прочими именами, которыми пользовался и на Земле, и здесь. Теперь, по причине, которую он не объяснил своим спутникам, Бёртон предстал Гвалхгвинном, древним валлийцем, жившим во времена, когда бритты старались устоять против вторгшихся к ним англов, саксов и ютов.

— Это означает «белый ястреб», ваше величество,— пояснил он.

— Да ну? Уж больно ты черен, чтобы так называться.

Неандерталец Казз пробасил:

— Он отменно владеет мечом и стреляет в цель, ваше величество. В его лице вы приобретете хорошего бойца.

— Что ж, возможно, я как-нибудь дам ему случай проявить свое мастерство,— ответил Иоанн, разглядывая Казза из-под приспущенных век.

Король, рост которого был всего пять футов четыре дюйма, рядом с неандертальцем казался высоким. Казз был приземистым и ширококостным, как все жители раннего каменного века. Квадратная голова, низкий покатый лоб, нависшие надбровные дуги, широкий расплющенный нос и торчащие вперед челюсти не делали его красавцем. Однако он не походил на тех полулюдей, какими изображались неандертальцы на иллюстрациях или на ранних скульптурных реконструкциях. Он был волосат, но не более чем волосатые представители homo sapiens.

Его подруга, Бесст, была на несколько дюймов ниже и столь же малопривлекательна.

Однако Иоанна заинтересовала эта пара. Хотя и малого роста, они обладали невероятной силой и оба могли стать хорошими воинами. А низкие лбы — не обязательно признак скудоумия, по уму неандертальцы разнятся между собой точно так же, как современные люди.

Половина команды Иоанна происходила из раннего палеолита.

Иоанн, прозванный Безземельным за то, что долго не мог войти во владение землями, на которые претендовал, приходился младшим братом королю Ричарду Львиное Сердце — монарху, которому хранил верность легендарный Робин Гуд, пока Иоанн правил Англией в качестве регента. Иоанн был широкоплеч, атлетического сложения, с тяжелым подбородком, рыжеватыми волосами, голубыми глазами и ужасным характером, хотя для средневекового короля это не диво. При жизни он заслужил себе скверную репутацию, оставшуюся за ним и после смерти, хотя он был не хуже многих королей до и после него и лучше своего брата. Летописцы, и современные, и последующие, единодушно старались его очернить. Из Иоанна сделали столь отвратительную фигуру, что ни одного принца в британской династии не называли больше Иоанном.

Ричард назначил наследником престола своего племянника, Артура Бретонского. Иоанн воспротивился этому, завязал с Артуром войну, взял его в плен и заключил в замке Фалэз, а позднее — в Руане. Затем Артур пропал без вести, и большинство современников верили, что это Иоанн убил его, а труп, привесив груз, бросил в Сену. Иоанн не отрицал и не подтверждал этих обвинений.

Следующим пятном на его биографии — хотя оно было не больше и не чернее, чем пятна на биографиях многих других монархов,— явился тот неоспоримый факт, что Иоанн уморил голодом жену и сына своего врага, барона де Браоза.

Ходило еще множество историй — и правдивых, и нет — о его дурных делах. Но прошло много веков, прежде чем объективные историки установили, что он сделал и немало доброго для Англии.

Бёртон мало что знал о жизни Иоанна в мире Реки — только то, что тот увел у Сэмюэля Клеменса пароход. И то, что говорить об этом при Иоанне было бы неразумно.

По кораблю их водил сам монарх. Он показал им почти все снизу доверху: котельную, главную, ураганную, летную и техасскую палубы; последняя соответствовала нижнему этажу двухэтажного мостика. В рубке Алиса сказала королю, что происходит по прямой линии от его сына, Джона Тощего.

— Вот как? Значит, прежде вы были принцессой или королевой?

— Нет, я даже титула не имела, хотя принадлежала к дворянству. Мой отец приходился родственником барону Равенсворту. Я родилась в тысяча восемьсот пятьдесят втором году от Рождества Христова, во времена королевы Виктории, которая тоже происходит от вас.

Король вскинул рыжие брови:

— Вы первый мой потомок, с которым я встречаюсь. И весьма пригожий, надо сказать.

— Благодарю вас, сир.

Бёртон озлился еще пуще. Уж не собирается ли Иоанн совершить акт кровосмешения, хотя их общая кровь изрядно разбавлена чужой?

Иоанн, видимо, раздумывал, зачислять их в команду или нет; отдаленное родство с Алисой решило дело. Когда все отправились в большой салон, чтобы выпить, Иоанн сказал, что они могут, если пожелают, плыть вместе с ним. Он подробно разъяснил им, в чем состоят обязанности команды в целом и каковы правила дисциплины, а после потребовал, чтобы они принесли ему вассальную клятву.

Он пока что не настаивал на том, чтобы Логу выполнила свое негласное обещание, но явно собирался. Бёртон попросил разрешения переговорить со своими спутниками. Иоанн милостиво согласился, и пятеро отошли в уголок.

— Я не против,— заявила Логу.— Может, мне даже понравится. Никогда еще не бывала под королем. И потом, у меня не было мужчины с тех пор, как этот мерзавец Фрайгейт от нас сбежал. Иоанн совсем неплох на вид, хотя и ниже меня ростом.

На Земле Алиса пришла бы в ужас. Но с тех пор она многое повидала, сильно изменилась и давно избавилась почти от всех своих викторианских предрассудков.

— Что ж, если это совершается добровольно, ничего плохого в этом нет,— рассудила она.

— А хоть бы и было,— ответила Логу.— Слишком многое поставлено на карту, чтобы жеманничать.

— Мне это не нравится,— заявил Бёртон. У него отлегло от сердца, но он не показывал виду.— Но если мы упустим этот пароход, то и на другой можем не попасть. Я бы сказал, что на «Марк Твен» нам будет пройти не менее тяжело, чем политику в царство небесное. Но если он вздумает дурно обращаться с тобой...

— Ну, я сумею за себя постоять,— сказала Логу.— Если я не швырну этого коротышку через всю каюту, значит, рука у меня уже не та. В крайнем случае заеду ему промеж ног.

Алиса изменилась не настолько сильно, чтобы не покраснеть.

— Может, он даже сделает тебя первой фавориткой,— предположил Казз.— Это все равно что королева. Слава королеве Логу!

— Меня как раз больше беспокоит его нынешняя фаворитка, чем он сам,— заметила Логу.— Иоанн, если и попытается зайти сзади, нож мне в спину не воткнет, а вот его женщина может.

— Я все равно чувствую себя последним сводником,— сознался Бёртон.

— С чего бы? Ведь я тебе не принадлежу.

Они вернулись к Иоанну и сказали, что согласны принести присягу.

Иоанн велел подать выпивку ради такого случая. И велел своему первому помощнику, здоровенному янки из второй половины двадцатого века по имени Огастес Струбвелл, вечером приготовить все для торжественной присяги.

Два дня спустя «Рекс» поднял якорь и двинулся вверх по Реке. Алису назначили сестрой милосердия к одному из корабельных

врачей, доктору Дойлу. Логу послали обучаться на рулевого — после этого она официально станет запасным рулевым второго класса. Ее обязанности будут состоять только в том, чтобы заменять кого-то из постоянных рулевых второго класса в случае надобности. У нее будет масса свободного времени, если не считать неурочных занятий в каюте Иоанна, которые король не замедлил начать. Женщина, отстраненная Логу, делала вид, что сердится, но это была неправда. Иоанн надоел ей не меньше, чем она ему.

Казза и Бёртона назначили в десант. Каззу вручили боевой топор, Бёртону — пистолет и шпагу. Бесст зачислили в лучницы.

Первой задачей Бёртона было выяснить, кто на борту якобы жил после 1983 года. Таких оказалось четверо, в том числе Струбвелл, бывший при Иоанне, когда тот уводил пароход.

Глава 8

Преподобный мистер Доджсон, более известный как Льюис Кэрролл, предпослал своей книге «Алиса в Стране чудес» стихотворный эпиграф. «Июльский полдень золотой сияет так светло» — так начинаются эти стихи, описывающие знаменитую поездку на лодке по реке Айзис, во время которой настоящая живая Алиса и подбила Доджсона записать сказку, сочиненную им по просьбе «безжалостной троицы».

В тот день, 4 июля 1862 года, золотой только в памяти, а на деле хмурый и дождливый, Доджсона, впоследствии Додо в первой книге и Белого Рыцаря из «Алисы в Зазеркалье», сопровождали: преподобный Дакворт, ставший в книге Гусем; Лорина, тринадцати лет, ставшая попугайчиком Лори; десятилетняя Алиса, Алисой и оставшаяся, и восьмилетняя Эдит, младшая сестра, ставшая орленком Эдом.

Три эти девочки были дочерьми епископа Лидделла. Буйные оксфордские студенты в своих песенках рифмовали «Лидделл» с «обидел». Доджсон в своих стихах называет девочек по возрасту: Первая, Вторая и Третья.

Теперь Алисе, стоящей посреди их с Ричардом каюты, казалось, что она и вправду всю свою земную жизнь играла роль Второй. А уж в этом мире и подавно. Ричард Бёртон полагал, что лишь немногие мужчины могут с ним сравниться, а в женщинах,

даже в своей жене — особенно в своей жене,— равных себе он не видел.

Алиса не спорила — всегда мягкая, мечтательная, погруженная в себя. Не зря же Доджсон сказал о ней:

И Алиса — только сон
Дивных, давних тех времен.
Днем, увы, не снится он.

Но даже Доджсону не снилось, насколько он был прав. Теперь Алиса живет в призрачном мире, где даже среди бела дня над горными вершинами заметно свечение звезд-гигантов. А в безлунные ночи газовые туманности и огромные звезды светят ярко, как полная луна.

Под этим вечно сияющим небом Алиса всегда была довольна и даже счастлива тем, что решения принимает Ричард. В результате им часто приходилось воевать, и Алиса, вопреки своей натуре, сражалась как амазонка. Не обладая силой Пентесилеи, она в полной мере обладала ее мужеством.

Жизнь в мире Реки была трудной, жестокой и кровавой. После смерти на Земле Алиса внезапно очнулась — нагая, с гладко выбритым телом; телу было лет двадцать пять, хотя умерла она в восемьдесят два года. Очнулась она не в комнате, где умерла — не у своей сестры Роды в Вестерхэме, графство Кент. Вокруг высились неприступные горы, ограждая речную долину. На берегах Реки, насколько хватал глаз, стояли люди — все нагие, гладко выбритые и молодые; они кричали, рыдали, истерически смеялись или молчали, пораженные ужасом.

Никого вокруг не зная, Алиса импульсивно потянулась к Бёртону. В ее граале помимо всего прочего оказалась жевательная резинка, содержащая какое-то психоделическое вещество. Пожевав ее, Алиса отдалась Бёртону, и они всю ночь предавались бурной любви, совершая то, что тогда казалось ей извращенным, и то, что казалось ей извращенным даже теперь.

Утром она испытала отвращение к себе и такое чувство, будто она себя убила. Бёртона же она возненавидела так, как никого до этого. Однако осталась с ним, полагая, что другой был бы еще хуже. Кроме того, следовало признать, что и он тогда находился под влиянием наркотика — больше он не побуждал Алису возобновить, как тогда выражалась она, их телесное знакомство. Бёртон обозначил бы это более откровенным выражением.

Со временем она полюбила его — по сути, она любила его уже в ту ночь,— и они стали жить вместе. Половину этой совместной жизни Алиса проводила в хижине одна. Бёртон был самым беспокойным мужчиной из всех, кого она знала. Он и недели не мог усидеть на одном месте. Время от времени они ссорились — зачинщиком в основном был он, но потом и Алиса перестала ему уступать. Вскоре Бёртон исчез на несколько лет и вернулся к ней с чистейшей воды небылицей, как выяснилось потом.

Алиса была больно задета, когда узнала наконец, что Бёртон столько лет скрывал от нее свою тайну. Однажды ночью его посетил некто в маске, сказавший, что принадлежит к этикам — к Совету, правящему теми, кто воскресил тридцать пять биллионов землян.

По словам неизвестного, этики оживили человечество ради какого-то эксперимента. Со временем люди умрут окончательно и никогда уже не воскреснут. Неизвестный же, Икс, тайно восстал против этого.

Бёртон отнесся к его словам скептически. Но когда другие этики попытались схватить Бёртона, он бежал. Несколько раз он был вынужден убить себя, чтобы, воскреснув в другом месте, оторваться от преследования. Позднее он ввел это в систему. После семьсот семьдесят седьмого самоубийства он очнулся в зале Совета двенадцати. Они сказали ему то, что Бёртон и сам знал: что среди них имеется ренегат. Пока что они не обнаружили, кем является он или она. Но непременно обнаружат.

Теперь, когда Бёртон попал им в руки, они будут постоянно следить за ним. При этом все, что касается приходов этика, и все, что Бёртон знает о нем, будет стерто из его памяти.

Однако Бёртон, вновь очнувшись на берегу Реки, обнаружил, что помнит все. Икс как-то ухитрился воспрепятствовать уничтожению воспоминаний и надуть своих собратьев.

Икс, как рассудил Бёртон, принял также меры, чтобы помешать этикам найти его, Бёртона, в случае нужды. И англичанин отправился вверх по Реке, разыскивая других рекрутов Икса. Какой помощи от них можно ждать, Икс не сказал — обещал лишь открыть позднее, что и когда им нужно будет сделать.

На деле все вышло не так. Икс больше не появлялся, и воскрешения внезапно прекратились.

Потом Бёртон открыл, что Питер Джейрус Фрайгейт и таукитянин, бывшие с ним с самого начала,— либо этики, либо их агенты. Но схватить их он не успел — они бежали.

Бёртон не мог больше скрывать тайну от своих спутников. Алису его рассказ сначала ошеломил, потом она пришла в ярость. Почему он сразу не сказал ей правду? Бёртон объяснил, что поступил так ради ее же блага. Если бы она знала правду, этики могли бы похитить ее, чтобы подвергнуть допросу и бог знает чему еще.

С тех пор гнев постоянно тлел в груди Алисы, то и дело вырываясь наружу и обжигая Бёртона. Он, со свойственной ему вспыльчивостью, в долгу не оставался. И хотя потом они каждый раз мирились, Алиса знала, что день их расставания недалек.

Ей следовало бы порвать с Ричардом еще до их поступления на «Рекс», но ей тоже хотелось проникнуть в тайны мира Реки. Оставшись на берегу, она всю жизнь жалела бы об этом. Поэтому она села с Ричардом на корабль и вот теперь стоит в их общей каюте, не зная, что делать дальше.

Приходится сознаться, что она здесь не только ради того, чтобы раскрыть тайны. Впервые за свою жизнь в этом мире она обрела водопровод с холодной и горячей водой, комфортабельный туалет, мягкую постель, кондиционер и большой салон, где показывают фильмы и спектакли и где оркестры исполняют классическую и популярную музыку на настоящих земных инструментах, а не на тех изделиях из глины, кожи и бамбука, которыми пользуются на берегах. Там играют также в бридж, вист и другие игры. И весь этот комфорт, материальный и душевный,— к ее услугам. Трудно было бы от него отказаться.

Да, в странном положении оказалась она, дочь епископа, рожденная 4 мая 1852 года близ Вестминстерского аббатства. Ее отец, будучи деканом колледжа Крайст Черч в Оксфорде, прославился также как соавтор «Греко-английского лексикона» Лидделла и Скотта. Мать Алисы была красивой и образованной женщиной, похожей на испанку. Алиса Плэзанс Лидделл приехала в Оксфорд, когда ей было четыре года, и почти сразу же подружилась с застенчивым, заикающимся преподавателем математики, имеющим духовный сан и не совсем обычное чувство юмора. Оба жили при колледже, в одном дворе, и потому часто встречались.

Алисе и ее сестрам, как дочерям епископа, в жилах которого текла королевская кровь, почти не разрешалось играть с другими детьми. Их образованием занималась в основном гувернантка, мисс Прикетт,— она очень старалась воспитать девочек как следует, но и сама не отличалась большой ученостью. Однако Алиса пользовалась всеми преимуществами ребенка из привилегированной викторианской семьи. Рисованию ее обучал сам Джон Рескин. Частенько ей удавалось подслушать беседы отца с пришедшими к обеду гостями, а в доме бывали и принц Уэльский, и Гладстон, и Мэтью Арнольд, и прочие знаменитости.

Алиса была хорошенькой девочкой с темными прямыми волосами, подстриженными впереди в челку. Лицо отражало тихую, мечтательную натуру, но задумчивость сочеталась в Алисе с живостью — особенно веселили девочку причудливые сказки Доджсона. Она много читала и получила хорошее домашнее образование.

Она любила играть со своей черной кошкой Диной и рассказывать ей сказки, хоть и не такие интересные, как у доктора. Ее любимой песней была «Вечерняя звезда», которую Доджсон спародировал, вложив в уста Черепахи Как бы:

Еда вечерняя, блаженная еда!

Сама Алиса больше всего любила главу о Чеширском Коте. Она любила кошек — и даже когда выросла, порой говорила со своим очередным любимцем как с человеком, если никто не слышал.

Выросла она в привлекательную девушку, прекрасно сложенную и наделенную каким-то неуловимым очарованием — этот таинственный флер отмечали в ее детские годы и Доджсон, и Рескин, и другие. Для них она была «дитя с чистым, ничем не омраченным челом и мечтательными, полными веры в чудо глазами».

И все же Алиса вышла замуж только в двадцать восемь лет, в 1880 году, будучи уже старой девой по викторианским понятиям. Ее муж, Реджинальд Джервис Харгривз, владел поместьем Каффнелз близ Линдхерста в Гэмпшире. Получив образование в Итоне и Оксфорде, он стал мировым судьей и вел в своем поместье очень тихую жизнь вместе с Алисой и их тремя сыновьями. Он любил чтение, особенно французских авторов, верховую езду и охоту, имел он также огромный дендрарий, где росли сосны Дугласа и Мамонтово дерево.

Несмотря на некоторую заторможенность и неловкость в первое время, Алиса привыкла к физической любви и стала находить в ней удовольствие. Она любила своего мужа, и его смерть в 1926 году причинила ей глубокое горе.

Но Бёртона она любила со страстью, какой никогда не питала к Реджинальду.

Любила, но больше не люблю, твердила она себе.

Она не могла смириться с его вечной непоседливостью — хотя теперь, похоже, ему придется просидеть на одном месте много лет.

Правда, это место движется. Его вспышки ярости, всегдашняя готовность затеять ссору, его постоянная ревность давно уже утомляли Алису. Те самые черты, которые раньше привлекали ее в Бёртоне, поскольку ей самой их недоставало, теперь отталкивали ее.

Больше всего ее раздражало то, что он так долго скрывал Тайну.

Но теперь ей некуда уйти. Все каюты заняты. В некоторых, правда, проживают одинокие мужчины, но Алиса не собиралась уходить к человеку, которого не любит.

Ричард посмеялся бы над ней. Он заявлял, что в женщине ему нужна лишь красота и преданность. Еще он предпочитал блондинок, хотя и отказался от своего предпочтения ради нее. Он посоветовал бы Алисе найти себе какого-нибудь недурного на вид парня с приемлемыми манерами и уйти жить к нему. Нет, неправда. Он пригрозил бы убить ее, если она уйдет к другому. Или нет? Уж конечно, она надоела ему не меньше, чем он ей.

Алиса села и закурила сигарету — на Земле ей это и в голову бы не пришло,— раздумывая, как же ей быть. Не найдя ответа, она вышла из каюты и направилась в салон — там всегда происходит что-то интересное.

Несколько минут она бродила там, рассматривая картины и статуэтки и слушая, как играет на рояле Лист.

Когда она почувствовала себя одинокой и ей захотелось, чтобы кто-нибудь развеял ее тоску, к ней подошла женщина ростом около пяти футов, стройная и длинноногая. Ее небольшие заостренные груди с торчащими сосками едва прикрывала тонкая ткань. Лицо было красивым, несмотря на несколько длинноватый нос.

Блондинка сказала на эсперанто, показав очень белые и ровные зубы:

— Здравствуйте, я Афра Бен, одна из стрелков и бывших любовниц его величества — впрочем, он порой не прочь вспомнить старое. А вы Алиса Лидделл, не так ли? Женщина этого свирепого, притягательно-уродливого валлийца, Гвалхгвинна.

Алиса ответила утвердительно и тут же спросила:

— А вы — автор «Оруноко»?

— Да, и нескольких пьес,— улыбнулась Афра.— Приятно знать, что в двадцатом столетии меня не забыли. Вы играете в бридж? Нам нужен четвертый.

— Вот уж тридцать четыре года, как не играла. Но раньше любила. Если вы простите мне небольшие промахи вначале...

— Ну, мы быстро вернем вам былую форму, хотя это будет небезболезненно,— засмеялась Афра и под руку подвела Алису к столу, над которым висело огромное полотно, изображавшее Тезея, входящего в лабиринт Миноса, где поджидает его Минотавр. Нить Ариадны была привязана к колоссальному мужскому органу героя.

Афра, видя лицо Алисы, усмехнулась:

— В первый раз невольно вздрагиваешь, верно? Прямо не знаешь, чем Тезей вознамерился убить человекобыка — мечом или чем-то другим.

— Если он остановится на последнем,— заметила Алиса,— то нить порвется и он не найдет дорогу к Ариадне.

— На ее же счастье. Она так и умерла бы, думая, что он ее любит, не зная, что он собирается бросить ее при первой возможности.

Итак, это Афра Эмис Бен — романистка, поэтесса и сочинительница пьес, которую в Лондоне звали Несравненной Астрей, в честь девы-звезды, почитавшейся в Древней Греции. Незадолго до смерти, постигшей Афру в 1689 году, когда ей было сорок девять лет, она написала роман «Оруноко», ставший сенсацией того времени; его переиздали в 1930 году, дав Алисе возможность прочесть его перед смертью.

Эта книга имела большое влияние на развитие английского романа, и современники сравнивали лучшие вещи Афры с трудами Дефо. Пьесы ее, непристойные, но остроумные, приводили зрителей в восторг. Она стала первой англичанкой, зарабатывающей себе на жизнь литературным трудом, а еще она была шпионкой Карла II во время войны с Голландией.

Поведение ее было скандальным даже во времена Реставрации, однако похоронили ее в Вестминстерском аббатстве — честь, в которой позднее отказали известному столь же скандальным поведением и куда более знаменитому лорду Байрону.

Двое мужчин у стола нетерпеливо ожидали начала игры. Афра представила их Алисе, кратко рассказав о каждом.

На западном конце стола сидел Лаззаро Спалланцани, родившийся в 1729 году и умерший в 1799-м. Он был одним из самых выдающихся естествоиспытателей своего времени — особенно большую известность получили его опыты с летучими мышами,

с целью выяснить, как они могут летать в полной темноте. Он пришел к выводу, что они делают это с помощью ультразвука, хотя этот термин в те дни еще не был известен. Спалланцани был мал ростом, строен, черен — настоящий итальянец, хотя изъяснялся на эсперанто.

Северный конец стола занимал чех Ладислав Подебрад, среднего роста (по меркам второй половины двадцатого века), очень широкий в плечах, мускулистый, с толстой шеей, желтыми волосами и холодными голубыми глазами. У него были очень густые, тоже желтые брови, большой орлиный нос и массивный подбородок с глубокой выемкой. Несмотря на большие ручищи — точно медвежьи лапы, подумала склонная преувеличивать Алиса,— и сравнительно короткие пальцы, карты он раздавал с ловкостью миссисипского пароходного шулера.

Афра пояснила, что его взяли на борт всего восемь дней назад и что он — инженер-электромеханик с докторской степенью. Афра сказала еще — вызвав внезапный интерес Алисы,— что король Иоанн приметил Подебрада, когда тот стоял у обломков воздушной машины на левом берегу. Выслушав рассказ чеха и узнав, кто он по профессии, Иоанн пригласил его в качестве второго механика в машинное отделение. Дюралюминиевый киль и гондолу полужесткого дирижабля разрезали на части и поместили на склад «Рекса».

Подебрад был немногословен — видимо, он принадлежал к числу игроков, которые все внимание отдают бриджу. Но Алиса, пользуясь трескотней Бен и Спалланцани, все же отважилась задать ему несколько вопросов. Отвечал он кратко, однако раздражения не выказывал. Это еще ничего не значило — он всю игру просидел с каменным лицом.

Подебрад, по его словам, был здесь главой государства, расположенного много ниже по Реке и носящего название Нова Бохемуйо — то есть Новая Богемия на эсперанто. Его избрали на этот пост потому, что в Чехословакии он тоже состоял в правительстве и занимал видный пост в коммунистической партии. Теперь он перестал быть коммунистом, поскольку это учение годилось здесь не больше, чем капитализм. Зато его очень привлекала Церковь Второго Шанса, хотя он так в нее и не вступил.

Подебраду стал постоянно сниться сон о том, что глубоко под Нова Бохемуйо будто бы имеются залежи железа и других минералов. В конце концов Подебрад убедил своих сограждан заняться поисками. Это был долгий, утомительный труд, во время которого сломалось множество кремневых, сланцевых и деревянных орудий, но энтузиазм Подебрада не давал людям пасть духом. Кроме того, у них появилось какое-то занятие.

— Поймите, я человек совсем не суеверный,— глубоким басом говорил Подебрад.— Я не верю в сны и не стал бы обращать внимание даже на этот, каким бы назойливым и убедительным он ни был. Не стал бы почти ни при каких обстоятельствах. Мне казалось, что этот сон отражает мое подсознание — я не люблю этот термин, поскольку отвергаю фрейдизм, но он точно отражает то, что я испытывал. Так проявлялись мои желания найти металл, как мне тогда казалось. Потом я начал считать, что сон можно объяснить и по-другому. Может, между мной и металлом есть какое-то притяжение и какие-то земные токи идут от него ко мне, ну, скажем, металл — один полюс, а я — другой.

А еще говорит, что не суеверен, подумала Алиса. Смеется он надо мной, что ли?

Впрочем, Ричарду эта чушь пришлась бы по вкусу. Он сам верил в притяжение между собой и серебром. В Индии он, когда болел офтальмией, клал серебряные монеты себе на веки, а в старости, когда стал страдать подагрой,— на ступни.

— Хотя я не верю в сны как проявление подсознательного, я верю, что они могут служить телепатической или иной формой сверхчувственного восприятия,— продолжал Подебрад.— В Советском Союзе широко проводились эксперименты с СЧВ. Как бы там ни было, я чувствовал, что под Нова Бохемуйо залегают металлы. Так и оказалось. Железо, боксит, криолит, ванадий, платина, вольфрам и так далее. Вместе, не отдельными пластами. Очевидно, те, кто переделывал эту планету, свалили все руды в одну кучу.

Все это, разумеется, говорилось в промежутках между торговлей. Подебрад каждый раз начинал оттуда, где остановился, словно его и не прерывали.

Он индустриализировал свое государство. Народ вооружился стальными мечами, а также луками и огнестрельным оружием из стекловолокна. Подебрад построил два военных парохода — не такие, конечно, громадные, как «Рекс».

— Не для агрессии, а для обороны. Другие страны завидовали нашему богатству и хотели бы отнять у нас минералы, но не осмеливались нападать. Моей конечной целью, однако, была по-

стройка большого винтового судна, на котором я мог бы добраться до истоков Реки. Я не знал тогда, что по Реке уже движутся два гигантских корабля. А если бы даже и знал, все равно бы построил свой.

Потом я связался с некими авантюристами, предлагавшими долететь до истока на воздушном корабле. Эта мысль показалась мне заманчивой, я построил малый дирижабль и отправился на нем в путь. Однако он попал в шторм и разбился. Вся моя команда уцелела, и тут как раз подошел «Рекс».

Через несколько минут игра кончилась. Подебрад и Алиса остались в выигрыше, а Спалланцани сердито вопрошал Подебрада, почему тот заявил бубны, а не трефы. Подебрад не дал ответа, предложив итальянцу самому поразмыслить над этим. И поздравил Алису по случаю ее корректной игры. Алиса поблагодарила, хотя не больше Спалланцани понимала, как чеху удалось выиграть. Перед тем как расстаться, она сказала:

— Синьорина Бен забыла назвать точные даты вашего рождения и смерти на Земле.

Подебрад бросил на нее проницательный взгляд.

— Скорее всего, они ей неизвестны. К чему вам это знать?

— Просто меня интересуют такие вещи.

— Родился в тысяча девятьсот двенадцатом, умер в тысяча девятьсот восьмидесятом,— пожал плечами Подебрад.

Прежде чем заступить на дежурство, Алиса поспешила отыскать Бёртона (ей предстояло сегодня учиться вправлять вывихи и накладывать гипсовые повязки). Бёртона она поймала в коридоре на пути в их каюту. Он вспотел, и его смуглая кожа блестела, как намасленная бронза. Два часа он занимался борьбой на палках и фехтованием — сейчас у него был получасовой перерыв перед следующим занятием.

По дороге в каюту Алиса рассказала ему про Подебрада. Он спросил, почему этот чех так взволновал ее.

— Его рассказы про сон — просто чушь,— сказала Алиса.— Я вот что думаю на этот счет: по-моему, он агент, заброшенный в долину и знавший, где находятся залежи руд. Сон послужил ему только предлогом, чтобы заставить своих людей копать. Потом он построил дирижабль, чтобы долететь не просто до истока, а до самой башни. Это наверняка так!

— Да-а,— протянул Бёртон в свойственной ему и бесившей ее манере.— Как насчет других доказательств, пусть даже самых

слабых? Все-таки этот парень не жил после тысяча девятьсот восемьдесят третьего года.

— Это он так говорит! Откуда нам знать: может, некоторые агенты — ты сам говорил — изменили свои биографии? И потом...

Алиса умолкла, но все ее существо выражало нетерпение.

— Да?

— Вот ты описывал нам членов Совета двенадцати. Мне кажется, Подебрад похож либо на того, кого звали Танабур, либо на того, кого звали Лога!

Это попало в цель, и Бёртон, помолчав, сказал:

— Опиши-ка мне еще раз этого человека.— Выслушав Алису, он потряс головой.— Нет. И у Логи, и у Танабура глаза зеленые. У Логи волосы рыжие, у Танабура — каштановые. А у твоего Подебрада желтые волосы и голубые глаза. Может, он и похож на тех двух, но таких похожих, наверное, миллионы.

— Но, Ричард, цвет волос ведь можно изменить! Пластиковые линзы, меняющие цвет глаз, о которых рассказывал нам Фрайгейт, Подебрад не носит — но не думаешь ли ты, что у этиков имеются и не столь заметные средства для изменения цвета глаз?

— Возможно. Я сам посмотрю на этого парня.

Приняв душ, Бёртон побежал в салон. Не найдя там Подебрада, он отправился в машинное отделение и позднее сказал Алисе:

— Поживем — увидим. Он действительно похож на Танабура и на Логу. Если один может быть хамелеоном, может и другой. Но прошло уже двадцать восемь лет с тех пор, как я их видел, и наша встреча была очень краткой. Не могу ничего сказать определенно.

— И ничего не собираешься предпринимать?

— Не могу же я арестовать его тут, на судне Иоанна! Будем просто наблюдать за ним, а найдется что-нибудь, подтверждающее наши подозрения,— тогда посмотрим. Вспомни агента Спрюса. Когда мы схватили его, он убил себя, просто произнеся мысленно какой-то код — и в его организм поступил яд из того черного шарика в мозгу. Надо будет действовать крайне осторожно и лишь тогда, когда у нас появится уверенность. Я лично думаю, что это только совпадение. А вот относительно Струбвелла у нас сомнений нет. Ну, почти нет. В конце концов, то, что каждый, кто будто бы жил после тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, агент — только теория. Возможно, нам просто редко встречались такие люди.

— Ну что ж, буду почаще играть с Подебрадом в бридж — лишь бы только не осрамиться. И послежу за ним.

— Будь осторожна, Алиса. Если он — один из них, он очень наблюдателен. Не надо было спрашивать его о датах его жизни. Возможно, это его насторожило. Надо было узнать у кого-нибудь другого.

— Можешь ты хоть раз в жизни довериться мне полностью? — сказала Алиса и ушла.

Глава 9

Логу лишилась звания фаворитки короля.

Короля Иоанна так поразила рыжеволосая красавица с большими голубыми глазами, увиденная им на берегу, что он решил продлить стоянку. Пароход встал на якорь у большого причала, построенного местными жителями. Через два дня, убедившись в непритворной дружественности населения, Иоанн разрешил команде сойти на берег. О приступе внезапной страсти он умалчивал, но все и так было ясно из его поведения.

Логу не особенно опечалил вынужденный уход из капитанских апартаментов после того, как Иоанн уговорил ту женщину переспать с ним, ведь Логу не была влюблена в короля. Кроме того, она прониклась большим интересом к одному из местных, большому смуглому тохару. Он происходил из другого века, но все-таки был ее соплеменником, и им было о чем поговорить между любовными играми. Однако Логу считала унизительным для себя, что так недолго продержалась при монархе, и грозила во всеуслышание как-нибудь темной ночью спихнуть его за борт. Было, есть и будет немало людей, желающих разделаться с Иоанном.

В первую ночь Бёртон стоял на карауле. В следующую он ночевал с Алисой в хижине около причала. Здешние жители, в большинстве своем критяне минойской эпохи, были гостеприимны и любили повеселиться. Ночью они пели и плясали у костров, пока не выпивали весь запас лишайникового самогона, и лишь тогда валились в постель поодиночке, попарно или «плюралистично», как выражался Бёртон. Он радовался случаю пожить здесь несколько недель и добавить новый язык к длинному списку тех, которые уже знал. Основными правилами грамматики и начальным запасом слов Бёртон овладел быстро благодаря близкому родству языка с финикийским и древнееврейским. Однако этимология многих слов не была семитской — они остались от аборигенов Крита, растворившихся среди завоевателей с Ближнего Востока. Все местные, разумеется, говорили на эсперанто, хотя и отличающемся несколько от того, что изобрел доктор Заменгоф.

Для Иоанна не составило труда уговорить свою новую пассию стать его любовницей. Трудность заключалась в другом: Логу негде стало жить, а списать ее на берег Иоанн без веской причины не мог. Каким бы он ни был самодержцем, права человека ему не позволили бы нарушать.

Памятуя о Великой хартий вольностей, Иоанн не хотел раздражать свою команду, что не мешало ему обдумывать, как бы избавиться от Логу на законном основании.

На четвертую ночь стоянки, когда Иоанн пребывал с голубоглазой в своей роскошной каюте, а Бёртон с Алисой — в своей небольшой, но удобной, с неба спустился вертолет и сел на летную палубу «Рекса».

Немного позже Бёртон выяснил, что этот десант был послан с дирижабля «Парсеваль» с приказом взять короля Иоанна в плен или убить его, если такой возможности не представится. Тогда Бёртон понял одно: на «Рексе» стреляют — стало быть, дело неладно. Он обмотал вокруг пояса повязку, закрепив ее магнитными застежками, схватил со стола шпагу и заряженный пистолет и выскочил наружу, не обращая внимания на недоуменные крики Алисы.

На борту слышались вопли вперемежку со стрельбой, а потом раздался сильный взрыв — по всей видимости, в машинном отделении. Бёртон во всю прыть бросился к пароходу. В рубке горел свет — там кто-то был. Колеса начали вращаться. «Рекс» дал задний ход, но Бёртон перескочил на променад котельной палубы еще до того, как чалочные канаты натянулись, вывернув тумбы, и обрушился причал.

Миг спустя к Бёртону с мостика сошел незнакомец. Бёртон разрядил в него пистолет, но промахнулся. Выругавшись, он отшвырнул оружие и устремился к противнику. Тот встретил его со шпагой в руке.

Никогда еще Бёртон не сходился в поединке с подобным демоном! И неудивительно. Этот длинный тощий демон был Сирано де Бержерак. Он шутливо представился Бёртону во время краткой передышки, англичанин же предпочел не тратить дыхания. Оба уже получили легкие раны — верное свидетельство того,

что их силы были равны. Тут поблизости кто-то закричал, Бёртон отвлекся, и этого оказалось достаточно. Шпага француза пронзила ему бедро.

Бёртон кулем свалился на палубу. Боль настигла его несколько секунд спустя, и ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать. Де Бержерак проявил благородство. Он не стал убивать Бёртона и запретил своему человеку, который как раз появился, стрелять в поверженного врага.

Вертолет вскоре поднялся в воздух, поливаемый огнем с палубы. Но не успел он набрать и ста футов, как чье-то нагое белое тело, мелькнув в луче прожектора, упало с вертолета во мрак. Кто-то не то спрыгнул, не то был сброшен. Король Иоанн, догадался Бёртон.

Англичанин со стонами туго обвязал обильно кровоточащую рану куском материи и заставил себя доползти до лестницы, ведущей на мостик. «Рекс» дрейфовал вниз по течению, и с этим ничего нельзя было поделать. Иоанна подняли на борт несколько секунд спустя, без сознания, со сломанной рукой и ногой.

Через пять миль «Рекса» прибило к берегу, и десять минут спустя подоспели первые люди короля, все это время бежавшие по берегу вслед за пароходом.

Доктор Дойл сложил вместе сломанные кости Иоанна и напоил его «ирландским кофе», виски, против шока.

Когда Иоанн оправился достаточно, чтобы ругаться и бушевать, он сразу занялся этим. Однако он был рад, что остался в живых, а мотор можно было починить, благо на складе имелся запас драгоценного алюминиевого провода. Правда, на ремонт уйдет не меньше месяца, а пароход Клеменса между тем медленно, но верно приближается.

Поскольку двенадцать человек из охраны было убито, освободилась каюта для Логу. Погибших нужно было заменить, но король с этим не спешил. Потратив несколько дней на беседы с кандидатами и проведя с некоторыми психофизические испытания, он отобрал только двоих.

— Спешить некуда,— говорил он.— Я не стану брать кого попало. Здесь такой народ, что и выбирать-то не из кого.

Худа без добра не бывает: после десанта Иоанн полюбил Бёртона, считая, что обязан жизнью главным образом ему. Назначить Бёртона командиром десантников король не мог, зато назначил его своим личным телохранителем. И обещал повысить

Бёртона в чине, как только станет возможно. Бёртон с Алисой перебрались в соседнюю с Иоанном каюту.

Бёртон, с одной стороны, не слишком обрадовался этому, поскольку не любил угождать никому. Зато теперь он много времени проводил со Струбвеллом и мог присмотреться к нему. Бёртон внимательно вслушивался в речь первого помощника, стараясь уловить в ней посторонний акцент. Но если Струбвелл и был агентом, он вполне овладел американским среднезападным выговором.

Алиса за бриджем и при иных светских оказиях следила за Подебрадом, навострив глаза и уши. Логу положила глаз на одного из предполагаемых агентов, здоровенного Артура Пала, венгерского инженера-электромеханика, и перебралась к нему, когда от него ушла подруга. Подозрения Бёртона еще более возросли, когда Логу заметила, что Пал часто общается с Подебрадом. Попытки Логу уличить Пала во лжи не принесли успеха, но Бёртон заверил, что со временем ей это непременно удастся. Пусть агенты затвердили свои биографии наизусть, они все же (надо полагать) люди и могут ошибаться. Довольно будет одного противоречия.

Алиса так и не смогла заставить себя порвать с Бёртоном. Она все надеялась, что он изменит свое отношение к ней и это как-то оправдает их совместную жизнь. То, что их обязанности почти не давали им видеться, облегчало дело. В конце дня Бёртон так радовался встрече с Алисой, что она смягчилась и убедила себя в том, что былая страсть снова вернулась к ним. Во многих отношениях они походили на старую супружескую пару: у них бывали мимолетные порывы нежности, но их пересиливало взаимное раздражение, вызванное теми чертами характера, которые они когда-то охотно прощали друг другу.

Да они и были стариками, хотя им вернули их молодые тела. Она дожила на Земле до восьмидесяти двух лет, он — до шестидесяти девяти. «Знаменательный возраст, если учесть мои сексуальные предпочтения»,— заметил как-то Бёртон. От долгой жизни костенеют не только артерии, но и привычки, и взгляды. Старикам гораздо труднее приспособиться, изменить себя к лучшему. Воскрешение из мертвых и мир Реки поколебали веру многих и многим помогли измениться. Окостенение прошло у кого полностью, у кого частично, но много было и таких, которые совершенно не сумели приспособиться.

Алиса подверглась метаморфозам во многих отношениях, хотя основа ее характера осталась прежней. Все осталось по-прежнему в глубинах души, в тех безднах, по сравнению с которыми межзвездные пространства — лишь прыжок через лужу. Так же обстояло дело и с Бёртоном.

И Алиса осталась с ним, продолжая надеяться, хотя и знала, что надежды нет.

Временами она мечтала о встрече с Реджинальдом, сознавая, однако, что это было бы еще более безнадежно. Она ни за что не вернулась бы к нему, ни к прежнему, ни к изменившемуся. Вряд ли он, впрочем, изменился. Он был хорошим человеком, но, как все хорошие люди, имел недостатки, в том числе и крупные, и был чересчур упрям, чтобы исправлять их.

Беда в том, что ни одна гусеница не в силах помочь другой измениться. Если гусенице нужно превратиться в бабочку, она должна сделать это сама. Вся разница между человеком и гусеницей заключается в том, что насекомое запрограммировано заранее, а человек должен сам себя программировать.

В таких раздумьях проходили дни Алисы, хотя у нее было достаточно занятий и кроме раздумий.

И вот однажды, когда «Рекс» вознамерился подзарядить свой батацитор и граали на правом берегу, камень не сработал.

Глава 10

Шок и паника.

Пятнадцать лет назад правобережные камни уже отказывали, но сутки спустя возобновили работу. Клеменс говорил королю Иоанну, что подачу энергии прервал крупный метеорит, но линию восстановили и весь ущерб ликвидировали в вышеназванный краткий срок. Должно быть, это сделали этики, хотя очевидцы отсутствовали: все, кто жил в том районе, были усыплены — вероятно, газом — и все сутки проспали.

Теперь вопрос стоял так: будет ли линия восстановлена, как в тот раз? И еще: что вызвало аварию? Снова метеорит? Или это очередной этап разрушения мира Реки?

Король Иоанн, хотя и был ошарашен поначалу, оправился быстро. Он послал офицеров успокоить команду и распорядился раздать всем смесь из самодельного спирта, воды и сушеных цветов железного дерева, называемую на «Рексе» грогом.

Когда все как следует накачались напитком, придающим бодрость и отвагу, король приказал принять кабель с медным питающим наконечником обратно на борт, и «Рекс» двинулся к отмелям у левого берега. В батациторе осталось достаточно энергии, чтобы пароход мог идти вперед до часа следующей трапезы. За два часа до сумерек Иоанн велел остановиться и вновь протянуть кабель к камню на берегу.

Как и следовало ожидать, местные жители отказались «одолжить» свой камень «Рексу». Один из паровых пулеметов начал поливать толпу на берегу градом пластиковых пуль, и местные в панике отступили подальше на равнину. Два катера-амфибии, прежде именовавшиеся «Дракон-1» и «Дракон-2», а ныне «Элеонора» и «Генрих», с ревом подошли к берегу и встали там, пока кабель подсоединялся к камню. Через час, однако, к местным подошло подкрепление от камней, отстоящих на милю от здешнего — включая и те, что находились в предгорьях. Тысячи мужчин и женщин с громкими боевыми кликами напали на катера и на пароход. Одновременно пятьсот человек на лодках предприняли атаку с Реки.

Сотни людей полегли под разрывными снарядами и ракетами «Рекса», сотни — под огнем пулеметов. Десантники и вся остальная команда, выстроившись у бортов, палили из винтовок, пистолетов, базук и пускали стрелы.

Берег и Река вокруг «Рекса» скоро стали красными от крови, покрылись трупами и кусками тел. Камень наконец разрядился, но большие и малые ракеты, пущенные местными, уже скосили многих на борту и причинили кое-какой ущерб судну.

Бёртон все еще передвигался с трудом, хотя его рана заживала быстрее, чем на Земле. Но он все же дотащился до борта техасской палубы и стал стрелять деревянными пулями из винтовки сорок восьмого калибра. Он поразил не меньше трети сусенышек, осаждавших «Рекс» с Реки. Когда все лодки, челноки, каноэ, боевые челны и парусные лодки потонули, Бёртон заковылял к другому борту.

Он подоспел как раз к началу третьей, и последней, атаки. Вражеские командиры, готовя ее, произносили зажигательные речи, барабаны гремели, рога ревели, и вот местные с криками ринулись в бой. К тому времени катера расстреляли все боеприпасы и вернулись в свой док на корабле. Зато в воздух поднялись оба истребителя, разведчик, торпедный бомбардировщик и вертолет.

Несколько вражеских бойцов уже почти добежали до кромки воды. Но под огнем авиации ряды дрогнули, и неприятель побежал. Вскоре после этого загремели и засверкали камни, и «Рекс» подзарядился.

— Зубы господни! — выругался Иоанн с безумием во взоре.— Если уже сегодня творится такое, что же будет завтра? Спаси нас боже!

Он был прав. Перед рассветом орды оголодавших правобережников хлынули на Реку. Все имевшиеся в наличии лодки, включая двухмачтовые шхуны, были до отказа забиты мужчинами и женщинами. За ними следовала орда пловцов. Когда взошло солнце, стало видно, что Река, насколько хватает глаз, усеяна судами и пловцами. Первый вал, лодки, защитники встретили градом ракет и стрел. Однако почти все лодки причаливали, и правобережники выскакивали из них.

«Рекс», попавший меж двух огней, отчаянно сражался. Огонь с борта расчистил пространство вокруг камней, и амфибии, изрыгая пламя, двинулись на своих не оставляющих следов гусеницах к камню. Пока они сдерживали лезущих со всех сторон защитников и захватчиков, подъемный кран «Генриха» водрузил наконечник на камень.

Камни разрядились, тогда «Генрих» тут же снял колпак и втянул стрелу крана обратно.

Когда катера вернулись на корабль, Иоанн приказал поднять якорь.

— А потом — полный вперед!

Эту команду легче было отдать, чем выполнить.

Мелкие суда так кишели вокруг «Рекса», что он мог идти лишь на самой малой скорости. Колеса шлепали по воде, нос крушил большие парусные лодки и лодчонки помельче, а правобережники поливали «Рекс» огнем. Атакующие лезли на котельную палубу, но долго там не задерживались.

Наконец «Рекс» прорвался и двинулся к другому берегу. Там он вошел в более слабое прибрежное течение и устремился вверх по Реке.

На том берегу все еще кипел бой.

Иоанну предстояло решить, подзаряжаться им в полдень или нет.

Определившись, король велел встать на якорь у длинного причала.

— Пусть поубивают друг друга,— сказал он.— У нас хватит копченых и сушеных продуктов, чтобы дотянуть до завтра. А послезавтра подзарядимся. К тому времени побоище уже кончится.

Правый берег являл собой поистине странное зрелище. На «Рексе» так привыкли к шумным, говорливым, смеющимся толпам, что безлюдье казалось чем-то нереальным. Здесь не осталось никого, кроме очень немногих — слишком разумных или слишком робких, чтобы решиться набить свой живот за счет левобережников. Хижины, бараки и бревенчатые общественные здания опустели, пусто стало на равнине и в предгорьях. Животных, птиц, насекомых и пресмыкающихся на этой планете не водилось, и только ветер, шуршащий в листве редких деревьев на равнине, нарушал тишину.

За Рекой воюющие стороны расстреляли уже весь порох, и до «Рекса» лишь изредка долетали слабые отголоски — одиночные и слитные крики ярости, голода, страха, боли и смерти.

Потери «Рекса» за два дня составили тридцать человек убитыми и шестьдесят ранеными, из них двадцать тяжело — впрочем, все пострадавшие считали свои раны тяжелыми. Мертвых положили в мешки из рыбьей кожи с привязанным грузом и после краткой церемонии бросили в воду на середине Реки. Мешками воспользовались лишь ради того, чтобы пощадить чувства живых — рыбы раздерут мертвецов в клочья и пожрут их прежде, чем те достигнут дна.

У левого берега трупы плавали тесными рядами, стукаясь друг о друга, и хищные рыбы кишели меж ними в кровавой воде. Целый месяц Реку уродовал затор из мертвых тел. Бои, как видно, шли повсюду, и нужно было долгое время, чтобы трупы исчезли окончательно. Рыба жирела, и громадные речные драконы, всплывая из глубин, глотали раздувшиеся тела целиком, набивали желудки до отказа. Переварив и извергнув добычу, они всплывали снова, чтобы есть, переваривать и извергать.

— Это Армагеддон, Апокалипсис,— со стоном говорил Бёртон Алисе.

Алиса часто плакала, и по ночам ей снились кошмары. Но утешения Бёртона вселяли в нее чувство, что они снова стали близки друг другу.

На следующий полдень «Рекс» отважился пересечь Реку, чтобы подзарядиться. Но дальше он не пошел, а вновь причалил к

правому берегу. Нужно было восполнить запас пороха и отремонтировать повреждения.

На это ушел месяц, и за это время Бёртон окончательно оправился от своей раны.

Когда пароход снова тронулся в путь, несколько человек из команды получили задание провести учет оставшихся в живых в некоторых, выборочно взятых, районах. Результат показал, что погибло около половины населения, если предположить, что столь же тяжелые бои шли повсюду. За сутки было перебито семнадцать с половиной биллионов человек.

Много времени прошло, прежде чем на «Рекс» вновь вернулось веселье, а люди на берегу походили на призраков. Страшнее бойни была мысль: а что, если оставшиеся питающие камни тоже откажут?

Самое время взяться за подозреваемых, думал Бёртон. Но если прижать предполагаемых агентов к стенке, они могут убить себя, даже зная, что воскрешения не последует. Кроме того, возможно, что люди, жившие после 1983 года, ни в чем не повинны.

Надо ждать. Ничего другого не остается.

Тем временем Логу ненавязчиво расспрашивала своего сожителя, Алиса же, не столь ненавязчиво, старалась расколоть Подебрада. Бёртон ждал, когда выдаст себя Струбвелл.

Через несколько дней после возобновления плавания Иоанн решил, что пора пополнить команду. Во время полуденной трапезы «Рекс» остановился, и король сошел на берег объявить, что проводит набор рекрутов.

Бёртон, или сержант Гвалхгвинн, наравне с другими должен был высматривать в толпе возможных злоумышленников. Однако он позабыл на время свои обязанности, увидев явного представителя раннего палеолита, приземистого, ширококостного, похожего на монгола той эпохи, когда эта раса еще не смешалась с другими. Нгангчунгдинг не отказался вкратце преподать Бёртону азы своего языка, с которым тот еще не сталкивался. Потом Бёртон, уже на эсперанто, стал уговаривать своего собеседника записаться на «Рекс». Тот мог бы стать ценным приобретением для отряда десантников, а заодно Бёртон выучил бы его язык. Нгангчунгдинг отказался, сказав, что он нихиренит, приверженец буддистского учения, которое исповедовало не менее рьяный пацифизм, чем его главный конкурент, Церковь Второго Шанса. Бёртон, хотя и был разочарован, дал первобытному пацифисту сигарету в знак того, что не обиделся, и вернулся к столу короля Иоанна.

Иоанн расспрашивал кавказца, которого от Бёртона загораживал высокий, тонконогий, длиннорукий и широкоплечий негр. Бёртон прошел мимо них, чтобы занять место позади Иоанна, и услышал, как белый говорит:

— Меня зовут Питер Джейрус Фрайгейт.

Бёртон резко обернулся, бросился на Фрайгейта и повалил его на землю, схватив за горло и крича:

— Убью!

В этот момент кто-то треснул Бёртона по затылку.

Глава 11

Придя в себя, он увидел, что негр и еще четверо, стоявших около, сцепились с охраной Иоанна. Сам король вскочил на стол и выкрикивал приказания, багровея от натуги. Свалка продолжалась с минуту, потом все улеглось. Фрайгейт, кашляя, поднялся на ноги, встал и Бёртон, чувствуя боль в затылке. Его, как видно, съездили дубинкой, которую чернокожий носил на ремне у пояса,— теперь она валялась на траве.

Бёртон, хотя не совсем еще обрел ясность мысли, понял, что ошибся. Этот человек действительно очень походил на того Фрайгейта, которого знал Бёртон, и голос был похож. Однако это был все-таки не тот Фрайгейт, к тому же ниже ростом. И все же... одно и то же имя?

— Прошу прощения, синьоро Фрайгейт,— сказал Бёртон.— Я принял вас за человека, к которому питаю вполне заслуженную неприязнь. Он причинил мне огромный вред... впрочем, не важно. Я искренне сожалею, и если могу чем-то возместить...

«Да какого черта? — подумал он.— Или, точнее, кой черт?» Бёртон, хотя это был не его Фрайгейт, невольно оглянулся, ища глазами Моната.

— Вы меня чертовски напугали,— сказал Фрайгейт.— Ну да ничего, все в порядке. Притом вы сполна расплатились за свою ошибку. У Умслопогааса рука тяжелая.

— Я его совсем легко ударил,— сказал негр.

— Да уж.— И Бёртон засмеялся, хотя от этого голова заболела еще больше.

— Счастье твое и твоих друзей, что вас не убили на месте! — проревел Иоанн, снова усаживаясь за стол.— Ну, в чем же дело?

Бёртон стал объяснять, радуясь про себя, что Фрайгейт оказался не тот и, значит, не сможет назвать Иоанну настоящее имя Бёртона. Иоанн, получив от Фрайгейта и его четверых спутников заверения, что они не держат на Бёртона зла, велел своим людям отпустить их. Перед тем как продолжить допрос, король потребовал у Бёртона рассказать, почему тот напал на Фрайгейта. Бёртон тут же на месте сочинил какую-то историю, которой король, кажется, остался доволен.

— Как ты объяснишь это поразительное сходство? — спросил Иоанн Фрайгейта.

— Никак,— пожал плечами тот.— Со мной и раньше такое случалось. Покуда на меня, правда, никто не бросался, но я встречал людей, которым казалось, что они меня знают — хотя лицо у меня не такое уж заурядное. Я еще мог бы это объяснить, будь мой отец коммивояжером, однако он был инженером-строителем, электротехником и почти не выезжал из Пеории.

Фрайгейт, похоже, не обладал никакими особыми качествами для зачисления в команду. Он был ростом шесть футов и мускулист, но и только. Он заявил, что хорошо стреляет из лука, но таких лучников были сотни и тысячи. Иоанн отказал бы Фрайгейту, если бы тот не упомянул, что поднимался на сто миль по Реке на воздушном шаре. И что он видел огромный дирижабль. Иоанн понял, что это был «Парсеваль», и воздушным шаром тоже заинтересовался.

Фрайгейт сказал, что они с товарищами плыли по Реке, желая добраться до истока. Устав от медленного продвижения на своей парусной лодке, они, попав в местность, где имелся металл, уговорили тамошнего правителя построить им полужесткий дирижабль.

— Ага! — сказал Иоанн.— И как же этого правителя звали?

— Это был чех, Ладислав Подебрад,— недоуменно ответил Фрайгейт.

Ответ насмешил Иоанна до слез.

— Хорошее дело. Он теперь служит у меня механиком.

— Да? — сказал один из спутников Фрайгейта.— У нас с ним имеются кое-какие счеты.— Этот человек был ростом пять футов десять дюймов, стройный, мускулистый, темноглазый и темноволосый, с волевым, красивым и запоминающимся лицом. На нем была ковбойская десятигаллоновая шляпа и сапоги на высоких каблуках, всю же остальную одежду заменял белый килт.— Том Микс, к услугам вашего величества,— представился он, по-техасски растягивая слова. И, затянувшись сигаретой, добавил: — Специалист по лассо и бумерангу. В свое время я был кинозвездой, сир, если вам известно, что это такое.

— Ты слышал о нем? — спросил король у Струбвелла.

— Читал,— ответил тот.— Он жил задолго до меня, но был действительно очень знаменит в двадцатые и тридцатые годы. Снимался в фильмах, которые назывались вестерны.

«Интересно, может ли агент это знать?» — подумал Бёртон.

— Мы на «Рексе» тоже снимаем кино,— улыбнулся Иоанн.— Только вот лошадей у нас нет.

— Что ж поделаешь.

Король стал расспрашивать Фрайгейта об их путешествии. Американец рассказал, что они, заметив большой дирижабль, одновременно обнаружили течь в подогревателе водорода. Пытаясь залепить течь быстросохнущим клеем, они спустили немного газа из оболочки, чтобы быстро снизиться в более густые и теплые слои воздуха и открыть там окошки гондолы.

Течь они залатали, но ветер стал относить их назад, а батареи, поставлявшие свежий водород, отказали. Решено было идти на посадку. Услышав, что Иоанн присылал катер с объявлением о наборе рекрутов, путешественники сели на парусник и поспешно поплыли вниз.

— На Земле чем занимался?

— Разными вещами, как и большинство людей. В середине жизни и под старость лет писал фантастику и детективы. Нельзя сказать, чтобы я был совсем неизвестен, но такой славой, как он, никогда не пользовался.— Фрайгейт кивнул на невысокого, но крепкого человека с кудрявыми волосами и красивым лицом ирландского типа.— Это Джек Лондон, великий писатель начала двадцатого века.

— Я не слишком-то жалую писателей,— сказал Иоанн.— У меня их уже есть несколько на корабле, и от них, как правило, одни неприятности. А вот что это за негр, который стукнул моего сержанта по голове без моего на то разрешения?

— Это Умслопогаас, свази, он уроженец Южной Африки из девятнадцатого века. Он великий воин и особенно ловко орудует

своим топором, который называет «Дятел». Знаменит еще и тем, что послужил прототипом известного героя-зулуса из романа Райдера Хаггарда.

— А этот? — Иоанн показал на смуглого, черноволосого и большеносого человека. Он стоял чуть поодаль, и на голове у него была большая зеленая чалма.

— Нурэддин эль-Музафир, иберийский мавр и славный путешественник. Он современник вашего величества и исповедует учение суфи. Ваше величество могли видеть его при своем дворе в Лондоне.

— Что? — Иоанн встал. Внимательно посмотрев на маленького мавра, он закрыл глаза и, открыв их вновь, сказал: — Да, я хорошо его помню! — Король обошел вокруг стола, раскрыв объятия, улыбаясь и быстро говоря что-то на английском языке своего времени.

Все изумились, глядя, как он обнял мавра и расцеловал его в обе щеки.

— Француз, да и только! — ухмыльнулся Микс.

Поговорив с мавром некоторое время, Иоанн сказал:

— Мне ясно одно: Нур эль-Музафир совершил с вами долгое путешествие и по-прежнему считает вас своими друзьями. Струбвелл, запиши их и введи в курс дела. Сержант Гвалхгвинн, размести их по каютам. С тобой, мой добрый друг и наставник, мы поговорим после, когда я закончу опрос.

Направляясь по коридору в каюты, они наткнулись на Логу. Она побледнела, потом покраснела и с криком: «Питер, сволочь ты этакая!» кинулась на Фрайгейта. Тот упал, а она вцепилась ему в горло. Негр и Микс со смехом оттащили ее.

— Ты сегодня определенно имеешь успех,— сказал Микс Фрайгейту.

— Вас опять не за того приняли.— И Бёртон объяснил Логу, в чем дело.

Фрайгейт, кашляя и ощупывая расцарапанную шею, сказал:

— Не знаю, кто тот другой Фрайгейт, но человек он явно неприятный.

Логу неохотно извинилась, все еще не совсем уверенная в том, что этот Фрайгейт — не ее прежний любовник.

— Меня она могла бы хватать, когда ей угодно,— пробормотал Микс.— Только не за шею.

Логу, услышав, ответила:

— Если инструмент у тебя такой же большой, как шляпа, могу ухватиться за него.

Микс покраснел до ушей, а когда она удалилась, покачивая бедрами, сказал:

— Чересчур большая нахалка, на мой взгляд.

Два дня спустя они с Логу стали жить вместе.

Бёртону не верилось в то, что сходство обоих Фрайгейтов — всего лишь совпадение. При каждом удобном случае он вступал с американцем в разговор, стараясь копнуть поглубже. И был поражен, узнав, что этот Фрайгейт, как и тот, изучал его, Бёртона, жизнь.

Фрайгейт, в свою очередь, наблюдал за Бёртоном, но скрытно. Бёртон то и дело ловил на себе его взгляд. Однажды вечером, в салоне, убедившись, что их никто не слышит, Фрайгейт перешел прямо к делу. Говорил он по-английски.

— Я видел множество портретов Ричарда Фрэнсиса Бёртона Его большое фото, где он снят в пятьдесят лет, даже висело на стене у меня в кабинете. Так что я, пожалуй, узнал бы его и без усов и раздвоенной бородки.

— Да?

— Я хорошо помню его фотографию в тридцатилетнем возрасте. Тогда у него были только усы, очень пышные, правда. Так вот, если их убрать...

— Да?

— Тот Бёртон будет очень похож на одного средневекового валлийца. Этот знакомый мне валлиец именует себя Гвалхгвинн, что в переводе означает «белый ястреб». Гвалхгвинн — это старинное валлийское имя, которое много позднее стало произноситься как Гавейн. А Гавейн — это рыцарь, который, в ранних легендах о короле Артуре, первым отправился на поиски Святого Грааля. Те металлические рога изобилия, что зовутся граалями у нас, по форме очень похожи на башню, которая будто бы стоит посреди северного полярного моря — так я слышал. Значит, ее можно назвать Большим Граалем.

— Как интересно,— сказал Бёртон, пригубив свой грог.— Сколько совпадений.

Пристальный взгляд Фрайгейта чуточку смущал его. Черт бы побрал этого парня. Он так похож на того, другого, что мог бы быть его братом. Может, он и есть его брат. Может, они оба агенты, и этот играет с ним точно так же, как тот.

— Бёртон должен прекрасно знать все циклы о короле Артуре и более ранние народные предания, на которых они основаны. Было бы очень похоже на него, если бы он выдал себя за другого — а на Земле он часто к этому прибегал,— взяв себе имя Гвалхгвинн. Сам он знал бы, что это имя искателя Святого Грааля, но полагал бы, что больше никто этого не знает.

— Я не настолько туп, чтобы не понять вас. Вы думаете, что я и есть тот самый Бёртон. Но я никогда о нем не слыхивал и буду вам обязан, если вы оставите эту тему, как бы она вас ни занимала. Я вашего интереса не разделяю.— Бёртон поднес бокал к губам и выпил.

— Нур говорил мне: этик, посетив его, сказал, что среди его избранников находится капитан, сэр Ричард Фрэнсис Бёртон, знаменитый путешественник девятнадцатого века.

Бёртон владел собой настолько, что ухитрился не пролить напиток. Он медленно поставил бокал на стойку.

— Нур?

— Вы его знаете. Мистер Бёртон, остальные ждут нас в реквизиторской. Я вам открою кое-что, только чтобы показать, как я уверен в том, что вы — Бёртон. Микс и Лондон тоже пользовались вымышленными именами, но теперь решили — хватит. Итак, мистер Бёртон, идете вы со мной?

Бёртон размышлял. Вдруг Фрайгейт и его спутники — агенты? Вдруг они намерены схватить его и допросить, как он сам намеревался поступить с мнимыми агентами?

Он оглядел людный и шумный салон и, увидев Казза, сказал:

— Что ж, если вы продолжаете настаивать на этой чепухе, я пойду, только прихвачу с собой своего друга-неандертальца. И мы будем вооружены.

Когда Бёртон десять минут спустя вошел в реквизиторскую, его сопровождали также Алиса и Логу.

Микс, увидев Логу, изумленно разинул рот.

— Ты тоже посвящена?

Глава 12

Они условились никогда не говорить об этике или о чем-то связанном с ним в своих каютах. Там может быть подслушивающая аппаратура. В следующий раз они встретились за игрой в покер. Присутствовали Бёртон, Алиса, Фрайгейт, Нур, Микс и Лондон. Логу и Умслопогаас несли вахту.

Выслушав рассказы Нура и Микса о визитах этика, Бёртон поверил в то, что они действительно рекруты Икса. И только тогда открыл им, кто он на самом деле, а потом рассказал свою историю, ничего не утаивая.

— Добавляю до десяти,— говорил он теперь.— Нет, по-моему, не нужно ставить «жучки» в каютах подозреваемых. Может, мы и узнали бы что-то ценное, но если бы они нашли хоть один, то поняли бы, что на борту есть агенты Икса — думаю, нас можно называть так. Слишком опасно.

— Я согласен,— сказал маленький мавр.— А вы?

Согласились все, даже Микс, который и предложил поставить «жучки».

— А как быть с Подебрадом? Когда я его вижу, он говорит мне «здрасьте» и идет себе мимо, скалясь, точно пастор, который только что узнал, что его подружка не беременна. Меня это бесит. Так бы и врезал ему.

— Я тоже,— сказал Лондон.— Он воображает, что, раз он оставил нас в дураках, ему это так и сойдет.

— Если вы начнете сводить с ним счеты, вас просто вышвырнут с парохода,— заметил Нур.— Кроме того, он необычайно силен. Как бы он сам вам не врезал.

— Да слабо ему! — хором сказали Микс и Лондон.

— У вас имеется чертовски хороший повод ему отомстить,— вмешался Бёртон.— Однако на время этот вопрос снимается. Возражений нет?

— Но почему он пообещал взять нас с собой на дирижабле, а потом бросил в таких обстоятельствах?

— Я думал об этом,— сказал Нурэддин.— Единственное разумное объяснение в том, что он как-то заподозрил в нас агентов Икса. И это еще раз доказывает, что сам он — агент этиков.

— А по мне, он просто садист,— заявил Лондон.

— Нет.

— Если он вас подозревает, вам следует быть начеку,— сказал Бёртон.— Мы тоже будем остерегаться. Предположение Нура — открытие для меня, иначе я не стал бы предлагать собраться в салоне.

— Теперь уж поздно беспокоиться,— сказала Алиса.— Если он и агент, он ничего не станет предпринимать, пока не окажется у истока Реки. Так же как и мы.

Бёртон сорвал банк, имея на руках трех валетов и две десятки. Алиса сдала. Нур думал явно о чем-то другом, а не о покере, и

все-таки половина выигрышей осталась за ним. Бёртон подозревал, что мавр огреб бы еще больше, если бы сосредоточился. Нур по одному виду своих партнеров угадывал, что у них на руках.

— Что ж, насладимся хотя бы прогулкой по Реке,— сказал Фрайгейт.

Бёртон наблюдал за ним из-за полуопущенных век. Этот Фрайгейт постоянно льстил ему, как и тот,— то ли притворно, то ли искренне. При каждом удобном случае Фрайгейт приставал к Бёртону с вопросами — они касались в основном тех периодов его жизни, о которых биографы могли только гадать. Обоих Фрайгейтов интересовали также взгляды, верования и нравственные ценности Бёртона. Например, его отношение к женщинам, к цветным, его вера в телепатию. Бёртон устал объяснять, что далеко не все свои земные верования сохранил в этом мире. Что он слишком много повидал, слишком много испытал и во многом изменился. Теперь Бёртон счел момент подходящим, чтобы заняться делом двойного Фрайгейта.

— Такие совпадения случайными не бывают — должна быть какая-то причина.

— Я тоже думал об этом,— сказал Фрайгейт.— К счастью, я всегда увлекался фантастикой и сам ее писал. Поэтому воображение у меня гибкое — придется и вам напрячь свое, ибо я уверен: тот Фрайгейт, которого знали вы,— это мой брат Джеймс, скончавшийся в возрасте одного года! Подумайте о всех детях, умерших на Земле. Рассудите: если бы они росли здесь, на планете не хватило бы места. Ведь дети, умершие до пяти лет, составили бы подавляющее большинство всего здешнего населения.

Куда же этики девали их? Да просто воскресили на другой планете — возможно, такой же, как эта, возможно, и нет. Могли понадобиться даже две планеты, чтобы разместить их всех.

Давайте предположим, что так все и было. Впрочем,— поднял палец Фрайгейт,— впрочем, могло быть и так, что детей по какой-то причине еще вообще не воскрешали. Возможно, их воскресят здесь, когда нас не станет. Кто знает?

Во всяком случае, не я. Я могу лишь догадываться. Итак, допустим, что младенцев оживили на другой планете. Не всех сразу — должны ведь быть и взрослые, чтобы заботиться о них. Для такого количества даже Земли не хватило бы. Значит, их воскрешают постепенно, по стольку-то за такой-то срок. Они вырастают и становятся няньками, учителями, приемными родителями

для следующей партии. Так оно и идет. Либо все происходит одновременно на нескольких планетах. Но в этом я сомневаюсь. На переустройство планеты должна затрачиваться колоссальная энергия. Разве что они используют планеты, которые нет нужды переустраивать.

— А играть кто будет? — спросил Лондон.— Окружающие скоро заинтересуются, о чем это мы толкуем.

— Я готов открыть,— сказал Микс.

С минуту они занимались только игрой. Потом Фрайгейт продолжил:

— Если мое предположение верно, будем рассуждать дальше. Так вот: я был старшим ребенком в семье. Старшим из тех, кто выжил. Передо мной был еще Джеймс — он умер в год, а я родился через шесть месяцев после этого. Допустим, его воскрешают. Он вырастает и становится агентом этиков.

В День Воскрешения его засылают сюда, чтобы следить за Бёртоном. Почему? Потому что этикам известно, что Бёртон очнулся в той камере, полной плавающих тел, еще до Дня Воскрешения, в который должен был ожить. Они догадываются, что это произошло не случайно, что кто-то оживил Бёртона намеренно. Об этом нам и гадать незачем. Именно так сказали Бёртону на Совете двенадцати. Память об этом собирались стереть из его мозга, но Икс воспрепятствовал этому.

В общем, у этиков возникли подозрения. И они приставили к Дику мнимого — вернее, настоящего — Фрайгейта. Мой брат должен был следить за Бёртоном и сообщать обо всем подозрительном. Но попал впросак, как и все в долине.

— Беру две,— сказал Бёртон.— Очень занимательно, Питер. Гипотеза на первый взгляд безумная, однако может быть верной. Но если твой брат агент — кто же тогда Монат, этот таукитянин, арктурианин или откуда он еще взялся? Уж он-то наверняка агент, несколько странно, конечно, но все же...

— Может, он этик? — спросила Алиса.

— Я это и хотел сказать,— сердито ответил Бёртон, не любивший, когда его прерывали.— Не думаю, чтобы Монат был этиком, иначе он присутствовал бы на Совете... Или нет, клянусь Аллахом! Будь он там, я узнал бы его, и он бы не смог следовать за мной. Я вообще не пойму, зачем он ко мне привязался. Во всяком случае, присутствие Моната означает, что в этом деле заме-

шаны разные виды... расы... семейства... инопланетяне, одним словом.

— Беру одну,— сказал Фрайгейт.— Я как раз собирался сказать...

— Извини,— перебил Лондон.— Но откуда твой брат столько знает о Бёртоне?

— Думаю, воскрешенные дети получают образование получше, чем на Земле. И возможно — предположим это,— Джеймс знает, что я его брат. Разве способны мы постичь объем знаний, которыми обладают этики? Вспомните фото Бёртона, которое тот нашел в кармане агента Аньо. На ней Дик снят в двадцать восемь лет, когда служил субалтерном в Восточно-Индийской армии. Не доказывает ли это, что этики присутствовали на Земле в тысяча восемьсот сорок восьмом году? Кто знает, как долго они ходили по Земле, собирая информацию? И с какой целью?

— Но почему Джеймс назвался твоим именем? — спросил Нур.

— Потому что я — страстный поклонник Бёртона. Я даже написал о нем роман. Может, так проявилось у Джеймса чувство юмора. У меня оно тоже имеется. Вся наша семья известна несколько странным чувством юмора. И Джеймсу показалось забавным сделаться собственным братом, тем Питером, которого он никогда не видел. Может, он хотел прожить таким образом жизнь, в которой ему было отказано на Земле. Может, он думал, что сойдет за меня, встретившись с каким-нибудь знакомым Фрайгейтов. А может, верны все причины, которые я перечислил. Уверен, что он разделался с мошенником-издателем Шарко, чтобы отомстить за меня,— это доказывает, что ему многое известно о моей земной жизни.

— Но как отнестись к рассказу агента Спрюса? — спросила Алиса.— Он говорил, что явился из семьдесят второго века, и что-то толковал о хроноскопе, с помощью которого можно видеть прошлое.

— Спрюс мог и солгать,— сказал Бёртон.

— Я лично не верю ни в хроноскоп, ни в какие бы то ни было путешествия во времени,— заявил Фрайгейт.— Впрочем, это я зря. Мы все путешествуем во времени. Но только вперед — иного пути нет.

— Никто из вас не сказал,— заметил Нур,— что детей кто-то должен был воскресить. Возможно, это были люди из семьдесят второго века, а возможно, и нет. Скорее, это сделали сопланетяне Моната. Вспомните: Спрюса допрашивал в основном Монат. Может быть, это он научил Спрюса, что говорить.

— Но зачем? — спросила Алиса.

На этот вопрос нельзя было ответить, если не принять рассказ Икса за истину. Пока что его рекруты склонялись к тому, что он такой же лжец, как и его собратья.

Нур закончил партию замечанием, что агенты, севшие на пароход в самом начале, не скрывали, что жили после 1983 года. Агенты же, попавшие на борт позже, знают, что это подозрительно, и не прибегают к этой легенде. Так, здоровенный галл Мегалосос (что значит «великий») заявляет, что жил во времена Цезаря, но это только его слова. К тому же галл, кажется, сдружился с Подебрадом — Нур никогда бы не подумал, что такое возможно. Есть вероятность, что Мегалосос тоже агент.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». НОВОБРАНЦЫ И КОШМАРЫ КЛЕМЕНСА

Глава 13

Глаза де Марбо доказывали, что механика воскрешения не всегда работала как надо.

Жан Батист Антуан Марселен, барон де Марбо, родился в 1782 году с карими глазами. И лишь долгое время спустя после Дня Воскрешения обнаружил, что их цвет изменился, когда одна женщина назвала его голубоглазым.

— Sacre bleu! — выругался он.— Неужели?

Он позаимствовал у кого-то слюдяное зеркальце, недавно привезенное торговцем по Реке — слюда была редкостью,— и впервые за десять лет увидел свое лицо. Лицо было все то же — веселое, круглое, со вздернутым носом, улыбчивое, отнюдь не лишенное привлекательности.

Только глаза светились голубизной.

— Merde! — опять выругался он и перешел на эсперанто: — Попадись мне только эти отвратительные создания, проделавшие это со мной, я нанижу их на шпагу!

Он вернулся, кипя гневом, к своей сожительнице и повторил ей угрозу.

— Но у тебя же нет шпаги,— сказала она.

— Ты все понимаешь слишком буквально! А шпага у меня когда-нибудь будет. На такой каменистой планете должно быть железо.

В ту же ночь ему приснилась огромная птица с ржавыми перьями и клювом стервятника — она глотала камни и испражнялась

стальными катышками. Но в этом мире не было птиц, тем более oiseau de fer*.

Теперь у де Марбо были сабля, кортик, шпага, стилет, длинный нож, топор, копье, пистолеты и винтовка. Он был генералом десантной бригады и вынашивал честолюбивый замысел стать полным генералом. При этом к политике он питал отвращение и не имел ни интереса, ни склонности к бесчестному интриганству. Однако командиром десантников он мог бы стать лишь после смерти Эли С. Паркера, которая очень опечалила бы его. Де Марбо любил славного индейца-сенеку.

Все первобытные воины на борту ростом превышали шесть футов, а некоторые были настоящие великаны. Даже те, что были пониже, не нуждались в высоком росте, поскольку обладали мощными костяком и мускулами. Де Марбо среди них выглядел настоящим пигмеем, будучи росточком пять футов четыре дюйма, но Сэм Клеменс любил его, восхищаясь задором и отвагой француза. Сэму нравилось слушать рассказы о походах де Марбо, нравилось иметь у себя под началом бывших генералов, адмиралов, государственных мужей.

— Им полезно подчинение, оно закаляет их характер,— говорил Сэм.— Этот французик — первоклассный военачальник, и я забавляюсь, глядя, как он командует своими большими обезьянами.

Де Марбо, бесспорно, был опытным и одаренным воином. Вступив во Французскую республиканскую армию в возрасте семнадцати лет, он быстро продвинулся, став адъютантом маршала Ожеро, который командовал Седьмым корпусом во время войны 1806–1807 годов против Пруссии и России. Де Марбо сражался в Испании под началом Ланна и Массены, участвовал в русской кампании 1812 года, пережив страшное отступление из Москвы, а после принимал участие в германской кампании 1813 года. Он был ранен одиннадцать раз, при Ганау и Лейпциге тяжело. Наполеон, вернувшись с острова Эльба, сделал де Марбо бригадным генералом, и тот получил очередную рану в кровавой битве при Ватерлоо. Бурбон отправил де Марбо в изгнание, но в 1817 году он вернулся на родину. При Июльской монархии он участвовал в осаде Антверпена и несколько лет спустя получил за это чин генерал-лейтенанта. С 1835 по 1840 год де Марбо служил в алжир-

* Железные *(фр.)*.

ских войсках и в свои шестьдесят лет был ранен в последний раз. После падения короля Луи Филиппа в 1848 году де Марбо ушел в отставку и написал свои мемуары, которые так восхитили Артура Конан Дойла, что он создал на их основе «Похождения бригадира Жерара». Главная разница между вымышленным персонажем и его прототипом заключалась в том, что де Марбо был умен и проницателен, тогда как Жерар, при всей своей храбрости, умом не блистал.

В семьдесят два года бравый наполеоновский солдат скончался в Париже, в своей постели.

Мерой привязанности к нему Клеменса служило то, что Сэм рассказал де Марбо о Таинственном Незнакомце, этике-ренегате.

Пароход стоял на якоре, и Клеменс набирал рекрутов. Со времени кровавых беспорядков после отказа питающих камней на правом берегу прошло два месяца, и Река освободилась от затора зловонных трупов.

Де Марбо в дюралюминиевом шлеме с плюмажем из вздыбленных клеем полосок рыбьей кожи и в дюралюминиевой кирасе, похожий на троянского воина с картинки, прохаживался вдоль длинной шеренги кандидатов. Ему было поручено провести предварительный опрос, чтобы отсеять неподходящих и сберечь капитану время и силы.

В середине ряда де Марбо заметил четверых мужчин, которые, похоже, хорошо знали друг друга. Он остановился около первого, высокого, мускулистого и темнокожего, с огромными руками. Судя по цвету кожи и курчавым волосам, это был квартерон — так и оказалось.

На вежливые расспросы де Марбо он ответил, что зовут его Томас Миллион Терпин. Родился он в Джорджии году в 1873-м — точно он не знает,— но вскоре его родители переехали в Сент-Луис, штат Миссури.

Отец держал таверну «Серебряный доллар» в квартале Красных фонарей. В молодости Том с братом Чарльзом купили себе пай на шахте «Большая луковица» близ Серчлайта, Небраска, и стали ее разрабатывать; не найдя золота в течение двух лет, они откочевали на запад, но потом вернулись в Сент-Луис.

Терпин обосновался в родном квартале, работая по совместительству вышибалой и пианистом. К 1899 году он стал там самым важным лицом, контролируя музыку, спиртное и игру. Его кафе «Розовый бутон», центр его маленькой империи, славилось на

всю страну. Внизу помещался бар-ресторан, а наверху «отель», то есть публичный дом.

Однако Терпин был не только боссом темного бизнеса. Он, по его словам, был великим пианистом, хотя и признавал, что до Луи Шовена все-таки не дотягивал. Пионер синкопированной музыки, он прославился в Сент-Луисе как отец рэгтайма, и его «Гарлемский рэг», вышедший в 1897 году, стал первым рэгтаймом, который сочинил и опубликовал негр. Терпин написал еще знаменитый «Сент-Луисский рэг» к открытию в городе всемирной ярмарки, но этот уже в свет не вышел. Умер Терпин в 1922 году и всю свою жизнь в мире Реки бродил с места на место.

— Я слыхал, у вас на пароходе есть рояль,— с ухмылкой сказал он.— Здорово было бы побренчать по костяшкам.

— У нас их десять,— ответил де Марбо.— Вот, возьми.— И он вручил Терпину дощечку длиной в шесть дюймов с буквами М. Т.— Когда подойдешь к столу, отдай это капитану.

Сэм будет счастлив. Он любит рэгтайм и как-то говорил, что у них недостаточно исполнителей популярной музыки. И потом, Терпин крупный и, как видно, крутой мужчина — иначе не стал бы боссом в квартале Красных фонарей.

За ним стоял свирепого вида китаец по имени Тай-Пен, ростом примерно пять футов десять дюймов, с большими горящими зелеными глазами и демоническим лицом. Его черные волосы, украшенные тремя цветками железного дерева, доходили до пояса. Китаец заявил пронзительным голосом, что он — прославленный фехтовальщик, любовник и поэт своего времени, то есть династии Тан, правившей в восьмом веке.

— Я был одним из Шести Бездельников Бамбукового Ручья и одним из Восьми Бессмертных Винной Чаши. Я могу слагать стихи экспромтом на турецком языке, на китайском, корейском, английском, французском и на эсперанто. В сражении на мечах я скор, как колибри, и опасен, как гадюка.

Де Марбо рассмеялся и пояснил, что сам рекрутов не набирает. Однако он дал китайцу табличку и перешел к следующему.

Этот был мал ростом, хотя и выше де Марбо, темнокожий, черноглазый и толстый, с животом как у Будды. У него были чуть раскосые глаза, орлиный нос и массивный подбородок с глубокой выемкой. Он сказал, что зовут его Ах-К'ак, а родом он с восточного побережья страны, которую де Марбо назвал бы Мек-

сикой, а народ Ах-К'ака называл Страной Дождя. Ах-К'ак не знал точно, в какое время по христианскому календарю он жил, но один сведущий человек сказал ему, что это было лет за сто до новой эры. Его родным языком был майя, и он принадлежал к народу, который более поздние культуры называли ольмеками.

— Да, я слышал об ольмеках,— сказал де Марбо.— У нас за капитанским столом имеются очень ученые люди.

Де Марбо усвоил, что ольмеки основали первую цивилизацию в Центральной Америке, а все остальные доколумбовы племена произошли от них — и майя, и тольтеки, и ацтеки, и прочие. У этого человека, хотя он и древний майя, голова не сплющена искусственно и глаза не скошены, как было у них принято в те времена, однако де Марбо по здравом размышлении решил, что этики, конечно, все это исправили.

— Давненько не встречал я такого толстяка,— сказал де Марбо.— Мы на «Внаем не сдается» ведем очень активную жизнь, и у нас нет места лодырям и обжорам. Кроме того, кандидат должен выделяться чем-то из общего ряда.

Ах-К'ак ответил высоким, хотя и не таким тонким, как у китайца, голосом:

— Жирный кот, когда надо, бывает сильным и скорым. Сейчас я тебе покажу.

Он взял свой кремневый топор, насаженный на рукоятку из дуба восемнадцати дюймов длиной и двух в толщину, и переломил эту рукоять, как леденец. Потом предложил французу прикинуть кремень на вес.

— Фунтов десять,— сказал де Марбо.

— Смотри! — И Ах-К'ак метнул топор, точно бейсбольный мяч. Де Марбо следил за его полетом, вытаращив глаза,— топор взмыл очень высоко и упал вдали на траву.

— Mon Dieu!* Никто, кроме Джо Миллера, не сделал бы такого броска! Поздравляю, синьоро. Держи.

— Еще я прекрасно стреляю из лука и дерусь на топорах,— спокойно сказал Ах-К'ак.— Вы не пожалеете, если возьмете меня.

Человек рядом с Ах-К'аком был такого же роста, приземист и сложен как Геркулес. Он даже внешне походил на Ах-К'ака орлиным носом и круглым раздвоенным подбородком. Но жира на нем не было, и он не принадлежал к американским индейцам, хотя имел почти столь же темную кожу. Назвался он Гильгамешем.

— Мы с Ах-К'аком соревновались, кто кому прижмет руку,— сказал он,— и никто не смог победить. Еще я превосходный лучник и боец на топорах.

— Отлично! И капитан с удовольствием послушает твои рассказы о древнем Шумере — у тебя их, я уверен, в достатке. Ему приятно будет иметь на борту царя и бога. Царей он уже встречал, хотя ему с ними, как правило, не везло. Боги — другое дело. Боги капитану пока не попадались! На, держи.

Де Марбо двинулся дальше и, отойдя туда, где шумер — если он был таковым — уже не мог видеть и слышать его, со смеху повалился на траву. Потом встал, вытер слезы и продолжил опрос.

Четверо этих и еще шесть других были приняты. Взойдя по трапу на котельную палубу, они увидели Моната-инопланетянина, который стоял у борта и сверлил их взором. Новобранцы испугались, но де Марбо велел им следовать дальше. Позже он объяснит им, что это за странное существо.

Но вечером новичкам не пришлось познакомиться с Монатом, как было задумано. Две женщины не поделили мужчину и принялись палить друг в друга. Прежде чем их разняли, одна получила тяжелую рану, а вторая прыгнула за борт с граалем в одной руке и своими пожитками — в другой. Мужчина тоже решил уйти, поскольку предпочитал беглянку. Пароход остановили, и он сошел. Сэм так расстроился, что отложил церемонию презентации в большом салоне до завтра.

А ночью Монат Гррауту исчез.

Никто не слышал крика, никто не заметил ничего подозрительного.

Осталось только кровавое пятно на кормовых поручнях палубы «А», которое могло сохраниться по недосмотру команды уборщиков после боев за камни левого берега.

Клеменс подозревал, что к исчезновению приложил руку кто-то из четырех новобранцев, однако они твердили, что ночью спали в своих койках, а улик против них не было.

Пока Сэм разбирал дело, жалея, что на борту нет Шерлока Холмса, «Внаем не сдается» шел вперед. Через три дня после пропажи Моната на Реке объявился Сирано де Бержерак и подал сигнал, чтобы его приняли на борт. Сэм выругался, увидев его. Он надеялся, что они пройдут мимо Сирано ночью, однако вот он, француз, и его видели человек пятьдесят из команды.

* Боже мой! *(фр.)*

Француз весело взошел на борт и перецеловал всех своих друзей: мужчин в обе щеки, а женщин неспешно в губы. Войдя в рубку, он воскликнул:

— Капитан! Что я вам расскажу!

«Вот разуважишь, если расскажешь»,— сердито подумал Клеменс.

Глава 14

Мужчина и женщина лежали рядом. Тела их соприкасались, но сны блуждали за много световых лет друг от друга.

Сэму Клеменсу снова снилось, как он убил Эрика Кровавого Топора. Или, точнее, взбудоражил других, один из которых и вонзил копье в живот норвежцу.

Упавший метеорит нужен был Сэму, поскольку состоял из никеля и стали. Без них Сэм не построил бы огромный пароход, который так часто виделся ему во сне. Сэм давал указания Лотару фон Рихтхофену. Джо Миллер не присутствовал — его предательски захватил в плен бывший король Англии. Неприятельский флот плыл с низовьев Реки, чтобы завладеть упавшей звездой. Король Иоанн готовил свой флот в верховьях для той же цели.

Армия Сэма оказалась меж двух огней и была слабее обеих. Враги обещали размолоть ее, как жерновами. Победить можно было, лишь заключив союз с Иоанном. Союз нужен был и для того, чтобы спасти жизнь Джо Миллеру.

Но Эрик Кровавый Топор, компаньон Сэма, наотрез отказался вступать в сделку. Он ненавидел Джо Миллера, единственного человека, к которому испытывал страх, если считать Джо человеком. Кровавый Топор заявил, что его и Сэма люди встанут насмерть и одержат блистательную победу над обоими войсками. Это была глупая похвальба, хотя сам норвежец, возможно, и верил в нее.

Эрик Кровавый Топор был сыном Харальда Хаарфагера (Харальда Пышноволосого), который впервые объединил Норвегию и чьи победы привели к массовым миграциям в Англию и Исландию. Со смертью Харальда, последовавшей около 918 года, Эрик стал королем. Но популярностью он не пользовался, считаясь суровым и жестоким государем даже по тем временам. Его кровный брат Хокон, которому в ту пору было пятнадцать, с годовалого возраста воспитывался при дворе английского короля Ательстана. При поддержке англичан Хокон поднял норвежское войско против своего брата. Эрик бежал в Англию, в Нортумберленд, где передал права на свое королевство Ательстану, но недолго прожил после этого. Норвежские хроники повествуют, что он погиб в 954 году, совершая набег на Южную Англию. Английская же летопись гласит, что Эрик был изгнан из Нортумберленда и убит в битве при Стэйнморе.

Эрик сказал Клеменсу, что верна первая версия.

Клеменс объединился с норвежцем потому, что тот владел редчайшим оружием — стальным топором — и разыскивал руду, из которой топор был сделан. Клеменс надеялся, что руды хватит и на то, чтобы построить большой пароход, на котором он доплывет до истоков Реки. Эрик был невысокого мнения о Сэме и взял его к себе только из-за Джо Миллера. Эрик не любил Джо, но признавал, что в бою титантроп незаменим. А потом король Иоанн захватил Джо в заложники. Отчаявшийся Сэм, боясь, что король убьет Джо и метеорит будет потерян, обсудил ситуацию с Лотаром, младшим братом «Красного барона». Сэм предложил убить Эрика и его викингов — тогда можно будет вступить в переговоры с Иоанном, который должен понять, что ему выгодно объединиться с Клеменсом. Вместе они могут выстоять против сил фон Радовица, идущих вверх по Реке.

Сэм подкрепил свои аргументы тем, что Кровавый Топор, скорее всего, намерен убить его самого после победы над врагом. Кто-то из них неизбежно должен умереть.

Лотар фон Рихтхофен согласился с Сэмом. Расправиться с предателем не значит совершить предательство. Кроме того, логика не оставляет иного выхода. Будь Кровавый Топор истинным другом — дело другое. Однако доверять ему можно не больше, чем гремучей змее, у которой болят зубы.

И злодеяние совершилось.

Да, это было злодеяние, как бы ни оправдывали его обстоятельства.

Сэм так и не смог избавиться от сознания своей вины. В конце концов, можно было просто плюнуть на метеорит и отказаться от своей мечты.

Сэм с Лотаром и несколькими надежными людьми пришли к хижине, где Кровавый Топор занимался любовью с женщиной. Бой с охраной длился всего минуту — превосходящие силы захватили викингов врасплох.

Голый Эрик выскочил наружу со своим большим топором, и Лотар пригвоздил его копьем к стене хижины.

Сэма чуть не вырвало, но его поддержала мысль о том, что все, по крайней мере, кончено. И когда сильная рука схватила его за лодыжку, он едва не лишился чувств от ужаса. Сэм посмотрел вниз: умирающий Эрик держал его мертвой хваткой.

— Bikkja,— чуть слышно, но ясно выговорил викинг. Это значило «сука» — Эрик часто обзывал так Клеменса, которого считал женоподобным.

— Кал Рататока,— добавил Эрик.

Рататок — это гигантская белка, скачущая по ветвям мирового дерева Иггдрасила — космической оси, связывающей вместе землю, обитель богов и преисподнюю.

А потом Кровавый Топор предсказал, что Клеменс построит-таки свой корабль. И поведет его вверх по Реке. Но и постройка корабля, и само путешествие принесут Клеменсу одно только горе вместо ожидаемой радости. И когда Клеменс наконец приблизится к истокам Реки, он, Кровавый Топор, будет ждать его там.

Слова умирающего врезались Сэму в память, и теперь, во сне, он слышал их опять из уст темной фигуры, которая вцепилась ему в ногу, высунув руку из-под земли. Горящие глаза смотрели из ямы на Клеменса.

— Я достану тебя! Я буду поджидать тебя в лодке, а после убью. Ты не доберешься до конца Реки и не пройдешь во врата Валгаллы!

Хватка ослабла, но Сэм, окоченевший от ужаса, не мог отойти прочь. Призрак хрипел в агонии, а Сэм стоял недвижимо, хотя внутри у него все ходило ходуном.

— Я жду!

Таковы были последние слова Эрика, отдававшиеся эхом в снах Клеменса все эти годы.

После Сэм посмеялся над пророчеством Эрика. Видеть будущее не дано никому. Это суеверная чушь. Может, Кровавый Топор и живет сейчас где-то в верховьях Реки — но если это и так, это только совпадение. Такова же вероятность того, что он оказался в нижнем течении Реки. И даже если викинг ждет своего часа, чтобы отомстить, вряд ли ему представится для этого случай. Пароход останавливается только три раза в день, если не считать редких недельных стоянок. Скорее всего, пароход пройдет мимо Эрика. Ни бегом, ни в весельной лодке, ни под парусом Кровавому Топору не догнать быстроходное судно.

Эти здравые мысли, однако, не мешали Эрику являться Сэму в страшных снах. Возможно, потому что в душе Сэм признавал себя виновным в убийстве. А виновный должен нести наказание.

Владыка Снов с присущей ему легкостью сменил кадр, и Сэм оказался в хижине. Была ночь, лил дождь, гремел гром, и молния хлестала во тьме, как плетка-девятихвостка. Ее вспышки слабо освещали хижину. Рядом с Сэмом присела темная фигура в плаще с капюшоном.

— Чем обязан столь неожиданному визиту? — спросил Сэм, как тогда, при втором посещении Таинственного Незнакомца.

— Мы со Сфинксом играем в покер с жеребьевкой,— ответил Незнакомец.— Не хочешь ли присоединиться?

Сэм проснулся. На его стенном хронометре светились цифры 03.03.

Бог троицу любит. Рядом Гвенафра простонала во сне: «Ричард». Так ей снится Ричард Бёртон. Ей было всего лет семь, когда она с ним познакомилась, и знала она его только год, а вот забыть не может. Детская любовь не прошла.

Теперь ничто не нарушало тишины, кроме дыхания Гвенафры и отдаленного шлепанья колес по воде. От их вращения пароход слегка вибрировал. Держа руку на дюралюминиевой раме кровати, Клеменс чувствовал эту легкую дрожь. Четыре колеса, движимые мощными электромоторами, гнали судно к цели.

На берегах Реки спали люди. Над полушарием стоит ночь, и около 8,75 миллиона человек спят и видят сны. Что им видится? Кому-то Земля, кому-то этот мир.

А пещерный человек, быть может, стонет и мечется, видя, как саблезубый зверь крадется к огню у входа. Джо Миллеру часто снились мамонты, лохматые, с загнутыми бивнями левиафаны его времени — их мясом он набивал свой объемистый живот, из их шкур делал шатры, бивнями подпирал эти шатры, из зубов низал громадные ожерелья. Еще Джо снился его тотем, его предок — гигантский пещерный медведь; могучий и косматый, он приходил и давал Джо советы по разным трудным делам.

А иногда Джо снилось, что враги бьют его палками по пяткам. Джо, весивший восемьсот фунтов, страдал плоскостопием и не мог оставаться на ногах весь день, как пигмеи homo sapiens; ему то и дело приходилось садиться и давать отдых своим несчастным ногам.

У Джо бывали поллюции по ночам, когда ему снилась женщина его породы. Теперь он спал с красоткой ростом шесть футов семь дюймов, со славянкой-кашубкой из третьего века. Ей нравилась огромность Джо, его волосатость, его здоровенный нос, его колоссальный член и его мягкосердечие. Возможно, она получала извращенное наслаждение, предаваясь любви с тем, кто был не совсем человеком. Джо тоже любил ее, но это не мешало ему грезить о своей земной жене и других женщинах своего племени. Или, скорее, как грезят все живые, о подруге, созданной Владыкой Снов, об идеале, что существует только в подсознании.

«Каждый человек, как луна, имеет темную сторону, которую не показывает никому».

Так писал Сэм Клеменс. И это правда. Но Владыка Снов, этот шталмейстер причудливых цирков, каждую ночь выводит на арену хищников и акробатов, канатоходцев и карликов.

В своем последнем за ночь сне Сэмюэль Ленгхорн Клеменс оказался заперт в одном помещении с огромной машиной, которой управлял Марк Твен, его второе «я». Машина была чудовищная, приземистая, с круглым верхом — какой-то тысяченогий, тысячезубый таракан. Вместо зубов у нее в пасти были пузырьки с патентованным средством «змеиное масло», а вместо ног — металлические штыри с буквами алфавита на конце. Она ползла на Клеменса, лязгая зубами и скрипя несмазанными сочленениями. Марк Твен сидел у нее на спине в золотом, усыпанном бриллиантами слоновьем седле и управлял ею, двигая рычагами. Это был старик с пышными белыми волосами и пышными белыми усами, и костюм на нем был белый. Сначала он скалился, а потом сердито глянул на Сэма и заработал рычагами, стараясь отрезать Сэму путь к бегству.

Сэму было всего восемнадцать, и его знаменитые усы еще не отросли. В руке он сжимал ручку коврового саквояжа.

Сэм бегал кругами по комнате, а машина с лязгом и скрежетом преследовала его, то наступая, то отступая. Марк Твен все время кричал ему: «Вот страничка из твоей книги, Сэм» или «Твой издатель шлет тебе наилучшие пожелания, Сэм, и просит еще денег».

Сэм верещал не хуже машины, чувствуя себя мышью, которую ловит механическая кошка. Как бы быстро он ни бегал, как бы ни вертелся, ни прыгал и ни изворачивался, его неизбежно поймают.

Вдруг по металлическому панцирю чудища прошла дрожь. Оно остановилось и застонало. Потом лязгнуло зубами и присело, подогнув ноги. Из заднего отверстия хлынул поток зеленых бумажек — это были тысячедолларовые купюры, скоро целая куча их выросла у стены и стала сыпаться на машину. Гора все росла и наконец обрушилась на Марка Твена, который ругал машину на чем свет стоит.

Завороженный Сэм пополз вперед, настороженно поглядывая на машину, и подобрал одну из бумажек. «Наконец-то,— подумал он,— наконец-то сбылось».

Но купюра у него в руке превратилась в человеческий кал.

И все ассигнации, что были в комнате, тоже.

Затем в глухой стене отворилась дверь.

В комнату заглянул Г. Г. Роджерс. Этот состоятельный человек поддерживал Сэма в трудные времена, когда тот нападал на крупные нефтяные тресты. Сэм бросился к нему с криком: «Помогите! Помогите!» Вошел Роджерс в одних красных подштанниках — их задний клапан болтался незастегнутым. На груди у него золотыми буквами значилось: «НА "СТАНДАРД ОЙЛ" УПОВАЕМ — НА БОГА ПУСТЬ УПОВАЮТ ДРУГИЕ».

«Вы спасли меня, Генри!» — выдохнул Сэм.

Роджерс ненадолго обернулся к нему спиной, показав надпись на ягодицах: «ОПУСТИТЕ ДОЛЛАР И НАЖМИТЕ НА РЫЧАЖОК».

Потом сказал: «Минутку» — и вытащил откуда-то сзади документ. «Подпишите это, и я вас выпущу».

«Но у меня нет ручки!» — ответил Сэм. За спиной у него опять зашевелилась машина. Сэм не видел ее, но знал, что она опять ползет к нему. В проеме двери за Роджерсом Сэм видел прекрасный сад. Лев и ягненок сидели там бок о бок, а рядом с ними стояла Ливи и улыбалась.

На ней совсем не было одежды, а над головой она держала громадный зонтик. Из цветов и кустов выглядывали лица. Одна была Сюзи, его любимая дочь. Но что она там делает? Сэм чуял неладное. Кажется, из куста, за которым она прячется, торчит босая мужская нога?

«У меня нет ручки»,— снова сказал Сэм.

«Я приму вашу тень в качестве расписки».

«Я уже продал ее».

За Роджерсом захлопнулась дверь, Сэм застонал, и на этом кошмар кончился.

Где-то теперь его жена Ливи, где его дочки Клара, Джин и Сюзи? Какие сны снятся им? Является ли им он? Если да, то как? Где Орион, его брат? Недотепа, путаник, невезучий оптимист Орион. Сэм любил его. Где брат Генри, получивший такие тяжкие ожоги при взрыве парохода «Пенсильвания» и протянувший еще шесть мучительных дней в походном госпитале Мемфиса? Сэм был с ним, разделял его муки и видел, как его вынесли в палату для безнадежных.

Воскрешение восстановило обгорелую кожу Генри, но его душевных ран оно не залечит, как не залечило душевных ран Сэма.

А где тот несчастный проспиртованный бродяга, сгоревший во время пожара в тюрьме города Ганнибала? Сэму тогда было десять. Его разбудил набат, он побежал к тюрьме и увидел того человека — он держался за решетку и кричал, черный на фоне красного пламени. Судебного исполнителя никак не могли найти, а ключи от камеры были только у него. Несколько человек пытались высадить дубовую дверь, но безуспешно.

Незадолго до того, как бродягу забрали, Сэм дал ему спичек раскурить трубку. От спички и загорелся соломенный тюфяк в камере. Сэм знал, что это он повинен в ужасной смерти бродяги. Если бы Сэм не пожалел его и не сбегал домой за спичками, бродяга был бы жив. Милосердный жест, минутное сочувствие — и он сгорел живьем.

Где Нина, внучка Сэма? Она родилась уже после его смерти, но Сэм узнал о ней от человека, который читал ее некролог в «Лос-Анджелес таймс» от 18 января 1966 года.

«ПОХОРОНЫ НИНЫ КЛЕМЕНС, ПОСЛЕДНЕГО ПОТОМКА МАРКА ТВЕНА».

У того парня была очень хорошая память, да и его интерес к Марку Твену помог ему запомнить некролог.

— Ей было пятьдесят пять; под вечер воскресенья ее нашли мертвой в комнате мотеля на Норт-Хайленд-авеню — номер двадцать, кажется. В комнате было полно пузырьков с лекарствами и бутылок со спиртным.

Записки не осталось, и назначили вскрытие, чтобы определить причину смерти. Результатов я не видел.

Она умерла через улицу от своего роскошного пентхауза с тремя спальнями в Хайленд-Тауэрс. Ее друзья сказали, что она часто селилась в мотеле на выходные, когда ей надоедало быть одной. В газете писали, что она почти всю жизнь провела в одиночестве. Она взяла фамилию Клеменс, когда развелась с художником Раттерсом. Вышла она за него, кажется, в тысяча девятьсот тридцать пятом году, и брак продлился недолго. В газете сказано, что она была дочерью Клары Габрилович, вашей единственной дочери,— то есть единственной, оставшейся в живых. Клара вышла за некоего Жака Самоссуда после смерти своего первого мужа, то есть в тысяча девятьсот тридцать пятом, кажется. Она была приверженкой христианской науки, как вам известно.

— Мне это неизвестно! — сказал Сэм.

Рассказчик, знавший, что Сэм был ярым противником христианской науки и написал памфлет о Мэри Бейкер-Эдди, ухмыльнулся:

— Думаете, она хотела этим насолить вам?

— Избавьте меня от вашего психоанализа,— сказал Сэм.— Клара боготворила меня. Как все мои дети.

— Короче, Клара умерла в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, а незадолго до этого дала разрешение опубликовать ваши неизданные «Письма на Землю».

— Неужто напечатали? И какая же последовала реакция?

— Книга хорошо продавалась. Но впечатление произвела довольно слабое. Никто не приходил в ярость и не заявлял, что это богохульство. Кстати, ваш «Одна тысяча шестьсот первый» тоже напечатали. В мои молодые годы его можно было достать только подпольным путем, но в конце шестидесятых он продавался повсюду.

Сэм потряс головой:

— И даже дети могли это купить?

— Купить нет, а прочесть — сколько угодно.

— Как же все изменилось!

— Все ваши вещи напечатаны — ну, почти все. Еще в статье говорилось, что ваша внучка занималась как любительница живописью, пением и актерством. Она была также страстным фотографом и беспрестанно снимала своих друзей, барменов, официантов, даже прохожих на улице. Писала автобиографию «Одинокая жизнь» — название говорит само за себя. Бедняжка. Ее друзья говорили, что книга весьма сумбурна, но местами в ней видны проблески вашего гения.

— Я всегда говорил, что мы с Ливи слишком большие сумасброды, чтобы иметь детей.

— Впрочем, от недостатка денег Нина не страдала. Она унаследовала капиталы своей матери — около восьмисот тысяч дол-

ларов. Все это выручка от продажи ваших книг. Перед смертью Нина стоила полтора миллиона долларов. И все же была несчастна и одинока. Что еще? Да. Тело отправили в Эльмиру, штат Нью-Йорк... «чтобы похоронить на семейном участке близ прославленного деда, чью фамилию она носила».

— Я за ее характер ответственности не несу,— сказал Сэм.— Это все Клара с Осипом.

— Но вы и ваша жена сформировали характеры ваших детей,— пожал плечами собеседник,— в том числе и Клары.

— Да, но мой характер сформировали мои родители. А их создали их родители. Что ж нам теперь, взвалить всю ответственность на Адама и Еву? Не выйдет — ведь их характеры создал Бог. Вот он пусть за все и отвечает.

— Я тоже верю в свободу воли,— сказал собеседник.

— Вот послушайте: «Когда первый живой атом зародился в огромном море Лаврентия, первый поступок этого первого атома привел ко второму поступку — так оно и шло на протяжении всех веков, и если проследить все шаг за шагом, можно доказать, что первый поступок первого живого атома привел неизбежно к тому, что я сейчас стою тут в своем килте и разговариваю с вами». Это слегка перефразированная цитата из моего эссе «Что есть человек?». Что вы об этом думаете?

— Полная чушь.

— Вы ответили так, потому что это предопределено. Вы не могли ответить по-иному.

— Вы представляете собой печальный случай, мистер Клеменс, с позволения сказать.

— С позволения, без позволения — не сказать этого вы не могли. Скажите, кто вы были по профессии?

— Какое это имеет отношение к делу? — удивился тот.— Я занимался продажей недвижимости и много лет состоял в школьном комитете.

— Позвольте мне еще раз процитировать самого себя: «Сначала Бог создал идиотов — ради практики. Затем он создал школьные комитеты».

Сэм и сейчас ухмылялся, вспоминая, какое лицо сделалось у его собеседника.

Сэр сел в постели. Гвен все спала. Он зажег ночник и увидел на ее лице легкую улыбку. Гвен казалась по-детски невинной, но полные губы и округлая, почти полностью открытая грудь возбуждали Сэма.

Он хотел разбудить ее, но раздумал и надел килт, накидку и высокую фуражку из рыбьей кожи. Взял сигару и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В коридоре было тепло и горел яркий свет. В дальнем конце у запертой двери стояли двое вооруженных часовых и еще двое у лифта. Сэм закурил сигару и пошел к лифту. Поболтав минутку с часовыми, он вошел в кабину.

Он нажал кнопку с буквой «Р». Дверцы закрылись, но Сэм успел заметить, что часовой звонит в рубку предупредить, что Ла Боссо, Босс, едет. Лифт миновал летную палубу «Г», где располагались офицерские каюты, прошел через круглые узкие помещения под мостиком и поднялся на верхний этаж надстройки. Последовала небольшая задержка — это офицер третьей вахты проверял кабину с помощью замкнутой телесистемы. Потом дверцы открылись, и Сэм оказался в рубке.

— Все в порядке, ребята. Это я решил насладиться бессонницей.

В рубке несли вахту трое. Ночной рулевой дымил большой сигарой, апатично глядя на приборы. Это Аканде Эрин, крепыш дагомеец,— он тридцать лет водил пароход в джунглях. Самый бессовестный лгун, известный Сэму, а Сэм был знаком с лгунами мирового класса. Третий помощник Калвин Крегар, шотландец, сорок лет прослуживший на австралийском каботажном судне. Мичман-десантник Диего Сантьяго, венесуэлец из семнадцатого века.

— Я только поглядеть,— сказал Сэм.— Занимайтесь своим делом.

Безоблачное небо светилось, точно подожженное великим пиротехником — Богом. Долина здесь была широка, и в мягком свете виднелись постройки и лодки на обоих берегах. За ними стояла густая тьма. В ней горели глаза нескольких сторожевых костров. Все, кроме них, спало. На холмах темнели деревья — гигантские стволы железного дерева вздымались там на тысячу футов в вышину из задушенных ими собратьев. Позади чернели горы. Звездный свет лежал на воде.

Сэм вышел в смотровой проход, окружающий рубку. Ветер был прохладным, но не холодным. Сэм пальцами причесал пышную шевелюру. Стоя здесь на палубе, Сэм чувствовал себя живой частью судна, его органом. Пароход бодро шел вперед, шлепая колесами, помахивая флагами,— храбрый, как тигр, огромный и гладкий, как кашалот, красивый, как женщина; он шел,

преодолевая течение, к стержню мира, к пупу планеты, к Темной Башне. Сэм чувствовал, как его ноги, пустив корни, превращаются в щупальца — они пронизывают корпус, уходят в темные воды, трогают чудищ, живущих там, погружаются в ил на глубине трех миль, прорастают сквозь землю, разрастаются со скоростью мысли, пробиваются из почвы, проникают в плоть каждого человека на планете, обвиваются вокруг стен и крыш хижин, взвиваются в небеса, оплетают каждую планету, где есть животная и разумная жизнь, исследуя и познавая, а потом пускают побеги во тьму, где нет материи, где есть только Бог.

В этот миг Сэм Клеменс ощущал себя если не слившимся со Вселенной, то, по крайней мере, родственным ей. В этот миг он верил в Бога.

И в этот миг Сэмюэль Клеменс и Марк Твен слились воедино в одной телесной оболочке.

Потом волнующее видение вспыхнуло, скорчилось, ушло обратно в Сэма.

Он засмеялся. На несколько секунд он познал экстаз, перед которым бледнеет даже сексуальное наслаждение — высшее, что до сих пор было доступно ему и всему человечеству, хотя зачастую и разочаровывающее.

Теперь он опять был сам по себе, а Вселенная сама по себе.

Сэм вернулся в рубку. Эрин, черный рулевой, взглянул на него и сказал:

— Тебя посещали духи.

— А что, это так заметно? Да, посещали.

— Что они сказали?

— Что я — все и ничто. Однажды я слышал, как это сказал деревенский дурачок.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОНОЛОГ БЁРТОНА

Глава 15

Поздней ночью, когда необычайно густой туман заволок все вплоть до мостика, Бёртон бродил по судну.

Ему не спалось, и он блуждал с места на место без определенной цели — лишь бы уйти от себя.

«Черт побери! Всю жизнь я пытаюсь сбежать от себя! Будь у меня хоть столько ума, как у коровы, я остался бы и сразился с собой. Но мое "я", того и гляди, переборет меня, как Иаков ангела. Но я ведь и Иаков тоже. Только сломано у меня не бедро, а шестеренка. Я автоматический Иаков, механический ангел, робот-дьявол. Лестница, ведущая на небо, все еще прислонена к окну, но я не могу найти ее.

Судьба — это случай. Нет, не так. Я сам строил свою судьбу. Только это был не я, а некто, кто движет мной,— дьявол, которым я одержим. Он ждет, ухмыляясь, в темном углу, и как только я протягиваю руку за наградой, он выскакивает и отнимает у меня мой приз.

Мой неуправляемый характер. Он надувает меня, насмехается надо мной и удирает, чтобы затаиться и опять вылезти в урочный час.

Ах, Ричард Фрэнсис Бёртон, Негодный Дик, Черномазый Дик, как называли тебя в Индии. Эти ничтожества, эти роботы, катящиеся по викторианским рельсам... туземцы не интересовали их, они только спали с их женщинами, ели досыта, пили допьяна и по возможности сколачивали себе состояния. Они не умели даже говорить на местном языке, проторчав тридцать лет в

этой стране, украшении королевской короны. Украшение, как же! Зловонный чумной бубон! Холера и иже с ней! Черная чума и компания! Индусы и мусульмане, смеющиеся за спиной у пукка-сахиба. Англичане даже и трахаться не умели как следует. Женщины смеялись над ними и искали удовлетворения у своих темнокожих любовников, когда сахиб уходил домой.

Я предупреждал правительство за два года до синайского восстания, что восстание будет, а надо мной посмеялись! Надо мной, единственным человеком в Индии, знавшим индусов и мусульман!»

Бёртон задержался на верхней площадке большой лестницы. Блеснул свет, и шум пирушки хлынул в туман, не рассеяв его. Это не тот занавес, что колышется от дыхания.

«Черт их дери! Они смеются и флиртуют, а судьба подстерегает их. Весь мир распадается. Всадник на черном верблюде ждет их за следующим поворотом Реки. Глупцы! Да и я не умнее.

Однако на этом Narboot, этом большом корабле дураков, спят мужчины и женщины, которые в часы бодрствования строят козни против меня и против всех туземных жителей Земли. Хотя мы все туземцы в этой Вселенной. Граждане космоса. Вот я плюю за борт в туман. Там внизу течет Река. Она примет эту частицу моего естества, которая никогда больше не вернется ко мне, разве что в иной форме. Водой. H_2O. Аж два нуля. Что за странная мысль? Но разве не все мысли странные? Разве они не странствуют, словно бутылки с посланиями, брошенные в море потерпевшим кораблекрушение? И если они заплывают в чей-то ум, например мой, мне кажется, что это я создал их. А может, есть какой-то магнетизм между определенными душами и определенными мыслями и к каждому притягиваются лишь те мысли, что соответствуют его полю? Потом индивидуум приспосабливает их к себе и думает гордо — если он вообще думает, хотя бы на уровне коровы,— что это он создал их. Мои мысли — обломки кораблекрушения, а я риф.

Подебрад. Что тебе снится? Башня? Твой дом? Принадлежишь ты к их числу или ты простой чешский инженер? Или одно другому не мешает?

Четырнадцать лет я провел на этом пароходе, а пароход шлепает колесами по Реке вот уж тридцать три года. Теперь я капитан десантников этого взвинченного ублюдка и царственного засранца, короля Иоанна. Это ли не доказательство того, что я умею обуздывать свой характер?

Еще год — и мы придем в Вироландо. Там "Рекс" сделает остановку, и мы побеседуем с Ла Виро, Ла Фондинто, папой опупелых прихожан Церкви Второго Шанса. Второй шанс, клянусь благочестивой задницей моей тетушки! У тех, кто дал его нам, больше нет ни единого шанса.

Они попались в собственную ловушку! Взорвали собственную петарду — так говорят французы, желая сказать, что кто-то пукнул. Как говорит Микс, шансов у нас не больше, чем у вышеупомянутого газового облака во время шторма.

Там, на берегах, спят биллионы. Где Эдвард, мой любимый брат?

Блестящий был человек, но шайка тугов повредила ему мозги, и он за сорок лет не произнес ни слова. Не надо было тебе в тот день охотиться на тигра, Эдвард. Тигром оказался индус, не упустивший случая избить и ограбить ненавистного англичанина. Хотя они и со своими не лучше обходятся.

Но разве это важно теперь, Эдвард? Твое страшное увечье прошло, и ты снова заговорил, как бывало. Если только не умолк опять, навеки. Лазарь! Тело твое гниет. Христос не приходит. Никто не скажет: "Встань и иди!"

А мать, где она? Глупая женщина, уговорившая деда отказать ее беспутному брату, его сыну, немалую часть своего состояния. Дед передумал было и собрался к своему поверенному, чтобы переписать все на меня, но в этот самый час упал мертвым, а мой дядя спустил все деньги во французских игорных домах. Я же не смог купить себе приличного чина в действующей армии, не смог финансировать свои экспедиции, как надлежало, и потому так и не стал тем, кем мне надлежало стать.

Спик! Змеиный язык! Ты приписал себе открытие истоков Нила, жалкий трус, навозная куча больного верблюда. Ты улизнул в Англию, пообещав не обнародовать наши открытия, пока и я туда не прибуду, а сам оболгал меня. Ты заплатил за это — ты сам пустил себе пулю в лоб. Совесть наконец настигла тебя. Как я плакал тогда. Я любил тебя, Спик, хотя и ненавидел тоже. Как я плакал!

Если бы мы случайно встретились теперь — что произошло бы? Ты бы убежал? У тебя явно не хватило бы извращенного муже-

ства протянуть мне руку. Иуда! А я поцеловал бы тебя, как Иисус предателя?

Нет уж — я дал бы тебе такого пинка, что ты взлетел бы до половины горы!

Африканская хворь одолела меня, впустила в меня свои железные когти. Но я поправился, и это я открыл истоки Нила! А не гиена Спик, не шакал Спик! Прошу прощения, сестрица Гиена и братец Шакал. Вы только животные и приносите какую-то пользу в мироздании. Спик недостоин поцеловать ваши грязные зады.

Но как же я плакал тогда!

Истоки Нила. Истоки Реки. Я так и не добрался до тех — доберусь ли до этих?

Мать никогда не проявляла к нам нежности — ни ко мне, ни к Эдварду, ни к Марии. С тем же успехом она могла быть нашей гувернанткой. Нет. Наши няни проявляли к нам больше любви и отдавали нам больше времени, чем она.

Мужчина есть то, что сделала из него его мать.

Нет! Есть еще что-то в душе, что, презрев недостаток любви, все гонит и гонит меня... куда?

Отец, если можно тебя так назвать. Нет, не отец — виновник существования. Одышливый, себялюбивый, лишенный юмора ипохондрик. Добровольный изгнанник, вечный путешественник. Где был наш дом? В дюжине чужих стран. Ты ездил с места на место в поисках здоровья, которого, как полагал, был лишен. И нас таскал за собой. С невежественными няньками и пьяными ирландскими попами в качестве наставников.

Чтоб ты задохся наконец! Но нет. Тебя излечили неведомые создатели этого мира. Ведь так? Или ты все-таки изыскал предлог спрятаться в ипохондрию? Это твоя душа поражена астмой, а не бронхи.

У озера Танганьика, в стране Уйийи, болезнь стиснула меня в дьявольском кулаке. В бреду я видел самого себя, который насмехался, издевался, глумился надо мной. Того, другого Бёртона, который смеется над всем миром, но больше всего надо мной.

Но меня это не остановило, и я пошел дальше... нет. Это Спик пошел дальше и ушел далеко... хо, хо! Я смеюсь, хотя это пугает бодрствующих и будит спящих. Смейся, Бёртон, смейся, паяц! Этот дурак янки, Фрайгейт, говорит, что это мне досталась слава великого первооткрывателя, а тебе — одно бесчестье. Я прославился, а не ты, змеиный язык! Я был оправдан, не ты.

Все мое несчастье в том, что я не француз. Будь я им, не пришлось бы мне бороться с английскими предрассудками, английской чопорностью, английской глупостью. Но я не родился французом, хотя и происхожу от незаконного отпрыска Луи XIV, Короля-Солнца. Вот кровь и сказывается.

Экая чушь! Сказывается кровь Бёртонов, а не Короля-Солнца.

Я странствовал, не находя себе покоя, по всему свету. Но omni solum forte patria. Сильному везде родина. Я стал первым европейцем, проникшим в запретный священный город Харар и вышедшим из этого эфиопского ада живым. Я совершил паломничество в Мекку под видом Мирзы Абдуллы Бушири и написал об этом подробную, правдивую, ставшую знаменитой повесть — меня разорвали бы там на куски, если бы разоблачили. Я открыл озеро Танганьика. Я написал первое руководство по штыковому бою для британской армии. Я...

Но зачем перечислять вновь эти пустые победы? Не то важно, что мужчина сделал, а то, что он намерен сделать.

Айша! Айша! Моя персианочка, моя первая истинная любовь! Я мог бы отречься от всего мира, от британского подданства, стать персом и жить с тобой до смертного часа. Тебя подло убили, Айша! Я отомстил за тебя, я покарал отравителя собственными руками, я медленно удушил его, выдавив из него жизнь, и зарыл его тело в пустыне. Где ты теперь, Айша?

Ты где-то здесь. Но если бы мы встретились снова... Моя безумная любовь стала теперь мертвым львом.

Изабел. Моя жена. Женщина, которую... да любил ли я ее? Любил, но не так, как тогда Айшу, а теперь Алису. "Расплачивайся, укладывайся и езжай за мной",— говорил я ей, отправляясь в путешествие, и она подчинялась — послушно и безропотно, как рабыня. Она говорила, что я ее герой, ее бог, и составила себе свод правил идеальной жены. Но когда я стал старым и сварливым, позабытым всеми неудачником, она сделалась моей сиделкой, моей опекуншей, моим надзирателем, моим тюремщиком.

Что, если я встречу ее снова — женщину, которая говорила, что никогда не полюбит другого ни на земле, ни на небе? Правда, этот мир небом не назовешь. Я скажу: "Здравствуй, Изабел. Давненько не виделись".

Где там — я удеру как последний трус. И спрячусь. Хотя...

Вот вход в машинное отделение. Несет ли Подебрад этой ночью вахту? А если да, то что? Я не могу прижать его к стенке, пока мы не доплывем до истоков.

Кто-то маячит в тумане. Агент этиков? Или сам Икс, ренегат? Он всегда то здесь, то там, неуловимый, как понятие времени и вечности, несуществующего и существующего.

"Кто идет?" — следовало бы крикнуть мне. Но он — она — оно уже ушло.

Оказавшись между сном и явью, между смертью и воскрешением, я увидел Бога. "Ты должен мне за плоть",— сказал этот старый бородатый джентльмен, одетый по моде 1890 года, а в другом сне он молвил: "Плати".

Чем платить? Сколько это стоит?

Я не просил о воплощении, не требовал, чтобы меня родили на свет. Плоть и жизнь должны даваться бесплатно.

Надо было задержать его. Надо было спросить, обладает ли человек свободой воли или все, что он совершает или не совершает, предопределено заранее? Записано ли во всемирном справочнике Брэдшо, что такой-то прибудет туда-то в 10.32, а в 10.40 отправится с двенадцатого пути? Если я — один из составов его железной дороги, то за свои деяния я не отвечаю. Не от меня зависит, добро или зло я творю.

Да и что такое добро и зло? Без свободы воли их не существует.

Но он не стал бы задерживаться. А если бы и стал, понял бы я из его объяснений, что такое смерть и бессмертие, детерминизм и нондетерминизм, предопределимость и непредопределимость?

Человеческий разум не способен это постичь. И в этом тоже вина Бога — если он есть, Бог.

Исследуя район Зинда в Индии, я стал суфи, мастером-суфи. Но, наблюдая их в Зинде и в Египте и видя, как они в конечном итоге объявляют себя Богом, я пришел к выводу, что крайний мистицизм сродни безумию.

Нурэддин эль-Музафир, тоже суфи, говорит, что я ничего не понимаю. Во-первых, есть ложные или галлюцинирующие суфи, дегенераты великого учения. Во-вторых, если суфи объявляет себя Богом, это не следует понимать буквально. Он имеет в виду, что стал един с Богом.

Бог-Вседержитель! Я постигну его суть, суть великой тайны и всех прочих тайн. Я — живой меч, но до сих пор я рубил, а не колол острием. Самое смертельное в мече — его острие. Отныне я буду сражаться только им.

Но, входя в магический лабиринт, я должен иметь нить, чтобы добраться до чудовища, обитающего в глубине. Где же она?

И Ариадны нет. Я сам себе нить, Ариадна и Тезей, и даже... как я раньше не подумал об этом? — сам себе лабиринт.

Это не совсем верно. А что верно совсем? Ничего. Но в человеческих и божественных делах близкое попадание порой не хуже прямого. Чем крупнее снаряд, тем меньше значит, попал он в яблочко или нет.

А вот меч хорош лишь тогда, когда он хорошо уравновешен. Обо мне, по словам широко осведомленного Фрайгейта, писали, что природа выкинула со мной редкий фортель, одарив меня не одним, а тридцатью талантами. Пишут еще, что при этом мне недоставало уравновешенности и целеустремленности. Я был точно оркестр без дирижера, точно великолепный корабль, которому не хватает одной мелочи: компаса. Я сам отзывался о себе как о несфокусированном пучке света.

Если я не мог сделать что-то первым, я этого и не делал.

Пишут, что в людях меня притягивал не божественный элемент, а все ненормальное, извращенное и дикое.

Пишут, что я, несмотря на свои обширные познания, никогда не понимал, что мудрость имеет мало общего со знанием и книгами и ничего общего с образованием.

И все это неправда! Хоть бы слово правды!»

Бёртон все бродил и бродил, сам не зная, что он ищет. В тускло освещенном коридоре он задержался у одной из дверей. Внутри должна быть Логу, если она не на танцах в салоне, и Фрайгейт. Они снова вместе, оба сменив за эти четырнадцать лет двух-трех любовников. Она долго на дух не выносила Фрайгейта, но он добился-таки ее — а может быть, она не переставала любить другого Фрайгейта,— и вот теперь они живут вместе. Как бывало.

Бёртон пошел дальше и увидел у выхода темный силуэт. Икс? Еще кто-то, мучимый бессонницей? Он сам?

Бёртон вышел на техасскую палубу и остановился, глядя, как часовые шагают взад и вперед. Что слышно, караульщики? Вот именно, что?

Ну, пойдем дальше. Сколько же ты прошагал — но не по гигантскому миру Реки, а по пигмейскому мирку парохода?

Алиса снова жила в его каюте — в самом начале плавания она дважды уходила от него и дважды возвращалась. Теперь-то уж они, пожалуй, никогда не расстанутся. Бёртон был рад, что она опять с ним.

Он вышел на летную палубу и взглянул на слабо освещенную рубку. Ее часы пробили четырнадцать раз. Два часа ночи.

Пора вернуться в постель и предпринять еще один штурм цитадели сна.

Бёртон поднял взгляд к небу, и в это время холодный ветер, налетевший с севера, сдул с верхней палубы туман — всего на миг. Где-то там, на севере, в холодных и серых туманах, высится башня. А в ней живут, или жили, этики, существа, считающие, что они вправе воскрешать мертвых без их разрешения.

У них ли ключи от всех тайн? Ну не от всех, конечно. Тайны жизни, создания материи, тайны пространства и бесконечности, времени и вечности никогда не будут разрешены.

Или когда-нибудь будут?

Может быть, в башне или ее подземельях существует машина, преобразующая метафизическое в физическое? Человек способен управлять физической материей, и что из того, что ему неведома истинная природа материи потусторонней? Истинной природы электричества он тоже не знает, однако поставил же электричество себе на службу.

Бёртон погрозил кулаком в сторону севера и отправился в постель.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ»: НИТЬ РАЗУМА

Глава 16

Сначала Сэмюэль Клеменс старался по возможности избегать Сирано де Бержерака. Проницательный француз быстро подметил это, но возмущения не выказал. Если в душе он и возмущался, то умело это скрывал. Он всегда встречал Клеменса улыбкой или смехом, был всегда вежлив, но без холодности. Он вел себя так, словно Клеменс питал к нему симпатию и никаких причин для антипатии у капитана не было.

Прошло несколько лет, и Сэм начал понемногу оттаивать по отношению к былому любовнику своей земной жены. У них было много общего: острый интерес к людям и к механическим устройствам, любовь к литературе, неутихающее стремление к историческим изысканиям, ненависть к лицемерию и самодовольству и глубокий агностицизм. Сирано, хоть был родом и не из Миссури, разделял позицию Сэма, выражавшуюся в словах: «А покажите-ка мне».

Кроме того, Сирано мог украсить любое общество, не стремясь при этом завладеть беседой.

Так что однажды Сэм решил наедине со своим вторым «я», Марком Твеном, разобраться в своих чувствах к Сирано. В результате Сэм понял — видимо, в душе он всегда это сознавал,— что относился к Сирано весьма нечестно. Француз не виноват, что Ливи влюбилась в него и отказалась его оставить ради своего прежнего мужа. Да и Ливи ни в чем не виновата. Она поступала так по велению своего врожденного темперамента и предопределенных

заранее обстоятельств. И Сэм тоже подчинялся своему врожденному темпераменту, своей «ватерлинии» и обстоятельствам. Теперь же, следуя другим, глубоко запрятанным чертам своего характера и подчиняясь давлению новых обстоятельств, он изменил свое отношение к Сирано. Француз, в конце концов, хороший парень, тем более когда научился регулярно принимать душ, следить за чистотой ногтей и перестал мочиться в коридорах.

Сэм сам не знал, верит ли по-настоящему в то, что представляет собой запрограммированный заранее автомат. Иногда ему казалось, что его вера в предопределение — лишь попытка избежать ответственности за некоторые свои поступки. Но если так — тогда это свобода воли побуждает его искать оправдания всему содеянному им, хорошему или дурному. С другой стороны, детерминизм как раз и дает людям иллюзию, что им присуща свобода воли.

Как бы там ни было, Сэм принял Сирано в свой кружок и простил ему все, хотя и прощать, собственно, было нечего.

Сегодня Сэм пригласил Сирано в числе других обсудить некоторые загадочные аспекты того, что называл делом Икса. Присутствовали Гвенафра, сожительница Сэма, Джо Миллер, де Марбо и Джон Джонстон. Последний был огромен — ростом он превышал шесть футов два дюйма и весил двести шестьдесят фунтов, не имея ни унции лишнего жира. Волосы на голове и на груди у него были рыжевато-золотистые, а руки необычайно длинные и походили на лапы медведя-гризли. Голубовато-серые глаза часто смотрели холодно или отрешенно, но теплели в кругу друзей.

Американец шотландского происхождения, он родился около 1828 года в Нью-Джерси и в 1843-м отправился на Запад, чтобы охотиться в горах. Он стал легендой даже среди легендарных горных жителей, хотя слава пришла к нему не сразу. Когда бродячий отряд молодых, еще не окрещенных кровью воинов сиу убил жену Джонстона, индианку из племени плоскоголовых, вместе с нерожденным младенцем, Джонстон поклялся отомстить. Он перебил столько сиу, что те послали двадцать молодых воинов выследить его и убить, запретив им возвращаться, пока они не выполнят свою задачу. Один за другим они нападали на след Джонстона, но в итоге он убивал их. Сделав это, он вырезал у них печень и съедал ее сырой, капая кровью на рыжую бороду. За это его прозвали пожирателем печени и убийцей сиу. Но вообще-то

сиу были достойным племенем — их отличали порядочность и высокие боевые качества, поэтому Джонстон решил прекратить войну с ними, оповестил их о своем решении и стал их добрым другом. Еще он был вождем в племени шошони.

Умер он в 1900 году в лос-анджелесском госпитале ветеранов и был похоронен на тесном больничном кладбище. Но в семидесятых годах группа людей, понимавших, что ему не найти там покоя — ведь он привык жить в пятидесяти милях от ближайшего соседа,— перенесла его прах на горный склон в Колорадо и погребла там.

Пожиратель печени Джонстон не раз говорил на пароходе, что ему ни разу не пришлось убить белого — хотя бы и француза. От этих слов де Марбо и Сирано сначала делалось несколько не по себе, но потом они полюбили огромного горца и прониклись к нему восхищением.

Когда все выпили по нескольку бокалов, покурили и поболтали на общие темы, Сэм перешел к предмету, который желал обсудить.

— Я много думал о том, кто называл себя Одиссеем,— начал он.— Помните, я говорил вам о нем? Он пришел нам на помощь, когда мы сражались с фон Радовицем, и это его лучники разделались с генералом и его офицерами. Он утверждал, что он — настоящий Одиссей, историческое лицо, чье имя позднее обросло легендами и вымыслами и чьи подвиги послужили Гомеру материалом для «Одиссеи».

— Я о нем никогда не слыхал,— сказал Джонстон,— но полагаюсь на твое слово.

— Да. Так вот, он говорил, что к нему тоже приходил этик и послал его вниз по Реке нам на помощь. После боя Одиссей еще немного побыл с нами, но потом уплыл вверх с торговой экспедицией и пропал, точно сквозь землю провалился.

Самое главное заключается в том, что он сказал об этике одну странную вещь. Этик, который говорил со мной, Икс, или Таинственный Незнакомец, был мужчиной. Во всяком случае, голос у него был мужской, хотя голос можно изменить. А вот Одиссей заявил, что его этик был женщиной!

Сэм выпустил облако зеленого дыма и уставился на медные арабески потолка, словно это были иероглифы, содержащие ответ на все его вопросы.

— Что бы это значило?

— Что он либо говорил правду, либо лгал,— сказала Гвенафра.

— Верно! Дайте этой красавице большую сигару! Либо имеются два этика-ренегата, либо самозваный Одиссей солгал. А если он солгал, то это не кто иной, как мой этик, Икс. Лично я склоняюсь к мысли, что так и было — наш с вами этик, Сирано и Джон, солгал мне. В противном случае разве стал бы Икс скрывать, что их двое и одна из двоих — женщина? Он обязательно сказал бы об этом. Я знаю, у него было немного времени на разговоры с нами, поскольку другие этики следили за ним и дышали ему в затылок. Но уж такую информацию он не преминул бы сообщить.

— Но зачем ему было лгать? — спросил де Марбо.

— А вот зачем.— Сэм ткнул сигарой в сторону потолка.— Он знал, что другие этики могут схватить нас. И получить от нас эту ложную информацию. Тогда они всполошились бы еще пуще. Как? Сразу два предателя в их среде? Батюшки! Проверив нас на чем-то вроде детектора лжи, они убедились бы, что мы не лжем. Мы ведь верили в то, что сказал нам Одиссей. Точнее, в то, что сказал нам Икс. Это как раз похоже на него — запутать дело еще больше! Ну, что вы на это скажете?

После короткой паузы Сирано произнес:

— Но если это верно, то мы видели этика! И знаем, как он выглядит!

— Не обязательно,— возразила Гвенафра.— Он, конечно же, умеет менять свой облик.

— Несомненно,— согласился Сирано.— Но способен ли он изменить свой рост и сложение? Цвет глаз и волос одно дело, но...

— Думаю, можно принять за основу, что он мал ростом и очень мускулист,— сказал Клеменс.— Но таких, как он, мужчин несколько биллионов. Во всяком случае, мы сейчас исключили возможность существования еще одного этика-ренегата — этика-женщины. Хочется верить, что исключили.

— А может,— сказал Джонстон,— Одиссей был агент, узнавший, что мы встречались с Иксом, и желавший нас запутать.

— Не думаю,— сказал Сэм.— Если бы кто-то из агентов так много знал, этики бы сцапали нас быстрее, чем конгрессмен успел бы продать свою мать за несколько голосов. Нет. Одиссей был мистер Икс.

— Тогда... тогда придется копнуть поглубже,— сказала Гвенафра.— Помните, как Галбирра описывала Барри Торна? Он в чем-то походил на Одиссея. Не мог ли он быть Иксом? А тот так называемый немец, Штерн, пытавшийся убить Фаербрасса? Кто был он? Не агент, ведь он был коллегой Фаербрасса. А вот Фаербрасс мог быть агентом, и Икс взорвал его, чтобы Фаербрасс не оказался в башне первым. Фаербрасс лгал нам, говоря, что входит в число рекрутов Икса. Он...

— Нет,— прервал ее Сирано.— То есть да. Похоже, он был агентом других этиков. Но если он столько о нас знал, почему тогда не уведомил этиков и не навел их на нас?

— Да потому что он по какой-то причине не мог их уведомить,— сказал Сэм.— Думаю, по той, что как раз тогда в башне началось что-то неладное, не знаю что. Но сдается мне, что как раз в то время, когда исчез Одиссей или, скорее, Икс, весь проект этиков потерпел крах. Тогда мы ничего не заметили, но вскоре после этого воскрешения прекратились. Лишь когда «Внаем не сдается» прошел некоторое расстояние, мы стали получать донесения о том, что воскрешений больше нет. Будучи в Пароландо, мы тоже обратили на это внимание, но сочли это чисто местным явлением.

— Хм-м,— сказал Сирано.— Хотел бы я знать, воскрес ли Герман Геринг, тот миссионер, убитый людьми Хакинга. Странный был тип.

— Смутьян,— сказал Сэм.— А может, Фаербрасс и сообщил этикам, что выявил нескольких рекрутов Икса. Но этики сказали ему, что пока ничего предпринимать не станут. И поручили Фаербрассу тем временем узнать о нас все, что можно. А если бы он увидел кого-то похожего на Икса, он тоже сообщил бы этикам, чтобы те могли схватить его незамедлительно. Откуда нам знать? Может, Фаербрасс и «жучков» нам насовал, чтобы знать, когда Икс придет в следующий раз. Только Икс так и не пришел.

— По-моему,— сказал Сирано,— Икс застрял в долине, уйдя от нас под видом Одиссея.

— Тогда почему он не вернулся к нам, как тот же Одиссей?

Сирано пожал плечами.

— Потому что пропустил «Внаем не сдается»,— решительно отрезал Сэм.— Мы прошли мимо него ночью. Однако Икс услышал, что Фаербрасс строит дирижабль для полета к башне. Это устроило бы Икса еще больше, чем «Внаем не сдается». Но Одис-

сея, древнего эллина, не взяли бы на воздушный корабль. Поэтому он преобразился в Барри Торна, опытного канадского аэронавта.

— Я тоже из семнадцатого века,— заметил Сирано,— но меня ведь взяли пилотом на «Парсеваль». А Джон де Грейсток, хотя происходит из еще более ранней эпохи, был назначен капитаном мягкого дирижабля.

— И все-таки,— не сдавался Сэм,— шансы Икса намного увеличились бы, назовись он опытным специалистом. Одно меня удивляет — откуда у него подобный опыт? Откуда этику знать о дирижаблях?

— Если бы ты жил очень долго или был бессмертен, то, наверно, изучил бы все науки, какие есть, лишь бы скоротать время,— сказала Гвенафра.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПРОШЛОЕ ГЕРИНГА

Глава 17

Герман Геринг проснулся весь в поту от собственного стона. Ja, mein Fürer! Ja, mein Fürer! Ja, mein Fürer! Ja, ja, ja!

Орущее лицо поблекло. Исчез черный пороховой дым, валивший сквозь выбитые окна и проломленные стены. Исчезли сами окна и стены. Басовые раскаты русской артиллерии, аккомпанировавшие альто-сопрано фюрера, заглохли вдали. Зудящий гул, сопровождавший речь безумца, тоже утих — Геринг смутно осознал, что это гудели моторы американских и британских бомбардировщиков.

Мрак кошмара сменился ночью мира Реки.

Но эта ночь была мирной и успокаивающей. Герман лежал навзничь на бамбуковой койке, касаясь теплой руки Крен. Крен пошевелилась и пробормотала что-то — наверно, разговаривала с кем-то во сне. Уж ей-то не приснится ничего, что вызвало бы горе, растерянность или ужас. Она видит только хорошие сны. Крен — дитя Реки, она умерла на Земле в шестилетнем возрасте и ничего не помнит о своей родной планете. Ее первые смутные воспоминания относятся к пробуждению в этой долине, без родителей, вдали от всего, что было ей знакомо.

Германа согрели прикосновение к спящей и приятные воспоминания о годах, прожитых вместе с ней. Он встал, накинул свою утреннюю хламиду и вышел на бамбуковый помост. Вокруг теснились многочисленные хижины их яруса. Чуть выше начинался следующий ярус, а за ним другой. Ниже помещалось три яруса. Все это были мостки, тянувшиеся, насколько видел глаз, с юга

на север. Опорами служили обыкновенно тонкие столбы из камня или железного дерева; длина пролетов, как правило, разнилась от ста пятидесяти до трехсот с лишним футов. Там, где требовались добавочные подпорки, ставились дубовые или сложенные из камней колонны.

Ширина долины здесь составляла тридцать миль, а Река образовывала озеро десять миль шириной и сорок длиной. Горы не превышали шести тысяч футов, к счастью для жителей, здесь был уже дальний север, и в долину поступало не слишком много света. На западном конце озера горы входили в Реку, и Река там, бурля, вливалась в узкую теснину. В теплые часы дня восточный ветер несся по ущелью со скоростью пятнадцать миль в час. На выходе он терял часть своей силы, но рельеф местности создавал там восходящие потоки, которые местные жители использовали в своих целях.

Повсюду на суше высились скальные столбы со множеством вырезанных в них скульптурных изображений. Между ними на разных уровнях были переброшены подвесные мосты из бамбука, сосны, дуба и тиса. На них через равные промежутки, зависящие от выносливости моста, стояли хижины. На верхушках более широких столбов хранились планеры и оболочки воздушных шаров.

В округе гремели барабаны, завывали рыбьи рога. На порогах хижин начинали появляться зевающие, потягивающиеся жители. Над горами показался край солнечного диска — это означало официальное начало дня. Температура воздуха скоро поднимется до 60 градусов по Фаренгейту — еще тридцать, и было бы как в тропиках. Через пятнадцать часов солнце закатится за горы, а еще через девять взойдет снова. Продолжительность его пребывания на небе почти возмещает его слабое тепло.

С двумя граалями в закинутой за спину сетке Герман слез на пятьдесят футов вниз. Крен сегодня не работала и могла поспать подольше. Позже она спустится, возьмет свой грааль из кладовой, устроенной у камня, и съест свой завтрак.

По дороге Герман здоровался со знакомыми — из здешнего двухсотсорокавосьмитысячного населения он тысяч десять знал по именам. Из-за недостатка бумаги в долине приходилось напрягать и тренировать память — впрочем, Геринг и на Земле отличался феноменальной памятью. Изъяснялся он на урезанном, облегченном эсперанто, принятом в Вироландо.

— Bon ten, eskop. (Доброе утро, епископ.)

— Tre bon ten a vi, Fenikso. Pass ess via. (И тебе доброе утро, Феникс. Мир тебе.)

Здесь Герман держал себя учтиво, но со следующими встречными шутил.

Герман Геринг переживал счастливую пору своей жизни. Но он не всегда был счастлив. История его была длинной, почти всегда печальной и бурной, хотя и не без веселья и мирных промежутков, и далеко не всегда поучительной.

Вот его земная биография.

Родился он в Розенхейме, в Баварии, 12 января 1893 года. Отец его, офицер колониальных войск, стал первым губернатором немецкой Юго-Западной Африки. В возрасте трех месяцев Герман расстался с родителями, уехавшими на три года на Гаити, где отцу дали пост генерального консула. Длинная разлука с матерью в столь нежном возрасте плохо отразилась на Германе. Тоска и одиночество того времени так и не изгладились из его памяти. Когда же в детстве он понял, что у матери роман с его крестным отцом, он почувствовал к ней глубокое презрение, смешанное с яростью. Но открыто свои чувства не проявил.

К отцу Герман относился с молчаливым презрением, но открыто этого опять-таки не выказывал. Однако на похоронах отца Герман плакал.

В десять лет мальчик заболел тяжелой ангиной. В 1915 году, через месяц после смерти отца, Герман стал лейтенантом 112-го пехотного полка принца Вильгельма. Голубоглазый, светловолосый, стройный и недурной собой лейтенант пользовался большой популярностью в обществе. Он любил потанцевать, выпить и вообще повеселиться. Его крестный, перешедший в христианство еврей, помогал ему деньгами.

Вскоре после начала Первой мировой войны тяжелый артрит коленных суставов приковал молодого офицера к больничной койке. Герману не терпелось повоевать — он ушел из госпиталя и стал летать наблюдателем на самолете своего приятеля Лорцера. Три недели он находился в самовольной отлучке из армии. Его признали негодным для службы в пехоте, и Геринг поступил в люфтваффе. Его энергичный и нешаблонный язык забавлял кронпринца, командовавшего 25-м подразделением Пятой армии. Осенью 1915 года Геринг ускоренно закончил Фрейбургскую летную шко-

лу, получив удостоверение пилота. В 1916-м, в Норвегии, он был сбит, тяжело ранен и выбыл из строя на полгода. И все-таки снова стал летать. Он быстро продвигался по службе, поскольку был не только отличным офицером и летчиком, но и выдающимся организатором.

В 1917-м Герман получил орден «За отвагу» (германский эквивалент Креста Виктории); это была награда за его командирские заслуги и за то, что сбил пятнадцать вражеских самолетов. Получил он также Золотую медаль авиатора. 7 июля 1918 года его назначили командиром Geschwader* I вместо Рихтхофена, погибшего в своем восемьдесят первом бою. Интерес Геринга к технике и вопросам снабжения вполне оправдывал это назначение. Доскональные познания во всех областях военной авиации оказали ему большую услугу в последующие годы.

К моменту капитуляции Германии на счету у Геринга было тридцать вражеских самолетов. Но это мало чем помогло ему в послевоенный период. Асов на рынке был переизбыток.

В 1920 году, после скитаний по Дании и Швеции, он стал начальником полетов «Свенска Люфттрафик» в Стокгольме. Там он встретился с Карин фон Кантцнов, родственницей шведского исследователя графа фон Розена. Герман женился на ней, хотя она была разведена и имела восьмилетнего сына. Он был ей хорошим мужем до самой ее смерти. Несмотря на свою дальнейшую карьеру в организации, известной отсутствием всякой морали, Геринг хранил верность и Карин, и своей второй жене. В вопросах пола он был пуританин. Да и в политике тоже. Дав однажды присягу на верность, он ее не нарушал.

Чудо, что он вообще чего-то достиг. Он все время мечтал о высоких чинах и богатстве, а сам плыл по течению. Не имея никакой путеводной звезды, он отдавался на волю случайных людей и событий.

На свое счастье — или несчастье — он встретил Адольфа Гитлера.

Во время неудавшегося Мюнхенского путча в 1923 году Геринг был ранен. Ему удалось уйти от полиции и укрыться в доме фрау Ильзе Баллин, жены еврейского коммерсанта. Геринг не забыл этого. Когда Гитлер стал главой государства и начались преследования евреев, Геринг помог фрау Ильзе с семьей бежать в Англию.

* Эскадрилья *(нем.)*.

Тогда, в двадцать третьем, его все-таки арестовали. Нарушив данное им честное слово, он бежал в Австрию. Здесь воспалившаяся рана уложила его в постель и вынудила прибегнуть к морфию. Больной, без денег, с мужеством, пошатнувшимся после нескольких операций, Геринг впал в депрессию. В то же время пошатнулось и здоровье его жены, всегда бывшее не слишком крепким.

Привыкший к наркотикам, Геринг уехал в Швецию, где полгода провел в санатории. Выписавшись, он вернулся к жене. Казалось бы, никакой надежды не осталось — но, достигнув дна, Геринг воспрянул духом и начал бороться. Это было характерно для него. Не раз в минуты полного поражения у него неведомо откуда вдруг бралась энергия для борьбы.

Он вернулся в Германию и снова примкнул к Гитлеру, который, как он верил, был единственным, способным вновь сделать Германию великой державой. Карин умерла в Швеции в октябре 1931 года. Герман тогда был в Берлине и вместе с Гитлером посещал Гинденбурга, который решил сделать Гитлера своим преемником на посту главы государства. Геринга всегда мучила совесть за то, что он тогда был с Гитлером, а не с Карин в час ее смерти. Горе заставило его на время вернуться к морфию. Потом он встретил актрису Эмму Зоннеманн и женился на ней.

Несмотря на свои организаторские таланты, Геринг был склонен к сентиментальности. А горячность иногда побуждала его говорить не то, что следует. На процессе по делу о поджоге рейхстага он городил ни с чем не сообразные обвинения. Болгарский коммунист Димитров хладнокровно изобличал незаконные методы и нелогичность обвинения. Неудача Геринга на суде испортила весь эффект от процесса и обнажила всю фальшь нацистской пропагандистской машины.

Несмотря на это, Герингу поручили сформировать новые воздушные силы рейха. Прежний стройный ас теперь сильно располнел. И его двойственная натура принесла ему два новых прозвища: Der Dicke (Толстяк) и Der Eiserne (Железный Человек). Он страдал ревматическими болями в ногах и принимал наркотики (в основном паракодеин).

Не будучи ученым или писателем, он все же продиктовал книгу «Возрожденная Германия», опубликованную в Лондоне. Он имел пристрастие к Джорджу Бернарду Шоу и мог приводить из

него длинные цитаты. Был он знаком и с немецкой классикой — Гете, Шиллером, Шлегелем и так далее. Хорошо известна его любовь к живописи. Он обожал детективы и разные механические игрушки.

Теперь он мечтал о династии Герингов, которая будет жить тысячу лет и навсегда впишет свое имя в историю. Было весьма вероятно, что у Гитлера детей не будет, и своим преемником фюрер назначит Геринга. Мечта рухнула с рождением дочери Эдды. Эмми не могла больше иметь детей, а Геринг и подумать не мог о том, чтобы развестись с ней и взять другую жену, которая родила бы ему сыновей. Он должен был испытать горькое разочарование, но виду не показал. Он любил Эдду, и она до самой смерти любила отца.

Еще одна сторона загадочной личности Геринга проявилась, когда он совершил дипломатический визит в Италию. Король и кронпринц устроили в его честь охоту на оленей. Все трое стояли на высоком помосте, и на них гнали сотни оленей. Августейшие особы устроили настоящую бойню — король убил сто тринадцать животных. Геринг, охваченный отвращением, стрелять не стал.

Он был также против захвата Австрии и Чехословакии и особенно возражал против вторжения в Польшу. Мысль о войне угнетала его — он испытывал упадок духа и перед Первой, и перед Второй мировыми войнами. Однако он и здесь остался верен своему любимому вождю. Так было и раньше, когда Геринг не выступал публично против преследования евреев, но по просьбам жены спасал десятки евреев от заключения.

В 1939-м Гитлер назначил Германа фельдмаршалом и сделал его министром экономики. Геринг остался министром военно-воздушных сил и, следовательно, их главнокомандующим. Он носился с проектом постройки стратобомбардировщика, который мог бы подниматься на двадцатимильную высоту и долетать до Америки, но не преуспел.

Несмотря на все свои высокие посты, он был склонен отворачиваться от реальности. В 1939-м он заявил во всеуслышание: «Если хоть один вражеский бомбардировщик долетит до Рура, зовите меня не Германом Герингом, а Майером». (Майером в немецком фольклоре звался простофиля-неудачник.)

Вскоре Геринга и в высших нацистских кругах, и в народе стали звать Майером. И это прозвище не имело любовного оттенка,

в отличие от Der Dicke. Британские и американские бомбардировщики превращали немецкие города в руины. Люфтваффе не удалось усмирить Англию перед предполагаемым вторжением, а теперь не удавалось отогнать орды железных птиц, роняющих на рейх свои смертоносные яйца. Гитлер винил Геринга и за то и за другое, хотя это Гитлер решил бомбить английские города, вместо того чтобы подавить сначала базы королевских воздушных сил, теперь уничтожающих Германию. Решение же Гитлера о нападении на нейтральную Россию перед покорением Англии в конечном счете привело к падению Германии.

Гитлер намеревался еще вторгнуться в Швецию после взятия Норвегии. Но Геринг, любивший Швецию, пригрозил в этом случае уйти в отставку. При этом он внушал Гитлеру, как полезна им будет нейтральная Швеция.

Здоровье его перед войной ухудшилось. В конфликтных ситуациях болезнь и волнения, связанные с потерей престижа, заставляли его прибегать к наркотикам. Геринг терзался, нервничал, впадал в меланхолию и скатывался все ниже, не в силах остановиться. А его любимая страна погружалась в Сумерки Богов — это ужасало Геринга, но приносило какое-то странное удовлетворение Гитлеру.

Когда союзники начали наступление на Германию по всем фронтам, Геринг решил, что ему пора возглавить правительство. Фюрер, однако, лишил его всех чинов и званий и выгнал из партии. Злейший враг Геринга Мартин Борман отдал приказ о его аресте.

В конце войны, при попытке уйти от русских, Геринг был взят в плен американским лейтенантом, по иронии судьбы евреем. На Нюрнбергском процессе Геринг защищал себя сам, но неубедительно. Несмотря на все содеянное Гитлером, он защищал и его, верный ему до конца.

Приговор был предрешен. Осужденный на казнь через повешение, Геринг накануне, 15 октября 1946 года, проглотил одну из капсул с цианидом, спрятанных им в камере, и умер. Его кремировали, и пепел, согласно одной версии, высыпали в мусорную кучу лагеря Дахау. Другие, более авторитетные источники утверждают, что прах рассыпали по грунтовой проселочной дороге близ Мюнхена.

Таков был конец земного существования Геринга. Он умер охотно, радуясь, что избавится от телесных и душевных страда-

ний, от сознания, что потерпел полный крах, и от клейма нацистского военного преступника. Сожалел он только об одном — что его Эмму и маленькую Эдду некому теперь защитить.

Глава 18

Но это был еще не конец. Геринг помимо своей воли воскрес на этой планете, снова став стройным молодым человеком. Как это произошло, он не понимал. Он избавился от своего ревматизма, от опухших лимфоузлов и от пристрастия к паракодеину.

Он решил разыскать Эмму и Эдду. А заодно и Карин. Как он ухитрится поладить с обеими женами, он не думал. Поиски продлятся достаточно долго, чтобы обдумать это.

Никого из них он так и не нашел.

Старый Герман Геринг, честолюбивый и беззастенчивый оппортунист, все еще жил в нем. Он сделал много такого, чего глубоко стыдился и в чем раскаивался потом, когда после множества приключений и долгих скитаний* примкнул к Церкви Второго Шанса. Его обращение совершилось быстро и драматично, подобно обращению Савла из Тарса на дороге в Дамаск,— Геринг находился тогда в маленьком суверенном государстве Тамоанкан. Жили там в основном мексиканцы десятого века, говорившие на индейском диалекте, и индейцы навахо из двадцатого века. Герман жил в странноприимном доме, усваивая догматы и требования Церкви.

Потом он перебрался в освободившуюся хижину. Вскоре с ним поселилась женщина по имени Чопилотль. Она тоже была шансером, но настояла на том, чтобы поставить в хижине идола из мыльного камня, безобразное изваяние сантиметров тридцать высотой, изображающее Ксочикетцаль, богиню физической любви и деторождения. Чопилотль поклонялась ей так истово, что требовала, чтобы Герман занимался с ней любовью перед идолом, при свете двух факелов. Герман не возражал, но частота этих сеансов утомляла его.

Ему казалось также, что он напрасно позволяет своей подруге поклоняться языческому божеству. И он пошел к епископу — к навахо, который на Земле был мормоном.

---

* Подробнее об этом в романе «В тела свои разбросанные вернитесь». *(Примеч. авт.)*

— Да, я знаю, что она держит у себя это изваяние,— сказал епископ Чъягии.— Наша церковь не одобряет идолопоклонства и политеизма, Герман. Тебе это известно. Однако разрешает своей пастве держать дома идолов — при условии, если верующий понимает, что это всего лишь символ. Согласен, опасность есть, поскольку верующие слишком легко путают символику с реальностью. И этим страдают не только дикари. Даже так называемые цивилизованные люди попадаются в эту психологическую ловушку.

Чопилотль не умеет мыслить отвлеченно, но женщина она хорошая. Если мы будем чересчур упорствовать и потребуем, чтобы она выбросила своего идола, она может вернуться к настоящему язычеству. Лучше, скажем так, отлучать ее от груди постепенно. Ты ведь видел, сколько здесь идолов? Многим из них в свое время усиленно поклонялись. Но постепенно мы отучили от этого людей путем терпеливого и мягкого убеждения. Теперь каменные боги стали для многих своих прежних почитателей лишь произведениями искусства.

Со временем Чопилотль станет так же смотреть на свою богиню. Я возлагаю на тебя обязанность помочь ей преодолеть свое прискорбное заблуждение.

— То есть подсунуть ей теологическую соску? — сказал Герман.

Епископ засмеялся:

— Я получил степень доктора философии в Чикагском университете. Слишком напыщенно выражаюсь, да? Выпей, сын мой, и расскажи мне еще что-нибудь о себе.

В конце года Герман принял крещение вместе с другими нагими, трясущимися и стучащими зубами неофитами. Потом он вытер полотенцем какую-то женщину, а та — его. Им всем дали длинные одежды, и епископ повесил на шею каждому спиральный позвонок рогатой рыбы. Это не означало посвящения в сан — каждый просто стал называться Insrtuisto, Учитель.

Герман чувствовал себя обманщиком. Кто он такой, чтобы наставлять других и быть, по сути дела, священником? Он не был даже уверен, что искренне верует в Бога или в церковь. Хотя нет, это уж слишком. Он веровал — большую часть времени.

— Твои сомнения относятся к себе самому,— сказал ему епископ.— Ты полагаешь, что далек от идеала. Считаешь себя недостойным. Нужно преодолеть это в себе, Герман. Каждый может стать достойным и спастись. И ты, и я, и все чада Божьи.— Епис-

коп засмеялся.— Обрати внимание на две крайности, к которым ты склонен. Порой ты проявляешь высокомерие и считаешь себя выше других. Но чаще ты впадаешь в смирение. Чрезмерное смирение. Я сказал бы даже, тошнотворное смирение. Это лишь оборотная сторона высокомерия. Истинное смирение состоит в том, чтобы сознавать свое истинное место в масштабе космоса.

Я сам постоянно учусь. И молюсь о продлении своей жизни на такой срок, чтобы успеть избавиться от всяческого самообмана. Но нельзя все время заниматься только самокопанием. Мы должны работать и с людьми. Монашеский постриг, уход от мира, затворничество — все это чушь собачья. Итак, куда ты хотел бы отправиться? Вверх по Реке или вниз?

— Мне очень не хочется уезжать отсюда,— сказал Герман.— Здесь я был счастлив. Впервые за долгое время я чувствовал себя членом большой семьи.

— Твоя семья живет от одного конца Реки до другого. Да, в ней есть и неприятные родственники. Но в какой семье их нету? Твоя работа в том и состоит, чтобы научить их верно мыслить. Впрочем, это уже вторая ступень. Первая — это открыть людям глаза на то, что они мыслят неверно.

— Вот в том-то и беда. Я не уверен, что сам преодолел эту первую ступень.

— Если бы я сомневался в этом, то не позволил бы тебе принять посвящение. Так куда же? Вверх или вниз?

— Вниз,— сказал Герман.

— Хорошо,— поднял брови Чъягии.— Но неофиты, как правило, предпочитают отправляться вверх по Реке. Где-то там, как говорят, живет Ла Виро, и они жаждут увидеть его и побеседовать с ним.

— Вот потому-то я и выбрал другое направление. Я недостоин.

— Я иногда сожалею о том, что нам запрещено всякое насилие,— вздохнул епископ.— Мне страшно хочется дать тебе пинка в зад. Что ж, хорошо — отправляйся вниз, мой худосочный Моисей. Но я обязываю тебя передать кое-что епископу той местности, где ты поселишься. Скажи ему или ей, что епископ Чъягии шлет свой привет. А еще скажи так: «Некоторые птицы думают, что они черви».

— Что это значит?

— Надеюсь, что когда-нибудь ты это поймешь.— И Чъягии благословил Германа, взмахнув тремя вытянутыми пальцами правой руки. Потом обнял его и поцеловал в губы.— Ступай, сын мой, и пусть твоя ка претворится в акх.

— Да воспарят наши акхи рядом,— ответил подобающей формулой Герман и вышел из хижины, заливаясь слезами.

Он всегда был сентиментален, но убедил себя, что плачет из-за любви к этому маленькому, смуглому, изрекающему сентенции человеку. В семинарии Герману хорошо вдолбили разницу между сантиментами и любовью. И это любовь вызвала прилив его чувств. Или нет?

Епископ говорил на уроке, что ученики постигнут разницу лишь тогда, когда приобретут практический опыт в обращении с этими чувствами. И даже тогда без помощи разума им не отличить одно от другого.

Плот, на котором Герман должен был плыть, строил он сам вместе с семерыми своими спутниками. Среди них была и Чопилотль. Герман зашел в их хижину за ней и за немногими своими пожитками. Чопилотль с двумя соседками укладывала идола на деревянные салазки.

— Уж не думаешь ли ты тащить эту штуковину с собой? — спросил Герман.

— Конечно. Бросить ее здесь — все равно что оставить свою ка. И никакая это не штуковина. Это Ксочикетцаль.

— Это только символ, в сотый раз тебе говорю,— нахмурился Герман.

— Пускай символ. Если я брошу ее, не видать мне удачи. Она очень рассердится.

Герман ощутил тоску и беспокойство. В первый же день своей миссии он сталкивается с ситуацией, правильного решения которой не знает.

«Помни о конце своем, сын мой, и будь мудр»,— говорил ему епископ, цитируя Екклезиаста.

Нужно действовать так, чтобы это событие привело к правильному результату.

— Вот что, Чопилотль. Пока ты держала идола здесь, все было хорошо — во всяком случае, не так уж плохо. Местные жители тебя понимали. Но жители других мест не поймут. Мы миссионеры, посвятившие себя обращению других в веру, которую считаем истинной. Мы опираемся на учение Ла Виро, получившего откровение от одного из создателей этого мира.

Но как мы сумеем кого-то убедить, если среди нас есть идолопоклонница? Та, что поклоняется каменной статуе? Притом не

очень приглядной статуе, должен добавить, хотя это несущественно. Люди только посмеются над нами. Скажут, что мы — невежественные, суеверные язычники. И на нас ляжет тяжкий грех, ибо мы выставим свою церковь в совершенно неверном свете.

— А ты им скажи, что она — только символ,— хмуро предложила Чопилотль.

— Говорю тебе, они не поймут! — повысил голос Герман.— Кроме того, это будет ложь. Видно же, что эта вещь для тебя гораздо больше, чем просто символ.

— А ты бы выбросил свой позвонок?

— Это совсем другое. Это знак моей веры, моей принадлежности к Церкви. Я ему не поклоняюсь.

На ее темном лице в сардонической усмешке сверкнули белые зубы.

— Выброси его, тогда и я оставлю ту, кого люблю.

— Чепуха! Ты же знаешь, я не могу! Хватит вздор городить, сучка этакая.

— Как ты покраснел. Где твое любящее понимание?

Герман сделал глубокий вдох.

— Ладно. Бери ее,— сказал он и пошел прочь.

— А разве ты мне не поможешь?

— Чтобы я стал соучастником святотатства? — обернулся он.

— Раз ты согласился, чтобы она плыла с нами, ты уже соучастник.

Чопилотль вообще-то была неглупа, но страдала эмоциональной тупостью. Герман с легкой улыбкой продолжал идти своей дорогой. Придя к плоту, он сообщил другим, что их ожидает.

— Почему ты позволяешь ей это, брат? — спросил Флейскац. Родным языком этого рыжеволосого великана был старогерманский, одно из наречий Центральной Европы во втором тысячелетии до нашей эры. От старогерманского отпочковались позднее норвежский, шведский, датский, исландский, немецкий, голландский и английский языки. Раньше Флейскац прозывался Вульфац, то есть Волк, как воин, вселяющий страх во врагов.

Но в мире Реки, вступив в Церковь, Вульфац переименовал себя во Флейскаца, что на его языке значило «клок мяса». Никто не знал, почему он назвал себя именно так — скорее всего, потому, что считал себя куском здоровой плоти в дурном теле. Этот кусок, вырванный из старого тела, способен, в духовном смысле, вырасти в совершенно новое, полностью здоровое тело.

— Ты мне, главное, не противоречь,— сказал Герман Флейскацу.— Вопрос решится раньше, чем мы успеем отплыть на пятьдесят метров от берега.

Они сели и закурили, наблюдая, как Чопилотль тащит салазки со своей ношей. Наконец она, красная, потная и запыхавшаяся, пересекла широкую равнину и принялась ругать Германа, сказав в заключение, что ему теперь долго придется спать в одиночестве.

— Эта женщина не может служить хорошим примером, брат,— сказал Флейскац.

— Терпение, брат,— спокойно ответил Герман.

Плот стоял у берега на якоре, которым служил камень, привязанный к бечевке из рыбьей кожи. Чопилотль попросила сидящих на плоту помочь ей втянуть туда салазки. Те улыбнулись, но не двинулись с места. Бурча под нос ругательства, она сама втащила свой груз. Ко всеобщему удивлению, Герман помог ей отвязать идола и дотащить его до середины плота.

Они подняли якорь и отчалили, махая тем, кто собрался на берегу пожелать им доброго пути. На мачте натянули квадратный парус и потравили брасы так, чтобы выйти на середину Реки. Здесь течение и ветер подхватили плот; парус выровняли, и он надулся до отказа. Брат Флейскац стоял у руля.

Надутая Чопилотль удалилась в шатер, устроенный у мачты.

Герман потихоньку перекатил идола на правый борт под вопросительными взглядами остальных, ухмыляясь и знаком призывая их к молчанию. Чопилотль не ведала, что происходит, но, когда идол оказался на самом краю, плот слегка накренился. Чопилотль выглянула наружу и завопила.

Герман уже поставил статую торчком.

— Я делаю это для твоего блага и для блага Церкви! — крикнул он и столкнул глыбу за борт. Чопилотль с криком бросилась к нему. Идол бухнулся в воду и затонул.

Позднее попутчики сообщили Герману, что Чопилотль треснула его в висок своим граалем.

Он все же сохранил достаточно сознания, чтобы увидеть, как она, держась за грааль, плывет к берегу. Бесса, женщина Флейскаца, сплавала за граалем Германа, который Чопилотль швырнула за борт.

— Насилие порождает насилие,— сказала Бесса, вручая Герману контейнер.

— Спасибо, что выловила его,— сказал он. И сел, мучимый болью в голове и муками совести. Ясно было, почему Бесса сказала так.

Утопив идола, он совершил насилие. Он не имел права лишать Чопилотль ее святыни. И даже если бы он имел это право, не следовало бы им пользоваться.

Надо было показать ей, в чем ее ошибка, и заложить в ее ум закваску доброго примера, на которой мог бы потом взойти дух. А Герман только разгневал ее и толкнул к насилию. Теперь она, вероятно, попросит кого-то изваять ей нового идола.

Такое начало не назовешь удачным.

Он продолжал думать о Чопилотль. Почему он ее выбрал? Она красива и очень соблазнительна, но она индианка, и Германа слегка коробила мысль о союзе с цветной женщиной. Может, он для того и взял ее, чтобы доказать себе, что свободен от предрассудков? Неужто им двигали столь недостойные побуждения?

А будь она черной, курчавой, толстогубой американкой, смог бы он хотя бы помыслить о сожительстве с ней? По правде говоря, нет. Теперь Герману вспоминалось, что поначалу он искал себе еврейку. Но их, насколько он знал, в округе было только двое и они уже были заняты. Притом они жили во времена Ахава и Августа и были черны, как йеменские арабки, приземисты, большеносы, суеверны и склонны к насилию. К Церкви, во всяком случае, они не принадлежали, хотя, если подумать, Чопилотль тоже суеверна и склонна к насилию.

Но она была прихожанкой Церкви, и это означало, что она еще способна духовно возвыситься.

Герман направил свои мысли к предмету, от которого они уворачивались.

Он искал еврейку и взял себе индианку лишь для того, чтобы успокоить свою совесть. Чтобы показать самому себе, как он вырос духом. Так ли это на самом деле? Пусть Герман не любил Чопилотль — он был к ней привязан. Преодолев первоначальное отвращение к физическому контакту с ней, он испытывал только наслаждение от их любовных актов.

Однако во время их нечастых, но бурных ссор у него так и рвались с языка расистские оскорбления.

Истинное совершенство, истинная любовь придут к нему лишь тогда, когда он в таких случаях перестанет сдерживаться и будет выкрикивать вслух, что хочется. Преграда исчезнет, потому что он не станет трястись над каждым своим словом.

Перед тобой еще долгий путь, Герман, сказал он себе.

Но почему же тогда епископ допустил его в миссионеры? Ведь Чъягии должен был видеть, что Герман еще не готов.

Глава 19

Когда много лет спустя Геринг оказался вблизи от Пароландо, никого из его прежних спутников с ним уже не было. Одних убили, другие остались где-то на Реке, чтобы заниматься миссионерской деятельностью там. Еще в нескольких тысячах миль от Пароландо Геринг услышал об упавшей там звезде, о большом метеорите. Говорили, что метеорит и поднятая им волна убили сотни тысяч человек, искорежив долину на шестьдесят миль в обе стороны. Но как только опасность минула, множество отрядов устремилось туда, чтобы поживиться никелем и сталью. После свирепого побоища восторжествовали две группировки. Теперь они объединились и удерживали поле за собой.

Другие слухи гласили, что из метеорита уже добывают металлы и строят гигантский корабль, а всем этим руководят два знаменитых человека. Один из них — американский писатель Сэм Клеменс. Другой — король Иоанн Английский, брат Ричарда Львиное Сердце. У Германа непонятно почему от этих россказней взыграло сердце.

Ему стало казаться, что он, сам того не зная, всегда стремился в тот край, где упала звезда.

Проделав длинный путь, он прибыл в Пароландо. Слухи оправдались.

Сэм Клеменс и король Иоанн, прозванный Безземельным, совместно правили страной, скрывавшей под собой сокровища метеорита. К тому времени металл уже добывался вовсю, и округа напоминала маленький Рур.

Повсюду виднелись сталеплавильные печи, прокатные станы, чаны с азотной кислотой, а из боксита и криолита изготовлялся алюминий.

Однако эти руды доставлялись уже из другого государства, и не без сложностей.

Душевный Город находился в двадцати милях ниже по Реке от Пароландо. Там имелись огромные залежи криолита, боксита, киновари и небольшой запас платины. Клеменс и Иоанн нуждались во всем этом, но правители Душевного Города, Элвуд Ха-

кинг и Милтон Фаербрасс, заламывали несусветную цену. И были явно не прочь прибрать к рукам никель и сталь метеорита.

Местные политические интриги мало занимали Германа. Его задачей было обращать людей в веру Церкви Второго Шанса. А другая его задача, решил он вскоре,— воспрепятствовать строительству большого парохода. Клеменс и Иоанн, одержимые этой идеей, готовы были превратить Пароландо в индустриальный район, лишив его всякой растительности, кроме несокрушимых железных деревьев. Они загрязняли воздух дымом и вонью заводов.

Хуже того, они губили свои ка, а это уж напрямую касалось Германа Геринга. Церковь учила, что человечество воскрешено ради того, чтобы получить еще одну возможность спасти свои ка. Людям дали молодость и избавили их от болезней для того, чтобы они могли сосредоточиться на спасении.

Спустя примерно неделю после прибытия Германа в Пароландо он и еще несколько миссионеров устроили большое собрание. Собрались все вечером, как только стемнело. Десятки костров загорелись вокруг освещенного факелами помоста. На помосте стоял Герман с местным епископом и дюжиной самых достойных шансеров. Внизу скопилось тысячи три народу, где обращенные составляли меньшинство — остальные пришли поразвлечься. Последние принесли с собой выпивку и все время норовили прервать оратора.

Когда оркестр проиграл гимн, сочиненный будто бы самим Ла Виро, епископ произнес короткую молитву, а потом представил Германа. В толпе заулюлюкали. Как видно, кое-кто из присутствующих жил во времена Германа — а возможно, здесь просто не любили шансеров.

Герман вскинул руки, призывая к молчанию, и заговорил на эсперанто.

— Братья и сестры! Выслушайте меня с той же любовью, с какой я обращаюсь к вам. Герман Геринг, что перед вами,— не тот человек, который жил под этим именем на Земле. Тот Геринг, тот злодей, внушает нынешнему ужас.

И то, что я стою здесь перед вами, новый и возродившийся, свидетельствует о возможности победы над злом. Человек способен измениться к лучшему. Я заплатил за все, что совершил. Заплатил единственно возможной монетой: чувством вины, стыдом и ненавистью к себе. Заплатил, дав обет уничтожить в себе прежнего человека, похоронить его и начать жизнь сначала.

Но я здесь не для того, чтобы рассказывать вам, какой я негодяй.

Я пришел, чтобы рассказать вам о Церкви Второго Шанса. Как она возникла, каков ее символ веры и в чем ее принципы.

Я знаю, те из вас, что выросли в иудейско-христианских или мусульманских странах, и те жители Востока, что сталкивались с христианами и мусульманами, посещавшими или оккупировавшими их страны, ждут, что я буду взывать к вашей вере.

Нет! Именем Господа, который среди нас, я не сделаю этого! Моя Церковь не просит вас уверовать безоговорочно. Моя Церковь несет не веру, но знание! Повторяю — не веру! Знание!

Церковь не призывает вас поверить в то, что должно быть и, возможно, когда-нибудь будет. Церковь просит вас ознакомиться с фактами и действовать в соответствии с ними. Она просит вас поверить лишь в то, что с фактами не расходится.

Судите сами. Никто не станет оспаривать, что мы все родились на Земле и там же умерли. Может кто-нибудь что-то на это возразить?

Нет? Тогда будем рассуждать дальше. Человек рождается для горя и зла, как птица для полета. Может ли кто-то из вас, вспомнив свою жизнь на Земле и здесь, сказать, что это не так?

Все земные религии давали нам ложные обещания. Доказательством служит то, что мы с вами не в аду и не в раю. Не получили мы и нового воплощения, если не считать наших новых дел и новой жизни в случае смерти.

Первое воскрешение стало для нас огромным, почти непреодолимым шоком. Каждый, будь то верующий, агностик или атеист, оказался не там, где полагал оказаться после конца своего земного существования.

Однако мы здесь, нравится нам это или нет. И из этого мира нельзя уйти так, как можно было с Земли. Если вас убивают или вы кончаете с собой, назавтра вы воскресаете. Может ли кто-нибудь это отрицать?

— Нет, но меня это чертовски не устраивает! — крикнул кто-то.

Последовал общий смех, а Герман посмотрел на человека, который это сказал. Это был Сэм Клеменс собственной персоной. Посреди толпы было сделано возвышение, на нем стоял стул, а на стуле Сэм.

— Прошу вас, брат Клеменс, не прерывайте меня,— сказал Герман.— Благодарю. Пока что я излагал только факты. А мо-

жет ли кто-нибудь отрицать, что этот мир создался неестественным путем? Я говорю не о самой планете, о солнце или звездах. Планету создал Бог. Но Река и долина созданы искусственно. А в воскрешении ничего сверхъестественного нет.

— Откуда вы знаете? — крикнула какая-то женщина.— Это уже не факты, а только ваши предположения. Вы вступаете в область догадок.

— И не только в нее! — крикнул мужчина.

Герман подождал, пока не утих смех.

— Сестра, я могу доказать тебе, что Бог в нашем воскрешении непосредственного участия не принимал. Оно совершилось и совершается такими же, как мы, людьми. Возможно, они не земляне. Нет сомнений, что они выше нас по мудрости и знанию. Но они очень на нас похожи. И некоторые из нас встречались с ними лицом к лицу!

Толпа загудела. Не потому, что услышала нечто новое — все это уже говорилось, хотя, возможно, и не в таких выражениях. Неверующие просто хотели разрядить напряжение.

Герман выпил воды. Когда он отставил чашу, восстановилась относительная тишина.

— И этот мир, и воскрешение — дело если не человеческих рук, то рук, напоминающих человеческие. Есть два человека, которые могут это засвидетельствовать. То есть это мне известны двое — возможно, их гораздо больше. Один из них — англичанин, Ричард Фрэнсис Бёртон. В свое время он был небезызвестен на Земле, даже знаменит. Он жил с тысяча восемьсот двадцать первого по тысяча восемьсот девяностый год и был путешественником, антропологом, изобретателем, писателем и выдающимся лингвистом. Может быть, кто-нибудь из вас слышал о нем? Если так — поднимите, пожалуйста, руки.

Ага, я насчитал не менее сорока человек, и среди них ваш консул, Сэмюэль Клеменс.

Сэму, похоже, не нравилось то, что он слышал. Он хмурился и яростно жевал сигару.

Герман стал рассказывать о своем знакомстве с Бёртоном и о том, что Бёртон рассказал ему. Толпу это захватило — установилась полная тишина. Это было что-то новенькое — ни один шансианский миссионер такого еще не говорил.

— Бёртон называл это таинственное существо этиком. По его словам, этик, который говорил с ним, был не согласен со своими собратьями. Очевидно, даже между теми, кто в нашем понимании боги, существуют расхождения. Так было и на Олимпе, если позволительно провести такую параллель. Хотя я не считаю так называемых этиков богами, ангелами или демонами. Они люди, такие же, как мы, только их этический уровень намного выше. В чем они разошлись, я, откровенно говоря, не знаю. Возможно, в вопросе о средствах, которыми они воспользовались ради достижения цели.

Но цель у них одна! Не сомневайтесь в этом. Что же это за цель? Позвольте мне сначала рассказать вам о другом свидетеле. Я реалист, и...

— А я думал, ты Герман! — крикнул кто-то.

— Зовите меня Майером,— сказал Герман и без дальнейших объяснений продолжил: — Через год после Дня Воскрешения мой свидетель сидел в хижине на краю очень высокого холма далеко к северу отсюда. Его имя Жак Жийо, но мы, прихожане Церкви, обычно зовем его Ла Виро, то есть Человек, и Ла Фондинто — Основатель. На Земле всю свою долгую жизнь он был глубоко верующим человеком. Но теперь его вера разбилась, потерпев полный крах. Он был растерян и горевал.

Этот человек всегда старался вести добродетельную жизнь согласно учению своей церкви, выступавшей от имени Бога. Он не считал себя хорошим человеком. Ведь сам Иисус сказал, что никто не благ, включая и его самого.

И все-таки в относительном смысле Жак Жийо был хорошим человеком. Он не был совершенен: он лгал, но лишь для того, чтобы пощадить чьи-то чувства, никогда для того, чтобы избежать ответственности за свои поступки. Он никогда не говорил о ближнем заглазно того, чего не сказал бы ему в лицо. Он никогда не изменял своей жене. Он относился к жене и детям с неослабным вниманием и любовью, не портя их при этом. Он ни разу не отказался посадить кого-то за свой стол по социальным, политическим, расовым или религиозным мотивам. Несколько раз он поступил несправедливо, но лишь от поспешности или неведения — после он всегда извинялся и старался исправить ошибку. Его грабили и предавали, но он оставлял отмщение Богу. Однако никому не позволял попирать себя ногами.

Умер он, получив отпущение грехов и выполнив подобающие обряды.

И где же он оказался? Среди политиканов, убийц из-за угла, обидчиков детей, бесчестных дельцов, продажных законников,

алчных врачей, прелюбодеев, насильников, воров, палачей, террористов, лицемеров, мошенников, клятвопреступников, паразитов, среди негодяев, хапуг, порочных и бессердечных!

Сидя в своей хижине у самого подножия гор, слыша, как стучит дождь, воет ветер и гремит гром, подобный шагам гневного Бога, он размышлял об этой кажущейся несправедливости. И, сам того не желая, пришел к заключению, что в глазах Всевышнего он немногим лучше тех, других.

Ему не делалось легче от сознания, что все тут находятся в том же положении, что и он. Когда лодка тонет, тебе не легче от того, что все, кто сидит в ней с тобой, потонут тоже.

Но что он мог поделать? Он не знал даже, что от него требуется.

В этот миг, глядя на огонек в очаге, он услышал стук в дверь. Он встал и взял копье. Тогда, как и теперь, всюду блуждали злоумышленники в поисках легкой добычи. Красть у него было нечего, но есть ведь и такие, что убивают ради одного лишь извращенного удовольствия.

— Кто там? — спросил он на своем родном языке.

— Ты меня не знаешь,— ответил кто-то на квебекском французском диалекте, но с иностранным акцентом.— Однако я не причиню тебе вреда. Копье не понадобится.

Это изумило Ла Виро. Дверь и окна были закрыты. Никто не мог видеть, что делается внутри.

Он отомкнул дверь. Молния вспыхнула за спиной у пришельца — он был среднего роста, в плаще с капюшоном. Ла Виро впустил незнакомца, и тот вошел; Ла Виро закрыл дверь. Вошедший откинул капюшон, и при свете огня стало видно, что он белый, рыжеволосый, с голубыми глазами и приятным лицом. Под плащом он носил облегающий, без швов, костюм из серебристого материала. На серебряном шнуре вокруг шеи висела золотая спираль.

По одежде Ла Виро сразу понял, что этот человек не из мира Реки. Он походил на ангела, а возможно, им и был. Ведь в Библии сказано, что ангелы видом как люди. Так, по крайней мере, говорили священники. Ангелы, входившие к дочерям человеческим во времена патриархов, ангелы, спасшие Лота, ангел, боровшийся с Иаковом,— все они были как люди.

Но и Библия, и священники, толковавшие ее, во многом ошибались.

Глядя на гостя, Ла Виро испытывал трепет и в то же время восторг. Отчего ангел почтил приходом именно его среди всех людей?

Потом ему вспомнилось, что Сатана тоже был ангелом и все демоны — падшие ангелы.

Из каких же его гость?

Или он вовсе не ангел? Ла Виро, несмотря на недостаток образования и свое скромное положение, был совсем не глуп. Ему подумалось, что есть и третий вариант. Тут ему сразу полегчало, хотя все еще было не по себе.

Спросив у хозяина разрешения, незнакомец сел. Ла Виро, поколебавшись, тоже присел на стул. Какой-то миг они молча смотрели друг на друга. Гость сложил вместе кончики пальцев и нахмурился, словно не знал, как начать. Странно — он ведь знал, зачем пришел, и должен был подготовиться.

Ла Виро предложил ему выпить. Тот сказал, что предпочел бы чай. Ла Виро стал растворять порошок в воде. Гость поблагодарил и, отпив глоток, сказал:

— Жак Жийо, если бы я стал объяснять, кто я, откуда взялся и зачем прибыл сюда, это заняло бы всю ночь и весь день.

То немногое, что я скажу тебе, будет правдой — той, какую ты способен понять на этой стадии. Я — один из тех, кто подготовил эту планету, чтобы воскресить всех вас. Есть и другие планеты, подготовленные для других землян, но это пока тебя не касается. Некоторые из них уже используются, другие ждут своего часа.

Этот мир — для тех, кто нуждается во втором шансе. Что такое второй шанс? И что такое первый? Теперь ты должен признать, что твоя религия, как, впрочем, и все земные религии, неверно представляла себе загробную жизнь. Все только строили догадки, а потом превращали их в догматы веры. Некоторые, положим, были недалеки от истины, если понимать их откровения символически.

А потом гость сказал, что такие, как он, зовутся этиками, хотя между собой называют себя по-другому. Их этический уровень выше, чем у большинства землян. Заметьте, он сказал «у большинства». Значит, среди нас есть и такие, что достигли уровня этиков.

Они далеко не первые этики, уточнил гость. Первые не были людьми и происходили с планеты более древней, чем Земля.

Те намеренно удерживали себя в телесной оболочке, вместо того чтобы подняться еще выше и совершить Продвижение. Обнаружив, что есть один вид — тоже не люди,— способный продолжить дело, этики передали все им и ушли в небытие.

Этих преемников гость называл Древними, хотя по сравнению со своими наставниками они были очень юны.

И вот чему, сказал гость, нынешние этики научились от Древних. Творец, Бог, Единый Дух, называйте как хотите, создает все. Все — это Вселенная. Однако она соткана из двух элементов. Один — это материя; другой, за неимением лучшего слова,— нематерия.

Мы все знаем, что такое материя. Философам и ученым не удалось дать ей точное определение, тем не менее каждый знает, что такое материя, на основе своего непосредственного опыта.

Но что такое нематерия?

Глава 20

— Вакуум! — крикнул какой-то остряк.— Который у тебя в голове!

Клеменс встал и рявкнул:

— Тихо, вы! Дайте ему сказать.— И добавил с ухмылкой: — Даже если его речь не имеет смысла!

— Благодарю вас, мистер Клеменс. Да, абсолютный вакуум есть абсолютное отсутствие материи. Но один ученый сказал мне, что абсолютного вакуума в природе не существует. Это лишь отвлеченное понятие. И вакуум — тоже материя.

Нематерия же — это душа, выражаясь на языке старых земных религий. Однако определения, даваемые душе, всегда были очень расплывчатыми, лишенными конкретности. Люди античных времен и их темные предки считали, что это тень, призрачная субстанция, смутное отражение материи, к которой она была привязана до окончания срока жизни.

Позднее, с ростом просвещения, душу стали считать невидимой субстанцией, также связанной с телом. После смерти она будто бы воплощается заново, получая новое, бессмертное тело. Некоторые восточные религии учат, что душа, после множества земных воплощений, приобретя хорошую карму, вновь сольется с Божественным началом.

Во всех этих учениях есть доля правды, но все их приверженцы за долей не видели целого.

Но нам эти философские изыскания ни к чему. Нам нужны только факты. И вот факт: всякое живое существо, от самого простого до самого сложного, имеет своего нематериального двойника. Даже амеба.

Но я не хотел бы в этот раз запутывать вас, приводя слишком много подробностей.

Гость Ла Виро сказал:

— Нематерия не подлежит уничтожению. Это значит, что у твоего земного тела есть неуничтожимый нематериальный двойник.

Тут Ла Виро, до сих пор молчавший, прервал пришельца:

— Но сколько же двойников у живого существа? Ведь человек с годами меняется. Он стареет, может лишиться глаза или ноги. У него начинает болеть печень. Что же, этот нематериальный образ похож на ряд фотографий, снятых с человека? Если да, как часто делаются снимки? Каждую секунду или раз в месяц? И что происходит со старыми снимками?

Гость улыбнулся и ответил:

— Образ, как ты называешь его, нерушим. Но в нем записываются все перемены, происходящие с телом.

— Значит, и смерть тоже, и разложение?

Ла Виро, как я уже говорил, был неграмотен и ни разу не бывал в большом городе, но голова у него варила.

— Нет,— сказал гость.— Забудем пока обо всей материи и нематерии, кроме тех, из которых состоит человечество. Все остальное для нас не имеет значения. Но сначала назовем то, что ты зовешь душой, по-иному. «Душа» для людей понятие слишком расплывчатое, с ним связано слишком много словесных образов, слишком много противоречивых определений.

Стоит только сказать «душа» — и неверующие сразу делаются глухи к тому, что следует дальше. Верящие же в бессмертие души услышат вас сквозь все умственные построения, нагроможденные на Земле. Назовем этот нематериальный двойник «ка». Это древнеегипетское слово, обозначавшее в их религии один из нескольких видов души. Дополнительные значения это слово имеет только для египтян — а они уж как-нибудь приспособятся.

Отсюда мы можем заключить, что гость имел понятие о земной истории. Кроме того, он говорил на франко-канадском диалекте, а стало быть, заранее готовился к этой встрече. Этик, который говорил с Бёртоном, в свою очередь выучил английский.

— Итак,— продолжал гость,— у нас есть ка. Насколько нам известно, формируется она в момент зачатия, когда сперма сливается с яйцеклеткой. А потом меняется вместе с телом.

Различие между телом и ка в момент смерти проявляется так. Тело в течение всей жизни создает свою ауру. Простым глазом она не видна — это доступно лишь немногим избранным — и представляет собой ореол вокруг головы живого человека. Увидеть ее можно с помощью специального прибора — тогда она предстает как многоцветный переливчатый шар, который вертится, раздувается, убывает, меняет цвета, выпускает и вновь втягивает отростки. Это чудо, это буйство красок надо увидеть, чтобы оценить. Назовем эту ауру «ватан».

Человек теряет свой ватан или свою ка в момент смерти, то есть когда тело уже невозможно оживить. Куда же девается ка? С помощью нашего прибора, назовем его каскопом, видно, что она, как правило, тут же уплывает прочь, несомая эфирным течением, природа которого нам неизвестна. Иногда ка задерживается по неведомой нам причине. Но обычно она отделяется от тела и уплывает.

Вселенная полна ими, однако они никогда не заполняют все пространство. Они способны пересекаться, проходить одна сквозь другую, и в одном месте может поместиться бесчисленное их множество.

Мы полагаем, что ка лишена сознания, хотя в ней содержатся разум и память умершего. Она блуждает в вечности и бесконечности, неся с собой этот умственный потенциал. Замороженная душа, так сказать.

Когда же тело умершего восстанавливается, ка возвращается в это тело. Как бы далеко в пространственном отношении она ни находилась, она моментально является в первый же миг жизни восстановленного тела. Притяжение между ними не знает преград. Но когда соединение произойдет, ка ничего не будет знать об интервале, прошедшем с момента смерти первого тела до момента пробуждения сознания во втором.

Некоторые, однако, придерживаются мнения, что ка, возможно, обладает и сознанием в свой бестелесный период. Это подтверждается некоторыми явлениями, зарегистрированными, кажется, в 1970-х годах.

Насколько я помню, речь шла о значительном количестве мужчин и женщин, реанимированных после клинической смерти.

Они свидетельствовали, что в момент смерти покидали свое тело, видели, как скорбят их родные, а потом их возвращали обратно. Но обладает ка в этот период памятью или нет — мы имеем дело только с ее воплощениями, с ее телесным состоянием.

Ла Виро, ошеломленный и одновременно охваченный экстазом, все же прервал гостя снова — очевидно, свойство прерывать неотделимо от человека.

Геринг помолчал и добавил:

— Как мне слишком хорошо известно.— Раздался смех.

— Простите меня,— сказал Ла Виро.— Но как можно восстановить умершее тело?

Он смотрел на свое собственное тело и не мог понять, как оно, бывшее прахом, восстало вновь.

— У нас есть инструменты, обнаруживающие и исследующие ка,— сказал гость.— Они способны уловить любую нематериальную молекулу. А потом происходит процесс преобразования энергии в материю.

— И вы можете воспроизвести любую ка на любой стадии? Вот, скажем, кто-то умер в восемьдесят лет. Можете вы воспроизвести его двадцатилетнюю ка?

— Нет. В природе существует только одна ка — ка восьмидесятилетнего. Поэтому, пока разум еще не начал действовать, тело, восстановленное по записи, омолаживается до двадцатилетнего возраста. Все его дефекты исправляются. При первом воскрешении на этой планете энергия снова преобразуется в материю. Все это время тела находятся в бессознательном состоянии.

— А если сделать два одинаковых тела? В которое из них войдет ка?

— Предположительно в то, которое оживят первым. Как бы синхронно ни проводились воскрешения, всегда будет разница хотя бы в микросекунду. Наши машины не могут оживлять разные тела в абсолютно одинаковое время. Кроме того, мы никогда не пошли бы на такой эксперимент. Это было бы дурно. Неэтично.

— Да — но предположим?

— Тело, лишенное ка, разовьет, полагаю, свою собственную. И хотя второе тело является копией первого, оно уже не будет тем, что прежде. Другая среда и другой опыт сделают и тело другим. Воскресший, хотя и будет всегда похож на умершего, станет другим человеком.

Однако не будем отвлекаться на мелочи. Важно другое. Большинство лишенных тела ка так и пребывают вечно в бессознательном состоянии. Так мы, по крайней мере, надеемся. Какой это ад — быть заключенным в неосязаемой оболочке, не имея возможности управлять ею, без связи с другими, и при этом все сознавать. Такой муки не заслуживают самые закоренелые грешники. Даже подумать страшно.

Во всяком случае, никто из воскрешенных не помнит ни о чем между смертью и новой жизнью.

И гость сказал Ла Виро, что из тех биллионов, что умерли на Земле, лишь ничтожно малая часть не входит в эту орду блуждающих ка. Эта часть выбыла. Исчезла. Неведомо куда, неведомо зачем. Древние сказали этикам лишь одно: эти немногие «продвинулись». Слились с Творцом или по крайней мере составляют ему компанию.

Гость сказал, что понимает, сколько вопросов возникло у Ла Виро. Он ответит, но лишь на те, что касаются самой сути дела. Откуда этики знают, что некоторые ка «продвинулись»? Как можно вычислить, что не хватает одной из биллионов ка?

— Ты должен уже представлять себе, какого развития достигла наша наука и техника. Ведь даже силы, создавшие этот мир и вернувшие тебя к жизни, недоступны твоему пониманию. Но то, что видел здесь ты,— лишь малая часть того, что нам доступно. И я говорю тебе, что у нас на учете все ка, когда-либо существовавшие на Земле. На это ушло больше ста лет, но мы сочли их все.

Наука, и только она, позволила осуществить то, что раньше казалось доступным лишь для сверхъестественных сил. Разум человека сделал то, чего не намеревался делать сам Создатель. Не намеревался, полагаю я, как раз потому, что знал: мыслящие существа сделают это за него. Возможно, способность мыслить есть ка Бога.

Позволь и мне сделать небольшое отступление, имеющее, впрочем, отношение к делу. Ты, я вижу, смотришь на меня если не как на бога, то как на его кузена. Ты тяжело дышишь, от тебя пахнет страхом, на лице у тебя написано благоговение. Не бойся. Я действительно выше тебя в этическом смысле, но гордиться тут нечем. Ты можешь сравняться со мной и даже превзойти меня.

Я обладаю властью, по сравнению с которой наука твоего времени годится разве что для обезьян. Однако я не умнее наиболее умных жителей Реки. И тоже могу ошибаться.

Запомни еще вот что — и, когда начнешь проповедовать, всякий раз говори об этом. Тот, кто лезет вверх, может скатиться вниз. Другими словами, бойся регресса. Тебе незнакомо это слово? Бойся скатиться вниз. Покуда ка не расправит крылья и не улетит в неведомые пределы, регресс всегда будет угрожать ей. Кто живет во плоти, живет под угрозой.

Это точно так же относится ко мне, как и к тебе.

В этот миг Ла Виро протянул к пришельцу руку, желая дотронуться до него и убедиться, что он и вправду из плоти и крови.

Гость отпрянул и крикнул:

— Не делай этого!

Ла Виро убрал руку, но явно обиделся. Гость сказал:

— Мне очень жаль, ты не представляешь себе, как жаль, но пожалуйста — не трогай меня. Больше я ничего говорить не буду. Но когда ты достигнешь черты, за которой я смогу тебя обнять, ты меня поймешь.

И тогда, братья и сестры, гость стал говорить, почему Ла Виро должен основать эту новую религию. Название для церкви придумал сам Ла Виро, и гость ни к чему его не принуждал, просто сказал, что это следовало бы сделать. Но, очевидно, пришелец знал, к кому обратиться, ибо Ла Виро пообещал все исполнить.

Принципы Церкви Второго Шанса и способы воплощения их в жизнь мы теперь обсуждать не будем. Слишком много времени нужно, чтобы выдвинуть и обосновать их. Отложим это до будущей ночи.

Под конец Ла Виро спросил этика, почему тот выбрал именно его в основатели Церкви.

— Ведь я — невежественный полукровка. Вырос в глухом канадском лесу. Мой отец был белый траппер, а мать — индианка. Британцы, правившие нашей страной, смотрели свысока на них обоих. Мать почти отвергло собственное племя, потому что она вышла за белого. А отца англичане, на которых он работал, обзывали мужем скво, грязным французишкой.

Я был очень велик для своего возраста и в четырнадцать уже стал лесорубом. В двадцать из-за несчастного случая я стал калекой и всю оставшуюся жизнь стряпал в лагерях дровосеков. Моя

жена, тоже метиска, подрабатывала стиркой. У нас было семеро детей — четверо рано умерли, а остальные стыдились своих родителей. Но мы жертвовали для них всем, любили их и старались хорошо воспитать. Два моих сына уехали работать в Монреаль, а потом погибли во Франции, сражаясь на стороне англичан, которые их презирали. Дочь стала шлюхой, заболела и умерла — так я слышал. А жена умерла от разбитого сердца.

Я рассказываю тебе это не потому, что ищу сочувствия. Я просто хочу, чтобы ты знал, кто я и что я. Как ты можешь просить, чтобы я проповедовал другим, если я родных детей не сумел убедить в правоте своей веры? Если моя собственная жена умерла, проклиная Бога? Как же я смогу говорить с людьми, которые были раньше учеными, государственными деятелями и священниками?

— Я вижу по твоему ватану, что сможешь,— улыбнулся гость. Он встал, снял с шеи золотую спираль на серебряном шнурке и надел ее на шею Ла Виро.— Это тебе, Жак Жийо. Носи ее с честью. Прощай. Возможно, мы еще увидимся в этом мире, а возможно, и нет.

— Подожди! — сказал Ла Виро.— У меня еще столько вопросов!

— Ты знаешь достаточно. Благослови тебя Бог.

И гость ушел. Снаружи по-прежнему бушевали дождь, гром и молния. Миг спустя Жийо тоже вышел, но гостя и след простыл. Ла Виро обвел взором грозовое небо и вернулся в хижину. Там он сидел, пока не прогремели питающие камни и не настал день. Тогда он спустился на равнину и рассказал, что с ним случилось. Как он и сказал, все, кто услышал его рассказ, сочли его безумцем. Но со временем появились и такие, что поверили ему.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ПАРОХОДЫ ПРИБЫВАЮТ В ВИРОЛАНДО

Глава 21

Около тридцати трех лет назад Герман приплыл в Вироландо. Он собирался задержаться там лишь на время, нужное для нескольких бесед с Ла Виро, если тот допустит его к себе. А там он снова отправится туда, куда пошлет его Церковь. Но Ла Виро попросил его остаться здесь, не сказав, для чего и как долго. Прожив здесь год, Герман взял себе имя Фениксо.

Это были счастливейшие годы его жизни. И не было повода думать, что он скоро покинет этот край.

Этот день будет похож на много других, но эта похожесть сладка, а небольшое разнообразие украсит ее.

После завтрака Герман поднялся к большому дому, построенному на вершине скального столба, и прочел там лекцию своим семинаристам, закончив ее за полчаса до полудня. Потом быстро сошел вниз и встретился у питающего камня с Крен. После они поднялись на другую скалу, привязали к себе дельтапланы и прыгнули в шестисотфутовую пропасть.

Над Вироландо сверкали тысячи планеров — они парили вверх и вниз, описывали круги, ныряли, взмывали, падали, танцевали. Герман чувствовал себя птицей, нет — вольным духом. Пусть это иллюзия свободы, ведь всякая свобода — иллюзия, но эта самая лучшая.

Дельтаплан у Германа был ярко-красный, в память об эскадрилье, которой он командовал после гибели Манфреда фон Рихтхофена. Алый цвет символизировал также кровь, пролитую мучениками Церкви. В небе было много таких красных птиц впе-

ремешку с белыми, черными, желтыми, оранжевыми, зелеными, синими и пурпурными. В этой благословенной земле залегали гематит и другие руды, из которых делались красители. И не только этим она была благословенна.

Герман вился в проеме между скалами, огибая мосты, где стояли дома, порой в опасной близости от каменных и деревянных опор. Грешно так рисковать своей жизнью, но он не мог устоять. Прежний волнующий трепет земных полетов вернулся к нему, став вдвое острее. Тут в ушах не ревели моторы, в ноздри не бил запах горелого масла, не было ощущения, что ты заперт.

Иногда он проплывал мимо воздушных шаров, махая людям в плетеных корзинах. На каникулах они с Крен тоже сядут на воздушный шар, поднимутся на тысячу метров и предоставят ветру нести их по долине. Бывало, они плыли так целыми днями, болтали, ели, занимались любовью в тесноте, двигаясь без толчков, без единого дуновения ветра — ведь они летели с той же скоростью, что и он.

Выпустив в сумерках водород, они приземлялись на берегу, клали свернутую оболочку в корзину и наутро, взяв лодку, плыли обратно вверх по Реке.

Через полчаса Герман устремился вниз вдоль Реки, спустился и побежал по берегу. Как сотни других летунов, он отвязал свой дельтаплан и с этой громоздкой ношей на спине пошел к скале, с которой взлетел.

Его остановил посыльный в красно-желтой шапочке.

— Брат Фениксо, Ла Виро хочет тебя видеть.

— Спасибо,— сказал Герман, но в душе содрогнулся. Неужели верховный епископ решил, что пришло время отослать его прочь?

Тот, кто звался Человек, ждал его в своей квартире, в храме из красного и черного камня. Из высоких палат Германа провели в небольшую комнату, и дубовая дверь закрылась за ним. Там стояла простая мебель: большой письменный стол, несколько стульев, обтянутых рыбьей кожей, бамбуковые стульчики, две кровати, стол, где помещались кувшины с водой и небольшой выбор спиртных напитков, чашки, сигары, сигареты, зажигалки и спички. Обстановку довершали ночной горшок, два грааля и одежда, висящая на колышках, вбитых в стену. Имелся туалетный столик перед слюдяным зеркалом на стене и еще один, где лежали помада, ножнички и гребенки, которые порой поставлялись граалями. Пол покрывали циновки из бамбукового волокна, и среди них звезда из рыбьей кожи. В гнездах на стенах горели четыре факела. Дверь во внешней стене была открыта. Через отдушины в потолке поступал воздух.

При появлении Германа Ла Виро встал — огромный, ростом шесть футов шесть дюймов, и очень смуглый. Нос у него напоминал клюв исполинского орла.

— Добро пожаловать, Фениксо,— пробасил он.— Садись. Выпьешь чего-нибудь? Хочешь сигару?

— Нет, Жак, благодарю.— Герман сел на указанный ему мягкий стул.

Верховный епископ занял свое место.

— Ты, конечно, слышал о гигантском железном корабле, идущем вверх по Реке? Барабаны передают, что он сейчас в восьмистах километрах от нашей южной границы. Значит, дня через два он эту границу пересечет.

Ты рассказал мне все, что знал, об этом Клеменсе и о его компаньоне, Иоанне Безземельном. О том, что случилось после того, как тебя убили, ты, конечно, знать не мог. Но эти двое, очевидно, отбили своих врагов и построили свой корабль. Скоро они пройдут через нашу территорию. Насколько я слышал, они не воинственны, и нам можно их не бояться. Они сами нуждаются в содействии тех, кому принадлежат прибрежные питающие камни. Они могут и силой взять то, что им нужно, но идут на это лишь в крайнем случае. Однако я слышал тревожные вести о поведении части команды, когда ее — как это? — да, увольняют на берег. Имели место безобразные случаи, в основном связанные с пьянством и женщинами.

— Прости, Жак, но я не думаю, чтобы Клеменс стал держать у себя на борту таких людей. Он был одержим своей идеей и порой делал то, чего не следовало бы делать, чтобы построить корабль. Но он не тот человек — во всяком случае, раньше был не тот,— чтобы мириться с подобным поведением.

— Кто знает, как он изменился с тех пор? Притом корабль называется не так, как ты говорил, а «Рекс грандиссимус».

— Странно. Такое название выбрал бы скорее король Иоанн.

— По твоим рассказам об этом Иоанне можно предположить, что он убил Клеменса и забрал корабль себе. Так это или нет, но я хочу, чтобы ты встретил этот корабль на границе.

— Я?

— Ты знал тех, кто его строил. Я хочу, чтобы ты на границе поднялся к ним на борт. Выясни, что там за ситуация, что за люди. Прикинь также, каков их военный потенциал.

Герман принял удивленный вид.

— Ты, Фениксо, передал мне историю, которую тот носатый великан — Джо Миллер? — рассказал Клеменсу, а тот передал другим. Если это правда, то посреди полярного моря на севере стоит некая башня. Эти люди намерены добраться до нее. И я считаю это намерение дурным.

— Дурным?

— Ведь эту башню явно воздвигли этики. А эти корабельщики вознамерились проникнуть в нее, раскрыть ее тайны — а возможно, захватить этиков в плен или даже убить их.

— Ты не можешь этого знать.

— Нет, но здравый смысл заставляет это предположить.

— *Клеменс при мне никогда не говорил, что хочет власти.* Он хотел только доплыть до истоков Реки.

— Публично он мог говорить совсем не то, что в узком кругу.

— Послушай, Жак. Ну какое нам дело, если они и впрямь доберутся до башни? Не думаешь ли ты, что их жалкая техника и оружие позволят им сладить с этиками? Люди для этиков — что черви. Кроме того, что мы-то можем поделать? Нельзя же нам задержать их силой.

Епископ подался вперед, схватившись коричневыми ручищами за края стола, и впился взглядом в Германа, словно желая снять с него шелуху слой за слоем и добраться до ядра.

— Неладно что-то в этом мире, куда как неладно! Сначала прекратились малые воскрешения. Мне сдается, это случилось вскоре после того, как ты ожил в последний раз. Помнишь ты ужас, который вызвала эта новость?

— Я и сам мучился тогда,— кивнул Герман.— Меня обуревали сомнения и отчаяние.

— Меня тоже. Но я, как архиепископ, обязан был успокоить свою паству. Не владея при этом никакими фактами, которые могли бы вселить надежду. Выглядело так, будто срок, отпущенный нам, уже истек и те, что могли достичь Продвижения, уже достигли его. Остальные же умрут, и их ка будут вечно блуждать по Вселенной, не зная искупления.

Но я все-таки так не думал. Я ведь знал, что сам к Продвижению не готов. Для этого мне предстояло пройти долгий, возможно очень долгий, путь.

А разве этик выбрал бы меня в основатели Церкви, если бы не знал, что у меня есть все возможности для Продвижения?

Неужели *я* — ты не можешь представить, как мучила меня эта мысль,— неужели я оказался недостоин? Неужто я, избранный, чтобы указать другим путь к спасению, сам остался позади? Как Моисей, приведший евреев к земле обетованной, но сам не получивший дозволения умереть на ней.

— О нет! — тихо произнес Герман.— Не может такого быть!

— Может. Я только человек, не Бог. Я даже подумывал уйти со своего поста. Мне казалось, что я запустил собственный этический рост оттого, что слишком занят делами Церкви. Я стал высокомерен; власть, данная мне, исподволь портила меня. Я хотел, чтобы епископы избрали нового главу. А я бы сменил имя и уплыл вниз по Реке миссионером. Нет, не возражай. Я всерьез размышлял об этом. Но потом сказал себе, что так я предал бы этиков, оказавших мне доверие. И, возможно, то страшное, что случилось с нами, объясняется чем-нибудь другим. Тем временем я должен был как-то объяснить это людям. Ты знаешь, как я это сделал, ты услышал это одним из первых.

Герман кивнул. Тогда епископ доверил ему нести слово пастыря вниз по Реке на целых две тысячи миль. Это означало годовую разлуку с любимой страной, но Герман рад был послужить Ла Виро и Церкви. Не бойтесь, гласило слово. Будьте тверды в своей вере. Последние дни еще не пришли. Испытание не окончено. Мы сейчас в растерянности, но долго это не продлится. Однажды мертвые восстанут снова, как обещано. Те, что создали этот мир и дали вам бессмертие, не оставят вас. Нынешнее положение вещей послано, чтобы вас испытать. Не бойтесь и верьте.

Многие спрашивали Германа, для чего послано это испытание. Он мог ответить только, что ему это неведомо. Быть может, Ла Виро знает об этом от этиков. Быть может, испытание потеряет свой смысл, если все будут знать, в чем оно состоит.

Кое-кого этот ответ не удовлетворял, и они в озлоблении отрекались от Церкви. Но большинство осталось верными, и в их ряды, как ни странно, прибыло много новообращенных. Этих привел к Церкви страх: а вдруг действительно есть второй шанс

на бессмертие, и теперь остается совсем мало времени, чтобы им воспользоваться. Такая позиция не была рациональной — ведь Ла Виро сказал, что воскрешения возобновятся. Но люди не собирались упускать свой шанс.

Страха надолго не хватит, но главное — вступить на верный путь.

Возможно, позднее человек обретет истинную веру.

— Единственное, что было не совсем правдиво в моем послании,— сказал Ла Виро,— это слова о посланном нам испытании. Я не имел прямого указания — мой гость не говорил мне, что так будет. Но не было в моих словах и лжи, пусть даже спасительной. Прекращение воскрешений — действительно испытание. Испытание нашего мужества и веры. Все мы подверглись пробе.

В то время я думал, что этики предприняли это с какой-то благой целью. Очень возможно, что так оно и есть. Но ведь гость говорил мне, что он и его собратья — только люди, хотя и наделенные огромной силой. Что они могут ошибаться. А значит, и несокрушимостью они не обладают. С ними может случиться несчастье, и враги способны причинить им вред.

— Какие враги? — встрепенулся Герман.

— Я не знаю, кто они, и не знаю, есть ли они вообще. Но подумай. Тот получеловек — нет, не стану так его называть, он все же человек, несмотря на свою внешность,— тот Джо Миллер со своими египтянами добрался же до полярного моря, несмотря на все опасности. А перед ними там прошли другие. Кто-то мог прийти туда и после египтян. Откуда нам знать, не проник ли кто-нибудь из них в башню? И не натворил ли там каких-нибудь страшных дел, сам, возможно, того не желая?

— Мне трудно поверить, что у этиков нет сверхнадежной обороны.

— Ах! — поднял палец Ла Виро.— Ты забываешь зловещий смысл туннеля и веревки, найденных партией Миллера. Кто-то ведь пробил гору и привязал там веревку. Весь вопрос в том, кто и зачем?

— Возможно, это сделал кто-то из этиков второго порядка, агент-ренегат. Ведь гость говорил тебе, что и они могут деградировать. А если это происходит с ними, то уж с агентами тем более.

— Да... как я не подумал об этом! — ужаснулся Ла Виро.— Но это просто немыслимо... и очень опасно!

— Опасно?

— Да. Агенты должны быть лучше нас, однако и они... погоди.

Ла Виро закрыл глаза и поднял вверх правую руку, сложив большой и указательный пальцы в букву «О». Герман молчал. Ла Виро произносил про себя формулу принятия неизбежного, применяемую Церковью и изобретенную им самим. По истечении двух минут он открыл глаза и улыбнулся.

— Если так суждено, мы должны принять все и быть готовыми. Реальность да будет с тобой... и с нами. Однако вернемся к тому, из-за чего я послал за тобой. Я хочу, чтобы ты взошел на этот корабль и высмотрел там все, что возможно. Выясни, как настроен капитан, этот король Иоанн и вся его команда. Разберись, представляют ли они угрозу для этиков. Иначе говоря, есть ли у них такая техника и оружие, которые могли бы обеспечить им доступ в башню.— Ла Виро нахмурился и добавил: — Пора нам вмешаться.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы должны прибегнуть к насилию?

— Что касается людей — нет. Но ненасилие и пассивное сопротивление — это понятия, применяемые лишь к живым существам. Герман, если так надо, мы потопим этот пароход! Но лишь в самом крайнем случае, если не останется ничего другого. И только имея уверенность, что никто не пострадает.

— Я... я не знаю. Мне кажется, мы, сделав это, проявили бы неверие в этиков. Они вполне способны справиться с простыми людьми вроде нас.

— Ты попался в ловушку, против которой постоянно остерегает Церковь и ты сам не раз остерегал других. Этики не боги. Бог только один.

— Хорошо.— Герман встал.— Я тотчас же отправляюсь.

— Ты бледен, Фениксо. Не бойся так. Может быть, уничтожать корабль не понадобится. И в любом случае мы сделаем это, лишь будучи уверены на сто процентов, что никто не будет ранен или убит.

— Меня пугает не это. А то, что какая-то часть меня жаждет влезть в эту интригу и радостно трепещет при мысли о потоплении судна. Старый Герман Геринг до сих пор живет во мне, а я-то думал, что разделался с ним навеки.

Глава 22

«Рекс грандиссимус» поистине был прекрасным и величественным судном.

Он шел, бороздя воды на середине Реки, огромный и белый, воздев к небу черные дымовые трубы, работая двумя гигантскими колесами. Над мостиком вился флаг, показывая временами трех золотых львов на алом поле.

Герман Геринг, ожидавший на палубе трехмачтовой шхуны, поднял брови. Это был явно не алый феникс на голубом поле, задуманный Клеменсом.

В небе над пароходом парило множество дельтапланов, а на Реке кишели суда всякого рода — официальные и любопытствующие.

Пароход замедлял ход — его капитан верно истолковал значение ракет, пущенных Герингом со шхуны. Притом нельзя было пробиться сквозь загромождающие путь суденышки, не раздавив их.

Наконец «Рекс» остановился, подрабатывая колесами лишь настолько, чтобы его не сносило течением.

Шхуна поравнялась с ним, и капитан проревел в рупор из рыбьего рога свое сообщение. Человек на нижней палубе «Рекса» тут же соединился по телефону, висевшему на переборке, с мостиком. Из рубки высунулся некто, тоже с рупором, и рявкнул так, что Герман вздрогнул и решил: тут не обошлось без электроусилителя.

— Поднимайтесь на борт!

Хотя капитан «Рекса» находился футах в пятидесяти пяти над водой и в ста, если считать по горизонтали, Герман узнал его. Рыжие волосы, широкие плечи, узкое лицо принадлежали Иоанну Безземельному, бывшему королю Англии, Ирландии и прочая, и прочая. Через несколько минут Герман взошел на «Рекс», и два вооруженных до зубов стража подняли его в небольшом лифте на верхний этаж мостика. По пути он спросил их:

— А что стряслось с Сэмом Клеменсом?

Они удивились, и один ответил вопросом на вопрос:

— Откуда вы его знаете?

— Слухи путешествуют быстрее, чем ваш пароход.— Это было правдой, и если он не сказал всей правды, то и не солгал.

Они вошли в рубку. Иоанн стоял около рулевого и смотрел вдаль.

Он обернулся на звук закрывшегося лифта. Он был ростом пять футов пять дюймов, красивой и мужественной наружности, с широко поставленными голубыми глазами. Черную форму, бывшую на нем, он надевал, очевидно, лишь когда хотел произвести впечатление на местных жителей. Китель, брюки и сапоги были сшиты из кожи речного дракона. Китель украшали золотые пуговицы, а с фуражки беззвучно рычал золотой лев. Интересно, подумал Герман, где он взял столь редкий металл? Возможно, отнял у какого-нибудь бедняги.

Грудь у капитана была голая. Рыжие волосы, на пару тонов темнее, чем на голове, вились вокруг знака V на лацкане.

Один из офицеров, сопровождавших Германа, отдал честь.

— Посланник из Вироландо, сир!

Ишь ты, подумал Герман, сир, а не сэр.

Иоанн его явно не узнал, и Герман удивился, когда король с улыбкой подошел и протянул ему руку. Герман пожал ее. Почему бы и нет? Он пришел сюда не мстить, а выполнить свой долг.

— Добро пожаловать на «Рекс». Я его капитан, Иоанн Безземельный. Хотя, как видите, если земли у меня и нет, то есть нечто более ценное — этот корабль.— И Иоанн добавил со смехом: — Когда-то я был королем Англии и Ирландии, если вам это о чем-то говорит.

— А я — брат Фениксо, священник Церкви Второго Шанса и секретарь Ла Виро. От его имени приветствую вас в Вироландо. Да, ваше величество, я читал о вас. Я родился в двадцатом веке, в Баварии.

Джон вскинул густые рыжие брови:

— Я, конечно же, слышал о Ла Виро, и нам говорили, что он живет чуть выше по Реке.

Король представил остальных — Герман не знал никого, кроме первого помощника Огастеса Струбвелла, очень высокого, белокурого, красивого американца. Он пожал гостю руку и сказал: «Добро пожаловать, епископ». Похоже, и он не узнал Германа. Тот мысленно пожал плечами. В конце концов, он пробыл в Пароландо недолго, и было это больше тридцати трех лет назад.

— Выпьете что-нибудь? — спросил Иоанн.

— Нет, благодарю вас. Надеюсь, вы позволите мне остаться на борту, капитан. Я прибыл сюда, чтобы сопровождать вас до нашей столицы. Мы приветствуем вас с миром и любовью и надеемся, что вы пришли к нам с теми же чувствами. Ла Виро хо-

чет встретиться с вами и благословить вас. Быть может, вам захочется немного побыть у нас и размять ноги на берегу. Вы можете оставаться столько, сколько вам будет угодно.

— Я, как вам известно, не вашего вероисповедания,— сказал Иоанн, принимая от денщика чашу с виски.— Но к вашей Церкви отношусь с глубоким уважением. Она оказала огромное цивилизующее влияние на Реку. Это больше, чем я могу сказать о церкви, к которой когда-то принадлежал. Деятельность Церкви очень облегчила нам путь, уменьшив воинственность населения. Впрочем, напасть на нас отважились бы не многие.

— Я рад это слышать.— Герман счел за благо не заговаривать о том, что Иоанн совершил в Пароландо. Возможно, король изменился. Сомнение трактуется в пользу обвиняемого.

Капитан распорядился о помещении для Геринга. Его поместили на техасской палубе, служащей продолжением камеры под мостиком и занимавшей переднее правое крыло посадочной палубы. Там жили старшие офицеры.

Иоанн спросил Геринга о его земной жизни. Тот ответил, что о прошлом не стоит говорить. Только настоящее имеет значение.

— Возможно,— сказал Иоанн,— но настоящее — это итог прошлого. Если вы не хотите говорить о себе, то, быть может, расскажете о Вироландо?

Вопрос был законный, хотя неясно было, не хочет ли Иоанн выведать, каков военный потенциал государства. Геринг не собирался сообщать, что такового не имеется вообще. Пусть сам выясняет. Однако он дал понять, что никому из команды «Рекса» не разрешат сойти на берег с оружием.

— Будь это в другом месте, я бы не послушался,— улыбнулся Иоанн.— Но я уверен, что в сердце Церкви мы будем в безопасности.

— Этот край, насколько мне известно, уникален,— сказал Герман.— И рельеф, и население — все здесь не такое, как везде. Первое вы можете видеть сами.— И он показал на скальные столбы.

— Да, это поистине страна колонн. Но чем же ваши граждане отличаются от других?

— Почти все они — дети Реки. При первом воскрешении этот район заселили детьми, умершими в возрасте пяти—семи лет. Их было около двадцати на каждого взрослого. Нигде больше я не слыхал о такой пропорции. Дети были собраны из разных мест и

времен, принадлежали к разным нациям и расам. Лишь одно у них было общее — испуг. К счастью, взрослые происходили в основном из мирных и прогрессивных стран — из Скандинавии, Исландии, Швейцарии двадцатого века. Эта страна не знала ожесточенной борьбы за власть, шедшей в других местах. Пролив на западе служит преградой между нами и титантропами, живущими за ним. Люди, обитающие ниже по Реке, отличаются столь же мирным нравом. Поэтому взрослые сумели посвятить все свое время заботе о детях.

Потом Ла Виро стал рассказывать повсюду о своей встрече с одним из таинственных существ, создавших этот мир. Его постигла бы судьба всех пророков в начале их пути — то есть осмеяние со стороны многих и признание немногих. Но Ла Виро имел при себе нечто больше слов и убеждений — веское, осязаемое доказательство. Такого не было больше ни у кого — стало быть, эту вещь произвели этики.

Это был Дар, как его обычно называют. Вы увидите его в Храме. Это золотая спираль. И вот Ла Виро обосновался здесь.

Дети воспитывались в строгости и любви, и это они создали культуру, которую вы видите вокруг.

— Если ваши граждане столь же прекрасны духовно, как их страна на вид,— сказал Иоанн,— то они, должно быть, ангелы.

— Они люди — и поэтому здесь не Утопия и не рай. Однако я убежден, что нигде больше вы не встретите столько искренне дружелюбных, открытых, щедрых и любящих людей. Здесь очень приятно жить тому, кто им близок по духу.

— Пожалуй, можно будет устроить здесь длительную стоянку. У нас моторы нуждаются в перемотке, а на это нужно время.

— Срок вашего пребывания здесь зависит только от вас.

Иоанн бросил на Геринга проницательный взгляд. Тот улыбнулся. «Прикидываешь, какую бы пользу извлечь из вироландцев? Или просто надеешься здесь отдохнуть, не опасаясь, что твой пароход захватят?»

В это время в рубку вошел человек ростом около шести футов, покрытый бронзовым загаром, широкоплечий и с выпуклой грудью. Его прямые волосы были черны как смоль и густые черные брови нависали над свирепыми черными глазами. Герингу редко доводилось видеть такие сильные лица. Вошедший излучал то, что в детские годы Геринга называлось животным магнетизмом.

— А вот и Гвалхгвинн,— сказал Иоанн,— капитан моих десантников. Познакомьтесь. Превосходный парень, отменный фехтовальщик и стрелок из пистолета, величайший игрок в покер. Он валлиец и по обеим линиям происходит от королей, коли не врет.

У Геринга вся кровь отхлынула от сердца.

— Бёртон! — прошептал он.

Глава 23

Никто, похоже, не расслышал, что он сказал.

Увидев пораженное, но тут же невозмутимо застывшее лицо Бёртона, Геринг понял, что тот узнал его. Бёртон, услышав, что перед ним брат Фениксо, посланник Ла Виро и священнослужитель, поклонился и проговорил с насмешливой улыбкой:

— Ваше преподобие...

— У нас в Церкви не приняты такие обращения, капитан,— заметил Геринг. Бёртон знал это, конечно,— он просто издевался.

Пусть его. Главное то, что он, похоже, не собирается открывать, что брат Фениксо — на самом деле Геринг. Не потому, что так любит Геринга, а потому, что в случае разоблачения Геринг назовет настоящее имя Бёртона. А ставка Бёртона, как видно, гораздо крупнее, чем у Геринга. Геринг мог бы и не скрываться — ему просто не хотелось объяснять, почему он теперь принял новую веру. Такой рассказ занял бы слишком много времени, и все равно многие не поверили бы в искренность его обращения.

Король Иоанн усердно занимал своего гостя, решительно, по всей видимости, не признавая в нем того, кого когда-то огрел по голове рукояткой пистолета. Геринга такое положение дел очень устраивало. Если Иоанну думается, что он запросто сможет запугать и ограбить местное население, лучше ему не знать, что здесь присутствует его давняя жертва. Полагая, что Фениксо — просто безобидный священник, король может в чем-то раскрыть свои замыслы.

Возможно, конечно, и то, что Иоанн переменился к лучшему. Разве стал бы Бёртон в противном случае служить королю?

Да, стал бы, если бы очень хотел доплыть до истоков.

И все же, быть может, Иоанн уже не та гиена в человеческом облике. Впрочем, к чему так обижать гиен?

Поживем — увидим.

Иоанн предложил показать гостю пароход. Геринг охотно согласился. Он уже осматривал корабль в Пароландо, еще до завершения отделки, и даже после стольких лет хорошо помнил его устройство. Но теперь он увидит судно полностью отделанным и вооруженным. Он сможет представить подробный отчет Ла Виро. Пусть владыка решает, возможно ли затопить такой пароход в случае надобности. Геринг, впрочем, и не принимал всерьез заявление Ла Виро. Такая операция без кровопролития неосуществима. Однако свое мнение он пока что оставил при себе.

Бёртон исчез в самом начале экскурсии, но через десять минут явился снова и преспокойно присоединился к хозяину с гостем. Они как раз входили в большой салон. Геринг сразу увидел американца, Питера Джейруса Фрайгейта, и англичанку, Алису Харгривз,— они играли на бильярде. Он испытал шок и невнятно ответил на какой-то вопрос Иоанна. Вспомнив, как он поступил с ними, особенно с женщиной, Геринг ощутил всю тяжесть своей вины.

Ну, теперь-то его опознают. Тогда и Иоанн, и Струбвелл тоже вспомнят его. И Иоанн утратит к нему всякое доверие.

Геринг пожалел, что сразу не назвал своего настоящего имени. Но кто мог предугадать, что при населении тридцать пять — тридцать шесть биллионов на борту окажутся как раз те, кто его слишком хорошо знает? Да не один, целых трое!

Gott! А где же остальные? Где неандерталец Казз, боготворивший Бёртона? Где тот — не то арктурианин, не то таукитянин? Где тохарка Логу? Где еврей Руах?

Двое игроков, как и все в салоне, посмотрели на вошедших. Даже чернокожий, игравший на рояле рэгтайм «Котенок на клавишах», прервал игру и опустил руки.

Струбвелл громко призвал всех к тишине и вниманию и представил брата Фениксо, посланца Ла Виро, сказав, что тот поплывет с ними до Аглейо. К нему следует относиться со всей предупредительностью, но сейчас подходить не надо. Его величество водит гостя по «Рексу»

Музыка и беседы возобновились. Фрайгейт и Харгривз, посмотрев на визитера чуть дольше остальных, вернулись к своей игре. Кажется, они его не узнали. Ну что ж, прошло ведь шесть лет с тех пор, как они расстались. Они уже не слишком хорошо

помнят его. Хотя после таких событий Герман мог бы поручиться, что они вовек его не забудут. Притом Фрайгейт на Земле видел много его фотографий в молодые годы, что, казалось бы, должно освежить память.

Ничего они не забыли. Это Бёртон, отстав от экскурсии, предупредил их. Это он велел им вести себя как ни в чем не бывало.

Но зачем?

Чтобы отпустить Герингу вину, молчаливо сказав ему: «Мы прощаем тебя теперь, когда ты так изменился. Сделаем вид, будто видим друг друга впервые?»

Маловероятно, разве только и с Бёртоном произошли большие перемены. Скорей всего, это сделано для того, чтобы разоблаченный Геринг не разоблачил, в свою очередь, Бёртона. Очень возможно, что и Фрайгейт с Харгривз числятся здесь под фальшивыми именами.

Но обдумать все это как следует Герингу было некогда. Король Иоанн, как гостеприимный хозяин, неутомимо водил гостя по всему «Рексу», знакомя его с разными людьми, которые в свое время были знамениты, пользовались скандальной славой или, по крайней мере, известностью. Иоанн, плывя по Реке столько лет, имел возможность подобрать себе такую коллекцию. Приходилось, как видно, выгонять безвестных, чтобы освободить место для знаменитостей.

Это не произвело на Геринга ожидаемого Иоанном впечатления. В том, кто был вторым лицом в германской империи и встречался с деятелями мирового масштаба, не так-то легко вызвать почтительный трепет. Более того, опыт общения с великими и сходящими за великих в обоих мирах открыл Герингу, что образ, предъявляемый публике, и человек, который под ним скрывается, часто самым жалким или отвратительным образом отличаются друг от друга.

Больше всего Геринга в этом мире поразил человек, который на Земле считался бы полным ничтожеством и неудачником: Жак Жийо, Ла Виро, Ла Фондинто.

И в земной жизни Германа тоже был человек, вызывавший у него почтение, покоривший, даже порабощавший его силой своей личности: Адольф Гитлер. Только однажды Герман воспротивился своему фюреру, хотя много раз полагал, что фюрер не прав — да и тогда быстро пошел на попятный. Теперь, пробыв

много лет в мире Реки и многому научившись в Церкви, Герман утратил всякое уважение к этому безумцу. Равно как и к тогдашнему Герингу. Даже думать о нем было противно.

Однако ненависть к себе была не настолько сильна, чтобы счесть себя погибшим навеки. Думать так значило поставить себя особняком, преисполниться преступной гордыни и спеси, черпая в этом некое странное самодовольство.

Была, однако, и опасность впасть в гордыню, не совершая вышеназванных грехов. Возгордиться тем, что ты так смирен.

Этот христианский грех почитался таковым и в ряде других религий. Но Ла Виро, будучи примерным католиком всю свою земную жизнь, в ту пору о подобном грехе не слыхивал. Священник никогда не упоминал о нем во время своих долгих, наводящих сон проповедей. О существовании этого старого, но малоизвестного греха Жийо узнал только в мире Реки.

Геринг, убедившись в конце войны, что Гитлер безумен, остался все же верен ему. Верность, одна из добродетелей Геринга, порой так шла вразрез с разумом, что превращалась в порок. На Нюрнбергском процессе Геринг, в отличие от большинства обвиняемых, не отрекался от фюрера и не валил всю вину на него.

Желал бы он теперь, чтобы у него хватило тогда мужества выступить против вождя — пусть даже его, Геринга, падение из-за этого последовало бы намного раньше, чем в действительности, пусть даже это стоило бы ему жизни. Если бы можно было начать сначала... Но Ла Виро сказал ему:

— Ты и так каждый день начинаешь все сначала. Просто обстоятельства изменились, вот и все.

Третьим человеком, поразившим Геринга, был Ричард Фрэнсис Бёртон.

Геринг не сомневался, что Бёртон на его месте не побоялся бы сказать Гитлеру: «Нет!» или «Вы не правы!» И как только Бёртона не вышибли с «Рекса» за все эти годы? Ведь король Иоанн — тиран, надменный и нетерпимый ко всем, кто ему возражает.

Выходит, Иоанн изменился? И Бёртон тоже? До такой степени, что стали способны ладить друг с другом?

— Вот как раз семеро моих пилотов играют в покер,— сказал Иоанн.— Пойдемте, я представлю вас.

Геринг вздрогнул при виде Вернера Фосса, вставшего и протянувшего ему руку. Они встречались когда-то, но Фосс, очевидно, его не узнал.

Геринг был превосходным пилотом, но охотно признал бы, что до Фосса ему далеко. Фосс сбил свои первые два самолета в ноябре 1916-го. 23 сентября 1917 года, недавно отпраздновав свое двадцатилетие, Фосс был сбит сам, выйдя в полете «одинокого волка» против семерых лучших британских истребителей. Меньше чем за год боевой деятельности Фосс уничтожил сорок восемь самолетов, что сделало его четвертым по величине асом имперских воздушных сил. Притом его много раз отзывали с фронта по разным административным делам. Это происходило почему-то тогда, когда его счет приближался к счету Манфреда фон Рихтхофена. Барон пользовался большим влиянием, и Фосс был не единственный, кого он удалял порой из зоны боевых действий. С лихими пилотами Карлом Шефером и Карлом Альменродером Рихтхофен поступал так же.

Иоанн объяснил, что Фосс у него — старший лейтенант воздушных сил, второй по старшинству. А капитан — Кеньи Окаба, прославленный японский ас. Коричневый человечек, осклабясь, поклонился Герингу, и тот вернул поклон. Геринг раньше не слышал о нем, поскольку Германия мало что знала о своем союзнике во время Второй мировой войны. Но, как видно, счет у Окабы впечатляющий, раз Иоанн поставил его над славным Фоссом. А возможно, Окаба поступил на службу раньше Фосса, потому и получил более высокое звание.

Остальные летчики — два сменных пилота истребителя, пилот торпедного бомбардировщика и вертолетчик — Герингу не были известны.

Ему хотелось бы поговорить с Фоссом о старых добрых временах Первой мировой. И он со вздохом последовал за Иоанном на ураганную палубу «В». Завершив экскурсию, они вернулись в салон отведать напитков со льдом. Геринг выпил только один бокал, а Иоанн за короткое время осушил два. От этого лицо у него покраснело, но говорил он по-прежнему складно, забрасывая Геринга вопросами о Ла Виро. Тот отвечал правдиво. Что тут скрывать?

Не может ли брат Фениксо сказать, разрешит ли Ла Виро поставить пароход в его столице для длительного ремонта?

— Я не могу отвечать за Ла Виро, но думаю, он согласится. Ведь есть надежда обратить вас в веру во второй шанс.

— Зубы господни,— ухмыльнулся Иоанн,— мне все равно, скольких из команды вы подцепите на крючок, дайте только по-

топить пароход Клеменса! Вы, наверное, не знаете, что Клеменс пытался убить меня и моих верных людей, чтобы пароход достался только ему и его свиньям приспешникам. Да поразит Бог молнией этого хорька! Но я со своими храбрецами одолел его и едва не убил. А после мы увели пароход, Клеменс же стоял на берегу, и ярился, и сыпал проклятиями, грозил нам кулаком. Я смеялся тогда, думая, что вижу его в последний раз. Но я ошибался.

— А вам известно, как далеко от вас Клеменс?

— По моим расчетам, он будет отставать всего на несколько дней, когда мы починим моторы. В свое время нас сильно задержали повреждения, причиненные их десантом.

— И это значит...— Герингу не хотелось облекать свою мысль в слова.

— Да, это значит, что будет бой! — свирепо осклабился Иоанн.

Герингу было ясно, что их широкое и длинное озеро превосходно подходит Иоанну. Там много места для маневра. Только король пока не считает нужным говорить об этом вслух.

Иоанн принялся ругать Клеменса, обзывая его лживым предателем, кровожадным и алчным чудовищем. Он — настоящее исчадие ада, а Иоанн — его невинная жертва.

Но Геринга он этим не одурачил. Зная и Клеменса, и Иоанна, Геринг был уверен, что как раз последний — лжец, предатель и захватчик. Интересно, как это тем, кто участвовал в угоне, удалось утаить правду от тех, кто вступил в команду после?

— Ваше величество,— сказал Геринг,— ваше путешествие было очень длинным, многотрудным и опасным. Вы, должно быть, понесли большие потери. Сколько из вашей первоначальной команды осталось в живых?

— Странный вопрос.— Иоанн прищурился.— Отчего вы задали его?

— Не имеет значения,— пожал плечами Геринг.— Просто из любопытства. На Реке так много дикого населения, и я уверен, у вас не раз пытались отнять пароход. Ведь он...

— Это сокровище стоит куда дороже, чем весит в алмазах! — улыбнулся Иоанн.— Да. Это так. Клянусь господним задом, я мог бы многое порассказать о битвах, которые мы вели, спасая «Рекс» от вражеских покушений. По правде сказать, из тех пятидесяти, что вышли из Пароландо, осталось только двое. Я и Огастес Струбвелл.

Значит, Иоанн постарался, подумал Геринг, чтобы ничей длинный язык не рассказал правду новобранцам. Скинь человека за борт ночью во время грозы, и всплеска никто не услышит. А не то капитан или помощник вызывают матроса на ссору и отчисляют его за неумелость или неподчинение. Мало ли способов убить человека или отделаться от него? А если прибавить еще войну, несчастные случаи и дезертирство...

Теперь Геринг понял, что у Бёртона есть еще одна причина не говорить, кто такой брат Фениксо в действительности. Если бы Иоанн узнал Геринга, королю стало бы ясно, что Геринг знает цену его рассказам. И тогда, возможно, король устроил бы Герингу «несчастный случай» до прибытия в Аглейо, чтобы Ла Виро не получил о короле неблагоприятных известий.

«Не слишком ли я подозрителен?» — подумал Геринг. Но в душе он знал, что не слишком.

Глава 24

Они покинули салон и перешли в комнату на носу техасской палубы, полукруглую, со стенами из небьющегося стекла. Часть задней стены составляла шахта лифта, ведущая в рубку. Здесь стояли столы и стулья, несколько диванов и небольшой бар. Здесь, как почти повсюду на пароходе, звучала музыка из радиоузла, но ее можно было выключить. После разговора о перемотке, которая должна занять не меньше двух месяцев, Геринг завел беседу о предстоящем сражении. Ему хотелось бы сказать: «Кому нужен этот бой? И для какой цели? Неужели ваши люди и люди Клеменса должны гибнуть, получать увечья и терпеть жестокую боль из-за того, что случилось несколько десятилетий назад? Мне думается, что вы с Клеменсом оба не в своем уме. Почему бы вам не прекратить эту распрю? Ведь у Клеменса есть теперь свой пароход. Зачем ему два? Да двух у него и не будет, потому что один пароход предполагается уничтожить, и я подозреваю, что это будет ваш, ваше величество. Зная размеры и потенциал корабля Клеменса, сомневаться не приходится».

Вслух он сказал:

— Может быть, сражаться с Клеменсом еще и не придется. Неужто он спустя столько лет все еще жаждет мести? И неужели вы до сих пор хотите ему отомстить за попытку убить вас? Время

часто охлаждает страсти и дает власть холодному рассудку. Быть может...

Иоанн повел широкими, массивными плечами и вскинул руки ладонями вверх.

— Поверьте, брат Фениксо, я возблагодарил бы Бога, если бы Клеменс образумился и стал мирным человеком. Мне война ни к чему. Я — сторонник всеобщего братства. Я ни на кого не поднял бы руку, если бы никто не поднимал руку на меня.

— Я искренне счастлив это слышать. И знаю, что Ла Виро счастлив будет стать посредником, чтобы уладить все ваши споры миром. Ла Виро, как и все мы здесь, жаждет предотвратить кровопролитие и добиться того, чтобы в ваших с Клеменсом отношениях восторжествовала добрая воля, а быть может, и любовь.

— Сомневаюсь,— нахмурился Иоанн,— чтобы этот одержимый демоном, кровожадный злодей согласился хотя бы на встречу со мной... разве что для того, чтобы меня убить.

— Мы приложим все усилия, чтобы устроить такую встречу.

— Меня тревожит, что Клеменс никогда не перестанет меня ненавидеть, и вот из-за чего: в битве за этот пароход случайно была убита его жена — скорее, бывшая жена. Они расстались, но он по-прежнему любил ее. И он считает, что я виновен в ее смерти.

— Но ведь это случилось еще до прекращения воскрешений. Ее могли перенести в другое место.

— Не имеет значения. Вероятно, он ее больше никогда не увидит, поэтому она для него все равно что мертва. Собственно говоря, она умерла для него еще до своей кончины. Как вам, может быть, известно, она влюбилась в одного носатого француза, де Бержерака.— Иоанн громко рассмеялся.— Этот француз был в числе десантников, напавших на «Рекс». И я двинул его ногой по затылку, когда прыгнул с их мясорубки. Он же проткнул шпагой бедро капитану Гвалхгвинну. Он единственный, кто одержал над Гвалхгвинном верх в битве холодным оружием. Гвалхгвинн утверждает, что его отвлекли, иначе де Бержерак никогда бы не пробил его защиту. Гвалхгвинну не понравится, если мы с Клеменсом заключим мир. Он жаждет поквитаться.

Герману захотелось посмотреть, так ли думает Бёртон на самом деле, но оказалось, что англичанин ушел.

В это время два матроса внесли бочонки с разбавленным спиртом. Геринг узнал одного из них. Этот пароход просто кишел его старыми знакомыми.

Это был человек приятной внешности, среднего роста, стройный, но крепко сложенный, с короткими, песочного цвета волосами и светло-карими глазами. Звали его Джеймс Макпарлан, и он приехал в Пароландо на следующий день после Германа. Герман говорил с ним о Церкви Второго Шанса и встретил вежливое, но решительное сопротивление.

А запомнился Герману Макпарлан потому, что на Земле он служил детективом у Пинкертона и в ранних 1870-х годах проник в ряды «Молли Мэгайрз», а позднее способствовал ее уничтожению. «Молли Мэгайрз» была тайной террористической организацией ирландских шахтеров и действовала в пенсильванских графствах Шуйлкилл, Карбон, Колумбия и Люцерн. Геринг, немец и житель двадцатого века, никогда, возможно, не узнал бы об этом, не будь он страстным любителем историй о Шерлоке Холмсе. Из книг же он узнал, что прототипами Чистильщиков, Вермиссы и Макмэрдо из романа Конан Дойла «Долина страха» послужили соответственно «Молли Мэгайрз», пенсильванские угольные графства и Макпарлан.

Это побудило Германа прочесть книгу Алана Пинкертона «Молли Мэгайрз», где описывались подвиги Макпарлана.

В октябре 1873 года Макпарлан под именем Джеймса Маккенны сумел проникнуть в тайное общество. Молодой детектив много раз был на волосок от гибели, но избегал ее благодаря своему мужеству, агрессивности и остроте ума. Пробыв три года в этом опасном месте, он раскрыл пружины деятельности «Мэгайрз» и имена ее членов. Руководители были повешены, власть «Молли Мэгайрз» пала, и владельцы шахт еще многие годы обращались с шахтерами как с крепостными.

Макпарлан, проходя мимо Германа, взглянул на него. Лицо бывшего сыщика осталось невозмутимым, но Герману показалось, что Макпарлан его узнал. Уж слишком быстро тот отвел взгляд. Притом этот парень опытный сыщик и когда-то говорил Герингу, что никогда не забывает лиц.

Почему же Макпарлан не напомнил, что они знакомы — потому что десантнику на вахте это не положено или по другой причине?

Вошел Бёртон и присоединился к обществу. Через несколько минут он удалился в туалет у лифта. Герман, извинившись, последовал за ним. Бёртон стоял у писсуара в дальнем конце, и рядом никого не было. Герман встал около, пустил струю и тихо сказал по-немецки:

— Спасибо, что не выдали меня своему командиру.

— Я поступил так не из любви к вам.— Бёртон опустил килт и пошел мыть руки. Герман быстро присоединился к нему и под шум льющейся воды сказал:

— Я уже не тот Геринг, которого вы знали.

— Возможно. Один, сдается мне, не лучше другого.

Герману очень хотелось объяснить, в чем разница, но он не посмел отсутствовать слишком долго и вернулся в наблюдательную.

Иоанн ждал его, чтобы выйти на палубу, откуда можно было лучше увидеть озеро, куда как раз входил пароход.

Повсюду, насколько видел глаз, торчали скальные шпили, вырастая порой прямо из воды. Скалы в основном были розовые, но среди них встречались черные, коричневые, пурпурные, зеленые, алые, оранжевые и синие. Примерно одна из двадцати была покрыта горизонтальными полосами разной ширины — красными, зелеными, белыми и синими.

Герман объяснил, что на западном конце озера горы сужаются, образуя узкий пролив около двухсот футов шириной, окруженный гладкими отвесными стенами семитысячефутовой высоты. Сила течения столь велика, что ни одно гребное или парусное судно не может его преодолеть. Лодки здесь движутся лишь в одну сторону — вниз,— и движение это невелико. Однако некие путешественники много лет назад пробили узкую тропу вдоль южной стены. Она пролегает футах в пятистах над проливом и тянется на полторы мили, до самого конца ущелья. Так что пешком там пройти можно.

— Сразу за проливом долина довольно узка, хотя ширина Реки там составляет милю. Там есть питающие камни, но никто не живет. Наверное, из-за течения — оно там так сильно, что рыбачить или ходить под парусом можно лишь по ту сторону пролива. Притом в долину проникает мало света. Однако через полмили вверх имеется залив, где можно встать на якорь.

В нескольких милях выше этого залива долина значительно расширяется. Там начинается страна носачей, волосатых великанов — титантропов. Я слышал, что многих из них перебили, так что половину населения там сейчас составляют обычные люди.— Геринг сделал паузу, зная, что дальнейшие его слова очень заинтересуют — или должны заинтересовать — его слушателей.— Пред-

полагают, что всего в двенадцати тысячах миль от пролива находятся истоки Реки.

Он пытался внушить Иоанну, что лучше продолжить путь. Если истоки так близко, зачем задерживаться здесь ради боя? Особенно если есть вероятность потерпеть поражение. Почему бы не доплыть до истоков и не снарядить экспедицию к таинственной башне?

— Вот как,— сказал Иоанн.

Если он и клюнул на это, то виду не подал. Казалось, его интересует только пролив и то, что находится сразу за ним.

Ответив на несколько вопросов Иоанна касательно этих мест, Герман понял, что король размышляет. Залив прекрасно подошел бы для перемотки моторов. Пролив просто создан для того, чтобы подкараулить «Внаем не сдается». Застигнув противника в ущелье, «Рекс» может обстрелять его торпедами — только они должны дистанционно управляться, поскольку в проливе не меньше трех поворотов.

Кроме того, если Иоанн причалит в заливе, он убережет свою команду от пацифистского влияния шансеров.

Геринг правильно разгадал ход мыслей Иоанна. Нанеся однодневный визит Ла Виро, король поднял якорь и повел «Рекс» через пролив.

Пароход встал на прикол в заливе, и между судном и берегом соорудили плавучий причал. Время от времени король Иоанн со своими офицерами или одни офицеры без него являлись в Аглейо к завтраку — но когда их приглашали заночевать или погостить дольше, они никогда не соглашались.

Иоанн заверил Ла Виро, что вести бой на озере не намерен.

Ла Виро умолял его попробовать договориться о почетном мире при его, Ла Виро, посредничестве.

При первых двух встречах с Ла Виро Иоанн отказывался. Во время третьей он, к удивлению Ла Виро и Геринга, дал согласие.

— Но я считаю это напрасной потерей времени и усилий,— заметил он.— Клеменс — маньяк. Я уверен, у него на уме только две вещи: вернуть свой пароход и убить меня.

Ла Виро был счастлив, что Иоанн согласился хотя бы попытаться.

Герман такого счастья не испытывал. Поступки Иоанна зачастую расходились с его словами.

Несмотря на просьбы Ла Виро, Иоанн отказался допустить миссионеров Церкви к своей команде. И поставил часовых в конце скальной тропы, чтобы преградить миссионерам дорогу. У него для этого был хороший предлог — он, мол, не хочет, чтобы его внезапно атаковали десантники Клеменса. Ла Виро сказал ему, что препятствовать проходу мирных жителей он не имеет права. Иоанн ответил, что никакого соглашения относительно прохода по тропе не подписывал. Он взял тропу под свой контроль — значит, и права устанавливает он.

Прошло три месяца. Герман тщетно ждал случая отозвать в сторонку Бёртона и Фрайгейта, когда те придут в Аглейо. Они бывали здесь редко, а если и бывали, ему никак не удавалось застать их одних.

Однажды утром Германа вызвали в Храм. Ла Виро сообщил ему новости, только что переданные барабанами. «Внаем не сдается» придет в Аглейо через две недели, и Герингу поручается встретить их в том же месте, что и «Рекса».

Клеменс в Пароландо относился к Герману не слишком дружелюбно, но хотя бы убить его не пробовал. Геринг, поднявшись в рубку, сам удивился своей радости при виде Клеменса и гиганта титантропа Джо Миллера. И американец тут же узнал его. Миллер заявил, что опознал гостя еще раньше — по запаху.

— Только ты пахнешь не так, как раньше,— добавил он.— Лучше.

— Может, это запах святости,— засмеялся Герман.

— Значит, у порока и добродетели своя химия? — ухмыльнулся Клеменс.— А почему бы и нет? Ну а от меня как пахнет после сорокалетних странствий, Джо?

— Как от злых пантерьих какашек.

Ну прямо старые друзья встретились после долгой разлуки! Герман чувствовал, что им почему-то так же приятно видеть его, как ему — их. Возможно, это какая-то извращенная ностальгия. Или чувство вины сыграло здесь свою роль. Они, наверное, чувствовали себя ответственными за то, что случилось с ним в Пароландо. Хотя не с чего как будто — Клеменс очень старался удалить его из страны до начала насильственных действий.

Они вкратце рассказали Герману о том, что произошло у них за время их разлуки. А он рассказал о своих приключениях.

Потом все спустились в салон, чтобы выпить и представить Германа разным выдающимся личностям. Сирано де Бержерака вызвали с летной палубы, где он упражнялся в фехтовании.

Француз тоже помнил Германа, хотя и не слишком хорошо. Клеменс еще раз кратко рассказал о деятельности Германа, и тогда де Бержерак вспомнил его проповедь.

Германа подумал, что время определенно изменило и Клеменса, и де Бержерака. Американец, кажется, преодолел свою острую неприязнь к французу, простив ему то, что тот увел у него Оливию Клеменс. Видно, что оба теперь ладят — они болтают, шутят и смеются.

Однако все хорошее когда-нибудь кончается. Герман сказал:

— Вы, наверное, уже слышали, что пароход короля Иоанна пришел в Аглейо три месяца назад? И что он поджидает вас за проливом на западном конце озера?

Клеменс выругался.

— Мы знали, что расстояние между нами быстро сокращается. Но что он остановился — не знали.

Герман рассказал им, как встречал «Рекса» и что случилось потом.

— Ла Виро продолжает надеяться, что вы с Иоанном сможете простить друг другу обиды. Он говорит, что после столь долгого времени уже не важно, кто начал первым. Он говорит...

Клеменс покраснел и насупился.

— Легко ему говорить о прощении! Ну и пусть толкует о нем хоть до Судного дня — его дело! От проповедей еще никому вреда не бывало, бывает даже и польза — если охота вздремнуть.

Но я не затем проделал такой путь, преодолев все трудности, душевные муки и измены, чтобы погладить Иоанна по головке и признать, что он, в сущности, хороший мальчик, несмотря на все свои пакости, а потом поцеловать его и помириться.

«Ты, Иоанн, потрудился на славу, чтобы уберечь мой пароход от всех злодеев-грабителей, что пытались отнять у тебя столь дорого доставшееся тебе судно. Какого черта, Иоанн, я ненавидел, презирал и проклинал тебя, но все это в прошлом. Я не злопамятен — я добродушный простачок».

— Черта с два! — взревел Клеменс.— Я потоплю его пароход, который так любил когда-то! Теперь он мне не нужен! Иоанн обесчестил его, превратил в бордель, провонял его! Я потоплю его, чтобы не видеть больше. И так ли, этак ли, но избавлю мир от Иоанна Безземельного. Когда я покончу с ним, он станет Иоанном Бездыханным!

— Мы надеялись,— сказал Герман,— что после стольких лет — через два поколения, как считали раньше,— ваша ненависть остыла, а то и угасла совсем.

— Еще бы,— саркастически отозвался Клеменс.— Бывали такие минуты, дни, недели, месяцы, да что там — и годы, когда я не думал об Иоанне. Но когда я уставал от бесконечного странствия по Реке и мне хотелось сойти на берег и остаться там, чтобы отдохнуть от шума колес, от всей этой рутины, от трехразовой ежедневной подзарядки граалей и батацитора, от вечных споров, которые надо улаживать, и вопросов, которые надо решать, когда мое сердце останавливалось при виде женщин, похожих на мою любимую Ливи, или Сюзи, или Джин, или Клару — но это были не они... Тогда я, невыразимо усталый, уже готов был сказать: «Принимай судно, Сирано, а я сойду на берег, отдохну, развлекусь и позабуду об этом прекрасном чудовище — уведи его вверх по Реке и не приводи обратно...» И вот тут я вспоминал об Иоанне, о том, что он сделал со мной, и о том, что я сделаю с ним.

И я, собравшись с силами, кричал: «Вперед без страха и сомненья! Вперед, пока не схватим Иоанна-злодея и не отправим его на дно Реки!» Мысль о моем долге и самое горячее мое желание — услышать, как будет визжать Иоанн, прежде чем я сверну ему шею,— вот что поддерживало меня на протяжении, как вы изволили выразиться, двух поколений!

— Мне грустно это слышать,— только и сказал Герман.

Продолжать разговор на эту тему было бесполезно.

Глава 25

Бёртон, снова мучаясь проклятой бессонницей, тихо вышел из каюты. Алиса не проснулась. Он прошел тускло освещенным коридором с техасской палубы на летную. Туман подбирался к палубе «Б». Палубу «А» уже затопило. Небо над головой сияло звездами, но с запада быстро надвигались тучи. Небо здесь было узким — его закрывали горы по обе стороны долины. «Рекс» стоял в заливе двумя милями выше ущелья, но долина тут была немногим шире. Холодное, мрачное, наводящее тоску место. Иоанну стоило трудов поддерживать в команде боевой дух.

Бёртон зевнул, потянулся и подумал, не закурить ли ему сигарету, а то и сигару. Черт бы драл эту бессонницу! За шестьдесят лет жизни в этом мире пора бы научиться бороться с этим бед-

ствием, от которого он пятьдесят лет страдал на Земле. (Ему было девятнадцать, когда его поразил этот страшный недуг.)

Ему предлагали множество способов излечиться. У индусов дюжина таких средств, у мусульман не меньше. У диких племен Танганьики существуют свои испытанные методы. Да и в этом мире он уже перепробовал с десяток. Нур эль-Музафир, суфи, обучил его методике, которая оказалась несколько поэффективнее прочих. Но за три года, продвигаясь на дюйм-другой ночь за ночью, старая ведьма-бессонница вновь отвоевала свой плацдарм. Порой Бёртон почитал себя счастливцем, если ему удавалось проспать две ночи из семи.

— Ты мог бы победить бессонницу,— сказал ему Нур,— если бы знал, что ее вызывает. Бороться нужно с первопричиной.

— Да. Знай я, в чем она, первопричина, и как ее искоренить, я бы не только бессонницу победил, но и весь мир в придачу.

— Сначала тебе нужно победить самого себя. Но когда это произойдет, ты увидишь, что завоевывать мир не стоит.

Двое часовых у заднего входа на техаску двинулись в обход по полутемной летной палубе, сошлись на середине, отсалютовали винтовками друг другу, повернулись, снова зашагали в конец палубы, повернулись и начали все сначала.

Здесь несли свой четырехчасовой караул Том Микс и Грапшинк. Бёртон заговорил с ними без опаски, зная, что в передней части техаски есть еще двое часовых, двое в рубке и еще множество по всему пароходу. После налета Клеменса Иоанн по ночам ставил часовых везде.

Бёртон поболтал немного с Грапшинком, американским индейцем, на его родном языке, желая выучить и этот. Том Микс внес свой вклад, рассказав сальный анекдот. Все посмеялись, а Бёртон сказал, что слышал другую версию в эфиопском городе Хараре. Грапшинк сознался, что и он слышал нечто подобное на Земле — а было это за тридцать тысяч лет до Рождества Христова.

Бёртон сказал, что проверит другие посты, спустился на главную палубу «Б» и пошел на корму. Проходя мимо светлого пятна в тумане, он краем левого глаза уловил какое-то движение. Не успел он обернуться, как получил удар по голове.

Очнулся он, лежа на спине и глядя в туман. Выли сирены, некоторые совсем близко. Затылок страшно болел. Бёртон ощупал

шишку, поморщился и поскорей убрал руку. Шатаясь, он поднялся на ноги и увидел, что по всему пароходу зажглись огни. Люди с криками пробегали мимо. Кто-то остановился — это была Алиса.

— Что случилось? — крикнула она.

— Я знаю только, что меня кто-то оглушил.— И он двинулся на нос, но принужден был ухватиться за стенку.

— Пойдем, я отведу тебя в лазарет.

— К черту лазарет! Веди меня в рубку. Надо доложить королю.

— С ума сошел. А если у тебя контузия или череп поврежден? Тебе даже ходить нельзя. Нужно лечь на носилки.

— Чепуха,— буркнул он и заковылял дальше.

Она заставила его опереться на нее, и они вместе зашагали на нос. Бёртон слышал, как поднимают якоря и скрежещут цепи в клюзах. У паровых пулеметов и ракетных установок выстроились расчеты.

— Что случилось? — спросила у кого-то Алиса.

— Не знаю! Говорят, большой катер увели. Вверх по Реке.

Тогда, подумал Бёртон, меня огрел тот, кто стоял на стреме.

Он был уверен, что кражу совершили свои же. Вряд ли кто-то мог пробраться на борт незамеченным. Со времен налета по ночам здесь всегда работают сонары, радар, инфракрасные детекторы. Операторы не смеют глаз сомкнуть. Последнего, кто уснул на посту десять лет назад, скинули в Реку через две минуты после разоблачения.

В рубке Бёртону пришлось подождать, пока король найдет минуту и для него. Выслушав доклад о происшедшем, Иоанн не проявил никакого сочувствия: он был вне себя, бранился, отдавал приказы, топотал по рубке.

— Ступай в лазарет, Гвалхгвинн,— велел он.— Если доктор сочтет тебя негодным для службы, пусть тебя заменит Демагтс. Все равно от десантников теперь толку чуть.

— Да, сир,— сказал Бёртон и отправился в госпиталь на палубе «В».

Доктор Дойл просветил ему череп рентгеном, очистил и перевязал рану на голове и велел полежать.

— Ни контузии, ни трещины нет. Нужен только покой.

Бёртон лег. Вскоре в динамиках раздался голос Струбвелла. Отсутствуют двенадцать человек: семеро мужчин и пятеро женщин.

Тут включился Иоанн, слишком злой, как видно, чтобы позволить перечислить их имена первому помощнику. Трясущимся голосом он аттестовал пропавших как «неверных собак, мятежных свиней, подлых вонючих хорьков, трусливых шакалов и желтобрюхих гиен».

— Прямо зверинец,— сказал Бёртон Алисе.

Последовал список имен. Все они были предполагаемые агенты, все говорили, что жили после 1983 года.

Иоанн считал, что они сбежали из страха перед боем.

Не будь он так взбешен, он сообразил бы, что эти двенадцать не раз доказывали свое мужество на деле.

Бёртон-то знал, почему они сбежали. Они хотят побыстрей добраться до башни и не хотят участвовать в ненужном им бою. Поэтому они угнали катер и несутся вверх по Реке со всей возможной скоростью. И надеются, конечно, при этом, что Иоанн не погонится за ними, опасаясь Клеменса.

Иоанн действительно боялся, как бы «Внаем не сдается» не прошел через пролив, пока «Рекс» будет гоняться за катером. Однако у часовых на тропе над проливом была рация, и они сразу доложили, если бы противник вошел в ущелье. Но если «Рекс» уйдет слишком далеко вверх, он не успеет вернуться, чтобы блокировать Клеменса.

Учитывая все это, Иоанн все же решил рискнуть. Он не даст дезертирам уйти безнаказанно. Катер нужен ему для боя. Кроме того, королю отчаянно хочется догнать и покарать беглецов.

В былые времена на Земле он велел бы их пытать. Он бы и сейчас охотно предал их дыбе, колесу и огню, но знал, что его команда — большинство ее, во всяком случае,— такого варварства не потерпит.

Ему позволят разве что расстрелять этих двенадцать, хотя и с тяжелым сердцем — надо же поддерживать дисциплину. Да и кража катера усугубила вину беглецов.

Бёртон застонал.

— Что с тобой, милый? — спросила Алиса.

— Ничего, уже прошло.

Здесь были другие сестры, поэтому он не сказал ей о том, что только сейчас пришло ему в голову: ведь Струбвелл-то остался на борту. Почему? Почему он не ушел с другими агентами?

А Подебрад? Подебрад, чешский инженер, главный подозреваемый? Его тоже не было в списке.

Вот еще один вопрос из тех многих, которые Бёртон задаст когда-нибудь схваченному агенту. Может, и не нужно ждать этого «когда-нибудь». Почему бы не пойти к Иоанну теперь же и не сказать ему всю правду? Иоанн посадит Струбвелла и Подебрада под замок и подвергнет их допросу без всякого там крючкотворства и проволочек.

Нет. Сейчас нельзя. Иоанн не успеет допросить их. Надо подождать, пока не кончится бой. Кроме того, эти двое могут просто покончить с собой.

Пойдут ли они на это — теперь, когда воскрешений больше нет?

Все возможно. Если жители долины больше не оживают, это еще не значит, что не оживают агенты. Они могут воскреснуть далеко отсюда, в обширных подземельях башни.

Но Бёртон в это не верил. Если бы агенты воскресали там, они сразу бы прибегли к самоубийству, а не садились бы на колесный пароход, чтобы доехать до башни.

Бёртон собирался, если переживет бой вместе со Струбвеллом и Подебрадом, захватить их врасплох и оглушить, не дав им включить мысленный код, выпускающий яд из черного шарика в мозгу, а когда они начнут приходить в себя, гипнотизировать их.

Все это хорошо. Но пока остается вопрос: почему те двенадцать сбежали, а эти двое остались?

Не для того ли, чтобы совершить диверсию в случае, если Иоанн погонится за беглецами?

Похоже, это единственное объяснение. Значит, надо идти к Иоанну и разоблачать их.

Но поверит ли ему Иоанн? Не подумает ли, что удар по голове повредил Бёртону мозги?

Возможно — но он поверит, когда Бёртон призовет в свидетели Алису, Казза, Лоху, Фрайгейта, Нура, Лондона и Умслопогааса.

К тому времени, однако, Струбвелл и Подебрад могут догадаться о происходящем и скрыться. Хуже того, они могут взорвать пароход — или что они там еще замышляют.

Бёртон поманил пальцем Алису и тихо велел ей передать Нуру эль-Музафиру, чтобы тот приставил кого-нибудь из их группы к Подебраду в котельной и к Струбвеллу в рубке. При подозрительных действиях, угрожающих судну, подозреваемых следует оглушить ударом по голове. А если такой возможности не представится, то застрелить их или заколоть.

— Но почему? — округлила глаза Алиса.

— После объясню! — рявкнул Бёртон.— Иди, не то поздно будет!

Нур поймет, что означает этот приказ. И постарается его выполнить. Не так-то легко будет послать кого-то в котельную и в рубку. Сейчас все стоят на своих местах. Уйти с поста без разрешения было бы тяжким преступлением. Нуру придется придумать что-нибудь, и быстро.

— Есть! — сказал вдруг Бёртон. И соединился по госпитальному телефону с рубкой. Связист хотел позвать Струбвелла, но Бёртон настоял на разговоре с королем. Иоанн, придя в большое раздражение, все же внял просьбе Бёртона и спустился в наблюдательную. Там он отключил связь с рубкой — теперь их никто не услышит, если на линии нет подслушивающих «жучков».

— Сир,— сказал Бёртон,— вот что я думаю. А вдруг дезертиры заложили бомбу где-то на пароходе? Если они увидят, что мы их вот-вот схватим, они передадут по радио кодированный сигнал, и бомба взорвется.

Иоанн помолчал и спросил голосом чуть выше обычного:

— Думаешь, такая возможность есть?

— Если я додумался до этого, почему не могли додуматься они?

— Я сейчас же объявлю поиск. Если ты в силах, присоединяйся.

Иоанн повесил трубку. Минутой позже в динамиках загремел голос Струбвелла, приказывающего обследовать каждый дюйм судна на предмет взрывных устройств. Офицерам предписывалось немедленно организовать поисковые партии. Струбвелл назначил каждому свой участок.

Бёртон улыбнулся. Вот и не пришлось ничего открывать Иоанну; пусть-ка теперь Струбвелл с Подебрадом займутся поиском тех самых бомб, которые, возможно, сами же и заложили.

Глава 26

Бёртон вышел из лазарета. Поскольку ему не назначили определенного сектора, он решил действовать в качестве вольного стрелка: пойти на котельную палубу и обследовать машинное отделение и склады боеприпасов.

Спускаясь по лестнице на палубу, он услышал пистолетную стрельбу и крики. Шум, похоже, доносился снизу, и Бёртон заспешил, морщась от боли на каждой ступеньке. На середине палубы «А» у борта толпился народ. Бёртон подошел и стал проталкиваться к предмету всеобщего внимания.

Это был смазчик Джеймс Маккенна. Он лежал на боку, с пистолетом у раскрытой руки. В голове у него торчал томагавк.

Огромный ирокез Дойийи вышел вперед, нагнулся и выдернул томагавк.

— Он стрелял в меня, но промахнулся,— сказал он.

Королю следовало бы отдавать приказы лично, а не по селектору. Тогда Маккенну, возможно, поймали бы с поличным, когда он прилаживал десять фунтов пластиковой взрывчатки к корпусу в темном углу машинного отделения. Впрочем, какая разница. Маккенна ушел оттуда, как только услышал по радио, что объявлен поиск. Он сохранял хладнокровие и вел себя как ни в чем не бывало. Но помощник электрика заметил его и окликнул, и тогда Маккенна выстрелил в него. Потом побежал и убил двоих, мужчину и женщину, стараясь прорваться к борту. Поисковая партия, бегущая в его сторону, обстреляла его, но без успеха. Маккенна ранил еще одного, но в Дойийи не попал. Теперь Маккенна лежал мертвый и уже не мог сказать, почему пытался взорвать пароход.

Король Иоанн спустился посмотреть на бомбу. К запалу были присоединены проводами часы и блок взрывчатки. Стрелка стояла на десяти — через двадцать минут произошел бы взрыв.

— Этого хватило бы, чтобы проделать дыру шире, чем весь правый борт,— весело сказал эксперт-взрывник.— Прикажете убрать, сир?

— Да, и немедленно,— спокойно ответил Иоанн.— Постой. Ведь радио при ней нет?

— Нет, ваше величество.

— Странно. Ничего не понимаю,— нахмурился Иоанн.— Почему дезертиры поручили одному из своих заложить бомбу с часовым механизмом, если ее куда проще взорвать по радио? А Маккенна мог бы уйти с ними, не подвергаясь опасности. Бессмыслица какая-то.

Бёртон, примкнув к группе офицеров, сопровождавших Иоанна, молчал.

Стоит ли раскрывать Иоанну глаза, если можно назвать раскрытием глаз то, что он, Бёртон, скажет?

Маккенна явился к ним сразу после десанта с «Парсеваля», вызвавшись заменить одного из убитых. Теперь Бёртону представлялось очевидным — во всяком случае, очень возможным, что Маккенну сбросили на парашюте или планере с борта «Парсеваля». Как это называли таких людей в двадцатом веке? Да... «пятая колонна». Клеменс заслал к ним своего человека в ожидании того дня, когда «Внаем не сдается» сойдется с «Рексом», и с приказом взорвать судно, когда этот день настанет.

Бёртон не понимал одного — почему Клеменс приказал Маккенне так долго ждать. Почему было не взорвать корабль при первом удобном случае? Зачем было тянуть сорок лет? Существовала ведь возможность, что Маккенна, сжившись за столько лет с «Рексом», перейдет на сторону врага. Он не имел никакой связи с «Внаем не сдается» — трудно хранить верность тем, кто существует только в воспоминаниях.

Но, возможно, Клеменс об этом не подумал.

Странно. Всякому, кто читал книги Клеменса, известно, какой он тонкий психолог.

Тогда, быть может, Клеменс приказал Маккенне не уничтожать «Рекса» без крайней на то необходимости?

— Выкиньте эту дрянь в Реку,— сказал Иоанн, кивнув на труп.

Так и сделали. Бёртон не нашел предлога, чтобы попросить перенести тело в морг. Там он мог бы вскрыть череп и посмотреть, нет ли в мозгу черного шарика. Но теперь уж поздно. Теперь Маккенну вскроют рыбы.

Как бы ни обстояли дела, для Маккенны все кончено. Поиск продолжался — одна бомба нашлась, но могли быть и другие. Через некоторое время выяснилось, что на судне нет больше взрывных устройств — ни внутри, ни снаружи. Водолазы обследовали каждый дюйм обшивки.

Бёртон подумал, что дезертирам, будь у них голова на плечах, следовало бы позаботиться о потоплении судна перед своим отплытием. Тогда ни сам пароход, ни его авиация не смогли бы преследовать их. Но они агенты и не выносят насилия, хотя и прибегают к нему в крайних случаях.

И был один верный способ выяснить, кто такой Маккенна: агент этиков или агент Клеменса.

Одно, во всяком случае, ясно: Подебрад и Струбвелл — не диверсанты.

Зачем же они тогда остались на борту?

Бёртон долго думал об этом и наконец воскликнул: «Ха!»

Они остались добровольно. Вызвались сами, поскольку на «Внаем не сдается» есть один или несколько человек, с которыми им надо связаться. Друзья там плывут или враги, у этих двоих есть веская причина для встречи с ними. Поэтому они и приняли рискованное решение остаться на «Рексе» во время боя. Если «Рекс» победит, что возможно — хотя шансы, казалось бы, против него, и если эти двое выживут, им представится случай заполучить любого, кто плавал с Клеменсом.

Но вот откуда они могут знать, что нужные им лица находятся на «Внаем не сдается»?

Возможно, у них имеется какая-то тайная техника связи — Бёртон не представлял себе, что это может быть.

Он стал думать о дезертирах. Известно ли им о лодках в пещере на берегу полярного моря и о двери у подножия башни?

Он надеялся, что они не слышали рассказа Пахери. Насколько Бёртону было известно, только он, Алиса, Фрайгейт, Логу, Нур, Лондон, Микс, Казз и Умслопогаас знали об открытии древних египтян. Во всяком случае, здесь, на пароходе. За его пределами, конечно, полно таких, что слышали Пахери из первых рук, а также из вторых, третьих и четвертых.

Но Икс, по всей вероятности, тоже среди дезертиров, и он сообщит агентам о тайном ходе.

Хотя не обязательно. Икс, наверное, тоже выдает себя за агента. Он использует своих спутников, чтобы добраться до башни, а там сделает так, чтобы они, как Эхнатон и его люди, лишились сознания или умерли.

А вдруг Подебраду и Струбвеллу стало известно, что Икс плывет на «Внаем не сдается»?

Впрочем, Иксом может быть и любой из них.

Бёртон пожал плечами. Придется разрешить событиям идти своим чередом, пока он не найдет случая повлиять на них. А уж тогда он сверзится, как сова на мышь.

Малоудачное сравнение. Агенты и этики больше смахивают на тигров.

Но ему это все равно. Когда придет нужда, он атакует.

Бёртон снова подумал, не рассказать ли обо всем Иоанну. Тогда взятые в плен агенты будут застрахованы от казни на месте. Правда, их нужно будет оглушить, чтобы помешать им покончить с собой. Но среди двенадцати—четырнадцати схваченных, включая Струбвелла и Подебрада, кто-то один непременно будет без сознания. Ладно, подождем еще немного. Может, и не придется ничего открывать Иоанну.

Пароход снова был поставлен на якорь, пока водолазы обследовали корпус. Потом он опять двинулся вверх по Реке на предельной скорости. Вскоре пришлось подойти к берегу, чтобы подзарядиться от питающего камня. Настал рассвет; камни громыхнули и разрядились. Кабель втянули обратно, и «Рекс» опять устремился в погоню. После завтрака у трех самолетов прогрели моторы. Затем Фосс и Окаба на своих бипланах и торпедный бомбардировщик с ревом поднялись с откидной кормы летной палубы.

Предполагалось, что пилоты засекут катер через час-другой. Дальнейшие действия оставлялись на их усмотрение в установленных Иоанном пределах. Король не желал топить или выводить из строя катер, нужный ему для боя. Самолеты могли обстрелять катер, помешав ему плыть дальше, и задержать его до подхода «Рекса».

Через час и двадцать две минуты после взлета вышел на связь Окаба, доложив, что катер замечен и что предпринята попытка связаться с дезертирами по радио. Ответа они не дали. Сейчас три самолета поочередно снизятся над катером и обстреляют его из пулеметов. Атаки будут короткими — свинцовые пули имеют слишком большую ценность и слишком нужны для боя против «Внаем не сдается». Если через несколько заходов дезертиры не сдадутся, не повернут обратно или не покинут катер, рядом с судном будут сброшены бомбы.

Окаба сообщил еще, что катер находится в нескольких милях выше места, где долина внезапно расширяется. Катер уже ходил в этот район два месяца назад во время перемотки. Его экипаж вел переговоры с титантропами — на эсперанто, разумеется,— с целью завербовать человек сорок в десант. Король Иоанн, в случае встречи с Клеменсом борт о борт, предполагал поставить этих великанов во главе абордажников. Два десятка таких, как Джо Миллер, могли в короткий срок очистить все палубы Клеменса. И один Миллер не сумел бы выстоять против натиска столь многих своих собратьев.

Но, как выяснилось к горькому разочарованию Иоанна, все опрошенные титантропы принадлежали к Церкви Второго Шанса. Они отказались сражаться да еще попытались обратить экипаж катера в свою веру.

Были, возможно, и такие титантропы, что не поддались на проповеди миссионеров, но некогда было их отыскивать.

Самолеты устремились к катеру, и население — частью обыкновенные homo sapiens, частью настоящие великаны — высыпало на берег, чтобы поглазеть на них. Внезапно Окаба сообщил:

— Катер направляется к правому берегу!

Японец спикировал, но стрелять не стал. Он не мог вести огонь по катеру, не рискуя зацепить местных жителей — а у него был строгий приказ не раздражать их без крайней нужды. Иоанн не хотел плыть через враждебно настроенные края после потопления «Внаем не сдается».

— Дезертиры прыгают в воду и плывут к берегу! — докладывал Окаба.— Катер дрейфует вниз по течению!

Иоанн выругался и приказал торпедному бомбардировщику сесть на Реку. Пусть его стрелок подцепит катер, чтобы доставить его на «Рекс». Да поскорей, пока не подплыл кто-нибудь из местных и не присвоил катер себе.

— Дезертиры смешались с толпой,— сообщил Окаба.— Предполагаю, что после нашего отлета они уйдут в холмы.

— Зубы господни! — вскричал Иоанн.— Мы никогда их там не найдем!

Бёртон, бывший в то время в рубке, промолчал. Он знал, что позднее агенты уведут парусник и снова пустятся вверх по Реке. И «Рекс» сможет захватить их, если не потонет и не получит серьезных повреждений.

Через несколько минут после того, как катер водворили на «Рекс» и оба истребителя приземлились, на пароходной рации зажегся оранжевый огонек. Радист выпучил глаза и на миг потерял дар речи. Тридцать лет он и его сменщики ждали, когда это случится, не веря, что это все-таки произойдет. Наконец он опомнился и выговорил:

— Сир! Сир! Частота Клеменса!

Частота, которой пользовался «Внаем не сдается», была давно известна. Клеменс мог бы изменить ее — тогда радисты «Рекса» прочесали бы весь диапазон, пока не засекли бы ее опять. Но Клеменс, как видно, не видел никакой причины менять длину вол-

ны. Все его немногие передачи, перехваченные до сих пор «Рексом», были зашифрованы.

Но не эта. Эта передача не предназначалась для «Парсеваля», для катеров или аэропланов Клеменса. Она велась открытым текстом на эсперанто и предназначалась для «Рекса».

Говорил не сам Клеменс, а Джон Байрон, его старший помощник, и желал он говорить не с королем, а с его первым офицером.

Иоанна, который удалился к себе то ли поспать, то ли позабавиться с очередной сожительницей, вызвали обратно. Струбвелл не осмеливался разговаривать с Байроном без разрешения капитана. Иоанн вознамерился поговорить с Клеменсом напрямую, но тот через Байрона отказался, не объяснив причины отказа.

Иоанн через своего помощника ответил, что тогда вообще никаких переговоров не будет. Но Байрон через минуту, сквозь шум и треск, заявил, что имеет одно предложение. Его командир так и не решился вступить с Иоанном в прямой разговор, боясь выйти из себя и обругать короля так, как еще никто никого не ругал во Вселенной. Включая Иегову, проклявшего Сатану перед тем, как свергнуть его с небес.

Клеменс имел к Иоанну честное предложение, но его — и придется Иоанну это понять — следовало передать через посредника. Через полчаса, в которые Клеменс бранился, кипел и не находил себе места, Иоанн при посредстве Струбвелла согласился выслушать, что ему предлагают.

Бёртон был опять в рубке, слышал все с самого начала, и предложение Клеменса ошеломило его.

Иоанн выслушал все до конца и ответил, что должен переговорить со своими летчиками-истребителями Вернером Фоссом и Кеньи Окабой. Приказывать им в данной ситуации он не может. Кстати, как зовут пилотов Клеменса?

Байрон ответил: Уильям Баркер, канадец, и Жорж Гинеме, француз,— оба асы Первой мировой.

После краткого изложения биографий неприятельских пилотов Иоанн вызвал в рубку Фосса и Окабу и объяснил им положение дел.

Поначалу их это ошарашило. Придя в себя, они переговорили друг с другом, и Окаба сказал:

— Сир, мы летаем у вас двадцать лет. В основном это была нудная, малоопасная служба. Мы давно ждали этого момента —

мы знали, что он настанет. И нам не придется сражаться с бывшими соотечественниками или с былыми союзниками — хотя, кажется, в Первую мировую моя страна была союзницей Англии и Франции. Мы согласны. И горим нетерпением.

«Кто же мы такие? — подумал Бёртон.— Рыцари короля Артура? Идиоты? Или все вместе?»

Однако он сам отчасти одобрял решение летчиков и был глубоко взволнован.

Глава 27

«Внаем не сдается» стоял на якоре у правого берега, на несколько миль выше входа в озеро. Геринга доставили в Аглейо на катере под названием «Афиш не расклеивать». Клеменс передал извинения Ла Виро за то, что не явился к нему немедленно. К несчастью, его задерживает прежняя договоренность, сказал он. Но к завтрашнему вечеру, а возможно, послезавтра он прибудет в собор.

Геринг стал упрашивать Клеменса обратиться с предложениями о мире к королю Иоанну. Клеменс, как и ожидал Герман, отказался.

— Заключительный акт этой драмы чересчур долго откладывался. Чертов антракт затянулся на сорок лет. Теперь ничто не может помешать постановке.

— Это не театр. Прольется настоящая кровь. Будет ощущаться настоящая боль. И смерть будет настоящей. И чего же ради?

— Есть ради чего. Я больше не хочу говорить об этом.

Клеменс сердито затянулся большой зеленой сигарой. Геринг молча благословил его троеперстным знамением и вышел из рубки.

Весь день на корабле шла подготовка. На окна ставились толстые дюралюминиевые щиты с амбразурами. В концах коридоров и проходов устанавливались толстые дюралюминиевые двери. Проверялись боеприпасы. Производилась пристрелка паровых пулеметов. Испытывались вертикальные и горизонтальные платформы и подъемники 88-миллиметровых пушек.

В пусковые установки закладывались ракеты, и проверялись системы доставки новых из недр палубы «А». Испытывалось орудие, работающее на сжатом воздухе. Поднимались в воздух аэропланы с полным вооружением на борту. Катера тоже вооружа-

лись. Подвергались пробе радар, сонар и инфракрасные детекторы. Выпускались и убирались абордажные мосты.

Каждый пост провел не менее дюжины учений.

Зарядив вечером батацитор и граали, «Внаем не сдается» совершил пятимильный круиз, продолжая вести учения. Радар, обследовав озеро, «Рекса» на нем не нашел.

Перед тем как объявить отбой, Клеменс собрал почти всю команду в салоне. Вахтенным его краткая, почти серьезная речь передавалась по радио.

— Мы проделали фантастически долгий рейс по Реке — возможно, самой длинной реке во Вселенной. У нас были взлеты и падения, были трагедии, была боль, была скука, были комедии, были трусливые дела, были и героические. Много раз мы смотрели в лицо смерти. Чья-то смерть радовала нас, но мы расплачивались за это смертью дорогих нам людей.

Долгий был рейс, очень долгий. Мы прошли семь миллионов двести тысяч двадцать миль. Это почти половина Реки, чья предполагаемая длина — четырнадцать миллионов пятьсот тысяч миль. Долгий путь.

Но мы, пройдя его, пойдем дальше. Еще сто двадцать семь тысяч пятьсот миль — и останется каких-нибудь семь миллионов.

Каждый, кто записывался к нам, знал, чего ему будет стоить путешествие на этом огромном, роскошном судне. Ему или ей разъясняли цену билета. За этот рейс расплачиваются в конце, а не в начале.

Я знаю каждого из вас так, как только один человек может знать другого. Вы все подверглись строгому отбору и все оправдали мои ожидания. Вы прошли через множество испытаний и вышли из них с высокой оценкой. Поэтому я полностью уверен, что и завтрашнее, последнее, самое тяжкое испытание вы тоже выдержите.

Я говорю так, будто нам предстоит экзамен по арифметике в средней школе, или так, будто я футбольный тренер, натаскивающий команду перед матчем. Сожалею, но наш экзамен, наш матч, будет смертельным, и некоторые из вас не доживут до конца завтрашнего дня. Но вы знали цену, когда подписывали контракт, так что не помышляйте о том, чтобы смыться.

Но когда завтрашний день кончится...

Клеменс обвел глазами аудиторию. Джо Миллер, сидящий на огромном стуле на возвышении, запечалился, и слезы текли по его корявым щекам.

Маленький де Марбо вскочил, поднял бокал и крикнул:

— Троекратное «ура» нашему командиру — и выпьем за него!

Раздались громкие «ура». Когда вино было выпито, поднялся носатый, тощий, как шпага, де Бержерак:

— А теперь за победу! Не говоря уж о погибели Иоанна Безземельного, да будет он проклят навеки!

В ту ночь Сэм долго не ложился спать, шагая взад-вперед по рубке. Хотя пароход стоял на якоре, вахту нес полный состав. «Внаем не сдается» мог бы поднять якорь и отплыть, развив предельную скорость, в течение трех минут. Если Иоанн попытается напасть ночью, несмотря на свое обещание не делать этого, он не застанет Сэма врасплох.

В рубке почти не разговаривали. Сэм пожелал всем доброй ночи, вышел и несколько минут ходил по летной палубе. На берегу горело множество огней. Вироландцы знали, что намечено на завтра, и были слишком возбуждены и встревожены, чтобы улечься спать в свое обычное время. Несколько раньше у берега появился сам Ла Виро в рыбачьей лодке, прося разрешения подняться на борт. Клеменс ответил в рупор, что рад его видеть, но отказывается что-либо обсуждать до послезавтра. Он сожалеет, но иначе нельзя.

Высокий смуглый человек с мрачным лицом отплыл, но прежде благословил Сэма. Сэм устыдился.

Теперь он прошел по всем палубам с обеих сторон, проверяя часовых. Результатами он остался доволен и решил, что хватит шататься по судну. Гвенафра уже, наверное, ждет его в постели. Возможно, она захочет заняться любовью — вдруг завтра кого-то из них или их обоих не останется в живых. Сэм пока что не чувствовал себя в настроении, но она владела удивительным умением поднимать его дух — помимо всего прочего.

Он правильно угадал. Она действительно настаивала, но недостаток энтузиазма с его стороны был налицо, и она, отчаявшись восполнить его, отступилась. И не стала упрекать Сэма. Просто попросила, чтобы он обнял ее и поговорил с ней. Поговорить Сэм отказывался редко, и они беседовали добрых два часа.

Перед тем как уснуть, Гвенафра сказала:

— Хотела бы я знать, нет ли Бёртона на «Рексе»? Вот было бы забавно, да? Не в смысле смешно, а в смысле удивительно. Нет, это было бы ужасно.

— Ты так и не преодолела свою девчоночью влюбленность в него, да? Как видно, это была фигура — для тебя по крайней мере.

— Нет, не преодолела — хотя не уверена, конечно, понравился бы он мне сейчас или нет. И все-таки — вдруг он служит у короля Иоанна и мы его убьем? Я бы чувствовала себя ужасно. Представь, что на «Рексе» плавает кто-нибудь, кого любишь ты.

— Весьма маловероятно. Меня это как-то не беспокоит.

Его беспокоило это. Дыхание Гвенафры давно уже стало ровным и глубоким, а он все лежал без сна. Что, если на «Рексе» плавает Ливи? Нет, быть не может. Ведь это один из людей Иоанна убил ее в Пароландо. Она никогда не села бы на его корабль. Разве только с намерением убить его и тем отомстить за себя. Нет, это на нее не похоже. Для этого у нее слишком мягкий характер, хотя она и способна яростно сражаться за тех, кого любит. Но мстить она не стала бы.

Клара? Джин? Сюзи? Может ли на «Рексе» быть кто-то из них? Шансы ничтожно малы. И все-таки... порой случается даже то, что невероятно с математической точки зрения. И снаряд, пущенный с его парохода, убьет его дочь. И она будет навсегда потеряна для него — ведь воскрешений больше нет.

Он чуть было не встал с постели, не пошел в рубку и не велел радисту передать на «Рекс», что хочет заключить мир, отказаться от боя, от ненависти и от жажды мести.

Чуть было.

Все равно Иоанн не согласится.

Но откуда он, Сэм, может это знать, пока не попробует?

Нет. Иоанн неисправим. Так же упрям, как его враг Сэм Клеменс.

— Как же мне плохо,— сказал Сэм.

И вскоре провалился в сон.

Эрик погнался за ним со своим обоюдоострым топором. И Сэм побежал от страшного норвежца, как столько раз уже бегал в кошмарных снах. Эрик кричал позади: «Bikkja! Кал Рататока! Я говорил тебе, что буду тебя ждать у истоков Реки! Умри, презренный предатель! Умри!»

Сэм застонал и проснулся в поту, с колотящимся сердцем.

Какая это будет ирония, какой поэтический сюжет, какое возмездие, если Эрик окажется на «Рексе».

Гвенафра проговорила что-то сквозь сон. Сэм погладил ее по голой спине и тихо сказал:

— Спи, невинное дитя. Ты-то никого не убивала — надеюсь, и не убьешь.

Но разве ее не призвали завтра заняться именно этим?

— Это уж слишком,— сказал он себе.— Надо поспать. Надо завтра быть в хорошей физической и душевной форме. Иначе... ошибка с моей стороны... усталость... кто знает?

Но ведь «Внаем не сдается» гораздо больше «Рекса», гораздо лучше укреплен и вооружен — он не может не победить.

Надо спать.

Внезапно он сел, вперив глаза во тьму. Завыли сирены, и третий помощник Крегар закричал из селектора на стене:

— Капитан! Капитан! Просыпайтесь!

Клеменс вылез из постели и подошел к селектору.

— Да, в чем дело?

Неужто Иоанн все-таки атаковал? Вот подлый сукин сын!

— Операторы ночного видения докладывают, что семь человек прыгнули за борт. Видимо, дезертиры!

Итак, Сэм ошибался, заявив в своей речи, что все здесь люди испытанные, доказавшие свое мужество. Кое-кому не хватило храбрости. Или здравый смысл у них возобладал. И они ушли. В точности как он, Сэм, когда в Америке началась война между штатами. Пробыв две недели в добровольном миссурийском ополчении конфедератов и увидев, как один из его товарищей застрелил безвинного прохожего, Сэм дезертировал и ушел на запад.

И на этих семерых он по-настоящему не гневался. Но другим этого показывать было нельзя. Надо было принять свирепый вид, побушевать как подобает, предать проклятию подлых крыс и так далее. Ради поддержания дисциплины и боевого духа.

Он уже вошел в лифт, чтобы подняться в рубку, и тут его осенило.

Эти семеро — не трусы. Они агенты.

У них не было резона оставаться на борту и, возможно, погибнуть. У них есть более высокий долг, чем верность Клеменсу и его судну.

Он вошел в рубку. По всему пароходу горели огни. Прожектора высвечивали на берегу горстку мужчин и женщин с граалями, бежавших так, будто самые затаенные их страхи ожили и вот-вот схватят их.

— Будем стрелять? — спросил Крегар.

— Нет. Еще попадем в кого-то из местных. Пусть бегут. Они еще попадутся нам после боя.

Беглые, безусловно, попросят убежища в храме. Ла Виро их не выдаст.

Сэм приказал Крегару произвести перекличку. Определились имена отсутствующих, и Сэм прочел их список на экране. Четверо мужчин и три женщины, все будто бы жившие после 1983 года. Подозрения Сэма относительно таких людей подтвердились, но было поздно что-либо предпринимать.

Да. Теперь поздно, но после боя он уж найдет какой-нибудь способ заполучить беглецов и допросить их. Они должны знать хотя бы половину тайн, не дающих ему покоя. А может быть, знают все тайны.

— Выключи сирены,— сказал он Крегару.— Объяви всем, что это была ложная тревога и можно ложиться спать. Спокойной ночи.

Однако ночь спокойной не была. Он много раз просыпался, и его мучили кошмары.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ В МИРЕ РЕКИ

Глава 28

В долине Вироландо полдень.

Вот уже тридцать лет, как небо в этот час пестрит разноцветными планерами и воздушными шарами. Сегодня небо чисто, как взор младенца. Гладь Реки, всегда усеянная лодками с белыми, красными, черными, зелеными, фиолетовыми, пурпурными, оранжевыми и желтыми парусами, пуста — сплошная зеленовато-синяя равнина.

По обоим берегам бьют барабаны, наказывая всем не подниматься в воздух, не выходить на Реку и держаться подальше от берегов.

Несмотря на это, на левом берегу собрались толпы народу. Большинство, правда, заняло места на скалах и на мостах между ними. Всем хочется посмотреть бой, и любопытство пересиливает страх. Призывы Ла Виро отойти в предгорья не помогли — слишком заманчиво предстоящее зрелище. Никого нельзя убедить отойти на безопасное расстояние. Люди, не знающие, что такое оружие двадцатого века — не видевшие никакого оружия, кроме самого примитивного,— не понимают, что им грозит. Мало кто из них сталкивался даже с легкими проявлениями насилия. И вот эти невинные души запрудили всю равнину и влезли на скалы.

Ла Виро молился, стоя на коленях в храме.

Герман Геринг, отчаявшись утешить его, поднялся по лестнице на верхушку одной из скал. Предстоящее злое дело было ненавистно ему, но он хотел это видеть. И, надо сознаться, вол-

новался, как ребенок перед началом циркового представления. Это прискорбно — значит, со старым Герингом далеко еще не покончено. Но Герман не мог остаться в стороне от боя и сопряженного с ним кровопролития. Он не сомневался, что горько об этом пожалеет,— но ведь в мире Реки такого еще не бывало. И не будет.

Разве можно такое пропустить? Герман даже пожалел на миг, что не он ведет один из самолетов.

Да, ему еще далеко до совершенства. Ну что ж, он насладится зрелищем в полной мере, а после расплатится за это душевными муками.

Гигантские корабли, «Внаем не сдается» и «Рекс грандиссимус», бороздили Реку, двигаясь навстречу друг другу. В этот момент их разделяло шесть миль. Соглашение обязывало их остановиться на расстоянии пяти. В случае, если воздушный бой не кончится раньше. После его окончания все ограничения снимаются, и побеждает сильнейший.

Сэм Клеменс расхаживал по мостику. За предыдущий час он проверил все посты и прикинул план сражения. Расчет секретного оружия ожидал на палубе «А». По сигналу они поднимут свое орудие и установят его за толстым стальным щитом, который прежде прикрывал носовой пулемет. Теперь пулемет убран, и его платформа готова принять секретное оружие.

Пулеметный расчет был поражен, получив приказ о снятии пулемета. Ответа на свои вопросы они не получили. Слухи полетели с носа на корму, с палубы на палубу. Зачем капитан предпринял этот странный маневр? Что происходит?

Тем временем Клеменс успел три раза поговорить с лейтенантом-десантником Уильямом Фермером, командиром секретного расчета, постаравшись внушить ему всю важность его задания.

— Меня по-прежнему беспокоят агенты Иоанна,— сказал Сэм.— Я знаю, у нас все проверены-перепроверены. Но это мало что меняет. В диверсанте, подосланном Иоанном, хитрости должно быть, что навоза на миссурийском заднем дворе. Останавливайте каждого, кто приблизится к орудийной камере.

— Но что они могут сделать? — Фермер имел в виду свой расчет.— Они все безоружны. Я даже под килтами у них посмотрел — ничего. Должен сказать, им это не понравилось. Они считают, что им должны доверять безоговорочно.

— Они должны понять, что это необходимо.

Хронометр в рубке показывал 11.30. Клеменс посмотрел в задний иллюминатор. На летной палубе было все готово. Самолеты подняли из ангаров, и один как раз ставили на паровую катапульту в дальнем конце палубы. Самолетов было два — единственные одноместные аэропланы, пережившие это долгое путешествие, да и они уже ремонтировались несколько раз.

Два прежних истребителя, монопланы, давно погибли — один в бою, другой в аварии. Эти, собранные из запчастей, были бипланы со спиртовыми двигателями, способными развивать до ста пятидесяти миль в час на уровне грунта. Первоначально они работали на синтетическом бензине, но его запас давно уже кончился. На носу перед открытой кабиной стояли сдвоенные 56-калиберные ленточные пулеметы, стреляющие свинцовыми пулями из медных патронов со скоростью пятьсот очередей в минуту. Боеприпасы сберегались в течение всего рейса для такого вот случая. Патроны несколько дней назад перезарядили и проверили каждый на длину, ширину и ровность, чтобы пулеметы не заклинило.

Сэм снова сверился с хронометром, сел в лифт и спустился на летную палубу. Маленький джип отвез его к самолетам, где ожидали механики, запасной состав и два пилота.

Оба самолета были окрашены в белый цвет, а на руле и на тыльной части нижних крыльев красовался алый феникс.

На корпусе одного был изображен красный журавль в полете, а под кабиной черными буквами значилось: Vieux Charles. Старина Чарли. Так Жорж Гинеме называл самолеты, на которых летал в Первую мировую.

На другом самолете по обоим бортам были нарисованы черные головы лающих собак.

Оба летчика были одеты в белую рыбью кожу. Высокие, по колено, ботинки имели красную отделку, как и бриджи. Левую сторону кителя украшал алый феникс. Кожаные летные шлемы оканчивались небольшой пикой — острием рыбьего рога. Очки были в красной оправе, перчатки белые, но с красными раструбами. Летчики стояли у «Старого Чарли» и вели серьезный разговор, когда подъехал Клеменс. Когда он приблизился, они отдали честь.

Какой-то миг он молчал, разглядывая их. Они совершали свои подвиги уже после его смерти, но он хорошо знал обоих.

Жорж Гинеме был щуплый человек среднего роста с черными горящими глазами и почти по-женски красивым лицом. Он по-

стоянно — во всяком случае, когда не сидел в кабине — был напряжен, как скрипичная струна или оттяжка мачты. Французы называли его асом среди асов. Другие — Нунгессер, Дорм и Фонк — сбили, правда, больше бошей, но они и летали дольше, а карьера Жоржа оборвалась сравнительно рано.

Француз был из тех прирожденных летчиков, которые автоматически становятся частью машины — воздушный кентавр. Был он также превосходным механиком и так же тщательно проверял перед вылетом свой самолет, оружие и приборы, как знаменитые Маннок и Рикенбакер. В войну он, казалось, жил только полетами и боями. Любовных связей, насколько было известно, он не заводил — единственной его привязанностью была сестра Ивонна. Мастер воздушной акробатики, он нечасто пользовался ею в воздухе, всегда бросаясь в лобовую атаку. Он был столь же свиреп и неосторожен, как его английский соперник, великий Альберт Болл. Как и он, Гинеме любил летать в одиночку, а когда встречал врага — неважно, в каком количестве,— сразу атаковал.

Редко случалось, чтобы его «ньюпорт» или «спад» по возвращении не был изрешечен пулями.

Мог ли он так долго протянуть на войне, где средний век пилота составлял три недели? Однако он успел одержать пятьдесят три победы.

Один из его товарищей писал, что, когда Гинеме перед вылетом садился в кабину, «на него было страшно смотреть, глазами он будто бы в вас выстреливал».

А ведь этого самого человека французская наземная армия признала негодным. Он был хрупкого сложения, легко простужался, постоянно кашлял и не умел отводить душу за дружеской пирушкой в конце боевого дня. Он походил на чахоточного и, возможно, действительно болел.

Но французы любили его, и в день его гибели, 11 апреля 1917 года, вся нация погрузилась в траур. Поколение спустя французским детям в школе говорили, что Гинеме залетел так высоко, что ангелы не позволили ему вернуться на землю.

Реальная же версия тех дней звучала так: Гинеме, как обычно, вылетел один, и лейтенант Виссеман, куда более слабый летчик, каким-то образом сумел его сбить. Самолет рухнул в грязь, в полосу сильного артобстрела. Тысячи снарядов разнесли машину Гинеме на куски, смешали с грязью так, что и следа не осталось. Плоть и металл превратились не в прах — в грязное месиво.

В мире Реки Жорж прояснил эту тайну. Рыская в облаках в поисках одного или дюжины бошей — ему было все равно, сколько их,— он начал кашлять. Кашель бил его все сильнее, и вдруг кровь хлынула изо рта на кожаный, подбитый мехом комбинезон. Подтвердились его страхи о туберкулезе. Помочь себе он ничем не мог.

Когда силы покидали его и зрение меркло, он увидел приближающийся немецкий самолет. Умирая или думая, что умирает, Гинеме все же устремился навстречу врагу. Затарахтели пулеметы, но прославленный меткий глаз Гинеме изменил ему. Немец пошел вверх, и Гинеме бросил «Старого Чарли» ему вдогонку. На миг он потерял врага, потом пули прошили его ветровое стекло сзади... и сознание угасло.

Очнулся он нагим на берегу Реки.

Теперь он уже не страдал «белой чумой» и немного прибавил в весе. Но всегдашняя напряженность осталась при нем, хотя несколько ослабла по сравнению с семнадцатым годом. Он делил каюту с женщиной, которая сейчас сидела там и плакала.

Уильям Джордж Баркер, канадец, тоже был прирожденный летчик, удививший всех своим мастерством после какого-нибудь часа обучения.

27 октября 1918 года он, будучи майором 201-й эскадрильи британских воздушных сил, вылетел один в новом «сопвит снайп». В двадцати тысячах футов над Мармальским лесом он сбил двухместного разведчика. Один из экипажа выпрыгнул с парашютом. Баркера это зрелище заинтересовало, а возможно, и рассердило немного — в союзной авиации парашюты были запрещены.

Откуда ни возьмись появился «фоккер», и пуля угодила Баркеру в правое бедро. «Снайп» вошел в штопор, Баркер выровнял его — и увидел себя в окружении пятнадцати «фоккеров». Двоих он отогнал, осыпав градом пуль, третий, пораженный с расстояния десяти ярдов, загорелся. Но Баркера опять ранило, на этот раз в левую ногу.

Он потерял сознание и пришел в себя как раз вовремя, чтобы вывести самолет из повторного штопора. Вокруг вилось больше дюжины «фоккеров». Он отстрелил одному хвост с каких-нибудь пяти ярдов, но его левый локоть раздробила пуля из пулемета «шпандау».

Баркер снова потерял сознание, снова пришел в себя и увидел вокруг двенадцать немцев. Из «снайпа» валил дым. Видя, что

он горит, и считая себя обреченным, Баркер решил протаранить хоть одного боша. Перед самым столкновением он передумал и вместо тарана поджег неприятельскую машину, обстреляв ее.

Потом нырнул вниз, дотянул до британских линий, чуть не врезался в наблюдательный аэростат, но остался жив.

Это был последний вылет Баркера, единодушно провозглашенный авторитетами лучшим примером сражения летчика-одиночки с превосходящими силами противника за всю Первую мировую. Баркер две недели пробыл в коме, а когда пришел в себя, война кончилась. За подвиг его наградили Крестом Виктории, но он долго еще ходил на костылях и с рукой на перевязи. Несмотря на свои увечья, он вернулся в авиацию и стал одним из организаторов канадских воздушных сил. Потом он совместно со славным асом Уильямом Бишопом основал первую крупную канадскую авиалинию.

Он погиб в 1930 году, испытывая новый самолет, разбившийся по непонятной причине. Официальный его счет составлял пятьдесят вражеских самолетов, хотя, по некоторым источникам, их было пятьдесят три.

Столько же, сколько у Гинеме.

Клеменс пожал обоим руки.

— Вы хорошо знаете, что я противник дуэлей,— сказал он.— Я высмеивал этот обычай в своих книгах и не раз говорил вам, как противен мне был старый южный обычай улаживать споры смертоубийством. Впрочем, того, кто настолько глуп, что считает такой способ разбирательства правильным, действительно следует убить.

Этой воздушной дуэли я бы не противился, будь я уверен, что вы сегодня умрете, а завтра оживете, как в былые времена. Ну а теперь все будет по-настоящему. Некоторые возражения у меня имеются, как сказал Сидячий Бык Кастеру, но вы оба так рвались в драку, точно боевые кони при звуке трубы, что я не стал отказывать Иоанну.

Но неизвестно еще, что кроется за этим предложением. Возможно, Иоанн-злодей планирует какое-нибудь предательство. Я согласился, потому что говорил с одним из его офицеров — я их всех знал или слыхал о них, и все они честные, порядочные люди. Хотя как могут, скажем, Вильям Гоффе или Педер Торденскьолд служить такому, как Иоанн, мне непонятно. Он, должно быть, изменил свое поведение, хотя я не верю, чтобы он изменился внутренне.

Во всяком случае, меня заверили, что все пройдет на высшем уровне.

Их летчики собираются взлететь в одно время с вами. И на борту у них будут только пулеметы, без ракет.

— Мы все это обсудили, Сэм,— сказал Баркер.— И считаем, что наше дело правое. Ведь это Иоанн увел у вас пароход и пытался убить вас. И нам известно, что он за человек. Кроме того...

— Кроме того, вы не можете устоять, когда вам подвернулся случай снова сразиться. Вас мучает ностальгия. Вы уже забыли, каким жестоким и кровавым было то время, так ведь?

— Хорошие люди не стали бы плавать на «Рексе»,— с нетерпением ответил Гинеме.— А мы проявили бы трусость, если бы не приняли их вызов.

— Пора прогревать моторы,— сказал Баркер.

— Мне не стоило заговаривать об этом,— сказал Сэм Клеменс.— Пока, ребята. И удачи вам. Пусть победят сильнейшие, и я уверен, что ими будете вы!

Он еще раз пожал им руки и отошел в сторону. Это и смело, и глупо в то же время, подумал он, однако я дал согласие. Подводить итоги в последнюю минуту его побудила одна только нервозность. Не надо было ничего говорить. Но он, по правде сказать, давно предвкушал этот миг. Похоже на рыцарский турнир былых времен. Сэм терпеть не мог рыцарей — ведь они, согласно истории, угнетали крестьян, подавляли низшие классы, да и свой-то класс истребляли почем зря; просто бандиты какие-то. Но реальность — это одно, а миф — другое. Миф всегда надевает шоры на глаза, и это, возможно, к лучшему. Идеал светел, реальность мрачна. Вот два необычайно одаренных и отважных человека отправляются драться до смертельного исхода на заранее назначенной дуэли. И чего ради? Им ничего не надо доказывать — они все и всем доказали давным-давно.

Что же это такое? Махизм, культ мужества? Определенно нет.

Их мотивы, какими бы они ни были, тайно радовали Клеменса. Опять-таки если они одолеют истребителей Иоанна, то смогут атаковать «Рекс» с бреющего полета. Ясное дело — если они проиграют, то вражеские летчики атакуют «Внаем не сдается». Лучше уж об этом не думать.

Но главное удовольствие заключалось в зрелище предстоящего боя.

Это было детское чувство — незрелое, во всяком случае. Но Сэм, как большинство мужчин и женщин, был заядлым поклон-

ником спорта в качестве болельщика. А это тоже спорт, хоть и фатальный для участников матча. Римляне знали, что делали, устраивая бои гладиаторов.

Сэм вздрогнул от звука трубы. Вслед за ним зазвучала бодрящая мелодия «Там, в высокой синеве», написанная Джакомо Россини для корабельных воздушных сил, но исполняемая, правда, с помощью электроники.

Баркер, как командир звена, первым сел в кабину. Пропеллер медленно повернулся, заныл и завертелся. Гинеме сел в свой самолет. Люди, стоящие вдоль летной палубы и столпившиеся на двух нижних этажах мостика, разразились криками «ура», заглушив рев включенного двигателя.

Сэм Клеменс посмотрел вверх. Там у кормового иллюминатора рубки стоял первый помощник Джон Байрон, готовый дать капитану сигнал. Как только хронометр покажет двенадцать, Байрон уронит вниз алый платок.

Из рядов, стоящих вдоль палубы, выбежала женщина и бросила в кабины по букету цветов железного дерева. Гинеме, в летных очках, улыбнулся и помахал своим букетом. Баркер, похоже, собрался выкинуть свой, но передумал.

Сэм посмотрел на часы. Красный платок полетел вниз. Сэм повернулся и дал знак включить катапульту. Зашипел пар, освобожденный самолет Баркера рванулся вперед и в пятидесяти футах от края палубы взлетел.

Через восемьдесят секунд после него взлетел француз.

Толпа хлынула на летную палубу, а Клеменс поспешил на мостик. Из рубки он поднялся через люк на крышу надстройки. Там были привинчены для него стол и стул. Наблюдая за боем, Сэм будет пить бурбон и курить сигару. Король Иоанн не переставал его беспокоить. Иоанн точно задумал какую-нибудь каверзу — это неизбежно, как отрыжка после пива.

Глава 29

«Рекс грандиссимус» шел по середине озера, носом по ветру, вращая колесами и делая десять миль в час. Благодаря попутному ветру, дующему со скоростью пять миль в час, самолетам обеспечивалась пятнадцатимильная скорость при взлете.

Король Иоанн, в синем килте, алой накидке и черных сапогах, стоял на летной палубе и говорил с пилотами, пока взлетная

команда готовила машины. Пилоты были одеты в черную кожу. Их самолеты тоже были бипланы, с чуть более тупыми носами, чем у противника. Крылья и фюзеляж одного самолета были расписаны синими и серебряными шахматными квадратами, на которых выделялись три золотых королевских льва. На бордовом носу белел череп со скрещенными костями. Вторая машина была вся белая, со львами на крыльях и руле и с красными кругами на бортах и на днище — японскими знаками восходящего солнца.

Из нескольких сотен кандидатов, опрошенных за последние семь лет, Иоанн выбрал этих двоих — им и выпало сражаться в этот долгожданный день. Кеньи Окаба, низенький и коренастый, всем существом излучал решимость. Обычно он проявлял дружелюбие и охотно общался с людьми. Сейчас он был мрачен.

Фосс, наравне с Баркером, был знаменит своими одиночными боями с превосходящими силами врага.

23 сентября 1917 года Фосс, уже уничтоживший сорок восемь самолетов противника, летел один на новом фоккеровском триплане и повстречался с семерыми «сеснами» 56-й британской эскадрильи. Их пилоты принадлежали к числу лучших британских истребителей. Пятеро были асы, и среди них выделялись трое: Мак-Кадден, Рис-Дэвидс и Сесил Льюис. Мак-Кадден, командир, немедленно повел звено в круговую атаку. Казалось, что гибель Фосса под дулами четырнадцати пулеметов неизбежна. Но Фосс управлял своим самолетом, как волчком. Дважды, когда Мак-Кадден брал его на прицел, он входил в плоский полуштопор — маневр, с которым британцы еще не сталкивались. Выделывая головоломные, но тщательно выверенные трюки и одновременно поливая противников огнем, Фосс ушел из кольца. Тогда Рис-Дэвидс, превосходный стрелок, поймал его на прицел и держал, пока не расстрелял весь боезапас своих 50-калиберных «льюисов». Самолет Фосса упал, к чему британцы отнеслись не без сожаления. Они предпочли бы захватить Фосса живым. Он был лучший истребитель из всех, с кем они встречались.

В Фоссе была доля еврейской крови. Несмотря на предрассудки, с которыми он столкнулся в немецких воздушных силах, его мастерство и решимость обеспечили ему заслуженное признание. Он даже служил одно время под началом у Рихтхофена, Красного Барона, который назначил его начальником полетов и поручал прикрывать строй сверху.

Кеньи Окаба, капитан воздушных сил «Рекса», во время Второй мировой носил звание пилота первого класса морской авиации. Он был одним из лучших японских истребителей и побил рекорд своего флота, сбив над Рабаулом в архипелаге Бисмарка семь американских самолетов в один день. Но однажды, когда он атаковал бомбардировщик над Бугенвилем на Соломоновых островах, на него с большой высоты спикировал американец, отстрелил крыло у его «зеро» и поджег самолет. Пылающий Окаба упал.

Иоанн поговорил со своими асами несколько минут, потом пожал руку Фоссу, отдал поклон Окабе, и летчики сели в кабины. Встретиться было назначено на середине промежутка между судами, в пяти тысячах футах над скалой с луковичным верхом.

Все четыре биплана пошли по спирали вверх. Достигнув назначенной высоты по альтиметру, они выровнялись. Никто не помышлял обмануть противника — все летчики были порядочными людьми. Иоанн даже не предлагал своим пилотам подняться выше, чтобы получить преимущество,— для этого он слишком хорошо их знал.

Теперь противники пошли на сближение. Солнце было справа от Фосса с Окабой и слева от Баркера с Гинеме. Все четверо предпочли бы, чтобы солнце светило им в спину, а неприятелю в глаза. Это была классическая позиция для атаки: затаиться против солнца в облаках, а потом, увидев внизу жертву, пасть на нее камнем и захватить врасплох. Обе пары, оказавшись на условленной высоте в двух милях одна от другой, сближались со скоростью триста миль в час. Тысяч пять зрителей следили за этим последним воздушным боем землян.

Вернер Фосс шел на Билла Баркера, Окаба — на Жоржа Гинеме.

Это был смелый, граничащий с самоубийством маневр. Машина идет на противника в лоб. Огонь не открывается. Только на расстоянии менее 1700 футов нажимается гашетка на рычаге и выпускается около десяти очередей. При этом есть надежда, что попадешь в пропеллер, перебьешь маслопровод или электропроводку. Можно задеть и пилота, пробив колпак или ветровое стекло.

В самую последнюю секунду машину отворачивают вправо. Если не рассчитаешь или если другой пилот не станет отворачивать, наступит конец.

Черные горящие глаза Гинеме смотрели прямо сквозь очки, прицел и ветровое стекло. Белый самолет надвигался ровно, без

отклонений. Сквозь размытый круг пропеллера ясно виден был пилот; на солнце блеснули его белые зубы. Самолет рос, делаясь громадным, со скоростью, которая испугала бы многих. Француз нажал на гашетку, и в тот же миг вражеский пулемет плюнул красным.

Оба самолета отвернули одновременно, едва не столкнувшись своими шасси, вправо и вверх, так резко, что у обоих пилотов кровь отхлынула от головы.

Делая этот поворот, Гинеме на секунду поймал на прицел самолет в шахматную клетку, но не стал тратить пули — противник сразу исчез.

Баркер и Окаба прошли рядом, едва не столкнувшись, так близко, что видели друг друга в лицо.

Теперь все стремились вверх под углом, граничащим с потерей скорости. Моторы выли от напряжения.

Окаба первым пошел вниз и, поймав на прицел Гинеме, выпустил очередь из четырех пуль.

Француз невольно пригнулся, увидев дыру в ветровом стекле. Сделав вираж, он последовал за Окабой вниз, надеясь зайти ему в хвост. Пилот с красным кругом на борту рискнул и почти добился успеха — но теперь он оказался ниже Гинеме, и расплата была неминуема.

Японец сделал тугую петлю, почти поставив свой самолет на хвост, и, выйдя из нее вниз головой, опять обстрелял Гинеме. Француз, в свою очередь, сделал «бочку». Пули прошили его фюзеляж, не задев его. Бак для горючего был пробит, но обладал способностью самозаделываться — старый «спец» Гинеме этим похвалиться не мог. Окаба выровнял самолет и вновь стал набирать высоту. Гинеме, разгоняясь, описал кривую и, опустив нос, выпустил четыре пули. Одна прошла через кабину, зацепив руку Окабы на рычаге. Японец, зарычав от боли, дернул рукой, и самолет на миг накренился вправо, потеряв управление.

Гинеме вошел в штопор, но быстро вышел из него.

Француз и немец случайно оказались бок о бок, набирая высоту.

Затем Гинеме сделал вираж в сторону Фосса, а тот отклонился, чтобы избежать столкновения. Но не в сторону, как ожидал Гинеме, а по направлению к французу и вниз.

Конец крыла Фосса прошел в полудюйме от руля высоты Гинеме.

Нырнув вниз, немец вернулся обратно, сделав петлю — маневр, не рекомендуемый, когда враг у вас на хвосте. Поднявшись, он сделал «бочку» и спикировал.

Гинеме, когда Шахматная Доска устремилась на него, решил было, что все кончено. Но быстро оправился и, не думая больше о том, что спасся чудом, пошел вверх, глядя через плечо. На миг он потерял из виду Шахматную Доску, а потом увидел и ее, и машину Баркера. Его друг висел у немца на хвосте. Шахматная Доска сделала «бочку», потеряв скорость, и перешла в плоский полуштопор. Фосс управлял самолетом с кошачьей ловкостью. Вот он уже устремился в противоположном направлении, и Баркер пронесся мимо, едва не зацепив его крылом.

Гинеме было некогда следить за ними — надо было найти самолет с красным кругом. Тот оказался сзади, но ниже Гинеме. Он лихорадочно набирал высоту, но пока не успел сократить расстояние, составлявшее, по оценке Гинеме, футов семьсот. Уже можно стрелять, но слишком далеко для точного попадания.

Красный Круг все-таки выпустил очередь. Пули прошили правое крыло Гинеме, приподнятое для поворота. Красный Круг тоже повернул, наводя прицел на пилота. Гинеме открыл дроссель так, что он почти лег на панель. Будь у него мотор сильнее, чем у японца, он медленно оторвался бы от Красного Круга даже на таком крутом подъеме. Но нет. В этом отношении они были равны.

Гинеме с плавной свирепостью подал рычаг на себя, уменьшив угол подъема и тем позволив Красному Кругу сократить разрыв между ними. Но перевернуться вниз головой на такой тяге было нельзя. Этот маневр без выравнивания наклона к горизонту грозил потерей скорости. Секунд тридцать приходилось рисковать тем, что вражеский огонь поразит жизненно важную часть машины.

Окаба приближался, недоумевая по поводу того, почему «Старый Чарли» снизил скорость. Теперь он уже понял, что его противник — Гинеме. Окаба, как все летчики, хорошо знал историю француза. Увидев название, он испытал странное чувство. Зачем он пытается сбить знаменитого француза, уничтожить «Старого Чарли»?

Окаба посмотрел в прицел. Оказавшись в пятидесяти ярдах, он откроет огонь. Сейчас, сейчас... Окаба нажал гашетку, и пулемет затрясся, а с ним и весь самолет. Японец был недостаточно близко, чтобы видеть, попал ли он в цель, но сомневался, что попал. Белый самолет с красным журавлем задрал нос кверху, встал на хвост, перевернулся через крыло и открыл огонь по Окабе.

Но тот нажал на педаль руля и отвел рычаг. На подъеме самолет подчинился не так быстро, как при прямом полете, но все же выполнил полупереворот и ушел вниз. Окаба оглянулся и увидел, что «Старый Чарли» выходит из пике в противоположном направлении.

Окаба круто развернулся и направился к нему, надеясь перехватить до того, как тот окажется сверху.

У Фосса, заметившего сзади самолет с собачьей головой, немного было времени для выбора маневра, который мог бы стряхнуть неприятеля с хвоста. Фосс сомневался, что добьется этого методами обычной акробатики. Противник просто повторит его маневр или, чуть отступив, атакует Фосса, когда тот выйдет из фигуры.

Фосс дернул дроссель до половины на себя.

Баркер удивился столь быстрому и внезапному приближению к противнику, но не стал задумываться над этим. Шахматная Доска была на виду, и расстояние в пятьдесят ярдов быстро сокращалось. Поймав в кольцо прицела шлем пилота, Баркер нажал на гашетку.

Шахматная Доска, точно прочтя его мысли, вдруг прибавила газу и в тот же миг совершила полуоборот. Пули Баркера, направленные в пилота, прошлись по днищу, отскочив от хвостового костыля.

Канадец тут же повторил фигуру противника. Что ж делать — придется стрелять, лежа на боку.

Шахматная Доска выровнялась, но тут же сделала «полубочку» вправо. Собачья Голова последовала за ней. Шахматная Доска вернулась в горизонтальное положение, и Собачья Голова нажала на гашетку.

Но Шахматная Доска ушла в крутой штопор. Должно быть, отчаялся уже, подумал Баркер. Ведь я тут же последую за ним. Еще он подумал, что в Шахматной Доске сидит Фосс — больше некому.

Но Шахматная Доска быстро задрала нос, сделала «бочку» и опять ушла вниз. Баркер не стал повторять этот маневр. Он толк-

нул рычаг от себя, держа большой палец на гашетке и прилипнув к Шахматной Доске, как утенок к матери.

Гинеме, выйдя из пике, оказался на линии огня Фосса. И Фосс, молниеносно прикинув векторы обоих самолетов, ветер и расстояние, выпустил очередь. В ней было всего шесть пуль, и Гинеме ушел — но одна пуля сверху прошила ему бедро.

Баркер не знал, что Фосс стреляет, пока не увидел, как Жорж дернул рукой и откинул голову назад. Тогда канадец нажал на гашетку, но Фосс взвился вверх и ушел в плоский полуштопор, самоубийственно вращая крыльями, Баркеру пришлось сделать вираж, чтобы избежать столкновения.

Но он тут же развернулся — быстро, как леопард, который боится, что дикая собака перекусит ему сухожилие. Фосс ушел от него, хотя и небезнаказанно. Вынужденный спикировать, чтобы набрать скорость, он опять оказался ниже Баркера.

Баркер скользнул за ним, одновременно оглянувшись в поисках Красного Круга.

И увидел. Японец несся на него сверху, спеша на помощь своему товарищу, пользуясь тем, что Гинеме на время, а возможно, и навсегда вышел из строя.

Баркеру волей-неволей пришлось забыть о Фоссе. Он повернул самолет вверх, в той же плоскости и в том же направлении, что и Окаба. Курс на столкновение.

Но вынужденный подъем поставил его в невыгодное положение. Враг не обязан был оставаться на том же уровне. Окаба сделал легкий вираж влево. Баркер тоже. Окаба сделал «бочку» вправо и выровнялся. Он, как видно, пытался зайти Баркеру в хвост. Канадец посмотрел вниз. Гинеме набирал высоту, удаляясь от них. Он был не так тяжело ранен, чтобы выйти из боя. А немец направлялся к Гинеме, бывшему почти на одном уровне с ним. Сейчас он оказался под Баркером, и канадец находился в самой выгодной для атаки позиции — но, к несчастью, Окаба угрожал Баркеру так же, как Баркер — Фоссу.

Баркер развернул самолет, продолжая набирать высоту. Секунд через тридцать Окаба ринется вниз и зайдет ему в тыл.

К черту Окабу. Все равно надо атаковать Фосса.

Самолет Баркера пошел вниз по длинной дуге.

Крылья дрожали от быстрого спуска. Баркер взглянул на спидометр. Двести шестьдесят миль в час. Еще на десять миль быстрее — и крылья не выдержат.

Баркер оглянулся. Окаба следовал за ним, но не так уж близко. У его крыльев, наверное, тот же предел выносливости. Баркер немного выровнялся, снизив скорость падения. Это позволит Окабе сократить промежуток. Но Баркеру хотелось выйти на Фосса со скоростью, которая позволила бы дать длинную очередь.

Фосс, видя, что Баркер пикирует и что он, Фосс,— единственная мишень, развернул машину навстречу несущейся на него судьбе. На несколько секунд они поравнялись, и пулеметы Фосса изрыгнули огонь. Шансы его на расстоянии четырехсот ярдов были невелики, но что еще он мог предпринять?

Если он каким-то чудом и попал в самолет, Баркер явно остался цел. И делал вираж в сторону, слегка меняя курс. Потом устремился назад, оглядываясь через плечо. Окаба приближался, но был еще слишком далеко, чтобы стрелять.

Баркер, слыша, как воет ветер над лобовым стеклом, обошел Фосса сзади. Немец не оглядывался, но должен был видеть Баркера в зеркале заднего обзора.

И увидел, по всей вероятности, потому, что сделал «полубочку» назад, желая уйти. Баркер совершил тот же маневр и заметил, что Гинеме вот-вот выйдет на линию огня Фосса, подставившись ему на пару секунд. Гинеме уже второй раз подворачивался Фоссу — и оба раза случайно.

Баркер до сих пор не знал, ранен его друг или нет. Баркер с Фоссом пронеслись мимо Гинеме; Баркер видел затылок немца и быстро сокращал пятидесятиярдовое расстояние между ними.

Взгляд в зеркало. Окаба тоже был ярдах в пятидесяти за Баркером. И быстро приближался. Так быстро, что у него останется всего несколько секунд на стрельбу, если он не замедлит ход. Так он, конечно, и поступит — разве что очень уж уверен в своей меткости.

Баркер нажал гашетку. Пули прошили фюзеляж во всю длину, раздробили голову пилота, лопнувшую, как шар, полный крови, и застучали по мотору.

Глазам собравшихся на берегу предстало странное зрелище. Три самолета летели друг за другом, а потом их стало четыре. Гинеме зашел в хвост Окабе. Он не был сверху, что было бы предпочтительней, и не имел той скорости, которую Окаба набрал в пике. Когда череп Фосса разлетелся на части, когда Баркеру прошило позвоночник и снесло макушку, Гинеме дал три очереди.

Одна вошла снизу Окабе в поясницу, рикошетировала от позвоночника и порвала солнечное сплетение.

После этого зрение Гинеме померкло, и он повалился вперед, невольно отжав рычаг, а кровь лилась из его руки и бока. Две пули Фосса попали-таки в цель.

Самолет, расписанный в шахматную клетку, летел вниз — он миновал вершину скалы, сокрушил несколько ярусов бамбуковых мостов и врезался в хижину. Оттуда взвился огненный столб, пламя горящего спирта охватило соседние хижины, и ветер нес его дальше.

Так вспыхнул пожар, которому предстояло выжечь всю округу.

Самолет с собачьей головой ударился о скалу, загорелся и рухнул вниз, ломая мосты и хижины, расшвыривая куски горячего металла и брызги горючего на много ярдов вокруг.

Самолет с красным кругом рухнул, крутясь, на пляж, прямо на головы не успевших разбежаться людей, пропахал путь через толпу и врезался в танцевальную площадку. Теперь там затанцевал огонь, мигом превратив все сооружение в оранжево-алый костер.

«Старый Чарли», проделав длинное пике, перевернулся и упал на кромку берега, пробил траншею в поросшей травой земле, сокрушил пятерых человек и уткнулся в ствол железного дерева.

Геринг, бледный и дрожащий, подумал: этот бой не доказал ничего, кроме того, что мужество и мастерство никого не спасают, что Фортуна разыгрывает свои карты, что эта война равно губительна для солдат и мирных жителей, для воюющих и нейтралов.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

АРМАГЕДДОН: «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» ПРОТИВ «РЕКСА»

Глава 30

Король Иоанн не стал тянуть.

Еще до того, как четверка летчиков образовала свое смертельное звено, он сказал в микрофон на контрольной панели рубки:

— Тайши!

— Да, капитан.

— Вперед! И да поможет тебе Бог.

За пятнадцать минут до этого открыли огромный люк на корме и спустили на воду большой двухместный самолет со складными крыльями. Он плавал на понтонах, а крылья в это время раскладывали и закрепляли.

Потом Сакануэ Тайши, сев на переднее пилотское место, запустил оба двигателя. Он прогревал их, следя за воздушным боем из своей открытой кабины. Место стрелка в хвосте занял Габриэл Герлихи.

Оба они были ветераны: японец — Второй мировой, австралиец, ирландец родом,— корейской войны. Тайши летал на торпедных бомбардировщиках имперского флота и встретил свой конец в битве за пролив Лейте.

О'Герлихи был пулеметчиком в пехоте и в авиации не служил, однако его назначили бортстрелком за исключительно меткую стрельбу. Говорили, что он играет на пулемете, как Харпо Маркс — на арфе.

И вот капитан, как и ожидал Тайши, отдал приказ вступить в бой. Тайши через шлемофон велел О'Герлихи сесть на место,

и самолет заскользил с попутным ветром вверх по Реке. Разбег был длинный, поскольку они несли десять ракет, каждая со стофунтовой боеголовкой, под крыльями и торпеду под фюзеляжем. Торпеда была снабжена электромотором и заряжена семьюстами фунтами кордита.

Самолет наконец оторвался от воды. Тайши поднялся на пятьдесят футов и сбросил понтоны. Шасси с двумя большими понтонами упало вниз, и самолет набрал скорость.

О'Герлихи, глядевший назад и вверх, видел, как разбились четыре истребителя, но ничего не сказал Тайши. Пилот был занят — он разворачивал машину на малой высоте к левому берегу. Потом Тайши провел самолет между двумя скалами, над самым верхним мостом. По плану следовало, держась над деревьями, пробраться, где возможно, между холмами и у самых гор повернуть по ветру. Потом лететь вдоль гряды, по-прежнему над самыми деревьями, потом свернуть направо, пересечь холмы, срезать угол над верхними крышами селения и нанести удар по «Внаем не сдается», выйдя на него с борта.

Тайши знал, что радар Клеменса будет вести их, пока они не покинут Реку, но надеялся впоследствии уйти от него и затем появиться внезапно из-за холмов.

Селектор упорно пытался привлечь внимание Клеменса, но капитан как будто не слышал. Он стоял с горящей сигарой во рту и со слезами на глазах шептал:

— Жорж! Билл!

Рядом стоял Джо Миллер в боевых доспехах, в стальном шлеме с тяжелым проволочным забралом, снабженным колбасообразным отростком для носа, в кольчуге, в перчатках из рыбьей кожи; пластиковый щиток защищал пах, алюминиевые — бедра и голени. В своей великанской деснице Джо держал обоюдоострый стальной топор весом в сотню фунтов.

Глаза титантропа тоже были влажны.

— Хорошие были ребята,— пробасил он.

— Капитан! — послышалось из селектора.— Радар докладывает: с «Рекса» снялся большой самолет!

— Что? — встрепенулся Сэм.

— Двухмоторный, понтонного типа. Взял направление на север, говорит радар.

Сэм уже полностью сосредоточился.

— На север? За каким чертом? Ага! Он делает крюк, чтобы атаковать нас с борта!

Он велел всем идти вниз, сам спустился по трапу в рубку и крикнул Джону Байрону:

— Отдали вы «Гусю» приказ о взлете?

— Да, сэр. В тот же момент, как радар засек их бомбардировщик! Они нарушили соглашение!

— Молодец.— Сэм выглянул в иллюминатор левого борта. «Гусь», большой торпедный бомбардировщик, шел по Реке носом к нему и как раз в этот миг оторвался, капая водой с белых понтонов. Минутой позже оба понтона упали в Реку, и течение унесло их.

— По местам стоять! — сказал Клеменс.

Байрон нажал на кнопку. Завыли сирены, но собравшиеся на палубе уже и так расходились по своим постам.

— Полный вперед!

Детвейлер, сидящий у руля, двинул оба рычага вперед до отказа. Мощные электромоторы заработали, и движимые ими колеса вспенили воду. Пароход точно прыгнул вперед.

— А неплохо придумал старина Иоанн,— сказал Клеменс.— Радируйте «Гусю» — пусть тоже выйдет на «Рекса» с борта.

Байрон передал, как было сказано. Сэм обратился к де Марбо, облаченному в дюралюминиевый шлем наподобие ведерка для угля, кольчужную рубаху и килт и кожаные сапоги. На поясе у него висела кобура с пистолетом «Марк-IV» и ножны с абордажной саблей.

— Скажите своим людям, пусть поднимают секретное оружие. Спешно!

Француз нажал кнопку селектора, связывающую с арсеналом.

— Вражеский самолет еще виден на радаре? — спросил Сэм оператора.

— Сейчас нет,— ответил Шиндлер.— Он ушел за холмы, к самым горам.

— Спорю на свое право голоса, что он пойдет над самыми деревьями и вот-вот выскочит на нас.

Де Марбо застонал.

— Что такое? — спросил Клеменс, видя его бледное лицо.

— Не знаю. Я, кажется, слышал взрыв. И на том конце никто не отвечает!

Лицо Сэма тоже приобрело серый цвет.

— О боже! Взрыв. Ступай вниз и выясни, что там стряслось!

Байрон, стоявший у другого селектора, сказал:

— Двадцать пятый пост докладывает: на двадцать шестом произошел взрыв.

Француз вошел в лифт и уехал.

— Сэр, вражеский самолет! — сказал оператор радара.— Приближается с левого борта, над самыми крышами, между вон теми скалами.

Сэм подбежал к окну и выглянул. Серебристо-синий нос самолета сверкал на солнце.

— Чисто летучая мышь из преисподней!

Сэм стиснул поручни, заставляя себя успокоиться, и обернулся. Байрон уже отдавал команду, да люди и сами должны были заметить самолет.

— Огонь не открывать, пока самолет не приблизится на пятьсот ярдов,— говорил Байрон.— Тогда дать ракетный залп. Орудия и стрелковое оружие открывают огонь на расстоянии двести пятьдесят ярдов.

— Нечего было ждать,— буркнул Сэм.— Надо было поднять лазер, как только эта птичка снялась. Не успел бы самолет сбросить торпеду, как луч разрезал бы его пополам.

Еще один недочет в полной недочетов жизни.

И какого черта стряслось там, внизу?

— Вон он! — сказал Джо Миллер.

Бомбардировщик, оставив за собой мосты у края холмов, мчался над травянистой равниной. Пилот, кто бы он ни был, вел свою тяжелую машину, словно легкий истребитель.

Теперь события развивались быстро. Самолет шел со скоростью не меньше пятидесяти миль в час. От берега до его цели — всего одна миля, но торпеду он сбросит футах в шестистах — даже ближе, если хватит смелости. Чем ближе, тем меньше шансы «Внаем не сдается» увернуться.

— Хорошо бы развернуть пароход носом, чтобы сузить площадь попадания. Но тогда сила заградительного огня снизится до минимума.

Сэм ждал. В тот момент, когда серебристое веретено отделится от носителя, он отдаст Детвейлеру приказ развернуть судно. Тогда самолет будет представлять меньшую угрозу, чем торпеда.

Если батареи судна не собьют его раньше, он сам поторопится убраться прочь.

— Пятьсот ярдов,— сказал Байрон, глядя на экран через плечо оператора. И скомандовал в селектор: — Ракеты — залп!

Двадцать серебристых заостренных цилиндров с огненными хвостами взвились в воздух, точно стая кошек, ловящая одинокую мышь.

Но пилот тоже обладал кошачьей реакцией. Из-под крыльев самолета вылетели двадцать ракет, более мелких, чем корабельные. Оба залпа, сойдясь, высекли облако огня, смешанного с дымом. Самолет вынырнул из этого облака так низко над Рекой, что казалось, будто он задевает брюхом волны.

— Вторая ракетная батарея — залп! — крикнул Байрон.— Орудия, стрелки — огонь!

Вылетела новая стая ракет. Паровые пулеметы излили поток 80-калиберных пластиковых пуль. 88-миллиметровая пушка на левом борту грохнула, изрыгнув пламя и серый дым. Десантники, размещенные между лафетами, палили из винтовок.

Акулье туловище торпеды отделилось от самолета, на высоте ста футов упало вниз и ушло под воду. Виден был только белый, пенный след.

— Лево руля! — сказал Сэм.

Детвейлер рванул на себя левый рычаг. Чудовищные колеса левого борта застопорили, остановились и стали пенить воду в обратном направлении. Пароход медленно развернулся.

Тайши, почувствовав, как легко стало самолету без торпеды, взял рычаг на себя. Нос машины задрался вверх, и двойная мощь двигателей вознесла ее над судном. Тайши перегнулся через борт кабины, и ветер с силой ударил ему в лицо. Несмотря на чистую воду, торпеды пилот не увидел — она осталась позади.

Впереди блеснули на солнце ракеты с дымовыми хвостами. Опять залп! Самонаводящиеся к тому же.

Если бы все обернулось по-другому, Тайши прошел бы над летной палубой, развернулся и вернулся обратно на бреющем полете. О'Герлихи стоял, держась одной рукой за край кабины, выжидая, когда самолет снизится на нужную для пулеметного огня высоту. Но ему так и не пришлось разрядить свой сдвоенный 50-калиберный пулемет.

Самолет, Тайши и О'Герлихи исчезли в облаке дыма, из которого во все стороны брызнули металл, плоть, кости и кровь.

Один из моторов, описав дугу, рухнул на летную палубу около пушки; потом он перекатился через борт и упал на ураганную палубу, задавив двух человек.

Кто-то кричал, вызывая пожарную команду.

Сэм Клеменс из левого окна увидел взрыв, мельком заметил темный предмет и почувствовал сильный толчок.

— Что там за черт? — буркнул он, не спуская глаз со следа торпеды — она приближалась, зловещая, как акула, и куда более быстрая.

Хоть бы пароход разворачивался быстрее — экая махина.

Геометрическая задачка со смертельным ответом. Торпеда чертит прямую линию, которая есть кратчайшее расстояние между двумя точками — в этом случае определенно. А пароход описывает круг, чтобы не оказаться на конце этой линии.

Сэм ухватился за поручни и так яростно закусил сигару, что перегрыз ее — конец, откушенный не полностью, повис и обжег Сэму подбородок. Сэм взвыл от боли лишь несколько секунд спустя. Когда торпеда царапнула о корпус, он не чувствовал ничего, кроме предельной тревоги.

Потом она ушла дальше, к берегу, и Сэм, нащупав сигару и обжегши руку, выбросил сигару.

— Выровняй судно,— сказал он Детвейлеру.— Курс прежний, полный вперед.

Байрон, глядя в правое окно, сказал:

— Торпеда врезалась в берег, капитан. Мотор еще работает, но она завязла в иле и встала торчком.

— Пускай они и беспокоятся,— сказал Сэм, имея в виду людей на берегу.— Ох ты! — Он спохватился, что совсем забыл о взрыве близ камеры секретного оружия.— Байрон! Марбо ни о чем не докладывал?

— Нет, сэр.

Аппарат на переборке загудел. Байрон ответил, а Клеменс стоял рядом.

— Говорит де Марбо. Капитан занят?

— Я слушаю, Марк! — сказал Сэм.— Что случилось?

— Лазер взорван! Полностью уничтожен! Вся охрана, включая Фермера, перебита, как и четверо солдат, подоспевших на место происшествия. Расчет стал жертвой взрыва, а те четверо застрелены! Капитан, у нас на борту диверсант или диверсанты!

Сэм застонал, и на миг ему показалось, что он падает в обморок. Он удержался, опершись рукой о стену.

— Вам нехорошо, сэр? — спросил Байрон, не менее бледный, чем, по мнению Сэма, был он сам, но не поддавшийся истерике.

Сэм выпрямился, глубоко вздохнул и сказал:

— Я в порядке. Проклятый сукин сын! Надо было поставить туда двадцать человек! Надо было поднять его сразу! А теперь прощай наш туз в рукаве! С ним бы у Иоанна не осталось никаких шансов. Нельзя недооценивать человеческий фактор, Байрон!

— Да, сэр. Я предлагаю...

— Снарядить людей на розыски этого ублюдка? Или ублюдков? Они давно уж вернулись на свои места. Если только не замышляют повредить генераторы. Пошлите людей в машинное отделение для усиленной охраны. И проверьте посты. Проверьте, не уходил ли кто с поста по какой бы то ни было причине. Может, среди таких есть и невиноватые, но рисковать нельзя. Всех, кто уходил с поста, поместить в арестантскую! Даже офицеров и даже если причина была веская. Нельзя вести бой с Иоанном, опасаясь ежеминутно удара в спину!

— Есть, сэр! — И Байрон начал вызывать посты по порядку номеров.

— Вражеское судно в пяти милях от нас, капитан,— доложил главный оператор радара.— Двигается со скоростью пятьдесят пять миль в час.

Предельная скорость «Рекса» в спокойной воде и без попутного ветра была сорок пять миль. Только с помощью течения и ветра он мог развивать такую же скорость, как «Внаем не сдается».

— «Гуся» не видно пока?

— Нет, сэр.

Сэм взглянул на хронометр. Самолет, вероятно, все еще летит вдоль горной гряды над самыми верхушками деревьев и даже ниже, если возможно. Но «Рекса» в одиночку он атаковать не будет. Ему приказано дождаться момента, когда «Рекс» вступит в схватку с его кораблем. Вот когда команда Иоанна будет вести огонь по врагу, «Гусь» выскочит из-за деревьев, промчится над Рекой и атакует «Рекса» сбоку. Будь у Иоанна хоть что-то в голове, он и свой бомбардировщик придержал бы до настоящего боя.

Он, видно, полагал, что люди Клеменса будут так заняты воздушным боем, что налет захватит их врасплох.

— Вражеское судно в четырех милях, капитан. Прямо по курсу.

Сэм закурил новую сигару и попросил медика смазать чем-нибудь ожог на подбородке. Смоллетт помазал, и Клеменс встал у правого иллюминатора, глядя на дым пожара на левом берегу, в четверти мили впереди. Огонь пожирал бамбук, сосну и тис. Куски горящего дерева летели по ветру, падая на мосты и дома. Люди суетились, вынося пожитки из хижин и спасаясь по лестницам от пожара. Другие выстраивались в цепочки, передавая от Реки граали и глиняные ведра с водой и заливая огонь. Это была безнадежная затея — ничто не помешает огню взять свое. Половина жителей, похоже, придерживалась как раз такого мнения — эти сгрудились на равнине, около немногих уцелевших домов, и ждали, когда сойдутся в бою корабли.

— Для начала мы сровняли с землей Виролaндо,— сказал Сэм неизвестно кому.— Популярности нам здесь не видать.

— Враг в трех милях, сэр.

Сэм подошел к селектору, где Байрон все еще опрашивал посты. Позади маячила огромная туша Джо, и Сэм улавливал аромат бурбона, источаемый титантропом. Джо любил выпить глоток перед боем. Не потому, что это требуется ему для храбрости, объяснял он. Просто это полезно для желудка: брожение унимается.

— Кроме того, Зэм, мне требуетзя много энергии. Ты зам говоришь, что алкоголь дает энергию. А я ее зжигаю, как мотор — горючее. И я вон какой большой.

— Да, но не целую же четверть?

— Пока с поста никто не отлучался,— сообщил Байрон.

— А езли кто попизать отходил? — сказал Джо.— Мне взегда охота пизать перед боем. Даже замый большой храбрец — а я такой — чувзтвует напряжение. Это не нервы — прозто напряжение.

— И количество выпитого тут, конечно, ни при чем,— сказал Сэм.— Будь во мне четверть виски, я из гальюна бы не вылазил. И мне бы еще повезло, если б я его нашел.

— Визки прочищает мне почки. А когда почки чизтые, то и голова чизтая. Ничего, гальюн выдержит.

— У вас с гальюном много общего. У обоих недержание.

— Ты говоришь гадозти, потому что нервничаешь.— И Джо потрепал Сэма по плечу ручищей с пальцами как бананы.

— Не фамильярничай с капитаном,— велел Сэм, но ему полегчало. Джо любит его и никогда не подведет. Ну что может слу-

читься с Сэмом Клеменсом, когда его охраняет этакое страшилище? Может кое-что. Пароход могут потопить, будь таких Джо хоть десяток.

Глава 31

«Рекс грандиссимус» стал виден и походил на белую расплывчатую глыбу, идущую навстречу. Шли минуты, и его контуры делались четче. На миг Сэм Клеменс ощутил боль в груди. «Рекс» был его первым кораблем, первой любовью. Сэм сражался за металл для него, убивал, расправился даже со своим сторонником — где-то теперь Эрик Кровавый Топор? — помогал разрабатывать его проект до последнего болтика — и вся борьба, вся пролитая кровь пропала впустую, когда король Иоанн увел корабль. И вот теперь «Рекс» воюет против Сэма. Жалко губить корабль — ведь таких всего два на целой планете.

Сэм еще сильнее ненавидел Иоанна за то, что тот вынуждает его топить такого красавца. Но, может быть, еще удастся взять «Рекс» на абордаж. Тогда корабли поплывут до истока Реки вдвоем.

Сэму всегда было свойственно перескакивать от глубочайшего пессимизма к глупейшему оптимизму.

— Две с половиной мили,— доложил оператор радара.

— «Гусь» не просматривается?

— Нет... да, сэр! Появился! В трех милях от правого борта, над самыми холмами! Вражеское судно разворачивается правым бортом, сэр,— добавил оператор.

Сэм посмотрел в носовой иллюминатор. Точно — «Рекс» разворачивался, показывая подходящему «Внаем не сдается» корму.

— Какого дьявола он делает? Ведь не драпать же он собрался? Каким бы ублюдком ни был Иоанн, трусом его не назовешь. Да и команда не позволила бы ему. Нет, он задумал какую-то пакость.

— Может, у него какие-то неполадки? — предположил Детвейлер.

— Если и так, нам они неизвестны. На радаре — определить его скорость.

— Вражеское судно идет при тридцати пяти милях в час, курсом на вест, сэр.

— Это его предельная скорость против течения и ветра. У них все в порядке — на глаз по крайней мере. С какой же такой стати

они бегут? Спрятаться-то им все равно негде.— Сэм закатил глаза, ища ответа.— Сонар! Посторонних объектов не замечено? Вроде мины, скажем.

— Нет, сэр. Под водой все чисто, не считая рыбьих косяков.

— Это как раз в духе Иоанна — понаделать мин и раскидать их у нас на пути. Я бы и сам это сделал на их месте.

— Да, но ведь он знает, что у наз езть зонар.

— Я бы все равно попробовал. Спаркс, передайте Андерсону — пусть не подходит, пока мы не вступим в бой или не передадим дальнейших указаний.

Радист передал распоряжение пилоту «Гуся», Йену Андерсону — шотландцу, летавшему на британском торпедном бомбардировщике во время Второй мировой войны. Его стрелок Теодор Заимис, грек, летал в том же качестве на «галифаксах», совершая ночные налеты на Францию и Германию — тоже во Вторую мировую.

Андерсон доложил, что понял приказ. Радар продолжал следить за «Гусем», идущим примерно на том же уровне на восток.

Солнце медленно клонилось к закату, а «Внаем не сдается» сокращал расстояние между собой и «Рексом».

— Может, Иоанн не знает, как быстро ходит наш пароход,— бормотал Сэм, шагая взад-вперед и глядя на толпы, собравшиеся по обоим берегам, облепившие скалы и мосты.— Ну чего они тут торчат? Не знают, что ли, что на них вот-вот посыплются ракеты и снаряды? Иоанн мог бы хоть предупредить их!

Показался огромный красно-черный собор, приблизился и снова стал уменьшаться. Теперь между преследователем и бегущим осталось всего полмили. Сэм приказал Детвейлеру сбавить ход.

— Я не знаю, что он замышляет. Того и гляди влетим на полном ходу в какую-нибудь западню.

— Он, похоже, направляется в пролив,— сказал Детвейлер.

— Следовало ожидать.

Горы сужались, почти смыкаясь в миле по ходу судна. Там черные и белые, меченные красным утесы образовывали отвесные стены, между которыми бурлила Река. «Рекс», хотя и шел, видимо, на полной мощности, стал делать всего двадцать миль в час. Он будет продвигаться еще медленнее, войдя в этот узкий и темный проем.

— Ты действительно думаешь, что он намерен провести пароход на ту сторону? — Сэм хлопнул кулаком о ладонь.— Разрази его гром, так и есть! Он хочет подкараулить нас на выходе из пролива!

— Но ты же не настолько глуп? — отозвался Джо Миллер.

Сэм, не обращая на него внимания, велел радисту:

— Вызови мне Андерсона!

Пилот «Гуся» изъяснялся с сильным нижнешотландским акцентом.

— Ладно, сейчас слетаем поглядим, что там этот поганец задумал. Только нам понадобится время, чтобы перевалить через гору.

— А ты не переваливай — лети прямо через пролив. И если представится случай — атакуй! Есть что-нибудь новое? — спросил Сэм у Байрона.

— Я сообщу, как только будет,— немного раздраженно ответил тот.

— Извините, Джон,— рассмеялся Клеменс.— Но от одной мысли, что кто-то закладывает взрывчатку внизу... как-то неуютно. Продолжайте.

— Вот оно,— сказал Байрон, слушая рапорт офицера двадцать шестого поста. Сэм подошел и встал рядом.

— Мичман Сантьяго отлучался около получаса назад, сэр,— говорил Шиндлер.— Он назначил меня ответственным, сказал, что у него понос на нервной почве и надо скорее облегчиться, иначе сраму не оберешься. Сказал, что сразу вернется. Но вернулся только через десять минут, хотя я ничего такого не подумал, сэр,— он сказал, что не мог остановиться. Он выглядел, точно вылез из-под душа, сэр,— весь мокрый. И объяснил, что запачкался, поэтому пришлось наскоро принять душ. Потом, сразу после переклички, он отлучился опять. И больше не вернулся.

— Двадцать седьмой, доложите обстановку! Может быть, он не единственный,— объяснил Байрон Сэму.

После опроса всех тридцати пяти постов выяснилось, что больше никто не отлучался даже на минуту.

— Он или прячется где-нибудь, или сиганул за борт,— заметил Сэм.

— Сомневаюсь, чтобы ему удалось покинуть корабль незамеченным,— возразил Байрон.

Сэм вызвал де Марбо:

— Соберите всех своих десантников, всех до единого, и пусть ищут Сантьяго. В случае сопротивления стреляйте. Однако я хотел бы побеседовать с ним, если это возможно. Сантьяго плавает с нами с самого начала,— сказал Сэм Байрону.— Его мог подослать к нам Иоанн, хотя откуда он проведал о лазере, мне непонятно. Мы думать не думали о таком оружии, пока Иоанн не увел пароход. И откуда, ради всего святого, узнал о лазере Сантьяго? Даже сексуальную жизнь королевы Виктории не держали в таком секрете.

— У него было достаточно времени, чтобы это разведать. Он хитрая бестия. Никогда не доверял латинянам.

— А мне он нравился. Всегда проявлял дружелюбие, отлично исполнял свои обязанности и чертовски здорово играл в покер.

Сантьяго был венесуэльским моряком семнадцатого века и десять лет водил боевой фрегат. Потерпев крушение у неизвестного карибского острова и выбравшись на берег, он погиб под копьями индейцев. Но это лишь ненамного ускорило его смерть — сифилис изглодал Сантьяго до последней степени.

— Он, конечно, жутко ревновал своих женщин,— продолжал Сэм,— и страдал этим дурацким латиноамериканским махизмом. Но когда одна из женщин, чемпионка дзюдо из двадцатого века, его побила, он переменил свои взгляды и стал ценить своих дам на вес золота.

Однако характер Сантьяго анализировать было некогда — имелись вопросы поважнее. Например, как мог Иоанн узнать, что его агент добился успеха? О лазере Иоанн ничего не знал. Он мог, правда, заранее поручить Сантьяго взорвать какую-нибудь жизненно важную систему корабля, но тот не сумел выполнить приказ, поскольку генераторы и электромеханический пульт слишком хорошо охранялись.

Но если взрыв не был виден издалека — откуда Иоанну знать, что агент выполнил свою работу? Может, у них разработана система сигналов? Но Сантьяго никаких сигналов не посылал.

Разве что у него где-то на судне спрятана рация. Работающая на частоте, которую пароход не...

Сэм ощутил слабую вибрацию — не ту, что создавали колеса.

Он выглянул в кормовой иллюминатор. С правого борта виднелись струйки дыма, идущие, похоже, с ураганной палубы. Сэм ринулся к селектору и рявкнул:

— Посты пятнадцать и шестнадцать! Что у вас там?

— Докладывает старшина Анита Гарибальди, семнадцатый пост! — ответил спокойный голос.— Произошел взрыв, сэр! Пробита переборка, и проводка на ней повреждена!

Детвейлер выругался.

— В чем дело? — обернулся к нему Сэм.

— Управление отказало.

Сэм уже и сам это видел. Колеса замедляли ход и скоро остановились, как увидел он с кормы. Нос парохода, сносимый течением, медленно поворачивался вправо.

Детвейлер нажал на клавишу, около которой вспыхнул огонек, и снова взялся за рычаги. Колеса завертелись, набирая скорость. Корабль вернулся на прежний курс.

— Запасная система сработала,— сказал Детвейлер.

Сэм усмехнулся краем рта, хотя веселья не испытывал.

— Сантьяго, наверно, не знает о ее существовании. А ведь это Иоанн подал мне мысль установить ее! Подорвался на собственной мине! — Нажав клавишу «всем постам», он заорал в селектор: — Эй ты, убогий микроцефал-недоумок! Будь у тебя в сто раз больше мозгов, они и то уместились бы в заду у комара! Найти Сантьяго немедленно!

— Прямо по курсу пролив, капитан,— доложил Детвейлер.

Над рубкой мелькнула тень и прокатился рев моторов. Это пронесся на двухсотфутовой высоте «Гусь». Светя прожектором, он вошел в темный проход, уменьшаясь во мраке, и пропал за поворотом.

— Можем мы держать связь с «Гусем»? — спросил Сэм у радиста.

— Возможность есть, сэр. Длинные волны проникнут за поворот.

Сэм отошел было, но тут же вернулся на возглас радиста:

— Боже! Пилот сообщил, что в них попали. Горит правый мотор! Ракета! — Радист поднял бледное, вытянувшееся лицо.— Это все, капитан.

Сэм выругался.

— Иоанн, как видно, поджидал самолет! Он знал, что я пошлю его на разведку!

Ну почему он не позволил Андерсону, как хотел тот, лететь через гору? Тогда ракеты не достали бы самолет или пилот успел бы

ускользнуть. Но нет, Иоанн хорошо знает своего бывшего компаньона, знает, как Сэм нетерпелив. Иоанн ждал — и вот вывел из строя торпедный бомбардировщик.

Но «Рекс» ушел в пролив не только затем, чтобы сбить самолет. Он...

— Капитан! — раздался надтреснутый голос де Марбо.— Мы только что нашли Сантьяго! Он прятался за переборкой, а потом кинулся в проход и почти уже добрался до борта. Джонстон остановил его выстрелом в голову.

— Подробности после,— сказал Сэм.— Продолжайте поиск других агентов. Ищите...

— Ракеты! — завопил Детвейлер.

Глава 32

Сэм оглянулся и увидел, как серебристая тень сверху ударила в основание мостика. Раздался оглушительный взрыв; палуба закачалась. Сверху снова несся вой. Мостик затрясся. Окна со всех сторон заволокло дымом, но ветер вскоре унес его.

— Какого черта! — беспрестанно повторял Сэм.

— Это оттуда.— Детвейлер, отпустив ненадолго рычаг, показал вверх и направо.

— Уводи пароход! — заорал Сэм.— Вниз!

Рулевой уже дал полный ход. Крутой мужик этот Детвейлер.

Снова серебристая вспышка. Дюжины вспышек. Взрывы. Ракетная батарея правого борта исчезла в облаке огня и дыма. Прямое попадание — и неизвестно, кто и откуда стреляет!

— Зигзагом иди! — крикнул Сэм.

Еще три прямых попадания, не считая ракет, упавших в воду по обоим бортам и за кормой.

— Радар поврежден,— сказал Байрон. Он дал команду корабельным батареям отвечать огнем, ведя его на глаз.

— Да где же они? — недоумевал Сэм.

— На скале! — в один голос ответили Байрон и Детвейлер.

— Вон, гляди! — сказал Джо, указывая в кормовой иллюминатор.

Пока Байрон опрашивал посты о повреждениях и потерях, Сэм взглянул туда, куда указывал массивный палец титантропа. Футах в пятистах над ними, там, где раньше была гладкая стена, в

скале виднелось углубление футов тридцать в длину и семь в высоту. Оттуда выглядывали крохотные лица, и солнце сверкало на ракетах и пусковых установках.

— Боже ж ты мой!

Стало быть, люди Иоанна обнаружили в скале пещеру и перетащили туда ракеты, а вход замаскировали, к примеру, куском папье-маше, расписанным под лишайник. Ракетчики сидели там в засаде, а Иоанн тем временем ушел в пролив.

— Обманули дурака! — простонал Сэм.

Прошла минута, как пароход свернул вниз по течению. Сэм, хотя уже видел опасность, подскочил, когда из отверстия вылетело с дюжину больших ракет, на миг осветив пещеру.

— Лево руля! — взревел он.

В цель попала только одна ракета, разбив паровой пулемет — оттуда взвились в воздух куски тел и металла. Когда рассеялся дым, стала видна зияющая дыра там, где были лафет, пулемет, трое мужчин и две женщины.

На миг Сэм оцепенел, не в силах двинуться, а из головы исчезли все мысли, кроме одной: война — не моя стихия. Ни один мыслящий человек не создан для войны. Надо было подумать об этом заранее и предоставить командование Байрону. А я возомнил о себе. А Джон хитер, очень хитер — и притом у него в советниках прославленный датчанин Торденскьолд.

Потом Сэм сообразил, что пароход движется к берегу. Байрон, словно издалека, спрашивал:

— Вернуть корабль на курс, капитан?

— Зэм, Зэм,— рокотал Джо.— Гозподи, мы же зейчаз врежемзя в берег!

Сэм заставил себя подать голос.

— Курс меняется. Направьте его вниз по Реке и вернитесь на середину.

На главной палубе лежали убитые: Янгблад, Черни, де Гроот. И верхняя часть красавицы Анн Мэти, бывшей голливудской звезды. Точно китайская кукла, изувеченная злобным ребенком.

Сэм и раньше видел трупы и кровь — он уже не тот юнец, что играл в солдата Конфедерации. И нет здесь Дикого Запада, куда можно сбежать, оставив гражданскую войну тем, кому она по вкусу. Тут дезертировать некуда.

Страх в нем сменился гневом. Чаша бурбона, поданная Джо — славным старым Джо,— еще подогрела злость. Будь прокляты

Иоанн и его подлые выдумки! Он, Сэм, отправит его в ад и сам последует за ним, если надо.

— Нельзя ли нам вышибить этих ублюдков из пещеры? — спросил он Байрона.

— Думаю, можно,— поразмыслив, сказал тот.— И если у них кончились снаряды, незачем тратить на них наш запас.

— На установках ракет не видно,— сказал Сэм.— Но они могут прятать их, дожидаясь нашей атаки. Давайте-ка вернемся и проверим. Не хочу, чтобы эти гиены смеялись над нами.

Байрон вскинул брови, считая, как видно, глупым снова идти на риск, однако ответил: «Да, сэр» и вернулся к селектору. Сэм отдал команду Детвейлеру. И пока «Внаем не сдается» поворачивал обратно, ракетные расчеты готовились выполнить свою задачу.

Байрон ровным голосом доложил: двенадцать убитых, тридцать два тяжелораненых. Одиннадцать раненых можно быстро починить и вернуть на места. Один паровой пулемет, одна ракетная батарея, одно орудие выведены из строя. При этом взорвались ракеты и снаряды, нанеся больше вреда, чем неприятельский обстрел. В летной палубе имеются две большие пробоины, и сорваны каюты на нижнем ярусе мостика. Сам мостик пока держится, но если в него попадет еще одна ракета, ничего гарантировать нельзя. Огневая мощь снизилась, но сам пароход полностью в норме.

Хуже всего то, что разбиты радарные антенны.

Посмотрев на пещеру, Сэм увидел, что сидящие там люди заряжают установку новыми ракетами.

— Байрон, по моему приказу открывайте огонь! — сказал он.

Байрон дал батареям команду приготовиться. Пароход находился в восьмистах ярдах от подножия скалы. Сэм приказал Детвейлеру повернуться к утесу правым бортом и предоставить судно течению, пока не отстреляются корабельные батареи. На правом борту была 88-миллиметровая пушка, стреляющая гораздо точнее ракет, и пневматическая пушка.

Получив приказ Сэма, 88-миллиметровая изрыгнула огонь, дым и гром, пневматическая же ухнула. Один снаряд попал чуть выше пещеры, другой чуть ниже. Второго залпа не понадобилось. Ракеты в пещере взорвались — должно быть, от нижнего попадания,— и утес окутало облако, из которого полетели осколки и разорванные тела.

Дым рассеялся, в пещере остался только покореженный металл.

— Ну, думаю, им там всем каюк,— удовлетворенно сказал Сэм. Враги — не люди. Это орудия, которые могут убить его и которых поэтому надо убивать заблаговременно.— Выведи ее опять на середину за четверть мили от пролива. Байрон, поднимайте вертолет.

— Король Иоанн тоже поднял свой,— сказал помощник, указывая в ущелье.

Сэм увидел на высоте двух тысяч футов крошечную машинку на фоне темных ворот пролива.

— Я не хочу, чтобы Иоанн видел, что мы делаем,— сказал он.— Надо, чтобы Петроский избавился от соглядатая.

Сэм вызвал де Марбо. Инструкции заняли две минуты, затем де Марбо отдал честь и отправился выполнять задуманное.

Петроский, вертолетчик, прогрел мотор и взлетел с двумя стрелками на борту. К его фюзеляжу были прикреплены десять мелких самонаводящихся снарядов — частью их планировалось сбить вражескую машину, остальными нанести удар по «Рексу».

Сэм следил, как вертолет медленно поднимается, отягощенный своим смертоносным грузом. Потребовалось некоторое время, чтобы он набрал ту же высоту, что вертолет у входа в ущелье. Сэм спросил де Марбо, как дела у него. Француз ответил с кормы, что оба катера уже почти загружены ракетами и можно отправляться через несколько минут.

— Я скажу, когда станет чисто,— предупредил Сэм.

Машина Петроского достигла наконец нужной высоты. Другой вертолет сохранял прежнее положение. Но когда его пилот увидел, что белая неприятельская машина продолжает подниматься, он развернул свой вертолет и устремился прочь.

Оператор радара, теперь поставленный впередсмотрящим, сказал:

— Скорость вражеского вертолета примерно восемьдесят пять миль в час.

— Значит, он идет быстрее нашего,— заметил Сэм.— Потому что несет гораздо меньше груза. Байрон, скажите де Марбо — пусть отправляется.

Огромный люк на корме открылся. Более крупный катер, «Афиши не расклеивать», выскользнул из наполненного водой отсека и, оставляя за собой белый след, пошел к берегу. За ним

двинулся второй, «После вас, гасконец». Оба были нагружены ракетами, разобранными пусковыми установками и десантниками.

Из приемника послышался голос Петроского:

— Враг ушел за поворот. Поднимаюсь еще на две тысячи футов, прежде чем следовать за ним.

В ожидании следующего донесения Сэм следил за катерами. Они уже уткнулись носами в низкий берег, и люди прыгали в воду, разгружая оружие и технику. Каждый должен был прихватить с собой сорокафунтовый снаряд или часть установки.

— Иоанн, наверное, послал вперед команду с крючьями и веревками,— сказал Сэм.— Потом они подняли талями тяжелые ракеты с палубы «Рекса». Это, конечно, делалось ночью, чтобы вироландцы не видели. Та еще, поди, была работенка. Жаль, что у нас нет времени на установку тяжелых ракет. Но и легкие наделают много вреда, если попадут в нужные узлы «Рекса».— Сэм потер руки и выпустил облако дыма.— Славно будет поменяться местами со стариной Иоанном. Поймать его в его же ловушку.

— Если успеем,— сказал Байрон.— Вдруг «Рекс» вывалится из пролива прежде, чем мы разместим батарею?

— Возможно, но маловероятно,— нахмурился Сэм.— Войдя в пролив, Иоанн сможет двигаться только вперед. Развернуться там негде, хотя бы и на одном колесе. И он знает, что мы, скорее всего, поджидаем его у выхода — там, где радар не видит и сонар не слышит. И что мы оторвем ему задницу, как только он покажется.

— А может, он дазт задний ход,— сказал Джо.

— Ага — когда два орудия и пятьдесят ракет выпалят ему по мостику, а четыре торпеды — по корпусу? — фыркнул Сэм.— И хотел бы я посмотреть, как он даст задний ход против такого течения, когда по сторонам у него всего тридцать футов. Детвейлер не смог бы. Даже я бы не смог!

Ожидание длилось. Сэм наблюдал за длинной вереницей десантников, каждый с серебристым цилиндром или с частью установки. Внезапно вышел на связь де Марбо:

— Я нашел тропу.

— Я видел, как вы машете рукой,— сказал Сэм.— Вам понадобится около часа, чтобы добраться до пещеры. Она не так уж высоко, но по тропе, наверное, долго идти.

— Постараемся побыстрее. Но совсем быстро не получится — тропка узкая.

— Я полагаюсь на вас.

— Петроский на связи,— сказал радист.

Сэм услышал пилота, не успев еще дойти до радио.

— Мы спустились к самой воде. Я решил выйти из пролива на высоте их рубки. Их радар засечет нас, как только мы обогнем последний поворот, но я рассчитываю сбить им наводку. Шесть ракет в мостик, шесть для вертолета, где бы он ни был — в воздухе или на летной палубе.

Голос у Петроского был счастливый. Этот неистовый поляк летал в британской авиации, сражаясь с Гитлером. После войны он не захотел возвращаться в коммунистическую Польшу и эмигрировал в Канаду, где сначала водил кукурузник, а потом полицейский вертолет.

— А, черт! — рявкнул он.— Пароход болтается прямо у выхода, носом ко мне! И четверти мили не будет! Пожелайте мне удачи!

Мотор и винт ревели вовсю, но голос Петроского перекрыл их.

— Первые шесть пошли! — Две секунды, и затем: — Есть! В рубку не попал, зато дымовые трубы рухнули к черту! Иду наверх! Сильный заградительный огонь. Ничего не вижу в дыму. Ага! Вот и вертолет, на летной палубе! Сейчас...

Радист посмотрел на Сэма:

— Сожалею, капитан. Связь оборвалась.

Сэм свирепо загасил свою сигару о приемник и швырнул ее на палубу.

— В него, наверно, ракета попала.

— Возможно.— Глаза радиста были влажны. Он десять лет дружил с Петроским.

— И неизвестно, разбомбил он вертолет Иоанна или нет.— Сэм вытер глаза костяшками пальцев.— Черт, я опять вляпался, а расплатился он...

Байрон снова поднял брови, видя столь непрофессиональную реакцию.

— Ну да, я знаю,— сказал Сэм.— Мы попались в его ловушку. Пускай. И я знаю, о чем еще вы думаете. Нам следовало бы поберечь свою разведтехнику, выражаясь по-военному. Теперь вертолет Иоанна будет следить за нами, если Петроский его не уничтожил.

— Мы пошли на риск, и это, возможно, оправдалось,— сказал Байрон.— Возможно, Петроский поразил и рубку, и вертолет. У него не было времени, чтобы доложить точно.

Сэм опять стал шагать взад и вперед, дымя так яростно, что кондиционер не успевал справляться. Потом остановился и бросил сигару, точно метя острогой в мысль — и, кажется, попал.

— Иоанн не пойдет обратно, пока не будет знать, где мы. Поэтому он вышлет на разведку либо вертолет, либо катер. Мы в любом случае стрелять не будем. Байрон, прикажите де Марбо не стрелять, что бы ни вышло из пролива. И затаиться. Детвейлер, поворачивайте к питающему камню около храма. Там причалим и займемся ремонтом.

— Почему, Зэм?

— Почему? Чтобы шпионы Иоанна увидели нас там. Чтобы Иоанн, если он намерен атаковать, знал, что засады нет. Скорей всего, он подумает, что ракеты со скалы так потрепали нас, что дело наше плохо. И будет знать, что успеет пройти через пролив, прежде чем мы его перехватим. Тогда-то мы и разыграем последний роббер, причем ройял-флэш будет на руках у нас — так я надеюсь.

— Зэм, а ежли Петрозкий взе-таки взорвал рубку? И Иоанн-злодей убит? Может, они не могут больше дратьзя.

— Я пока не вижу никого под белым флагом. Отступим и будем надеяться, что Иоанн клюнет. А тем временем проведем свою разведку. Байрон, пошлите «Гасконца». Скажите Планкетту — пусть пройдет через пролив на предельной скорости, быстро глянет, что там и как, и скорее чешет обратно.

— Могу ли я внести предложение? — спросил Байрон.— На «Гасконце» есть торпеды.

— Нет, гром и молния! Я не стану больше посылать своих ребят на верную смерть! Дело и так достаточно опасно, как сказал старый холостяк старой деве, сделавшей ему предложение. Их может атаковать вертолет, хотя вертолет и «Гасконец», в общем, равные противники. Если вертолет погонится за катером, пусть де Марбо открывает огонь. Мы получим свои данные, а Иоанн пусть себе ломает голову, куда девался его вертолет. Он, конечно, не утерпит и пошлет катер — а катер мы не тронем. В любом случае Иоанн не двинется с места, пока не стемнеет,— так я думаю.

Байрон передал приказания. Белоснежный «Гасконец» отчалил от берега и направился в пролив. Его командир, младший сын ирландского барона, был когда-то флотским адъютантом короля Георга V, а затем адмиралом. Ветеран сражений при Гельголанде, Доггер-банке и Ютландии, он был кавалером Большого Креста, голландского ордена Оранского-Нассау и российского Св. Станислава второй степени с мечами. Он также приходился сродни знаменитому писателю-фантасту лорду Дунсени, а через Дунсени — знаменитому первооткрывателю Ричарду Фрэнсису Бёртону.

— Сэр,— сказал Джон Байрон,— мы, кажется, не все предусмотрели. Десантники еще далеко не завершили установку ракет. Если вражеский вертолет или катер погонится за «Гасконцем», де Марбо не сумеет прикрыть наш катер. Притом противник может заметить наших людей на горной тропе. И поймет, что мы готовим засаду.

— Вы правы,— неохотно признал Сэм.— Ладно. Скажите его светлости, пусть поворачивает и остается на месте, пока де Марбо не устроится. Ни к чему тратить горючее, делая круги впустую.

— Да, сэр.— Байрон переговорил по радио с Планкеттом и заметил: — Только именовать адмирала его светлостью не совсем правильно. Как младший сын пэра, он не имеет права на титул. А поскольку его отец барон, низший по титулу среди пэров, адмирал не может называться даже достопочтенным.

— Я пошутил,— сказал Сэм.— Избави меня, боже, от британской чопорности!

Во взгляде маленького англичанина читалось, что в рубке шутливость неуместна. Возможно, он и прав, подумал Сэм. Но без острого словца тоже нельзя. Только оно способно разрядить обстановку. Если Сэм не будет острить, его котелок взорвется. Глядите, какие красивые осколки. Это от Сэма Клеменса.

А вот Байрон тверд и хранит спокойствие в любой ситуации, как человек, распродавший свои акции перед биржевым крахом.

Пароход все еще оставался на середине озера, хотя уже направился к берегу. На севере все заволакивала черная пелена — дым от пожара, зажженного упавшими самолетами. Похоже, пожар разгорится еще сильнее, если только дождь не потушит его. Местные жители определенно не должны питать любви ни к королю Иоанну, ни к Сэму. Хорошо, что здесь живут пацифисты. Ина-

че они могли бы всерьез воспротивиться, когда вечером к их питающему камню подошли бы те, в ком они видят убийц и поджигателей. Гигантский батацитор необходимо подзарядить, хотя в нем еще имеется запас энергии, а команде нужно наполнить свои граали. Вряд ли «Рекс» появится именно тогда. У «Рекса» те же нужды.

Разве только Иоанн решит застать противника врасплох. Он может попытаться. Запас энергии у него не истощен — «Рекс» не весь день находился в движении. Заряда может хватить еще на много часов.

Нет, не станет Иоанн этого делать. Он ведь не знает, что противник лишился радара, и будет опасаться, что «Рекса» обнаружат, как только он покажет нос. А до «Внаем не сдается» три мили по озеру. Пока «Рекс» дойдет, кабель с наконечником втянут обратно, и «Внаем» двинется навстречу врагу.

Вот если бы у Сэма осталась авиация, чтобы разведать, когда будет подзаряжаться Иоанн! Подойди «Рекс» к камню около самого пролива, «Внаем» мог бы застукать его. Нет, Иоанн не так прост. Он отойдет подальше, чтобы не попасться. И сообразит, что Сэм Клеменс примет те же меры предосторожности.

Но если Иоанн вправду думает так, почему бы, подзарядившись, не свалиться Иоанну как снег на голову?

Эх, знать бы топографию, знать бы ширину Реки по ту сторону ущелья. Но Планкетт добудет необходимые сведения.

— Не заняться ли нам похоронами, сэр? — предложил Байрон.

Глава 33

— А? Да-да, лучше покончить с этим теперь же. Позже не будет времени. Хватит у нас десантников, чтобы собрать похоронную команду?

— Осталось сорок два человека, сэр,— ответил Байрон, довольный своей предусмотрительностью.

— Хорошо — этого хватит, чтобы похоронить всех, включая себя. Пожалуй, обойдемся тремя винтовками. Порох надо беречь.

Служба продолжалась недолго. Мертвых, завернутых в полотно и снабженных грузами, выложили в ряд на корме летной палубы. Собралась половина команды — остальные несли вахту.

— ...ибо теперь мы знаем, что воскрешение возможно, ибо все мы испытали его. Мы вверяем тела ваши глубинам Реки в

надежде, что вы восстанете вновь не в этом, так в ином мире. Да благословит Бог тех, кто в него верил. До встречи!

Прозвучал салют, и тела, одно за другим, стали раскачивать в воздухе и бросать за борт. Камни увлекут их вглубь, на поживу большим и малым рыбам, рыщущим там, во мраке, в тысячах футов внизу.

«Внаем не сдается» подошел к берегу и отдал якоря. Сэм сошел на берег, где ждал его разгневанный Ла Виро. Темнокожий, с ястребиным лицом архиепископ разразился бурной речью, обличая глупость и жестокость обеих сторон. Сэм слушал с каменным лицом. Не время было дискутировать. Но когда Ла Виро потребовал немедленно уйти из этих мест, Сэм ответил:

— Столкновения избежать нельзя. Кто-то из нас должен уйти на дно. Вы разрешаете мне воспользоваться питающим камнем?

— Нет! Не разрешаю!

— В таком случае мне очень жаль, но я все равно им воспользуюсь. Если вы вознамеритесь нам помешать, мы будем стрелять.

Ла Виро на минуту утратил дар речи. Потом его дыхание стало ровнее и краска исчезла с лица.

— Хорошо. Мы не станем прибегать к силе. Вы знали, что мы не станем. Все, что я могу,— это воззвать к вашему человеколюбию. Я сделал это и не добился успеха. Пусть же последствия падут на вашу голову.

— Вы не понимаете. Мы хотим дойти до полярного моря. Наша миссия имеет первостепенное значение для этого мира. Не могу объяснить почему, но верьте мне — это так.

Сэм посмотрел на солнце. Еще час, и оно коснется вершин западных гор.

Подошел Герман Геринг и сказал что-то на ухо Ла Виро. Тот ответил громко:

— Хорошо. Эвакуируй их.

Геринг громким голосом обратился к толпе:

— Вы слышали, что сказал Ла Виро! Мы все уйдем на восток, прочь от этого адского зрелища. Передайте это всем! Уходим на восток! Мартин, подними сигнальный шар! Теперь вы видите,— сказал Герман Клеменсу,— не можете не видеть, как прав я был! Я возражал против строительства вашего парохода, поскольку строился он с дурной целью! Не для того нас воскресили из мертвых и поселили здесь, чтобы мы предавались бездумному разврату, лелеяли ненависть и проливали кровь! Мы...

Сэм отвернулся и, сопровождаемый Миллером, взошел по сходням на ураганную палубу.

— Вот зукин зын,— сказал Джо.— И чего он к тебе привязалзя?

— Слабо ему,— ответил Сэм.— Меня и не такие обличали. Послушал бы ты мою мать. Или жену. Они могли бы дать ему фору в тысячу слов и опередить его через десять секунд. Бог с ним. Что он может знать? Я делаю это ради него и ради прочих сладкоречивых шансеров. Ради всех — заслуживают они этого или нет.

— Ну! А я-то думал, что ты это делаешь для зебя.

— Больно умный ты стал. Разве можно так разговаривать с капитаном?

— Что вижу, то и говорю,— ухмыльнулся Джо.— Не как матроз капитану, а как твой друг Джо Миллер.

Как только они вошли в рубку, Байрон доложил:

— Сэр, де Марбо сообщает, что ракеты установлены.

— Хорошо. Скажите ему, чтобы спустился к катеру. А Планкетт пусть отправляется.

«Гасконец» тут же устремился в пролив. На черно-синем камне, покрытом темно-зеленой растительностью, виднелись крошечные фигурки десантников, идущих по скальному карнизу. Еще задолго до спуска вниз им придется зажечь фонарики. «Афиш не расклеивать» шел вдоль берега. Шипели сварочные аппараты — это механики ремонтировали расшатанные опоры мостика. На носу светилось голубое пламя горелок, срезавших остатки парового пулемета. На его месте устанавливалась ракетная батарея. Еще одна команда спешно меняла радарную антенну.

Прошло полчаса. Главный врач доложил, что пятеро раненых скончались. Сэм распорядился погрузить тела в шлюпку и сбросить на середине Реки. Это было сделано без помпы — Сэм не желал больше подрывать дух команды. Он даже заупокойную молитву отказался прочесть — это сделал один из медиков.

Сэм взглянул на хронометр:

— Пора бы уже Планкетту пройти пролив.

— Если так, то минут через десять мы увидим, как он возвращается,— сказал помощник.

Сэм взглянул на десантников, идущих по тропе.

— Сказали вы де Марбо, чтобы его отряд залег, если появится вертолет или катер Иоанна?

— Разумеется,— сухо ответил Байрон.

Сэм посмотрел на берег, где тысячи мужчин и женщин плотной толпой уходили на восток. Шума они почти не производили. Люди несли узлы, горшки, вазы, статуэтки, стулья, удочки, плотницкие орудия, разборные планеры и, разумеется, граали. Проходя мимо парохода, многие благословляли его тремя перстами. Это бесило Сэма, заставляя чувствовать себя виноватым.

— Какой кразивый шар,— сказал Джо.

Над домом с сорванной крышей поднялась огромная ярко-желтая надувная груша и взвилась вверх, гонимая ветром к востоку. На высоте четырех тысяч футов шар стал совсем крошечным, но Сэм ясно разглядел, как он вспыхнул огнем.

— Взорвался! Вот он, настоящий сигнал.

Горящий шар, хорошо видный на много миль вверх и вниз по Реке, начал падать и скоро свалился в воду.

— Что ж, теперь, по крайней мере, можно не беспокоиться о мирном населении,— сказал Байрон.

— Не уверен,— возразил Детвейлер.— Мне кажется, Ла Виро и еще некоторые остались.

Он был прав — небольшая кучка людей возвращалась в храм.

— Никак помолиться за нас собрались! — фыркнул Сэм.

— Вижу «Гасконца»! — сказал впередсмотрящий.

Катер, сверкая белизной на солнце, несся полным ходом. А в пятистах футах над ним, почти нагнав, летел вражеский вертолет. Он кренился, чтобы пулеметчики могли обстрелять катер.

— Байрон, скомандуйте де Марбо — огонь по вертолету! — громко крикнул Сэм, но раскат разрядившихся питающих камней заглушил его слова.

Когда утихло эхо, Сэм повторил приказ.

— Вижу вражеский катер! — объявил впередсмотрящий.

— Где? — Но Сэм уже тоже увидел острый красный нос, круглый бронированный верх и оружейные башенки бывшего «Афиш не расклеивать», похищенного Иоанном. Катер выходил из ущелья.

Из отверстия в скале вылетела одинокая ракета, вонзившись прямо в раскаленную выхлопную трубу вертолета. Она сверкнула в воздухе, словно линия, проведенная огненным карандашом от черной горы, и вместе с вертолетом превратилась в клуб алого пламени.

— Последний летательный аппарат этого мира,— сказал Сэм.

— Лучше подождать, сэр, пока вертолет не упадет в Реку,— заметил не теряющий хладнокровия Байрон.— Иначе его жар притянет к нему все ракеты.

Горящий корпус и его осколки падали как-то неестественно медленно. Наконец они погрузились в воду и затонули.

— Залп по вражескому катеру,— передал по радио Байрон.

— О господи, сэр! — воскликнул впередсмотрящий.— Сам «Рекс» идет сюда!

Байрон, взглянув в ту сторону, нажал на кнопку тревоги. Завыли сирены, и толпа, скопившаяся на летной палубе, мигом разбежалась.

Сэм заставил себя говорить спокойно, хотя сердце бешено колотилось.

— Снять зарядный колпак. Втянуть стрелу.

Байрон уже распорядился отдать концы. Детвейлер ждал указаний, держась за рычаги. Байрон посмотрел в иллюминатор.

— Чисто концы, сэр!

— Выводи на середку, рулевой,— сказал Сэм.

Детвейлер освободил рычаги и взял их на себя. Колеса завертелись, и пароход отошел от причала.

Катер «Рекса» заволокло дымом. Ветер уносил дым, открывая почернелый корпус. Катер стоял на месте, получив, как видно, серьезное повреждение. Но ведь он покрыт трехдюймовой дюралюминиевой броней и не такое еще может выдержать. Быть может, команда оглушена взрывом.

«Рекс грандиссимус» наполовину вышел из темного ущелья, сияя белизной, и побледнел, когда солнце закатилось за горы. Сумерки окутали озеро. Небо померкло. На нем все ярче проявлялись скопища звезд и газовые туманности. Когда совсем стемнеет, небесный свет будет так же ярок, как в ясную ночь полнолуния на Земле.

Катера смутно белели на воде, а «Рекс» казался белой глыбой, точно кит-альбинос под водой.

Итак, Иоанн все-таки решил атаковать «Внаем не сдается» во время подзарядки. Ну что ж, сейчас он свое получит.

Откуда Иоанн узнал, что противник стоит на приколе? Чего проще. Где-то на горе над проливом у него сидит наблюдатель с рацией. Этим объясняется и то, почему «Рекс» так легко отразил атаку Петроского.

Подчиняясь спокойному приказу Клеменса, Детвейлер задержал судно, развернул его навстречу «Рексу» и полным ходом двинулся вперед. Байрон спросил:

— Какие указания дать «Афишам»?

Сэм не сразу ответил, следя за ракетным залпом из пещеры. Но внезапности не получилось. Иоанн сразу понял, что стреляют из их бывшей пещеры. Ракеты не пролетели и половины пути, как на «Рексе» полыхнул ответный залп и взвились огненные хвосты. Оба залпа встретились футах в пятидесяти над пароходом, и по Реке прокатился грохот. Судно заволок дым, который вскоре отнесло прочь.

Если «Рекс» и пострадал, на расстоянии этого не было заметно.

Ракеты Иоанна не сбили бы столько ракет Клеменса, если бы сами не были самонаводящимися. Значит, у врага имеется соответствующая аппаратура. Возможно, собственного производства. Но в каком количестве? Сколько бы таких ракет ни было, Иоанн пожертвовал несколькими, чтобы отразить атаку.

Из пещеры грянул второй залп. В этот раз ракеты сбили на полдороге, вызвав быстро тающее облако огня и дыма. «Рекс» незамедлительно дал третий залп. Ракеты, ударив в утес, попали и в пещеру. Пламя хлынуло оттуда, словно из пасти дракона. Конец двадцати славным ребятам, мужчинам и женщинам.

Левиафаны сближались. В рубке «Рекса» светился единственный огонь — там соблюдалось затемнение, как и у Клеменса.

Впередсмотрящий доложил, что вражеский катер возобновил движение.

— Раньше на его катерах торпедных установок не было,— сказал Сэм Байрону.— Но Иоанн мог смонтировать их. Держу пари, он так и сделал. Где его второй катер, кстати сказать?

Мгновение спустя впередсмотрящий заметил и его — катер, должно быть, только что вышел из кормового отсека.

«Афиш не расклеивать» мчался к «Рексу», изготовив две торпеды — еще четыре ждали очереди.

«Гасконец» спешил на свой корабль, чтобы, согласно приказу, взять торпеды. Сэм опасался, что его не удастся сразу принять на борт.

— Мелкий вражеский катер идет к «Афишам», сэр,— доложил впередсмотрящий.

Сэм через Байрона передал «Гасконцу» приказ помочь товарищу.

С «Рекса» взвились четыре ракеты, и взрыв дал понять, что одна завершила свой путь. Миг спустя на связь вышел адмирал Андерсон.

— Клюнула нас дурная птичка, сэр. Но мы на ходу, и повреждений, на мой взгляд, нет.

«Гасконец», обстреливая ракетами вражеский катер, свернул к нему. По вспышкам было видно, как работают его пулеметы. Второй вражеский катер упорно шел к «Афишам», сходным образом изрыгая ракеты и пули. Дистанция между большими судами на глаз составляла пятьсот футов. Ракет ни тот ни другой пока не тратил, приберегая их для более тесной встречи.

«Гасконец» обходил противника сзади.

— Иду на таран,— сообщил Планкетт.

— Не дури! — в страхе крикнул Сэм, опередив Байрона.

— Это приказ, сэр? — спокойно осведомился Планкетт.— Команда покинула катер — по моему приказу, сэр. Постараюсь повредить гребной винт противника.

— Говорит капитан! — сказал Сэм.— Я запрещаю тебе делать это! Я не хочу твоей гибели!

Ответа не последовало. Одно из белых пятен — то, что поменьше,— зашло за корму более крупного. Казалось, оно ползет совсем медленно. На самом деле «Гасконец» нагонял более медленный катер на скорости пятнадцать миль в час. Скорость небольшая, но бронированный катер даже и при такой мог нанести сокрушительный удар.

— «Гасконец» и вражеский катер сошлись, сэр,— доложил впередсмотрящий.

— Сам вижу — и слышу,— сказал Сэм, глядя в бинокль.

«Гасконец» с неработающим двигателем дрейфовал по течению. Второй катер замедлял ход и вскоре остановился.

— Он все-таки сделал это! Бедняга!

— Может, он еще и не ранен,— сказал Джо.— И мы его подберем.

«Афиш не расклеивать» был футах в ста от своей цели. Вот он быстро отвернул в сторону, а через несколько секунд вражеский катер взвился вверх в водяном столбе, вспыхнул и развалился на куски.

— Он торпедировал его! — восторженно заорал Сэм.— Славный старина Андерсон! Торпедировал!

— Хорошая работа,— сдержанно отозвался Байрон.

— Андерсон вызывает «ВНС»! Какие будут указания?

— Проверь, как там дела у Планкетта,— сказал Сам.— И годится ли еще «Гасконец». Подбери тех, кто прыгнул за борт.

— «Рекс» в пятистах двадцати футах от нас,— сказал впередсмотрящий.

— Ну что ж, адмирал,— сказал Сэм Байрону,— командуйте артиллерией.

— Да, сэр.— Байрон стал отдавать по селектору команды лейтенанту левого носового расчета, а Сэм не сводил глаз с катеров. Если «Гасконец» на ходу, пусть изводит «Рекса» своими мелкими ракетами.

Оснащать его торпедами некогда.

Байрон повторял в селектор расстояние, называемое впередсмотрящим.

— Четыреста девяносто футов. Четыреста семьдесят. Четыреста пятьдесят.

— Иоанна ждет недурной шок,— сказал Сэм Джо Миллеру.— Он не знает, что у нас есть орудия.

— Огонь!

Сэм, считавший секунды, выругался. Первый снаряд ушел мимо цели. Второй попал где-то у ватерлинии в носовой части — но «Рекс» все так же двигался навстречу врагу.

— Разверните судно, чтобы мы могли дать широкий залп с левого борта,— сказал Сэм Детвейлеру.

Теперь громыхнули оба орудия. «Рекс» задымился. На его летной палубе полыхал огонь. Но он продолжал идти вперед и на таком расстоянии мог уже пустить в ход большие ракеты.

— Враг в двухстах шестидесяти футах,— последовало донесение.

— Большие пташки готовы? — спросил Сэм у Байрона.

— Готовы, сэр.

— Прикажите офицерам стрелять, как только выстрелит «Рекс».

Байрон передал приказ. Не успел он договорить, как Сэм увидел на «Рексе» вспышку. Ракеты обоих судов встретились в воздухе на высоте четырехсот пятидесяти футов, и взрывы оглушили Сэма.

— Господи! — сказал Джо Миллер.

Снова выпалили орудия. На «Рексе» загорелся правый колесный кожух, и дым заволок рубку. Вдоль всего правого борта заплясали языки пламени. Снаряд попал в ракетную батарею, и ракеты начали взрываться одна за другой.

— А, черт! — сказал Сэм.

Дым вокруг мостика постепенно рассеивался. Но ветер утих, и «Рекс» значительно потерял в скорости.

— Он поворачивается к нам левым бортом! — сказал Сэм.

Опять взлетели ракеты, теперь с другого борта, и ракеты Клеменса снова встретили их в воздухе. Корабль содрогнулся от взрыва, но не пострадал.

Сэм видел, что на «Рексе» дела плохи. Все палубы с правого борта пылали, и «Рекс» отворачивал прочь.

На миг Сэму показалось, что «Рекс» бежит. Но нет. Он продолжал разворачиваться, описывая круг.

— Правое колесо у них повреждено или разбито,— заметил Сэм.— Они не могут маневрировать.

Это несколько утешило его. Теперь все, что нужно,— это подойти к «Рексу» на подходящее расстояние и расстрелять его в упор из орудий.

Такой приказ Сэм и отдал. Детвейлер повернул судно, чтобы подойти к жертве на нужную дистанцию.

— А мы неплохо сработали,— возбужденно сказал Сэм Байрону.

— Пока неплохо, сэр.

— Да ведь уже почти конец! Неужели вы никогда не проявляете человеческих эмоций?

— Не на службе.

— Гозподи! — опять произнес Джо Миллер.

— Что такое? — вскрикнул Сэм, схватившись за его ручищу.

Титантроп, выкатив глаза и издавая сдавленные звуки, показывал куда-то за корму. Сэм хотел обойти его, чтобы посмотреть, но не успел.

Взрыв вышиб из заднего иллюминатора пуленепробиваемое стекло, и оно обрушилось на Сэма.

Глава 34

Кошка попалась в поставленную мышкой ловушку.

Когда «Внаем не сдается» был на расстоянии двух дней пути, команда «Рекса» извлекла из трюма оболочку небольшого аэростата, изготовленную из кишечных прокладок речного дракона пару лет назад. На берегу установили нагнетатель водорода и надули оболочку в заранее построенном из бамбука и сосны ангаре.

«Азазель», как окрестил его Иоанн, был полужестким дирижаблем. Оболочку держало давление газа, но к ней был прикреплен металлический киль, а к килю — кабина управления и две моторные гондолы, спасенные из-под обломков подебрадовского дирижабля. Контрольная и моторная гондолы, рули высоты и направления соединялись электропроводкой и механическими сцеплениями. В баки был залит метиловый спирт. Бомба и торпеда привешивались в люльках под днищем корабля.

После надувки бомбардир с пилотом сели в дирижабль и произвели пробный рейс. Все работало как надо. Когда «Рекс» отправился на бой с «Внаем не сдается», дирижабль кружил на большой высоте и только с приходом темноты прошел вверху через пролив.

Пока «Рекс» изображал из себя подбитую утку, дирижабль обошел неприятельское судно сзади — сначала «Азазель» миновал пролив, затем свернул направо и двинулся вдоль горной цепи, однако не слишком близко к ней. Черный цвет оболочки не позволял врагу заметить дирижабль. Его мог засечь вражеский радар, но Иоанн надеялся, что прибор будет целиком сосредоточен на «Рексе». Клеменс, полагая, что у Иоанна больше не осталось авиации, вряд ли станет проверять радаром воздушную сферу.

Сбив радарную антенну противника, Иоанн возликовал. Несмотря на страшный урон, понесенный его командой и судном, он плясал от радости. Теперь-то «Азазель» подойдет к врагу, не опасаясь ничего, кроме случайного взгляда. В сумерках, когда все внимание неприятеля приковано к «Рексу», у дирижабля есть хороший шанс выйти на нужную для удара дистанцию.

Так и получилось. Дирижабль прошел вдоль гор на север, иногда опускаясь ниже наиболее высоких холмов, потом отклонился на восток и полетел над самыми деревьями к Реке. А там устремился вперед полным ходом, неся контрольную гондолу в каком-нибудь футе над водой.

Вот он уже за вражеским судном. Громада «Внаем не сдается» загораживала дирижабль, и радар «Рекса» его не обнаруживал.

Бёртон, стоя рядом с Иоанном, слышал, как король бормочет:

— Чресла господни! Сейчас мы увидим, настолько ли скор дирижабль, чтобы догнать Сэма! Только бы инженеры не ошиблись!

Вот будет насмешка, если он, после стольких трудов и надежд, окажется тихоходным!

Орудийные залпы противника повредили правый борт «Рекса». Грохот оглушил Бёртона, палуба под ногами закачалась, из иллюминатора вылетело стекло. У окружающих был не менее ошеломленный вид. Иоанн кричал, требуя от Струбвелла отчета о повреждениях и потерях,— по крайней мере, следовало предположить, что кричит он именно это.

Струбвелл понял и стал что-то говорить в селектор. Вскоре он сумел представить капитану кое-какие данные. К Бёртону уже частично вернулся слух, хотя не в той степени, в какой ему бы хотелось.

Это был самый тяжкий удар, нанесенный им с начала боя. На всех палубах зияли многочисленные пробоины, и стены проходов, где толпился народ, тоже были сорваны. На борту взорвалось множество стоявших на установках ракет и рухнуло несколько пулеметных лафетов.

Двумя снарядами почти сорвало правый колесный кожух, но само колесо по-прежнему работало со стопроцентной отдачей.

— Клеменс, конечно, видел, что снаряды попали в кожух,— сказал Иоанн.— И думает, поди, что здорово подбил нас! Сейчас мы, в Господа Бога, убедим его в этом!

Он приказал рулевому сделать круг на месте. Правое колесо вращалось медленно, а левое, внешнее, работало в две трети своей мощности.

— Он кинется к нам, словно пес, которому не терпится доконать раненого оленя! — сказал Иоанн, потирая руки и ухмыляясь.— Точно: лезет на нас, как зверь из Апокалипсиса. И не знает того, что у самого на хвосте висит зверь пострашнее, готовый изрыгнуть на него смерть и адово пламя! Вот оно, отмщение Божье!

Бёртон почувствовал отвращение. Уж не равняет ли Иоанн себя с Создателем? Может, у короля мозги слегка съехали набок от снарядов и ракет? А может, он всегда втайне полагал, что Бог в союзе с ним?

— Дистанцию им придется определять на глазок, а при таком освещении немудрено и ошибиться,— говорил Иоанн.— А по сонару расстояние тоже не определишь!

Операторы вражеских сонаров запутаются в ответных импульсах. Эти импульсы поступят из четырех разных мест — по озеру

циркулируют маленькие, дистанционно управляемые лодочки, и каждая посылает сигнал одинаковой частоты. Имеются на них и шумовые генераторы, имитирующие плюханье колес «Рекса».

Бёртон увидел силуэт «Внаем не сдается» на озаренном звездами и туманностями небе.

А прямо над ним обрисовался темный полукруг — верхняя часть «Азазеля».

— Кидайте же торпеду! — громко сказал Иоанн.— Чего ждете, дурни?

Педер Торденскьолд, командующий артиллерией, сказал:

— Дистанция обманчива, сэр. Но, думаю, дирижабль уже пустил торпеду.

Все посмотрели на панельный хронометр. Если так, то торпеда должна сработать через тридцать секунд. Но настолько ли дирижабль близок к цели, как кажется? «Азазель» должен был пустить торпеду, будучи всего в нескольких футах над Рекой, и затем быстро подняться — а освобождение от груза еще ускорило бы подъем. Раз «Азазель» висит почти над самым судном — значит, торпеда вот-вот вылетит.

Вражескому пароходу пора маневрировать. Если они даже до сих пор не заметили дирижабль, торпеду их сонары должны засечь, определив ее местонахождение, скорость и размер. Враг должен уже знать, что торпеда летит в его корму, или, как выразился Иоанн, «прямо в задний проход Сэму Клеменсу».

Лицо Иоанна являло разнообразные оттенки бешенства.

— Зубы господни, ну как можно промахнуться на таком расстоянии?

— Промах невозможен,— сказал Струбвелл.— Разве что ее зало-заклинило в люльке.

Как бы там ни было, торпеда не сработала. Над пароходом снова возник исчезнувший было полукруг «Азазеля». Пилот с бомбардиром должны уже либо спрыгнуть, либо готовиться к прыжку. Их парашюты, снабженные пневматическим устройством, раскрываются только при полном отделении от гондолы, в случае же помех развернутся только в Реке.

Да, сейчас, по оценке Бёртона, летчикам самое время покинуть дирижабль, поставив его на автопилот и включив часовой механизм бомбы. Другой механизм должен постепенно спускать водород, заставляя машину снижаться. Когда бомба упадет, ди-

рижабль, освобожденный от тяжести, поднимется — но невысоко. Если газ в оболочке не вспыхнет от взрыва, еще один механизм взорвет на борту малую бомбу.

Бёртон посмотрел в левый иллюминатор. Палубы «Рекса» пылали в дюжине мест. Пожарники в огнеупорных костюмах заливали огонь водой и пеной. Еще две-три минуты, и пожар будет потушен.

— Ха! — сказал капитан.

Бёртон оглянулся. Все, кроме рулевого, глядели на колбасу дирижабля, зависшую прямо над «Внаем не сдается» — нос «Азазеля» почти касался мостика.

— Невероятно! — сказал Бёртон.

— Что? — спросил капитан.

— Да то, что они до сих пор его не заметили.

— Бог на моей стороне. Теперь если они и увидят его — будет поздно. Его нельзя сбить, не подвергая опасности судно.

— Что-то не в порядке с пусковым механизмом торпеды,— сказал Торденскьолд.— Но если бомба отделится, то и торпеда сработает.

— Приготовься развернуть судно,— сказал Иоанн рулевому.— Когда я скажу, правь прямо на врага.

— Оба их катера направляются к нам, сэр,— сообщил оператор радара.

— Уж они-то должны увидеть «Азазель»! Нет, похоже, не видят!

— Может, на «Внаем не сдается» и радио отказало,— предположил Бёртон.

— Значит, Бог и правда за нас!

Бёртон поморщился. Впередсмотрящий доложил:

— Сэр, вражеские катера приближаются с кормы по левому борту.

Радар показывал, что катера находятся в четырехстах ярдах, а дистанция между ними — сто двадцать футов.

— Собираются напасть на нас с правого борта, когда мы окажемся по ту сторону нашего круга,— сказал Струбвелл.— Полагают, что их корабль в это время откроет по «Рексу» огонь.

— Вижу,— буркнул Иоанн.— Но почему же они не подадут сигнал Клеменсу? Пусть у них радио не работает, но вспышками-то можно просигналить?

— Вот пустили ракету,— сказал Струбвелл, показывая на яркий голубовато-белый огонь в небе.

— Ну, теперь они точно увидят «Азазель»!

Дирижабль висел футах в тридцати над летной палубой врага — так, по крайней мере, казалось; трудно было судить на таком расстоянии.

С мостиком он еще не поравнялся, это ясно — иначе он столкнулся бы с надстройкой.

Какой-то небольшой предмет, темный на ярком небе, отделился от дирижабля и упал на «Внаем не сдается».

— Вот она, бомба! — крикнул Иоанн.

Бёртону показалось, что бомба упала на корму летной палубы — возможно, на самый край. Бомбардир, наверное, включил автоматический сброс, а потом выпрыгнул вместе с пилотом. Но расчет оказался неверен. Сброс должен был сработать на середине палубы. А еще лучше поближе к мостику.

Грянул взрыв, и на фоне пламени четко обрисовалась рубка с крошечными фигурками внутри.

Дирижабль взмыл кверху килем, покореженным взрывом. Оболочка вспыхнула, превратившись в огненный шар.

— Торпеда! — крикнул Иоанн.— Торпеда! Почему она не отделилась?

Возможно, она и отделилась, но с «Рекса» этого не было видно. Но тогда ей пора уже взорваться.

Пылающий дирижабль уплывал прочь. Его передняя часть упала на корму «Внаем не сдается» и съехала в Реку сквозь дыру, пробитую сорокафунтовой бомбой. «Внаем» продолжал идти вперед, оставив за собой горящую, распластанную на воде оболочку. Корма парохода тоже горела, а деревянная летная палуба занялась вся.

— Чтоб этих двоих на куски разодрали в преисподней! — заорал Иоанн.— Не могли еще пару секунд подождать, трусы!

Бёртон считал, что пилот и бомбардир как раз очень смелые люди и что они медлили с прыжком до последней, на их взгляд, секунды. В таких обстоятельствах нельзя их винить, если они чуть-чуть и ошиблись. И не их вина, что торпеда не взорвалась. Они проделали несколько пробных вылетов с манекеном, и пусковой механизм тогда работал нормально. Механизмы часто заедает — и летчикам, а заодно и их товарищам просто не повезло, что его заело именно теперь.

Но торпеда еще может сработать — если только она не упала за корму вместе с обломками.

Иоанн немного воспрянул духом, увидев, что взрывом снесло две нижние палубы мостика — остались только две вертикальные метрические опоры и шахта лифта. Опоры постепенно кренились вперед под тяжестью рубки.

Однако те, кто был в рубке, остались живы. Их силуэты виднелись на фоне пожара, бушующего на летной палубе.

— Ядра Господни! — крикнул Иоанн.— Он пощадил Клеменса, чтобы отдать его мне в руки живым! Теперь они не смогут править,— добавил он.— Попались, голубчики. Подойди к ним с левого борта на расстояние прямой наводки! — велел он рулевому.

Рулевой вытаращил на капитана глаза, однако ответил:

— Есть, сэр.

Иоанн отдал приказ Струбвеллу и Торденскьолду приготовиться сначала к бортовому залпу, а затем к абордажу.

Бёртон надеялся, что и его назначат в абордажную команду. Его десантники теперь сидели, запертые под ураганной палубой, и ждали своего часа. В течение всего боя они не знали, что происходит наверху — только чувствовали временами, как содрогается корабль, да слышали взрывы. Их, конечно, прошиб пот, нервы их натянуты, и им не терпится принять участие в сражении.

«Рекс», бороздя Реку, шел к разбитому судну, и расстояние быстро сокращалось.

— Батареям Б-2, В-2 и Г-2 взять на прицел верхнюю палубу мостика,— распорядился Иоанн.

Струбвелл передал приказ и доложил:

— Батарея В-2 не отвечает, сэр. Линия либо перерезана, либо вышла из строя.

— Тогда пусть В-3 возьмет на прицел рубку.

— Вы забыли, сэр, В-3 не действует после последнего залпа.

— Тогда это сделает Б-2.— Иоанн повернулся к Бёртону. Лицо короля в сумерках казалось багровым.— Ступай к своим людям, капитан. Будь готов возглавить абордажную партию с середины левого борта.

Бёртон козырнул и побежал вниз по винтовому трапу. Потом свернул в коридор ураганной палубы. Его люди, мужчины и женщины, сидели в помещении, примыкающем к арсеналу. Люк охранял лейтенант Гай Фламиний с двумя часовыми. При виде Бёртона он просиял.

— Мы вступаем в бой?

— Да. И очень скоро. Выводи всех в коридор.

Пока Фламиний выкрикивал команды, Бёртон стал на перекрестке двух коридоров. Сейчас он поведет свой отряд к выходу, и там они будут ждать команды взять на абордаж «Внаем не сдается». Если же связь откажет, Бёртону придется решать самому, когда начинать атаку.

Десантники строились в коридоре, когда с судна Клеменса ударил бортовой залп. От грохота у Бёртона зазвенело в ушах. Переборка в коридоре прогнулась, и отовсюду повалил дым, вызвав общий приступ кашля. Новый раскат потряс палубу, и у всех еще сильнее заложило уши.

На мостике Иоанн вцепился в поручни, содрогаясь вместе с кораблем. Ракетные батареи на левом борту всех четырех палуб «Рекса», с одной стороны, и уцелевшие ракеты, орудия и пулеметы на правом борту «Внаем» — с другой, плевались огнем через тридцатифутовое пространство.

В воздухе летали куски обшивки. Ракетные батареи и их расчеты исчезали в клубах пламени и дыма. Два оставшихся орудия Клеменса сорвало с лафетов взрывами собственных боеприпасов, подожженных ракетами. Пулеметные башни на обоих судах вскрылись, словно консервные банки, и развалились окончательно под огнем ракет и снарядов.

Огромные суда напоминали раненых зверей — их внутренности обнажились, и кровь хлестала из ран.

Вдобавок батареи каждого судна целили в рубки, в мозг соперника. Снаряды свистели рядом, уходя в воду или зажигая новые пожары на берегу. Прямого попадания ни в одну из рубок не произошло. Непонятно, как этого не случилось на таком расстоянии, но и такое бывает в бою. Заведомо неудачные выстрелы попадают в цель, а верные на все сто уходят в пространство.

Острый нос «Внаем» повернулся — Иоанн так и не понял, случайно или намеренно,— и сокрушил левый гребной кожух «Рекса», сорвал его многотонную громаду и свалил в Реку. А потом продолжил свое дело, круша лопасти, коверкая обод колеса, срывая массивную ось. Оба корабля остановились среди оглушающих

взрывов, скрежета рвущегося металла, воплей мужчин и женщин, гула горящего водорода. От столкновения все, кто не был привязан, покатились на палубу. Нос продолжал свое движение вверх и внутрь, и в пробоины корпуса хлынула вода.

В то же время мостик «Внаем» обрушился. Байрону, Миллеру и Клеменсу — единственным живым, кто остался внутри,— казалось, что он падает медленно. Но он падал быстро, подвластный законам тяжести. Он рухнул на фордек летной палубы, и оттуда вылетели Клеменс и Миллер. Сэм упал на великана, падение которого, в свою очередь, немного смягчили подбитые мягким доспехи и шлем.

Так они лежали несколько минут — оглушенные, побитые, окровавленные, не сознавая еще, что им посчастливилось остаться в живых.

Глава 35

Сэм Клеменс и Джо Миллер слезли по трапу с летной палубы. Позади бушевал огонь. На ураганной палубе Джо, не выпускавший из рук свой исполинский топор, спросил:

— Ты как, Зэм?

Сэм, не отвечая, ухватил титантропа за палец и увлек его за угол. Пуля ударила в переборку, и вокруг засвистели осколки пластика, не задев, однако, двух друзей.

— «Рекс» подошел к нам вплотную! — сказал Сэм.

— Да уж вижу. На абордаж, наверно, пойдут.

— Я не могу больше командовать своим кораблем! — вскричал Сэм с таким видом, точно вот-вот расплачется.

Но Джо казался спокойным и несокрушимым, как гора. Он потрепал Сэма по плечу:

— Не волнуйзя. Корабль прибьет к берегу, вот и взе. Он не утонет. А Иоанна з его ублюдками мы еще побьем.

Потом обоих швырнуло на палубу. Сэм лежал, стеная, и не знал, что «Внаем» крушит гребное колесо «Рекса». Во время перестрелки, последовавшей за остановкой кораблей, он продолжал лежать, уткнувшись лицом в холодную твердую палубу. Потом его ухватили за плечо и подняли на ноги. Сэм завопил от боли.

— Извини, Зэм,— пробасил Джо.— Не раззчитал.

Сэм держался за плечо.

— Вот болван, я же теперь рукой не смогу шевельнуть!

— Ты, как обычно, преувеличиваешь. Главное, ты живой, хотя по взем законам живым быть не должен. И я тоже. Вдвоем мы зправимзя, Зэм. Пошли, надо дело делать.

Сэм посмотрел на летную палубу. Она вся была в огне, который перекинулся уже и на ангары. Ну, особенно гореть там нечему. Бочонки с метанолом, хранившиеся там, переправили на нижнюю палубу еще перед боем. А водород, хотя и дает сильное пламя, скоро выгорит дотла.

И тут, на глазах у Сэма, летная палуба провалилась. С того места, где он стоял, ему видны были только торчащие края, но грохот и полетевшие вниз куски подсказывали, что рухнуло не меньше половины. Пламя дыхнуло оттуда, словно из пасти дракона.

— Гозподи! — Джо метнулся к Сэму, схватил его и понес, поставив на самом краю палубы.— Зэм, я, кажетзя, обжегзя!

— Повернись-ка.— Сэм осмотрел его спину.— Ах ты, обормот! Твои доспехи спасли тебя. Может, под ними тебя малость и припекает, но ты цел.

Джо вернулся подобрать свой топор. Сэм взглянул на громаду «Рекса», стоящую левым бортом к их правому. И с той и с другой стороны на три нижние палубы забрасывались абордажные концы и перекрывались мосты. В проходах, иллюминаторах и люках кишели мужчины и женщины, стреляющие или готовящиеся к атаке, как только будут закреплены концы. Того и гляди, захватчики побегут по мосткам.

У Сэма не было огнестрельного оружия — к счастью, оно в изобилии валялось на палубе. Сэм подобрал пистолет, проверил его магазин, снял патронташ с мертвеца, надел на себя и зарядил оружие. Джо вывалился из-за угла, напугав Сэма. Капитан не стал его ругать — Джо был прав, двигаясь бесшумно, но сердце у Сэма едва не остановилось.

— Что делать будем, Зэм?

— Пойдем к нашим — пусть видят, что мы живы-здоровы. Это поднимет их дух.

Они подоспели как раз вовремя — большой отряд ворвался на ураганную палубу с «Рекса». Внизу люди Иоанна отражали абордажников с «Внаем не сдается», а абордажники «Рекса» упорно продвигались по мосткам.

Сэм перегнулся через борт и разрядил пистолет в арьергард одной из групп. Двое упали — один провалился в щель между судами. Но абордажник, еще не покинувший «Рекс», в свою очередь выстрелил в Сэма. Сэм пригнулся, когда первая пуля свистнула около его уха. Остальные застучали по борту ниже поручней.

Джо хотел заглянуть через поручни, но Сэм крикнул, чтобы он не делал этого — голову снесут.

Лишь дождавшись момента, когда абордажные мостки под ним наверняка должны были опустеть, Сэм посмотрел вниз. На палубе кипел бой, слышались крики и звон металла. Сэм дал указания Джо. Тот кивнул, и его носище заходил вверх и вниз, точно бревно, плывущее по бурному морю.

Они оба перебежали абордажный мост. Джо ревел, оповещая всех, что идет капитан.

Люди «Рекса» пятились под напором превосходящей силы и дрогнули, увидев над отрядом Клеменса голову и плечи титантропа. Они бросились врассыпную, ныряя в люки, прыгая через поручни и пробоины в Реку.

— Этак мы быстро управимзя, а, Зэм?

— Да. Хорошо бы и дальше все шло так легко. Ладно, Джо, командуй.

Джо проревел команду, перекрыв общий гвалт. Его наверняка было слышно на обоих кораблях — бойцы на нижних палубах даже замерли на миг.

Те, кто загораживал Джо дорогу, отскочили в сторону, и гигант двинулся к ближайшему трапу, а Сэм и остальные — за ним. Спустившись на ураганную палубу, они пробежали по ней до мостков. Там люди выстроились по двое в ряд у каждого из восьми переходов.

Сэм оглядел ряды. Предстоящая атака на Иоанна с тыла, с его же собственного корабля, щекотала ему нервы. Враги придут в смятение, когда сзади на них кинется титантроп со своим исполинским топором.

— Давай, Джо! — прокричал Сэм.— Задай им жару!

Джо, испустив боевой клич на родном языке, рванул через мост. Сэм бежал за ним — не рядом, так как Джо занимал весь мост. Притом сзади было как-то безопаснее.

Потом все пошло так быстро, что Сэм лишь позднее сумел разобраться в том, что случилось.

Раздался оглушительный грохот, мост затрясся, и Сэм повалился на него. Сразу вслед за этим дальний конец моста задрался вверх, и крюки, державшие его на поручнях, со скрежетом лопнули.

Сэм, вцепившись распростертыми руками в края моста, глянул вверх.

Джо выронил свой великанский топор, который скатился со скособоченного моста и упал в провал между судами. Сам Джо удержался и ревел от ярости. Или от страха? Разница невелика. Он ревел потому, что обе его руки и туловище захлестнуло веревочной петлей.

Другой конец веревки обматывал вокруг поручней верхней палубы человек в ковбойском сомбреро, смутно белевшем в потемках. Под шляпой в усмешке сверкнули зубы.

Джо упал, но не провалился сразу в щель между пароходами, а повис, раскачиваясь, и ударился о корпус «Внаем не сдается». Он умолк, голова его свесилась набок, и Джо затих, как гигантская муха, пойманная в сеть еще более огромным пауком.

— Джо! Джо! — закричал Сэм.

Он никогда бы не поверил, что с Джо Миллером может случиться несчастье. Джо был так громаден, так силен, так... несокрушим. Разве может человек величиной с пещерного льва или медведя быть смертным... быть уязвимым?

Но предаваться раздумьям было некогда.

Мост все больше задирался вверх — это опрокидывался «Рекс». Сэм, цепляясь за края, отвернулся от Джо — люди на других мостах, разжимая руки, с криком падали в темную пропасть между судами.

Ну не ирония ли, что легендарный «Рекс», построенный Сэмом, станет причиной гибели своего творца? Надо же было оказаться в западне между обоими своими пароходами. Повиснуть меж ними, как Мухаммед между небом и землей.

Сэм съехал с моста назад, упал между вертикальной палубой и горизонтальной переборкой, вскарабкался по ней и повалился ничком на корпус. Изловчившись, он встал и побежал вниз, к Реке. Потом поскользнулся, покатился вниз и ухнул в воду.

Он погружался все глубже и глубже, силясь избавиться от кирасы. Шлем он потерял где-то в свалке. Теперь его ужасала мысль, что он не успеет освободиться от брони и его засосет в свою ворон-

ку тонущий «Рекс». Гигантское судно неизбежно образует огромный водоворот, который унесет с собой все обломки крушения, одушевленные и неодушевленные. И он, Сэм, отягощенный броней и оружием, тоже утонет. Даже если он освободится от груза, опасность не исчезнет.

Наконец он сбросил с себя пояс, патронташ и кольчужную рубаху с короткой юбкой внизу и стал всплывать; грудь разрывалась, старинный страх утонуть терзал стучащее сердце, зов глубин гудел в ушах. Сэм противился потребности вздохнуть. Там внизу — ил, столь же черный и зловещий, как на Миссисипи, но куда глубже, а вокруг — вода, давящая, как мягкая «железная дева», а вверху — далеко ли еще? — воздух.

Кругом было чересчур темно, чтобы разглядеть что-то. Сэм был почти уверен, что идет вниз, а не вверх, заблудившись во тьме. Но нет — он чувствовал бы боль в ушах, если бы погружался.

Больше ему не выдержать. Еще несколько секунд, а там... смерть, которую детство на Миссисипи сделало для него страшнее любой другой. Кроме одной. Уж лучше умереть в воде, чем в огне.

На полсекунды — или с какой там скоростью они приходят, мысли,— перед ним возник Эрик Кровавый Топор.

Хотя бы этой судьбы он избежал. Викинг в качестве пророка, возмездия, живой машины мщения потерпел крах. Все эти многолетние кошмары были напрасной пыткой. Конечно, разве может человек предугадать будущее? Суеверие, и больше ничего.

Жители Ганнибала, предрекавшие Клеменсу, что его повесят, были дважды не правы.

Странно — как такие веселые мысли могут возникать в уме у человека, который, казалось бы, должен помышлять только о глотке воздуха. Или он вправду тонет и почти уже мертв и не страшится больше втянуть в себя воду; его посещают предсмертные мысли, обмякшее тело опускается на дно, глаза остекленели, рот открыт, как у всякого подводного жителя, и от жизни в нем остались лишь электрические искры, пробегающие по клеткам мозга?

Тут его голова выскочила на поверхность — Сэм пил кислород и радовался, радовался, радовался тому, что не умер.

Его бешено гребущая рука наткнулась на веревку, отпрянула, вернулась обратно. Веревка была привязана к пиллерсу на главной палубе его парохода. Сэм всплыл около кормы. Еще несколько секунд — и его бы отнесло далеко от судна.

Ему повезло, что он сразу нашел конец. Течение тянуло Сэма прочь, вынуждая цепляться за веревку, как раньше за мост. На месте, где был «Рекс», возникла широкая и глубокая воронка с бурлящей водой. Водоворот тянул к себе Сэма еще сильнее, чем течение.

Что же потопило «Рекс»? Торпеда с «Афиш не расклеивать»?

Сэм посмотрел вверх. Висящего Джо не было видно. Возможно, он все еще там, но слишком высоко, чтобы Сэм разглядел его с поверхности Реки. Или человек, захлестнувший Джо петлей лассо, перерезал веревку? В таком случае Джо должен был упасть на нижнюю палубу — тяжелое падение, но все-таки это лучше, чем в воду. А быть может, Джо уже мертв или умирает. Ударившись с размаха о железный корпус, он мог поломать себе ребра, раскроить череп.

Что бы там ни случилось с Джо, сейчас надо спасать себя.

Сэм держался за веревку, а наверху слышались крики и пальба; то и дело кто-то падал через поручни и с плеском уходил под воду. Потом шум боя как-то вдруг стих, и Сэм полез вверх. Это было нелегко — силы почти оставили Сэма. Наконец он уперся ногами в корпус и, отклонившись назад, еле переводя дух, с болью в мускулах, стал подтягиваться и скоро оказался у борта. Тогда он сполз немного вниз и стал подниматься на одних руках. Теперь он жалел о том, что пренебрегал гимнастикой. Несколько минут, когда он отдыхал, будучи не в силах двигаться и переводя дух, ему казалось, что руки вот-вот разожмутся, он упадет в Реку и этим все кончится.

Наконец он ухватился одной рукой за стойку поручней, а там зацепился и второй рукой. После долгого, мучительного подтягивания он перекинул одну ногу на палубу, перелез совсем и повалился навзничь, стараясь вобрать в легкие весь воздух мира.

Вскоре его узкая грудь перестала ходить ходуном, точно изношенные кузнечные мехи. Сэм посмотрел вдоль палубы и вверх, но Джо не увидел.

Возможно, титантроп был чересчур далеко или Сэм смотрел под слишком косым углом. Надо либо отойти от судна, что невозможно, либо пройти дальше по палубе.

Но для начала надо вооружиться. И раздобыть себе хотя бы килт. Пока Сэм барахтался в воде, одежда на магнитных застеж-

ках свалилась с него. Нагим я пришел в этот мир, и нагим... ну нет, уходить он пока не собирался.

Пошатываясь, Сэм поднялся на ноги. На палубе валялись тела и части тел. Части тел и ноги торчали из люков. Одежды и оружия имелось в избытке.

Дрожа от изнурения, страха или всего вместе, Сэм раздел чей-то труп и облачился в длинный килт и короткую накидку. Потом опоясался, перекинул через плечо патронташ, сунул заряженный пистолет в кобуру, взял саблю. Он вооружился, но это еще не значило, что он готов к бою. Хватит с него на сегодня — да и на весь остаток жизни, проживи он хоть тысячу лет.

Он хотел одного — найти Джо. Вдвоем они соберут отряд или примкнут к кому-нибудь. Тогда Сэм снова будет в безопасности — в относительной, учитывая обстоятельства.

На миг он подумал, не скрыться ли где-нибудь в каюте — а потом выйти, когда судно очистят от людей Иоанна.

Это была хорошая мысль, достойная человека с логическим и здравым умом.

Впереди на палубе послышался лязг металла и кто-то выругался. В ответ на тихую брань прозвучал еще чей-то голос — тоже тихий, но резкий, выговаривающий. Сэм остановился, упершись плечом в холодную переборку. Ближе к носу с ураганной палубы спускались люди, числом около двадцати.

Сэм стал отступать назад, скользя плечом по металлу и шаря позади левой рукой. Нащупав открытую дверь, он тихо прошел в нее и оказался в темном проходе, ведущем к двери на другом конце. Та дверь тоже была открыта — в нее проникал звездный свет и отблески пожара на летной палубе. Решив перейти на ту сторону, Сэм припустил было рысцой, но остановился.

Долг обязывает его разузнать, кто эти люди и что они здесь делают. Он выкажет себя полным дураком, если это свои. Если же это враги, надо посмотреть, что они замышляют.

Они, конечно, будут заглядывать в каждую открытую дверь, прежде чем пройти мимо. Сэм вошел в одну из кают и стал смотреть в щелку с порога. Под этим углом он их разглядит, а они его в темноте не заметят. Он открыл и другую каюту, через коридор, чтобы перебежать туда в случае опасности — он не хотел оказаться в ловушке.

Больше он пока ничего сделать не мог. Человек, шедший во главе отряда, вошел в коридор, встал сбоку у двери и навел пистолет в проход. За ним проскочил второй и встал по ту сторону двери, тоже с пистолетом наготове.

Сэм не стрелял — возможно, они только бросят взгляд в коридор. Так и вышло. Через пару секунд один сказал: «Чисто!»

Оба вышли наружу, и мимо двери замелькали фигуры. Вот прошел четвертый — и Сэм ахнул, увидев в неверном свете звезд невысокий плечистый силуэт. Человек шел походкой Иоанна. Сэм расстался с бывшим монархом тридцать три года назад, но прекрасно его помнил.

Глава 36

Ярость пересилила страх — она вобрала в себя всю ярость, которую Сэм когда-либо испытывал на Земле или здесь. Он больше не думал о последствиях. Наконец-то! Вот оно, мщение!

Он вышел из каюты и тихо двинулся по коридору. Хотя прилив торжества вызвал у Сэма головокружение, благоразумия он не потерял. Не хватало еще, чтоб его пристрелили, не дав разделаться с Иоанном.

Одно плохо: придется стрелять Иоанну в спину. И этот ублюдок так и не узнает, кто его убил. Ну что ж, нельзя иметь все сразу. Сэм испытывал острое желание окликнуть Иоанна, назваться и лишь потом нажать на курок. Но люди Иоанна пристрелили бы его секундой раньше.

Когда Сэм дошел до двери на палубу, снаружи поднялся тарарам. Загремели выстрелы, и Сэм распластался на переборке, как пришпиленная булавкой двуногая бабочка. Трепещущее сердце заменяло ему крылья.

Еще выстрелы. Крики и вопли. Кто-то ввалился в коридор. Сэм прыгнул в открытую каюту, захлопнул за собой дверь и приоткрыл снова.

В щелку он увидел, как в коридор входят еще люди. Один, коренастый, был определенно Иоанн — его силуэт мелькнул на фоне двери.

Сэм распахнул дверь настежь (слава богу, петли были хорошо смазаны), высунулся наружу и стукнул Иоанна рукояткой пистолета по голове. Король зарычал и упал. Сэм уронил пистолет на грудь упавшему, схватил его за длинные волосы и втащил в каюту. Как только ноги Иоанна оказались за порогом, Сэм закрыл дверь и нажал защелку замка. Снаружи трещали выстрелы, но в

дверь никто не стрелял. Как видно, похищение предводителя произошло так быстро, в такой темноте и суматохе, что его пока еще не хватились. А когда хватятся, то сочтут, возможно, что он остался лежать в коридоре.

Сэм дрожал от восторга. Ему угрожала опасность, но сейчас это не имело никакого значения. Провидение, хотя его и нет, устроило все как нельзя лучше. Ради этой минуты стоило перенести все страдания — ну, почти все. Ради того, чтобы заполучить злейшего своего врага, единственного человека, которого Сэм по-настоящему ненавидел! Да еще при столь странных обстоятельствах! Даже Иоанн, когда придет в себя, не будет удивлен больше Сэма. Правда действительно бывает причудливее любой выдумки — и что там еще говорят в подобных случаях.

Сэм нашел одной рукой выключатель, держа в другой пистолет. Светильники на потолке загорелись мерцающим светом. Иоанн застонал, и его веки задергались. Сэм снова, довольно увесисто, стукнул его по голове. Сэм не хотел убивать Иоанна или портить ему мозги. Иоанн должен быть в сознании на все сто процентов. Иначе он не воспримет в полной мере того, что с ним происходит.

Сэм выдвинул ящики прикрепленного к переборке комода и вытащил тонкие полупрозрачные тряпочки, служившие бюстгальтерами. Ими он связал Иоанну ноги и руки за спиной. Потом, отдуваясь и кряхтя, взвалил бесчувственное тело на привинченный к палубе стул и привязал руки Иоанна к спинке. Прошел в гальюн, выпил две чашки воды и наполнил третью. Тут кран захрипел, и вода потекла тонкой струйкой. Насос почему-то отказал. Сэм вернулся в каюту и плеснул водой в лицо Иоанну. Тот вздрогнул и приоткрыл глаза. Казалось, он не сознает, где находится. Потом он узнал Сэма Клеменса, выпучил глаза и глотнул воздуха с таким звуком, словно получил удар под ложечку. Кожа в местах, не покрытых копотью, сделалась синевато-бледной.

— Да, это я, Иоанн,— широко усмехнулся Сэм.— Не верится, да? Ничего, скоро ты привыкнешь к этой мысли — хотя и без удовольствия.

— Воды! — прохрипел Иоанн.

Сэм заглянул в его налитые кровью глаза. Несмотря ни на что, Сэму было жаль Иоанна. Это было не сочувствие, а именно жалость.

Впрочем, Сэм и бешеную собаку не заставил бы страдать.

— Нет воды,— сказал он.

— Я умираю от жажды.

— И это все, что ты можешь сказать после того, что сделал со мной? — рявкнул Сэм.— Через столько лет?

— Утоли мою жажду,— сказал Иоанн,— и я утолю твою.

На лицо его вернулись живые краски, и глаза твердо смотрели в глаза Сэма. Зная Иоанна, Сэм понял уже, какую тактику избрал его коварный противник. Иоанн будет говорить разумно, спокойно и логично, будет взывать к человечности Сэма — и в конце концов избежит казни.

И самое скверное заключалось в том, что Сэм знал — так и будет.

Гнев уже покидал его. Тридцатитрехлетние фантазии о мести развеивались, как шелуха на ветру.

Оставался человек, по сути своей христианин, хотя и воинствующий атеист, как обозвал его один из его земных врагов.

Надо было выстрелить в голову Иоанну сразу же, включив свет. Сэму следовало знать, что произойдет, если он этого не сделает. Но он не мог убить человека в бессознательном состоянии — даже короля Иоанна, чьей крови жаждал все эти годы и которого в своих грезах подвергал всевозможным утонченным пыткам. В дневных грезах — в снах он этого не делал. Ночью как раз Иоанн угрожал оцепеневшему, беспомощному Сэму Клеменсу — Иоанн, а еще чаще Эрик Кровавый Топор.

Сэм, сморщившись, снова направился в гальюн. Как он и полагал, в душевых трубах сохранилось несколько чашек воды. Он выпил одну и налил другую. Вернувшись в каюту, он поднес чашку к губам пленника и напоил его. Иоанн облизнул губы и вздохнул.

— Еще, пожалуйста.

— Еще? Рехнулся ты, что ли? Я и эту дал тебе, чтобы ты выдержал то, что тебе предстоит!

Иоанн слабо улыбнулся — он тоже не заблуждался на счет Сэма. Видя это, Сэм обозлился так, что стал почти способен выполнить свою угрозу. Но гнев быстро прошел, и Сэм так и остался стоять, подняв пистолет. Иоанн перестал улыбаться, но лишь потому, что не желал доводить Сэма до крайности.

— Почему ты так уверен в себе, во мне? — спросил Сэм.— Думаешь, я не взорвал бы твое корыто, не смотрел бы, как ты

тонешь, и не спихнул бы тебя, если б ты попробовал взобраться на борт?

— Да, ты был бы способен на это. Но только в пылу боя. Пытать меня ты не станешь, как бы тебе этого ни хотелось. И застрелить хладнокровно не сможешь.

— Не то что ты на моем месте, так ведь, бессердечный ублюдок?

Иоанн улыбнулся.

Сэм хотел сказать что-то и осекся. Шум в коридоре прекратился, как отрезало. Иоанн тоже открыл рот, но умолк, повинуясь знаку Сэма. Он понимал, как видно, что пожалеет, если вздумает кричать. Его враг был не настолько уж мягкотел.

Шли минуты. Сэм приложил ухо к двери, глядя одним глазом на Иоанна. Он слышал слабые голоса. Стены кают были звуконепроницаемы, и он не мог определить, далеко ли говорят. Он вернулся к Иоанну и завязал ему тряпкой рот, туго затянув ее на затылке.

— На всякий случай,— сказал он.— Но если ты все-таки ухитришься позвать на помощь, я буду вынужден тебя застрелить. Помни это.

Хоть бы ты в самом деле закричал, подумал он.

Сэм выключил свет, отпер дверь и медленно распахнул ее, держа в другой руке пистолет. Прошло несколько секунд, прежде чем его глаза привыкли к темноте. В коридоре прибавилось трупов. Сэм осторожно выглянул за дверь и посмотрел вдоль прохода. Еще трупы. Похоже, бой прокатился до противоположной двери и вышел наружу.

Перестрелка давно уже прекратилась, и ее сменил звон клинков. Теперь в отдалении тоже слышались только голоса и звон оружия. Видно, обе стороны расстреливали свой боезапас.

Сэм не понимал, как небольшой отряд абордажников может так долго держаться против его людей. Придется подождать еще немного, чтобы выйти без опаски вместе с пленником.

Однако чего же он медлит? Разве не обязывает его долг выйти и возглавить своих людей? Обязывает, точно. Но как быть с пленным?

Ну, это просто. Он запрет Иоанна в каюте — вот и ключ висит у двери. А потом поищет своих. Найти их будет нетрудно. Большая их часть там, где слышен шум.

Сэм вернулся в каюту, закрыл дверь и включил свет. Иоанн посмотрел на него с любопытством.

— Скоро все кончится,— сказал Сэм.— Твоих людей теснят. Я ухожу, но скоро вернусь. И в недалеком будущем ты предстанешь перед судом.

Сэм помолчал. Иоанн смотрел на него с тем же выражением. Из-под кляпа слышались булькающие звуки — пленник, очевидно, что-то хотел сказать. Но что он может сказать? Зачем терять время?

— Я не хочу, чтобы говорили, будто я поступаю нечестно или что личные счеты мешают мне быть справедливым,— продолжил Сэм.— Поэтому тебя будут судить. Не августейшие особы, правда — где я наберу столько королей? Обычные присяжные — двенадцать порядочных людей. Леди, разумеется, тоже будут участвовать. Короче, суд будет честным, и ты сам сможешь выбрать себе защитника. Я подчинюсь приговору и даже в судьи не собираюсь себя предлагать. Какой бы вердикт присяжные ни вынесли, я соглашусь с ним.

Иоанн бубнил что-то сквозь кляп.

— Выскажешься, когда придет время,— сказал Сэм.— А пока что сиди тут и размышляй о своих грехах.

Он вышел, запер дверь, потом отпер ее снова и выключил свет. Иоанн будет больше мучиться, если останется в темноте.

Сэму следовало бы ликовать, но ликования не было. Его старый враг каким-то необъяснимым образом одержал над ним верх.

Разочаровываешься во всем, но это — это должно было стать одним из самых радостных событий в его жизни. Между тем его победа имела такой же вкус, как дымящаяся собачья куча, поданная под стеклянной крышкой.

Где бы спрятать ключ? Вот тут, пожалуй, в первой же незапертой каюте, через три двери от Иоанна. Сэм бросил ключ на пол и закрыл дверь. А теперь — найти Джо. Только сначала надо собрать побольше народу.

Сэм двинулся по коридору, идущему вдоль судна. Там было темно, и он отважился ненадолго включить свет. Пробежав сотню футов, он остановился на углу другого коридора. Там была лестница на ураганную палубу. Сэм выключил свет и полез наверх, к бледному квадрату выхода. Выйдя на палубу, он перешел на правый борт. Шум слышался где-то далеко. Сэм выглянул за угол. Джо должен быть где-то тут.

«Ну чего ты тут болтаешься, Джо? Делать тебе, что ли, нечего?» — «Автобуза жду, Зэм». — «Какого еще автобуса?» — «Такого. З колезами и мотором. Откуда я знаю, какой он? Я никогда его не видал. А ну, вытащи меня отзюда, пока я не разозлилзя и не врезал тебе».

Сэм представил себе этот разговор, похожий на множество других. Но никакого Джо, висящего на веревке, здесь не было. Валялась на палубе только сама веревка — на одном конце она была обрезана, на другом осталась петля.

Сэм обрадовался. Значит, Джо жив-здоров и сейчас, конечно, дает врагам прикурить.

Сэм повернулся, собираясь уйти, но остановился. С Реки донесся рев, который на Земле можно было приписать только льву или тигру. Но Сэм-то знал, кому он принадлежит. Он кинулся вниз по лестнице, перескакивая через две ступеньки и цепляясь за перила. На главной палубе он остановился — здесь следовало опасаться врагов. Но схватки шли далеко — одна на носу, другая на корме. Без выстрелов, только при звоне клинков. Сэм перегнулся через борт.

— Джо! Ты где, Джо?

— Зэм! Я тут, Зэм!

— Я тебя не вижу! — крикнул Сэм, вглядываясь в темноту. Там плавало много всего — куски дерева, трупы. Пароход дрейфовал по течению — на южном берегу ярко горели огни, но правый борт был сейчас обращен к темному северному берегу. Звездного света было недостаточно.

— Я тебя тоже не вижу, Зэм!

Сэм оглянулся по сторонам, проверяя, не подкрадывается ли кто к нему. И снова обернулся к Реке.

— Ты не можешь доплыть до парохода?

— Нет! — проревел Джо.— Но на воде держузь! Деревяшка меня держит! У меня левая рука зломана, Зэм!

— Я тебя вытащу, Джо! Держись! Я тебя спасу!

Сэм не имел понятия, как он это сделает, но решил, что изобретет какой-нибудь способ. Мысль, что Джо может утонуть, вызывала у него панику.

— Джо, ты все еще в доспехах?

— Нет, дуралей. Я был бы уже на дне и кормил рыб, будь на мне это железо. Я зкинул его зразу, как упал, хотя рука меня

чуть не доконала. Гозподи! Какая боль! Тебя когда-нибудь били по яйцам, Зэм? Ну так это ерунда — вот попробовал бы ты раздетьзя зломанной рукой.

— Ладно, Джо! — Сэм снова нервно оглянулся кругом. Кто-то бежал с носа в его сторону, за бегущим гнались двое других — но это происходило слишком далеко, чтобы Сэм мог опознать их. Вокруг было тихо.

На корме бой все еще шел, хотя и утихал как будто.

— Кто-то перерезал мою веревку! — орал Джо.— И я освободилзя. Тогда я взял пожарный топор и зтал рубить и разогнал взех, кто был на главной палубе. А потом кто-то возьми да зпихни меня за борт! Вот зилы-то в зазранце!

Джо говорил еще что-то, но Сэм не слушал. Он присел у борта, не зная, что делать. Трое бегущих быстро приближались, а Сэм все не мог различить их в темноте. Вот несчастье — как бы свои же не набросились на него в этой суматохе.

Сэм поднял левой рукой пистолет, держа в правой саблю. Стрелять он мог любой рукой, хотя не столь метко. Ну, на таком расстоянии не промахнешься. Только надо ли стрелять?

Ему так и не суждено было прийти к решению. Пока он пялил глаза во мрак, держа палец на курке, кто-то подхватил его и швырнул за борт.

Ошеломленный, Сэм не сразу понял, что с ним произошло. Он барахтался, захлебываясь, в воде, но не соображал, как и почему оказался там.

Ему подвернулось что-то мягкое и холодное. Труп. Сэм отпихнул его и снял с себя тяжелый патронташ.

Пароход маячил в шестидесяти футах от Сэма. Когда его успело отнести так далеко? Течением, что ли? Или он плыл? Не важно. Сэм тут, а пароход там. Сейчас Сэм к нему вернется. Вот уже второй раз Сэм оказывается в Реке. Бог троицу любит.

Гребя обратно к судну, Сэм заметил, что поручни нижней палубы находятся ближе к воде, чем следует. Пароход тонул!

Теперь Сэм знал, что смахнуло его с палубы. Так лошадь стряхивает овода — беда только, что у Сэма крыльев нет. Это был взрыв под ватерлинией, на котельной палубе, где хранились боеприпасы. А устроили взрыв, разумеется, люди Иоанна.

Сэм пережил сегодня столько, что даже скорая потеря прекрасного «Внаем не сдается», в иное время повергнувшая бы его

в неутешное горе, не сильно взволновала его. Он слишком устал и совсем отчаялся. Точнее, слишком устал, чтобы отчаиваться, поправил он себя.

Плывя к пароходу, он ударился обо что-то правой рукой, вскрикнул от боли и снова протянул руку. Пальцы нащупали скользкое дерево. Сэм, задыхаясь от радости, подтянул деревяшку поближе. Что бы это ни было — обломок каноэ или челнока,— на воде оно его удержит.

Где же Джо?

Сэм позвал его. Ответа не было. Позвал опять — и снова не получил отклика.

Не пострадал ли Джо от взрыва? По воде должна была пройти сильная волна. Те, кто был близко, возможно, убиты. Но Джо был не так уж близко. Или его все-таки зацепило? Грохнуло-то, поди, будь здоров.

А может, Джо просто потерял сознание от боли в руке и ушел под воду.

Сэм позвал еще два раза. Издали откликнулась какая-то женщина. Еще какая-то несчастная душа плавает в Реке.

Пароход оседал на глазах. Там внутри много больших и малых отсеков с закрытыми дверями и люками — возможно, заключенный в них воздух даже удержит пароход на плаву. А потом «Внаем» прибьет к берегу — или же его могут взять на буксир парусники и гребные лодки.

Для глубокого пессимиста Сэм был невероятно оптимистичен.

Лезть на пароход он не собирался. Мимо промелькнул нос судна, сносимый назад. Потом Сэм увидел катер «Афиш не расклеивать» — он шел медленно, высматривая, как видно, утопающих. Прожектор катера, шаривший по воде, наткнулся на что-то и остановился. Было слишком далеко, чтобы увидеть, что он освещает, и слишком далеко, чтобы на катере услышали крики Сэма.

Сэм вдруг вспомнил о короле Иоанне, связанном и беспомощном в запертой каюте. Он обречен, если кто-нибудь не найдет его вовремя. Кричать он не может, а если бы и мог — сомнительно, чтобы кто-нибудь оказался поблизости и услышал его. А хоть бы кто-то и услышал — ключа-то нет. Правда, замок можно прострелить, но... зачем ломать над этим голову? Иоанн обречен. Он сидит там и не знает даже, что пароход тонет. Вода уже зальет главную палубу, а он по-прежнему не будет ничего знать. Каюты водонепроницаемы. Лишь когда воздух начнет портиться,

Иоанн поймет, что происходит. Тогда он начнет отчаянно бороться, извиваться, корчиться, звать на помощь сквозь кляп. Воздух будет делаться все хуже и хуже, и Иоанн медленно задохнется.

Последние его минуты будут ужасны.

В былые времена Сэм смаковал бы в уме эту картину.

Теперь он жалел, что не может попасть на пароход и спасти Иоанна. Нет, он, конечно, не отпустил бы короля на все четыре стороны. Он позаботился бы о том, чтобы обещанный суд состоялся. Но он не хотел, чтобы Иоанн умер такой страшной смертью. Он никому не пожелал бы подобного.

Какой у него все же мягкий характер — вот Иоанн только радовался бы, представляя Сэма в такой ситуации. Что ж поделаешь. Он не Иоанн и рад этому.

Тут катер снова тронулся с места, и Сэм позабыл об Иоанне. Катер зашел за пароход и скрылся с глаз. Может быть, Андерсон собрался теперь снимать людей с тонущего судна? Если так, придется сначала прикончить последних абордажников с «Рекса», недоумков, не сумевших вовремя унести ноги. Разве что теперь у них хватит ума сдаться.

— Зэм! — раздалось позади.

Сэм обернулся, обхватив одной рукой свою деревяшку.

— Джо! Ты где?

— Тут я, Зэм! Я отключилзя. Только что очнулзя, но не знаю, надолго ли.

— Держись, Джо! Я плыву к тебе! Кричи все время! Я скоро! Кричи, чтобы я знал, где ты!

Не так-то легко оказалось развернуть большой кусок дерева и направить его к берегу. Приходилось держаться одной рукой и грести другой, помогая ногами. Порой Сэм останавливался перевести дыхание и кричал:

— Джо! Ты где? Джо, не молчи, чтобы я тебя слышал!

Тишина. Может, Джо опять потерял сознание? Тогда он, верно, привязан к тому, что держит его на плаву. Иначе он утонул бы сразу, лишившись чувств. Или он на чем-то лежит.

Сэм, пользуясь мгновением передышки, оглянулся назад. Пароход снесло еще дальше по течению. Река подбиралась к стенам главной палубы. Скоро каюта Иоанна окажется под водой.

Сэм толкал свою деревяшку к берегу. Пожар на суше бросал слабый отсвет на воду. Там плавало множество обломков, но Джо Сэм не видел.

Зато видел, как люди на берегу спускают на воду лодки и каноэ. Там светили сотни факелов. Снаряжают помощь — хотя с чего бы им помогать тем, кто сжег их поселок?

И все-таки они спешат на помощь поджигателям, как Сэм поспешил бы к Иоанну, если б мог. Притом у виролandцев нет причины ненавидеть корабельщиков так, как Сэм ненавидел Иоанна.

Берег был гораздо ближе, чем представлялось Сэму,— всего в какой-нибудь полумиле. Спасательные лодки приближались быстро, если учесть, что двигались они на веслах. Быстро, но недостаточно быстро. Сэм уже начал замерзать. Вода, хотя и теплее воздуха, все-таки была недостаточно теплой. В этом районе ее температура должна быть сорок пять по Фаренгейту, если он правильно помнил.

Река потеряла большое количество тепла, пройдя через Северный полюс, и еще не успела нагреться. Сэм устал до крайности, а шок, полученный в бою, и холодная вода совсем лишили его сил. Вот будет смешно, если он погибнет перед самым подходом спасателей.

Смешно, как всякая жизнь. Смешно, как всякая смерть.

Как было бы хорошо перестать плыть, отдаться на волю течения — пусть теперь поработают другие. Но надо найти Джо. Притом, если не барахтаться, тело еще быстрей потеряет тепло. А как хорошо бы...

Сэм потряс головой, сделал глубокий вдох и вновь привел в действие свои свинцовые члены.

Внезапно — нет, не внезапно, а много времени спустя — рядом возникла лодка. На ней горело множество факелов. Сильные руки втянули Сэма через борт и уложили, дрожащего, на доски. Его укрыли чем-то теплым и стали поить горячим кофе. Сэм сел и сразу затрясся — покрывала упали, и ночной холод охватил его.

— Джо! Найдите Джо!

— Что он говорит? — спросил кто-то на эсперанто.

— Это по-английски,— сказала женщина.— Говорит, чтобы мы нашли Джо. Кто это Джо? — спросила она Клеменса, наклонившись к нему.

— Мой лучший друг. И даже не человек при этом. Может, в этом все и дело.— Сэм устало рассмеялся: — Хо-хо-хо! В этом все и дело.

— А где он, твой Джо? — спросила женщина, обладавшая острым зрением. В свете факелов виднелись ее овальное, сердечком, лицо, большие глаза, широкий лоб, вздернутый нос, полные губы. Длинные желтые волосы вились.

Не хватало еще в такой момент глазеть на женщин. Вспомнил бы лучше... о Гвенафре.

Сэм ощутил смутный стыд за то, что ни разу с начала боя не подумал о ней. Где она? И почему он о ней не побеспокоился? Он ведь любил ее по-настоящему.

— Так где же? — снова спросила женщина.

— Он титантроп, человек-обезьяна. Волосатый гигант со здоровенным носярой. Он где-то тут, близко. Спасите его!

Женщина встала и сказала что-то на эсперанто. Мужчина рядом с ней поднял факел и стал глядеть в темноту. На лодке имелось много факелов, но проку от них было мало. Тучи заволакивали небо, гася звездный свет.

Сэм осмотрелся. Он сидел на палубе баркаса. Под ним с обеих сторон помещалось по дюжине гребцов.

— Вон там что-то плавает,— сказал человек с факелом.— Большое что-то. Может, и титантроп.

Человек стоял спиной к Сэму. Белый эскимосский наряд скрывал его голову, тело и ноги. Человек был невелик ростом, но очень плечист. И голос его был смутно знаком Сэму — когда-то давно Сэм уже слышал его.

Человек окликнул ближние лодки, сказав им, кого искать. Потом раздался крик. Сэм взглянул в ту сторону — люди на другом баркасе вытягивали из воды нечто громадное.

— Джо! — прохрипел Сэм.

Тогда человек в белом обернулся к нему. Пылающий сосновый сук ярко освещал его лицо.

И Сэм увидел широкие скулы, густые соломенные брови, квадратную массивную челюсть и ровные белые зубы в злобной усмешке.

— Кровавый Топор!

— Да,— сказал человек. И добавил на эсперанто: — Долго я ждал тебя, Сэм Клеменс.

Сэм с воплем вскочил и прыгнул за борт.

Холодные темные воды сомкнулись над ним. Он погружался все глубже и глубже, потом выпрямился и стал всплывать. Далеко ли еще до поверхности, где воздух? И сможет ли он спастись

от своей судьбы на другой лодке? Но ведь вироландцы не позволят Эрику убить его. Это против их принципов. Ну что ж — Эрик выждет случай и нанесет удар.

Джо! Вот кто защитит Сэма! Не только защитит, но и убьет норвежца. Сэм высунул голову на поверхность, ловя ртом воздух. Перед ним была лодка с людьми, хорошо видными в свете факелов. Все смотрели на него. Сзади к Сэму кто-то подплывал.

Сэм обернулся и увидел Эрика в нескольких футах от себя.

Сэм снова испустил вопль и нырнул. Только бы всплыть по ту сторону этой лодки, успеть подняться на борт...

Чужая рука сомкнулась вокруг его лодыжки.

Сэм вырывался, но норвежец был больше его и куда сильнее. Сейчас Эрик утопит его без свидетелей, а потом заявит, что пытался спасти бедного безумца.

Локоть зацепил Сэма за шею. Сэм бился, как рыба, пойманная в сеть, но знал, что это конец. Столько раз избежать верной гибели — и умереть вот так...

Очнулся Сэм на палубе баркаса, кашляя и задыхаясь. Изо рта и носа лилась вода. Две сильные, теплые руки поддерживали его.

Сэм взглянул вверх — это были руки Эрика Кровавого Топора.

— Не убивай меня! — сказал Сэм.

Голый и мокрый Эрик весь блестел в свете факелов, и виден был белый предмет, висящий у него на шее.

Спиральный позвонок рогатой рыбы, символ Церкви Второго Шанса.

Глава 37

Два человека пришли к одному заключению.

Довольно этого бессмысленного кровопролития. Пора сделать то, что каждый из них сделал бы давно, не будь он уверен, что другой плывет на вражеском пароходе. Однако за весь этот долгий бой ни один из них не видел другого. Стало быть, другого не было на пароходе, либо он благоразумно покинул его перед боем, либо его разорвало на куски, либо он утонул.

Каждый верил, что, если он погибнет, великий проект потерпит крах, хотя первому и второму этот крах виделся по-своему.

Теперь им представился случай сбежать. В пылу боя никто их дезертирства не заметит. А если и заметит, то ничего не сможет

сделать. И тот, и другой намеревались прыгнуть в Реку, доплыть до берега и продолжить свое долгое-долгое путешествие. Оба лишились граалей — один остался на затонувшем «Рексе», другой — в запертой кладовой «Внаем не сдается». Придется украсть запасные граали у вироландцев и отправиться вверх по Реке на парусниках.

Один из двоих сбросил доспехи, сложил оружие на палубу и уже собрался перескочить через поручни, как услышал позади голос другого. Тогда первый резко обернулся и подобрал свою саблю. Он не слышал этого голоса сорок лет, но узнал его сразу.

Но того, кто был связан в его памяти с этим голосом, он не узнал.

Человек, только что выбравшийся из люка, обратился к первому на языке, который на борту понимали только они двое. Тон его был резок.

— Да, это я, хотя и не похож на себя.

— Зачем ты это сделал? — спросил человек у борта.— Зачем?

— Тебе не понять. Ты дурной человек. Такими были и все остальные, даже...

— Были? — повторил человек у борта.

— Да. Были.

— Значит, все они мертвы... Я так и подозревал.

Первый взглянул на шлем и саблю, лежащие на палубе. Жаль, что второй не окликнул его прежде, чем он их снял. Теперь его враг имеет преимущество. Человек у борта знал, что, если он попытается сейчас прыгнуть через поручни или перевалиться через них спиной, другой с присущим ему мастерством пронзит его, метнув кинжал.

— А теперь ты хочешь убить и меня,— произнес первый.— Дальше падать некуда — ты погиб навеки.

— Мне пришлось убить Оператора,— бесстрастно сказал другой.

— Я бы не смог и помыслить о таком злодеянии,— ответил на это первый.

— Я не злодей! — крикнул другой.— Это ты...— Он переборол себя и вымолвил: — Что пользы спорить.

— Еще ничего не потеряно даже для тебя,— сказал первый.— Тебя простят и пошлют лечиться в мир Садов. Ты мог бы вернуться в башню вместе со мной и агентами...

— Нет,— сказал второй.— Не говори глупостей.

Он вскинул свою саблю и подступил к первому, который занял оборонительную позицию. Краткий и бурный поединок завершился тем, что безоружный, весь залитый кровью из многочисленных ран, упал с перерезанным горлом.

Убийца подтащил мертвого к борту, поднял его, поцеловал в губы и швырнул в воду. Слезы лились у него по щекам; он сотрясался от рыданий.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ: БЁРТОН ПРОТИВ БЕРЖЕРАКА

Глава 38

После взрыва на котельной палубе, устроенного группой Бёртона, события стали развиваться быстро и хаотически. Бёртон либо гнался за кем-то, либо сам убегал, атаковал и отступал. В основном отступал, поскольку численное преимущество было за врагом. Когда группу Бёртона оттеснили в помещение арсенала, она стала больше, чем была вначале. Восьмерых они потеряли, но к ним пристали другие, и теперь у них насчитывалось тринадцать мужчин и десять женщин. Насколько Бёртон знал, больше никого с «Рекса» в живых не осталось.

Боеприпасы и у той и у другой стороны кончились — оставалось надеяться только на холодную сталь. Враг отошел, чтобы отдохнуть и перевести дух, а также посовещаться. Вход в арсенал был шириной в два с половиной человеческих корпуса, и его штурм представлялся нелегким делом.

Бёртон, оглядев хранящееся здесь оружие, решил сменить саблю на шпагу, имевшую клинок с тупыми краями и треугольным острием в три фута длиной. Эфес был хорошей формы: слегка выгнутая рукоятка с двумя деревянными выступами для лучшего упора. Бёртон опробовал упругость клинка, приставив его конец к деревянной балке и согнув. Шпага образовала дугу около фута высотой и вновь распрямилась, когда давление ослабло.

В арсенале разило потом и кровью с примесью мочи и кала. Кроме того, здесь стояла невероятная духота. Бёртон снял с себя все доспехи, оставив только шлем, и предложил остальным последовать его примеру, хотя приказывать не стал.

— Когда мы пробьемся на палубу, некогда будет скидывать с себя железо,— сказал он.— Придется прыгать в Реку как есть. Проще снять доспехи здесь, чем в Реке.

Среди женщин была прелестная Афра Бен, утратившая некоторую долю своей прелести. Лицо ее, покрытое пороховой копотью, было все в подтеках крови и пота; глаза покраснели от дыма и усталости; одно веко дергалось.

— Пароход-то ведь тонет,— сказала она.— Если мы не выберемся отсюда быстро, пойдем на дно.

Вид у нее был истерический, но голос звучал довольно спокойно.

— Да-а, я знаю,— протянул Бёртон и поразмыслил с минуту. Они находились на палубе «Б», а палуба «А», вероятно, уже под водой. Скоро вода должна дойти и до них.

Он подошел к люку и выглянул. В коридоре горел свет. Почему бы ему не гореть — сеть ведь питается от батацитора. Она даже под водой будет работать.

Однако ни одной живой души в коридоре не было. Враг, должно быть, укрылся в близлежащих помещениях и ждет, когда люди с «Рекса» пойдут на прорыв.

— Я капитан десантников с «Рекса», Гвалхгвинн! — громко произнес он.— Хочу поговорить с вашим командиром!

Никто не ответил. Бёртон еще раз прокричал свое предложение, потом вышел в коридор. Если кто-то и сидит за открытой дверью рядом с арсеналом, ему их не видно.

А может, противники разошлись в оба конца коридора и ждут за тем и другим углом, чтобы захватить диверсантов врасплох?

В этот момент Бёртон увидел бегущую по полу воду — пока она покрывала коридор тонким слоем, но скоро начнет прибывать. Он крикнул караульным у двери:

— Скажите всем — пусть выходят! Люди Клеменса ушли!

Ему не пришлось долго объяснять своим, в чем дело,— они тоже увидели воду.

— Спасайся, кто может,— сказал Бёртон.— Гребите к берегу в меру своих сил. Я следом.

Он проводил их до борта, попрощался и пожелал всем удачи.

— Дик,— сказала Афра,— зачем ты остаешься?

— Поищу Алису.

— Если пароход затонет внезапно, ты окажешься в ловушке.

— Знаю.

Он не стал ждать, пока Афра прыгнет, а сразу пустился на поиски. Он бегал по коридорам и звал Алису, временами останавливаясь и слушая, нет ли ответа. Обежав всю палубу, он поднялся по лестнице в большой салон, занимавший четверть кормовой площади на ураганной палубе, как и салон «Рекса». Но здешний был куда больше. Его освещали потолочные светильники и люстры, хотя и разбитые местами во время боя. Несмотря на все повреждения и несколько валяющихся на полу изувеченных тел, салон производил внушительное впечатление.

Бёртон вошел и осмотрелся. Алисы тут не было, если она только не лежала за длиннющим баром, за разбитыми роялями или бильярдными столами. Задерживаться здесь было незачем, и все же Бёртон медлил, завороженный масштабами зала. Здесь, как и в салоне «Рекса», много лет шутили, смеялись, флиртовали, плели интриги, играли — для забавы, а то и на полном серьезе; здесь назначали свидания любящие и ненавидящие, здесь великие мастера Земли сочиняли и исполняли музыку, здесь играли на подмостках драмы и комедии. А теперь... Постыдный конец, достойный горьких сожалений.

Бёртон пошел через салон, но остановился. Какой-то человек вошел в противоположную дверь. Он увидел Бёртона и тоже остановился. Потом, улыбаясь, двинулся навстречу. Он был на пару дюймов выше Бёртона, тонкий, как борзая, с необычайно длинными руками. Кожа у него почернела от копоти, нос был очень большой, а подбородок — слабый. Но улыбка делала лицо почти красивым.

Блестящие черные волосы кольцами падали на плечи. На нем был только черный килт и красные, до колен, сапоги из кожи речного дракона, а правая рука сжимала эфес шпаги.

Бёртон испытал приступ «дежа-вю» — чувство, что он уже встречался с этим человеком при сходных обстоятельствах. Нет, он действительно когда-то встречался с ним и надеялся, что встретится опять. Долго не заживавшая рана на бедре отпечаталась в памяти.

Человек остановился в двадцати пяти футах от Бёртона и заговорил на эсперанто с легким французским и едва уловимым англо-американским акцентом:

— Ах, синьоро, это вы! Одареннейший, возможно, даже гениальный фехтовальщик, с которым я скрестил шпагу во время

десанта на ваше судно столь много лет назад! Тогда я представился вам, как подобает благородному человеку. Вы же угрюмо отказались назвать себя. Возможно, вы поступили так, полагая, что ваше имя мне неизвестно. Но теперь...

Бёртон сделал шаг вперед, держа шпагу почти отвесно, и сказал по-французски, с чисто парижским выговором времен 1650 года:

— Я не был уверен, мсье, когда вы представились, что вы тот, за кого себя выдаете. Вы могли быть и самозванцем. Но теперь я признаю, что вы действительно великий маньяк Савиньен де Сирано Второй де Бержерак — либо его брат-близнец, столь же искусный в фехтовании.

Бёртон, поколебавшись, решил, что с тем же успехом может назваться своим настоящим именем — в псевдониме больше не было нужды.

— Знайте же, мсье, что я Ричард Фрэнсис Бёртон, капитан десантников корабля «Рекс грандиссимус». На Земле я был посвящен в рыцари ее величеством Викторией, королевой Британской империи. И не за то, что я нажил себе состояние коммерческими операциями, а за мои исследования отдаленных частей Земли и за многочисленные заслуги перед своей страной и всем человечеством. Был я также небезызвестен среди фехтовальщиков своего времени — девятнадцатого века.

— А красноречием своим вы не были известны?

— Нет — и нос меня также не прославил.

На закопченном лице де Бержерака блеснули зубы.

— О, я так и знал, что без ссылки на нос не обойдется. Но знайте, мсье, что хотя мой суверен Людовик Тринадцатый не посвящал меня в рыцари, меня посвятила королева, стоящая выше вашей,— сама Фортуна. Я написал несколько философских романов, которые читались, как мне стало известно, и много позже моей смерти, и, как должно быть известно вам, выделялся среди величайших фехтовальщиков своего времени, от которых произошли великие фехтовальщики всех времен.— Француз снова улыбнулся, а Бёртон сказал:

— Не хотите ли вручить мне вашу шпагу? У меня нет желания вас убивать, мсье.

— Я как раз собирался предложить вам, мсье, отдать мне ваше оружие и сдаться мне в плен. Но вижу, что вам, как и мне, хочется выяснить, кто же из нас сильнее в фехтовании. Я много думал о вас, капитан Бёртон, с тех пор как пронзил шпагой ваше бедро. Из сотен, а возможно, и тысяч тех, с кем я сражался, вы были лучшим. Готов признать, что наш небольшой спор мог бы обернуться и по-иному, если бы вы не отвлеклись. Во всяком случае, вы продержались бы дольше.

— Сейчас увидим,— сказал Бёртон.

— О да, увидим, если пароход затонет не слишком быстро. Я, мсье, медлил с уходом, желая напоследок выпить за души славных мужчин и женщин, павших в бою за это некогда великолепное судно, последнее из величайших достижений человеческой науки и техники. Quel dommage!* Когда-нибудь я сочиню на это оду. По-французски, разумеется, ведь эсперанто не создан для высокой поэзии и ни в коей мере не может сравниться с моим родным языком. Давайте же вместе поднимем тост за тех, кого мы любили и кого уж больше нет. С воскрешениями покончено, мой друг. Умершие останутся мертвыми навеки.

— Возможно. Во всяком случае, я выпью с вами.

Необъятные буфеты с напитками за баром были заперты перед боем, но ключ лежал в одном из ящиков, и де Бержерак, зайдя за стойку, отпер буфет, оглядел ряд бутылок, достав затем из углубления одну.

— Эта бутылка была сделана в Паролando и уцелела во множестве боев и множестве попоек. Она наполнена отменным бургундским, которое время от времени находили в разных граалях, но не пили, а сливали сюда ради особого случая. Я полагаю, теперь этот случай настал — хотя торжество получилось весьма печальным.

Бержерак отпер другой буфет, резной, где стояли хрустальные кубки, и поставил два на стойку, куда положил и шпагу. Бёртон тоже положил свою справа от себя. Француз налил кубки до краев. И поднял свой, а Бёртон — свой.

— За дорогих усопших! — сказал де Бержерак.

— За них,— поддержал Бёртон, и оба выпили немного вина.

— Я небольшой приверженец спиртного,— сказал де Бержерак.— Оно низводит человека до уровня скота, я же предпочитаю постоянно помнить о том, что я — человек. Но теперь действительно особый случай. Еще один тост, мой друг, а затем приступим к делу.

---

* Какая жалость! *(фр.)*

— За раскрытие тайны этого мира,— сказал Бёртон, и они снова выпили.

Сирано поставил свой кубок.

— Что ж, мсье Бёртон, капитан бывших десантников бывшего «Рекса»,— я ненавижу войну и кровопролитие, но долг свой знаю и выполняю его, когда нужно. Мы оба с вами — прекрасные люди, и стыдно будет, если один из нас умрет, стараясь доказать, что он лучше другого. Платить за истину ценой своей гибели противоречит здравому смыслу. Поэтому я предлагаю считать победителем того, кто первый пустит другому кровь. И если, о чем молю Творца, которого нет, первая рана не будет роковой, победитель возьмет побежденного в плен, после чего мы спешно, но с достоинством покинем это судно, пока оно не затонуло.

— Клянусь честью, так и будет,— сказал Бёртон.

— Прекрасно! Защищайтесь же!

Отсалютовав друг другу, оба приняли классическую оборонительную позицию: левая нога позади правой под прямым углом к ней, колени согнуты, тело повернуто боком, чтобы уменьшить площадь попадания, левая рука приподнята, плечо параллельно земле, предплечье под прямым углом к нему, кисть свободна; правая рука опущена, и шпага служит ее непосредственным продолжением. Круглая coquille, чашка эфеса, в этой позиции защищает предплечье.

Де Бержерак с возгласом, соответствующим английскому «ха», прыгнул вперед. Двигался он быстро, как молния, как было известно Бёртону из его биографии и из прошлой дуэли с ним. Но и Бёртон отличался необычайной быстротой. После многолетней практики на Земле и здесь он на каждый вид атаки отвечал почти автоматически.

Бержерак метил Бёртону в плечо. Бёртон отразил удар и перешел в контратаку. Бержерак тоже отразил и сделал выпад поверх шпаги Бёртона, но тот совершил встречный выпад, отведя чашкой острие противника и почти одновременно направив свое острие противнику в плечо.

Де Бержерак снова парировал и сделал быстрый выпад в обход эфеса Бёртона, снова целя ему в руку. Этот прием назывался «тычок» или «клевок».

Бёртон отклонил острие — при этом край клинка проехался ему по руке, но кровь не выступила.

Дуэль на рапирах или шпагах напоминает попытки продеть нитку в движущуюся иглу. Острие шпаги атакующего — это конец нити, а шпага обороняющегося — ушко иглы. Ушко должно быть как можно уже и в данном случае таким и было. Но проходит секунда — и вот игла с ниткой меняются ролями. В защите двух славных фехтовальщиков почти не было просветов — она приоткрывалась лишь на миг, когда шпага, переходя в атаку, описывала небольшой круг.

В спортивном фехтовании не разрешается целить в голову, руки, ноги, но выпады ниже пояса допускаются. В настоящем же бою наносят удары и в голову, и по всему телу. Проткнуть можно что угодно, даже большой палец ноги — лишь бы противник не насадил тебя при этом на шпагу.

Считается аксиомой, что фехтовальщик с безупречной защитой проиграть не может. Ну а если защита безупречна у обоих дуэлянтов? Что же тогда — нашла коса на камень? Нет. Человек — не коса и не камень. Один из противников непременно устанет раньше другого, или обстановка будет помогать одному из бойцов. Всегда можно поскользнуться на полу, а в данном случае — на щепке от мебели, на бутылке или споткнуться о мертвое тело. Чей-нибудь крик, как было при первой дуэли Бёртона с Бержераком, может на долю секунды отвлечь бойца — и его быстрому, как кошка, и зоркому, как орел, противнику этой доли хватит.

Бёртон думал об этом краем сознания, основная часть которого была занята пляской клинков. Противник был выше его и руки имел длиннее. Но это еще не означало, что Бёртон был в невыгодном положении. Если поединок пойдет на более близкой дистанции, длинная рука француза утратит свое значение, а Бёртон получит преимущество.

Бержерак это знал — он все знал о фехтовании — и держал выгодную для себя дистанцию.

Звенела сталь, и дыхание со свистом вырывалось из груди бойцов. Бержерак, продолжая вести бой выпрямленной рукой, сосредоточил свои атаки на кисти и предплечье Бёртона, чтобы тот не мог достать его шпагой.

Англичанин держал руку согнутой, делая наклонные выпады, стараясь связать шпагу противника, «обойти» ее. Для этого шпагу нужно было отклонить в сторону боковым ударом. При «обходах» конец шпаги Бёртона описывал полный круг.

Тем временем он искал слабые места Бержерака, точно так же как француз изучал его. Искал и не находил. И надеялся, что де Бержерак, в свою очередь, не найдет никакого изъяна.

Как и в первом поединке, они установили ровный ритм атаки и парирования, рипоста и контрпарирования. Даже финты стали частью ритма, поскольку ни один не поддавался на них и не открывался.

Оба ждали момента, когда противник откроется и недостаточно быстро загородится. По лицу де Бержерака лился пот, промывая ручейки в копоти. И Бёртону пот ел глаза. Когда становилось невмоготу, он отскакивал назад и быстро вытирал лоб и глаза левой рукой. Француз пользовался этими перерывами, чтобы самому утереть пот платочком, засунутым за пояс килта. Перерывы делались все чаще — не только чтобы утереть пот, но и чтобы отдышаться.

В одну из таких передышек Бёртон сорвал нагрудную повязку с мертвой женщины, чтобы промокнуть ею пот. Потом, следя, не предпримет ли де Бержерак флеш — атаку с разбега,— он обвязал эту тряпицу вокруг головы. Де Бержерак, следуя его примеру, снял повязку с другого тела и обвязал себе голову.

У Бёртона пересохло во рту и язык сделался большим и шершавым, как огурец.

— Минутное перемирие, мсье де Бержерак,— прохрипел он.— Выпьем чего-нибудь, пока не померли от жажды.

— Согласен.

Бёртон зашел за стойку, но в кранах не было воды. Тогда он достал из открытого французом буфета бутылку «Пурпурной страсти» и вытащил зубами пластмассовую пробку. Первый глоток он предложил де Бержераку, но тот отказался. Тогда Бёртон напился и передал бутылку через стойку французу. Напиток обжег ему горло, согрел грудь и нутро и немного утолил жажду — полностью утолить ее могла только вода.

Де Бержерак посмотрел сквозь бутылку на свет:

— Ага! Вы проглотили три унции, мой друг. Я выпью столько же, чтобы степень нашего опьянения была одинаковой. Будет нехорошо, если я убью вас из-за того, что вы окажетесь пьянее меня. Вы могли бы тогда пожаловаться на мое нечестное поведение, и вопрос о том, кто же лучше фехтует, так и остался бы без ответа.

Бёртон рассмеялся по-своему — сквозь зубы. Де Бержерак вздрогнул.

— Вы точно кот, мой друг.

Он выпил и поставил бутылку, кашляя и обливаясь слезами.

— Mordioux!* Нет, это не французское вино! Такое пьют только северные варвары — англичане!

— Неужели вы ни разу его не пробовали? За все длинное путешествие?

— Я же говорил вам, что очень мало пью. Helas!** Ни разу в жизни я не дрался на дуэли, не будучи трезвым как стеклышко. А теперь я чувствую, как поет во мне кровь, как возвращаются силы — и знаю, что все это фальшь, обман, вызванный спиртным. Ну что ж. Если я несколько навеселе, отчего реакция у меня стала медленнее и глаз слабее, то ведь и вы в том же положении.

— На алкоголь все реагируют по-разному,— заметил Бёртон.— Очень возможно, что я, любящий крепкие напитки, больше привык к ним. И теперь получу преимущество.

— Посмотрим,— улыбнулся де Бержерак.— А теперь, мсье, не выйдете ли вы из-за стойки, чтобы мы могли возобновить наш маленький спор?

— Разумеется.— Бёртон обошел бар. Почему бы сейчас не попробовать флеш? Если он промахнется или его удар с налету будет отражен, он потеряет равновесие и станет легкой добычей для Бержерака. Есть, однако, возможность прорвать защиту француза.

Нет, нет. Пришла бы ему в голову эта мысль, не влей он в себя три унции пятнадцатиградусной «Пурпурной страсти»? Нет. Нельзя.

Ну а если взять бутылку и швырнуть ее, одновременно предприняв флеш? Противнику придется пригнуться, и он утратит равновесие.

Бёртон остановился рядом с винной бутылкой. Де Бержерак ждал. Бёртон разжал левую руку и вздохнул. Француз с улыбкой отвесил ему легкий поклон.

— Мои поздравления, мсье. Я надеялся, что вы не поддадитесь искушению и не прибегнете к бесчестному приему. Это

---

* Проклятье! *(фр.)*

** Увы! *(фр.)*

разногласие должно улаживать одной лишь шпагой. Я салютую вам за то, что вы это понимаете. И салютую как лучшему противнику из всех, что мне встречались, а встречались мне сильнейшие из сильных. Как это прискорбно, какая жалость, что при этой дуэли, великолепнейшей дуэли всех времен и мест, присутствуем только мы с вами. Какая драма! Нет, не драма — трагедия, величайшая потеря для человечества!

Бёртон заметил, что француз стал говорить несколько бессвязно. Следовало ожидать. Или он, хитрец, преувеличивает свое опьянение, чтобы усыпить бдительность Бёртона?

— В принципе я с вами согласен,— сказал Бёртон,— и благодарю вас за комплименты. Я тоже должен сказать, что вы — лучший фехтовальщик, которого я встречал. Однако, мсье, незадолго до этого вы намекнули на мое красноречие. Так вот, если в фехтовании мы и равны, то в умении трепать языком вы меня превосходите.

— Языком я орудую столь же легко, сколь и шпагой,— улыбнулся француз.— Мои читатели и мои слушатели получали не меньше удовольствия, чем свидетели моих поединков. Я забыл о вашей англосаксонской сдержанности, мсье. Пусть же за меня впредь говорит моя шпага.

— Пусть. Защищайтесь!

Шпаги скрестились снова — атака, отражение, рипост, контррипост. Оба были безупречны в точности дистанции, в ритме, в расчете, в тактике и в координации.

Усталость и хмель одолевали Бёртона — он знал, что из-за них движется медленнее и глазомер у него уже не тот. Однако противник должен испытывать то же, если не в большей степени.

И вот, когда Бёртон отразил выпад, направленный в его левое плечо, и ответил выпадом, метящим в живот Бержераку, он увидел что-то на пороге у главной лестницы. Бёртон отскочил назад и крикнул:

— Стойте!

Де Бержерак, видя, что Бёртон смотрит ему за спину, тоже отскочил подальше, чтобы не быть застигнутым врасплох. И увидел воду, тонкой струйкой текущую через порог.

— Итак, мсье Бёртон,— сказал он, тяжело дыша,— вода поднялась до нашей палубы. Времени у нас немного. Пора заканчивать, да поскорее.

Бёртон очень устал и с трудом переводил дух — его точно ножами кололи под ребра.

Он подступил к французу, собравшись атаковать с разбега. Но де Бержерак опередил его и ринулся вперед, невесть откуда почерпнув энергию в своем щуплом теле. Возможно, он наконец-то заметил брешь в защите Бёртона. Или решил, что его противник обессилел больше, чем он сам.

Как бы там ни было, он просчитался. Точнее, расчет его был, возможно, и верен, но Бёртон вдруг понял — по телесному языку Бержерака, по сокращению некоторых мускулов, по легкому прищуру глаз,— что намерен сделать француз. Понял еще и потому, что сам готовился к тому же и подавлял сигналы тела, чтобы не выдать себя.

Де Бержерак бросился вперед, стараясь отжать в сторону шпагу Бёртона. Этот прием иногда использовался при внезапных атаках и мог бы удаться, если бы Бёртон не ждал его, если бы Бёртон, так сказать, не видел перед собой своего зеркального отражения, выполняющего тот же маневр.

Для успешного флеша требуется внезапность, быстрота и преодоление защиты противника. Быстрота у Бержерака была, но внезапности не получилось, поэтому защиту преодолеть он не смог.

Знающий зритель отметил бы, что де Бержерак пользуется преимуществом. Он держался прямее Бёртона, рука его была выше, что позволяло более сильной половине его клинка, от эфеса до середины, отвести в сторону более слабую половину клинка Бёртона — от середины до острия.

Но Бёртон подставил верхнюю часть шпаги, сбил шпагу де Бержерака вниз и тут же пронзил противнику левое плечо. Лицо де Бержерака в непокрытых копотью местах сделалось серым, но шпаги он не выпустил. Бёртон мог бы убить его в тот момент.

Бержерак в шоке, покачиваясь, все же нашел в себе силы улыбнуться.

— Первая кровь за вами, мсье. Вы победили. Я признаю, что победа за вами, однако не стыжусь...

— Позвольте мне помочь вам,— сказал Бёртон, и тут кто-то с порога выстрелил из пистолета.

Бержерак споткнулся и тяжело упал лицом вниз. Пуля попала ему в спину около поясницы.

Бёртон взглянул в сторону двери.

Там стояла Алиса с дымящимся пистолетом в руке.

— Боже! — вскрикнул Бёртон.— Зачем ты это сделала, Алиса?

Алиса бросилась к нему, шлепая по воде.

Бёртон присел и перевернул француза, положив его голову себе на колени. Алиса встала рядом.

— В чем дело? Ведь это же враг?

— Да, но он только что сдался. Знаешь, кто это? Сирано де Бержерак!

— О господи!

Де Бержерак открыл глаза и взглянул на Алису:

— Вам следовало бы сначала выяснить, как обстоят дела, мадам. Впрочем... люди так редко дают себе этот труд.

Вода быстро прибывала, и палуба перекашивалась — этак де Бержерака скоро покроет с головой. Он закрыл глаза и открыл их снова.

— Бёртон?

— Да?

— Теперь я вспомнил. Как же глупы мы были оба. Ведь вы тот самый Бёртон... Клеменс говорил, что вас... завербовал этик.

— Да.

— Зачем же мы... тогда дрались? Я... слишком поздно вспомнил... нам... следовало бы отправиться... в башню... вместе. Теперь... я...

Бёртон наклонился, чтобы расслышать угасающий голос.

— Что вы говорите?

— ...ненавидел войну... и глупость...

Бёртону показалось, что де Бержерак умер, но француз вымолвил еще:

— Констанс! — потом вздохнул, и его не стало.

Бёртон заплакал.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ 20 000 МИЛЬ

Глава 39

Бёртону и Харгривз наряду с другими оставшимися в живых пришлось выдержать гнев Ла Виро. Высокий, темнолицый, большеносый епископ бушевал битый час, расхаживая перед шеренгой «преступников». Они стояли у почернелого собора, огромного и крайне нелепого сооружения.

Греческий портик с ионическими колоннами венчал луковичный купол с гигантской каменной спиралью на макушке. Все это были символы Церкви Второго Шанса, что не мешало Бёртону и прочим находить собор безобразным и смешным. Как ни странно, но именно дурной вкус Ла Виро, создателя этого архитектурного чуда, помог им выдержать гневную речь. Он был во многом прав, но нагородил и немало глупостей.

Что ж делать — только он мог дать им граали, одежду, кров. Поэтому спасенные не защищались, но давали выход своему гневу, втихомолку посмеиваясь над уродливым храмом и его строителем.

Наконец Ла Виро устал живописать глупость, черствость, жестокость, кровожадность и эгоизм тех, кто стоял перед ним. Он воздел руки и заявил, что ему тошно на них смотреть. Он вернется в храм и помолится за ка убитых ими вироландцев. А также за живых и мертвых грешников, хотя они этого не заслуживают. Корабельщиков он передает брату Фениксо, известному ранее как Герман Геринг.

— Вид у вас как у наказанных за дело детей,— сказал Геринг.— Надеюсь, вы так себя и чувствуете. Но пока что я не питаю на ваш

счет особых надежд. Это потому, что я зол на вас. Но я преодолею свой гнев и тогда сделаю все, чтобы помочь вам измениться к лучшему.

Он провел всех в заднее помещение храма, где вручил каждому грааль и одежду, включая и теплые вещи.

— Все остальное, что вам понадобится, придется добывать самим,— сказал он и отпустил всех, попросив остаться одного Бёртона.

— Вы слышали, что Сэмюэль Клеменс умер от сердечного приступа?

Бёртон кивнул.

— Очевидно, он думал, что брат Эрико по-прежнему намерен свести с ним старые счеты. Это оказалось последней каплей после того, что он пережил во время боя. Последняя соломинка сломала спину верблюда — и сердце человека.

— Джо Миллер рассказал мне об этом утром,— сказал Бёртон.

— Да-а. Если кто-то не займется этим титантропом, он тоже умрет от разбитого сердца. Он по-настоящему любил Клеменса.

Геринг спросил Бёртона, намерен ли тот продолжать свой путь к истокам. Бёртон ответил, что не затем шел так далеко, чтобы отказаться. И намерен отправиться к башне как можно скорее.

— Придется вам построить себе парусник. Люди Клеменса, конечно, не разрешат вам плыть вместе с ними на «Афиш не расклеивать».

— Кто знает.

— Вы хотите сказать, что похитите катер в случае отказа?

Бёртон промолчал.

— Есть ли предел насилию, которое вы творите?

— Я не говорил, что прибегну к насилию. Я только намеревался в ближайшее время поговорить с Андерсоном.

— Андерсон убит. Предупреждаю вас, Бёртон, не проливайте больше здесь крови!

— Я сделаю все, чтобы этого избежать. Право же, мне это нравится не больше, чем вам. Однако я реалист.

Маленький катер «После вас, гасконец» пропал вместе со всей командой. Никто не знал, что с ним сталось, хотя некоторые виролandцы будто бы видели, как он взорвался.

— На катере, если идти хорошим ходом, до истока можно добраться дней за тридцать,— сказал Геринг.— Но агенты этиков окажутся там раньше вас.

— Так вы о них знаете? — опешил Бёртон.

— Да. Я говорил ночью с Фрайгейтом и с Миллером, стараясь облегчить их горе. Я и раньше знал больше, чем вы думаете, и многое подозревал. С полным основанием, как выяснилось. Ни один из двоих не счел нужным скрыть от меня существование этика-ренегата. Я рассказал об этом Ла Виро, и он теперь погружен в тяжкие раздумья. Это стало для него большим потрясением, хотя нисколько не отразилось на его вере.

— А на вашей?

— Не вижу причин ее менять. Я никогда не считал создателей этого мира ни ангелами, ни демонами. Однако две истории, услышанные мною, содержат немало загадок. Самая интригующая и самая печальная из них касается участи, постигшей инопланетянина с корабля Клеменса — кажется, его звали Монат.

— Как? В первый раз слышу об этом.

Геринг передал ему рассказ Миллера и спросил:

— Так вы говорите, что его спутник, Фрайгейт, тоже исчез?

— Тот Питер Джейрус Фрайгейт был агентом. Он не был точной копией Фрайгейта, о котором вы говорите, но очень на него походил. Он мог бы быть братом Фрайгейта.

— Возможно, когда вы попадете в башню — если попадете,— вы найдете ответ.

— Я нашел бы ответ еще скорее, если бы догнал агентов, ушедших на катере,— мрачно сказал Бёртон.

Поговорив с Герингом еще немного, он ушел, так и не сказав Герману, что означают новости о Монате и мнимом Фрайгейте. А означают они, что этик Икс, Таинственный Незнакомец, плавал на «Внаем не сдается». И что он избавился от Моната часов восемь спустя после своего появления на судне. Почему? Потому что Монат узнал бы его. Икс сменил свой облик, но Монат опознал бы его рано или поздно. Скорее рано. Поэтому этику пришлось действовать быстро. Хотелось бы Бёртону знать...

Итак, Икс плавал у Клеменса. Остался ли он в живых после боя? Если да, он должен быть где-то здесь, в горстке спасшихся с «Внаем не сдается».

Если только он не уплыл сразу вверх по Реке или не перебрался на другой берег.

Бёртон вернулся к Герингу и спросил, нет ли спасенных на той стороне озера и не ушел ли кто-нибудь по скальной тропе через пролив.

— Нет,— сказал тот.— Если бы были такие, я бы знал.

Бёртон постарался не выказать своего волнения, но Геринг спросил с улыбкой:

— Вы думаете, что Икс здесь, не так ли? Близкий, но неузнаваемый?

— Вы чертовски догадливы. Да, я так думаю — если только он жив. Струбвелл и Подебрад были агентами — теперь об этом можно сказать,— но они убиты. Возможно, та же участь постигла и Икса.

— А видел ли кто-нибудь, как погибли Струбвелл и Подебрад? Да, знаю — Джо Миллер считает Струбвелла убитым, поскольку тот не вышел из рубки, когда она обвалилась. Но Струбвелл мог выйти и позже. А о Подебраде известно лишь то, что его никто не видел после столкновения судов.

— Хотел бы я заполучить их живыми. Уж я бы вызнал у них правду. Однако я все же думаю, что они мертвы. Веским доказательством служит то, что вы, местные жители, их не видели. Что же до Икса — не знаю.

Бёртон простился с Герингом и пошел к полуобгоревшему причалу, где стоял «Афиш не расклеивать», похожий на чудовищную черную черепаху. Круглый верх был панцирем, а длинный узкий нос — вылезающей из него головой. Дуло торчащего на носу парового пулемета было языком, а дуло, торчащее на корме,— хвостом.

Бёртон слышал от кого-то из команды, что катер имеет на борту большой батацитор и может разместить с удобствами пятнадцать человек, а если потесниться, то и двадцать. Он делает тридцать пять миль в час против десятимильного течения и десятимильного же ветра. На катере есть пятнадцать винтовок и пятнадцать пистолетов, стреляющих пороховыми патронами, десять пневматических винтовок и еще много разного оружия.

На причале стояли Джо Миллер, с ручищей в гипсе, несколько членов команды и несколько спасшихся с «Внаем не сдается». Бёртону описали нового капитана «Афиш», и он узнал Кимона без труда.

Кимон, невысокий, коренастый, смуглый, с внимательными карими глазами, был древним греком, чьи деяния Бёртон изучал

и в школе, и после нее. Кимон, крупный военачальник, флотоводец и государственный деятель, был одним из создателей афинского государства после персидских войн. Родился он в 505 году до н. э., если Бёртон правильно помнил.

Консерватор Кимон стоял за союз со Спартой, что шло вразрез с политикой Перикла. Отцом его был знаменитый Мильтиад, победитель в битве при Марафоне, где греки обратили вспять орды Ксеркса. Кимон участвовал в морской битве при Саламине, в которой афиняне потопили двести вражеских судов, сами потеряв только сорок, и навсегда покончили с господством персиян на море.

В 475 году Кимон изгнал пиратов со Скироса, нашел и перевез в Афины кости Тезея, легендарного основателя аттического государства, убившего Минотавра в лабиринтах Кносса. Кимон был в числе судей, давших Софоклу первый приз за его трагедию на состязаниях в Дионисии в 468 году.

В 450-м Кимон возглавил экспедицию против Кипра и погиб во время осады Китиума. Его тело отвезли в Афины и похоронили там.

Сейчас он был вполне живой и очень вредный. Он громко спорил с группой людей Клеменса. Бёртон, изображая из себя вироландца, стоял и слушал.

Спор, видимо, шел о том, кого катер возьмет в дальнейшее путешествие вверх по Реке, а также о старшинстве. Кроме одиннадцати членов команды «Афиш» в живых остались еще десять человек с корабля Клеменса. Трое из них были старше Кимона по званию, но Кимон настаивал на том, что командир катера он и каждый, кто взойдет на борт, будет ему подчиняться. Кроме того, он не возьмет в рейс больше одиннадцати человек, и ими станет команда «Афиш». Впрочем, он готов взять и посторонних, если кто-то из его людей не пожелает плыть дальше.

Кимон и остальные вскоре ушли на катер, но их громкие голоса доносились сквозь открытые иллюминаторы.

Титантроп не пошел внутрь. Он стоял на месте, тихо бормоча что-то себе под нос. Глаза у него были красные, и видно было, что он в глубоком горе.

Бёртон подошел к нему и представился.

Джо Миллер густым басом пророкотал по-английски:

— Да, я злышал про ваз, мизтер Бёртон. Зэм говорил мне. Как вы здезь оказализь?

— Я плыл на «Рексе»,— неохотно сознался Бёртон.

— Какого черта вы там делали? Ведь вы — один из людей этика, так?

— Да. Но я не знал до вчерашнего дня, что и на «Внаем не сдается» есть его рекруты. Хотя, по правде сказать, подозрения у меня были.

— А кто зказал вам вчера?

— Сирано де Бержерак.

— Зирано! — просветлел Джо.— Так он жив? Я думал, нет. Где он?

— Нет, он убит. Но он узнал меня и сказал, что к нему и Клеменсу тоже приходил этик.

Бёртон счел за благо умолчать о том, что это его женщина убила де Бержерака.

Титантроп, казалось, переживал какую-то внутреннюю борьбу. Потом он успокоился, едва заметно улыбнулся и протянул Бёртону свою здоровенную лапу.

— На, держи. Я на тебя зла не держу. Взе мы хороши. Превратнозти войны, как говаривал Зэм.

Рука Бёртона исчезла в ладони титантропа. Джо с умеренной силой пожал ее и отпустил.

— Не надо бы тут разговаривать,— сказал Бёртон.— Слишком много народу. Пойдем со мной, и я представлю тебя людям, которые знают про этика.

Они пошли к холму за храмом, где Алиса и остальные строили хижины. Бёртон отозвал в сторону ее, Фрайгейта, Нура и Афру Бен. Представив им Миллера, Бёртон попросил Джо рассказать все, что ему известно об Иксе и его рекрутах. Рассказ получился длинный, часто прерывался вопросами и закончился, лишь когда ужин давно прошел. Не достроив свои хижины, пятеро улеглись спать в портике храма, укрывшись одеждой.

После завтрака они снова занялись стройкой, и к вечеру две хижины были готовы. Миллер ненадолго спустился к катеру посмотреть, что там происходит. Когда он вернулся, Бёртон стал рассказывать свою историю. Рассказ пришлось прервать ради погребальной церемонии — хоронили тех, кто не потонул. До похорон их держали в спирту, а теперь уложили на деревянный помост. Миллер оплакивал Сэма Клеменса и свою подругу огромную рыжую древнюю киммерийку.

Когда Бёртон, представляющий «Рекс», и Кимон, представляющий «Внаем не сдается», произнесли несколько слов в память о своих павших товарищах, Ла Виро сказал краткую, но страстную речь о бесполезности их гибели. После этого мертвых возложили на огромный костер и сожгли.

Лишь к шести утра, когда пошел дождь, Бёртон и его спутники досказали свое.

— Я не зобиралзя плыть дальше,— сказал им Джо.— То езть хотел проплыть еще немного, чтобы найти звоих и остатьзя з ними. Хотя я не уверен, что был бы зчастлив з ними теперь. Я злишком много видел, злишком много зтранзтвовал, зтал злишком цивилизованным, чтобы мне там было хорошо. Но взе равно к башне я плыть не хотел. Зачем она мне? А теперь, когда я взтретил ваз, я, пожалуй, поплыву. Иначе и гибель Зэма, и зтрадания, и гибель взех этих людей будут напразны. И еще я хочу узнать, кто такой этик. Езли он нас дурачил, как подозревали мы з Зэмом, я его на кузочки разорву, шкуру здеру полозками.

— Полосками? — спросил Бёртон.— Это как же?

— Так говорят в моем племени. Что тут непонятного?

— Кто еще с вашего судна знает об этике?

— Один маленький француз, Маршелен, или барон де Марбо. Зэм ему раззказал. Зэм зчитал, что ему можно доверять. Потом еще этот бедный китаец Тай-Пен — по-назтоящему его звать Ли По. Потом чернозадый вышибала Том Терпин — он еще здорово бацает по клавишам. К Тому этик не приходил, но Тай-Пен как-то брякнул ему по пьянке, что, мол, небожитель, наверно, давным-давно помер от цирроза печени, поэтому нам пришлозь принять и Тома. Но он хороший мужик. Еще Эли Паркер — к нему этик тоже не приходил, но Зэм зказал ему, потому что на Земле Эли был хорошим другом генерала Улизза Гранта и злужил в его штабе в Гражданзкую войну. На пароходе Эли злужил механиком. Он индеец, ирокез из племени зенека. И еще древний шумер, Гильгамеш.

— Гильгамеш?

— А я что говорю. Зэм говорил — кто знает, может, он назтоящий царь города Урука, который жил в третьем тызячелетии до нашей эры. Вряд ли нам мог взтретитьзя кто-то, кто знал настоящего Гильгамеша, поэтому точно мы не знали. Ну и еще древний майя, Ах-К'ак. Он ужазно зильный, хотя и коротышка.

— Ах-К'ак на языке майя значит «огонь»,— заметил Бёртон.

— Ага. Но от огня в нем ничего нет, он больше змахивает на колобок. Жирный, как звинья. Но очень зильный, как зказал. Зтреляет из лука дальше взех, кого я знаю, кроме меня, конечно. Дальше даже, чем жители каменного века, которые з нами плавали. У него на верхней губе татуировка — узы, как у дикаря з Борнео.

— Значит, Кимон и все прочие ничего не знают об Иксе и агентах? — спросил Бёртон.

— Езли бы знали, я бы так и зказал.

— Однако среди них могут быть агенты,— заметил Нур эль-Музафир.

— Мне бы хотелось поговорить со всеми, кого ты назвал,— сказал Бёртон. Помолчав, он добавил: — Если бы все мы, знающие об этике, сели на катер, остальным бы пришлось остаться здесь, уступив нам место. Как ты думаешь, возможно это?

— А как же,— ухмыльнулся титантроп, показав огромные зубищи,— Очень даже возможно. Взе равно что найти ледышку в козтре.

— Тогда нам придется захватить катер. Угнать его.

— Я так и думал. И почему это мы делаем зтолько неэтичных вещей, чтобы помочь этику?

Глава 40

В группе было одиннадцать человек. Пятерых из них завербовал сам этик-ренегат. Это были Ричард Фрэнсис Бёртон, Нур-эддин эль-Музафир, Тай-Пен, Гильгамеш и Ах-К'ак. Так они, по крайней мере, утверждали. Но Бёртон мог быть уверен только в самом себе. В группе могли быть и агенты, и даже этики.

Джо Миллеру об Иксе рассказал Сэмюэль Клеменс. Алисе — Бёртон. Афра Бен не знала об этике до вчерашнего дня, но горела желанием участвовать в экспедиции. Ей рассказал о Незнакомце де Марбо, слышавший о нем от Клеменса. Поскольку эти двое когда-то были любовниками и опять стали ими, все остальные согласились взять с собой Афру.

Эли Паркер, сенека, тоже узнавший об Иксе от Клеменса, сначала собрался с ними, но передумал.

— Пусть черти возьмут башню, этиков и все прочее,— сказал он Бёртону.— Я останусь здесь и попробую поднять «Внаем». Он

лежит на глубине каких-нибудь сорока футов. Подниму его, починю и уплыву вниз по Реке. Что толку гибнуть, пытаясь доказать то, что доказать нельзя? Этики не желают, чтобы мы совали нос в их дела. По-моему, все несчастья произошли как раз из-за нашего вмешательства. Пискатор мог что-то напортить в башне. А Подебрад говорил Сэму, что правобережную линию могли повредить люди, которых он оставил в Нова Бохемуйо. Его офицеры собирались подрыться под питающий камень и посмотреть, нельзя ли использовать его как постоянный источник энергии. Подебрад не велел им это делать и, когда улетал, взял с них слово. Но опасался, что они нарушили обещание и каким-то образом повредили цепь. Если так, вся та местность должна была взлететь на воздух и получиться такая дыра, что справа от Реки образовалось бы новое озеро. Нова Бохемуйо исчезла бы с лица земли. Там были залежи ископаемых — но, если правда то, что говорил Подебрад, теперь конец и рудникам, и новым богемам. Короче, мне неохота связываться с этиками. Я не трус, и все, кто меня знает, подтвердят это. Просто я считаю неправильным вмешиваться в то, в чем мы ничего не смыслим.

Кроме того, подумал Бёртон, тебе хочется стать капитаном парохода и зажить на широкую ногу.

— От местных большой помощи тебе не видать,— сказал он Паркеру, показывая на берег, откуда одни лодки отчаливали, а другие готовились к отплытию.— Через месяц тут почти никого не останется. Ла Виро отсылает всех вниз — поддержать веру во второй шанс, внести поправки в учение и привести в Церковь новообращенных. События последних лет пошатнули веру многих.

— Угу.— Паркер скривил широкое бронзовое лицо в сардонической ухмылке.— Ла Виро и сам пошатнулся. Он, сдается мне, все время молится, стоя на коленях. Он теперь уже не так уверен в себе.

Бёртон не стал уговаривать индейца идти с ними и на прощание пожелал Паркеру удачи, хотя никакой удачи ему не будет. «Внаем не сдается» останется там, где лежит, пока течение не столкнет его с мели и он не уйдет на дно, на глубину трех тысяч футов.

Когда же и «Афиш не расклеивать» потонет или износится, настанет конец всей технике мира Реки. Металлические инструменты и оружие со временем тоже износятся, и хорошо, если у

жителей долины останутся каменные орудия. Вся планета вернется в деревянный век.

То, что рассказал Паркер о Подебраде, конечно, интересно. Виновна Нова Бохемуйо в разрыве линии или нет, Подебрад определенно был агентом или этиком. Лишь будучи одним из них, мог он знать, где залегают металлы. Или что попытки подключиться к линии чреваты катастрофой.

Но Подебрад, или как там его звали по-настоящему, умер. Кто знает, может он-то и был Иксом?

Услышав позади знакомый голос, Бёртон обернулся. Его догнал Герман Геринг, сильно похудевший, хотя и прежде был худ, с мрачным выражением на широком лице и с темными кругами под глазами.

— Синьоро Бёртон!

— Хотите сопровождать меня? Но почему?

— По той же причине, которая движет вами. Мне необходимо знать, почему у нас все разладилось. Я всегда хотел это знать, но мне казалось, что гораздо важнее поднять этический уровень наших ка. А теперь... не знаю. Нет, знаю! Кроме веры мы должны обладать и знанием. То есть... только вера может поддержать нас, если мы чего-то не знаем. Но теперь... быть может, мы сумеем узнать?

— А что думает об этом Ла Виро?

— Мы с ним поссорились — не думал я, что такое возможно. Он настаивает, чтобы я отплыл вниз по Реке. Сам он намерен доплыть до устья, хотя бы на это ушло триста лет, и все это время проповедовать. Хочет восстановить пошатнувшуюся веру...

— Почему он думает, что ее необходимо восстанавливать?

— Ему известно, что происходит за сто тысяч миль ниже нас. А что происходит там, то, вероятно, происходит повсюду. И разве вы сами не замечали по пути сюда, сколько в людях сомнений, сколькие отошли от Церкви?

— Замечал, но не слишком об этом задумывался. Этого, в сущности, следовало ожидать.

— Да. Даже некоторые вироландцы усомнились, а ведь у них есть Ла Виро, способный поддержать их. И я верю, что лучший выход — это добраться до башни и выяснить, что же там случилось. Тогда всем станет ясно, что Церковь права; ни у кого больше не останется сомнений, и все как один примкнут к ней.

— А вдруг вы узнаете нечто такое,— протянул Бёртон,— что разобьет вашу веру на куски?

Геринг содрогнулся и закрыл глаза.

— И такое возможно. Но моя вера так сильна, что я готов рискнуть.

— Буду с вами откровенен. Вы мне не нравитесь. И никогда не нравились. Вы изменились, это верно. Но я не могу простить вам того, что вы сделали со мной и с моими друзьями. Точнее, простил, но не забыл. И полагаю, что оба Геринга по сути своей одинаковы.

Геринг умоляюще протянул к Бёртону руки:

— Да, это мой крест. Я заслужил его и буду нести, пока каждый, кто знает о моих злодеяниях, не простит меня от всего сердца. Но сейчас не в этом дело. А в том, что я могу быть очень полезен вам. Я человек быстрый, сильный, решительный, к тому же неглуп. Притом...

— Притом вы шансер, пацифист. Что, если нам придется сражаться?

— Я не поступлюсь своими принципами! — с жаром сказал Геринг.— И не стану проливать людскую кровь! Однако я очень сомневаюсь, что вам придется драться. Местность выше по Реке мало населена, и ее населенность становится все меньше. Вы ведь видели, сколько лодок идет через пролив? Распространился слух, что вироландцы уезжают и жители верхних областей покидают свои холодные края, чтобы обосноваться здесь.

— Однако бой все же возможен. Вдруг мы догоним агентов и надо будет заставить их говорить. И кто знает, что ждет нас в башне? Возможно, нам придется бороться за свою жизнь.

— Вы согласны взять меня?

— Нет. Это решение окончательное, и я не намерен более его обсуждать.

Геринг прокричал вслед Бёртону:

— Если вы меня не возьмете, я отправлюсь один!

Бёртон оглянулся. Геринг, весь красный, потрясал кулаком. Бёртон улыбнулся: даже этически развитые священники Церкви способны злиться.

Оглянувшись еще раз, он увидел, что Геринг быстро и решительно шагает к храму. Подался, наверно, к Ла Виро — сказать, что не подчинится приказу и не поедет вниз по Реке.

Ночью все одиннадцать с Бёртоном во главе обезоружили часовых катера. Они тихо подплыли от берега и взобрались на катер с левого борта. Двое часовых сидели на поручнях правого борта и разговаривали. Налетчики схватили их сзади, заткнув им нос и рот, пока те не потеряли сознания. В тот же миг Джо Миллер проник на судно с берега, окликнул оставшегося часового, схватил его, утащил, как тот ни брыкался, на нос и швырнул в воду.

— О господи! — сказал он своей вопящей жертве.— Мне очень неохота это делать, Змит, но долг зовет! Передай Кимону, что зожалею.

Разделавшись с часовыми, группа Бёртона перенесла на катер свои граали и прочие пожитки, а также связки веревок и разный инструмент, добытый ныряльщиками с «Внаем не сдается». Афра Бен включила свет и, как только весь багаж загрузили на палубу и отдали концы, увела катер от причала. Скоро он уже шел на полной скорости, а позади пылали факелы и слышались вопли.

Лишь когда катер прошел через пролив, Бёртон ощутил, что они в самом деле вступили в предпоследнюю стадию своего долгого, долгого путешествия.

Бёртон мельком подумал об Иксе. Судя по словам Сирано, Икс сказал, чтобы рекруты год ждали его в Вироландо. Но ни Бёртон, ни его спутники ждать не желали. Теперь или никогда.

Двигаясь против прибрежного течения при тридцати милях в час и останавливаясь только на два часа в день, катер проходил в сутки около шестисот шестидесяти миль. Когда путники покинут катер, им останется самая трудная часть пути. А до этого нужно наловить и закоптить рыбы, напечь желудевого хлеба и насобирать бамбуковых побегов.

Но их рацион не ограничится этим. Они везли с собой двадцать «свободных» граалей, отчасти принадлежавших им, отчасти похищенных. И собирались наполнить их у последнего камня, создав добавочный запас провизии. Скоропортящиеся продукты они поместят в холодильник или положат в ящик и потащат за собой на буксире.

По мере продвижения на север Река становилась шире. Очевидно, ее расширили этики, чтобы сюда поступало больше скудного в этих местах солнечного света. Температура днем была терпима — день здесь был длиннее, чем в оставшихся позади областях,— и достигала шестидесяти двух градусов по Фаренгейту. Но чем дальше на север, тем холоднее будет. Кроме того, здесь долго держится туман.

Геринг верно говорил о малонаселенности этих мест. На квадратную милю здесь приходилось около ста человек, да и это число постоянно сокращалось, о чем свидетельствовало множество лодок, плывущих вниз по Реке.

Джо Миллер, стоя на носу, с тоской глядел на береговых титантропов. Когда катер остановился для подзарядки, Джо сошел на берег поговорить с ними. Беседа шла на эсперанто, поскольку наречия Джо никто не знал.

— Ну и ладно,— сказал Джо.— Все равно я его почти забыл. Ах ты, господи! Неужто я не увижу больше своих родителей и друзей, все мое племя?

К счастью, здешние титантропы отнеслись к нему доброжелательно. Теперь их тут жило гораздо меньше, чем пигмеев, и почти все они приняли веру во второй шанс. Бёртон с Джо пробовали завербовать кого-нибудь, но потерпели неудачу. Великаны не хотели иметь ничего общего с живущими в башне.

— Они все боятся дальнего севера,— сказал Бёртон.— И ты, наверное, тоже боялся. Как это ты решился пойти с египтянами?

Джо выпятил свою мощную, как у гориллы, грудь.

— Это потому, что я храбрее других. И умнее. Хотя, если по правде, я чуть не обделался, увидев башню. Но это испытал бы любой на моем месте. Погоди, позмотрим, что ты скажешь, когда зам ее увидишь.

На десятый день пути они устроили стоянку, продлив ее на несколько суток. Население здесь, с небольшой примесью титантропов, состояло из скандинавов — древних, средневековых и современных. Были здесь, однако, люди также из других времен и стран. Мужчины с катера, не имевшие подруг, тут же принялись приискивать себе компанию на ночь. Бёртон расхаживал повсюду и расспрашивал, не видел ли кто здесь мужчин и женщин, угнавших с «Рекса» катер, а затем бросивших его. Видели их многие, и все утверждали, что они снова отправились вверх по Реке в украденных лодках.

— А не проходили здесь другие люди, говорившие, что они с «Внаем не сдается»? Это такой же, как «Рекс», гигантский железный корабль с колесами, которые движут электрические моторы.

— Нет, таких тут не видали.

Бёртон и не ожидал, что дезертиры станут объявлять, кто они такие. Однако, судя по описаниям тех, кто отправился на север за последние несколько недель, среди них были и дезертиры с «Рекса», и дезертиры с «Внаем не сдается» — последних опознал де Марбо.

— Скоро мы их догоним,— сказал Бёртон.

— Если повезет,— заметил француз.— Мы можем пройти мимо них ночью. Или они услышат о нашем приближении и спрячутся, пока мы не пройдем мимо.

— Во всяком случае, в башню мы попадем первыми.

Прошло двадцать дней. Теперь агенты с обоих пароходов наверняка должны были остаться позади. Хотя Бёртон останавливал катер через каждые двадцать миль и расспрашивал местных, след агентов пропал. Тем временем Бёртон изучал свою команду. Только двое, благодаря своему плотному сложению и чертам лица, могли бы быть этиками Танабуром и Логой: Гильгамеш и Ах-К'ак. Однако оба они были темнокожи, с темно-карими глазами. У Гильгамеша были вьющиеся, почти курчавые волосы, а у Ах-К'ака — слегка раскосый разрез глаз, точно его ближайшие предки были монголы. Каждый бегло говорил на своем будто бы родном языке. Не то что агент Спрюс, выдававший себя за англичанина двадцатого века и разоблачивший себя в глазах Бёртона легким иностранным акцентом. Бёртон не слишком хорошо знал шумерский или язык майя, но чуждое этим языкам произношение и интонацию различил бы.

Это означало одно из двух: либо один из них, а возможно, и оба в совершенстве овладели своими языками, либо они невинны и действительно являются теми, за кого себя выдают.

На двадцать второй день пути в местности, где на один питающий камень приходилось не более пятидесяти человек, к Бёртону подошла высокая костлявая женщина с большими глазами и большим ртом. На черном африканском лице сверкали белые зубы.

Она говорила на эсперанто, густо приправленном захолустным акцентом штата Джорджия. Звали ее Блессид Грумз, и она желала проплыть как можно дальше на север на катере. А там она пешком пойдет к истокам.

— Туда ушла моя мать, Агата Грумз. Я ищу ее. Должно быть, она обрела Господа и теперь, сидя по правую руку от него, ожидает меня! Аллилуйя!

Глава 41

Сквозь поток ее слов пробиться было нелегко, но Бёртон наконец, говоря громко и сурово, призвал ее ответить на его вопросы.

— Ладно,— сказала она.— Мудрые речи отчего не послушать. Наделен ли ты мудростью?

— В достаточной степени — и многое пережил, а это то же самое, если ты не дурак. Начнем сначала. Где ты родилась и кем была на Земле?

Блессид сказала, что родилась рабыней в Джорджии, в 1734 году, в доме своего господина. Роды начались раньше срока — мать в это время готовила на кухне ужин. Блессид воспитали как домашнюю рабыню и окрестили в вере ее отца и матери. Когда отец умер, мать сделалась проповедницей. Она была очень благочестивой и сильной женщиной, и паства побаивалась ее, но и любила. Мать умерла в 1783 году, а Блессид — в 1821-м, но обе воскресли у одного и того же питающего камня.

— Она, конечно, не была уж больше старухой. Странно мне было увидеть свою старую маму молодой женщиной. А ей это было все одно. Она осталась такой же святой, и безгрешной, и полной благости, какой была на Земле. Говорю тебе — когда она проповедовала в нашей церкви там, в Джорджии, белые приезжали за много миль послушать ее. Белая голытьба по большей части — она их обратит в свою веру, а у них потом хлопоты из-за этого...

— Ты опять отвлеклась. О своем происхождении ты рассказала достаточно. Почему ты хочешь ехать со мной?

— Потому что у тебя есть лодка, которая летит быстрее птицы.

— Но зачем тебе ехать до конца Реки?

— Я уж давно объяснила бы тебе, кабы ты меня не прерывал. Когда моя мать оказалась тут, вера ее ничуть не поколебалась. Она сказала мне, что все мы здесь потому, что на Земле были грешниками и некоторые грешили больше других. На самом деле это рай — окраины рая. Благой Иисус хочет, чтобы истинно верующие поднялись по Реке, по великому Иордану, и нашли его там, где она кончается. Он будет там, чтобы принять в свои объятия истинно верующих в него — тех, кто не убоялся трудностей пути. И она ушла.

Она хотела, чтобы я пошла с ней, но я испугалась. И я совсем не была уверена, что она знает, о чем говорит. Ей я этого не сказала. Это было бы все равно что ударить ее по лицу, а на такое

ни у кого бы духу не хватило. Да и не только из-за этого я с ней не пошла. Уж больно мужик у меня был хороший, а он идти не хотел. Сказал, что ему и тут нравится. Я тогда думала не головой, а другим местом, вот и осталась с ним.

А потом у нас с ним разладилось. Он начал бегать за другими бабами, а я стала думать, что это мне наказание за то, что матушку не послушалась. Может, она была права, может, Иисус и правда ждет истинно верующих. И потом, я очень скучала по маме, хоть мы и цапались иногда, как дикие кошки. Я пожила еще маленько с другим, но он был не лучше первого. И вот раз ночью я молилась, и было мне видение. Будто сидит Иисус на своем троне из алмазов и жемчуга, ангелы поют позади него и божественный свет его озаряет. И говорит он мне, чтобы я перестала грешить и шла вслед за своей матерью — тогда я попаду в рай.

Я пошла, и вот я здесь. Я иду много лет, брат, и настрадалась почище великомученицы. Кости мои ноют. И плоть немощна, однако я здесь! Этой ночью я снова молилась и увидела свою мать — всего на миг,— и она велела мне ехать с вами. Она сказала, что ты человек не так чтобы хороший, но и не плохой. Что-то среднее. И что это я приведу тебя к свету, спасу тебя, и мы вместе войдем в царствие небесное, где Иисус примет нас в объятия и допустит к своему пресветлому трону. Аллилуйя!

— Аллилуйя, сестра! — Бёртон всегда охотно подражал обрядам разных религий, посмеиваясь над ними в душе.

— Перед нами еще долгий, долгий путь, брат мой. У меня спина устала грести против течения, и я слышала, что там, впереди, холод и туман и ни души живой нет. Человеку там очень одиноко — вот почему я хочу ехать с тобой и твоими друзьями.

А почему бы и нет, подумал Бёртон.

— Для одного человека место у нас найдется. Но пацифисты нам не нужны — вдруг придется сражаться. Так что балласт мы не берем.

— Обо мне не беспокойся, брат. Я буду сражаться за тебя, словно ангел-мститель Господень, если дело твое правое.

Через несколько минут она перетащила свои пожитки на катер. Том Терпин, черный пианист, обрадовался ей, но вскоре выяснил, что она дала обет целомудрия.

— Она не в своем уме, капитан,— сказал он Бёртону.— И зачем вы ее взяли? У нее такое красивое тело, а она не дает до себя дотронуться — я этак рехнусь.

— Может, она и тебя уговорит принести обет,— засмеялся Бёртон.

Терпин не нашел в этом ничего смешного.

Когда катер, простояв четыре дня вместо планировавшихся двух, наконец отчалил, Блессид запела гимн, а потом заявила:

— Я нужна была тебе, чтобы восполнить ваше число, брат Бёртон. Вас было только одиннадцать, а теперь двенадцать! Это святое число. И апостолов Господних было двенадцать.

— Да-а,— согласился Бёртон.— Но среди них был Иуда.

И он посмотрел на Ах-К'ака, воина майя, несостоявшегося Геркулеса карманных размеров. Ах-К'ак сам редко вступал в разговор, но, если к нему обращались, говорил охотно. И не шарахался, если кто-то к нему прикасался. А Джо Миллер говорил, что Икс, придя к Клеменсу, избегал прикосновений и вел себя так, точно Клеменс был прокаженный. По мнению Клеменса, Икс, хоть и искал помощи жителей долины, считал себя морально выше их и боялся осквернить себя их прикосновением.

Но ни Ах-К'ак, ни Гильгамеш не сторонились других. Наоборот, шумер при разговоре старался держаться поближе к собеседнику, чуть ли не нос к носу, и часто трогал его, словно нуждался не только в словесном, но и в телесном контакте.

Возможно, Икс таким образом ударился теперь в другую крайность. Он понял, что рекруты заметили его отвращение к чужой близости, и стал принуждать себя к ней.

Когда-то агент Спрюс говорил, что он и его собратья ненавидят насилие, что прибегать к нему для них унизительно. Но если это и правда, то они научились не выказывать при этом никакого отвращения.

Агенты с обоих судов сражались не хуже других. И Икс, и Одиссей, и Барри Торн поубивали столько народу, что и Джек-Потрошитель был бы доволен.

Возможно, Икс избегал прикосновений вовсе не из личных соображений. Возможно, он боялся, что чужое прикосновение оставит на нем какой-то отпечаток. Психический отпечаток — хотя «психический» не совсем верное слово. Ватаны, или ауры, излучаемые всеми разумными существами, могут, по словам того же Икса, оставлять нечто вроде отпечатков пальцев, причем эти следы держатся некоторое время. Если так, то Икс не смог бы вернуться в башню до исчезновения отпечатков.

Его товарищи заметили бы их и поинтересовались, откуда они взялись.

Нет, что-то уж слишком заковыристо. Икс мог бы сказать, что был в долине с какой-то миссией и там к нему нечаянно кто-то прикоснулся.

Ага! Ну а если Иксу не полагалось бывать в долине? Что, если он подобрал для своих отлучек какое-то алиби, исключающее визиты в долину? Тогда он не смог бы объяснить, откуда на его ватане чужой отпечаток.

Отсюда следует, что отпечатки агентов или этиков отличаются от отпечатков воскрешенных и последние можно сразу же распознать.

Бёртон потряс головой. Порой у него ум за разум заходил от попыток проникнуть во все эти тайны.

Оставив блуждания по умственным лабиринтам, он пошел к Гильгамешу. Тот, хотя и отрицал все приключения, приписываемые мифическому царю Урука, своими неписаными подвигами похвастаться любил. В его черных глазах тогда зажигался огонек, и он с улыбкой плел свои небылицы. Подобно жителям американского пограничья и Марку Твену, преувеличивал он до невероятной степени. Он понимал, что слушатель знает, что он врет, но не беспокоился. Это входило в программу.

Дни шли, и становилось все холоднее. Туманы были густы и рассеивались не раньше одиннадцати утра. Путешественники все чаще останавливались, чтобы закоптить рыбу, которую ловили на блесну, и напечь желудевого хлеба. Несмотря на скудное тепло, трава и деревья здесь были так же зелены, как и в южных областях.

Настал день, когда они доплыли до конца линии. Дальше питающих камней не было.

Холодный ветер приносил с севера слабый рокот.

Люди стояли на фордеке, вслушиваясь в зловещий гул. Присущий этим местам сумеречный свет и туман подавляли. Небо светилось над черными стенами скал, но далеко не так ярко, как на юге. Молчание нарушил Джо:

— Это шумит первый порог, через который нам придетзя пройти. Здоровый черт, но по зравнению з тем, который около пещеры,— прозто тьфу и разтереть. До него еще пилить и пилить.

Путешественники, все в тяжелых плащах с капюшонами, в редком тумане походили на призраков. Влага оседала на руках и лицах.

Бёртон отдал команду, и катер привязали к подножию питающего камня. Разгрузку закончили через час. Поставив на камень граали, путники стали ждать разряда. Прошел еще час, и он грянул, оставив долгое эхо.

— Наедайтесь,— сказал Бёртон.— Это в последний раз мы едим горячее.

— Может, мы вообще едим в последний раз? — со смехом сказала Афра.

— Это мезто похоже на чизтилище,— сказал Джо.— Ад еще впереди.

— Я там не раз бывал и всегда возвращался,— заверил Бёртон.

Они развели большой костер из сухих дров, которые везли с собой на катере, и грелись в его тепле, прислонясь спинами к камню. Джо рассказывал титантропские анекдоты, в которых фигурировал странствующий торговец, а также жена и две дочки охотника на медведей.

Нур рассказал несколько суфийских притчей, направленных на развитие иного мышления, но легких и занимательных. Бёртон — несколько сказок из «Тысячи и одной ночи». Алиса — парадоксальные сказки, которые сочинял для нее, восьмилетней, мистер Доджсон. Блессид Грумз вовлекла всех в хоровое пение гимнов и сердилась, когда Бёртон вставлял не совсем подобающие строчки.

В общем, было весело, и все улеглись спать, значительно приободрившись. Выпивка тоже способствовала поднятию настроения.

Встав, они опять развели костер и позавтракали. Потом взвалили на себя тяжелую поклажу и отправились в путь. Бёртон оглянулся в последний раз на катер и питающий камень, пока те не исчезли в тумане. Это были последние звенья, связывавшие его с миром, который он знал, хотя и не всегда любил. Увидит ли он когда-нибудь еще катер и камень? Не суждено ли его глазам вскоре закрыться навеки?

Громоподобный глас Джо вывел его из задумчивости.

— Мать честная! Вы поглядите только, зколько я тащу! В три раза больше ваз! Ишь, нашли зебе Замзона!

— Ты белый носатый ниггер,— смеялся Терпин.

— Я не ниггер. Я вьючное животное, вот я кто.

— А в чем разница? — И Терпин со смехом побежал от Джо, который грозил ему громадным кулачищем. При резком взмахе тяжелая поклажа перевесила, и титантроп шлепнулся ничком.

Взрыв смеха отразился эхом от стен каньона.

— Спорить могу, впервые этим горам так весело,— сказал Бёртон.

Но вскоре все умолкли и потянулись вперед, точно заблудшие души в одном из кругов ада.

Они пришли к первому порогу, более мелкому, по словам Джо Миллера. Он был так широк, что не видно было другого края,— раз в десять шире водопада Виктория. Так, во всяком случае, казалось. Водопад низвергался из тумана с таким ревом, что разговаривать было нельзя — даже если кричать в самое ухо.

Титантроп показывал дорогу. Они прошли верхом мимо водопада, то и дело орошаемые брызгами. Это был медленный, но не такой уж опасный процесс. Поднявшись футов на двести, все остановились на широком карнизе и сложили свою ношу, а Джо полез дальше один. Через час из тумана, как дохлая змея, выпал конец длинной веревки. К веревке привязывали по два мешка зараз, и Джо уволакивал их в туман, раскачивая и стукая о камни. Переправив весь груз на плато, путники осторожно двинулись вверх сами. Наверху они разобрали свои мешки и пошли дальше, часто останавливаясь передохнуть.

Тай-Пен рассказывал о своих приключениях на родине, вызывая общий смех. Потом они пришли ко второму порогу, и смех утих. Взобравшись на скалу у водопада, все решили, что на сегодня хватит. Джо облил дрова спиртом, сокрушаясь, что добро пропадает, и путники разожгли костер. Через четыре дня дрова у них кончились, зато последний из «мелких» порогов тоже остался позади.

После часового подъема по каменистому пологому склону путешественники пришли к подножию большого утеса.

— Вот оно,— взволнованно сказал Джо.— Мезто, где мы нашли зплетенную из тряпок веревку. Ее озтавил Икз.

Бёртон посветил фонариком вверх. Первые десять футов были неровными, а дальше, насколько видел глаз, подымалась гладкая отвесная стена.

— Где же твоя веревка?

— Тут была, черт ее возьми!

Разделившись на две партии, они двинулись в обход утеса, светя себе фонариками и придерживаясь за камень. Но веревки так и не нашли.

— Ах ты, черт! В чем же дело?

— Думаю, что другие этики нашли веревку и отвязали,— предположил Бёртон.

Посовещавшись, они решили заночевать здесь. Поели овощей, оставшихся от граалевых времен, сушеной рыбы и хлеба. Всех уже тошнило от такой диеты, но никто не жаловался. Пока еще можно было согреться спиртным, но и оно должно было кончиться через несколько дней.

— У меня пиво езть,— сказал Джо.— Устроим пирушку напозледок.

Бёртон поморщился — он не любил пива.

Утром обе группы снова двинулись вокруг утеса. Бёртон вел ту, которая шла вроде бы на восток — трудно было определить направление в этой туманной мгле. Они пришли к подножию огромного водопада — перебраться через него не было возможности.

По возвращении Бёртон спросил Джо:

— А веревка была справа от Реки или слева?

— Тут,— ответил Джо, освещенный лучом фонаря.

— Сдается мне, что Икс мог оставить веревку и на правом берегу. Откуда ему было знать, справа или слева придут его союзники?

— Мне взе-таки кажетзя, мы шли по левому берегу. Но зтолько лет прошло... Черт, теперь я не уверен!

Маленький носатый Нур эль-Музафир сказал:

— Раз мы все равно не можем перебраться на тот берег, вопрос теряет свою остроту. Там, на западе, есть, по-моему, место, где я мог бы взобраться наверх.

После завтрака все вместе прошли пять миль до места, где утес сближался с горой под углом около тридцати шести градусов, словно одна стена неумело выстроенной комнаты с другой. Нур обвязал вокруг пояса тонкую веревку.

— Джо говорит, что до плато около тысячи футов. Так отложилось у него в памяти, а в то время Джо еще не знал английской системы мер. Возможно, до вершины меньше, чем ему помнится. Будем надеяться.

— Езли узтанешь, зпузкайзя,— сказал Джо.— Я не хочу, чтобы ты упал.

— На всякий случай отойдите подальше, чтобы я на вас не свалился,— улыбнулся Нур.— Меня бы мучила совесть, Джо, если б я упал на тебя и мы бы погибли оба. Впрочем, ты, я думаю, пострадал бы не больше, если б на тебя уронил кляксу орел.

— От орла я бы пострадал,— сказал Джо.— Орлы и их помет в моем племени табу.

— Ну, считай, что я воробей.

Нур уперся спиной в одну стену угла, а ногами в другую и медленно полез вверх, вытягивая левую ногу чуть дальше правой. Прочно уперевшись ногами, он скользил по стене спиной так, чтобы не потерять равновесия, и снова двигал одну ногу так, что колено почти упиралось в подбородок. Потом подтягивал другую ногу, потом спину и так далее.

В скором времени он скрылся в тумане. Оставшиеся внизу могли судить о его продвижении только по тому, как уходила вверх тонкая веревка — а это происходило очень медленно.

— Нужна невероятная выносливость, чтобы добраться до вершины,— сказала Алиса.— И если он не найдет, куда привязать веревку, то может с тем же успехом слезать обратно.

— Будем надеяться, что утес не столь высок,— сказала Афра.

— И что угол вверху не расширяется,— добавил Ах-К'ак.

Прошло двадцать восемь минут по часам Бёртона, и сверху донесся крик Нура:

— Удача! Тут есть карниз! Достаточно широкий для двоих, если один из них не Джо! И есть выступ, к которому можно привязать веревку.

— Видишь, утес не такой уж гладкий,— сказал Бёртон титантропу.

— Да. Я и вправду, наверно, поднималзя тогда з правого берега, Дик. Тот был гладкий до замого конца. Там, где я лез, зтена точно была вылизана, как кошачья задница.

Этики не удосужились отполировать весь утес. Нижнюю часть они сделали гладкой, но верх, невидимый в тумане, оставили в первозданном виде.

Не Икс ли принял такое решение?

И не он ли устроил скальный угол здесь, а возможно, и за Рекой, так, чтобы по нему мог подняться человек небольшого роста?

Весьма вероятно.

Если так, Икс задумал этот угол заранее. Угол образовался не сам по себе. Этики спроектировали и создали эти горы с помощью каких-то исполинских машин.

Нур крикнул своим спутникам, чтобы они привязали к его тонкой веревке более толстую. Когда они это сделали, он вскоре оповестил их, что привязал и вторую веревку.

Бёртон ухватился за нее и полез, упираясь в утес ногами и держась почти под прямым углом к нему. К концу подъема он стал задыхаться и ладони у него горели. Нур, удивительно сильный для такого маленького, худенького человечка, помог ему взобраться на карниз.

Потом они втащили мешки, и Нур взглянул вверх сквозь туман.

— Скала тут неровная. Я, пожалуй, влезу по ней с помощью костылей.

Он достал из котомки молоток и костыли. Это были стальные колышки, которые вгонялись в скалу. В некоторых имелись отверстия для веревки.

Нур исчез в тумане. Бёртон слышал только стук его молотка. Вскоре мавр крикнул Бёртону, чтобы тот поднимался — Нур добрался до другого карниза.

— Вообще-то тут такие выступы, что можно лезть без всякой страховки. Но мы этого делать не будем!

Алиса к тому времени уже взобралась к Бёртону. Бёртон поцеловал ее и отправился вслед за Нуром.

Через десять часов вся группа уже сидела на верхушке утеса. Отдышавшись, путники стали искать укрытие от ветра, но нашли его только через три мили. Здесь стоял, как Джо и говорил, другой утес. Внизу, в нескольких милях от них, ревела Река, падая через порог.

Джо осветил скалу фонарем.

— Черт! Езли я и впрямь шел тогда по правому берегу, мы влипли. Туннель-то з той зтороны, а через Реку нам не перебратьзя!

— Если этики нашли веревку Икса, они должны были найти и туннель,— заметил Бёртон.

Теперь все слишком устали, чтобы искать трещину, служащую входом в туннель. Они отыскали каменный навес, Джо с помощью немногих оставшихся у него полешек развел костерок, и они поужинали. Огонь быстро погас. Путники подстелили под себя половину теплой одежды, укрылись другой половиной и улеглись спать, а внизу грохотала Река.

Утром, когда все жевали сушеную рыбу, пеммикан и хлеб, Нур сказал:

— Дик верно подметил: Икс не мог знать, с какой стороны придут его рекруты, поэтому должен был оставить две веревки.

И прорыть два туннеля. Мы должны найти туннель и на этом берегу.

Бёртон хотел было сказать, что туннель, если он и был, могли завалить, но Нур жестом остановил его.

— Да, я знаю. Но если он завален не по всей длине, мы можем все же найти его и прорыть ход.

И точно — одна из поисковых партий, отойдя всего на двадцать футов от лагеря, наткнулась на завал. Он закупоривал трещину, в которую мог пролезть даже Джо.

Нужна была очень высокая температура, чтобы вплавить эту круглую затычку в кварц.

— Ах ты, зараза! — сказал Джо.— Пожалуй, у наз взе-таки езть шанз!

— Ну а если весь туннель закупорен? — усомнился де Марбо.

— Тогда полезем по скале. У Икса достало бы ума догадаться, что его туннели могут найти. Он должен был устроить здесь такой же угол, как и на нижнем утесе.

Бёртон осмотрел скалу, сверля туман своим фонарем. В десяти футах от подножия она была шероховата и испещрена трещинами, но потом внезапно, насколько было видно, делалась гладкой, как зеркало.

Джо стукнул молотком по затычке. Бёртон, приложив ухо к скале, сказал:

— Там пустота!

— Отлично.— Джо достал из мешка несколько вольфрамовых костылей и начал долбить. Когда он пробил в кварце шесть отверстий, они с Бёртоном заложили туда пластиковую взрывчатку. Бёртон предпочел бы замазать отверстия глиной, но глины не было.

Он закрепил в пластике шнуры и стал отходить назад вдоль скалы, таща шнуры за собой. Когда все отошли достаточно далеко, он соединил полюса своей карманной батарейки. Раздались оглушительные взрывы, и вокруг засвистели осколки кварца.

— Ну что ж,— сказал Джо,— меньше незти буду хотя бы, без жестянок з плазтиком и батареи. Конец им пришел.

Они вернулись к трещине, и Бёртон посветил в нее. Дыры, проделанные Джо, стали шире, и сквозь них виднелся туннель.

— Тут еще работы часиков на двенадцать, Джо.

— А, черт! Ну что ж поделаешь.

Вскоре после завтрака титантроп отбил последний кусок камня, и пробка выпала.

— А теперь начинаетзя замое трудное,— сказал Джо, утирая пот с лица и длиннющего носа.

Джо мог с грехом пополам ползти по туннелю, но все время задевал плечами за стены и стукался головой о потолок. Туннель поднимался кверху под углом около сорока пяти градусов.

— Оберните чем-нибудь руки и колени,— сказал Джо.— Иначе обдеретезь в кровь. Даже з обмотками можете ободратьзя.

Фрайгейт, Алиса, Афра и Блессид как раз вернулись с наполненными в Реке флягами. Джо осушил свою наполовину.

— Теперь,— сказал он,— надо подождать, пока взе не опорожнятзя как зледует. Когда я шел с египтянами, мы этим пренебрегли. На полпути я не змог больше терпеть и облегчилзя.— Он оглушительно расхохотался.— Слышали бы вы, как ругализь эти безнозые малявки! Дальше-то ползти надо, а это дело никак не обойдешь! Хо, хо! — Джо утер слезы.— Гозподи! Ну и воняло от них, когда они наконец вылезли наружу! И они еще больше обозлилизь, когда пришлозь мытьзя в Реке — вода-то тут холодная, точно задница копателя колодцев, как говорил Зэм.

При упоминании о Клеменсе у Джо опять потекли слезы. Он шмыгнул носом и вытер свой хобот рукавом.

Джо не преувеличивал трудностей пути. Туннель был длиной не меньше мили, причем все время шел вверх, и воздух становился все более разреженным, хотя поступал исправно, а им еще приходилось тащить за собой свои тяжелые мешки. Вдобавок другой конец тоже мог быть забит. Придется тогда возвращаться обратно.

Радость по поводу того, что туннель оказался не закупорен, ненадолго прибавила им сил. Однако ладони, колени, пальцы рук и ног у всех были ободраны в кровь, и первое время никто не мог нормально ходить.

Ветер здесь был крепче и холоднее, несмотря на разреженный воздух. Джо жадно втягивал скудный кислород в свои большие легкие.

— Одно хорошо,— сказал он.— Выпьешь по одной, и сразу с катушек долой.

Все хотели разбить лагерь прямо здесь, но место было уж слишком открытое.

— Веселее,— сказал Бёртон.— Джо говорит, что до следующего порога всего ничего — миль десять.

— Это позледний, замый большой. Те, по-вашему, были шумные? Вот погодите, узлышите этот.

Бёртон взвалил на себя мешок и поплелся дальше — колени у него точно заржавели. Джо шел за ним по пятам. К счастью, плато было относительно ровное и свободное от осыпи. Но сквозь туман Бёртона вел только оглушительный грохот водопада. Когда грохот становился громче, Бёртон поворачивал влево. Когда шум слабел, он отклонялся вправо. Несмотря на это, им, возможно, придется проделать все пятнадцать миль вместо десяти.

Путешественники часто останавливались из-за недостатка кислорода и чтобы убедиться, что никто не отстал. Каждый четвертый в линии светил фонариком, пока Бёртон, остановившись, не выругался.

— В чем дело?

— У нас в этом воздухе мозги не работают,— задыхаясь, сказал Бёртон.— Достаточно одного фонаря. Мы зря тратим электричество. Лучше свяжемся все веревкой.

Он обвязал веревку вокруг пояса, и все остальные, держась за нее, потянулись за ним в холодную серую мглу.

Но скоро все так ослабели, что и шагу не могли больше ступить. Не обращая внимания на ветер, они легли, подстелив под себя одежду, укрылись и постарались уснуть. Бёртон проснулся от кошмара и включил подсветку на часах. Они проспали десять часов.

Он поднял всех, они съели свой скудный паек и двинулись дальше. Час спустя из тумана выступила черная стена. Они пришли к очередному препятствию.

Глава 42

Джо Миллер почти не жаловался вслух, но стонал втихомолку всю последнюю половину пути. Титантроп, ростом десять футов, весил восемьсот фунтов и был силен, как десять homo sapiens, вместе взятых. Но его гигантизм имел и свои минусы. Прежде всего — плоскостопие. Сэм часто называл Джо Великим Плосконогим, и с полным основанием. Ноги Джо не выносили долгой ходьбы, и даже во время отдыха боль не проходила.

— Зэм взегда говорил, что мы завоевали бы везь мир, езли б не наши ноги,— сказал Джо, растирая правую подошву.— Говорил, что мы и вымерли-то из-за зплющенного звода зтупни. Может, это и правда.

Было ясно, что титантропу необходимо отдохнуть и подлечиться хотя бы двое суток. Бёртон и Нур в качестве лекарей-любителей остались ухаживать за Джо, а остальные, разделившись на две партии, ушли вперед. Через несколько часов они вернулись.

— Мы не нашли места, о котором говорил Джо,— сказал Тай-Пен, командир первого отряда.

— Мы его нашли,— сказал Ах-К'ак, командир другого.— Во всяком случае, там как будто можно подняться наверх. Но это совсем близко от водопада.

— Так близко,— сказала Алиса,— что это место замечаешь, только когда подойдешь к нему вплотную. И восхождение будет опасным. Влага делает камень скользким.

— Взпомнил! — со стоном сказал Джо.— Мы точно шли тогда по правому берегу. Египтяне пошли там, потому что левая зторона принозит незчазтье. А эту тропу Икз, наверно, узтроил на взякий злучай...

— Тропой я бы это не назвал,— сказал майя.

— Ну, езли это мезто такое же, как то, поднятьзя можно.

Так и оказалось.

Семь дней спустя они взошли на вершину горы. Снег и лед делали переход еще опаснее, чем им представлялось, а воздух вызывал у всех слабость. И все-таки они поднялись на следующее плато. Река осталась далеко внизу, за туманом.

Через несколько миль начался спуск, гораздо легче подъема. Воздух внизу был гуще и теплее, хотя все еще холодный. Преодолевая усиливающийся ветер, путники пришли к новой горе.

— На эту лезть и думать нечего. Но нам повезло. Большая пещера должна быть взего в незколькиx милях зправа. Вот дойдем и увидим, повезло или нет. Только не зейчаз. Чертовы ноги опять отказали.

Река здесь бурным потоком стекала вниз. От рева воды и ветра закладывало уши, но зато было чуть теплее, чем раньше. Джо, уже проделавший однажды этот путь, шел первым. Он обвязался веревкой вокруг пояса, а остальные — вокруг запястий.

Предупрежденные Джо, чтобы держались крепче, все начали спускаться вереницей в исполинскую дыру. Алиса поскользну-

лась на карнизе и с криком упала, но ее тут же втянули обратно. Потом сдуло Нура, который был еще легче, чем она, но и его вернули на карниз.

Факелы египтян загасило ветром, когда Джо вел их сквозь ревущую бездну. Теперь он видел, что впереди, хотя всего на несколько шагов. И карниз, как крикнул Джо Бёртону, был шире, чем на правом берегу.

— Вот обидно-то будет, езли окажетзя, что этики разплавили карниз! Ну, авозь они решили, что никто не доберетзя так далеко, раз убрали веревки и закупорили туннель!

Бёртон слышал только половину слов, но угадал остальные.

Дважды им пришлось сделать привал, чтобы поесть и поспать. Река между тем уходила все дальше вниз и скоро совсем исчезла. Бёртон, любопытствуя, насколько глубоко внизу, зажег запасной фонарь и кинул его вниз. Он считал секунды, пока огонек падал вниз; луч превратился в тонкую нить и совсем исчез во тьме. В пропасти было не менее трех тысяч футов.

Наконец вокруг стало светлеть, что предвещало близость выхода. Путешественники выбрались на воздух, где стоял туман, но было не так темно. В небе сияли гигантские звезды и газовые туманности. Тонкая пелена тумана позволяла разглядеть справа скальную стену. Люди стояли на самом краю бездны, по дну которой текла Река.

— Мы не на той зтороне,— сказал Джо.— Здезь нам путь зкоро преградит гора. Как бы перебратьзя на ту зторону? Хотя, может, этик и на этой зделал нам ход?

— Сомневаюсь,— сказал Бёртон.— Тогда бы нам пришлось огибать с внутренней стороны окружающие море горы, чтобы дойти до пещеры. Разве только...

— Что?

— Разве только Икс сделал две пещеры и оставил лодки в обеих.

— Один карниз этики могли просмотреть,— сказал Нур.— Но два?

— Злушайте. Края долины в конце почти зходятзя. Между ними не должно быть больше двадцати футов. Зейчаз я вам покажу.

Джо медленно пошел вперед и футов через шестьдесят остановился. Луч его фонаря, слившись с другими лучами, осветил противоположный край пропасти.

— Боже правый! — сказала Афра.— Неужели этик полагал, что мы перепрыгнем через этот провал?

— Другим этикам и в голову бы не пришло, что это возможно,— сказал Нур.— Но я думаю, что Икс ожидал от нас именно этого. Он знал, что хотя бы один из партии, дошедшей до этого места, сможет это сделать. Ведь он отбирал себе настоящих атлетов. Потом тот, кто прыгнет, привяжет к скале веревку, и по ней переправятся остальные.

Бёртон знал, что так далеко прыгнуть не сможет. Чуть-чуть бы поближе...

Джо силен, как два Геркулеса, но чересчур тяжел. Ах-К'ак и Гильгамеш тоже силачи, но слишком малы ростом и грузны. Хорошие прыгуны в длину не так устроены. Терпин рослый, но слишком мускулистый. Нур очень легок и на удивление жилист и силен, но слишком мал. Обе белые женщины и де Марбо тоже малы, да и прыгают неважно. Остаются Фрайгейт, Грумз и Тай-Пен.

Американец, зная, что на уме у Бёртона, побледнел. Здесь он стал прыгать в длину еще лучше, чем на Земле, и его наивысший неофициальный результат составлял двадцать пять футов — правда, тогда ветер дул ему в спину. Средним его достижением было двадцать два фута на Земле и двадцать три здесь. Но в таких неблагоприятных условиях он еще не прыгал.

— Надо было прихватить с собой Джесса Оуэнса,— пробормотал он.

— Аллилуйя! — завопила вдруг Грумз, заставив всех вздрогнуть.— Аллилуйя! Господу было угодно сделать меня замечательной прыгуньей! Я в числе тех, кого он избрал! Я создана так, что могу прыгать, как коза, и плясать, как царь Давид, во славу его. А теперь он дает мне случай перенестись через адову бездну! Благодарю тебя, Господи!

Бёртон тихо сказал Фрайгейту:

— Неужто ты уступишь женщине? Покажи себя!

— Не в первый раз я им уступаю,— пожал плечами Фрайгейт.— Почему бы и нет? Тут вопрос не в половой принадлежности, а в том, кто лучше прыгает.

— Боишься!

— А то нет. Тут каждый испугался бы, если он не психопат.

И Фрайгейт стал расспрашивать Блессид о ее достижениях. Она сказала, что на Земле не очень-то много прыгала, но здесь,

живя в стране под названием Вендиша, не раз показывала результат двадцать два фута.

— Откуда ты можешь это знать? У нас на «Рексе» были точные измерительные приборы, но в большинстве других мест их нет.

— Фут мы определяли на глаз,— сказала Блессид.— И, по-моему, довольно точно. Я знаю, что могу это сделать, вот и все! Господь перенесет меня на крыльях моей веры, и я перелечу через бездну, словно его легкая газель!

— Перелетишь и не допрыгнешь, и расколешь себе череп о тот край,— сказал Фрайгейт.

— Может, отмерим нужное расстояние? — предложил Нур.— Вы бы потренировались, а мы бы посмотрели, кто лучше.

— На камне-то? Для этого нужна яма с песком!

Грумз предложила перекинуть на ту сторону фонарь, чтобы измерить дистанцию. Фрайгейт привязал фонарь к веревке и метнул — тот упал недалеко от края, откатился и остановился в нескольких дюймах от провала, светя им через черную бездну.

Фрайгейт забрал фонарь обратно и снова бросил — на этот раз он, потравив веревку, удержал фонарь в вертикальном положении, и свет дошел до них под прямым углом.

— Ладно, значит, в принципе это возможно,— сказал Фрайгейт.— Но я забираю фонарь. Никто не сможет прыгнуть, не выспавшись как следует. Я, во всяком случае, слишком устал, чтобы состязаться.

— Давайте отметим фонарями дорожку для разбега,— сказала Блессид.— Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть.

Дорожку отметили, и Фрайгейт с Грумз вычислили, откуда начинать разбег. Толчковой чертой служил фонарь в нескольких дюймах от края.

— Попытка будет первой и единственной,— сказал Фрайгейт.— Сначала нам действительно придется разогреться. Тут так холодно... С другой стороны, воздух тут разрежен, а значит, и сопротивление меньше. Может, это и помогло тому черному спортсмену — как же его звали? Вот она, слава,— показать фантастический результат двадцать семь футов четыре с половиной дюйма на олимпиаде в Мехико. Но мы-то не успели акклиматизироваться на высокогорье. И не тренировались, само собой.

Бёртон ничего не говорил Тай-Пену, давая китайцу шанс вызваться самому. Тай-Пен, внимательно наблюдавший за всей процедурой, внезапно сказал:

— Я тоже великий прыгун! И хотя я упражнялся прискорбно мало, но не позволю женщине оказаться храбрее меня! Первым прыгну я.

Его зеленые глаза сверкали в луче фонаря. Бёртон спросил его, насколько далеко он прыгает.

— Дальше, чем здесь! — сказал Тай-Пен.

Фрайгейт бросал клочки бумаги в воздух, чтобы определить силу ветра. Он сказал Бёртону:

— Дует слева, так что нас слегка снесет вправо. Но гора загораживает ему дорогу. Скорость его — миль шесть или семь в час.

— Спасибо,— сказал Бёртон, продолжая смотреть на китайца.

Тай-Пен — хороший атлет, но не такой хороший, как сам утверждает. Таких просто не бывает. Впрочем, китаец сам вызвался рискнуть своей жизнью — никто его не заставлял.

— Ну вот что! — громко сказал Фрайгейт.— Я в самом деле наиболее опытный прыгун, так что прыгать следует мне — и я прыгну!

— Ты преодолел свой страх?

— Черта с два! Просто у меня не хватает духу позволить прыгнуть кому-то другому. Вы все сочтете, что я трус, а если даже нет, я сам буду так считать. Я действовал нерационально и нелогично,— сказал он Нуру.— Я недостоин тебя.

Нур невесело улыбнулся своему ученику:

— Не меня ты недостоин, а себя. Но тут надо учесть многое... а прыгать действительно должен ты.— Маленький мавр подошел к Джо и задрал голову, не достающую до огромного хобота титантропа.— Но возможно, прыгать никому и не понадобится. Джо, будет во мне столько же весу, сколько в твоем мешке?

Джо, нахмурясь, поднял Нура одной рукой под ягодицы, подержал на вытянутой руке и сказал:

— Ты куда легче.

— А мог бы ты перекинуть свой мешок на ту сторону? — спросил поставленный на землю Нур.

Джо потрогал подбородок.

— Кто его знает. Я вижу, куда ты клонишь! А почему бы не попробовать? Какая разница, езли мешок окажетзя там, а мы тут? Взе равно ведь мы будем перебиратьзя.

Он поднял громадный мешок над головой, стал у края, примерился, трижды качнул грузом в воздухе и метнул его. Мешок упал за фут от противоположного края.

— Я так и думал,— сказал Нур.— А теперь меня перекинь, Джо.

Титантроп поднял мавра, держа его одной рукой под ягодицы, другой за грудь, и стал раскачивать, приговаривая:

— Раз, два, три!

Нур пролетел над бездной и приземлился на ноги в ярде от края, а потом отбежал дальше и заплясал от радости.

Джо перебросил мавру фонарь на веревке. Нур поймал его, чуть-чуть качнувшись, и ушел в туман. Через несколько минут он вернулся.

— Я нашел большой валун, к которому можно привязать веревку, но не могу сдвинуть его один! Тут требуется пять сильных мужчин!

— Раз-два, взяли! — говорил Джо, раскачивая Бёртона.

Тот хотел было крикнуть, что он гораздо тяжелее Нура, но удержался. Пропасть казалась ему вдвое шире, чем была на самом деле. Потом он полетел вперед и вверх, а Джо заорал ему вслед:

— Побереги задницу, Дик! — и громогласно заржал.

Бездонная пропасть мелькнула под Бёртоном на одну страшную секунду, потом он упал на ноги, и его шатнуло вперед. Он откатился от края, больно ушибшись о камень.

Миг спустя его мешок последовал за ним. Джо перекидал все мешки, потом бросил Фрайгейта.

За ним поочередно последовали все, пока при Джо не остался один Ах-К'ак. С криком: «Пока, толстяк!»— Джо швырнул и его. Майя упал ближе всех к краю, но все же с запасом в целый фут.

— А теперь чего? — крикнул Джо.

— Там есть валун почти с тебя весом, Джо,— сказал Бёртон.— Кати его сюда и привяжи к нему веревку.

— Да он же в полумиле отзюда. Взяли бы и помогли мне, пока я ваз взех не переправил.

— Я не хотел, чтобы ты катил этот камень, а потом, устав, бросал нас.

— О гозподи! Взя тяжелая работа мне дозтаетзя.

И Джо ушел с фонарем в туман.

Хотя кое-кто ушибся и ободрал кожу, все как один пошли за Нуром к валуну и, отдохнув как следует, покатили его по ровному плоскогорью. Это было нелегко, поскольку камень имел неправильную форму и весил, наверное, больше их всех, вместе взятых. Приходилось делать частые передышки из-за разреженного

воздуха. Наконец они подкатили камень к пропасти и сами повалились рядом.

Минуту спустя Джо выкатил из тумана свой валун.

— А я-то надеялзя, что приду первым,— крикнул он.— Да и пришел бы, езли б мой камень лежал близко, как ваш.— Он сел, чтобы передохнуть.

Блессид Грумз жаловалась, что ей так и не дали прыгнуть, доказав тем, как сильна ее вера.

— Никто тебе не запрещал,— сказал Фрайгейт.— Хотя, по правде сказать, я тоже разочарован. Меня остановило только то, что группа, если я не допрыгну, потеряет одного человека. Может, попробовать все-таки, чтобы доказать, что я могу? — Он взглянул на Тай-Пена, и оба расхохотались.

— Дудки, не обманете,— сказала Грумз по-английски.— Вы, двое мужиков, струсили, а женщина не побоялась.

— Ну, мы-то не сумасшедшие в отличие от тебя.

Восстановив силы, они обвязали оба валуна прочным канатом и подперли их камнями помельче. Джо ухватился за провисший канат и переправился на руках через пропасть. Остальные держали канат, опасаясь, как бы валун не сдвинулся под тяжестью титантропа, но это оказалось излишним. Несколько пар рук подхватили Джо у края и помогли ему встать.

— Ох! — выдохнул он.— Надеюзь, мне больше не придетзя этого делать. Раньше я вам не говорил — но на большой вызоте меня взегда одолевает желание прыгнуть вниз.

Глава 43

Через десять часов они добрались до карниза, идущего вдоль склона горы к морю.

— Он и тут узкий, а уж в том мезте, где звалилизь двое египтян, и вовзе кошмар.

В нескольких тысячах футах внизу под ними клубились облака. Путники проспали восемь часов и после всегдашнего унылого завтрака двинулись дальше. Египтяне здесь пробирались ползком, но наши путники шли лицом к скале, цепляясь за неровности камня.

Стало чуть теплее. Вода здесь еще хранила немного тепла после долгого пути через арктические области и полярное море.

Благополучно миновав карниз, группа вышла на следующее плато, откуда, по словам Джо, должна была спуститься к морю. Джо, с трудом ковыляя, осветил своим фонарем другой горный карниз.

Он начинался в шести футах от края утеса, в ширину имел около двух футов и вел вниз, в пелену редких облаков. Он был наклонен к горизонту под углом в сорок пять градусов — только горизонта не было видно.

— Придется оставить кое-что здесь и сделать мешки поменьше,— сказал Бёртон.— Иначе мы их тут не пронесем.

— Знаю. Что меня безпокоит, так это — не зломали ли этики карниз. О гозподи, Дик! А вдруг они нашли нижнюю пещеру?

— Тогда придется надуть каяк и отправить в башню двоих. Я уже говорил об этом.

— Да, я знаю. Но взе равно поговорить охота. Поговоришь — и вроде легче.

Солнце здесь никогда не поднималось выше гор, но освещение, хоть и сумрачное, присутствовало.

— Я звалилзя з этого карниза, не узпев отойти далеко,— сказал Джо.— И не знаю, долго ли надо идти по этой тропе — ничего зебе тропочка! Может, день, а может, и больше, пока не зпузтитзя.

— Египтянин Пахери рассказывал Тому Миксу, что им во время спуска пришлось один раз остановиться, чтобы поесть,— сказал Бёртон.— Но это еще ничего не доказывает. Путь был утомительный, и они могли проголодаться раньше обычного.

Они нашли небольшой грот. Джо с помощью остальных подкатил ко входу большой камень, чтобы укрыться от ветра; все сели внутри и поели. Грот освещали два фонаря, но их тусклый свет не вселял бодрости. Что им было нужно — так это костер, древнее потрескивающее пламя, веселившее их предков в каменном веке и все последующие поколения.

Один Тай-Пен не терял присутствия духа, рассказывая друзьям о своих проделках и о проделках Восьми Бессмертных Винной Чаши, товарищей его старости, перемежая рассказ китайскими шуточками. Последние много теряли в переводе на эсперанто, что не мешало некоторым, особенно Джо Миллеру, ржать во все горло и хлопать себя по ляжкам. Потом Тай-Пен стал импровизировать стихи и в заключение погрозил мечом башне, затаившейся где-то впереди.

— Скоро мы окажемся в твердыне Большого Грааля! Пусть стерегутся те, кто распоряжался нашей жизнью! Мы одолеем их, будь они хоть демонами! Старый Кун Фу Цзе предупреждал нас, что людям негоже связываться с духами, но я никогда не обращал внимания на этого старикашку! Я никогда никого не слушал, кроме себя самого! Я Тай-Пен и не признаю власти над собой! Берегитесь, вы, что прячетесь, и таитесь, и не желаете встречаться с нами! Берегитесь! Тай-Пен идет! Бёртон идет! Джо Миллер идет! — Он перечислил всех.

— Пузтить бы его вперед указывать нам дорогу,— шепнул Джо Бёртону.— Зколько энергии зря пропадает.

Бёртон наблюдал за Гильгамешем и Ах-К'аком. Они вели себя так же, как все,— смеялись и хлопали Тай-Пену, но они могли просто хорошо разыгрывать свою роль. Эти двое беспокоили Бёртона. Когда они все доберутся до пещеры — если доберутся,— придется с ними что-то решать. Пусть даже оба ни при чем — придется выяснить, не Икс ли один из них. Любой мог быть и Логой, и Танабуром.

Но как это выяснишь?

И что замышляют эти двое — или один из них?

Бёртон составил план. Когда они тронутся в путь, надо сделать так, чтобы Джо Миллер пошел во главе. Он, Бёртон, пойдет вторым. Ах-К'ак и Гильгамеш будут замыкающими. Он не хочет, чтобы они попали в пещеру первыми — если пещера еще на месте и не закупорена.

Майя и шумер — или кто они там на самом деле? — пойдут последними, и, как только они войдут в пещеру, их обезоружат. У них при себе длинные ножи и 69-калиберные пистолеты с пластиковыми пулями. Де Марбо и Джо отберут у них все это. Бёртон предупредит также Нура и Фрайгейта, но не станет впутывать их в это дело. Он до сих пор не уверен до конца ни в американке, ни в мавре. Общение с агентом, мнимым Питером Джейрусом Фрайгейтом, настроило его крайне подозрительно по отношению к настоящему Фрайгейту, если он и правда настоящий. Нур, похоже, действительно был тем, за кого себя выдавал, но Бёртон не доверял никому. Даже титантроп мог быть агентом. А что? Джо умен и способен, несмотря на свои гротескные размеры и внешность.

Однако кому-то верить все же надо. Бёртон верил двоим — себе самому и Алисе, которую знал много лет. А другие — что

другие? За ними нужен глаз да глаз — но инстинкты, что бы ни означало это затрепанное слово, подсказывали Бёртону, что все, кроме двоих, действительно те, кем представляются.

Сильно облегчив свои мешки — Джо по-прежнему нес самый большой,— экспедиция взошла на последний карниз. Передвигаясь боком, они ступали на носок, распластавшись по скале и цепляясь за каждый выступ. Они обошли гору всего часа за два, но это время показалось им очень долгим. Джо остановился и повернул голову назад.

— Тихо взе. Тут уже злышно, как бьется море у подножия горы.

Все стали вслушиваться, но только Бёртон, Нур и Тай-Пен услышали плеск волн о камень — да и то, возможно, в воображении.

Однако, обойдя гору, все увидели сравнительно ясное небо и громады гор, окружающих море с той стороны.

Башни не было видно даже издали. И все же она там, где-то в середине моря, если верить рассказу Джо и донесениям с дирижабля «Парсеваль»

— Здезь я назтупил на оставленный кем-то грааль,— сказал Джо.— Отзюда я видел взпышку звета, когда машина этиков зела на башню. И здезь я назтупил на этот грааль, упал и разбилзя назмерть. А теперь его тут нет.

— Чего нет?

— Грааля.

— Наверно, этики убрали.

— Надеюзь, что нет. Езли это они, то они знают, что отзюда могут прийти люди — и может быть, они прошли по карнизу до конца и нашли пещеру. Будем надеятьзя, что грааль убрал кто-то другой. Может, египтяне после моего падения.

Они двинулись дальше по узкому, скользкому от влаги карнизу. Туман сделался гуще, и Бёртон не видел дальше двадцати футов даже с фонарем, который приходилось снимать с пояса, если хотелось лучше рассмотреть дорогу.

Джо внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Бёртон.

— Черт! Карниз кончилзя. Погоди. На вид и на ощупь похоже, что его разплавили. Точно! Это этики оборвали карниз! Что делать будем?

— Велик ли разрыв?

— Да. Футов зорок, назколько мне видно. А может, и взя миля.

— А на сколько оплавлена гора вверху и внизу?

— Назколько моей руки хватает,— через минуту сказал Джо.— Погоди. Я позвечу.— Прошло еще несколько секунд.— Езть зледы в четырех футах выше кончиков моих пальцев.

Бёртон снял свой мешок и опустился на четвереньки. Нур, шедший следом, осторожно перелез через него и исполнил акробатический номер, взобравшись титантропу на плечи. Оглядев скалу, он сказал:

— Выше есть трещины, которые тянутся вдаль. Можно будет вбить костыли.

Бёртон передал стальные клинья и молоток Джо, а тот Нуру. Джо крепко держал мавра за ноги, а Нур вбивал первые два клина. Бёртон подал Нуру конец веревки, тонкой, но прочной. Тот продел ее в ушки костылей и закрепил на том, что был дальше.

Потом Нур слез на карниз и стал надевать на себя сбрую, похожую на парашютную, а Бёртон в это время его страховал. Эта портупея из рыбьей кожи и металла хранилась на катере. На груди были пряжки, к которым прикреплялись прочные пластмассовые ленты. На конце каждой ленты имелся металлический наконечник с колесиком.

Нур снова влез на плечи Джо и, расцепив наконечник, защелкнул его вокруг веревки, пропущенной горизонтально сквозь ушки клиньев. Теперь он мог скользить по веревке. Добравшись до первого клина, Нур защелкнул левый блок на веревке за ним и скользнул ко второму.

Там он уперся ногами в скалу, откинулся назад и стал вбивать в трещину третий клин. Это была тяжелая работа, требовавшая частых передышек. Пора было поесть, но все слишком волновались за Нура, чтобы испытывать голод.

Пять часов Нур терпеливо вбивал клинья и наконец добрался до места, где снова начинался карниз. К тому времени он совершенно обессилел и едва сумел съехать по скале на выступ.

Бёртон двинулся следом за ним, взобравшись на плечи Джо — небезопасный трюк. Не будь Джо таким рослым и сильным, всем пришлось бы повернуть обратно несолоно хлебавши. И умереть с голоду, потому что у них не хватило бы продуктов на обратный путь.

Бёртон, передвигаясь по веревке, как Нур, благополучно достиг другого края. Нур поймал и удержал Бёртона, а тот отстег-

нул блок и съехал вниз, притормаживая раскинутыми по скале руками. К счастью, карниз здесь был шире, чем по ту сторону провала.

Главной проблемой была переправка тяжелых мешков. Оставалось, похоже, одно: выкинуть из них все, кроме самого необходимого. Но распаковать их на узком выступе было не так легко. Прибегли к взаимовыручке: один держался за скалу, а другой или другая разгружали его поклажу. При этом одни вещи летели в море, а прочие складывались на карниз.

Выбрасывалось все, кроме ножей, огнестрельного оружия, боеприпасов, теплой одежды, продуктов и фляг. Часть всего этого укладывалась в граали. Алисе и Афре, как самым легким, предстояло перенести в своих котомках оставшиеся вещи Бёртона и Нура.

Джо спросил Бёртона, брать с собой надувной каяк или нет. Бёртон сказал — брать. Но поскольку вес Джо слишком велик, пусть его мешок возьмет де Марбо. А француз разделит свой багаж между Грумз и Тай-Пеном.

Бёртону хотелось, чтобы титантроп переправлялся без груза. Пока что клинья сидели крепко, но неизвестно, как они поведут себя при нагрузке в восемьсот фунтов.

Все, один за другим, постепенно переправились на ту сторону — остались только Ах-К'ак и Джо. Майя, совершая переход, вбил каждый клин покрепче.

Джо осушил свою громадную флягу, положил ее на карниз и крикнул:

— Я хочу перейти побыстрей! Не стану возитьзя з портупеей! Переправлюзь на руках.— Он ухватился за веревку у первого клина и двинулся вперед, быстро перебирая длинными руками и упираясь коленями в скалу.

На середине пути раздался треск, и один клин выпал из гнезда.

Джо на миг застыл, потом протянул руку к следующему клину и ухнул вниз, держась за веревку и раскачиваясь как маятник, что вот-вот остановится.

— Держись, Джо! — крикнул Бёртон.

Раздался общий вопль — это выпал второй клин, а за ним посыпались остальные.

Ревущий Джо Миллер в белом, как саван, плаще опять, как когда-то, упал в темные морские воды.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

В ТЕМНОЙ БАШНЕ

Глава 44

Бёртон плакал наравне с другими. Он был привязан к великану, даже любил его. Со смертью Джо группа лишилась солидной доли мужества, бодрости и силы.

Через некоторое время все осторожно развернулись и продолжили свой медленный, опасный спуск. Спустя шесть часов они остановились для еды и сна. Спать было трудно — приходилось лежать на боку, опасаясь скатиться вниз. Все подложили себе под спину пистолеты, надеясь проснуться от этого в случае перемены положения. Справлять нужду тоже было нелегко. Мужчины еще могли помочиться, встав лицом к пропасти, хотя ветер постоянно относил брызги назад. Женщинам приходилось свешивать заднюю часть за край, надеясь на лучшее.

Стыдливость при этом проявляла одна только Алиса, требуя, чтобы другие отворачивались, пока она облегчается. И даже тогда чужое присутствие стесняло ее. Но туман порой сгущался, обеспечивая ей уединение.

У всех было невесело на душе — смерть Джо Миллера по-прежнему тяготела над ними. Нельзя было не думать и о том, что этики, возможно, нашли пещеру и запечатали ее.

Шум волн у подножия горы стал громче. Путешественники спускались вниз в сплошных облаках; скала и карниз стали еще мокрее. Наконец Бёртона, шедшего во главе, окатило пеной, и грохот прибоя ударил в уши.

Бёртон остановился и посветил вокруг фонариком. Карниз уходил в темную воду. Впереди виднелась осыпь, а за ней, если верить Пахери, должен находиться вход в пещеру.

Он сообщил остальным о своем открытии и вошел в воду до колен. Как видно, выступ здесь выдавался далеко, поскольку прибой был слаб, а неподалеку бушевал вовсю. Вода была очень холодная — ноги сразу окоченели.

Бёртон обошел черный язык осыпи, Алиса шла за ним по пятам.

— Есть там пещера? — Ее голос дрожал.

Бёртон направил луч фонаря вперед и вправо. Сердце у него колотилось — и не от одной холодной воды.

— Ага! — Вот оно, столько раз представлявшееся ему отверстие у подножия горы. Ход низкий — даже Нуру придется пригнуться, чтобы пройти, но достаточно широкий для лодок, как говорил Пахери.

Бёртон передал по цепи великую новость. Грумз, пятая в ряду, завопила:

— Аллилуйя!

Но проявляемое Бёртоном ликование не совсем совпадало с его истинными чувствами. Пещера-то на месте, но лодок в ней может не быть.

Ведя за собой Алису на веревке, все еще прикрепленной к его поясу, он пригнулся и вошел в устье. В нескольких футах от входа гладкий каменный пол начал подниматься вверх под углом в тридцать градусов, стены расступились, а потолок поднялся на двадцать футов. Когда все собрались в пещере, Бёртон велел отвязать веревку — больше она им не понадобится.

Он осветил фонариком лица — бледные и усталые, но горящие нетерпением. Гильгамеш стоял с правого края, а Ах-К'ак — слева, позади остальных. Если Бёртон все-таки намерен схватить их, то этот момент недалек. Но он решил подождать и действовать, как подскажут обстоятельства.

Бёртон повернулся и повел всех вверх по туннелю. Ход постепенно забирал вправо, делая дугу окружностью футов в триста, и по мере продвижения становилось все теплее. В конце туннеля показался свет.

Бёртон невольно перешел на бег и, влетев в огромный, под куполом, зал, едва не споткнулся о человеческий скелет. Скелет лежал лицом вниз, выбросив вперед правую руку. Бёртон подобрал череп, заглянул в него и осмотрел пол. Черного шарика не было.

Свет шел от огромных металлических сфер — их было девять, водруженных на черные металлические треножники двенадцатифутовой высоты. Свет казался холодным.

Десять черных железных лодок стояли на V-образных подставках. Одна подставка была пустая. Раньше здесь стояла лодка, на которой египтяне доплыли до башни.

Лодки были разного размера — самая большая могла вместить тридцать человек.

Слева тянулись металлические полки с серыми банками — жестянками, как сказали бы американцы,— каждая дюймов десять в высоту и шесть в ширину.

Все так, как говорил Пахери.

Но о трех скелетах в синей одежде, лежащих в одной из больших лодок, он ничего не говорил.

Вслед за Бёртоном, тихо переговариваясь, вошли остальные. Это место бесспорно вселяло трепет, но Бёртон, пренебрегая эффектом, поспешил осмотреть неизвестные останки.

Они были одеты в нечто вроде комбинезонов — без карманов, без швов и без пуговиц. Материал был гладкий и вздувался при сжатии.

Бёртон откатил в сторону черепа и вытряс кости из одежды. У одного из покойников был крупный, тяжелый костяк, толстые надбровные дуги и массивные челюсти — возможно, он происходил из раннего палеолита. Два других скелета имели современное строение, а у одного был женский таз.

В каждом из трех черепов находился крошечный черный шарик. Если бы Бёртон не искал их, он бы их не заметил.

Следов насилия на скелетах не было видно. Что же погубило этих трех агентов?

И каким образом они оказались здесь?

Может, прилетели на одной из воздушных машин, которые Бёртон видел мельком много лет назад? Но около входа в пещеру никаких машин не было. Или ее унесло прочь волнами?

Как эти трое нашли свой конец? И почему никто из башни не пришел за ними?

Очевидно, обитателям башни не до того было. Или они сами мертвы, умерли той же смертью, что и эти трое.

И в этом повинен не иначе как Икс.

Бёртон пришел к выводу, что Икс и все прочие агенты и этики застряли в долине вследствие того же события, из-за которого эти трое расстались с жизнью.

Ни одна машина не могла больше прилететь из башни, чтобы забрать их. И ренегат тоже не мог добраться до башни на спрятан-

ных им где-то транспортных средствах. Ему пришлось под именем Барри Торна лететь туда на дирижабле, построенном Фаербрассом, и в башню ему попасть не удалось.

Впрочем, это загадочное событие, с точки зрения Бёртона, сыграло даже на руку и ему, и Иксу. Погибшие агенты, очевидно, обнаружили и веревки, свисающие со скал, и туннели, обнаружили они также, что жители долины пользовались для прохода узким карнизом. Пещеру они, наверное, нашли уже под конец, после того как позаботились, чтобы нежеланные гости не могли больше пройти к морю.

Не произойди какой-то катастрофы, эти трое закупорили бы пещеру.

Бёртон перешел к полкам с консервами. Пластиковая табличка размером двенадцать на двенадцать дюймов, имевшаяся на каждой полке, наглядно показывала, как открывать банки. Бёртон в картинках не нуждался — он еще по рассказу Пахери помнил, что надо делать. Обведя пальцем вокруг крышки, он стал ждать. Через несколько секунд крышка, сделанная из прочного металла, дрогнула, замерцала и превратилась в желеобразный покров, легко протыкающийся пальцем.

— Икс позабыл о посуде и приборах,— сказал вслух Бёртон.— Ну, ничего! Можно и руками есть!

Его изголодавшиеся спутники бросили осматривать пещеру и последовали его примеру. Все черпали пальцами говяжье жаркое — оно было теплое — и доставали хлеб из жестянок с изображением хлебной буханки. Наелись до отвала. Ограничивать себя не было нужды — запасы были обширны.

Бёртон, сидя на полу спиной к стене, наблюдал за остальными.

Будь один из них Иксом, разве он не открылся бы к этому времени?

Или он вербовал людей из долины только на крайний случай? Чтобы они таскали ему каштаны из огня, когда он окажется в критической ситуации?

Если так, почему он не сказал сразу, чего от них ожидает?

Может быть, он и собирался, но события приняли неожиданный и слишком быстрый оборот. А теперь помощь рекрутов ему больше не нужна. Напротив — они ему только мешают.

И почему он встал на путь измены?

Бёртон не верил версии Икса, объясняющей, зачем другие этики воскресили землян.

И не был уверен, что не связался с кем-то, чьи истинные цели были бы ему омерзительны, если бы он их знал.

Вот почему, возможно, Таинственный Незнакомец вел себя так загадочно, почему не рассказывал им правды, почему до сих пор скрывается — если скрывается.

Как бы там ни было, этику давно пора открыть себя. Разве только... разве только Иксу известно, что в группе есть агенты или другие этики. Тогда он будет хранить инкогнито до самой башни. Почему до башни? Да потому, что здесь он не в состоянии перебороть или убить своих врагов и вообще кого бы то ни было, кто мог бы помешать его планам, к добру они направлены или ко злу.

Возможно, его планы требуют, чтобы Икс избавился заодно и от рекрутов. Он нуждался в них, только чтобы добраться до башни.

Что вообще заставляло Икса предполагать, что ему когда-нибудь понадобится их помощь?

Да... Спрюс на допросе говорил что-то об Операторе гигантского компьютера. Бёртон не знал, кто этот Оператор, но Икс, наверное, тайно использовал компьютер в начале или еще до начала осуществления проекта воскрешения. Икс мог заложить в машину все вероятности, касающиеся его незаконных замыслов, и просчитать, возможно ли их осуществление. Компьютер мог подсказать ему даже нечто такое, о чем сам Икс не подумал.

Например, представить такую ситуацию или ситуации, где Иксу могут понадобиться рекруты.

Бёртон не мог представить себе, что это за ситуация — разве что вот эта, нынешняя.

Что ж, возможно.

Итак, Икс набрал себе рекрутов и стер из компьютера все свои запросы и ответы на них. Каким-то образом он проделал это без ведома Оператора. В том случае, конечно, если Спрюс не солгал и такие вещи, как Оператор и компьютер, действительно существовали.

Больше всего заботило Бёртона то, что Икс ему так и не назвался. Значит, этик скоро начнет действовать — и не заодно с рекрутами, а против них.

Бёртон подумал, что надо бы поспать, прежде чем отправляться дальше на лодках. Все согласились с ним, постлали теплую одежду на пол, а часть использовали вместо подушек. Здесь

было тепло, и укрываться не понадобилось. Горячий воздух шел из щелей у основания стен.

— Отопление, наверное, обеспечивает атомный реактор,— заметил Фрайгейт.— И освещение тоже.

Бёртон решил установить ночные дежурства и нести их по двое, каждая пара по два часа.

— Зачем? — возразил Тай-Пен.— Ясно же, что мы тут единственные люди на двадцать тысяч миль.

— Это неизвестно. Нельзя нам сейчас терять бдительность.

Кое-кто согласился с китайцем, но в конце концов решили, что лишняя предосторожность не повредит. Бёртон распределил вахты, назначив Нура напарником Гильгамеша, а себя — напарником Ах-К'ака.

Мавра трудно застать врасплох — он прекрасно ориентируется в чужих намерениях и чувствах и часто по едва уловимым телесным проявлениям догадывается, что сейчас сделает человек.

Возможно, конечно, что Нур — агент или что Гильгамеш в сговоре с Ах-К'аком. Пока один будет дежурить, второй притворится спящим и в нужный момент поможет первому обезвредить его напарника.

Возможно было все, но приходилось идти на риск. Нельзя же совсем не спать.

Больше всего Бёртон беспокоился о том, как бы Икс, если он здесь, не взял ночью маленькую лодку и не попал в башню раньше остальных. Тогда он запрет нижний вход — и конец.

Первыми дежурили де Марбо с Алисой, и Бёртон дал французу свои наручные часы. Потом лег на подстилку около входа в туннель и сунул под подушку заряженный пистолет. Уснуть ему удалось с трудом, и не ему одному, если судить по многочисленным вздохам и бормотаниям. Первая вахта уже почти истекла, когда он погрузился в тревожный сон. Он то и дело просыпался, и ему снились кошмары, отражавшие события последних тридцати лет. Бог, одетый как джентльмен поздней викторианской эпохи, тыкал его в ребра тяжелой тростью: «Ты должен мне за плоть. Плати».

Бёртон открыл глаза и посмотрел вокруг. Теперь дежурили Тай-Пен с Блессид Грумз. Китаец, всего футах в десяти от Бёртона, что-то тихо говорил негритянке. Потом Грумз влепила ему пощечину и отошла.

— Желаю, чтобы в следующий раз тебе больше повезло, Тай-Пен,— сказал Бёртон и опять уснул.

Когда дежурили Нур и Гильгамеш, он проснулся снова и лишь чуть-чуть приоткрыл глаза, чтобы его считали спящим. Оба дежурных сидели в одной из больших лодок у приборной доски. Шумер, похоже, рассказывал мавру что-то смешное, потому что Нур улыбался. Бёртону не понравилось, что они сидят рядом. Силачу Гильгамешу ничего не стоило схватить Нура за горло.

Нур, однако, чувствовал себя вполне вольготно. Бёртон еще немного последил за ними и задремал. В следующий раз он проснулся оттого, что Нур его тряс.

Бёртон встал, зевая. Ах-К'ак стоял у полок и ел тушенку с хлебом. Он жестом предложил Бёртону присоединиться. Тот потряс головой, не желая подходить к нему ближе, чем необходимо. Взяв пистолет из-под подушки, Бёртон положил его в кобуру. Он заметил, что Ах-К'ак тоже при оружии. Ничего примечательного в этом не было — какой же смысл нести караул без оружия.

Бёртон, стоя футах в шести от Ах-К'ака, сказал, что выйдет помочиться. Майя, с набитым ртом, кивнул. Он похудел за это трудное путешествие и теперь, похоже, вознамерился вернуть утраченное.

Если этот обжора действительно Икс, подумал Бёртон, то он превосходный актер.

Бёртон шел по туннелю, то и дело оглядываясь и прислушиваясь, не раздадутся ли сзади шаги. Фонарь он зажег только у выхода из пещеры, поставив его на покатый пол. Луч устремился в мокрый, тяжелый туман. Быстро покончив со своим делом, Бёртон вернулся в пещеру.

Вот подходящий случай для Ах-К'ака, чтобы напасть. Но Бёртон ничего не слышал, кроме шума волн, дробящихся о скалы неподалеку. Когда он вернулся, Ах-К'ак сидел, прислонясь к стене, закрыв глаза и повесив голову.

Бёртон прислонился к противоположной стене. Вскоре майя встал, потянулся и показал знаком, что хочет выйти. Бёртон кивнул. Ах-К'ак, болтая отвисшим подбородком, пошел в туннель. Бёртон решил, что был излишне подозрителен. Через минуту ему стало казаться, что он был недостаточно подозрителен. Что, если майя все-таки Икс и у него где-то поблизости спрятана лодка? В какой-нибудь щели, до которой можно дойти по мелководью.

Прошло десять минут — не такой уж долгий срок. Может, пойти следом за Ах-К'аком?

Не зная, на чем остановиться, Бёртон увидел, что майя возвращается, и вздохнул с облегчением. Прошла уже половина их вахты, остальные спят уже не так крепко, и их легче будет разбудить в случае чего.

Да и для Икса логичнее было бы дождаться прибытия в башню. Там, на своей территории, ему будет легче с ними справиться.

После шестичасового сна Бёртон разбудил всех. Они прогулялись наружу — мужчины отдельно, женщины отдельно — и вернулись, жалуясь на холод. Бёртон и Ах-К'ак к тому времени разлили воду из фляг по чашкам, взятым из граалей, приготовясь добавить туда растворимый кофе, одновременно нагревавший воду. Все попили кофе и сели завтракать. Некоторые опять вышли к морю. Грумз заявила, что нехорошо оставлять скелеты без погребения, и подняла такой шум, что Бёртон счел за лучшее уступить ей. Какая теперь разница — чуть раньше или чуть позже?

Кости вынесли и бросили в море после прочтенной Грумз пространной молитвы. Скелет, лежавший ближе к туннелю, определенно принадлежал матери Блессид, но никто не сказал ей об этом, чтобы не причинить горя. Бёртон и еще несколько человек помнили рассказ Пахери: когда египтяне вошли сюда, на черепе сохранились еще остатки скальпа с черными курчавыми волосами.

Вернувшись, они загрузили одну из тридцатиместных лодок своими пожитками и поставили туда шестьдесят банок с консервами. Четверо мужчин подняли большую, но очень легкую лодку и вынесли через туннель к морю. Следом двое мужчин и двое женщин несли лодку поменьше, которой предстояло идти за первой на буксире.

Бёртон, у которого спросили, зачем им лишняя лодка, ответил:

— На всякий случай.

Он сам не знал, какой это может быть случай. Но лишняя предосторожность не помешает.

Выходя последним, он оглянулся в последний раз. Было очень тихо, а горящие светильники и пустые лодки создавали странное впечатление. Будут ли у группы Бёртона последователи? Он сомневался в этом. Их экспедиция третья и пока что самая успешная. Все делается три раза. Бёртон подумал о Джо Миллере, дважды упавшем в море. Уж тут-то третьего раза не будет?

Может, и будет, если мы постараемся, подумал он.

Все, кроме Ах-К'ака и Гильгамеша, сели в большую лодку, столкнули ее на воду, влезли и принялись вытирать ноги. Бёртон досконально изучил табличку-карту, запомнив ее наизусть. Стоя на помосте у штурвала, он нажал одну из клавиш, и панель осветилась. Обозначений под клавишами не было, но на схеме показывалось, для чего они предназначены.

Одновременно с подсветкой на экране вспыхнул ярко-оранжевый цилиндр — башня.

— Можно трогаться,— сказал Бёртон, нажимая вторую клавишу.— Ну что — вперед?

— Вперед, на встречу с мудрецом из страны Оз, Королем-рыбаком!* — сказал Фрайгейт.— К Священному Граалю!

— Если грааль и вправду священный,— засмеялся Бёртон,— что мы-то тогда здесь делаем?

Что бы ни двигало лодку — не было ни вибрации, ни следа за кормой,— она быстро шла вперед. Скорость регулировалась с помощью пластиковой груши, прикрепленной к штурвалу справа. Для этого грушу следовало сжать или отпустить. Бёртон, повернув штурвал так, чтобы изображение башни передвинулось из правого угла экрана в его центр, начал жать грушу. Лодка резала волны, идя по морю наискосок. Брызги мочили сидящих сзади, но Бёртон не сбавлял хода.

Он то и дело оглядывался. В темноте и тумане он не видел даже кормы, а пассажиры жались в кучку, напоминая в своих белых одеяниях души, перевозимые в ладье Харона.

Все молчали, точно и впрямь души усопших.

По словам Пахери, лодке Эхнатона потребовалось часа два, чтобы дойти до башни. Это потому, что фараон боялся вести ее на предельной скорости. Согласно показаниям радара «Парсеваля», диаметр моря составляет тридцать миль. А диаметр башни — миль десять. Так что от пещеры до нее — всего двадцать миль. Лодка фараона, наверно, ползла, делая не больше десяти миль в час.

Башня на экране быстро увеличивалась — и вдруг вспыхнула огнем.

Значит, цель совсем близко.

По инструкции теперь следовало нажать очередную клавишу. Бёртон так и сделал, и два необычайно ярких носовых прожектора ударили в туман, осветив огромную закругленную стену.

---

* Король-рыбак — в сказаниях о короле Артуре хранитель Грааля.

Бёртон отпустил грушу — лодка сразу сбавила скорость и начала дрейфовать. Снова включив энергию, Бёртон развернул ее и направил к темной громаде. Он нажал еще одну кнопку — и в гладкой на вид стене открылась большая овальная дверь, толстая, как в подвале банка.

Из нее лился свет.

Бёртон сбросил тягу и повернул штурвал. Лодка стукнулась бортом о порог. Множество рук ухватилось за дверь, удержав лодку на месте.

— Аллилуйя! — завопила Блессид Грумз.— Мама, скоро я приду к тебе и воссяду по правую руку от Господа нашего!

Все остальные вздрогнули. Тишина, нарушаемая только легким стуком лодки о металл, была так глубока и всех так потрясло то, что башня наконец открылась перед ними, что вопль Блессид показался им чуть ли не святотатством.

— Тихо! — крикнул Фрайгейт и тут же засмеялся — Блессид легко его заглушила.

— Мама, я иду! — вопила она.

— Заткнись, Грумз! — сказал Бёртон.— Не то я, ей-богу же, вышвырну тебя за борт! Нашла место истерику закатывать!

— Это не истерика! Я ликую! Благодать Господня наполняет меня!

— Ну так держи ее при себе.

Грумз сказала, что Бёртону прямая дорога в ад, но подчинилась.

— Может, ты и права,— сказал он.— Однако мы все идем одной дорогой. Если там, внутри, рай, мы будем с тобой. Если ад...

— Не говори так! Это кощунство!

Бёртон вздохнул. В общем и целом Блессид нормальна, но религиозный фанатизм заслоняет от нее и факты, и все противоречия ее веры. В этом она очень похожа на его жену Изабел, правоверную католичку, которая, однако, ухитрялась одновременно верить и в спиритизм. А ведь Грумз — сильная женщина, выносливая, никогда не жалуется и приносила большую пользу в пути, когда не пыталась обратить остальных в свою веру.

За дверью виднелся серый металлический коридор, описанный Пахери. От спутников египтянина, пораженных в этом коридоре неведомой силой, не осталось и следа. Сам Пахери побоялся идти с остальными и остался в лодке. Эхнатон и его люди упали на пол, и дверь закрылась так же бесшумно, как и открылась.

Пахери не смог отыскать путь в пещеру, попытался спуститься на лодке через первый порог и очнулся на дальнем берегу Реки. Но теперь воскрешений больше нет.

Бёртон расстегнул кобуру и сказал:

— Я пойду первым.

Он шагнул через порог. Теплое дуновение согрело ему лицо и руки. Бестеневой свет исходил, казалось, из стен, пола и потолка. В конце коридора виднелась закрытая дверь. Входная дверь открывалась с помощью стержней из серого металла, уходивших в серый же, шестифутовый куб у наружной стены. Основание куба сливалось с полом без всяких сварочных швов или болтов.

Бёртон подождал, пока войдут Алиса, Афра, Нур и де Марбо, и не велел им отходить дальше десяти футов от двери. Потом крикнул:

— Давайте-ка сюда маленькую лодку!

— Зачем? — спросил Тай-Пен.

— Заклиним ею дверь, чтобы не закрылась.

— Но ее же раздавит,— сказала Алиса.

— Не думаю. Лодка сделана из того же материала, что граали и башня.

— Но выглядит она ужасно хрупкой.

— У граалей тоже тонкие стенки, и инженеры в Пароландо пытались взорвать их, разрезать, расплющить падающим молотом. Ничего не вышло.

Свет из коридора падал на лица оставшихся в лодке — удивленные, восхищенные, бесстрастные. Попробуй определи по их реакции, кто из них Икс.

Вопрос задал один Тай-Пен, но это еще ничего не значит. Китайцу всегда надо знать, отчего да почему.

Общими усилиями маленькую лодку подняли и просунули в дверь. Она плотно вошла в середину овала, и под ней осталось достаточно места, чтобы проползти тем, кто был в лодке, когда они передадут внутрь тюки и консервы.

Бёртон отходил все дальше, уступая место вновь входящим. Держа пистолет в руке, он велел Алисе достать свой. Остальные, увидев направленное на них дуло, остолбенели. Еще сильнее они изумились, когда Бёртон приказал им заложить руки за голову.

— Ты Икс! — сказал Фрайгейт.

— Ничего подобного! — смеясь, как гиена, сказал Бёртон.— Но сейчас я выведу Икса на чистую воду!

Глава 45

— Ты подозреваешь всех, кроме Алисы, да? — спросил Нур.

— Нет. Среди вас могут быть агенты — если это так, я предлагаю им назваться. Но я видел этиков во время их совета, и только двое в нашей группе напоминают своим сложением того, кто, как я думаю, может быть Иксом!

Бёртон подождал. Было ясно, что, если здесь и есть агенты, сознаваться они не собираются.

— Прекрасно. Я объясню. Представляется очевидным, что Икс и Барри Торн, а возможно, и Одиссей — одно лицо. Торн и Одиссей были малы ростом и очень мускулисты. Лицом они тоже походили друг на друга, хотя у Одиссея торчали уши и он был намного смуглее. Но эти черты можно изменить искусственно.

Этиков похожей наружности звали Лога и Танабур.

Двое из нашей группы могут быть и тем и другим. Однако мне кажется, что инженер Подебрад, убитый на «Рексе», был Танабуром. Или Логой. Во всяком случае, мы и шагу не ступим дальше, пока я не допрошу с пристрастием этих двоих.— Бёртон сделал паузу и сказал: — Это Гильгамеш, называющий себя древним шумером, царем Урука, и Ах-К'ак, так называемый индеец майя!

— Но, Ричард,— тихо сказала Алиса.— Если ты слишком круто за них возьмешься, они могут просто покончить с собой.

— Слыхали, что она сказала? — гаркнул Бёртон.— Нет? Что Иксу легко избежать допроса, покончив с собой! Но я-то знаю, что он этого не сделает! Иначе ему пришлось бы отказаться от своих планов, какими бы они ни были! Воскрешения из мертвых больше не будет! Итак... я решил наконец действовать, потому что дальше мы без него ничего не сможем сделать. Только Икс знает, как отключить газ или ультразвук, или что там еще сразило египтян. И еще я жду ответов на свои вопросы!

— Опомнись, приятель! — сказал Том Терпин.— А вдруг Икса среди нас нет? С огнем играешь!

— Я убежден, что он здесь. И вот что я намерен сделать. Если никто не сознается, я оглушу тебя, Гильгамеш, и тебя, Ах-К'ак. Вы мои главные подозреваемые. А когда вы начнете приходить в себя, я вас загипнотизирую. Монат Грраутут, арктурианин, а с ним мнимый Питер Джейрус Фрайгейт и Лев Руах когда-то загипнотизировали моего друга Казза. Не одни они умеют играть

в эту игру. Я признанный мастер гипноза, и если вам есть что скрывать, я это из вас вытяну.

В наступившей тишине все опасливо смотрели друг на друга.

— Ты злой человек, Бёртон! — сказала Грумз.— Мы стоим у райских врат, а у тебя смертоубийство на уме!

— Убивать я никого не собираюсь — хотя готов это сделать, если придется. Хочу я одного — раскрыть эту тайну. Среди вас могут быть агенты. Я призываю их сознаться. Терять им нечего, а приобрести они могут многое. Поздно пытаться скрыть что-то от нас.

— Но... но, дорогой мой Бёртон! — вскипел де Марбо.— Вы оскорбляете меня! Я никакой не агент и не этик! Я тот, кто я есть, и я ударю всякого, кто назовет меня лжецом!

— Если один из них или оба неповинны,— сказал Нур,— вина ляжет на тебя. Нельзя безнаказанно оскорблять невиновных. Кроме того, ты можешь превратить друзей во врагов. Нельзя ли загипнотизировать их, не прибегая к насилию?

— Мне это так же неприятно, как и тебе,— сказал Бёртон.— Поверь мне. Но возможно, этик и сам превосходный гипнотизер — и уж безусловно, обладает повышенной сопротивляемостью. Я должен оглушить их, чтобы они не воспользовались этими своими способностями, и захватить их, когда они будут еще не совсем в себе.

— Но это так жестоко, Ричард,— тихо сказала Алиса.

— А теперь,— сказал Бёртон,— бросьте свое оружие на пол. По одному и медленно. Ты первый, Нур.

Ножи и пистолеты заклацали о серый металл. Когда все разоружились, Бёртон велел им отойти назад, а Алиса собрала оружие и сложила его в кучку у него за спиной.

— Руки не опускать.

Почти на всех лицах читался гнев, негодование, уязвленное самолюбие. Лица Гильгамеша и Ах-К'ака превратились в каменные маски.

— Подойди ко мне, Гильгамеш,— сказал Бёртон.— В пяти футах от меня остановись и повернись спиной.

Шумер медленно двинулся к нему. Сквозь его маску невозмутимости пробился гнев.

— Если ты ударишь меня, Бёртон, я твой враг навеки. Я был когда-то царем Урука и происхожу от богов! Никто не смеет тронуть меня безнаказанно. Я убью тебя!

— Мне искренне жаль это делать,— сказал Бёртон.— Но ты должен понимать, что речь идет о судьбе целого мира. Будь я на твоем месте, а ты на моем, я не стал бы тебя упрекать. Я возмущался бы, да, но я бы понял!

— Когда ты выяснишь, что я невиновен, уж лучше убей меня! Иначе сам будешь убит! Я правду говорю!

— Там видно будет.

Бёртон собирался в том случае, если окажется, что шумер не Икс, дать Гильгамешу под гипнозом команду простить его, Бёртона, по выходе из транса. Он мог бы приказать забыть обо всем, но другие, несомненно, не преминут напомнить Гильгамешу.

— Руки за голову,— сказал Бёртон.— Теперь повернись. Не волнуйся, очень больно не будет. Я точно знаю, с какой силой следует бить. Ты потеряешь сознание всего на несколько секунд.

Бёртон занес пистолет над головой шумера, но тот с криком «Нет!» обернулся и выбил у Бёртона оружие.

Алисе следовало бы выстрелить, но она вместо этого принялась лупить шумера по спине своим собственным пистолетом. Бёртон, несмотря на всю свою силу, не устоял против геркулесовой мощи Гильгамеша и был поднят на воздух. Он ударил шумера по лицу, пустив ему кровь и поставив синяк, а шумер вскинул его высоко над головой и швырнул о стену. Оглушенный Бёртон сполз на пол.

Все подняли крик, а Алиса громче всех. Это не помешало ей наконец угодить рукояткой своего пистолета Гильгамешу по голове. Он пошатнулся и начал оседать.

Тут Ах-К'ак, проворный, несмотря на свою толщину, подскочил к Алисе, выхватил у нее пистолет и побежал в конец коридора.

Бёртон попытался встать, крича:

— Держите его! Держите! Это этик! Икс! Икс!

Ноги у него были точно надувные шары, из которых выходит воздух. Он снова опустился на пол.

Майя — нет, какой там майя! — хлопнул ладонью по стене слева от себя, и дверь в дальнем конце коридора сразу же ушла вбок.

Бёртон попытался заметить место, куда ударил Икс. При нажатии на него, несомненно, включается какая-то аппаратура, не только открывающая дверь, но и обезвреживающая оружие, уложившее египтян.

Маленький тощий Нур, быстрый, как молния, схватил из кучи оружия пистолет и поднял его, держа обеими руками. Прогремел выстрел. Пуля ударила в дверь, за которой спрятался Икс, и в воздухе засвистели осколки пластика. Икс упал по ту сторону двери, мелькнув обутыми в черное ногами. Потом ноги исчезли.

Нур бросился за ним, но на пороге остановился, осторожно выглянул и сразу убрал голову. Пуля Икса расплющилась о стену около двери. Нур опустился на колени и снова выглянул. Снова грянул выстрел, но Нур, кажется, не пострадал.

К тому времени и другие, разобрав свое оружие, устремились к двери.

При всей бесполезности сожалений Бёртон не мог не пожалеть, что не взялся сначала за Ах-К'ака.

Он крикнул Алисе, склонившейся над Гильгамешем. Она помогла ему встать. Плача, она подошла к Бёртону и взяла его за руки.

В голове у него прояснилось, и ноги как будто стали потверже. Через минуту он совсем оправится.

— Фрайгейт! Тай-Пен! Терпин! — крикнул он.— Возьмите Гильгамеша! Все остальные — вперед! Вперед, пока он не запер дверь!

— Да он ушел! — прокричал Нур.

Трое названных подбежали, подняли тяжелого шумера и вынесли его за дверь. Бёртон оперся на Алису, обняв ее рукой за шею, и они последовали за остальными. Добравшись до двери, он уже почувствовал, что может идти сам.

Терпин оставил на пороге свой грааль, чтобы помешать двери закрыться. Как только Бёртон с Алисой прошли, дверь поехала назад, наткнулась на грааль и остановилась.

Нур показал им кровавые пятна на полу.

— Пуля ударила в стену, но осколки зацепили его.

Оба конца коридора тянулись куда-то в бесконечность. Свет был резкий, бестеневой. Ширина коридора на глаз составляла футов сорок, а высота — пятьдесят. Он едва заметно изгибался, следуя за кривизной башни. Интересно, что находится между коридором и наружной стеной? Возможно, там пустота, а возможно, кое-где размещены машины или склады. По стенам, через неправильные промежутки, на уровне глаз виднелись выпуклые буквы или символы: одни из них на первый взгляд напоминали руны, а другие — письмо хинди.

Бёртон оставил на полу пулю, чтобы отметить выход, если дверь все же закроется.

Кровавый след прервался на площадке с круглым отверстием диаметром футов сто в центре. Бёртон подошел к краю и посмотрел вниз. Темная шахта была освещена через равные промежутки, где в нее выходили другие этажи. Бёртон не знал, какова глубина шахты, но она, по всей видимости, составляла несколько миль. Он опустился на колени, вцепившись в края, и посмотрел вверх — там было то же самое.

Но вверх шахта уходит не больше чем на милю — такова высота башни над уровнем моря.

Гильгамеш тем временем очнулся. Он сидел на полу, держась за голову, и стонал.

— Что со мной случилось? — спросил он.

Бёртон объяснил.

— Так это не ты ударил меня? — простонал шумер.— Это была женщина?

— Да, и я приношу тебе свои извинения, если они тебе нужны. Но я должен был убедиться.

— Она защищала своего мужчину. Если ты меня не ударил, то оскорбления нет. Но есть телесные повреждения.

— Ничего, скоро все пройдет,— сказал Бёртон.

Он умолчал о том, что съездил Гильгамешу по морде. В данном случае лучше всей правды не открывать. В прошлой жизни Бёртон нажил множество врагов — и это не пугало его, а даже доставляло известное удовлетворение. Но за последние двадцать лет он понял, что вел себя в этом смысле иррационально. Мудрый суфи Нур дал ему это понять, хотя и не напрямую. Бёртон сам дошел до этого, слушая беседы Нура с его учеником Фрайгейтом.

— По-моему, Икс уехал на лифте,— сказал Бёртон.— Но лифта здесь не видно. И какой-либо аппаратуры вызова тоже.

— Может, это потому, что никакой кабины и нет,— сказал Фрайгейт.

Бёртон вытаращил глаза. Фрайгейт достал из кошелька на поясе пластиковую пулю и бросил ее в пустоту. Она остановилась на уровне пола, точно завязла в чем-то.

— Ах ты, черт! Смотри-ка, угадал!

— Что угадал?

— Что в шахте существует какое-то поле. Но вот как попасть, куда тебе надо? Может, нужен код, чтобы управлять полем?

— Ты правильно мыслишь,— сказал Нур.

— Спасибо, учитель. А вдруг одному нужно вниз, а другому вверх? Может ли поле работать одновременно в обоих направлениях?

Если с этажа на этаж можно попасть только через такие шахты — эта, надо думать, не единственная,— то путешественники оказались в ловушке. Этику остается только подождать, пока они не перемрут с голоду.

Бёртон разозлился. Всю жизнь он чувствовал себя в клетке — некоторые решетки он разламывал, но самые крепкие остались незыблемыми.

И вот сейчас, на пороге открытия великой тайны, он снова попал в клетку, из которой, похоже, выхода нет.

Он медленно опустил одну ногу в пустоту и почувствовал сопротивление. Решив, что неведомая сила должна выдержать его вес, он ступил в шахту обеими ногами. Он был на грани паники — любой на его месте чувствовал бы то же самое. Однако вот он стоит на воздухе, и под ногами у него бездна.

Он поднял пулю и бросил ее Фрайгейту.

— Что же теперь? — спросил Нур.

Бёртон посмотрел вверх и вниз.

— Не знаю. Тут не просто воздух. Эта среда оказывает легкое сопротивление, когда я двигаюсь. Но дышу я свободно.

Стоять там было все-таки, мягко говоря, неуютно, и Бёртон вернулся на твердый пол.

— Там такого ощущения нет. То, что под ногами, немного пружинит подо мной.— Настало молчание, и он предложил: — Ну что ж, пошли дальше?

Глава 46

Вскоре они пришли к другой лифтовой площадке, помеченной выпуклыми знаками. Бёртон снова заглянул вниз и вверх, ища каких-нибудь указаний,— но эта шахта была так же пуста, как и первая.

Когда они ушли оттуда, Фрайгейт сказал:

— Интересно, жив ли еще Пискатор? Вот если бы он нам встретился...

— Если бы? Мы не можем полагаться на «если бы», как бы это ни было свойственно человеку,— сказал Бёртон.

Фрайгейт надулся.

— Пискатор, как я понимаю, был суфи,— сказал Нур.— Этим объясняется то, что он прошел через верхний ход. Насколько я слышал, там имеется какое-то силовое поле, сродни электромагнитному, не допускающее внутрь тех, кто не достиг определенного этического уровня.

— Он, должно быть, здорово отличался от всех известных мне суфи, за исключением тебя,— сказал Бёртон.— Все египетские суфи были жулики.

— Есть истинные суфи и ложные суфи,— ответил Нур, оставшись глухим к насмешке.— Я полагаю, что ватан отражает этическое и духовное развитие личности — и силовое поле, смотря по тому, что показывает ватан, открывает или преграждает вход в башню.

— Как же тогда Икс ходил этим путем? Его этика, очевидно, не так высока, как у других.

— Как знать. Если то, что он говорил о других этиках, правда... Но возможно, Икс проделал свой тайный ход именно для того, чтобы не пользоваться верхним. Но он должен был сделать это, когда башня только еще строилась,— значит, задумал свой план заранее. Он еще тогда знал, что поле его не пропустит.

— Нет. Другие-то видели его ватан. И могли понять, что Икс деградировал — изменился, во всяком случае. Могли даже понять, что он им изменил.

— Может, Икс приспособился как-то подделывать свой ватан. Ну... заставлять его выглядеть иначе, чем на самом деле. Тогда он мог не только сходить за своего, но и силовое поле надуть.

— Возможно,— согласился Нур.— Но ведь его товарищи могли об этом догадаться?

— Может, они не знали, что такое возможно. Может, Икс сам изобрел такой прибор.

— А по тайному ходу,— подхватил Бёртон,— он мог покидать башню так, что никто об этом не знал.

— Выходит, в башне не было радаров?

— Ну и что ж? Если б радары были, они обнаружили бы и первую, и вторую экспедиции, когда те еще только спускались по карнизу,— заметил Бёртон.— И пещеру засекли бы — хотя на пещеру, возможно, операторы не обратили бы внимания. Не было здесь радара, сканирующего море и горы. Да и зачем? Этики не верили, что кто-нибудь может забраться так далеко.

— У нас у всех имеются ватаны,— сказал Нур,— если правда то, что сказали тебе на Совете Двенадцати. Их ватаны ты видел сам. Чего я не понимаю — так это почему этики не выследили тебя задолго до того времени. Снимок твоего ватана должен был храниться в том гигантском компьютере, о котором говорил Спрюс. Как и снимки всех наших ватанов, вероятно.

— Возможно, Икс подменил снимок моего ватана. Это объясняет, почему агент Аньо имел при себе мою обычную фотографию.

— Мне кажется, у этиков имелись наверху поисковые спутники,— сказал Фрайгейт.— Но они не смогли найти тебя по ватану, потому что ватан был изменен.

— Хм-м,— произнес Нур.— Интересно, влияет ли искажение ватана на духовную сущность его носителя?

— Помните, де Марбо рассказывал, как Клеменс анализировал связь между ватаном, ка или душой — называйте как хотите — и телом? — сказал Бёртон.— Клеменс пришел к выводу, что ватан действительно отражает личность человека. Для этого он и нужен. Бесполезно пытаться приделать ватан к копии чьего-то тела, поскольку копия отличается от оригинала. В ничтожно малой степени, но отличается. И если ватан или душа действительно суть человека, вместилище самосознания, то мозг человека самосознанием не обладает. Без ватана человеческое тело будет обладать разумом, но не самосознанием. Понятие своего «я» будет отсутствовать. Для ватана человеческий организм — то же, что для человека лошадь или автомобиль.

Ну возможно, это не совсем верное сравнение. Комбинация ватана и тела больше напоминает кентавра. Это сплав. И человеческая, и конская половины не могут существовать одна без другой.

Возможно, ватану тоже необходимо тело, чтобы обрести самосознание: ведь, по словам этиков, ватаны без тел блуждают в пространстве, лишенные не только самосознания, но и сознания вообще.

Согласно же нашей теории, это тело генерирует ватан. Как — я не знаю, у меня нет даже гипотезы на этот счет. Но ватан без тела возникнуть не может. У эмбрионов имеются эмбриональные ватаны, у младенцев — младенческие. Ватан взрослеет вместе с телом.

Но существуют две стадии взрослости. Назовем высшую стадию суперватанностью. Ватан, не достигший определенного этически-духовного уровня, обречен после смерти тела вечно блуждать в пространстве, лишенный сознания.

Если только, как здесь, не будет создана копия тела и ватан не вернется к ней, повинуясь некоему притяжению, это тело-дубликат будет обладать разумом, но не концепцией своего «я». Этой концепцией обладает ватан, но лишь при условии воссоединения с телом.

Без ватанов люди бы тоже стали из обезьян людьми, разработали бы язык, развили науку и технику — но религии бы у них не было, и они не больше сознавали бы свои «я», чем муравьи.

— И что у них был бы за язык? — сказал Фрайгейт.— Попробуйте представить себе язык, в котором отсутствует местоимение «я». А возможно, также и «ты», «вы». Я не уверен, что такие люди могли бы создать язык — в вашем понимании. Они так и остались бы разумными животными. Или, скорее, живыми машинами, не столь зависящими от инстинкта, как животные.

— Поговорим об этом подробнее как-нибудь в другой раз.

— Ну а как же шимпанзе?

— Возможно, у них есть рудиментарные ватаны с низким уровнем самосознания. Никто ведь не доказал, что у обезьян нет своего языка или самосознания. Сам ватан, без тела, самосознания развить не может. Если у человека не развит мозг, то и ватан будет недоразвитый — а следовательно, способный достичь лишь самого низкого этического уровня.

— Э нет! — сказал Фрайгейт.— Ты путаешь интеллект с моралью. Мы оба знали слишком много людей с высоким умственным развитием и низким этическим, да и наоборот, чтобы поверить, что высокий интеллектуальный коэффициент обеспечивает столь же высокий моральный уровень.

— Да, но ты забываешь о воле.

Они пришли к следующей площадке, и Бёртон осмотрел шахту.

— Все то же самое.

Отряд двинулся дальше, и Бёртон вернулся к своей роли Сократа.

— Итак, воля. Мы должны признать, что полной свободой она не обладает. На нее влияют внешние события — внешняя среда, а также внутренняя жизнь тела — внутренняя среда. Физические и душевные повреждения, болезни, химические процессы и

прочее — все это влияет на волю человека. Маньяк был бы хорошим человеком, если бы болезнь или травма не сделали из него мучителя и убийцу. Психологические или химические факторы приводят к расщеплению личности, создают моральных калек и уродов.

Ватан, я полагаю, столь тесно связан с телом, что отражает все его умственные перемены. У идиота или слабоумного и ватан идиотский или слабоумный.

Вот почему этики воскресили идиотов и слабоумных где-то в другом месте — если наши рассуждения верны,— где их можно лечить без помех. Медицина этиков позволяет полностью развить недоразвитый мозг. И ватаны этих больных тоже становятся высокоразвитыми, в полной мере способными выбирать между добром и злом.

— И получают возможность стать суперватанами и воссоединиться с Богом,— добавил Нур.— Я внимательно слушал тебя, Бёртон. И не согласен с многим. Прежде всего с тем, что Бог не заботится о своих душах. Бог не дал бы им блуждать без смысла и цели. Бог дал бы им всем приют.

— Возможно, Бог — если он есть — действительно о них не заботится,— сказал Бёртон.— Никаких свидетельств обратному нет. Как бы там ни было, я не согласен, что человек без ватана не обладает свободой воли — то есть лишен способности выбирать между моральными альтернативами. Он не способен превозмочь требования тела, окружающей среды или личные склонности. Он не способен сам себя поднять за волосы. Только ватан обладает свободой воли и самосознанием. Но я признаю, что выражать он их может лишь через посредство тела. И признаю, что ватан тесно взаимодействует с телом и подвержен его влиянию. Ватан должен иметь личностные свойства, но большую их часть он черпает от тела.

— Прекрасно,— сказал Фрайгейт.— А не пришли ли мы опять к тому, с чего начинали? Мы так и не сумели провести четкую грань между ватаном и телом. Если ватан поставляет самосознание и свободу воли, он все же зависит от тела в части характера, генетических свойств и нервной системы. Он, так сказать, поглощает эти качества или делает с них фотоснимки. Значит, в определенном смысле ватан лишь копия, а не оригинал.

Когда тело умирает, оно расстается с жизнью бесповоротно. Ватан покидает его, что бы это ни означало, унося с собой ко-

пии эмоций и мыслей — все, что составляет личность. Он проявляет свободу воли и самосознание, если его присоединяют к телу-дубликату. Но личность получается несколько иной.

— Он только что доказал,— сказала Афра Бен,— что души нет — в том смысле, как это всегда понимали. А если и есть, то так — мелочь, никакого отношения к бессмертию человека не имеющая.

Тай-Пен заговорил впервые с тех пор, как Бёртон поднял эту тему.

— А я сказал бы, что ватан — это главное. Из всего, что есть в человеке, только он и бессмертен, только его этики и могут сохранить. Он — то же самое, что шансеры называют «ка».

— Что ж это тогда за половинчатость такая? — вскричал Фрайгейт.— Ватан — только часть меня, умершего на Земле существа! Я не могу быть воскрешен, пока не воскресят мое тело!

— Это та твоя часть, которая принадлежит Богу и которую он возьмет к себе,— сказал Нур.

— Да кому это надо? Я хочу быть собой — цельным, полноценным существом!

— Ты достигнешь блаженства, слившись с Богом.

— Ну и что? Собой-то ведь я уже не буду!

— Но и на Земле в тридцать лет ты был не таким, как в пятьдесят. Все твое существо ежесекундно подвергалось и подвергается переменам. Атомы, из которых состоит твое тело при рождении,— не те, из которых оно состоит в восемь лет. Их заменяют другие атомы — так же будет и в сорок лет, и в пятьдесят.

Твое тело меняется, а с ним и мысли, и запас воспоминаний, и верования, и взгляды, и реакции. Ты никогда не был одним и тем же.

Когда же — если ты, творение,— вернешься к Творцу, ты тоже подвергнешься перемене. Уже последней перед тем, как стать неизменным. Он неизменен, ибо ему нет нужды меняться. Он совершенен.

— Чушь! — ответил Фрайгейт, покраснев и сжав кулаки.— Я хочу жить вечно, будучи самим собой, хотя бы и несовершенным. Стремясь при этом к совершенству. Пусть оно и недостижимо! Все дело в стремлении к нему — это оно помогает нам выносить невыносимую порой жизнь. Я хочу быть собой всегда, вечно! Как бы я ни менялся, есть во мне нечто неизменное, душа или что-то еще, что противится смерти, отвергает ее, считает чем-

то неестественным. Смерть — это оскорбление действием, самая мысль о котором не укладывается в голове.

Если Творец строит относительно нас какие-то планы, почему он не поделится ими с нами? Неужто мы так глупы, что не поймем? Сказал бы прямо! Книги, которые пишут пророки, провидцы и ревизионисты, заявляющие, что сам Бог вдохновил их на это,— все сплошная ложь! Никакого смысла в них нет, и одна противоречит другой. Разве Бог может делать противоречивые заявления?

— Они лишь кажутся противоречивыми,— сказал Нур.— Когда ты достигнешь высшей стадии мышления, ты поймешь, что эти противоречия совсем не то, чем тебе представлялись.

— Тезис, антитеза и синтез — это хорошо для человеческой логики! Но я стою на том, что нельзя оставлять нас в неведении. Нужно ознакомить нас с планом. А тогда мы посмотрим, согласиться с этим планом или отвергнуть его!

— Ты все еще находишься на низшей стадии развития и не желаешь двигаться вперед,— сказал Нур.— Вспомни о шимпанзе. Они достигли определенного уровня, но дальше так и не пошли. Они сделали неверный выбор, и...

— Я не обезьяна! Я человек, мыслящее существо!

— А мог бы стать кем-то большим.

Они пришли к следующей площадке — уже не с шахтой, а с огромной аркой, за которой оказался зал, поразивший всех своими размерами. Он был добрых полмили в длину и ширину, и в нем стояли тысячи столов с приборами неизвестного назначения.

Сотни скелетов валялись на полу, а еще сотни сидели за столами, упираясь костями ног в пол. Смерть поразила их внезапно и всех разом.

И ни на ком ни клочка одежды. Люди, проводившие здесь какие-то эксперименты, работали обнаженными.

— Члены Совета Двенадцати, допрашивавшие меня, были одеты,— сказал Бёртон.— Возможно, они оделись, чтобы не оскорблять мою скромность, что показывает, как мало они меня знали. А может, правила обязывали их одеваться во время заседаний.

Кое-какая аппаратура на столах еще работала. Рядом с Бёртоном находилась прозрачная сфера размером с его голову. На вид в ней не было никаких отверстий, однако большие разноцветные пузыри поднимались из нее к потолку и лопались там. Рядом со

сферой стоял прозрачный куб, в котором с выходом пузырей вспыхивали какие-то знаки.

Все тихо переговаривались о странностях этого места. Когда они прошли с полмили, Фрайгейт сказал:

— Поглядите-ка! — Это относилось к креслу на колесах, стоявшему в широком проходе между столами. На сиденье лежали куча костей и череп, а кости ног покоились на подножке.

Глава 47

Кресло, очень мягкое, было покрыто тканью с узором из тонких, зигзагообразных линий, бледно-красных и бледно-зеленых. Бёртон небрежно смахнул кости с сиденья, вызвав протест со стороны Грумз, и сел, заметив вслух, что кресло приняло очертания его тела. В конце его массивных подлокотников имелись большие металлические круги.

Бёртон осторожно нажал на черную середку белого диска справа. Ничего не произошло.

Но при нажатии на центр левого круга оттуда вышел длинный, тонкий металлический стержень.

— Ага! — Бёртон медленно потянул стержень на себя.

— Под креслом загорелся свет,— сказал Нур.

Кресло бесшумно поднялось на несколько дюймов над полом.

— Нажми на передний край правого диска,— посоветовал Фрайгейт.— Может, так регулируется скорость.

Бёртон нахмурился — он не любил, когда ему указывали, что делать. Однако все же послушался. Кресло стало очень медленно подниматься к потолку.

Не обращая внимания на восклицания и новые предложения, Бёртон поставил рычаг точно по центру. Кресло двинулось вперед по горизонтали. Бёртон прибавил скорость, потом отвел рычаг вправо. Кресло повернуло в ту же сторону, не меняя плоскости движения и не кренясь, как сделал бы самолет, и направилось к дальней стене. Поводив кресло вверх и вниз, крутнув его несколько раз и доведя его скорость миль до десяти в час, Бёртон совершил посадку.

Он улыбался, и его черные глаза возбужденно блестели.

— Может, эта штука поднимет нас по шахте? — крикнул он.

Фрайгейта и еще некоторых демонстрация не удовлетворила.

— Оно, наверно, способно двигаться гораздо быстрее,— сказал американец.— И что будет, если остановишься внезапно,— вылетишь из кресла или нет?

— Сейчас проверим.— Бёртон поднял кресло на несколько дюймов и послал его, набирая скорость, к дальней стене в полумиле от них. В двадцати ярдах от нее он убрал руку с правого диска. Кресло сразу замедлило ход, но не настолько резко, чтобы пассажир мог вылететь. В пяти футах от стены оно остановилось. Вернувшись, Бёртон сказал:

— В нем, наверно, имеются разные датчики. Я пытался протаранить им стену, но оно не пошло.

— Отлично,— сказал Фрайгейт.— Попробуем его в шахте. Но что, если этик наблюдает за нами? Возьмет и отключит энергию. Тогда мы разобьемся или застрянем между этажами.

— Будем подниматься по одному. Один выходит на очередном этаже, за ним следует другой. Этик сможет захватить врасплох только одного из нас, и остальные тогда будут предупреждены.

Про себя Бёртон думал, что Фрайгейт несколько преувеличивает, но не мог не признать, что тот рассуждает здраво.

— Оба кресла, которые находятся здесь,— продолжал американец,— должны были двигаться, когда их пассажиры погибли. Что же их остановило?

— Автоматика, наверно,— протянул Бёртон.

— Ну и отлично. Сядем каждый в свое и попрактикуемся в управлении. А что потом? Вверх или вниз?

— Попробуем сначала подняться на верхний этаж. Мне сдается, что штаб, нервный центр башни, находится там.

— Раз тебе так сдается, надо ехать вниз,— ухмыльнулся Фрайгейт.— Ты ведь точно Мосейлима — что ни предскажешь, все получается наоборот.

Фрайгейт не упускал случая подцепить его. Этот парень слишком много знал о земной жизни Бёртона, о его неудачах и провалах.

— Вот и неправда,— сказал Бёртон.— Я предупреждал британское правительство о синайском восстании за два года до его начала, но меня не послушали. Тогда я был скорее Кассандрой.

— Туширован! — сказал Фрайгейт.

С Бёртоном поравнялся Гильгамеш, тоже в кресле. Вид у него был неважный.

— Голова еще здорово болит, и в глазах то и дело двоится.

— Ну и как ты, выдержишь? Или лучше останешься здесь и отдохнешь?

Шумер покачал своей бычьей головой:

— Нет. Я потом вас не найду. Я хотел только, чтобы ты знал, как мне плохо.

Алиса, как видно, огрела его сильнее, чем намеревалась.

— Эй, я разобрался, откуда они брали еду,— воскликнул Том Терпин.— Глядите!

Перед Терпином на столе стоял большой металлический ящик с множеством дисков и кнопок. От него тянулся черный провод к розетке на полу.

Терпин открыл стеклянную дверцу. Внутри оказались блюда с едой, чаши с напитками и столовые приборы.

— Это ихний грааль,— сказал Терпин, улыбаясь во всю свою желтую физиономию.— Не знаю, как тут что работает, но я нажал все кнопки подряд, и пожалуйста — кушать подано.

Он стал извлекать из ящика содержимое.

— Ух ты! Бифштекс-то как пахнет! А хлеб-то!

Бёртон решил, что лучше поесть сейчас. Такие устройства, возможно, есть повсюду, но кто их знает. И все уже проголодались.

Терпин попробовал нажать кнопки в иной последовательности и получил смесь из блюд французской, итальянской и арабской кухни. Все блюда были превосходны, хотя некоторые не совсем поспели, а филе из верблюжьего горба показалось большинству присутствующих чересчур острым. Разнообразные комбинации давали самые удивительные результаты, но все было вкусно. Терпин экспериментальным путем нашел диск, регулирующий степень готовности блюд, позволявший получить пищу в готовом, полуготовом, полусыром и сыром виде. Все, кроме Гильгамеша, наелись до отвала, немного выпили и закурили сигары и сигареты, также предоставленные ящиком. В воде недостатка не было — повсюду имелись краны.

После все принялись за поиски туалета. Он обнаружился в громадном помещении, где, по общему предположению, раньше стояла какая-то техника. Там не было смывных устройств — только отверстия, в которых испражнения исчезали, не достигнув дна.

Гильгамеш съел немного хлеба, и его вырвало.

— Не могу я идти с вами,— сказал он, вытирая подбородок и полоща рот над раковиной.— Очень уж мне худо.

Бёртону хотелось бы знать, так ли уж болен шумер на самом деле. Вдруг Гильгамеш — агент и ищет случая, чтобы ускользнуть.

— Нет уж, поехали с нами,— сказал Бёртон.— Вдруг мы не найдем дорогу обратно к тебе. Сиди себе в кресле, и все.

Бёртон привел всех к шахте. Повиснув в кресле над пустотой, он вытянул ногу и пощупал воздух под собой. Сопротивления не ощущалось. Возможно, наличие кресла автоматически снимает поле.

Бёртон отвел рычаг назад и нажал на диск. Кресло пошло вверх — сначала медленно, потом быстрее, когда он посильнее нажал. На этажах мелькали коридоры и комнаты, порой наполненные неизвестным оборудованием, но скелетов нигде не было вплоть до десятого этажа. Там Бёртон поравнялся с комнатой, небольшой по сравнению с нижним залом. В ней стояли двенадцать больших столов на двенадцать приборов каждый. А на них, на сиденьях стульев и под ними громоздились черепа и кости.

На углу одного стола стоял громадный пищевой ящик.

Бёртон продолжал ехать вверх, то и дело останавливаясь, пока не добрался до конца шахты. Весь путь занял у него пятнадцать минут. Наверху была обычная площадка, от которой шел коридор. Слева маленький коридорчик переходил в огромное, площадью футов сто, помещение. Поставив кресло на пол, Бёртон наклонился над шахтой и мигнул фонариком три раза. В ответ снизу замелькали крошечные, но яркие огоньки. Следующий по порядку, Нур, останавливаться не станет и доберется до Бёртона минут через двенадцать.

Бёртон проявлял терпение только в крайне требующих того ситуациях, да и то не всегда. Он снова сел в кресло и поехал по коридору. После шестиминутной поездки он вернулся к шахте.

Он проезжал мимо открытых дверей в большие и маленькие комнаты — одни с аппаратурой, другие, как видно, жилые. Где-то было много скелетов, где-то мало, где-то ни одного. Коридор тянулся не меньше чем на две мили. Когда пришло время поворачивать назад, Бёртон увидел справа закрытую дверь. Остановив кресло, он слез, достал пистолет и осторожно приблизился к ней. Над дверью был круг из двенадцати спиралей с солнечным

диском в середине. Ручка отсутствовала — на ее месте была металлическая модель человеческой руки с полусогнутыми пальцами, словно пожимающей другую руку.

Бёртон повернул ее и открыл дверь.

Внутри оказалась очень большая сферическая комната с бледно-зелеными полупрозрачными стенами, окруженная и пересеченная множеством других зеленых пузырей. На стене центральной сферы был овал чуть более темного оттенка, заключающий в себе какую-то движущуюся картину. От деревьев на ее заднем плане пахло сосной и кизилом, а на переднем призрачная лиса преследовала призрачного зайца. На полу большой сферы, или пузыря, стояли в круг двенадцать стульев. На десяти из них лежали рассыпанные кости, на двух не было ничего, даже пыли.

Бёртон перевел дыхание — эта комната оживила в нем жуткие воспоминания. Это здесь он очнулся после своего семьсот семьдесят седьмого самоубийства, предпринятого с целью уйти от этиков. Это здесь он предстал перед Советом.

А теперь существа, казавшиеся ему тогда богами, обратились в прах. Он занес ногу через порог и прошел сквозь пузырь, оказавший едва уловимое сопротивление. Потом перенес вторую ногу и встал на пружинящей пустоте — на том, что казалось пустотой.

Сунув пистолет в кобуру, он прошел еще через два пузыря, которые смыкались за ним, но пропускали воздух, и вступил в зал Совета. Подойдя к невесомым на вид стульям, он увидел, что ошибался. На одном из пустых сидений лежала очень тонкая выпуклая линза. Бёртон поднял ее и узнал фасеточный «глаз» предполагаемого главы Совета, Танабура.

Это было не украшение и не искусственный глаз, как считал Бёртон тогда. Просто линза, сквозь которую можно смотреть, жирная на ощупь. Это, должно быть, смазка, чтобы не раздражалось глазное яблоко.

Бёртон с некоторым трудом и брезгливостью вставил линзу под веко.

В левом глазу сразу помутнело, и Бёртон прикрыл правый.

— О-о-ох!

Он поспешил открыть правый глаз.

Он только что плавал в космосе, во тьме, где сияли отдаленные звезды и газовые туманности, где угадывался, хотя и не ощущался напрямую, великий холод. Но Бёртон знал, что он здесь не один. Он чувствовал вокруг присутствие бесчисленных душ — их были триллионы, если не больше. Потом он устремился к солнцу, растущему ему навстречу, и вдруг увидел, что это пылающее тело — не звезда, а скопище других душ. Они горели, но не в адском огне, а в экстазе, которого Бёртон никогда не испытывал и который тщетно пытались описать мистики.

Он был потрясен и напуган, но блаженное пламя властно тянуло его к себе. Да и не мог Бёртон поддаться страху — ведь он всегда хвастался, что ничего не боится.

Он снова закрыл правый глаз и вновь оказался в космосе на том же самом «месте». И снова понесся, опережая свет, к солнцу. И снова почувствовал неисчислимые орды за собой. Звезда обрисовалась впереди, сделалась большой, потом огромной, и он увидел, что ее пламя состоит из огней несметных триллионов душ.

Потом он услышал беззвучный крик, полный невыразимого экстаза и призыва, и ринулся прямо в солнце, в пылающий рой, не видя ничего и в то же время видя все. Он перестал быть собой. Он сделался чем-то, что не делится на части и само не является частью, а сливается в едином экстазе с другими, хотя других здесь нет.

Бёртон испустил вопль и открыл правый глаз. Алиса, Нур, Фрайгейт и остальные смотрели на него с порога. Дрожа, он направился к ним сквозь пузыри. Он был, однако, не так потрясен, чтобы не заметить, что шумера с ними нет, а Алиса плачет.

— Где Гильгамеш? — спросил он, не отвечая на вопросы.

— Он умер по пути наверх,— сказала Алиса.

— Мы оставили его на кресле в одной из комнат,— сказал Нур.— Сильное сотрясение мозга, должно быть.

— Я убила его! — рыдала Алиса.

— Мне очень жаль,— сказал Бёртон,— но ничего не поделаешь. Не нужно было ему сопротивляться, раз он был невинен. Возможно, он все-таки был агентом.— Он обнял Алису.— Ты сделала то, что должна была сделать. Иначе он мог бы убить меня.

— Да, я знаю. Я и раньше убивала, но то были чужие люди, нападавшие на нас. А Гильгамеша я любила, и вот...

Бёртон подумал, что уж лучше дать ей выплакать свою вину и горе. Он отпустил Алису, а Нур спросил его, что он делал в этой комнате. Бёртон рассказал про линзу.

— Ты пробыл тут не меньше часа,— сказал Фрайгейт.

— Знаю — но мне показалось, что это длилось всего одну минуту.

— А что ты чувствуешь теперь? — спросил Нур.

Поколебавшись, Бёртон сказал:

— *Помимо потрясения я чувствую... чувствую... огромную* близость ко всем вам. О, я и раньше был кое к кому привязан, но теперь... я люблю вас всех!

— Шок, не иначе,— пробормотал Фрайгейт. Бёртон не обратил на него внимания.

Мавр взял граненую линзу и посмотрел сквозь нее, зажмурив правый глаз.

— Ничего не вижу. Она действует, лишь когда ее вставишь в глаз.

— Я думал,— сказал Бёртон,— что ее может носить только председатель Совета, Танабур. Я полагал, что это ритуальный символ или эмблема главенства, нечто традиционное. Но как видно, я ошибался. Возможно, во время заседаний Совета она переходила к каждому поочередно. И давала каждому такое же чувство, которое испытал я,— чувство близости и любви ко всем, кто есть в комнате.

— В таком случае Икс преодолел это чувство,— сказал Тай-Пен.

— Одного я не понимаю,— сказал Бёртон.— Почему линза погрузила меня в транс, а Танабура как будто нет?

— Возможно, советники уже привыкли к ней,— предположил Нур.— После многоразового использования ее действие на них ослабло.

Нур вставил линзу в левый глаз и закрыл правый. Его лицо сразу приобрело экстатическое выражение, хотя тело осталось неподвижным. По прошествии двух минут Бёртон потряс Нура за плечо. Тот вышел из транса и разрыдался. Успокоившись и вынув линзу, он сказал:

— Да, она действительно вызывает состояние, которое столько раз пытались описать святые.— Он отдал линзу Бёртону.— Но состояние это ложное, ибо вызывается искусственно. Лишь духовное совершенствование ведет к истинному блаженству.

Все стали просить попробовать, но Бёртон сказал:

— После. Нам нельзя терять время. Надо найти Икса, пока он не нашел нас.

Глава 48

У огромной закрытой двери, помеченной еще какими-то непонятными знаками, Бёртон остановил караван кресел и сошел со своего. Дверь, похоже, открывалась с помощью кнопки рядом — больше никаких приспособлений для этого не было. Бёртон нажал на кнопку, и обе половинки двери разъехались по сторонам. В просторный холл выходили еще одни огромные двери. Бёртон и их открыл с помощью такой же кнопки.

За ними оказался крытый куполом зал с полмили в поперечнике. Полом ему служила земля, поросшая короткой ярко-зеленой травой, а чуть дальше росли деревья. По ней там и сям бежали ручьи, истоком которых служили водопады высотой в сорок—пятьдесят футов. Повсюду были рассажены цветущие кусты, а плоские валуны служили столами, судя по тарелкам и приборам на них.

Потолок был голубой, с перистыми облаками, и на нем стояло в зените искусственное солнце.

Все вошли внутрь и стали осматриваться. Человеческие кости лежали повсюду, самый ближний скелет обнимал валун. Были тут еще кости птиц, оленей и каких-то животных, похожих на кошек, собак и енотов.

— Они тут приобщались к природе,— сказал Фрайгейт.— *Что ж, превосходная имитация, ничего не скажешь.*

Напрашивался вывод, что Икс передал по радио код, разбивший черные шарики в головах обитателей башни и давший выход яду. Но отчего умерли животные?

Да с голоду.

Путешественники покинули зал и, не проехав и мили, наткнулись на следующую достопримечательность, самую загадочную и пугающую из всего, что им встречалось. За косой прозрачной стеной слева от них помещалась исполинская шахта. Снизу ее освещал яркий мерцающий свет. Все сошли с кресел, чтобы заглянуть в колодец,— и вскричали от изумления.

В пятистах футах под ними, словно в большой печи, пылало множество разноцветных форм, плотно стиснутых вместе, но свободно проходящих одна сквозь другую.

Бёртон, заслонив рукой глаза, стал приглядываться к ним. Вскоре он начал различать отдельные огни — они крутились, сновали вверх, вниз и по сторонам. Потом он почувствовал резь в глазах и отвернулся.

— Это ватаны. Такие же я видел над головами двенадцати членов Совета. Стена сделана из материала, позволяющего нам их видеть.

Нур протянул ему темные очки.

— Возьми. Я нашел их на полке тут рядом.

Бёртон и остальные надели очки и воззрились в бездонный колодец. Теперь стало лучше видно, как переливаются всеми цветами то расширяющиеся, то сжимающиеся фигуры, как они выбрасывают из себя шестигранные щупальца, и шарят ими, и втягивают обратно.

Бёртон, прижавшись спиной к стене, посмотрел вверх. В сотне футов над головой виднелся серый металлический потолок. Бёртон попытался разглядеть, что по ту сторону колодца, но не смог. Далеко-далеко внизу тоже просматривалась серая твердь. Воображение было тому виной или игра светящихся орд, но ему показалось, что эта твердь пульсирует.

Он отступил назад, снял очки и потер слезящиеся глаза.

— Я не знаю, что это такое, но оставаться здесь дольше мы не можем.

Они проехали еще несколько лифтовых площадок с шахтами, ведущими только вниз, но через четверть мили увидели такую, где был выход и наверх.

— Эта, должно быть, ведет ко входу.

Каждый снова ждал, пока его предшественник не прибудет благополучно на место, и лишь тогда отправлялся сам.

Вверху площадка выходила в коридор с тринадцатью дверьми, и каждая служила входом в анфиладу роскошно обставленных покоев. В одной комнате на столе из блестящего красноватого дерева стояла прозрачная сфера, и в ней болтались три кукольные фигурки.

— Похоже на Моната и еще двух его сородичей,— сказал Бёртон.

— Что-то вроде трехмерной фотографии,— добавил Фрайгейт.

— Не знаю, конечно,— сказала Алиса,— но, по-моему, это семейный портрет. Я понимаю, что для человека иной расы они все на одно лицо. Но все-таки...

Грумз давно уже не говорила ни слова, и ее мрачное лицо показывало, как тяжело ей освоиться с этим местом. Все здесь было не таким, как она ожидала: ни приветственного хора ангелов,

ни Бога, восседающего на троне в сиянии славы своей с матерью Грумз по правую руку.

— Может, эти двое — его родители,— сказала она теперь.

В покоях было на что посмотреть, но Бёртон гнал всех дальше.

Через двести футов показалась площадка — первая, которую они увидели в правой стене. Бёртон слез и осмотрел шахту. Ее дно приходилось вровень с полом, а верхушка была не дальше чем в пятидесяти футах.

В ней плавали прядки тумана, проникающие снаружи и через вентиляцию.

Бёртон убрал голову.

— Думаю, она выводит в наружный купол, через который прошел Пискатор.

Японец, умный и смелый, поступил, возможно, так же, как Бёртон: убедился, что невидимое поле в шахте держит его, и спустился вниз. Но как он мог включить поле, не зная кодового слова — или что там приводит «лифт» в движение?

Шахта, впрочем, не похожа на все другие — она очень коротка и ведет только вниз, если смотреть сверху. Возможно, поле включается, как только кто-нибудь ступает в нее. А вот чтобы подняться отсюда наверх, нужен код. Или нет? Или дно действует так же, как и вершина, только в противоположном направлении?

И где сейчас Пискатор?

Чтобы проверить свою теорию, Бёртон ступил в шахту. Через три секунды он начал медленно подниматься вверх. На вершине он вышел в короткий металлический коридор, который загибался на конце и, несомненно, выходил в купол.

Из-за угла валил туман, но яркий свет обеспечивал хорошую видимость.

Бёртон пошел по коридору и сразу ощутил едва заметное сопротивление, которое росло по мере его продвижения.

Наконец, убедившись, что не сможет ступить дальше ни шагу, он повернул назад и беспрепятственно дошел до шахты. Спустившись вниз, он сделал краткий отчет.

— Поле действует в обоих направлениях,— заключил он.

— Судя по рапорту «Парсеваля», вход там только один,— сказал Нур.— Но ведь должно же быть еще какое-то отверстие — для аэропланов. А его на вершине башни нет — но возможно, оно

просто невидимо? И в нем тоже должно быть установлено этическое поле. Иначе туда мог бы проникнуть кто угодно. Включая Икса. Уж конечно, он не раз вполне легально вылетал отсюда на аэроплане.

— Ты забываешь о гипотетическом исказителе ватана,— сказал Бёртон.— Он-то и помогал Иксу проходить сквозь купол.

— Да, я знаю. Я хочу только сказать, что мы могли бы найти ангар для самолетов, научиться ими управлять и улететь отсюда, когда нам будет удобно.

— Неплохо было бы, чтобы их машины оказались легче в управлении, чем наши самолеты,— заметил Фрайгейт.

— Я не сомневаюсь, что так и есть.

— Слушайте, у меня идея,— ухмыльнулся Фрайгейт.— Пискатор был суфи и вошел сюда без труда. Ты тоже суфи с высоким этическим уровнем. Почему бы тебе не выйти наружу и не попробовать вернуться через купол?

Мавр усмехнулся ему в ответ:

— Ты хотел бы посмотреть, действительно ли я так праведен, как следует быть, да? Ну а вдруг я не смогу выйти? Или вернуться обратно? Нет уж, Питер. Это было бы напрасной тратой времени и проявлением гордыни с моей стороны. Ты это знаешь и все же подзуживаешь меня. Дразнишь. Тебе, как ученику, недостает порой уважения к учителю.

Все вернулись в свои кресла и медленно двинулись вдоль закругленного коридора. Бёртону начинало казаться, что их экскурсия, занимательная сама по себе, ни к чему так и не приведет. Икса им не найти.

Но что же делать? Указателей на стенах нет, а если бы они и были, никто не смог бы их прочесть. Досадно и утомительно колесить вот так по коридорам, но нельзя же сидеть на одном месте и надеяться, что Икс найдет их сам. Он, может, и придет, но с оружием, против которого они бессильны. Это уж наверняка.

Им и так уже повезло найти зал Совета Двенадцати, резиденцию Моната Гграутута и верхний вход. Возможно, лаборатория Икса или его контрольный пульт находятся рядом с его жильем.

Караван проехал мимо закрытой двери. Здесь таких тысячи. Нет времени открывать каждую.

Но футах в тридцати за ней Бёртон вскинул руку, дав сигнал остановиться.

— В чем дело? — спросила Алиса.

— Да так, чутье.

Он опустил свое кресло на пол.

— Проверить недолго.

Он нажал кнопку у двери, и дверь бесшумно скользнула вбок. За ней была громадная комната с бесчисленным оборудованием на столах и множеством шкафов вдоль стен. Здесь лежал всего один скелет — и этот человек, очевидно, погиб при взрыве, когда проходил мимо одного из шкафов или работал там. Со шкафа снесло верхушку, если судить по искореженному металлу, кускам какого-то стеклянистого вещества на полу и осколкам металла внутри скелета. Он лежал в двадцати футах от разбитого шкафа, и под ним на полу виднелись темные кровяные пятна.

Рядом лежала сбитая взрывом со стола металлическая конструкция в форме звезды, испуская нечто похожее на разноцветные тепловые волны.

Прямо перед Бёртоном, ближе к центру комнаты, стояло на полу пустое летающее кресло. Оно стояло боком, и на его подлокотнике виднелся свежий кровавый след.

Сразу за креслом на цилиндре двухфутовой высоты вращался большой диск. По его периметру располагались шкафы и пульты. В центре диска находилась неподвижная платформа, а на ней, на стуле из какого-то полупрозрачного материала, сидел человек. Перед ним, на пульте с наклонной панелью, светилось несколько экранов. Сидя к Бёртону боком, человек поворачивал какой-то тумблер, сосредоточив все внимание на самом большом экране.

Бёртон, приложив палец к губам, другой рукой сделал знак своим спутникам слезть с кресел. Потом достал револьвер и жестом же велел остальным сделать то же самое.

У оператора были длинные ярко-рыжие волосы, белая кожа, и повернутый к Бёртону глаз не был раскосым. Не будь он так толст, Бёртон мог бы и не узнать его. Но жир за столь короткое время убрать нельзя.

Бёртон медленно вошел в дверь и направился к нему. Остальные рассыпались позади, держа оружие наготове.

Когда они подошли к человеку на шестьдесят футов, он увидел их. Он вскочил со стула, скривился и сел обратно. Его рука, нырнув в углубление под панелью, извлекла оттуда прибор

с пистолетной рукояткой, дулом длиной в фут и окружностью в три дюйма и сферой размером с большое яблоко на конце дула.

Бёртон крикнул:

— Лога! — И бросился вперед.

Глава 49

Этик снова встал и выкрикнул:

— Стой! Буду стрелять!

Никто не остановился. Этик прицелился, глядя сквозь прозрачную сферу, и из нее бесшумно вышел тонкий алый луч. На металлическом полу перед бегущими появился дымящийся полукруг.

Все замерли. Оружие, способное расплавить этот металл, вызывало уважение.

— Я мог бы разрезать вас всех пополам за один раз,— сказал Лога.— Но я не хочу. Довольно насилия — мне тошно от него. Но я убью вас, если буду вынужден. А теперь — повернитесь все разом и отбросьте свое оружие как можно дальше к двери.

— На тебя направлено девять стволов,— сказал Бёртон.— Может, ты и уложишь одного-двоих, но остальные превратят тебя в сито.

— Похоже на мексиканскую ничью, так, что ли? — угрюмо улыбнулся этик.— Похоже, да не совсем, вы уж мне поверьте!

— Поверить тебе? — вскричала Грумз.— Ты сатана, исчадие ада!

Ее пистолет выстрелил, восемь других — за ним, а из оружия Логи сверкнул алый луч.

Лога повалился навзничь. Бёртон подбежал, вскочил на диск, прыгнул на платформу и нацелил револьвер в распростертого этика. Остальные столпились вокруг.

Пока Терпин и Тай-Пен поднимали окровавленного, серовато-бледного Логу, Бёртон схватил пистолет со сферой на конце. Логу грубо водрузили на стул. Он зажал рукой глубокую рану на правом бицепсе.

— Он попал в Грумз! — сказала Алиса.

Бёртон взглянул на раскромсанное тело и отвернулся.

Лога посмотрел вокруг, точно не веря в случившееся, и сказал:

— В правом верхнем ящике моего пульта лежат три коробочки. Принесите их мне, и я через несколько минут приду в норму.

— А нет ли тут подвоха? — спросил Бёртон.

— Нет! Клянусь! Довольно уже хитрить и убивать. Я не хотел причинять вам зло! Просто хотел обезоружить вас, чтобы объясниться с вами без опасений. Вы так склонны к насилию!

— Кто бы говорил,— сказал Бёртон.

— Я сделал это не потому, что мне это нравится.

— Мы тоже,— сказал Бёртон, не совсем, однако, уверенный в правоте своих слов. Он открыл каждую из трех серебряных, украшенных изумрудами коробочек и проверил их содержимое. Как и сказал этик, в каждой лежал флакон — два с жидкостью, один с каким-то розовым веществом.

— Откуда мне знать — вдруг они источают какой-нибудь газ? — сказал Бёртон.— Или в них яды?

— Не похоже,— засомневался Нур — Он не хочет пока умирать.

— Это верно,— подтвердил Лога.— Может случиться нечто ужасное, и только я могу это предотвратить. Возможно, мне понадобится ваша помощь.

— Ты мог бы воспользоваться ею сразу,— сказал Бёртон,— если бы сказал нам правду.

— У меня были причины не делать этого. Очень веские причины. А потом все пошло вкривь и вкось.

Этик, сдавив один флакон, брызнул себе на руку прозрачной жидкостью. Втер ее в рану на плече, морщась от боли, и отпил глоток из второго. Из третьего он налил себе на ладонь густую розовую субстанцию и смазал ею рану.

— Первое лекарство стерилизует рану,— объяснил он.— Второе снимает шок и придает сил. Третье залечит рану в короткий срок — всего за три дня.

— А куда мы ранили тебя в первый раз? — спросил Бёртон.

— Единственная тяжелая рана у меня на левом бедре.

Его ставшая серой кожа через минуту обрела нормальные краски. Лога попросил воды, и Фрайгейт принес ему. Бёртон закурил сигарету. Вопросы теснились у него в горле. Который выплюнуть первым?

Но прежде чем приступать к допросу, надо было сделать еще кое-что. Бёртон держал Логу под прицелом, а другие тем временем привели свои кресла — Фрайгейт вернулся еще раз за креслом Бёртона. Их расставили около диска так, чтобы не видеть тела Грумз. После этого Логе разрешили поднять свое кресло на установленную высоту. Все расселись полукругом лицом к этику.

— Думаю, нам всем не помешает выпить,— сказал Бёртон.

Лога подсказал им, что нужно набрать на граале, чтобы получить требуемое. Сам он заказал светлое вино, которое остальные ни разу не обнаруживали в своих граалях. Бёртон повторил заказ Логи и попробовал вино. Оно не шло в сравнение ни с чем, что он пил раньше, отличаясь тонким, но пряным букетом. Его вкус почему-то вызвал в уме картину темно-зеленых вод в час отлива и огромных белых птиц с багровыми клювами, кружащих над ними.

Бёртон держал на коленях оружие Логи, и первый его вопрос был о том, как оно действует. Лога показал ему предохранитель и спуск, о назначении которых Бёртон и сам догадывался.

— Ну а теперь,— сказал он,— начнем с самого начала. Не знаю, правда, что считать началом.

— Извините, что прерываю вас,— сказал мавр,— но кое-что надо выяснить сразу. Ах-К'ак... Лога... ведь у тебя есть в башне личная воскресительная камера, верно?

— Да.— Этик помедлил.— Она не только моя. Трингу тоже пользовался ею. Он был моим лучшим другом: мы вместе росли в мире Садов. Он был единственный, кому я мог доверять.

— Не Стерн ли это, который пытался убить Фаербрасса перед тем, как «Парсеваль» снялся с башни?

— Да, это он. Как вам известно, ему это не удалось. Поэтому, когда я понял, что Фаербрасс попадет в башню раньше меня... и Сигген тоже... мне пришлось убить их обоих. Сигген не сказала Фаербрассу, кто я такой. Она поверила в то, что я будто бы отказываюсь от своих планов и отдаюсь на милость Совета — но для этого надо попасть в башню и воскресить Совет. Она никогда бы не согласилась, если бы я не солгал, не сказал ей, что заблокировал связь с компьютером и что только я могу снять запрет. Она обещала не говорить обо мне Фаербрассу, пока мы не окажемся в башне. Но при этом готовилась вместе с Фаербрассом опередить меня. Чтобы проверить, правду ли я говорю. Помимо всего прочего, я боялся, что в вертолете по пути в башню она передумает и выдаст меня Фаербрассу. И я... взорвал бомбу, которую на всякий случай заложил в вертолет.

— Кто такая Сигген? — спросила Алиса.

— Моя жена. Она выдавала себя за Аню Обренову, русскую летчицу.

— О,— сказала Алиса.

По щекам Логи потекли слезы.

— Ясно, что твои товарищи обнаружили твой личный воскреситель и отключили его. Иначе ты бы совершил самоубийство и таким путем перенесся в башню. Сейчас он действует?

— Да. У меня их, собственно, было два — но оба нашли и отключили.

— Значит, если бы мы сейчас убили тебя, ты ушел бы от нас,— сказал Бёртон.— Почему же ты не позволил нам этого сделать? Или сам не убил себя?

— Потому что, как я уже сказал, вы мне можете понадобиться. Потому что меня тошнит от насилия. Потому что я перед вами в долгу.— Лога помолчал.— Общий воскреситель я заблокировал уже давно. Он мог включиться только по моему сигналу — и этот же сигнал должен был одновременно убить всех в башне, в подземельях и в районе всего моря. Но у нас с Трингу были свои линии. Одна камера помещалась у подножия башни. Шармун, женщина, замещавшая Моната и Танабура в их отсутствие, сказала мне, что обе камеры обнаружены. Сказала, чтобы я не трудился совершать самоубийство в надежде воскреснуть в башне и продолжить свои злодеяния. Я — и злодеяния!

— Что-то мы запутались,— сказал Бёртон.— Начни сначала.

— Хорошо. Но я буду по возможности краток. Кстати, где Гильгамеш?

Бёртон объяснил.

— Жаль,— сказал этик.— Ему, как и его мифическому тезке, не удалось проникнуть в тайну бессмертия.— Он встал, сказав: — Я только взгляну на экраны. Подходить к ним не буду.

Все наставили на Логу пистолеты, пока он ковылял к краю платформы. «А зачем, собственно?» — подумал Бёртон. Если этик сказал правду, он в любое время может уйти от них, дав себя убить.

Лога дотащился до кресла и сел.

— Может, нам и удастся что-то сделать. Не знаю. Время у нас еще есть. Итак...

И он начал сначала.

Когда вселенная была юной, когда после взрыва первичного сгустка энергии-материи сформировались первые обитаемые планеты, на одной из этих планет в процессе эволюции возник народ, отличавшийся от других. Не только в физическом отношении. Все разумные существа обладали двуногим или кентаври-

ческим строением, руками, стереоскопическим зрением и так далее. Но все они, хотя и были разумными, не имели самосознания, концепции своего «я».

— Мы размышляли об этом,— сказал Фрайгейт,— но...

— Постарайтесь по возможности не прерывать меня. Это правда: все разумные существа, обитавшие во вселенной, были лишены самосознания — насколько известно нам. Понимаю, в это очень трудно поверить. Вы себе не можете этого представить. Однако это было и есть правдой — только сейчас появились исключения.

Раса, отличная от других, была точно так же лишена самосознания в начале своей истории. Однако у них была наука, только они распоряжались ею не так, как сознающие свое «я» существа.

У них не было религии, не было концепции богов или единого Бога. Она появляется лишь на развитой стадии самосознания.

И вот, к счастью для этой расы, названной ее последователями Первыми, один из их ученых во время эксперимента случайно получил ватан.

Так Первые получили первое свидетельство существования экстрафизической энергии. Я пользуюсь термином «экстрафизический», чтобы избежать аналогии с «парапсихическим» — понятием, объединяющим реально существующие, но неконтролируемые и неуловимые силы вроде телепатии, телекинеза и прочих явлений сверхчувственного восприятия.

Бёртон воздержался от замечания, что это он ввел на Земле термин «сверхчувственное восприятие».

— Возможно, ватан тоже относится к области парапсихического — если так, то это единственное в ней управляемое явление. Безымянный ученый, случайно генерировавший ватан из экстрафизической энергии, не знал, что это такое. Однако он — или она — продолжил эксперимент и создал новые ватаны. Именно создал, сформировал из экстрафизической энергии. Извлек их из поля, существующего в одном пространстве с материей, но обычно не взаимодействующего с ней.

Первые ватаны, по всей видимости, подключились к живым существам, оказавшимся поблизости.

— К любым? — тихо спросил Нур.

— К любым. К насекомым, деревьям, морским звездам. После миллионов лет научной работы мы так и не знаем, почему ватаны привлекает энергия живых организмов. Одна из сотен

теорий предполагает, что жизнь тоже форма экстрафизической энергии. Или скорее средство связи.

Эффект подобных подключений был замечен далеко не сразу. Ватан является источником самосознания, но осуществляет его лишь через посредство живых существ, причем существо для обретения самосознания должно иметь высокоразвитую нервную систему.

Причем ватан подключается к человеческому существу лишь в момент зачатия. В момент слияния сперматозоидов с яйцеклеткой. Не спрашивайте меня почему, но это правда. Очевидно, позже зародыш «затвердевает», оказывает сопротивление контакту.

Из лаборатории неизвестного ученого вылетали биллионы ватанов, из них миллионы подключались к зиготам разумных существ. И вот так, насколько известно, во вселенной впервые зародилось самосознание. Дети, наделенные им, подрастали, и ни старшее, ни последующее поколения не могли понять, что же в них необычного. Самосознательным детям и молодежи всегда трудно понять взрослых, но тогда пропасть была особенно глубока и всякое понимание отсутствовало.

Постепенно не обладавшие самосознанием особи вымерли. И лишь лет через двадцать пять после появления первого ватана был открыт источник самосознания. Тогда производство ватанов было признано необходимостью.

Шли века. Появились ракетные космические корабли. Спустя еще несколько столетий была открыта новая движущая сила, найден способ обмануть материю и стали возможны межзвездные перелеты на невиданных дотоле скоростях. Но даже и теперь для преодоления одного светового года требовалось семь земных дней.

— Видимо, реализовали старую научно-фантастическую идею о переходе в другие измерения? — спросил Фрайгейт.

— Нет. Но сейчас у нас нет времени вдаваться в объяснения.

К тому времени Первые стали считать, что их этический долг — дать через ватаны бессмертие и самосознание всем разумным существам. С этой целью отправлялось множество экспедиций. Когда одна из них обнаружила планету с обитателями, чей мозг был способен развить самосознание, там поместили ватанные генераторы — их зарыли глубоко под землей, чтобы аборигены не смогли до них добраться.

— Зачем же их спрятали? — спросил Нур. Он был бледен, точно откровения Логи причиняли ему боль.

— Почему спрятали? Почему просто не отдали генераторы первому же самосознательному поколению? Ты сам знаешь почему. Представь, что генераторы попали в человеческие руки. Сразу же началась бы борьба за то, чтобы монополизировать их и получить возможность бессовестно эксплуатировать других. Нет — нельзя доверять ватанные генераторы расе, не достигшей определенного этического уровня.

Бёртон не стал спрашивать, почему Первые не установили на каждой планете свой гарнизон, чтобы закрепить общественное использование ватанов. Со своим уровнем науки и этики Первые могли бы скорее развить аборигенов. Но они не считали это этичным. Кроме того, им не хватило бы персонала, чтобы управлять всеми планетами.

На лицах его спутников отражалась мучительная борьба — наименее затронутым казался Фрайгейт. Нур, всегда такой гибкий, такой устойчивый перед психологическим шоком, страдал больше всех. Он не мог смириться с синтетическим происхождением ватанов — тех же душ. С тем, что их создали такие же, как люди, существа с помощью техники. Что не Аллах распределяет их. А Нур верил в божественную природу души куда крепче, чем многие религиозные люди.

Лога, должно быть, это сознавал.

— Творца нет,— сказал он,— есть только творение — вселенная. И Первые, и мы принимаем ее как свидетельство его существования. Но нет никаких свидетельств тому, что создавшее нас существо проявляет какой-то интерес к своим созданиям. Оно...

— Оно? — хором воскликнули Алиса и де Марбо.

— Да. У Творца, насколько нам известно, нет пола. На языке Моната он среднего рода.

— Монат принадлежал к Первым? — спросил Тай-Пен.

— Нет. Первые давным-давно совершили Продвижение. Сородичи Моната — преемники Первых, но не прямые, а через пятые руки. Все их предшественники, прежде чем «продвинуться», передавали свой факел другим. Сам Монат — один из десяти тысяч своих соплеменников, оставшихся пока в живых. Все остальные «продвинулись».

Некоторые теологи полагают, что само Созидающее Начало не сделало ничего, чтобы дать своим разумным созданиям ватаны.

По его божественному плану нам, смертным, надлежит самим позаботиться о своем спасении. Но это как-то нелогично — ведь ватаны были получены чисто случайно, и многие биллионы умерли, так и не обретя ни самосознания, ни бессмертия. И еще многие биллионы, если не триллионы, умрут и погибнут навеки, прежде чем мы, этики, доставим им ватаны. Так что, похоже, Созидающему Началу нет дела до нашего самосознания и бессмертия.

И остается самим смертным, где бы они ни жили, исполнить то, что примитивные религии считали прерогативой Творца.

Глава 50

Бёртон испытал сильное потрясение — хотя, возможно, и не такое, как все другие, исключая Фрайгейта. Бёртон всегда живо интересовался религией. Он изучил много вероисповеданий, особенно восточных. Он перешел в католичество не только потому, что эта религия его увлекала, но и чтобы угодить своей жене Изабел. Он был посвящен в тайны мусульманского суфизма, заслужил красную нить брамина, бывал сикхом и парси и чуть было не стал мормоном, обманув бдительность Бригема Янга. Однако, ведя себя как истинно верующий, а иной раз на удивление глубоко входя в эту роль, он каждый раз оставлял за собой лазейку, оставаясь еретиком в душе.

Еще в ранней юности он отказался принять заветы англиканской церкви, приведя этим в ярость своих родителей, но никакие громы, молнии и трепки, задаваемые ему отцом, не наставили его на путь истинный. Всё это лишь научило Бёртона держать свои мнения и вопросы при себе, пока он не повзрослел настолько, что отец больше не смел задеть его ни словом, ни кулаком.

Несмотря на это, ортодоксальное понятие о душе и о Дающем ее вошло в плоть и кровь Бёртона. Он не верил в эту догму, но не мог представить себе никакой другой и ни о чем другом не слышал до недавнего времени.

Бёртон, как не раз говорил ему Фрайгейт, доводя его до белого каления, обладал широким, но неглубоким умом. Однако логическое рассуждение о том, что есть душа, услышанное им когда-то вместе с Фрайгейтом, произвело на Бёртона сильное впечатление. И убедило его.

Рассказ же Логи явился для него шоком. Но не первым и не единственным из тех, что затрагивали самые глубины его разума. Поэтому Бёртон, наряду с Фрайгейтом, выдержал это испытание лучше других.

— Именно народ Моната,— продолжал Лога,— явился на Землю и установил там ватанные генераторы. Было это около ста тысяч лет до новой эры.

— А те, что жили раньше? — простонал Фрайгейт — Неужто им нет спасения и они ушли навсегда?

— Как ни горько думать об этом. Мы ничем не можем им помочь, так не будем заниматься самоистязанием. Пропащее дело, как говорят у вас в Америке. Это, может, и жестоко, но только такую позицию следует принять, чтобы не истязать себя понапрасну. Лучше спасти хоть кого-то, чем никого вообще.

Ватанные генераторы погребли глубоко, в слоях, чья температура способна расплавить никель-железо. Там же установили и ватаноуловители.

— Уловители? — переспросила Афра Бен.

— Да. Такой есть и в башне. Вы ведь видели его по пути сюда?

— Видели,— сказал Бёртон.

— С ним связана одна серьезная, жизненно важная проблема, к которой я скоро перейду.

С того времени ватаны начали совмещаться с человеческими зиготами. Когда эмбрион или человек любого возраста умирал, его ватан улавливался подземной автоматикой.

— Значит, то, что проповедует Церковь Второго Шанса, не совсем верно? — спросил Бёртон.

— Не совсем. Это я приходил к Жаку Жийо, будущему Ла Виро, и рассказал ему то, что ему, с моей точки зрения, следовало знать. Я открыл ему лишь половину правды, а кое о чем солгал. Это было оправданно, поскольку вы, жители долины, были еще не готовы воспринять всю правду.

— Ну, это спорно,— сказал Бёртон.

— Да. А что бесспорно? Однако я сказал Жийо, что спасение ватана зависит от достижения им определенного этического уровня. Это не было ложью. Предки Моната прилетели с планеты, чье солнце не называется ни тау-Кита, ни Арктур. Они нашли планету, на которой еще не было разумной жизни, и преобразовали ее в мир Садов. Где-то через десять тысяч лет они начали воскрешать в нем умерших детей Земли.

— Включая недоношенных, выкидыши, аборты? — спросил Бёртон.

— Да. Такие эмбрионы доводились до уровня доношенных младенцев. Доводились и доводятся, следовало бы сказать. Когда я покидал Сады, были воскрешены все умершие в возрасте до пяти лет, а по времени — до тысяча девятьсот двадцать пятого года.

Проект «Мир Садов» начал осуществляться где-то в десятом веке до новой эры. Проект «Мир Реки» вступил в действие в позднем двадцать втором веке.

— А который теперь век по земной хронологии? — спросил Фрайгейт.

— Когда я отправлялся сюда из Садов, был две тысячи девятый год. Чтобы добраться сюда, мне потребовалось сто шестьдесят земных лет. Пятьдесят лет ушло на переустройство планеты. День всеобщего воскрешения настал через двадцать семь лет после этого срока, то есть в две тысячи двести сорок шестом году. Стало быть, сейчас примерно две тысячи триста седьмой.

— Боже мой! — сказала Алиса.— Сколько же тебе лет?

— Это, право же, не имеет значения. Но родился я где-то в двенадцатом веке до новой эры. В городе, который вы называете Троя. Я был внуком царя, которого Гомер назвал Приамом. Мне не было еще пяти лет, когда ахейцы и данайцы взяли город, ограбили его, сожгли и перебили почти все население. Меня бы, наверное, взяли в рабство, не вступись я за свою мать. Я вонзил свое копьецо в ногу какого-то воина и так его разозлил, что он тут же убил меня своим бронзовым мечом.— Лога содрогнулся.— Зато я не видел, как насиловали мать и сестер и убивали отца и братьев.

Пришельцы, среди которых был и Монат, вырастили несколько поколений земных детей, а потом перешли на другие планеты. Монат и некоторые другие остались наблюдать за выросшими питомцами, которые теперь, в свою очередь, растили новые поколения. Но потом Монат оставил мир Садов, чтобы сопровождать людей в мир Реки. Иногда мы называли его Оператором, потому что он возглавлял проект и был главным инженером биокомпьютера.

— Того самого, о котором говорил Спрюс? — спросил Бёртон.— Гигантского протеинового компьютера?

— Да.

— Однако в другом Спрюс нам лгал. Он говорил, что родился в пятьдесят втором веке и что для снятия копий с тел умерших используется какой-то хроноскоп.

— У нас у всех были заготовлены такие легенды на случай, если нас схватят и заставят говорить. Конечно, мы могли убить себя, но, если бывал шанс спастись бегством, предпочитали этого не делать. Притом при допросе Спрюса присутствовал Монат, и Спрюс знал, как отвечать на вопросы, которые тот задавал.

— Мы это сообразили потом,— сказал Бёртон.

— А как вы снимаете копии с мертвых тел? — спросил Нур.

— В ватанах содержится все, что нужно, включая, разумеется, и мозговую деятельность,— с них-то и снимаются копии.

— Но тогда,— воскликнул Фрайгейт,— воскрешенный не совсем то же, что умерший. Он только дубликат!

— Нет. Ватан — не копия. Это источник и вместилище самосознания. Ватан, покидая мертвое тело, уносит с собой его самосознание. Но сам он, как правило, сознанием не обладает. Есть, однако, указания, что ватаны на короткий срок и в определенных условиях способны обретать сознание после расставания с телом. У нас пока недостаточно фактов, чтобы утверждать это определенно. Ватаны, получающие новое тело, возможно, галлюцинируют.

Как бы там ни было, ватан содержит всю нужную информацию для изготовления нового тела, а потом он подключается к дубликату.

Интересно, подумал Бёртон, сколько раз надо это повторить, чтобы дошло наконец до всей группы?

— Что же заставило тебя начать свой собственный проект? — спросил Нур.

Лога поморщился.

— Об этом я скажу после.

Планету переформировали в речную долину длиной в миллионы миль. Одновременно возводилась башня с подземными помещениями. Ватаны подавались к телам-дубликатам, производимым в подземельях. Физические дефекты тел исправлялись, нарушения обмена корректировались, карлики и лилипуты обретали нормальный рост, но пигмеям рост не меняли.

Ватаны поступали к телам во время этого процесса, но самосознание не включалось, поскольку мозг дубликата пребывал в

бессознательном состоянии. Однако ватаны регистрировали все происходящие с телом перемены. Затем дубликаты уничтожались, но к Дню Воскрешения изготавливались снова, но уже на берегах Реки.

— Мое преждевременное пробуждение в подземной камере было случайностью? — спросил Бёртон.

— Не совсем. Это я устроил. Ты был одним из тех, кого я выбрал для осуществления своего плана — на случай, если мне понадобится ваша помощь. Я разбудил тебя, чтобы хоть один из вас имел представление, что с вами тут проделывают. Это могло также укрепить твою решимость. Ты очень любопытен и не нашел бы себе покоя, пока не проник бы в суть этой тайны.

— Да, но ты лгал, когда приходил к нам,— сказал Нур.— Ты говорил, что отобрал всего двенадцать человек. А потом оказалось, что нас гораздо больше.

— Во-первых, я был не единственным, кто посещал вас. Иногда это делал Трингу. Он полностью поддерживал меня в моих расхождениях с некоторыми сторонами проекта. Он был единственный, кому я мог доверять. Я даже Сигген не говорил о том, чем занимаюсь.

Во-вторых, я никогда не ограничивал группу до двенадцати человек. Не было шансов, что такой маленький отряд доберется до башни в случае надобности. Поэтому в общей сложности я набрал сто двадцать четыре человека. А лгал я вам, чтобы вы, если вас схватят мои сотрудники, не открыли им полной правды.

По этой же причине я ничем не делился с вами и лгал еще кое о чем. Если бы вас схватили и прочли вашу память, там не было бы полного плана и ваши версии противоречили бы друг другу.

Потому же я, под именем Одиссея, сказал Клеменсу, что приходивший ко мне этик будто бы был женщиной.

Лога разбудил прежде времени только одного из своих рекрутов, потому что единичное пробуждение могло сойти у этиков за случайность. Будь таких случаев несколько, возникли бы подозрения. Но он совершил ошибку, разбудив даже одного. Монат расследовал случай с Бёртоном и, хотя не смог доказать, что кто-то манипулировал с воскресительной техникой, стал ожидать новых «случайностей».

Логу крайне обеспокоило намерение Моната воскреснуть около Бёртона и попутешествовать с ним какое-то время. Заодно

Монат хотел поближе познакомиться с «лазарями», для чего требовалось сочинить подходящую легенду. Так почему бы не сделать два дела зараз?

Лога не предупредил Бёртона об этом, боясь, что тот, зная, кто такой Монат на самом деле, будет вести себя настороженно или даже попытается взять дело в свои руки.

— И попытался бы,— подтвердил Бёртон.

— Я так и подумал.

— Не люблю перебивать,— сказал Нур,— но не знаешь ли ты, что стало с японцем, с Пискатором?

Лога снова сморщился и показал на скелет, лежавший в обломках у стены.

— Вот все, что осталось от Пискатора.— Он сглотнул.— Я не думал, что кому-либо из жителей долины удастся проникнуть в башню через вершину. Вероятность этого была ничтожно мала, хотя и не исключалась. Я знал, что пароландцы строят дирижабль, но каким образом они собирались попасть в башню? Лишь человек с высокоразвитой этикой мог пройти там. Это было крайне маловероятно, но все же возможно. И случилось так, что один человек с «Парсеваля» все-таки прошел.

Но я на тот случай, если кто-то вроде Пискатора придет-таки сюда, разместил бомбы и в стенных шкафах, и в шкафах на платформе. Не только в этой комнате. Их еще больше в другом контрольном центре, что находится за квартирами. Бомбам придан вид контрольных панелей. В каком бы направлении ни пошел непрошеный гость, в контрольный центр он зайдет непременно. Любопытство его заставит. Он увидит действующие экраны и скелеты тех, кто работал за ними. А бомбы взорвутся лишь в том случае, если в мозгу того, кто сюда вторгся, нет черного шарика, обеспечивающего самоубийство.

— Пискатор ведь не принадлежал к числу твоих рекрутов? — спросил Нур.

— Нет.

— Если бы я летел на дирижабле и вошел внутрь, меня бы тоже убило.

Бёртон спросил себя, почему Лога не заложил бомбы и у нижнего входа. Но потом сообразил, что Лога, придя сюда с экспедицией, как и случилось на деле, в таком случае тоже был бы убит.

— Ты деактивировал бомбы, когда вошел сюда? — спросил Бёртон.

Он думал о контрольном центре с открытой дверью, который они миновали, не доходя до квартир.

— В этой комнате — да.

Лога продолжил свой рассказ. Он изобрел исказитель ватана, чтобы входить в башню и обманывать следящие спутники. И перестроил компьютер так, чтобы тот не мог оповещать Совет о смерти Бёртона и изготовлении для него нового тела.

— Вот почему ты убивал себя столько раз и все же уходил от Совета. Но Монат передал через агента в то место, где изготавливалось твое очередное тело, чтобы твои смертельные раны залечили. Сигналы были прослежены и обнаружена блокировка, которую я поставил. Вот почему при твоем последнем самоубийстве тебя схватили.

В отчаянном стремлении обнаружить предателя Совет согласился прибегнуть к сканированию памяти. Лога, предвидя это, наладил компьютер так, чтобы он дал ложную информацию.

— Ты понимаешь, конечно, что всю память я не мог охватить. Сканировались только те ее секторы, которые соответствовали нашим отлучкам из башни. Их подделка тоже отняла много времени и труда, но я это сделал.

И вот настал час, которого Лога так боялся, надеясь, что он не придет никогда. Лога подготовился к нему, но не хотел осуществлять свои приготовления. Ему это было очень тяжело.

— Монат распорядился, чтобы в одну из ближайших ночей за ним прислали и доставили его в башню. Одновременно должны были взять тебя, Бёртон, чтобы проверить все время, проведенное тобой в долине. Мне думается, Монат подозревал, что ренегат, то есть я, не дал стереть из памяти Бёртона его допрос на Совете. Кроме того, Монату делалось все хуже от насилия, окружавшего его в долине. Он нуждался в отдыхе.

Глава 51

Лога летел в башню, завершив свою легальную миссию, когда были обнаружены два его тайных воскресителя. Одновременно инженеры раскрыли некоторые манипуляции Логи с компьютером.

Монат, Танабур и Сигген были тогда в долине. Другие советники послали аэромашину забрать их и сообщить им новости. Но Совет допустил одну ошибку. Вместо того чтобы дать Логе

вернуться и затем изобличить его, они послали ему предупреждение об ожидающем его дома аресте.

— У меня ушло полчаса, чтобы набраться духу сделать то, что я давно замышлял, зная, что мне придется когда-нибудь это сделать, но я надеялся, что сам буду в башне в этот момент.

Он передал сигнал, разбивающий черные шарики в мозгу всех обитателей башни и моря. Этики просчитались, прибегнув к единому коду вместо индивидуальных.

— Но и я сделал ошибку, не передав код в долину. Я думал об этом, но не хотел убивать больше, чем было необходимо. Мне казалось, что этики, оставшиеся в долине, теперь станут беспомощны. До башни им не добраться — мой сигнал также дезактивировал всю авиацию. Остается тяжкий путь — сначала на лодке вверх по Реке, потом пешком через горы. Я успел бы совершить задуманное задолго до этого.

— А если их воздушные машины упали бы в долину? — спросил Нур.

— Нет. Они сгорели бы, не успев коснуться земли. И те, что стояли на горах вдоль долины, тоже сгорели. Я позаботился об этом.

— Каким образом их пилоты спускались с гор и поднимались обратно к машинам?

— Машинами можно было управлять дистанционно. Пилоты высаживались у подножия холмов в грозу или сильный ливень, а машины возвращались на вершины гор. Пилот, если намеревался задержаться в том районе, закапывал контрольное устройство или носил его с собой в граале. Оно имело вид чашки, которые есть во всех граалях.

Ничто, казалось, не могло помешать Логе долететь до башни — но он недооценил коварство Моната.

— Мне, по крайней мере, думается, что это он предпринял встречные меры. Он, должно быть, заложил в компьютер все предыдущие события и получил список вероятностных прогнозов. Компьютер меня не выдал, будучи блокированным, но задание Моната выполнил — я так думаю. Быть может, Монат и сам до всего додумался.

Лога замолчал так надолго, что Бёртон поторопил его:

— До чего додумался?

— Поместить автопилот в мою аэромашину. Когда я передал свой сигнал, все в башне и вокруг нее упали мертвыми, авиация

сгорела, и воскресительная техника остановилась. Включиться снова она могла только по моей команде.

Но и о моей машине позаботились. Я обнаружил, что больше не могу ею управлять. Ее вел автопилот. Что бы я ни делал, она следовала к горному хребту. И голос с магнитофонной пленки приказывал мне ждать в горах, пока меня не подберут.

Это был голос Моната.

Он установил автопилоты, прежде чем отправиться в долину на встречу с тобой, Бёртон. Вне всякого сомнения, он поместил их во все машины. Если бы он подозревал одного меня, то допросил бы меня самым тщательным образом.

Но он не учел того, что не останется ни машин, ни пилотов, чтобы меня подобрать. Я обречен был умереть с голоду на горной вершине, если не найду и не удалю автопилот.

Хотя Монат предполагал, что машина из башни тут же отправится за виновным, он принял также меры к тому, чтобы преступник не мог удалить аппарат. За несколько минут до посадки голос сообщил мне, что аппарат сгорит в момент контакта с землей, а вместе с ним и двигатель.

Лога сыпал проклятиями в бессильной ярости. Он уже предвидел, что будет дальше. Он умрет и не сможет передать ложного донесения в мир Садов. Через сто шестьдесят лет обитатели Садов должны принять автоматический корабль с последними новостями. Если он не придет, Сады снарядят поисковую экспедицию, которая прибудет в башню через триста двадцать лет после несостоявшегося прибытия почтового корабля.

— С одной стороны, это было хорошо. Я всегда хотел, чтобы проект продолжался дольше предполагаемых ста двадцати лет, хотя не осмеливался предложить это прямо. Мои сотрудники считали этот срок более чем достаточным для отсеивания людей, которые никогда не достигнут необходимого для «продвижения» уровня. А теперь проект продлится гораздо больше, чем планировалось. И возможно, моих родителей, братьев, сестер и прочих родичей удастся все же спасти.

— Что? — воскликнул Бёртон.

У Логи из глаз хлынули слезы, и он сказал сдавленным голосом:

— Нам всем строго воспрещалось разыскивать своих родственников, воскрешенных в долине. Так распорядились соплеменники Моната. Их опыт показывал, что этики, нашедшие среди

лазарей своих близких, слишком расстраиваются, если те оказываются бесперспективными. Этики начинают вмешиваться в ход событий и спешат открыть своим то, что им пока знать не надо. В предыдущем проекте одна женщина спрятала родителей в подземной лаборатории и пыталась насильственно ускорить их этическое развитие.

Я знал это еще подростком в мире Садов и верил, что так надо. Но потом не смог удержаться от искушения разыскать своих. Меня все время мучила мысль о том, что они могут не «продвинуться». И вот я, задолго до отлета из мира Садов, составил план, хотя и не был уверен, что выполню его. Однако я выследил своих родных с помощью компьютера — это заняло у меня очень много времени, поверьте — и навестил их в долине. Под чужим именем, конечно, и узнать меня было невозможно. Я устроил так, что их всех воскресили в одном месте. А если бы они переехали или были убиты, я бы все равно знал, где они.

У меня почти фотографическая память. Хотя я погиб на Земле, не дожив и до пяти лет, я прекрасно помнил родителей и всех других родственников.

Мне было очень тяжело скрывать от них, кто я такой. Но я должен был это скрыть. Я подружился с ними и даже притворился, будто учу их язык. Все это время, как вы понимаете, я занимался официальным проектом.

Я нежно любил свою приемную мать в мире Садов. Но родную мать я любил еще больше, хотя по духовному развитию ей было далеко до приемной.

В последующие годы, посещая их, я узнал, что мои родичи приняли веру во второй шанс. Но одного этого было недостаточно, и они далеко еще не достигли той стадии, в которой я мог бы быть спокоен за них.

Но я верил и продолжаю верить, что они достигли бы ее, если бы им дали достаточно времени.

— Ты рассказывал, как твоя машина шла на посадку,— мягко напомнил Бёртон.

— Да, но то, что я сказал о своих родных, крайне важно. И поймите — я горевал не только о семье. Я страдал и за всех других, за биллионы обреченных. Но не мог и заикнуться об этом своим коллегам.

Кроме Трингу, конечно,— и с ним я стал говорить лишь тогда, когда абсолютно в нем уверился. Если бы я говорил об этом

с другими, меня заподозрили бы сразу, как только стало бы известно о существовании ренегата.

Каким бы самоубийственным ни было его решение, Лога сделал единственное, что могло помешать его машине прибыть в назначенное место: отключил подачу энергии.

— Если бы Монат предвидел, что кто-нибудь пойдет на это, он сделал бы такой маневр невозможным. Но он такого не ожидал. Да и с чего? Ведь преступник должен знать, что, если он погибнет, в башне его воскресят.

Машина тут же упала, врезавшись в склон горы чуть ниже вершины. До этого она шла на малой скорости, а на Логе был противоударный костюм. Машина, сделанная из почти несокрушимого серого металла, не получила при столкновении даже царапины.

— Тем не менее я бы при падении погиб. Но я опять включил энергию, пролетев сотню футов вниз, и автопилот снова повернул к вершине горы. Потом я снова выключил мотор и через пятьдесят футов включил. Потом опять — так далее.

Совершив несколько таких костоломных скачков. Лога привел машину почти на уровень грунта. Когда он счел, что земля достаточно близка, он выпрыгнул из открытого загодя иллюминатора, прихватив с собой грааль. Вокруг бушевала гроза; Лога ударился обо что-то и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что висит животом на ветке железного дерева. Был день, и его грааль валялся в сотне футов внизу у подножия ствола. Лога, весь исцарапанный, получивший внешние и внутренние ушибы, сломавший одну ногу, все же умудрился слезть.

— Остальное я вам уже рассказывал — или вам и без того ясно.

— Не все,— сказал Бёртон.— Ты говорил, что должно случиться нечто ужасное, и приберегал это под конец.

— И еще мы не знаем, что означает «продвижение»,— добавил Нур.

— «Продвижение»? Когда тело высокоразвитого этически человека умирает, его ватан исчезает. Наши приборы не могут его обнаружить. И если изготавливается дубликат тела, ватан не возвращается к нему.

— Что же происходит с лишенным ватана телом?

— Был проделан лишь один такой эксперимент, и женщине без ватана позволили прожить ее естественный жизненный срок.

Это сделали предшественники Моната — с людьми таких опытов не ставили.

Существует теория, что, если Создающее Начало и равнодушно к своим созданиям, оно принимает к себе исчезнувшие ватаны. Какое еще объяснение можно подобрать?

— Возможно,— сказал Фрайгейт,— в экстрафизической вселенной есть нечто, что притягивает ватаны, достигшие определенной степени развития. Какое-нибудь экстрафизическое магнитное поле, кто его знает.

— Такая теория тоже выдвигалась. Мы предпочитаем верить, что это делает Создающее Начало. Хотя оно может пользоваться обычными физическими или экстрафизическими методами, не прибегая к сверхъестественным.

— Значит, научного объяснения этому явлению у вас нет,— сказал Бёртон.— Есть только вера.

— Да, но когда дело доходит до конечного и бесконечного, вечности и времени, до Первопричины, остается полагаться лишь на веру.

— Которая обрекла на гибель столько биллионов и принесла столько страданий,— сказал Фрайгейт.

— В данном случае все обстоит не так.

— Давайте-ка вернемся к событиям этого мира,— буркнул Тай-Пен.

— Я набирал себе рекрутов, потому что существовала некоторая вероятность того, что в итоге и случилось. Я заложил все варианты, которые только мог придумать, в компьютер и дал ему задание оценить вероятность каждого. К сожалению, компьютер не может предугадать, что подумают и как в конечном счете поступят разумные существа, если только не обладает всеми данными, что невозможно. Даже если бы он имел их, с точностью на сто процентов ничего предсказать нельзя.

Монат и остальные, к примеру, каждый раз делали то, чего я не ожидал. А я делал то, чего не ожидали они. Человеческий разум — любой разум — до сих пор остается неразгаданной тайной.

— Хоть бы ее никогда не разгадали,— пожелал Бёртон.

— Да. Вот почему нельзя предугадать, насколько развит тот или иной ватан. Один вроде бы достиг довольно высокой ступени, но дальше не идет. Другой находится на низкой стадии и вдруг, чуть ли не за одну ночь, поднимается куда выше, чем более совершенные. Совершает квантовый этический скачок. Случается также, что люди деградируют.

— Как ты, например? — спросил Бёртон.

— Нет! Именно в этом обвиняла меня Сигген, когда мы жили в той хижине в Пароландо. На самом деле я стою гораздо выше, чем кто-либо из занятых в проекте. Разве не самый этичный выбор — дать каждому столько времени, сколько требуется ему для роста? Конечно, самый этичный. Этого же нельзя отрицать.

— Он сумасшедший,— шепнула Алиса.

Бёртон не был в этом уверен. Лога рассуждал, в общем, разумно. Но то, как он осуществляет свой план, разумным не назовешь. Впрочем, если он посылает ложные донесения, из мира Садов сюда никто не явится. Лога может выиграть так добрую тысячу лет. Уж за это-то время все достигнут желаемой стадии.

Впрочем, кто знает, возразило Бёртону его пессимистическое начало. Интересно, какой стадии достиг он сам?

И хотелось бы ему достичь такой стадии, на которой основа его существа просто исчезнет?

Почему бы и нет? Это было бы приключение еще почище этого, самое большое приключение в его жизни.

— Прекрасно,— сказал он.— Теперь как будто все понятно. Но ты говорил, что твои планы могут и не осуществиться, даже если больше некому тебе помешать. Что там за ужасная вещь случилась?

— Это моя вина, только моя! — Лога встал и, несмотря на хромоту, начал шагать взад-вперед, морщась и потея.— Из-за того, что я сделал, биллионы могут погибнуть навеки! Почти все люди! А возможно, и все до одного! Навеки!

Глава 52

Наступило молчание. Лога продолжал хромать взад-вперед. Наконец Бёртон сказал:

— Расскажи-ка все по порядку.

Лога вернулся в свое кресло.

— Мой сигнал заблокировал линию воскрешения. Я не желал, чтобы кто-то из этиков совершил самоубийство и оказался в башне раньше меня. Я не знал, что другой этик прекратил воскрешение еще тогда, когда меня разоблачили.

Это сделали потому, объяснил Лога, что Монат хотел преградить неизвестному предателю доступ в башню, где тот или та мог осуществить свои планы, в чем бы они ни заключались, не обнаруживая своего присутствия.

Команда Моната отменяла все прочие команды.

— Ведь он был Оператором.

Кроме того, Монат через заместителя передал компьютеру команду не подчиняться никому, кроме него, Оператора, до восстановления нормальных функций.

— Я уверен — если бы он знал, что произойдет потом, то ни за что не отдал бы такую команду. Но он не больше меня догадывался, какой оборот примут события.

— Вселенная бесконечно разнообразна, как и события в ней,— сказал Нур.

— Возможно. Дело в том, что компьютер использует ватаны в качестве... как бы это сказать? — чертежей для производства тел. Раньше делались снимки с самих тел, но применять ватаны более экономично, как я уже объяснял. Других записей, кроме них, не существует. И если ватаны будут утеряны, мы не сможем больше дублировать тела.

Бёртон обдумал эту мысль.

— Но ватаны-то на месте. Мы видели их в той шахте посреди башни.

— Да, но когда компьютер умрет, ватаны освободятся! И тогда невозможно будет воскресить мертвых. Они погибнут навеки!

Опять наступило молчание. Через минуту или две Алиса спросила:

— Значит, компьютер... умирает?

— Да,— с трудом выговорил Лога.— Это потому, что он столько лет оставался без присмотра. Он был рассчитан на то, чтобы работать веками без всякого ремонта или замены запчастей. Однако отдельные его узлы время от времени разлаживались. Поэтому техники регулярно проверяли его, а сам компьютер обладал обширными возможностями самовосстановления. Но всем известно необъяснимое упрямство машин, когда они вдруг ломаются будто по собственной воле или отказываются работать. Ходила шутка, что и у них, возможно, есть свои ватаны, причем крайне зловредного свойства.

Во время долгого человеческого отсутствия в компьютере отказал какой-то клапан.

— Не механический, конечно. Клапаном служит нечто вроде силового поля, которое то обеспечивает, то отсекает приток морской воды в питательную камеру компьютера. Компьютер питается дистиллированной водой с добавками сахара и минералов. Кроме этого клапана есть еще запасной. Если основной отказывает, включается он. Тем временем техники налаживают генератор поля, и основной клапан возобновляет работу.

К несчастью, запасной клапан долгое время недодавал воду — и теперь биокомпьютер умирает.

— Я мог бы, пользуясь банком памяти, изготовить дубликат компьютера. Но компьютер отказывается дать мне информацию, которую я мог бы заложить в материально-энергетический преобразователь.

— А почему ты не наладишь генератор поля? — спросил Фрайгейт.

— Да все потому же — компьютер не позволяет. Монат, наверное, давно еще распорядился установить защиту на этом узле, и она включилась, когда меня раскрыли.

Опять наступило долгое молчание, которое нарушила Алиса:

— А почему бы не использовать ватаноуловитель из таких, о которых ты нам рассказывал? Когда компьютер умрет и освободит ватаны, ловушка их удержит.

— Хорошая мысль,— мрачно усмехнулся Лога.— Мне она тоже приходила в голову. Но единственная ловушка — это сам компьютер. А вся информация, на основе которой я мог бы построить другую, содержится в его памяти.

— И эта защита абсолютно непреодолима? — спросил Бёртон.

— Дело на первый взгляд очень простое. Надо всего лишь вынуть неисправный генератор поля и заменить его другим. Но меня убьет, прежде чем я успею это сделать. Компьютер срежет меня лучом. Таким же, которым стреляет мой лучемет.

— Ты пользовался компьютером наравне с другими,— сказал Нур.— Как получилось, что они об этом не знали?

— Я, так сказать, сделал компьютер шизофреником. Одна его часть не знала, что творит другая.

— Вот оно! — торжествующе вскричал Нур, но тут же нахмурился.— Нет. Ты об этом уже думал.

— Да. Инженеры, как видно, обнаружили это расщепление сознания. Теперь доминирует основная часть.

— Ты сказал «доминирует» — значит, единства сознания все-таки нет?

— Нет. Инженеры не успели заменить схемы, вызывающие шизофрению, но поставили временные шунты, чтобы обеспечить победу «здравого рассудка». Потом они сделали бы полный ремонт, но до этого не дошло — они погибли.

— Откуда тебе это известно? — спросил Бёртон.

— От компьютера. Общаться с ним можно. Только командам он не подчиняется, соблюдая запрет Моната.

— А нельзя ли разгадать, каким кодом пользовался он?

— Нет, если Монат его где-то не записал. А я сомневаюсь, что он это сделал. И потом, код должен быть введен только голосом Моната или его помощника.

— Может, никакого кода и нет,— сказал Фрайгейт.— Может, достаточно только голоса.

— Нет. Монат это предусмотрел бы. Было бы довольно легко, выделив фоны из записей его речи, синтезировать несколько новых фраз. Монат, скорее всего, обусловил и зрительное опознание.

— А ты мог бы замаскироваться под Моната? — спросил Терпин.

— Наверное. Но лучше использовать лучевые имитаторы.

У Логи был очень усталый вид. Бёртону казалось, что не рана тому причиной, а чувство безнадежности и вины.

— Мы не знаем, достаточно ли будет голосового и зрительного опознания,— сказал Бёртон,— но придется попытаться надуть компьютер, даже если наши труды пропадут даром.

— А ты сказал компьютеру, что он умирает? — с жаром спросила Алиса Логу.

— О да. Но он и без меня это знал.

— Я думаю, человек все же способен прорвать защиту компьютера,— сказал Бёртон, пристально глядя на Логу.

— Я знаю, что ты имеешь в виду,— ответил, чуть распрямившись, этик.— Поскольку я виновник всего этого ужаса, я и должен идти заменять генератор. Даже если ясно почти на сто процентов, что это будет напрасная жертва. Я и пошел бы, если б от этого была хоть какая-то польза. Ну а если я сделаю это и все-таки погибну? Никто из вас не умеет управляться со здешней техникой. Вы ничего не решите без меня. Ну, не умрет компьютер, и что дальше? Ситуация останется той же, только за ватаны можно будет не опасаться.

Бёртон сказал, что Лога должен показать им, как работать с разными приборами на случай, если с ним что-то произойдет. Успеет он это сделать, пока еще жив компьютер?

Возможно, ответил этик. Он покажет им все обозначения. Учить их языку общения с компьютером — слишком долгое дело: это язык Моната, на котором говорят в мире Садов. Лучше он перестроит трансляторы, чтобы говорить с компьютером на эсперанто.

— Отлично,— сказал Бёртон.— А теперь, мне кажется, всем пора спать. Встанем освеженные и соображать будем лучше. Может, тогда и придумаем, как одолеть компьютер.

Они перешли в жилые покои советников. Лога занял свою квартиру, Афра Бен и де Марбо другую, Алиса с Бёртоном третью. В соседних устроились Тай-Пен с Терпином и Нур с Фрайгейтом. Бёртон счел, что поодиночке лучше не ночевать. Он все еще не доверял полностью этику.

Перед сном Алиса сказала:

— Ричард, должен быть какой-то способ перехитрить компьютер. Его построили люди, так неужели люди не сумеют его обуздать?

— Почему бы тебе не воззвать к его чувствам? У вас, женщин, это здорово получается.

— Не лучше, чем у мужчин, ослиная ты задница! С чего бы я стала взывать к чувствам там, где их нет. А вдруг хоть какие-нибудь, да есть? Или их аналоги. Но если компьютер руководствуется исключительно логикой, почему бы не обратить ту же логику против него? Ведь люди вложили в него нашу, человеческую логику. Вот мы и должны с ее помощью побить его или уговорить.

— Я уверен, что Лога об этом уже думал.

Бёртон поцеловал Алису в щеку и повернулся на бок.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Ричард.

Проснувшись несколько часов спустя, он увидел, что она смотрит в потолок, где движутся картины.

Глава 53

Утром, приняв душ и переодевшись в чистое, все собрались в комнате, служащей столовой. Проходя мимо контрольного центра, они заметили, что тела Грумз там нет, исчезли кровавые следы на полу и все скелеты тоже убраны.

— Роботы,— пояснил Лога.— Одного я послал убрать тело Гильгамеша.

— Я тут никаких роботов не видел,— сказал Фрайгейт.

— Видел, просто они выглядят как большие шкафы. Наши кровати — тоже роботы. Они потихоньку массируют мышцы и врачуют спинной мозг.

— Я ничего такого не чувствовал, когда просыпался ночью,— сказал Бёртон.

— Я тоже,— подтвердила Алиса.

— Они очень деликатны и работают, только когда вы спите. Но если вам нужен массаж и наяву, стоит только дать команду. Я покажу как.

После превосходного завтрака Алиса поделилась с другими идеей побить компьютер его же логикой.

Лога покачал головой:

— Звучит заманчиво, но ничего не выйдет.

— Но попытаться-то можно,— сказала Алиса.

— Мы испробуем все методы, и умственные, и физические. Но поверь мне — я уже обо всем подумал.

— Я не сомневаюсь в твоем уме,— сказала Алиса.— Но девять голов все же, лучше, чем одна.

— Девятиглавый дракон! — вскричал Тай-Пен. Лицо его пылало — за едой он все время пил вино.

— Сейчас я налажу связь с помощью одного из электронных компьютеров,— сказал Лога.— Но не думаю, чтобы большой компьютер удалось победить его же логикой. Компьютеры способны вычислять куда быстрее человека, если дать им нужные данные. Но воображения у них нет, и творческой жилки тоже. Ну что ж, может быть, в памяти нашего есть что-то, чего я не учел. И комбинировать он может очень быстро — у меня бы на это ушли целые годы. Да и прогнозировать он как-никак способен.

Зайдя к себе в квартиру, Лога повел всех в контрольный центр, занял место на платформе. Очень скоро он подозвал остальных к себе.

— Я не удержался и запросил главный компьютер, сколько ватанов на данный момент содержится в шахте.

— И сколько же? — спросил Нур.

Лога сверился с экраном.

— Восемнадцать биллионов двадцать восемь штук. Нет — вот еще три прибавилось.

— Больше половины населения долины,— сказал Фрайгейт.

— Да. Вот еще два прибавилось.— Лога выключил экран.— Люди умирают ежечасно, и их ватаны поступают сюда. Когда компьютер умрет...

Лога умолк. Нужно было обладать огромным мужеством, терпением, решимостью и быстротой ума, чтобы совершить то, что совершил он.

Однако груз его вины был слишком тяжел даже для него.

— А не выбросить ли тебе полотенце на ринг? — предложил Терпин.— То есть не убить ли компьютер прямо сейчас? Так ты никого больше не потеряешь и сможешь продолжать свой проект.

— Нет! — отрезал Лога, проявив горячность впервые с начала их знакомства.— Нет! Это было бы чудовищно! Я должен спасти их всех! Всех!

— А в итоге потеряешь миллионы. А то и всех, кто живет на этой планете.

— Нет! Я не могу!

— Ну, я больше ничего не придумаю. Все это больно умственно для меня,— сказал Терпин и пошел в ближний зал поиграть на рояле.

— Я ему неприятен,— сказал Лога.— Знал бы он, до чего я сам себе противен.

— Ну, нечего самоедством заниматься! — сказал Тай-Пен, помахивая бутылкой.— Том, пожалуй, прав. Пойду-ка я к нему и тоже развлекусь малость. У меня голова болит от раздумий!

— От них ли? — мягко спросила Алиса.

Тай-Пен только ухмыльнулся, поцеловал ее в щеку и ушел.

Нур напомнил этику, что надо бы обезвредить бомбы, спрятанные в другом контрольном центре.

— Я просто запру туда дверь,— сказал Лога.— А теперь займемся программой «логика против логики». Даже если это будет только потерей времени.

Оставшиеся перешли в языковую лабораторию. Этик показал им, как пользоваться оборудованием, обучающим языку мира Садов, или гхууркскому. В их распоряжении была также эсперанто-гхууркская грамматика и словари.

Алиса сжала руку Бёртона.

— Ужасно, правда? — сказала она, глядя на него своими большими темными глазами.— Все эти души, которые погибнут, утратив свой шанс на бессмертие! Страшно даже думать об этом!

— Ну так и не думай. Они не перестанут быть бессмертными, даже если улетят. Просто не будут знать об этом.

— Да,— пожала плечами она.— Но ведь и мы могли бы быть среди них. Как по-твоему, ты готов к «продвижению»? Мне хотелось бы верить, что я готова, но для этого, наверное, надо быть чуть ли не святым!

— Ну, в святости меня еще никто не обвинял, разве что моя жена,— усмехнулся Бёртон.— А кому и знать, как не ей.

Но Алису ему обмануть не удалось. Она знала, что он в таком же отчаянии, как и она сама.

Прошло два дня. Лога в присутствии всех прогнал результаты на компьютере и выключил экран.

— Бесполезно.

Снова стали совещаться и строить планы, отвергая один за другим из-за погрешностей в логике или непреодолимых препятствий.

На четвертый день их пребывания в башне Фрайгейт весело воскликнул:

— Ну и дураки же мы! Ведь ответ-то у нас под носом! Почему ты не пошлешь роботов заменить модуль?

— Я думал об этом,— вздохнул Лога.— Это было в числе первых мыслей, которые приходили мне в голову. Но хотя роботы и сделаны из чаруззa (так назывался серый металл), лучи компьютера все равно разрежут их.

Разочарованный Фрайгейт почувствовал себя несколько глупо.

— Да... но если послать их побольше, они могли бы подавить лучеметы?

— Их функции не предусматривают стрельбы по лучеметам.

— А ты не можешь переделать их и запрограммировать заново?

— Это займет у меня десять дней. Если бы я занялся этим сразу, как только явился сюда, то даже одного не успел бы переделать. Я только что проверил, сколько осталось жить компьютеру,— скорбно добавил он.— Пять дней!

Хотя все и ожидали такого сообщения, но испытали шок.

— Ну что ж, хоть голова болеть не будет,— сказал Том Терпин.— Души улетят, и дело с концом. Зато ты сможешь посвятить больше времени оставшимся.

Лога, повернув несколько тумблеров, нажал клавишу. На экране зажглись гхууркские цифры. Все подошли поближе, чтобы посмотреть.

— Восемнадцать биллионов сто два,— прочла Афра.

— Мне следовало бы прикончить этот компьютер,— сказал Лога.— Я и так слишком долго ждал. Кто знает — вдруг сегодня он взял душу моей матери.

— Погодите! — сказал Фрайгейт.— У меня идея! Ты говорил, что включил свои личные воскресители, когда пришел сюда. А нас, например, в них можно воскресить?

— Отчего же, можно. Уловители воскресителя работают на несколько иной частоте, чем компьютер. Наши с Трингу ватаны были настроены на нее. То же самое я могу сделать для вас. Только зачем?

Фрайгейт начал объяснять, но Лога, Бёртон и Нур уже поняли, что он имел в виду.

Они предпримут штурм компьютерного зала, оставив несколько человек в резерве. И хотя атакующие будут гибнуть раз за разом, в конце концов они подавят лучеметы компьютера.

— Как ты додумался до этого, Пит? — спросил Терпин.

— Я как-никак фантаст. Жаль только, что сразу не додумался.

— Мне бы тоже следовало подумать об этом,— сказал Лога.— Но уж очень велик эмоциональный стресс.

— Ты можешь наделать побольше таких? — спросил Бёртон, имея в виду ручной лучемет.

— Сколько угодно.

Через две минуты он вооружил всю группу. И сделал распечатки, показывающие, как добраться в клапанную из контрольного центра и от воскресителей. Все внимательно изучили маршрут.

— В том районе на всех стенах видеокамеры, и в клапанной тоже.

Вот ее фотография.

Фотографию тоже досконально исследовали, заучив наизусть, где что находится. Потом Лога снял несколько дубликатов с запасного модуля и разъяснил, как вынуть старый модуль и вставить новый.

К сожалению, этик не смог получить информацию об огневых точках компьютера.

— Она заперта в банке памяти.

— А ты попроси компьютер выдать ее тебе,— сказал Нур.

Лога удивленно засмеялся — ему это не пришло в голову.

Секундой позже он получил ответ, но не тот, какой ему хотелось бы. Компьютер отказался сообщить, где расположены его лучеметы.

— Ну что ж, попытка не пытка.

Все сели на кресла, поехали за этиком к шахте лифта и спустились по ней гораздо быстрее, чем отваживались раньше. Проехав около мили вниз, этик остановился на одном из этажей. Через несколько минут Бёртон, обладавший превосходным чувством ориентации, сообразил, что они направляются к секретному входу в башню. Вскоре они оказались там.

Этик взглянул на дверь, все еще заклиненную граалем Бёртона, и побагровел.

— Почему вы не сказали, что оставили дверь открытой?

— Я хотел, но не придал этому значения,— сказал Бёртон.

— Через нее могли войти агенты!

— Не могли они нас догнать за такое короткое время. Они ведь плывут на парусниках.

— Я не могу допустить ни малейшего риска.— Лога развернулся лицом к спутникам.— Уберите ту лодку из двери, пока меня не будет.

— А ты куда?

— К пульту — пошлю автоматический летательный аппарат окончательно расплавить карниз и закупорить вход в пещеру.

— Идите с ним,— сказал Бёртон Тай-Пену и де Марбо.

Лога рассердился, но промолчал и полетел в кресле по коридору.

Бёртон повел остальных в затянутую туманом комнату, где они, после многих трудов, спихнули лодку в море. Потом все вернулись в коридор, протискиваясь в щель, оставленную граалем.

— Надо было попросить Логу открыть ее как следует,— сказал Фрайгейт.

— Ему, наверное, не хочется, чтобы мы знали, как он это делает,— заметил Бёртон.

— По-твоему, он все еще нам не доверяет?

— Живя так, как он жил, он научился не доверять никому.

Но Бёртон заблуждался. Лога, вернувшись через пятнадцать минут вместе с китайцем и французом, слез с кресла и стукнул кулаком по стене в нескольких дюймах от двери. При этом он четко произнес:

— Ах-К'ак! — И дверь открылась до конца.

Бёртон заметил место удара.

— Откуда ты мог знать, пользуясь этим ходом, что не наткнешься на кого-нибудь?

— Эта дверь представляет собой большой видеоэкран. У меня есть другие, которые выглядят как часть стены. Отсюда я могу видеть коридор в пределах нескольких поворотов.

В передней комнате Лога остановился у стены и снова произнес кодовое слово. Часть гладкой на вид стены отошла в сторону. Открылась хорошо освещенная комната с разным лабораторным оборудованием на столах, большим шкафом и двумя скелетами. Последние лежали головами к двери, словно как раз собрались выйти. Около костлявых пальцев одного валялся металлический ящичек с дисками, шкалами, кнопками, маленьким видеоэкраном с одной стороны и соединительными стержнями — с другой.

— Жаль, что я не передал сигнал несколькими секундами раньше,— сказал Лога.— Они не успели бы вынуть контрольный блок.

— Ты все равно не мог знать, вынули они его или нет,— заметил Бёртон.— И не мог идти на риск самоубийства. Кстати, почему дверь сюда закрыта? Ведь эти двое должны были открыть ее, когда входили.

— И как они могли войти, не зная кода? — добавил Нур.

— Через семьдесят пять секунд дверь закрывается автоматически, если не дать ей нужной команды. Дело в том, что эту комнату нашли, следуя вдоль энергетической линии. Долгая и трудоемкая это была работа — ведь компьютер для этой цели они использовать не могли.

А применяли, наверное, магнитометры. С их помощью они обнаружили источник энергии, а с ним и программное кодовое устройство. Ну а код разгадать было недолго.

— А место нажатия на стену? Как...

— Они и его вычислили, хотя это заняло больше времени.— Лога указал на шкаф.— Это воскреситель.— Он вошел, а Фрайгейт за ним.

— А ты не мог использовать свой собственный источник энергии? — спросил американец.

Лога подобрал с пола контрольный блок, подошел к шкафу и вставил штыри ящичка в отверстия на его боку.

— Нет, не мог — хотя в случае пользования собственным атомным конвертором меня не выследили бы по проводке. Но преображение энергии в материю и улавливание ватанов требует огромных мощностей. Один только физико-экстрафизический обмен

берет столько энергии, сколько потребовалось бы для снабжения половины земных городов в конце двадцатого столетия.

— Как же ты устроил, чтобы такой расход не регистрировался счетчиками? — спросил Фрайгейт.

— Да уж устроил. Но вернемся к первому вопросу: если бы инженеры удалили кодовое устройство, я не смог бы выйти из потайной комнаты в коридор. Дверь, выходящая на море, открывается с помощью другого кодера-декодера. К счастью, инженеры погибли раньше. Генератор сигналов я потерял вместе с аэромашиной, но в лодках, стоящих в пещере, тоже есть такие генераторы. Они включаются автоматически, когда датчики докладывают им о подходе к башне.

— Дверные механизмы не должны расходовать много энергии. Почему ты не установил для них отдельные источники?

— Да, следовало бы. Но проще и экономичнее было подключиться к главному энергоблоку.— Лога улыбнулся краем губ.— Интересно, что вынесли инженеры из моего кода? Ах — это майанский артикль мужского рода, К'ак — огонь. А Лога — огонь по-гхууркски. Так они, возможно, меня и раскрыли. Вложили майанское слово в компьютер и через секунду получили ответ. Я, что называется, перемудрил.— Он положил палец на кнопку.— Подойдите сюда. Я покажу эту простую операцию дважды, чтобы все было ясно. Обозначения читать вы умеете. Когда я нажму на эту кнопку, вот этот маленький диск должен загореться. Значит, установка включена. А большой диск около индикатора служит частотомером.— Лога нажал на кнопку. Загорелся оранжевый огонек.— А теперь...

Огонек погас.

— Кхатуух! Это еще что...

Лога приложил руку к шкафу, открыл его дверцу и заглянул внутрь. Оттуда хлынул жар.

— Бегите! — крикнул Лога и сам во всю прыть захромал к выходу.

У двери Бёртон оглянулся на шкаф. Контрольный блок плавился, а сам шкаф изнутри раскалился докрасна.

Лога ругался по-гхууркски.

— Эти... эти! Они запрограммировали конвертор так, чтобы он плавился при включении энергии!

Остальные, кроме Логи и Бёртона, которые умирали столько раз, что больше не боялись смерти, испытали немалое облегчение. Бёртон видел это по их лицам. Они знали, что воскреснут, но все-таки страшились умирать.

— Есть ведь еще и другой воскреситель,— сказал Бёртон.

— С ним будет то же самое,— ответил пепельно-бледный Лога.

— А ты не можешь сделать так, чтобы он не плавился?

— Попытаюсь.

Но из этой попытки ничего не вышло.

Бёртон, глядя на расплавленный аппарат, решил, что настала пора сообщить Логе новость, которую он до сих пор откладывал,— воскресители были важнее.

— Лога,— сказал он,— когда мы гнались за тобой, я положил у двери пулю, чтобы не заблудиться. Теперь пули нет.

— Возможно, ее забрал робот-уборщик,— после краткого молчания предположил Фрайгейт.

— Нет,— сказал Лога.— Будь роботы запрограммированы на это, они давно убрали бы все кости.

— Значит, в башню проник кто-то еще!

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИГРА ВТРОЕМ: КЭРРОЛЛ — АЛИСА — КОМПЬЮТЕР

Глава 54

Они вернулись в лабораторию. Лога сел перед компьютером и взялся за работу. В короткий срок он задействовал все камеры в башне. Еще через две секунды на экране появилось изображение. Бёртон присвистнул:

— Брат Фениксо! Герман Геринг!

Геринг сидел за столом и ел что-то из грааля. По его предельной худобе и темным кругам под впалыми глазами было видно, что эта еда пришлась как нельзя более кстати.

— Понять не могу, как он так скоро нагнал нас,— сказал Лога.— Компьютер докладывает, что больше никто не обнаружен, но остальные могут быть вне поля зрения камер. И если это агенты, кто-то может знать код. Монат мог передать его им в долине.

— Спросим Геринга,— предложил Бёртон.

— Ясное дело. Только выясню у компьютера, где он находится.

Компьютер дал ответ, и все вылетели на креслах из комнаты. Оказавшись в коридоре, идущем от тайника Логи, они мягко посадили кресла и направились дальше пешком. Геринг был безоружен, но оставалось неясным, нет ли с ним других.

— Ахтунг! — рявкнул Бёртон и громко рассмеялся, когда Геринг вскочил, едва не подавившись, замахав руками и опрокинув стул. Серый, с вытаращенными глазами, он попытался что-то сказать, но покраснел и схватился за горло.

— О господи, он поперхнулся! — сказала Алиса.

Геринг уже посинел и рухнул на колени, когда Бёртон хватил его по спине, выбив из горла застрявший кусок.

— Ничего смешного нет, Ричард,— сказала Алиса.— Перестань смеяться. Ты мог убить его.

— Прошу прощения, Геринг,— сказал Бёртон, утирая слезы.— Мне, наверно, просто захотелось отплатить тебе за то, что ты сделал со мной.

Геринг жадно выпил стакан воды, поданный Афрой Бен.

— Что ж, не могу тебя упрекнуть.

— У тебя голодный вид,— сказал Нур.— Нельзя есть так быстро. После такой долгой голодовки еда может тебя убить.

— Я не настолько уж изголодался. И у меня, кажется, пропал аппетит.— Он оглядел всех.— А где остальные?

— Мертвы.

— Да помилует Бог их души.

— Не помилует, если мы ему не поможем — и быстро.

— Геринг! — резко сказал Лога.— Ты пришел один?

— Да,— ответил Герман, недоуменно разглядывая его.

— Давно ли ты здесь?

— Около часа.

— Кто-нибудь еще шел за тобой в горах?

— Нет — я, по крайней мере, никого не видел.

— Как ты сумел добраться сюда так быстро?

Геринг вместе с другими вироландцами нырял в трюм «Внаем не сдается», пока пароход не смыло с отмели в бездну. Ныряльщики извлекли оттуда запасные части батацитора, собрали аппарат и установили его на деревянном паруснике. Еще наверх вынесли два небольших электромотора, запасной винт маленького катера «Гасконец» и прочие запчасти. Работа шла споро, и четверо человек отплыли на преобразованном паруснике через две недели после отхода «Афиш не расклеивать».

В отличие от группы Бёртона они не тратили дни на отдых.

— Где же твои спутники? — спросил Лога, уже догадываясь об их судьбе.

— Двое оставили нас и вернулись назад. Я поплыл дальше с моей женой, но она поскользнулась и сорвалась с горы.

Геринг сделал знак благословения, обычный у шансеров.

— Ты бы сел,— мягко сказал Бёртон.— Мы многое должны тебе рассказать.

Выслушав рассказ Логи и Бёртона, Геринг пришел в ужас.

— Столько ватанов! И моя жена среди них!

— Да — и мы не знаем, что делать. Убить компьютер, чтобы он не улавливал лишних ватанов, или придумывать дальше, как отменить данную ему команду.

— Есть и третий выход,— сказал Герман.

— Какой?

— Позвольте мне попробовать сменить модуль.

— Ты с ума сошел!

— Нет. За мной есть долг.

Бёртону вспомнился его повторяющийся сон о Боге.

«Ты должен мне за плоть. Плати».

— Если ты умрешь, твой ватан будет обречен.

— Кто знает,— спокойно ответил Герман.— Вдруг я уже созрел для «продвижения». Я не знаю, так ли это. Видит бог, я далеко не святой. Но если я спасу все эти души... ватаны... мне это зачтется.

Никто не стал с ним спорить.

— Прекрасно,— сказал Лога.— Ты самый мужественный человек из всех, кого я встречал. Думаю, ты ясно представляешь себе, как малы твои шансы на успех. Но вот что мы сделаем.

Бёртон раскаивался, что подшутил над немцем. Герман рискует своей душой, рискует вечной гибелью в случае неудачи. Лога прав. Геринг самый смелый человек из всех, кого встречал Бёртон. Может, раньше он таким и не был, но сейчас он такой.

Лога решил вернуться на верхний этаж, в жилые помещения. По дороге они остановились, чтобы показать Герингу плененные ватаны.

Он несколько минут смотрел на их мерцающий, изменчивый круговорот и отвернулся.

— Самое прекрасное, самое потрясающее, самое жуткое зрелище на свете.— Он снова сделал свой круговой знак, и Бёртону показалось, что в нем заключено не только благословение, но и молитва о спасении, об укреплении духа.

В контрольном центре Лога сразу сел к пульту на платформе и через пять минут велел Герингу войти в один из шкафов, где его обмерили лучевые приборы. Лога ввел в компьютер новые данные и через час закончил работу.

Выждав несколько секунд, он нажал какую-то клавишу, слез с платформы и заковылял к большому энергоматериальному преобразователю. Остальные столпились позади. Лога открыл дверцу.

Внутри лежали доспехи. Лога взял их и кинул остальным. Геринга облачили в броню, после чего он стал больше похож на робота, чем на рыцаря в доспехах. Когда же ему на спину привесили ранец с дыхательным аппаратом, он стал точно астронавт.

Скафандр был сделан из сплошного серого металла, только в лицевой части круглого шлема имелся длинный узкий просвет. Эта толстая броня весила всего девять фунтов.

— Окошко не обладает сопротивляемостью металла,— сказал Лога.— А лучи режут и металл, будучи направлены в одно место дольше десяти секунд. Поэтому ты все время должен двигаться.

Геринг проверил на гибкость плечевые, кистевые, пальцевые, коленные и лодыжечные сочленения. Побегал и попрыгал взад-вперед. Потом поупражнялся в обращении с лучеметом, изучив все возможности этого оружия.

С него сняли скафандр, и он снова поел.

Когда Герман пошел в одну из квартир прилечь, Лога слетал на кресле на один из этажей ниже уровня моря и через час вернулся, ведя за собой в воздухе двухместную исследовательскую субмарину.

— Мне это пришло в голову только часа два назад. Это позволит ему пробиться сквозь первый порог защиты. Ну а дальше придется пешком — проходы там недостаточно широкие для лодки.

В его отсутствие другие занимались делом, прикрепляя лучеметы к гробообразным роботам-чистильщикам и сверля отверстия для проводов. Лога установил видеотехнику и спусковые устройства, запрограммировал и поставил навигационные блоки.

Бёртон, пришедший будить Германа, увидел, что тот стоит на коленях около кровати и молится.

— Ты бы лучше поспал,— сказал Бёртон.

— Я употребил это время с большей пользой.

Они вернулись в контрольный центр, где Герман слегка перекусил, а потом стал изучать маршрут и осваивать управление субмариной. Лога показал ему, как вынуть старый модуль и вставить новый. Это был кусочек серого металла, размером и формой похожий на игральную карту. В него были впечатаны сложнейшие схемы, но поверхность была гладкой. Один уголок был помечен птичкой — этим углом модуль и надлежало вставить в нужную прорезь — так, чтобы выпуклое кодовое число оказалось сверху.

— Что же может испортиться в подобном модуле? — спросил Фрайгейт.

— Ничего — если он правильно вставлен. Я подозреваю здесь человеческую ошибку. Если вставить модуль вверх ногами, он все равно будет работать — но при каждом приливе напряжения одна из схем будет постепенно портиться. Такую ошибку заметили бы давным-давно, будь техники живы.

Лога положил карточку в металлический куб, который прикрепил к скафандру Германа чуть выше колена.

— Ему нужно будет только нажать вот эту кнопку на кубе — магнитное поле отключится, и карточка выйдет. Куб достаточно толст, чтобы выдержать многочисленные попадания лучей.

На Германа надели все части скафандра, за исключением круглого шлема. Лога разлил золотистое вино в изящные кубки, которые принес из своей квартиры, высоко поднял кубок и сказал:

— За твой успех, Герман Геринг. Да будет с тобой Творец!

— Как и со всеми нами,— сказал Герман.

Все выпили, и шлем водрузили на голову Геринга. Тот взобрался по лесенке на верхушку субмарины и с некоторым трудом пролез в люк. Лога последовал за ним, чтобы еще раз повторить свои инструкции, а потом закрыл люк.

Лога, как руководитель операции, занял место на крутящейся платформе, а другие, сев перед разными пультами, начали делать то, чему научил их этик.

Первый из бронированных гробов-роботов поднялся в воздух и двинулся к двери. Им управлял Бёртон. За ним шел робот Алисы, следом другие. Роботы вереницей прошли в дверь и повернули направо.

Когда вышли все, субмарина поднялась над полом и последовала за ними.

Спуск ниже уровня моря занял у каравана пятнадцать минут. Бёртон остановил своего робота перед закрытой дверью с выпуклой надписью, включил лучеметы — и дверь с одной стороны разрезало сверху донизу. Переместив робота, Бёртон разрезал дверь с другой стороны, потом двинул робота в середину, и вырезанный кусок упал внутрь.

Бёртон увидел гигантское, заставленное техникой помещение и направил робота к закрытой двери в противоположной стене. Стена при этом в нескольких местах разошлась, и высунулись сферические дула лучеметов. Из них вылетели алые линии.

Бёртон, двигая рычаги на панели, повернул робота вверх и вправо, задержал его там и нажал на клавишу спуска. По краям

экрана сверкнули алые линии, и Бёртон с удовлетворением отметил, как что-то взорвалось. Казалось, что осколки стучат прямо по экрану.

Еще через несколько секунд экран погас.

Компьютер уничтожил камеру на корпусе робота.

Бёртон выругался и прекратил огонь. Теперь ему оставалось только наблюдать. Он переключил свой терминал на одну из камер Логи, помещенную на стене над дверью, и увидел, что все роботы уже вошли. Его робот висел в десяти футах над полом, наведя передний конец на лучеметы компьютера. Остальные расположились полукругом, чтобы не натыкаться друг на дружку.

Взорвался последний в комнате лучемет, и кадр начал перемещаться — роботы двинулись дальше, завоевывая комнату за комнатой. Робот Алисы расплавился, у де Марбо разбили камеру, робот Тай-Пена пронзили сразу три луча, и он упал, лишившись какого-то жизненно важного узла.

Роботы падали один за другим, и осталась одна субмарина. Ее сигарообразное тело проплыло еще через двое дверей, принимая на себя лучи компьютерных лучеметов.

Очередной дверной проем был достаточно широк, но в нем скрещивались лучи десяти орудий. Герман все-таки проскочил, заплатив за это кормой, которую срезало, и корпусом, который весь изрешетило.

У следующей двери он должен был оставить свою машину. Герман разогнал ее, сбавил ход в нескольких футах от двери и вылез, пока алые лучи сверлили ее корпус. Лучеметы сразу перевели огонь на него. Герман упал на пол — от половины орудий его прикрывала лодка, но у другой половины он был на виду. Он медленно встал и прошел в дверь. Лучеметы вели его, пока он бежал к следующей двери, ведущей в клапанную. Дверь внезапно закрылась, преградив ему путь. Герман, не обращая внимания на лучеметы, стал резать ее. Проделав небольшое отверстие, он отстегнул куб с модулем и бросил его внутрь, а потом пролез сам, держа лучемет в руке.

Бёртон и остальные слышали, как тяжело он дышит.

Потом раздался крик боли:

— Нога!

— Ты почти на месте! — крикнул Лога.

Из прорезанной дыры повалил красноватый пар.

— Отравляющий газ,— сказал Лога.

Кадр переместился в клапанную. Помещение было большое, а справа от Германа из стены, футах в десяти над полом, выступала загибающаяся вниз металлическая труба. Рядом на столе стоял металлический ящичек, от которого тянулись провода к другому ящику. Из прорезей на его передней панели выступали концы модулей.

Геринг полз к кубу, и не меньше сотни лучеметов поливало его огнем.

— Я не могу больше выдержать,— услышали наблюдатели.— Теряю сознание.

— Держись, Геринг,— сказал Лога.— Еще минута — и все будет сделано.

Неуклюжая серая фигура на экране схватила куб и вытряхнула из него карточку. Герман подобрал ее и пополз к модульному ящику. Потом раздался вопль, и Герман упал ничком. Модуль выпал из его руки и лег у стола.

Алые линии сосредоточились на упавшем и не исчезли, пока не изрешетили скафандр.

Наступило долгое молчание.

Бёртон с тяжелым вздохом выключил свой терминал. Другие последовали его примеру. Бёртон взошел на платформу и встал за спиной Лога. На экране этика теперь пульсировал многоцветный шар, выпуская и втягивая щупальца.

Лога оперся локтями о панель, закрыв лицо руками.

— Что это? — спросил Бёртон.

Он знал, что это ватан, но не понимал, отчего его изображение появилось на экране. Лога убрал ладони от лица.

— Я настроил на Геринга частотный детектор.

— Так это он?

— Да.

— Значит, «продвижения» не произошло?

— Нет. Он там, где все остальные.

Что же делать теперь?

Этот вопрос задавал себе каждый.

Лога хотел убить компьютер, чтобы тот не захватывал больше ватаны, а потом сделать его дубликат на предпрограммной стадии. Но как было отказаться от надежды — безнадежной надежды,— что кто-то что-то придумает и не даст улететь захваченным

ватанам. Лога впал в умственный паралич, и ожидать от него можно было лишь одного — что он под влиянием импульса нажмет-таки на роковую кнопку.

Остальные не переставая ломали голову, делясь своими рассуждениями и вопросами с компьютерами. Но в планах каждый раз обнаруживался какой-нибудь изъян.

Бёртон несколько раз спускался на нижний этаж и часами стоял или ходил, глядя на бесконечный круговорот ватанов. Есть ли среди них его родители? Айша? Изабел? Вальтер Скотт, племянник сэра Вальтера Скотта, писателя, друг Бёртона по Индии? Доктор Штейнхаузер? Жорж Сала? Суинберн? Брат и сестра? Спик? Дедушка Бейкер, подведший внука, отдав концы перед самым изменением завещания? Кровожадный и жестокий Гелеле, король Дагомеи, который не знал, что он кровожаден и жесток,— он ведь делал только то, чего требовало от него общество. Но этим никого оправдать нельзя.

Бёртон отправился спать измученным и подавленным. Ему хотелось поговорить с Алисой, но она была какой-то далекой, погруженной в собственные мысли. На этот раз ее явно занимала не мечта, способная унести от ранящей или неприглядной реальности,— Алиса думала над их общей проблемой.

Наконец Бёртон уплыл в сон и проснулся спустя шесть часов. Над ним в полумраке стояла Алиса.

— Что стряслось? — сонно спросил он.

— Надеюсь, ничего. Я только что пришла из контрольного центра.

— *Что ты там делала?*

Алиса легла рядом с ним.

— Мне не спалось, и я все думала о том о сем — мысли мелькали, как ватаны. Я старалась удержать их на компьютере, но они без конца уходили в сторону, распадаясь на тысячу других вещей. Передо мной прошла чуть ли не вся моя жизнь — и здесь, и на Земле. Помню, я думала о мистере Доджсоне, когда наконец уснула. Мне снились самые разные сны — и чудесные, и очень страшные. Ты не слышал, как я закричала?

— Нет.

— Значит, ты спал мертвым сном. Я проснулась, вся дрожа и в поту, но не смогла вспомнить, что меня так напугало.

— Нетрудно вообразить, что это было.

Алиса встала выпить воды, а вернувшись в постель, опять не смогла заснуть. Помимо прочего, она думала о преподобном Чарльзе Латвиже Доджсоне, о счастье быть знакомой с ним и о двух книгах, на которые она его вдохновила. Алиса перечитывала их столько раз, что ей было совсем нетрудно представить себе их содержание и иллюстрации Тэнниэла.

— Первой сценой, которая представилась мне, было Безумное Чаепитие.

За столом сидели Болванщик, Мартовский Заяц и Мышь-Соня. Алиса села с ними без приглашения, и Мартовский Заяц после нескольких пустых фраз предложил ей выпить вина.

Алиса посмотрела на стол, но не увидела ничего, кроме чая.

— Вообще-то это не совсем верно,— сказала Алиса Бёртону.— Там было еще молоко, хлеб и масло.

Книжная же Алиса произнесла:

— Я что-то не вижу здесь вина.

— А его здесь и нет,— ответил Мартовский Заяц.

Потом Алиса долго пыталась разрешить загадку, чем ворон похож на конторку От этого ее отвлек Болванщик, спросивший, какое сегодня число. Он достал из кармана часы, с тревогой поглядел на них, потряс и приложил к уху. Алиса подумала и ответила:

— Четвертое.

Настоящая Алиса сказала Бёртону:

— Мистер Доджсон выбрал это число потому, что у них в книге был май, а четвертое мая — мой день рождения.

— *Отстают на два дня!* — вздохнул Болванщик.— *Я же говорил:* нельзя их смазывать сливочным маслом!

— Масло было самое свежее,— робко возразил Заяц.

Бёртон встал и начал шагать взад-вперед.

— А нельзя ли обойтись без этих подробностей, Алиса?

— Нет. Это важно.

Следующая сцена, которую она увидела или, скорее, пережила, сделавшись семилетней Алисой из книжки, относилась к главе «Вода и Вязание» из «Алисы в Зазеркалье». Алиса, разговаривая с Белой Королевой, спросила:

— Разве, когда думаешь, не плачешь?

— Конечно нет,— решительно отвечала Королева.— Ведь невозможно делать две вещи сразу.

— Алиса! — сказал Бёртон.— Ну к чему ты рассказываешь всю эту чепуху?

— Это не чепуха. Слушай дальше.

От Белой Королевы Алиса перенеслась к Шалтай-Болтаю.

— Возможно, это Лога своей толщиной напомнил мне о нем.

Книжная Алиса обсуждала с громадным человекоподобным яйцом, сидящим на стене, значения слов.

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше,— презрительно произнес Шалтай-Болтай.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам,— сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин,— сказал Шалтай-Болтай.

Потом реальная Алиса (впрочем, намного ли она реальнее той, другой? — спросил себя Бёртон) перенеслась в сцену, где Черная Королева спросила ее, знает ли она вычитание.

— Отними от восьми девять.

— Этого я не знаю, но...— ответила Алиса.

— Вычитания не знает,— сказала Белая Королева Черной.— А деление? Раздели буханку хлеба ножом, что будет?

— Много ли тебе еще представлялось? — спросил Бёртон.

— Больше ничего. Я не придала этому значения. Просто это были мои любимые отрывки.

Алиса уснула снова, но вдруг проснулась, широко раскрыв глаза. Ей почудилось, что кто-то позвал ее.

— Откуда-то с горизонта моего разума.

Ей показалось, что это мистер Доджсон, но уверена она не была.

Сон у нее прошел, и сердце сильно билось. Она встала и пошла в контрольную комнату.

— Зачем? — спросил Бёртон.

— Мне подумалось, что в каждой сцене была своя ключевая фраза. «Самое свежее масло», «Кто здесь хозяин?», «Знаешь ли ты деление?».

— Ладно, Алиса,— вздохнул Бёртон.— Рассказывай, как знаешь.

Алиса села на место Логи и наладила прямую связь с компьютером.

— Ты понимаешь, что через каких-нибудь два дня умрешь? — спросила она.

— Да. Это избыточная информация. Нет необходимости мне ее сообщать.

— Монат дал тебе команду никого не воскрешать, пока он не даст другого распоряжения. В какой форме должно быть отдано это распоряжение?

— Лога уже спрашивал его об этом,— прервал ее Бёртон.

— Да, знаю. Но мне показалось, что не повредит попробовать еще раз.

— И что он тебе ответил?

— Компьютер, как и раньше, промолчал.

Тогда Алиса сказала, что есть высшая команда, отодвигающая запрет Моната на второй план.

«В чем она заключается? — вспыхнуло на экране.— Я получал много команд».

— Самая главная твоя задача — улавливать ватаны и направлять их к дубликатам тел. В этом и заключается суть проекта. Если бы Монат предвидел, к чему приведет его запрет, он никогда не наложил бы его.

Компьютер молчал.

— Свяжи меня с секцией, которой пользовался Лога,— попросила Алиса.— С той частью тебя, где Лога был хозяином.

Компьютер, видимо, не имел никаких запретов на этот счет. Но до Алисы о таком шаге никто не подумал.

— Бог мой! — сказал Бёртон.— Ну а дальше что?

— Я сказала той доле компьютера, что она должна умереть. Она ответила, что знает. Ну и что? Тогда я повторила аргумент, названный в споре с доминирующей властью.

А потом отдала области Логи команду вернуться в прежнее, независимое состояние.

— А доминанта не вмешивалась?

— Нет. Да и с чего бы? Лога не зря назвал ее талантливой идиоткой.

— А потом что?

— Я сказала доминанте, что ее долг — воскресить Моната, чтобы тот мог подтвердить или отменить свой приказ никого не оживлять.

— Ну?

— Экран погас. Я пробовала и так и сяк — он не отвечал.

Бёртон помрачнел.

— И все?

— И все.

— Но почему он прервал связь? Он обязан отвечать оператору.

— Я надеюсь,— сказала Алиса,— что это свидетельствует о его внутренней борьбе. Что область Логи борется с доминантой.

— Чепуха! — крикнул Бёртон.— Не может такого быть, насколько я разбираюсь в компьютерах.

— Ты забываешь, что это не совсем компьютер. Необычный, во всяком случае. Он сделан из протеина, как и человеческий мозг.

— Надо бы разбудить Логу. Скорей всего, ничего опять не выйдет, но он единственный, кто в этом смыслит.

Этик проснулся сразу, как будто и не спал. Он выслушал Алису, не задавая вопросов, и сказал:

— Борьбы быть не должно. Приказ Моната должен был поступить и в доминирующую часть, и в мою.

— Это смотря когда приказ был отдан,— сказала Алиса.— Если доминирующие схемы были поставлены после, твоя часть его не получила.

— Но доминанта передала бы его отщепленной доле.

— А может, и нет!

— Если все пойдет, как ты задумала — а я не вижу ни малейшего шанса,— то Монат воскреснет.

— Но я же *дала* такую команду *доминанте.*

Лога перестал хмуриться.

— Хорошо! Если это единственный способ спасти ватаны, так и должно быть. Даже если...

Даже если мне придется худо, следовало понимать.

Все позавтракали в столовой, кроме Логи, который ел у себя за пультом. Несмотря на все усилия, он так и не сумел добиться от компьютера прямого ответа. Один из экранов показывал шахту с ватанами.

— Когда она опустеет, мы поймем, что их... больше нет.— Лога сверился с другим экраном.— Еще два поступили. Нет — уже три.

За невеселой трапезой, прерываемой лишь редкими угрюмыми замечаниями, Фрайгейт сказал:

— Нам надо обсудить одно важное дело.

Все молча посмотрели на него.

— Что мы будем делать, когда компьютер умрет? Лога не считает нас достаточно развитыми этически, чтобы позволить остать-

ся здесь. По его мнению, мы не способны работать над проектом. И он, по-моему, прав — я исключил бы разве одного Нура. Если Нур пройдет через верхний вход, Лога разрешит ему остаться.

— Я там уже прошел,— сказал мавр.

Все уставились на него.

— Когда? — спросил Фрайгейт.

— Этой ночью. Я решил, что если смогу оттуда выйти, то и вернуться сумею. И вернулся, хотя мне пришлось нелегко. Я не прошел сквозь поле запросто, как сделал бы этик.

— Твое счастье,— проворчал Бёртон.— Я приношу извинения за то, что называл суфи шарлатанами. Ну а мы, все остальные? Что, если нам не хочется возвращаться в долину? Но коли уж мы вернемся туда, мы скажем людям всю правду. Не все, конечно, нам поверят. Там немало еще христиан, мусульман и прочих, кто держится за старую веру. Да и многие шансеры, вероятно, останутся верны своим догмам.

— Это уж их забота,— сказал Нур.— Только я не хочу оставаться здесь. Я охотно вернусь в долину. У меня там еще много дел. Буду работать до самого «продвижения».

— «Продвижение» еще не означает, что ты окажешься у Творца за пазухой,— заметил Бёртон.— С научной точки зрения оно означает всего лишь, что приборы этиков больше не обнаруживают твой ватан.

— На все воля Аллаха.

Бёртон стал думать, не остаться ли ему здесь. Он получил бы такую власть, которой не имел никто на земле и очень мало кто в мире Реки.

Но для этого ему пришлось бы убрать Логу. Убить его или заключить в тюрьму. Поддержали бы его, Бёртона, остальные? Если нет, пришлось бы и их убрать. Он мог бы воскресить их потом в долине, куда они все равно собираются. Но он остался бы один. Алиса не пошла бы с ним. Хотя — почему один? Он мог бы воскресить в башне кого угодно — и мужчин, и женщин.

Бёртон содрогнулся. Наваждение пришло и миновало, будто кошмар. Он не хотел такой власти и не хотел чувствовать себя предателем. Кроме того, он ясно понимал, что ему такую власть доверить нельзя.

Ну а Лога? Разве он не предатель?

В каком-то смысле — да. Бёртон, однако, был согласен с ним в том, что кандидатам в долине нужно дать гораздо, гораздо больше времени, чем планировали другие этики. Бёртон чувствовал, что и ему самому придется очень кстати продление срока.

Он посмотрел на сидящих за столом. Не скрывают ли эти замкнутые лица такие же мысли? Не борется ли кто-то еще с искушением?

Надо будет последить за ними. Убедиться, что они не замышляют ничего предосудительного.

Бёртон выпил золотистого вина и сказал:

— Все ли согласны вернуться в долину? Поднимите, пожалуйста, руки.

Подняли все, кроме Тома Терпина. Остальные мрачно уставились на него. Он ухмыльнулся и тоже поднял руку.

— Уж больно здесь хорошо. Но нет, не хочу тут оставаться. Я бы не выдержал. Попросить, что ли, Логу — может, даст мне с собой рояль?

Алиса разразилась слезами.

— Все эти души! Я думала, что нашла ответ, но...

На стенном экране возник улыбающийся Лога.

— Идите все сюда! — со смехом крикнул он.— Доминанта сдалась, и я только что получил сообщение от другой половины. Алиса, ты была права! О, как права!

Все вбежали в контрольную комнату и столпились вокруг этика. На экране светилось последнее сообщение.

Все радостно завопили и стали обниматься, прыгать и плясать.

Но Лога потребовал внимания.

— Не забудьте, компьютер все еще в опасности! Но он разрешил мне сменить модуль. Я должен идти.

Вот будет насмешка судьбы, подумал Бёртон, если компьютер умрет, не дождавшись, когда Лога это сделает.

Но через десять минут перед ними, собравшимися в столовой, опять явился на экране веселый Лога.

— Дело сделано! Сделано! Я уже дал команду возобновить воскрешения.

Все снова принялись прыгать, кричать и обниматься. Терпин сел за рояль и заиграл «Сентлуисский рэг».

— Это была длинная, длинная Река, но мы прошли ее до конца! — кричала Алиса. Ее большие темные глаза светились, как

экраны, и все ее существо излучало радость. Никогда она еще не была так красива.

— Да,— сказал Бёртон, снова и снова целуя ее.— Нам придется вернуться на эту Реку, но это теперь не важно.

Как все странно и непредсказуемо! Этот мир спасли не вожди и государственные деятели, не мистики, не святые, не пророки и не мессии, не священные книги — его спасли эксцентричный интраверт, автор математических учебников и детских книжек, и вдохновившее его дитя.

Девочка, выросшая потом во взрослую мечтательницу Алису, вызвала к жизни поток чепухи, которая вовсе не была чепухой,— и это Алисино свойство, развиваясь по спирали, позволило ей сделать то, что не удалось другим, и спасти восемнадцать биллионов душ и целый мир в придачу.

Думая об этом, Бёртон случайно увидел, как Фрайгейт устремился к двери, описывая при этом круги и бормоча что-то несуразное. Потом, нахмурясь, повернул назад.

Бёртон отошел от Алисы и спросил его:

— Ты чего?

Фрайгейт перестал хмуриться и усмехнулся:

— Да ничего. Мне послышались шаги в коридоре. Выглянул, а там никого нет. Померещилось, наверное.

Боги мира Реки

Все племена Земли и их судьбы — в Твоих руках,
Их цвета кожи и многочисленные языки — Твои,
Мы же — горсть из тех многих, коих Ты,
великий Владыка хаоса, сделал разными.

Древний египетский гимн

Между прочим, ад больше половины рая.

Эдвин Арлингтон Робинсон.
Люк Хэвергол

Когда же Моисей ударил посохом в скалу, он забыл отступить с пути потока и потому едва не утонул в его водах.

Книга Зохар

Предисловие автора

Те из вас, кто еще не читал предыдущие тома сериала «Мир Реки» (а я имею в виду «В тела свои разбросанные вернитесь», «Волшебный корабль», «Темные замыслы» и «Магический лабиринт»), могут при желании воспользоваться их кратким изложением, приведенным в конце книги. Оно ознакомит вас с событиями и терминами, на которые ссылается данный текст. Я написал эту часть для того, чтобы избавиться от длинных повторений. К тому же многим читателям, вероятно, захочется освежить в памяти некоторые подробности и сюжетные линии.

В четвертом томе я назвал «Магический лабиринт» завершающей книгой сериала «Мир Реки». И хотя в этом не было никаких сомнений, мне почему-то захотелось оставить в последнем абзаце небольшую щелочку для продолжения. Очевидно, мое подсознание догадалось о том, что случится дальше, и оно (вот же черт!) заставило меня оставить маленькую лазейку для развития дальнейших событий. Через некоторое время после выхода в свет четвертой книги я задумался об огромных силах, которые попали в руки людей, пробравшихся в башню. Я представил себе, каким соблазном и испытанием могло стать обладание подобными силами. Кроме того, мне казалось (и об этом писали в своих письмах читатели), что истины, открытые в четвертой книге, могли оказаться не последними.

Мнения и выводы об экономике, идеологии и политике, взгляды на сексуальные и другие вопросы меняются от персонажа к персонажу. Они зависят от знаний и предрассудков действующих

© Перевод С. Трофимова, И. Васильевой.

лиц и не всегда совпадают с моими собственными. Я же убежден, что все расы имеют равный потенциал сознания и каждому народу присущ один и тот же спектр гениальности, посредственности и глупости. У меня нет сомнений, что все расы одинаково наделены добром и злом, любовью и ненавистью, святостью и грехом. Вот уже шестьдесят лет я пристально изучаю мир, читаю прессу и книги, и мне больше не надо доказывать, что человеческая жизнь всегда была жестокой и комически абсурдной. Тем не менее я уверен, что все мы достойны искупления.

Действующие лица

Тридцать пять миллиардов людей из всех стран и исторических эпох Земли воскресли на берегах великой извилистой Реки, в честь которой был назван новый мир. Но вы можете вздохнуть с облегчением, потому что в этой истории будет задействовано лишь несколько персонажей.

Лога, внук царя Приама; родился в двенадцатом веке до нашей эры и погиб в четырехлетнем возрасте от руки греческого воина во время падения древней Трои. Воскрешен и воспитан в мире Садов внеземными негуманоидными существами. Став этиком и членом Совета Двенадцати, он занимался созданием мира Реки и воскрешением всех землян, которые умерли в период между 99 000 годом до нашей эры и 1983 годом после Рождества Христова. Позже, вступив в противоборство со своими коллегами и превратившись в отступника, он вовлек некоторых воскрешенных землян в заговор, целью которого было уничтожение других этиков и их агентов, а также изменение первоначального плана, уготованного для людей, возрожденных в мире Реки.

Ричард Фрэнсис Бёртон (1821–1890), англичанин; bete noire*, чья жизнь напоминала cause celebre**. Знаменитый исследователь, первооткрыватель озера Танганьика; первый европеец, который вошел в запретный эфиопский город Харар и при этом остался живым; прекрасный лингвист, антрополог, переводчик, поэт, писатель и один из величайших фехтовальщиков своего времени. Выдав себя за мусульманина, он посетил Мекку, а затем напи-

* Невыносимый человек *(фр.)*.
** Громкий судебный процесс *(фр.)*.

сал лучшую из книг, посвященных этому священному городу. Его перу принадлежит наиболее известный перевод «Тысячи и одной ночи», ссылки и примечания которого раскрывают многие эзотерические тайны африканской и азиатской жизни.

Алиса Плэзанс Лидделл Харгривз (1852–1934), англичанка; дочь Генри Джорджа Лидделла, вице-канцлера Оксфордского университета, настоятеля церкви Христа-Спасителя, домашнего капеллана принца-консорта* и, наконец, соавтора известной «Греко-английской лексики» Скотта–Лидделла, которая в наши дни считается классическим греко-английским словарем. В десятилетнем возрасте мисс Харгривз вдохновила Льюиса Кэрролла написать «Алису в Стране чудес» и стала прообразом главной героини.

Питер Джейрус Фрайгейт (1918–1983), американский писатель-фантаст.

Афра Бен (1640–1689), англичанка; во времена Чарльза II выполняла в Нидерландах тайные шпионские поручения; позже стала известной или, лучше сказать, скандальной писательницей новелл, поэм и пьес; первая женщина в Англии, зарабатывавшая на жизнь исключительно своими произведениями.

Нурэддин эль-Музафир (1164–1258), родился в мавританской Испании; умер в Багдаде. Неортодоксальный мусульманин; суфий, последователь мистической и тем не менее довольно реалистической дисциплины, которой придерживался Омар Хайям.

Жан Батист Антуан Марселин, барон *де Марбо* (1782–1854), француз; почти такого же небольшого роста, как и Нур, но очень сильный и подвижный человек. Сражаясь под началом Наполеона, он получил множество боевых ранений и показал себя отчаянным храбрецом. Его «Воспоминания жизни и походов» настолько очаровали Артура Конан Дойла, что, основываясь на подвигах де Марбо, тот написал несколько рассказов о бравом бригадире Жераре.

Том Мильен Терпин (1871–1922), черный американец; родился в Саванне, штат Джорджия; умер в Сент-Луисе. Считался очень талантливым пианистом. В 1897 году его «Гарлемский рэгтайм» стал первой изданной пьесой, написанной черным композитором. В свое время Терпин был негласным хозяином самого опасного района Сент-Луиса, который славился борделями, подпольными барами и притонами.

Ли По (710–762), родился в тюркско-китайской семье, далеко от родины предков; умер в Китае, заслужив славу одного из величайших поэтов; считался пьяницей и мастером боя на мечах, неутомимым любовником и бродягой. В «Магическом лабиринте» он действовал под псевдонимом Тай-Пен.

Звездная Ложка, современница Ли По; женщина, которой пришлось пережить много бед как в Китае, так и в мире Реки.

---

* Принц-консорт — супруг царствующей королевы. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Глава 1

Лога трескался, как яйцо.

В 10.02 изображение этика появилось на больших настенных экранах в комнатах его восьми гостей. Видеокамера находилась где-то под потолком, и они видели Логу только от голого пупка и выше — вплоть до точки в нескольких дюймах над его головой. Края стола почти совмещались с боковыми гранями экрана, поэтому за фигурой просматривались лишь узкие полоски пола и небольшая часть задней стены.

Лога походил на рыжего зеленоглазого Будду, который, прожив десяток лет на фабрике мороженого, давно перестал сопротивляться притягательности этого сладкого продукта. И хотя он потерял за последние три недели около двадцати фунтов, его торс по-прежнему бугрился от излишков жировых отложений.

Тем не менее это был радостный Будда. Его лицо сияло от счастья, когда он обратился к своим гостям на эсперанто:

— Я только что сделал удивительное открытие! Оно решит проблему...— Лога замолчал и встревоженно посмотрел направо.— Извините. Кажется, я что-то услышал.

— Вы и Фрайгейт становитесь параноиками,— проворчал Бёртон.— Мы обыскали башню вдоль и поперек, и ни в одной из тридцати пяти тысяч семисот девяноста трех комнат...

Экраны мигнули. Фигура Логи дернулась, вытянулась в длину, а затем сжалась до карликовых размеров. Бёртон даже удивился. До сих пор он еще ни разу не замечал на экранах каких-либо помех и искажений. Однако через пять секунд изображение вновь стало устойчивым и четким.

— Яас? — спросил Бёртон на языке этиков.— Чем вы так взволнованы?

Электронное изображение загадочно мигнуло.

Бёртон испугался. Он сжал руками подлокотники кресла, и их неподатливая прочность убедила его в реальности происходивших событий. Хотя то, что он видел на экране, казалось абсолютно невозможным.

По лицу Логи поползли зигзагообразные трещины. Они тянулись от уголков губ и, пересекая щеки, уходили в волосы. Черные глубокие изломы проникали сквозь кожу и плоть, обнажая полость рта и кости черепной коробки.

Бёртон вскочил с кресла.

— Лога! Что происходит?

Трещины побежали по шее, по плечам и рукам, по груди и выпиравшему животу. Кровь брызнула на стол и заструилась по лопавшейся коже.

А потом, по-прежнему улыбаясь, Лога начал разваливаться на куски. Он упал на бок справа от стула, и Бёртон услышал звук, будто разбилось стекло. Теперь на экране виднелась лишь рука Логи — вернее, несколько ее частей, похожих на бутылочные осколки с каплями вина. Плоть и кровь пузырились и с шипением превращались в прозрачные лужицы. Бёртон оцепенел от ужаса, но крик Логи заставил его вскочить с кресла.

— Ай цаб ю!

После крика послышался глухой удар, словно на пол упало тяжелое тело.

Бёртон активировал голосом другие видеокамеры, однако комната Логи оказалась пустой. У стола поблескивали красноватые лужи с останками этика. Англичанин судорожно вздохнул.

На стене засветились квадраты экранов, и на них появились изумленные лица остальных семи землян. Темные глаза побледневшей Алисы расширились от испуга.

— Дик? Неужели это кричал Лога? Мне показалось, что я узнала его голос!

— Ты и сама видела, что с ним произошло! — ответил Бёртон.— Как же он мог кричать? В то время Лога был уже мертв!

Все заговорили, перебивая друг друга, и потрясение оказалось настолько большим, что каждый перешел на свой родной язык. Даже невозмутимый Нур сбился на арабские фразы.

— Тихо! — рявкнул Бёртон, вскидывая вверх руки.

До него дошло, что он говорит по-английски. Но это не имело большого значения, поскольку его команду поняли все.

— Я знаю о происходящем не больше вашего. Однако ясно одно: кто-то пытается ввести нас в заблуждение. Предлагаю всем немедленно собраться у входа в апартаменты Логи. И прихватите с собой оружие!

Бёртон вытащил из шкафа два небольших лучемета. Еще час назад он мог бы поклясться, что они ему больше никогда не пригодятся. Каждый из лучеметов имел обычную пистолетную рукоятку и толстый ствол, на конце которого располагалась сфера размером с большое яблоко.

С экрана донесся голос Алисы:

— Неужели этот кошмар никогда не кончится?

— Кошмары долго не длятся,— ответил он.

Ее большие темные глаза затуманились, и на заостренном лице появилось отрешенное выражение, которое с некоторых пор выводило Бёртона из себя.

— Кончай, Алиса! — резко прикрикнул он.— Сейчас не время распускать нюни.

— Со мной все в порядке,— ответила она.— И ты это прекрасно знаешь.

— Я еще не встречал таких людей, у которых было бы все в порядке.

Бёртон направился к выходу, и сенсорные датчики, узнав его, мигнули зелеными огоньками. Тем не менее дверь оставалась закрытой до тех пор, пока он не произнес на классическом арабском языке особый пароль, означавший «Сезам, откройся!». Примерно в то же время Алиса в своей комнате шептала на английском:

— «"Кто ты?" — спросила гусеница».

Бёртон вышел в коридор, и дверь за ним бесшумно закрылась. Рядом находилось большое кресло из серого металла с мягкой обивкой алого цвета. Как только он опустился на сиденье, спинка плавно изменила форму в соответствии с контурами его тела. Бёртон ткнул пальцем в черный центр белого диска, расположенного на левом подлокотнике, и из такого же диска на правом подлокотнике появилась тонкая металлическая рукоятка. Едва он потянул ее на себя, как под массивным остовом вспыхнуло белое сияние. Кресло начало подниматься над полом и зависло на уровне двух футов. Легким движением управляющей рукоятки Бёртон развернул транспортное средство в противоположном направлении, а затем, меняя скорость нажатием на черное пятно левого диска, полетел вперед по длинному коридору.

Он быстро промчался мимо настенных анимационных картин и присоединился к своим коллегам, которые, ожидая его, парили над полом в летающих креслах. Бёртон возглавил отряд и, слегка замедлив скорость, влетел в огромную вертикальную шахту, входное отверстие которой находилось в конце коридора. С легкостью, выработанной в результате большой практики, он поднялся по пологой дуге на следующий уровень, вылетел в другой коридор и через сотню футов остановился у входа в жилище Логи. Мягко опустив кресло на пол, Бёртон встал и подошел к двери. Вскоре появились остальные. Встревоженно переговариваясь друг с другом, они неохотно покидали свои транспортные средства.

В трехстах футах от шахты коридор пересекался с другим проходом. На поверхности стен и на потолке располагались подвижные картины с имитацией трехмерного пространства. Над головой сияло безоблачное небо. Вдали темнела горная гряда. Джунгли на переднем плане расступались в стороны, и взору зрителей открывалась широкая прогалина, на которой находилась деревушка с дюжиной глиняных хижин. Около домов виднелись фигуры смуглых людей, одетых в просторные одежды, которые индусы носили около 500 года до нашей эры. Неподалеку под деревом сидел стройный юноша в набедренной повязке. Вокруг него собралась дюжина мужчин и женщин, которые с восторгом слушали речи об истинном просветлении. Эта сцена не являлась выдумкой и изображала реального исторического Будду. Фильм был отснят агентом этиков — одним из тех мужчин и женщин, которые сидели рядом с великим мудрецом. По всей вероятности, видеокамера и система звукозаписи маскировались под видом перстней или бус. И хотя беседа казалась едва различимым бормотанием, словесные команды зрителя могли не только сделать разговор слышимым, но и обеспечить перевод хиндустани на любой известный этикам язык.

По особой команде картина могла источать запахи, которые окружали агента во время съемок. Однако зрители обычно предпочитали обходиться без них и имели на то веские причины.

Прямо перед Бёртоном находился пенек, на котором был нарисован священный символ — зеленый глаз внутри бледно-желтой пирамиды. В оригинальном фильме этот символ отсутствовал; он лишь отмечал вход в апартаменты этика.

— Если Лога заменил пароль для запоров двери, мы просто зря теряем время,— сказал Фрайгейт.— Нам никогда не пробраться внутрь.

— Но кто-то же к нему вошел,— напомнил Бёртон.

— Возможно, вошел,— добавил Нур.

Бёртон громко произнес имя этика — так громко, словно хотел активировать открывающие механизмы силой своего голоса. На стене появилась круговая трещина, достигавшая в диаметре десяти футов. Выделенный круг слегка подался внутрь, потом закрутился колесом и вкатился в широкий паз. Фрагмент картины на нем, не теряя четкости изображения, вращался вместе с поверхностью двери.

— Значит, туда мог войти кто угодно! — вскричала Алиса.

— Какая фатальная небрежность,— согласился Бёртон.

Смуглый мавр поморщил длинный нос и назидательно сказал:

— Человек, проникший в жилище Логи, мог изменить пароль и перенастроить механизмы замка.

— Как же это ему удалось? — спросил Бёртон.— И для каких целей?

— А как и для каких целей делались все эти приборы?

Бёртон осторожно прошел в отверстие, и остальные последовали за ним. Комната представляла собой куб со стороной в сорок футов. Стена за столом сохраняла бледно-зеленую окраску, но на трех других мелькали сцены подвижных картин: на левой демонстрировалась планета, которую этики назвали Садами; на правой — один из тропических островов погибшей Земли; на передней стене бушевала гроза, снятая на пленку с большой высоты. Темные грозовые тучи клубились, как штормящее море. Стрелы молний беззвучно носились от облака к облаку и исчезали во мгле.

Посреди картины, совершенно неуместные на фоне молний и туч, мерцали экраны мониторов. Они по-прежнему показывали комнаты восьми землян. На паркетном полу и полированном столе виднелись красноватые лужицы и мокрые пятна.

Бёртон повернулся к Фрайгейту:

— Надо сделать анализ жидкости. Пусть компьютер определит состав.

Американец, недовольно фыркнув, направился к секретеру и начал искать какую-нибудь емкость, чтобы набрать немного

жидкости. Бёртон несколько раз обошел комнату по кругу, но не обнаружил ничего подозрительного. Его спутники проверили записи других видеокамер, однако тот, кто убил Логу, предусмотрительно отключил всю аппаратуру слежения.

Нур, Бен и Терпин приступили к осмотру ближайших помещений. Бёртон велел компьютеру показать эти комнаты на экранах. Там никого не было, но, поскольку трое его коллег направлялись туда на поиски улик, он хотел, чтобы они оставались под постоянным наблюдением. Убийца превратил Логу в жидкость, так почему бы ему не сделать то же самое и с остальными?

Бёртон остановился около лужицы на полу и макнул палец в жидкость. Осмотрев кончик пальца, он выпрямился и поднес руку к лицу.

— Неужели ты хочешь попробовать это на вкус? — спросила Алиса.

— Сказать по правде, не очень. В каком-то смысле Лога был довольно ядовитым существом. К тому же это может показаться разновидностью каннибализма... или христианского причастия.— Лизнув палец, он скривил губы и произнес: — Масса мессы обратно пропорциональна вере, возведенной в квадрат.

Его поступок не произвел на Алису большого впечатления — в этом мире ей довелось повидать и более омерзительные вещи. Тем не менее она поморщилась от отвращения, вызванного в основном его богохульными словами.

— На вкус как обычная человеческая кровь,— добавил Бёртон.

В комнату вошли Нур, Бен и Ли По.

— Мы никого не нашли,— сказал китаец.— Убийца исчез, словно призрак.

— Дик, а что именно прокричал напоследок Лога? — спросила Афра Бен.

— Вряд ли этот крик принадлежал ему. Ты же видела, как он трескался и плавился. Покойники обычно не кричат и ведут себя довольно тихо.

— Но я узнала его голос,— возразила Бен.— Ладно, давай не будем спорить. Мне просто хочется понять, что означает эта фраза?

— «Ай цаб ю». На языке этиков она означает: «Кто ты?»

— То же самое спросила и гусеница,— прошептала Алиса.

— На что Алиса в Стране чудес так и не нашла ответа,— произнес Бёртон.— Все это смахивает на сумасшествие.

Фрайгейт подозвал их к приборной консоли в углу комнаты.

— Я поместил образец в прорезь идентификатора и велел компьютеру опознать человека по этим останкам. Вот, смотрите сами. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году наши криминалисты могли определять только группу крови, но этики...

По требованию Фрайгейта все ответы компьютера выдавались на английском языке. На экране появилась надпись. «СУЩЕСТВО ОПОЗНАНО: ЛОГА».

Ниже приводились результаты анализа. Вещество, взятое на пробу, имело те же элементы, что и человеческая плоть. Все пропорции совпадали, и единственное отличие заключалось в том, что некогда плотное тело находилось теперь в жидком состоянии.

— Я думаю, нам не следует слепо доверять компьютеру,— произнес Нур.

Бёртон повернулся и посмотрел на него:

— Что ты этим хочешь сказать?

— В программу компьютера можно вносить изменения. Кто-то мог сфабриковать результаты анализа и подсунуть их нам как ответ машины.

— То есть ты подозреваешь, что это сделал сам Лога?

Нур пожал худощавыми плечами:

— Или Лога, или тот неизвестный нам человек, который находится в башне. Вспомни, что Питу послышался какой-то шум, когда мы праздновали нашу победу.

— Точно! — воскликнул Бёртон.— Шаги в коридоре! Но Фрайгейт сказал, что это ему только показалось!

— А если не показалось?

Необходимость в использовании консоли отпала. Диалог с главным компьютером можно было вести в любом месте башни, поэтому Бёртон задавал свои вопросы, стоя посреди комнаты. Часть стены перед ним превратилась в овальный экран, и бегущая строка сообщила, что никаких несанкционированных вторжений в жилище Лога не происходило. Это опровергало их предположение об изменении пароля и перепрограммировании дверного замка.

— В общем, я того же мнения,— сказал Бёртон.— Хотя наш предполагаемый незнакомец мог ввести в компьютер и этот ответ.

Но если он просчитал даже такой вопрос, тогда... о боже, мы получили большую проблему!

— Я надеялся, что все прояснится само собой,— бормотал Фрайгейт.— Я думал, все станет простым и логичным. Хотя кому, как не мне, знать, что так никогда не бывает.— Он замолчал, а затем тихо добавил: — Лога рассыпался на куски, словно Шалтай-Болтай. Но в отличие от него Шалтай-Болтай развалился на части уже после падения. И потом он превратился в воду, как злая ведьма Запада.

Бёртон, чья смерть приходилась на 1890 год, не понял последней ссылки. Ему захотелось задать американцу несколько вопросов, но он отложил их до более спокойных времен.

Алиса предложила вызвать робота-уборщика, чтобы привести помещение в порядок. Однако Бёртон, подумав немного, решил оставить комнату в том виде, в каком они ее нашли. Когда все вышли в коридор, он настроил механизмы замка на слово, известное лишь ему одному, и тщательно закрыл за собою дверь. Отныне, если бы она оказалась открытой...

«И что бы ты тогда делал? — спросил себя Бёртон.— В том-то и дело, что ничего!»

Тем не менее он знал бы, что сюда кто-то входил.

— Мы должны притвориться, что поверили ответам компьютера,— сказал Нур.

— Ты считаешь, что он выдает нам ложную информацию? — спросил Фрайгейт.

— Это вполне возможно.

— А что ты скажешь по поводу жидкости? — спросил его Бёртон.— Между прочим, у нее вкус настоящей крови.

— Жидкость могли синтезировать в конвертере как ложную улику. Что касается крика Логи, то это, скорее всего, запись, которую воспроизвели для того, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Но зачем тогда понадобилось убивать Логу в момент общей связи? — спросила Алиса.— Разве не логичнее было бы похитить его тайком? Мы бы подумали, что он просто покинул башню и улетел куда-то по своим делам.

— А с какой стати ему отсюда улетать? — вскричал Бёртон.

— Не забывайте, что послезавтра мы хотели вернуться в долину,— сказал Ли По.— Если Лога планировал избавиться от нас, то ему оставалось подождать лишь два дня. Нет, эта жидкость... и вся история... В башне есть кто-то еще.

— Значит, нас теперь здесь десять,— с усмешкой произнес Нур.

— Десять? — удивленно переспросил Бёртон.

— Считайте сами: мы плюс неизвестный, который расправился с Логой — хотя я не представляю, как он это сделал в одиночку,— плюс страх. Поэтому нас здесь по меньшей мере десять.

Глава 2

— В каком-то смысле мы сейчас как боги,— сказал Фрайгейт.

— Боги, заключенные в тюрьму,— ответил Бёртон.

Кем бы они себя ни считали, их унылые физиономии абсолютно не походили на счастливые и самодовольные лики богов. Осмотрев жилище Логи, отряд землян отправился на верхний этаж башни, где в огромном ангаре располагалась стоянка воздушного и космического транспорта этиков. Здесь находилось около двухсот самолетов и кораблей, каждый из которых мог бы доставить людей в любое место долины. Однако для взлета им требовалось раздвинуть створки огромного люка, а компьютер, несмотря на все их приказы, упорно отказывался выполнять эту команду. К сожалению, механизмы люка не имели ручного управления.

Таинственный Незнакомец, превративший Логу в жидкость, внес в программу компьютера серьезные изменения. И теперь он контролировал не только транспорт башни, но и все входы и выходы.

Отряд землян остановился в углу огромного ангара. Монотонный серый цвет потолка, пола и стен навевал невеселые мысли о тюремных камерах. Перед ними возвышались мощные машины, похожие на блюдца, сосиски и жуков. Они словно замерли в задумчивом молчании, тоскуя о полетах и синем небе. Им тоже хотелось на волю. Но вот только с кем?

У противоположной стены, в тысяче футов от них, стояло самое большое космическое судно. Максимальный диаметр сигарообразного пятисотфутового корпуса равнялся двум пятым его длины. Этот корабль использовался для полетов на планету Садов, куда, по словам Логи, надо было лететь около ста лет по земному времени. Этик рассказывал, что благодаря компьютерам и автоматизации кораблем мог управлять любой человек среднего уровня развития, с начальными знаниями в науке и технике.

— Итак, у нас возникли серьезные и неотложные проблемы,— произнес наконец Бёртон.— Мы должны выяснить, кто расправился с Логой, а затем отменить изменения, внесенные в программу главного компьютера.

— Все верно,— сказал Нур.— Но прежде чем мы займемся этими вопросами, нам не мешало бы узнать свои пределы в работе с искусственным мозгом. Когда воин готовится к бою, он оценивает свои сильные и слабые стороны с той же тщательностью, с какой женщина рассматривает в зеркале лицо. Поступая таким образом, мы одолеем не только силу врага, но и его слабости.

— Если только он наш враг,— добавил Фрайгейт.

Остальные посмотрели на него с удивлением.

— Он прав,— заступился за американца Нур.— Не надо мыслить старыми категориями. Пришла пора научиться новому подходу.

— Но кем же еще может быть этот незнакомец? — спросила Афра Бен.

— Не знаю,— ответил Фрайгейт.— После всех хитростей и уловок Логи я даже на сотую часть процента не уверен в том, что он действовал на благо людей и поступал с нами по-честному. Этот неизвестный нам человек... мог покончить с ним по вполне обоснованной причине. Хотя...

— Если ему мешал только Лога, то теперь незнакомцу не о чем беспокоиться,— сказал Бёртон.— Но тогда почему он скрывается от нас, как будто боится нашей мести? Неужели он не понимает, что на самом деле мы беспомощны, как дети? Нам доступна невероятная технология, однако мы не знаем даже доли своих возможностей.

— Это не совсем так,— возразил Нур.— К тому же Пит предлагает другой подход к оценке событий. Тем не менее его вариант до поры до времени бесполезен, и нам следует считать незнакомца своим врагом, пока мы не убедимся в обратном. У кого-нибудь есть другие предложения?

Все молча пожали плечами.

— Я целиком согласен с тем, о чем вы говорили,— произнес Том Терпин.— Однако мне кажется, что прежде мы должны защитить себя и создать надежную оборону, чтобы случай с Логой не повторился еще раз.

— Пожалуй, мы так и поступим,— сказал Бёртон.— Но если незнакомец может аннулировать любую нашу команду...

— Нам надо держаться вместе! — перебила его Алиса.— Восемь против одного — это реальная сила! Мы просто должны не упускать друг друга из виду!

— Возможно, ты права,— ответил Бёртон.— Во всяком случае, нам следует обсудить твое предложение. Но сначала я предлагаю покинуть это мрачное и унылое место. Давайте вернемся в мой кабинет.

Внутренняя дверь ангара открылась. Они вылетели в коридор и направились к ближайшей вертикальной шахте. Следующий уровень располагался в пятистах футах ниже, и Бёртон всю дорогу гадал о том, что могло находиться между двумя верхними этажами башни. В конце концов он решил спросить об этом у главного компьютера.

Открыв дверь своим паролем, Бёртон пригласил спутников в комнату и приступил к обязанностям хозяина. Часть стены скользнула в паз, и большой складной стол, спрятанный в нише, перенесся в центр зала. Столешница раскрылась в круг, ножки вытянулись и зафиксировались в нужном положении, а затем стол плавно опустился на пол. Восемь человек расставили вокруг него стулья, и Бёртон принес напитки, приготовленные конвертером, который преобразовывал энергию в любые материальные предметы. Чуть позже хозяин занял свое место, где мог бы сидеть король Артур, если бы этот круглый стол находился в тронном зале Камелота.

Бёртон отпил глоток черного кофе и сказал:

— Идея Алисы довольно хороша. Однако она предполагает, что мы все какое-то время будем жить в одном помещении. Причем это помещение не должно быть слишком большим. Я предлагаю перейти в тот многокомнатный номер, который находится около вертикальной шахты. В нем есть десять спален, лаборатория, компьютерный зал и большая столовая. Таким образом, мы можем работать, отдыхать и присматривать друг за другом.

— А заодно действовать друг другу на нервы,— добавил Фрайгейт.

— Жить так близко от женщин — это большое искушение,— сказал Ли По.— Я ведь могу и не удержаться.

— Мы все соскучились по своим подругам, кроме Марцелина и, возможно, Нура,— отозвался Терпин.— И знаете, парни, это действительно будет непростой и трудный период!

— Между прочим, Алиса в таком же положении,— сказала Афра Бен.— Ей тоже нужен мужчина.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать мои проблемы,— резко оборвала ее Алиса.

Бёртон постучал кулаком по столешнице и сердито прокричал:

— Давайте сначала о главном! — Когда наступила тишина, он тихо добавил: — Несмотря на все неудобства и стесненность, мы должны выступить общим фронтом и создать сплоченный отряд. Поэтому я предлагаю не тратить время на ерунду, а приступить к разработке конкретных действий. Мы пережили вместе много бед и испытаний. И наша команда не раз справлялась с серьезными затруднениями. К сожалению, среди нас недавно возникли некоторые трения, но мы должны переступить через свою гордость и амбиции, поскольку, сражаясь в одиночку, нам не выжить в битве с опытным и хитрым противником. Есть ли такие, кто против предложенного сотрудничества?

— Но ведь любой, кто будет настаивать на жизни порознь, тут же навлечет на себя всеобщее подозрение,— напомнил Нур.

Бёртон вновь ударил кулаком о стол, прерывая возникший ропот.

— Я понимаю, что никому из вас не нравится эта толчея в небольшом и закрытом пространстве. Однако мы терпели и худшее. Все зависит только от нас самих. Чем больше будет вклад каждого в общее дело, тем быстрее мы вернемся к своим личным интересам.

Алиса нахмурилась, и он понял, о чем она подумала. После их финального разрыва она избегала его общества, как только могла. И вот теперь...

— Считайте, что вас сажают в лучшую тюрьму, какая только есть в двух мирах,— пошутил Фрайгейт.

— Тюрьма всегда остается тюрьмой, какой бы хорошей она ни была,— ответил Терпин.— Слушай, Пит, а ты когда-нибудь сидел по-настоящему?

— Только один раз в жизни,— ответил Фрайгейт.— Да и то несерьезно.

Бёртон знал, что Питер говорил неправду. Фрайгейт оказывался в тюрьмах мира Реки несколько раз — включая мучительное рабство у Германа Геринга. Впрочем, он опять мог ссылаться на какую-то метафору, о которой Бёртон ничего не слышал. Фрай-

гейт был любителем метафор и веселых каламбуров — изворотливый остряк и милый лжец, который, оправдывая себя, обычно цитировал фразу Эмили Дикинсон: «Успех в потоке лжи». Хотя порою он говорил о себе как о «писаке, который за неимением нужных слов описывает реальность тем, что привычно умещается в руке».

— Ладно, капитан, что мы будем делать дальше? — спросил Фрайгейт.

Прежде всего они решили осмотреть свои новые апартаменты и перенести туда вещи, которые считали необходимыми. Чтобы не расходиться по одному, осмотр проводили вместе, по ходу дела выбирая себе спальные комнаты. Алиса облюбовала самую дальнюю от Бёртона комнату, и тот лишь свирепо усмехнулся, узнав, что рядом с ней поселится Питер Фрайгейт.

Американец никогда не скрывал своей влюбленности в Алису Плэзанс Лидделл Харгривз, и его безответное чувство считалось в их группе общеизвестным фактом. Между тем он влюбился в нее еще в 1964 году, когда, просматривая книгу о Льюисе Кэрролле, увидел две ее фотографии в возрасте десяти и восемнадцати лет. Позже Фрайгейт написал мистический рассказ «Валет червей», в котором тридцатилетняя Алиса изображалась в роли детектива-любителя. В 1983 году он организовал сбор публичных пожертвований для установления монумента на семейном кладбище Харгривзов в Линдхарсте, где находилась ее неприметная могила. Однако времена тогда были тяжелые, сбор дал лишь незначительную сумму, а потом Фрайгейт умер, так и не дождавшись завершения проекта. Тем не менее он надеялся, что теперь над могилой Алисы возвышалось мраморное изваяние, на котором она изображалась сидящей за чайным столом в одной компании с Мартовским Зайцем, Соней и Болванщиком. Выше ее светило только солнце и сияла улыбка Чеширского Кота.

Встреча с реальной Алисой еще больше разожгла его любовь, вопреки тому, что могли бы ожидать циники. Чувства, навеянные грезами, обрели телесную основу, но он и словом не обмолвился о своей страсти ни самой Алисе, ни Бёртону. Фрайгейт уважал и любил этих двух людей так сильно, что боялся необдуманным поступком бросить тень на их статус и честь. Тем более что Алиса не проявляла к нему ни малейшего расположения, хотя в принципе это ничего не значило, поскольку она в подобных

случаях предпочитала скрывать свои чувства. В ней уживались две противоречивые личности — Алиса на людях и Алиса в личной жизни. Возможно, существовала и третья персона, но о ней она ничего не знала и не желала знать.

Несмотря на тревогу, вызванную утренними событиями, они обустроились на новом месте еще за два часа до ленча. Решив не выдвигать из ниши приборную панель, Бёртон велел компьютеру воспроизвести экран и клавиатуру на голой стене. При желании он мог бы затребовать их на полу или на потолке, но это создало бы только дополнительные трудности. Кроме того, на полу лежал толстый ковер, который несведущий человек посчитал бы персидским или сирийским. Его смоделировали в мире Садов, после чего информационная копия была отправлена в башню, где главный компьютер воспроизвел оригинал в масс-энергетическом конвертере.

Экран возник на ближайшей стене — примерно на уровне лица. Если бы Бёртон ходил по комнате, изображение следовало бы за ним, перемещаясь на другие стены.

Назвав имя и идентификационный код Логи, Бёртон потребовал указать то место, где находилось живое тело этика. Компьютер тут же ответил, что его тело как таковое нигде не обнаружено.

— Значит, он все-таки умер! — прошептала Алиса.

— Где информационная копия, снятая с тела Логи? — спросил Бёртон.

Чтобы просканировать тридцать пять миллиардов записей, хранившихся в глубинах башни, компьютеру потребовалось всего лишь шесть секунд.

— Оно не обнаружено.

— О мой бог! — воскликнул Фрайгейт.— Неужели его запись стерли?

— Необязательно,— ответил Нур.— Компьютер мог дать нам такой ответ по указанию незнакомца.

Если мавр был прав, опрос компьютера не имел никакого смысла. Тем не менее Бёртон задал еще один вопрос:

— Кто-нибудь может приказать тебе не подчиняться последним приоритетным командам?

Нур засмеялся. Фрайгейт покачал головой и тихо произнес:

— Ну ты, парень, и даешь!

На экране появился ответ: «НЕТ».

— Я приказываю тебе считать все мои будущие команды приоритетными,— продолжал Бёртон.— С настоящего времени все предыдущие команды отменяются.

«ОТКАЗАНО. НЕФУНКЦИОНАЛЬНО».

— Кто имеет право на изменение директив и команд? — спросил Бёртон.

«ЛОГА. КГР-12У-373-Н».

— Но Лога мертв!

Надпись на экране не изменилась.

— Можешь ли ты подтвердить, что Лога мертв? — повторил Бёртон.

«ОТВЕТ ВНЕ ОБЛАСТИ ПАМЯТИ».

— Кто может командовать тобой во время отсутствия Логи?

На экране появились имена восьми людей и их идентификационные коды. Ниже каждого имени мигала надпись: «ДОСТУП ОГРАНИЧЕН».

— И насколько же нас ограничили?

Ответа не последовало, поэтому Бёртон сформулировал вопрос по-другому.

— Укажи пределы доступа для восьми операторов, список которых ты только что представил.

Экран потемнел и через шесть секунд заполнился перечнем команд, которые компьютер соглашался принимать от каждого из них. Мерцающие буквы оставались на стене около минуты. Через шестьдесят секунд новая страница текста сменилась следующей, и к тому времени, когда на экране появилась строка под номером 89, Бёртон понял, к чему привело его указание.

— Это может продолжаться часами,— сказал он остальным.— Машина выдает нам подробный список всех доступных команд.

Приказав остановить показ, Бёртон велел компьютеру отпечатать перечень в восьми экземплярах.

— Я даже не смею спрашивать о списке запретов. Боюсь, он может оказаться бесконечным.

Бёртон потребовал проверить все 35 793 помещения, и через пару минут компьютер доложил, что, кроме восьми землян, в башне не обнаружено ни одного живого существа. Как, впрочем, и мертвого тоже.

— Однако мы знаем, что Лога имел несколько тайных убежищ, не зарегистрированных в памяти компьютера,— задумчиво произнес Бёртон.— Он о них почти ничего не говорил, но одна из

этих комнат нам все же известна. Вот только где искать остальные?

— Ты думаешь, что незнакомец прячется в одной из них? — спросил Нур.

— Не знаю. Во всяком случае, это вполне возможно. Надо попробовать найти его тайные норы.

— Мы можем сравнить реальные размеры башни с теми параметрами, которые указаны на схемах,— сказал Фрайгейт.— Но, мой бог! Такая работа займет несколько месяцев, и комнаты могут оказаться настолько хитро запрятанными, что мы их все равно не найдем.

— Кроме того, это почти так же интересно, как очистка плевательниц,— добавил Терпин.

Устроившись на круглом стуле у большого пианино, он начал наигрывать «Рэгтайм ночных кошмаров». Бёртон подошел к нему и встал рядом.

— Нам очень нравится слушать твою игру,— сказал он, хотя на самом деле его раздражала музыка подобного типа.— Но сейчас мы обсуждаем жизненно важный вопрос в буквальном смысле этого слова. Теперь не время развлекаться и переключаться на что-то другое. Нам необходим ум каждого из нас. Иначе мы все можем погибнуть из-за того, что кто-то не принял участия в обсуждении.

Руки Тома продолжали бегать по клавишам, как два больших паука. Он взглянул на Бёртона, и его губы растянулись в улыбке. Долгое, утомительное и опасное путешествие уменьшило вес музыканта до ста семидесяти пяти фунтов. Однако, попав в башню, он упорно поглощал еду и спиртное, и теперь его лицо снова сияло, как полная луна. Большие зубы казались ослепительно белыми на фоне темной кожи, которая, кстати, выглядела немного светлее, чем у самого Бёртона. Темно-коричневые волосы не завивались маленькими кольцами, а ниспадали на плечи волнами. На Земле он мог бы сойти за белого, но вместо этого предпочел остаться в черном мире американских негров.

«Я простой ниггер, которого вы можете пнуть, когда захотите,— как он иногда шутил, говоря о себе.— И даже в Хорошей Книге сказано, что, если белая нога бьет по черной заднице, в этом нет никакого греха, ибо то творится лишь пользы ради».

После этого он обычно заливался веселым смехом, совершенно не заботясь о том, как относился к его словам собеседник.

— Мне показалось, что легкое музыкальное сопровождение лишь украсит ваши умные речи. Сам-то я не очень рассудителен.

— У тебя прекрасные мозги, и они нам могут здорово помочь,— ответил Бёртон.— Кроме того, в нашей маленькой армии на счету каждый солдат. Если мы начнем разбредаться по углам, игнорируя реальную опасность, наш отряд превратится в дезорганизованную толпу.

— А ты, значит, будешь нашим командиром, верно? — с усмешкой спросил Терпин.— Ладно, парень, ты меня убедил.

Резко оборвав мелодию, он убрал руки с клавиш и поднялся.

— Веди нас, славный Макдафф.

Подавив вспышку гнева, Бёртон отошел к столу. Терпин следовал за ним по пятам, вероятно строя за его спиной смешные гримасы. Как только Бёртон остановился у кресла, музыкант самодовольно занял свое место и с улыбкой уставился в потолок.

— Я предлагаю отложить обсуждение ситуации до того момента, когда мы все ознакомимся с содержанием списка,— произнес Бёртон, указывая на устройство, которое складывало и брошюровало листы, вылетавшие из прорези в стене.— Мы можем составить реальный план действий только после того, как поймем свои возможности и ограничения.

— На это уйдет немало времени,— сказал де Марбо.— Похоже, здесь даже не книга, а целая библиотека.

— Тем не менее нам придется с ней ознакомиться.

— Ты говоришь об ограничениях, и в этом есть резон,— произнес Нур.— Но даже при ограниченном доступе к компьютеру мы обладаем огромными силами, которые не снились величайшим королям Земли. Такие силы создают большие возможности, и потому их следует рассматривать как собственную слабость. Они будут подталкивать нас к злоупотреблениям и небрежности. И я молю Бога, чтобы нам хватило твердости противостоять их соблазнам.

— В каком-то смысле мы действительно подобны богам,— сказал мечтательно Бёртон.— Люди, наделенные божественными силами, или, вернее, полубоги.

— Полудурочные боги,— поправил его Фрайгейт.

Бёртон взглянул на него и с улыбкой сказал:

— Мы через многое прошли на Реке, и она молотила нас, как зерно, отсеивая мякину. Я надеюсь, нам удастся одолеть и это испытание. Хотя... поживем — увидим.

— Поэтому ищите врага не среди чужаков, а в самих себе,— подытожил Нур.

И смысл его слов был понятен каждому.

Глава 3

Древнегреческий философ Гераклит утверждал, что судьбу определяет характер.

Бёртон вспомнил об этом, расхаживая взад и вперед по своей спальне. Впрочем, Гераклит немного ошибался, поскольку, несмотря на бесспорное своеобразие, характер каждого человека формировался под влиянием окружения. Любое окружение тоже являлось уникальным, и каждое место во Вселенной по-своему отличалось от других. Более того, характер человека можно было рассматривать как часть среды его обитания. Таким образом, судьбы людей зависели не столько от их характера, сколько от частных возможностей и воздействий окружения, которое включало в себя и весь человеческий род. Эго человека содержало в себе память о каждом месте, в котором тот когда-либо обитал. В каком-то смысле эти воспоминания состояли из более плотной эктоплазмы, и поэтому именно они определяли направления и пути, по которым двигалось их передвижное обиталище, то есть человек, считавший себя независимым.

Еще один мудрец, на этот раз еврей, сказал: «Нет ничего нового под солнцем».

Древний проповедник никогда не слышал об эволюции и не знал, что под этим самым солнцем время от времени возникали все новые и новые виды. Кроме того, он не учитывал уникальности каждого новорожденного ребенка — существа доселе невиданного под солнцем и луной. Как и все мудрецы, проповедник говорил лишь полуистины.

И все же он сказал правду, заявив, что есть время для действия и время для бездействия. Хотя некоторые греческие философы не согласились бы с ним, настаивая на том, что бездействие уже само по себе является действием. Философские разногласия греков и евреев определялись их отношением к миру. Гераклита интересовала абстрактная этика, а проповедника — ее практическое приложение. Первого озадачивал вопрос «почему», второго — вопрос «как».

Бёртон решил, что в этом мире проще жить под лозунгом «как». Но для понимания всего потенциала человечества им требовалось исследовать «как» и «почему». Отбросив второе, они вели бы себя неверно и с первым.

Вместе с семью другими землянами он пробрался в башню, возведенную на полюсе посреди северного моря. Этот огромный водоем диаметром в шестьдесят миль окружала горная гряда, высота которой достигала двадцати тысяч футов. Великая Река, впадая в море, отдавала ему почти все свое тепло, а затем вытекала с другой стороны, чтобы вновь продолжить свой бег по планете. Густой туман, подобный мгле у входа в ад, скрывал башню до самой вершины, несмотря на то что она возносилась на десять миль от поверхности моря. Основание башни находилось ниже вод — глубоко под землей на уровне пяти-шести миль.

Центральная шахта башни вмещала в данный момент несколько миллиардов ватанов. Этот термин, обозначавший искусственные души, этики заимствовали у существ, которые исчезли миллионы лет назад. Неподалеку от башни, глубоко под землей, располагались огромные помещения, где хранились записи тел тридцати пяти миллиардов землян, которые жили между 100 000 годом до нашей эры и 1983 годом от Рождества Христова.

Когда в этом мире умирал кто-нибудь из людей, главный компьютер направлял соответствующую запись в конвертер, и тот воспроизводил воскрешенное тело на берегу Реки. Ватан, или невидимая синтетическая душа, которая содержала в себе все, что делало человека чувствующим существом, притягивалась к телу, как железо к магниту. В момент их соединения мужчина или женщина, умершие сутки назад, оживали.

Из тридцати пяти миллиардов людей Бёртон умирал, пожалуй, чаще всех. Как человек, переживший семьсот семьдесят семь смертей, он мог бы считать себя рекордсменом. Лишь несколько других отчаянных храбрецов вели на Земле и в мире Реки такую же активную жизнь, как он. Ему явно недоставало триумфов и сладких мгновений, но зато с избытком хватало неудач и тревог. И хотя он любил говорить, что плохого и хорошего случалось с ним поровну, книга его жизни писалась в основном красными чернилами, то есть цветом крови. Весы его судьбы все время склонялись в сторону бед, но, несмотря на это, он отказывался объявлять себя неудачником. Бёртон и сам не знал, что

заставляло его сражаться и цепляться за жизнь. Возможно, он все еще надеялся выправить судьбу и внести в нее провозглашенное равновесие.

А что потом?

Он даже представить не мог своего будущего. Однако это «что потом?» питало пламя его свечи.

И вот, после сотен воскрешений, подгоняемый силами, которые ускользали от его понимания, Бёртон оказался в огромной башне на вершине мира. Насколько он знал, это здание воздвигли для того, чтобы дать землянам какой-то шанс бессмертия — не физической вечности, а возвращения к Творцу или, вернее, растворения в том, что породило их сознание.

Создатель, если таковой действительно имелся, по каким-то причинам не наделил разумные существа бессмертными душами. На самом деле это понятие, которое так долго фигурировало в религиях, оставалось прекрасной мечтой, то есть желанным, но нереальным явлением. Однако разум превратил сказку в быль, и этики создали души. По правде говоря, Бёртон и другие земляне не возражали против их проекта. Людей возмущал лишь тот факт, что у них не спросили согласия. Этики никому не оставили выбора. Нравилось это человеку или нет, он все равно становился лазарем. Более того, ему никто не объяснял причин и способа воскрешения.

По словам Логи, им просто не хватило бы времени для таких предварительных бесед. Если бы, к примеру, тысяча их агентов тратили по часу на опрос тысячи человек, то на все мероприятие потребовалось бы тридцать пять миллиардов часов. При увеличении числа агентов до пятидесяти тысяч на подобные интервью ушло бы полмиллиона часов. Причем их людям пришлось бы работать по двадцать четыре часа в сутки примерно пятьдесят семь лет.

А что бы изменил подобный опрос? Почти ничего. От воскрешения отказалось бы максимум десять или двенадцать миллионов. Даже такой пессимист, как Сэм Клеменс, не задумываясь выбрал бы жизнь, несмотря на свои заверения, что он нуждается лишь в вечном покое и безмолвии смерти. Ему наверняка захотелось бы взглянуть на другую планету, условия которой отличались от земных, а сотня различных доводов заставила бы его изменить свои взгляды на тщетность и суетность существования.

То же самое касалось и всех других людей, которые по тем или иным причинам считали, что их жизнь на Земле была неудачной, жалкой и недостойной воспоминания.

— Нам приходилось рассматривать все человечество как однородную массу,— рассказывал Лога.— Иначе мы просто не управились бы с таким количеством людей. Тем не менее я настоял на нескольких исключениях, одним из которых стал ты. Много лет назад мы дали тебе возможность увидеть тела людей перед их воскрешением, и твой рассказ положил начало первому мифу в истории мира Реки. Чуть позже наш человек посетил канадца Ла Виро и поделился с ним сведениями, на основе которых возникла Церковь Второго Шанса. Ее миссионеры, распространяя учение, раскрывали людям некоторые истины относительно их нового положения. Они ставили акцент на этических причинах воскрешения в этом мире и утверждали, что только духовное и моральное развитие личности может привести человека к окончательной свободе и бессмертию.

— Почему же вы сами не сказали нам правду? — спросил его Бёртон.

И прежде чем Лога заговорил, он уже нашел ответ на свой вопрос.

— А-а, понимаю! По той же причине, по которой вы не могли провести предварительный опрос.

— Все верно. Но даже если бы мы появились в долине и рассказали вам об истинном положении дел, нам поверило бы только несколько процентов от общего числа людей. Более того, наши учения были бы извращены и по этой причине отвергнуты почти каждым человеком. Я не спорю, данный подход имел свои плюсы и минусы. Тем не менее мы считали его наилучшим, поскольку помнили об ошибках, совершенных нашими предшественниками во время таких же процедур на других планетах. Помимо прочего, в День Воскрешения нам пришлось бы говорить с землянами на сотне тысяч языков, но и тогда нас многие просто бы не поняли. Весть об истинном пути развития разошлась по миру Реки лишь после того, как Церковь Второго Шанса сделала эсперанто общим языком планеты.

— Я даже боюсь спрашивать о предыдущих проектах...— замялся Бёртон.— Но все-таки скажи, какой вы имели там процент «продвинувшихся».

— В мире Садов он составил три четверти от числа перенесенных туда людей,— ответил Лога.— Оставшуюся четверть... Одним словом, их записи были изъяты из памяти компьютера, когда отведенный им период подошел к концу.

— Они умерли или их убили? — спросил Бёртон.

— Многие из них действительно убили друг друга или покончили жизнь самоубийством.

— Многие, но не большинство. Я правильно тебя понял?

Лога пропустил это замечание мимо ушей.

— Всего в предыдущих проектах на стадию «продвижения» перешла одна шестнадцатая часть воскрешенных. Я имею в виду взрослых, а не детей. Каждый из этих проектов имел по крайней мере две фазы. Здесь мы оживили сначала тех, кто умер до тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Второй и заключительной фазой должна была стать работа с оставшейся частью человечества.

— Но после твоего вмешательства первая фаза растянется на более долгий срок, чем планировалось в начале эксперимента,— напомнил Бёртон.

— Мне кажется... Я уверен, что процент «продвинувшихся» будет намного выше, если воскрешенным дать больше времени. Я не мог примириться с духовной гибелью, на которую обрекались миллиарды претендентов, и, чтобы отсрочить их смерть, мне пришлось стать отступником и убийцей. Я предал своих товарищей, приговорив себя к тому, что уже никогда не буду «продвинувшимся». И моим единственным оправданием является тот факт, что я сделал это из любви к людям.

В физическое воскрешение верили и христиане и мусульмане. И вот оно действительно наступило. Однако замысел этиков больше соответствовал буддизму — они добивались слияния души с Всесущим Первоначалом.

Во время того разговора Лога уловил ход его мыслей и с улыбкой спросил:

— Скажи мне, Дик, только честно... Неужели ты действительно не веришь, что можешь стать «продвинувшимся»? Неужели надежды на это нет даже в самом сокровенном уголке твоего ума?

Бёртон с удивлением посмотрел на Логу и, помолчав, задумчиво ответил:

— Вера есть, но не в то, о чем ты говоришь. Я просто не могу принять такие вещи, как переход на новый уровень бытия. Кро-

ме того, нет никаких доказательств, что стадия «продвижения» существует.

— Она существует, Дик! Когда разумное существо умирает, достигнув особой стадии — давай назовем ее добротой, а не этическим совершенством,— наши приборы больше не воспринимают его ватан, или то, что вы считаете душой.

— Это означает только исчезновение ватана,— произнес Бёртон.— На самом деле ты не знаешь, что с ним происходит дальше.

— В конце концов мы снова возвращаемся к вере, не так ли? — с улыбкой спросил Лога.

— На Земле я часто видел, к чему приводит слепая вера, но это были в основном неприятные впечатления,— ответил Бёртон.— И вообще, почему бы нам не предположить, что ватан просто истощается? Каждая искусственная вещь имеет свой предел, и вряд ли ватан отличается в этом отношении от природных явлений. Кроме того, он может представлять собой какую-то особую и неизвестную нам форму материи. Почему же тогда не допустить, что ее видоизменение выходит за допустимые пределы вашей измерительной аппаратуры?

— Пойми, ватан действительно может переходить на другой уровень бытия! — настаивал Лога.— И он может сливаться с Неопознаваемым! Как, например, ты объяснишь, что ватан исчезает только тогда, когда его обладатель достигает высшей стадии этического продвижения? Почему остальные существа могут умирать хоть каждый день, а их ватаны всегда возвращаются в воскрешаемые тела?

— Здесь могут быть объяснения, о которых ты даже не подозреваешь.

— Сотни тысяч умов, более великих, чем наши, пытались найти другое объяснение! Но им не удалось этого сделать!

— Всегда может найтись умник, который сделает то, что не удалось другим.

— И все же тебе теперь придется полагаться на веру,— сказал Лога.

— Нет. Я буду полагаться на исторический опыт, логику и свои возможности.

Лога расстроился. Его глубокая вера в этический путь развития не допускала никаких сомнений, но он тревожился о том, что Бёртон может упустить свой шанс и не выйти на стадию «продвижения».

И вот теперь оказалось, что на эту стадию не вышел сам Лога. Его телесная матрица была уничтожена, и он потерял любую возможность добиться финальной цели. Хотя вся вина за такой печальный конец ложилась на него самого. Если бы Лога не менял сроки проекта, его жизни ничто бы не угрожало, а матрица, записанная в памяти компьютера, гарантировала бы ему дальнейшее продвижение к тому мистическому событию, которое называлось «Великим продвижением».

Незнакомец, осудивший Логу на смерть и забвение, мог оказаться этиком, который уцелел во время массового убийства, когда Лога расправлялся со своими коллегами. Но почему тогда этот праведный мститель по-прежнему скрывался от землян? Неужели он их боялся? Или просто выжидал благоприятный момент, чтобы перестрелять их поодиночке и отправить в долину, где они больше не будут мешать выполнению первоначального проекта?

При полном контроле над работой компьютера этот человек мог сделать с восемью землянами что угодно. Но возможно, его оборона имела какой-то изъян, о котором гости башни пока ничего не знали. Пока! И значит, незнакомец не будет рисковать. Он попытается избавиться от них как можно быстрее.

А что, если исчезновению Логи способствовал один из них? Или двое, что более возможно?

Едва Бёртон подумал об этом, как на экране появилось лицо Нура.

— Я хотел бы поговорить с тобой,— произнес мавр.

Бёртон велел компьютеру наладить двустороннюю связь и встревоженно спросил:

— Что случилось?

Зеленый тюрбан мавра свидетельствовал о том, что его владелец совершил паломничество в Мекку. Конечно, выбор цвета мог оказаться случайным, но Нур был не из тех людей, которые относились к таким вещам небрежно. Его длинные черные волосы ниспадали на худощавые коричневые плечи. На узком лице застыла напряженная улыбка.

— Как я и ожидал, программа воскрешения Моната, всех этиков и их агентов по-прежнему задерживается. Однако случилось нечто непредвиденное и важное!

Он замолчал и посмотрел на Бёртона.

— Так говори же! Не томи! — вскричал тот.

— Три недели назад Лога пообещал нам начать воскрешение восемнадцати миллиардов человек, чьи телесные матрицы дожидались этого. Мы все считали, что он действительно отдал такой приказ. Но это не так! По той или иной причине Лога изменил свое решение. Возможно, он хотел дождаться момента, когда мы покинем башню. В любом случае компьютер не воскресил еще ни одного человека.

На секунду Бёртон потерял дар речи. Оправившись от изумления, он быстро спросил:

— Сколько там этих телесных матриц?

— В данный момент восемнадцать миллиардов один миллион триста тридцать семь тысяч сто девяносто девять. Хотя нет... Теперь еще на восемь человек больше.

— Мне кажется, ты...

Как это часто случалось и прежде, Нур уловил его мысль с полуслова.

— Да. Я убежден, что главный компьютер находится в подчинении незнакомца. Именно он и возобновил задержку воскрешения.

— Подумать только! Еще три недели назад мы считали, что долгая и тяжелая битва подошла к концу. Но вот мечты рассеялись как дым. И с этих пор все наши проблемы могут иметь только личный характер.

Нур ничего не ответил.

— Ладно,— хрипло произнес Бёртон.— Прежде всего мы должны проверить друг друга на «детекторе лжи». Пока мы не убедимся в надежности каждого из нас, все предположения о существовании незнакомца будут, мягко говоря, необоснованными.

— Это не понравится нашим друзьям,— с усмешкой сказал Нур.

— Но такой шаг диктует логика!

— Людям не нравится логика, когда она беспокоит их и становится опасной,— ответил Нур.— Однако нашим друзьям придется подчиниться и согласиться на проверку. Они не захотят попасть под подозрение.

Глава 4

Если человек не лгал, а говорил только правду, тест давал положительный результат. Если же человек лгал даже для того, чтобы выразить истину, результаты были отрицательными.

Несмотря на различие ответов, все восемь доказали свою непричастность к исчезновению Логи.

Каждый из них по очереди входил в небольшую комнату с прозрачными стенами и отвечал на вопросы Бёртона или Нура. Электромагнитное поле, генерируемое внутри кубического помещения, выявляло ватан опрашиваемого человека, который крепился к макушке нитью алого света и парил над его головой. Сияющая сфера ватана раздувалась и сокращалась, вращалась, скручивалась в жгут и переливалась радугой ярких красок. Она сопутствовала телу с момента воскрешения и не оставляла его до самой смерти. Эта невидимая часть содержала в себе все, что делало человека чувствующим существом, дублируя содержание мыслей и наделяя разум тела так называемым самосознанием.

Бёртон проходил тест первым и, как ему казалось, правдиво отвечал на вопросы Нура.

— Ты родился в Англии в городе Торки девятнадцатого марта тысяча восемьсот двадцать первого года?

— Да,— ответил Бёртон, и в тот же миг компьютер сделал снимок его ватана.

— Когда и где ты умер в первый раз?

— Я умер в Триесте воскресным днем девятнадцатого октября тысяча восемьсот девяностого года. Эта часть Италии в ту пору принадлежала Австро-Венгерской империи.

Компьютер сделал еще один снимок и сравнил обе фотографии. Вся процедура проверки проходила так же, как много лет назад, когда Бёртона допрашивал Совет Двенадцати.

Нур взглянул на экран дисплея и сказал:

— Твой ответ подтверждает, что ты убежден в своих словах. Но как нам узнать, насколько он верен?

Здесь и коренился один из недостатков теста — если человек верил в правдивость своих слов, ватан указывал, что он говорил правду.

— Пока все точно,— произнес Фрайгейт.— Я читал биографию Дика, когда жил на Земле.

— Ты когда-нибудь обманывал других людей? — спросил Нур.

— Нет,— с усмешкой ответил Бёртон.

На поверхности ватана возникла черная извилистая полоса.

— Субъект говорит неправду,— сообщил Нур компьютеру.

На экране появилась надпись: «ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДТВЕРЖДАЮ».

— Ты когда-нибудь лгал другим людям? — еще раз спросил Нур.

— Да.

Черная полоса, похожая на молнию, исчезла.

— Это ты способствовал исчезновению Логи?

— Нет.

— Ты знал о том, что кто-то планирует уничтожить Логу?

— Я ничего об этом не знал.

— Пока твоя искренность не вызывает сомнений,— сказал Нур, взглянув на экран.— Ты догадываешься о том, кто мог убить Логу?

— Нет.

— Ты рад, что Лога исчез?

— Вот же дьявол! — воскликнул Бёртон.

Он мог видеть на экране изображение своего ватана. При последнем вопросе тот засиял оранжевым цветом, который на миг перекрыл все остальные оттенки.

— Ты не должен задавать такие вопросы! — сказала Афра Бен.

— Да, черт возьми, здесь ты перегибаешь палку! — возмущенно добавил Бёртон.— Нур, ты такой же негодяй, как и все другие суфии!

— Итак, ты рад исчезновению Логи,— спокойно констатировал Нур.— Я это подозревал. Но твои чувства разделяют многие. Когда мы поменяемся местами, ты смело можешь задать мне этот вопрос. Возможно, где-то глубоко в своем животном уме я тоже рад его смерти.

— Ты, наверное, хотел сказать, в подсознании,— шепотом поправил его Фрайгейт.

— Как его ни называй, суть одна и та же — животный ум.

— А я не понимаю, чему здесь можно радоваться,— сказала Алиса.

— Так уж и не понимаешь?! — язвительно вскричал Бёртон.

Алиса отшатнулась и поспешно отошла в сторону.

Доказав свою непричастность к убийству, Бёртон вышел из стеклянного куба и приступил к допросу Нура. Когда мавр очистил себя от подозрений, в комнату с прозрачными стенами вошла Алиса. Бёртон не осмелился спрашивать ее о чувствах, вызванных смертью Логи. Но он сомневался, что гибель этика доставила ей какую-то радость. Скорее всего, она еще не задумывалась

об огромных возможностях, которые сулила им башня, иначе ей стало бы ясно, почему некоторые из ее спутников, к своему стыду, находились в приподнятом настроении.

Когда остальные поочередно ответили на предложенные вопросы, Нур покачал головой и бесстрастно сказал:

— Во время допроса Лога тоже прошел этот тест, хотя он лгал налево и направо, словно заправский дипломат. Возможно, один из нас знает, как управлять своим ватаном?

— Я в это не верю,— ответил Терпин.— Чтобы обмануть тестирующие устройства, необходимы навыки и знания, которых у нас нет. Нам не удалось изменить ни одной команды в компьютере. Так что уж тут говорить об управлении ватаном! Я думаю, мы просто теряем время, оскорбляя друг друга беспочвенными подозрениями.

— Если я тебя правильно понял, ты сетуешь на то, что мы недостаточно умны,— сказал Нур.— Однако это не совсем верно. Мы умны и сообразительны, но нам не хватает определенных знаний.

— Об этом я и говорил. Мы пока еще тут ничему не научились.

— Три недели — это большой срок,— произнес Бёртон.— За такое время усердный человек мог многое узнать от главного компьютера.

— Я не верю во всю эту чепуху,— ответил Терпин.— Компьютер не стал бы учить тому, как хитрить и переделывать команды Логи.

— Мы можем пройти сканирование наших мыслей за последние три недели,— сказал Фрайгейт.— Оно займет много времени, но, возможно, ответит на некоторые вопросы.

— Нет, я не согласна! – страстно возразила Алиса.— Это осквернение чувств, еще более мерзкое, чем изнасилование! Мне даже противно думать о таких вещах. И я не позволю рыться в своих мыслях!

— Мы понимаем ваши страхи,— сказал Нур.— Но...

Компьютер мог отобразить их воспоминания в виде непрерывного фильма, который прокручивался бы в обратном направлении вплоть до момента зачатия. Процесс имел некоторые ограничения, поскольку мысли воспроизводились на экране как неопределенные образы и символы. Кроме того, память вела селекцию

событий и часто исключала информацию, которую считала неважной для человека. Тем не менее такой пересмотр отражал почти все, что субъект проверки видел, говорил и слышал. При желании особые устройства передавали зрителю запахи, вкусовые и тактильные ощущения, а также эмоциональный настрой, который присутствовал в воспоминании.

— Я не хочу, чтобы вы рассматривали меня, сидящую на унитазе,— продолжала возражать Алиса.

— Никто из нас не хочет видеть там ни тебя, ни себя,— ответил Бёртон и смущенно засмеялся.

Его смех напоминал шлепанье камня, который прыгал по воде.

— Каждый из нас время от времени издает интимные и порою неприличные звуки, а некоторые, возможно, занимаются онанизмом от тоски. Я думаю, Марселин и Афра тоже будут против демонстрации их ратных подвигов в постели. Но нам и необязательно на все это смотреть. Мы прикажем компьютеру выбирать для просмотра только то, что нас интересует, а все остальное будет опущено как ненужный материал.

— Это пустая трата времени,— сказал Фрайгейт.— Судя по предыдущим действиям незнакомца, он наверняка предусмотрел сканирование воспоминаний.

— Я согласен с тобой,— ответил Бёртон,— хотя наши мнения редко совпадают. Тем не менее нам надо провести эту рутинную процедуру на тот случай, если убийца Логи понадеялся, что мы сочтем ее бесполезной.

— Он не стал бы так рисковать,— возразил Ли По.

— И все же я настаиваю на просмотре воспоминаний,— сурово произнес Бёртон.— Нам придется выполнить его, если мы не хотим и дальше подозревать друг друга.

— Никакое сканирование доверию не научит,— угрюмо проворчал Фрайгейт.— Впрочем, если это так необходимо...

Поначалу проверку решили проводить одновременно в восьми кубах. Однако возник вопрос: кто будет присматривать за каждым из них, чтобы предполагаемый злоумышленник не внес в компьютер очередные изменения и не скрыл факты, касавшиеся убийства Логи? Предложив поочередное тестирование, Бёртон первым прошел процедуру. Компьютеру понадобилось три часа, чтобы просканировать его воспоминания за последние три недели. На протяжении всей проверки экран оставался пустым.

Такой же результат показало сканирование и остальных семи землян. Последним кубическую комнату покинул Ли По. Поскольку проверка заняла двадцать пять часов, большинство ее участников успели выспаться и отдохнуть. Бёртон и Нур наблюдали за процедурой от начала до конца. Когда они решили отправиться спать, остальные уже вышли в общий зал. Прежде чем удалиться в свою спальню, Бёртон сделал все возможное, чтобы предотвратить вторжение из коридора.

— Наш неизвестный противник может подобрать пароль и войти.

— Ты предлагаешь забаррикадировать дверь? — сладко зевая, спросил Фрайгейт.— Мы можем подпереть ее кроватью, а затем навалить сверху побольше мебели.

— Дверь открывается внутрь, поэтому идея с кроватью неплохая. Однако я планирую заказать у компьютера датчики и оборудовать входной проем тревожной сигнализацией.

Бёртон сделал заказ и через пять минут вытащил из конвертера дюжину небольших предметов. Прикрепив датчики к двери и косяку, он подключил к ним провода, потом отрегулировал диск на одном из приборов и отступил на несколько шагов.

— Вот! — сказал он, любуясь своей работой.— Любой, кто войдет сюда, запустит в действие чертовски громкую сирену. Надеюсь, я все подключил правильно, но нам не мешало бы ее испытать. Пит, ты можешь выйти наружу, закрыть за собой дверь, а потом вернуться обратно?

— Конечно могу. Главное, чтобы меня не утащил незнакомец, пока я буду стоять в коридоре.

Нажав кнопку, Бёртон отключил прибор. Фрайгейт произнес пароль и вышел, закрыв за собою дверь. Бёртон вновь нажал на кнопку и подкрутил регулятор громкости. Через несколько секунд дверь начала открываться. В тот же миг по комнате заметались ярко-оранжевые лучи, и тишину разорвал оглушительный вой. В зал вбежали Афра Бен и де Марбо. Том Терпин, который мирно доедал свой завтрак, выскочил из-за стола и что-то закричал, размахивая руками. Из его рта вылетали кусочки пищи, но слова тонули в душераздирающих переливах сирены. Выключив прибор, Бёртон услышал только завершение фразы:

— ...вашу мать, совсем сдурели?

— Рано или поздно, используя компьютер, наш противник узнал бы пароль для открытия двери,— объяснял Фрайгейту Бёртон.— Поэтому я заказал прибор, который мы можем програм-

мировать сами. При введении кода наши тела будут загораживать от видеокамер наборное устройство. Таким образом, компьютер не получит данных о выбранной комбинации, и незнакомец останется с носом.

— Великолепно,— сказал Фрайгейт.— Но наши спальные комнаты имеют звуконепроницаемую изоляцию. Как мы услышим оттуда сирену?

Пол, стены и потолки были пронизаны проводами и кабелями, большая часть которых обычно не использовалась. Бёртон мог приказать компьютеру произвести необходимую реконструкцию, чтобы звук сирены проникал во все комнаты. Однако это давало незнакомцу огромное преимущество. В один из дней он мог восстановить звукоизоляцию стен и захватить землян врасплох.

Бёртон тяжело вздохнул, и Фрайгейт попытался его немного успокоить:

— Мы затребуем аппаратуру, которая будет реагировать на передвижение протеиновых тел. Датчики можно установить в дверях наших спальных комнат, и в случае вторжения каждый из нас получит сигнал тревоги. Для большего удобства мы предусмотрим дистанционное управление и будем включать и выключать приборы не голосом, а жестами. Я хочу напомнить, что незнакомец может подслушивать нас через компьютер. И если это так, он наверняка сейчас слышит наш разговор. Хотя, насколько мне известно, для получения изображения ему требуются видеокамеры. Поэтому нам остается лишь покрыть линзы краской или обернуть их материей.

— Да, без видеокамер он ничего не увидит,— ответил Бёртон.— Но объективы могут оказаться такими крошечными, что мы их просто не заметим.

— Скорее всего, так оно и будет. Я почти ничего не знаю о науке этиков и не могу судить о возможностях незнакомца.

— Тогда мы будем считать, что он может наблюдать за нами.

— А что, если нам установить в этой комнате небольшую палатку? Мы могли бы вести там переписку, скрывая от незнакомца свои замыслы. Или пусть компьютер сделает нам звуконепроницаемый куб! И даже пол пусть будет покрыт звукоизоляцией! Но тут тоже есть слабое звено. В стены могут быть внедрены передающие устройства, которые невозможно обнаружить при поверхностном осмотре. Между прочим, видеоаппаратура может находиться и в ткани палатки.

— Неужели мы так беззащитны? — сердито рявкнул Бёртон.

— Надо сделать все, что в наших силах. Возможно, этого будет достаточно.

— Ладно. Сигнализацию на двери мы все-таки оставим. Я запишу комбинацию на листке бумаги, и когда вы ее запомните, мы уничтожим запись.

— Бумагу надо уничтожить лучеметом,— подхватил его мысль Фрайгейт.— Если ее просто сжечь или разорвать на части, компьютер может отыскать куски и пепел среди мусора, а затем реконструировать комбинацию шифра.

Бёртон решил сделать особую накидку, которую следовало надевать каждому, кто набирал шифр. А чтобы на ней не оказалось микрообъективов, он предложил сшить ее из простыней.

— К сожалению, мы не можем полагаться на датчики биомассы,— добавил Бёртон.— Компьютер будет делать их под надзором незнакомца. И тот наверняка прикажет внедрить туда устройства отключения.

— Ты прав,— сказал Фрайгейт.— Но тогда он внедрит их и в твою сигнализацию на двери.

— Вот же черт! Значит, все, что нам дает компьютер, может в критический момент обернуться против нас?

— Еще как может! Включая и еду. Что, если незнакомец прикажет компьютеру подсыпать в нее яд?

— О боже! — воскликнул Бёртон.— Неужели нет никакого способа справиться с этим дьяволом?

Нур, который уже несколько минут слушал их разговор, с улыбкой похлопал его по плечу.

— Если бы незнакомец хотел нас убить, он сделал бы это давным-давно. Учитывая его мастерство в обращении с компьютером, я сначала думал, что он такой же этик, как и Лога. Но потом у меня появились сомнения. Почему он, например, не воскресил Моната и остальных обитателей башни? Любой этик посчитал бы это своим долгом. Приняв пассивную оборону, мы тем самым предоставили ему полную свободу, однако он и пальцем не пошевелил для того, чтобы вернуть проект в прежнее русло. Все это доказывает, что он...

Мавр замолчал, и Бёртон, подождав немного, нетерпеливо спросил:

— Так что же это доказывает? О чем ты нам хотел сказать?

— Разве стал бы какой-нибудь этик уничтожать телесную матрицу Логи? Определенно нет. Значит, мы имеем дело с таким же человеком, как вы и я. Если только...

— Что «только»?

— Терпение, мой друг. Мы не на конкурсе быстрых ответов. Я хотел сказать, что за всем этим может стоять сам Лога.

— Мы уже обсуждали такой вариант событий! — раздраженно проворчал Бёртон.— Зачем бы он стал затевать весь этот переполох?

Нур пожал худощавыми плечами и поднял вверх длинные ладони:

— Я не знаю. И вряд ли Лога стер бы из памяти компьютера всю информацию о своем теле.

— Он мог оборудовать в одной из потайных комнат персональную камеру воскрешения,— произнес Фрайгейт.

— Вот это я и хотел сказать,— ответил Нур.— Однако такое поведение Логи не поддается логическому объяснению. Кроме того, мне не дают покоя шаги, которые послышались Питу в коридоре. Кто мог проходить мимо той комнаты, где мы праздновали свою победу после починки компьютера? А вспомните, как забеспокоился Лога, когда Пит рассказал ему о шагах. Он выбежал в коридор, осмотрел все помещения и снизу доверху проверил вертикальную шахту. Вы сами видели, как он потом расспрашивал компьютер на своем языке. К сожалению, его речь была слишком быстрой, и мы не поняли сути вопросов.

— Чуть позже я спросил его, почему он так встревожился,— добавил Бёртон.— Лога ответил, что он просто хотел успокоить Фрайгейта. По его мнению, тяжелые испытания сделали Пита параноиком, и именно поэтому он услышал шаги, которых на самом деле не существовало. Одним словом, Лога свалил всю вину на Пита и сказал, что его подозрительность заразна.

— Да-да, кто бы говорил! — ответил Фрайгейт.— Я еще не видел большего параноика, чем Лога!

— В таком случае мы сражались не на той стороне,— спокойно заявил Нур.— Те, кто идет за безумцем, так же безрассудны, как и он. Впрочем, после драки кулаками не машут. Что мы будем делать в данный момент?

Саркастическое предложение Фрайгейта — навалить у двери баррикаду из мебели,— по сути, оказалось лучшим из возможных. Если бы они часто пользовались дверью, это стало бы досадным неудобством, но пока у них не было большого желания выходить из своего убежища.

Вскоре они избавились и от страха, что незнакомец отравил их воду или пищу. Получив упрощенные схемы конвертера, Фрайгейт и Нур приступили к их изучению. В принципе противник мог отключить от преобразователей электрическое питание и тем самым обречь землян на голодную смерть. Однако сама еда производилась в конвертере без использования программ, которые могли бы подвергаться изменению. Короче говоря, подсыпать яд в блюда было невозможно. Тем не менее вода для питья и ванных комнат поступала через трубы, проложенные в стенах. Это позволяло незнакомцу ввести в нее отравляющие и наркотические вещества.

Фрайгейт и Нур произвели реконструкцию систем водоснабжения, и теперь в качестве источника воды можно было использовать конвертеры в спальных комнатах. Компьютер без заминок выполнил заказ на поставку необходимого оборудования, и все восемь землян приняли участие в прокладке гибких труб. Советы компьютера и заказанные брошюры помогли разобраться в этом непривычном деле, и уже через несколько часов в их бачки и бокалы полилась вода, попадание яда в которую начисто исключалось.

— По-моему, мы начинаем впадать в детство,— сказал Ли По.— Эта глупая затея абсолютно бесполезна. Незнакомец может прижать нас к ногтю тысячью и одним способом.

— Тем не менее мы должны сделать все возможное, чтобы избежать его трюков,— ответил Нур.— Если только он их для нас готовит. И если он действительно существует.

Глава 5

— Пойду немного посплю,— сказал Бёртон.

— А я сначала поем,— ответил Нур.

Маленький мавр выглядел таким же свежим, как после восьми часов сна. К тому времени в большой комнате собрались все, кроме де Марбо и Бен. Бёртон поручил Нуру возведение баррикады, а сам, миновав небольшой коридор, вошел в свою комнату. Она состояла из трех обособленных частей: гостиной в двадцать четыре квадратных фута, роскошной спальни, совмещенной с кабинетом, и очень практичной душевой.

Вытащив из кобуры лучемет, Бёртон расстегнул пояс и снял алый килт, украшенный ярко-желтыми фигурами львов. Его но-

ги утопали в ковре, который не уступал по качеству лучшим персидским изделиям. Разноцветные узоры из трех сцепленных кругов создавали приятное и ненавязчивое сочетание. Стены имели светло-кремовый оттенок, но компьютер мог менять их цвет в соответствии с желанием жильца, а также воспроизводить и перемещать на основном фоне любые символы. Оформляя интерьер, Бёртон заказал себе несколько картин, которые выглядели полотнами великих мастеров и совпадали с подлинниками вплоть до молекулярного уровня. Во всяком случае, ни один искусствовед не отличил бы копии от оригиналов.

Немного поворочавшись в постели, Бёртон уснул. Когда он открыл глаза, в его затуманенном мозгу остались лишь смутные обрывки ужасного кошмара. Ему приснилась гиена в два человеческих роста, с огромными клыками, которые выглядели как стальные изогнутые сабли. Бёртон вспомнил, что сжимал в руке рапиру и отбивал атаки свирепого чудовища, а гиена хохотала ему в лицо, и в ее ухмылке он видел свою собственную усмешку.

— Что уж тут оправдываться,— прошептал он, опуская ноги на пол.— Эта гиена живет во мне, и она все чаще срывает с себя маску человека.

Он сам заправил постель, хотя такую работу мог сделать любой андроид. По общей договоренности люди решили не впускать в свое жилище протеиновых роботов. Эти безмозглые создания подчинялись указаниям компьютера, а значит, незнакомец мог использовать их как оружие против землян.

Потратив час на энергичную зарядку, Бёртон подошел к конвертеру и заказал себе завтрак. Через миг на подносе появились кофе из лучших зерен, когда-либо произраставших на Земле, вареные яйца от несушек-медалисток, фрукты, напоминавшие по вкусу мускусную дыню, и в меру прожаренный тост из кисло-сладкого хлеба, покрытый восхитительным маслом и джемом, от которого вкусовые пупырышки входили в экстаз.

Реконструкция водоснабжения почти на сто процентов уменьшала вероятность отравления, но не исключала ее полностью. По мнению Фрайгейта, им следовало ожидать неприятностей в самое ближайшее время — если только незнакомец действительно намеревался их убить. Подумав об этом, Бёртон тяжело вздохнул, а затем почистил зубы и принял холодный душ.

Открыв гардероб, он выбрал темно-зеленый килт и широкую накидку с рисунком двух желтых экзотических птиц. Активировав настенный экран, Бёртон осмотрел большую комнату. Ли По, Нур, Бен и Терпин сидели в креслах и изучали списки с перечнем доступных команд. Перед дверью громоздилась мебель, сваленная в кучу.

Бёртон вышел в зал и после приветствия спросил у Нура о тех, кто отсутствовал. Мавр ответил, что они время от времени выходили в зал, а теперь, вероятно, отдыхают. Бёртон устроился за пультом вспомогательного компьютера и активировал экраны Алисы, де Марбо и Фрайгейта. Сам он их видеть не мог, но этого пока и не требовалось. Все трое отозвались на его вызов и через несколько минут присоединились к остальным. Алиса появилась в алой китайской мантии, из-под каймы которой выглядывали загнутые носки зеленых парчовых туфель. Ее короткие темные волосы блестели, будто покрытые лаком. Из косметики она признавала только розовую губную помаду. Однако на этот раз ей пришлось припудрить лицо, чтобы скрыть темные пятна под глазами.

— Я плохо спала,— сказала она, усаживаясь в кресло.— Мне все время кажется, что за мной кто-то наблюдает. Я никак не могу успокоить себя и расслабиться.

— Будь андроиды под нашим контролем, мы могли бы заставить их оклеить спальни обоями,— произнес Фрайгейт.— Это блокировало бы видеокамеры, если только...

— Если... если...— заворчал Бёртон.— Меня уже тошнит от этих бесконечных «если». Я по горло сыт жизнью в клетке, которую приходится делить... Как только нам станут известны наши ограничения в работе с компьютером, мы устроим тотальную облаву. Я больше не хочу прятаться в этой норе, как кролик. Мы люди, а не кролики! И людей не держат взаперти, как индюшек!

— То кролики, то индюшки,— прошептал Фрайгейт.

Бёртон повернулся и сердито взглянул на него:

— Что ты, черт возьми, хотел этим сказать?

— Кролики и индюшки не имеют ни малейшего понятия о том, почему они оказались в клетке. Им и в голову не приходит, что их откармливают только для того, чтобы съесть. А ведь мы тоже не знаем, что хотел от нас Лога или что планирует сейчас тот, кто его убил. У кроликов и индюшек есть преимущество — они счастливы в своей наивности и глупости. А наша глупость ведет только к разочарованию и боли.

— Ладно, хватит плакаться,— сказал Нур.— Давайте вернемся к делу. На мой взгляд, этот перечень может оказаться непол-

ным. Я думаю, что здесь имелись команды, которые незнакомец по тем или иным причинам удалил из списка.

Наступило долгое молчание. Китаец встал, подошел к конвертеру и заказал себе огромный бокал ржаного виски. Бёртон поморщился, но ничего не сказал. Упреки ни к чему бы не привели, а неповиновение Ли По лишь подорвало бы его авторитет.

Пригубив напиток, китаец рыгнул в знак одобрения и вернулся к своему креслу.

— Мне нужна женщина! — заявил он.

Бёртон думал, что Алиса уже забыла о том, как краснеют. Но он оказался не прав.

— Ты опять начинаешь создавать проблемы,— заворчал англичанин.— Неужели нам сейчас надо все бросить и приступить к воскрешению женщин, которые умерили бы твой похотливый зуд?

Лицо Алисы покраснело. Афра Бен откинулась на спинку кресла и захохотала.

— Мы живем неестественной жизнью,— возразил Ли По.— Мой ян нуждается в инь.

Бёртон усмехнулся, вспомнив, что слово «ян» в западноафриканских языках означало «человеческие экскременты». Китаец нахмурился и спросил его о причинах усмешки. В ответ на объяснение Бёртона он хрипло рассмеялся и с вызовом сказал:

— Хорошо. Если тебя так позабавили мои сексуальные желания, то, возможно, и ты порадуешь меня небольшим поединком. Может быть, мы потренируемся часок-другой на саблях или рапирах?

— Я с радостью размял бы кости, но, к сожалению, ты пьян,— ответил Бёртон.— Это будет неравный поединок.

Ли По начал крикливо хвастаться, что победит Бёртона любым оружием, даже если напьется в два раза сильнее, чем теперь. Англичанин брезгливо отвернулся, и китаец, рухнув в кресло, заснул мертвецким сном. Чтобы избавить себя и других от его гнусавого храпа, Фрайгейт и Терпин потащили китайца в спальню. Им пришлось уложить его на полу в небольшом коридоре, поскольку дверь оказалась закрытой, а пароль мог произнести только обитатель комнаты.

— Еще пара дней в этой мышеловке, и мы все будем вести себя, как Ли По,— сказал Терпин, вернувшись в зал.

Он подошел к конвертеру и заказал себе высокий стакан джина с ломтиком лимона. Афра, которая уже держала в руках бокал, поднялась с кресла и сказала:

— Предлагаю тост за сумасшествие! Вы называете это место тюрьмой, но оно в тысячу раз лучше Ньюгейта*.— Она знала, о чем говорила, поскольку дважды отбывала там срок.

Взглянув на француза, Бен подмигнула ему, и барон с улыбкой кивнул ей в ответ. Она действительно могла чувствовать себя счастливой, имея такого любовника, как де Марбо. Ее окружала роскошь, о которой она даже понятия не имела на Земле. У Бен было все, за исключением свободы. Но, похоже, о свободе эта веселая и уживчивая дама пока не беспокоилась.

Огромные возможности, указанные в перечне команд, настолько очаровали некоторых землян, что они и думать забыли об опасности. Там, где им следовало искать ограничения, они видели только высоты власти. Бёртон понимал восторг и возбуждение своих друзей, но его беспокоило отсутствие интереса к тому, что могло поджидать их буквально за углом.

Очевидно, лишь Нур еще помнил о неизвестном враге. Остальные смеялись и радостно делились впечатлениями. При взгляде на их лица Бёртону захотелось дать им всем хорошего пинка. Вместо этого, пытаясь вывести коллег из мира прекрасных грез, он звонко хлопнул в ладоши.

— Довольно резвиться, господа. Мы с вами находимся в смертельной опасности. Сейчас не время думать о чем-то другом, кроме сражения с противником. После победы можете заниматься чем угодно. Но повторяю — лишь после победы! Контролируя главный компьютер, незнакомец имеет огромное преимущество. Однако, узнав, как использовать команды против нашего врага, мы можем превратить искусственный мозг в своего союзника. Позвольте напомнить, что компьютер состоит не только из огромной кучи протеина, сваленного на дне центральной шахты. Компьютер — это еще и башня, в глубинах которой мы обитаем. Протеиновый мозг выполняет роль распределителя, однако основная часть схемы располагается в перекрытиях пола, потолка и стен. Мы находимся в сердце и нервах врага. И теперь нам остается найти лишь способ, чтобы нанести удары по этим нер-

* Имеется в виду Ньюгейтская долговая тюрьма в окрестностях Лондона.

вам и сердцу. Или, наоборот, овладеть и воспользоваться ими как своим оружием.

— Чтобы брать быка за рога, нужен бык,— с усмешкой произнесла Алиса.— А мы пока даже не знаем, где находится этот пресловутый незнакомец.

— Если только он вообще не окажется мышью, которую мы с перепугу приняли за быка,— добавил Нур.

— Если... если...— передразнил его Бёртон.— Давайте наконец забудем об этих «если». И вообще, сколько можно болтать? Пора начинать действовать.

— Прекрасно,— ответил Нур.— Но каким образом? Все, о чем мы говорим или будем говорить, в конце концов дойдет до ушей незнакомца. Возможно, он следит за нами даже сейчас.

— А я сказал, хватит этих «если» и «возможно»! — взревел Бёртон.

— Нам не удастся отказаться от этих слов,— со смехом отозвался Фрайгейт.— Мы не можем изменить себя, потому что сошли здесь с ума. Я со сдвигом, и ты со сдвигом. Но так и должно быть, иначе бы мы не попали сюда.

— Что за бред ты несешь? — спросил Бёртон.

— Он цитирует беседу между Чеширским Котом и Алисой в Стране чудес,— ответила Алиса.

— Упоминание о невидимом быке напомнило мне улыбку Чеширского Кота,— сказал Фрайгейт.— В каком-то смысле наш незнакомец и является этой улыбкой.

— Хотел бы я посмотреть на вас всех в армии! — проворчал Бёртон и возмущенно махнул рукой.

Все замолчали. Но он знал, что это не продлится долго. Во всяком случае, не в этой компании.

— А ведь она нам может сейчас пригодиться,— произнес Фрайгейт.

— О чем ты говоришь?

— Об армии. Мы можем заказать у компьютера целую армию роботов и андроидов. Мы настроим их так, чтобы они не подчинялись командам Снарка, то есть нашего таинственного противника. Армия роботов будет защищать нас и охотиться за Снарком. Нам останется только произнести приказ, и они начнут хватать и убивать любого, кто не входит в нашу группу. Простая директива — кто не с нами, тот против нас. За пару дней андроиды и роботы сделают то, на что нам потребовались бы годы.

Бёртон с удивлением посмотрел на американца и покачал головой.

— Ты слишком долго писал — как ее там... научную фантастику. От нее у тебя прокисли мозги.

— Но аппаратура башни способна и не на такое! — вскричал Фрайгейт.— А чтобы победить врага, нам понадобится сила и мощь! Я знаю, мои слова могут показаться странными, но мы можем и должны создать себе армию — хотя бы численностью в сотню тысяч солдат!

Послышался смех. Фрайгейт обиженно усмехнулся и сказал:

— Я, между прочим, серьезно.

Он подошел к пульту компьютера и, нажав на несколько клавиш, произвел серию простых вычислений. На экране появилось число: 107 379.

— Я исхожу из расчета, что на каждую комнату нам потребуется по три андроида. Эту армию компьютер изготовит за несколько дней. Мы расставим роботов в помещениях и коридорах башни, и они будут наблюдать за теми местами, где могут оказаться тайники.

Нур с улыбкой похлопал его по плечу:

— О Пит! Я восхищаюсь твоей фантазией, но сожалею о том, что тебе недостает сдержанности и реального взгляда на вещи.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Фрайгейт.— Сдержанность хороша там, где она необходима. Разве не так? А что касается реальных взглядов, то армию можно сделать без особых проблем.

Компьютер мог изготовить и большее число солдат — с этим мавр не спорил. Но андроиды не имели разума, и каждое их действие требовалось программировать. По мнению Нура, армию пришлось бы разделить на маленькие отряды, чьи функции определялись бы отдельными программами. Для их управления понадобилось бы создать звено сержантов и офицеров, которые брали бы на себя инициативу в неучтенных ситуациях. Однако они тоже не знали бы, что им делать и следует ли что-то делать вообще.

— Кроме того, мы по-прежнему боялись бы за свою безопасность,— добавил Бёртон.— Если незнакомец может менять команды компьютера, то вряд ли мозг робота будет для него большим секретом. Почему бы ему, немного подумав, не повернуть твою армию против нас?

— Возможно, незнакомец уже думает над этим,— сказала Алиса.— Мне кажется, он наблюдает за каждым нашим шагом.

Она поежилась и испуганно осмотрелась по сторонам.

— У меня есть ответ на ваши возражения,— гордо произнес Фрайгейт.— Мы внесем изменения в невральную систему андроидов! Мы сделаем их частично механическими. То есть нам надо будет вставить в них механические устройства — типа наборной панели или клавиатуры,— чтобы роботы принимали наши команды только механическим образом.

Мы приступим к программированию солдат уже после того, как получим от компьютера необходимое оснащение. Это устранит любую возможность вмешательства, и Снарк лишится своего главного козыря. Хотя... Вот же черт! Он может ввести в тела андроидов особые нейронные устройства, которые будут отменять наши команды, набранные на клавиатуре.

— Хотите вы этого или нет, но нам надо признать, что мы находимся во власти этого Снарка,— сказал Нур.— Ему даже необязательно нападать на нас и подвергать себя риску. Отключив энергию от конвертеров, он мог бы уморить нас голодом. И если бы Снарк хотел нашей смерти, он давно бы покончил с каждым из нас. Тем не менее мы до сих пор живы. Следовательно, можно ожидать, что это продлится и впредь. Более того, ограничив в какой-то мере наши возможности, незнакомец оставил нам доступ к большинству программ. В их перечне есть даже то, что может ему навредить, хотя он мог просто не заметить эти команды. Возможно, тем самым Снарк показывает нам, как мало мы для него значим.

— Но зачем это ему понадобилось?

— Здесь мы можем только гадать,— подытожил Фрайгейт.— Все ответы у него, а он нам вряд ли их скажет.

— Согласен,— произнес Нур.— Но пока вы все спали, я велел компьютеру отобразить на схеме тайный вход, который Лога предусмотрел во время строительства башни. Я имею в виду ту лазейку, которой мы воспользовались, чтобы пробраться сюда. По каким-то причинам Снарк не позволил нам улететь в долину. Возможно, он вообще не хотел, чтобы мы покидали башню. Решив выяснить этот вопрос, я попросил компьютер открыть потайную дверь, но он отказался выполнить мою просьбу. Моя догадка оказалась верной, и по воле незнакомца мы стали пленниками башни.

Вероятно, он когда-нибудь сам захочет, чтобы мы ушли. Однако до той поры путь на волю останется закрытым. И все же эта огромная тюрьма предлагает нам больше сокровищ, чем Земля и долина, вместе взятые. Я говорю не столько о физических предметах, сколько о знании и морально-духовных ценностях. Очевидно, нас оставили здесь в качестве учеников, чтобы мы могли воспользоваться этим богатством. И вместо того чтобы строить вокруг себя баррикады, нам надо просто принять предложенный дар.

Тем не менее мы должны обрести полную свободу. Мы должны снять ограничения, которые внес в программу наш противник. К тому же ломать — не строить. А незнакомец — не Бог.

— То есть ты предлагаешь нам вернуться в свои жилища и на время забыть о существовании незнакомца? — спросил Бёртон.

— Да, пора перейти из этой маленькой тюрьмы в большую. Хотя Земля и мир Реки — тоже в своем роде тюрьмы. Странно, но, попадая в достаточно большое пространство, люди уже не считают себя пленниками. Иллюзия свободы затмевает им разум. Они не понимают, что свободным является только тот, кто знает о всех ограничениях и возможностях своей тюрьмы.

— Ох уж эта мудрость суфиев,— с презрительной усмешкой произнес Бёртон.— А тебе не кажется, что твое предложение выглядит немного нелепо? Сначала мы спрятались в нору, потом нам эта нора надоела, и тогда ты решил, что бояться некого и можно выползать наружу.

— Мы следовали своим инстинктам,— ответил Нур.— И это, конечно, плохо. Но нам хотелось найти место, где мы чувствовали бы себя защищенными. В тот момент нам казалось, что опасность действительно велика. Однако, успокоившись, мы сделали переоценку ситуации.

— Которая снова лишила нас покоя,— добавил англичанин.— Ладно, после твоих речей мне стало лучше, и я перестал считать себя пленником. Кроме того, меня уже тошнит от этой кучи у двери. Давайте расставим мебель по местам.

Он встал и направился к баррикаде.

— Прежде чем мы займемся этим, мне хотелось бы вам кое-что сказать,— произнес Фрайгейт.— Нур не единственный, кто вел опрос компьютера.

Бёртон остановился и повернулся к американцу.

— Как вы знаете, Лога приостановил воскрешение Моната,— продолжал тот,— и позже Снарк подтвердил его команду. Тем не

менее телесная запись Моната по-прежнему находится в памяти компьютера. Я попытался отыскать его ватан в шахте, но он, как оказалось, исчез. А вам известно, что это означает. Монат перешел на следующий этап и стал «продвинувшимся».

По щекам Бёртона покатились слезы, и внезапный порыв печали привел его в удивление. Только теперь он начал понимать, какие чувства испытывал к Монату.

Они встретились с ним после первого воскрешения, и с той поры этот странный на вид инопланетянин стал его спутником и верным другом. Он поражал Бёртона своей душевной добротой, своим состраданием и мудростью. Несмотря на нечеловеческий облик, он был в сотню раз человечнее других людей, и, наверное, поэтому Бёртон относился к нему как к отцу — вернее, как к мудрому учителю. Немудрено, что Монат достиг стадии «продвижения». Но отныне их пути разошлись навеки.

Так зачем эти слезы и грусть? Он должен радоваться успеху друга. Разбив оковы плоти, Монат превратился в вольный дух. Он обрел абсолютное счастье и свободу.

Чем же вызвано это чувство потери? Неужели где-то глубоко в подсознании ему все еще верилось, что, несмотря на команду Логи, Монат воскреснет и выручит их из беды? Неужели он надеялся, что его наставник выйдет из конвертера, как Иисус из могилы или король Артур из глубин холодного озера?

Какие нелепые мечты. И все же они жили в нем, ожидая своего часа, чтобы вырваться наружу.

Так уж случилось, что он не нашел в своем отце мудрого друга. Это место в его сердце занял Монат. И за все свои многие жизни Бёртон не встречал более верного и искреннего существа, чем этот пришелец из другого мира. Он был... как бы лучше сказать... непорочным. Довольно странное слово, но именно оно вдруг выпрыгнуло из его сознания.

В любом случае Монат навсегда покинул этот мир, и более никто не мог предъявить ему каких-либо претензий. Он достиг стадии «продвижения». Но что он там продолжал?

Пытаясь скрыть свои чувства, Бёртон подошел к куче мебели и начал отодвигать большой тяжелый стол. К тому времени, когда к нему присоединились остальные, его слезы уже успели высохнуть.

Открыв дверь, он сделал глубокий вдох. Воздух в коридоре был таким же, как и в их убежище, но свобода делала его слаще.

Глава 6

Неподалеку от их комнат находилось помещение с плавательным бассейном, длина которого составляла шестьдесят, а ширина — тридцать метров. При отсутствии людей здесь царила абсолютная темнота, но стоило хотя бы одному человеку войти под высокие своды, как инфракрасные датчики тут же включали освещение. Над головой возникало безоблачное голубое небо, и жаркое солнце в полуденном зените роняло лучи на лес, в оправе которого плавательный бассейн казался лесным озерком. Вдали виднелись заснеженные вершины гор. Иллюзия была настолько полной, что, даже стоя в дюйме от стены, человек воспринимал деревья как настоящие. Такими же реальными выглядели и птицы, которые летали среди ветвей, доставляя своим щебетом и свистом райское наслаждение. Иногда между деревьями пробегали кролик или лиса, а в полумраке чащи скользили силуэты пантеры или медведя.

Проточная вода сохраняла температуру шестьдесят восемь градусов по Фаренгейту. Дно бассейна плавно понижалось от одного конца к другому, и глубина доходила до двенадцати метров. Землянам нравилось это место. Они часто собирались здесь, чтобы поплавать после завтрака.

Бёртон изучал список доступных команд почти до одиннадцати утра. Войдя в огромное гулкое помещение, наполненное плеском воды и криками людей, он на секунду остановился у двери. В бассейне находились все, кроме Нура. Женщины были в бикини, мужчины — в плавках. На первый взгляд могло показаться, что они потеряли бдительность и не приняли никаких мер безопасности. Однако на краю бассейна лежали лучеметы, а на дне виднелось несколько лучевых винтовок, едва заметных на фоне красных, черных и зеленых извивов мозаичного пола.

Бёртон нырнул в воду, переплыл бассейн туда и обратно, затем сел на ступеньку лестницы и подождал немного, пока рядом с ним не оказался де Марбо. Он окликнул его, и француз подплыл ближе. Пригладив мокрые черные волосы, барон сморщил вздернутый нос и прищурил веселые синие глаза. Бёртон склонился к нему и прошептал:

— Я собираюсь совершить небольшой рейд по башне. Не хочешь присоединиться?

— Звучит привлекательно,— с улыбкой ответил де Марбо.— Надеешься застать этого Снарка врасплох?

— Вряд ли у меня это получится, но чем черт не шутит. Чтобы вынудить его к каким-то действиям, я придумал план с подсадными утками. И роли уток будем выполнять мы.

— Я к твоим услугам,— произнес француз, вылезая из бассейна.

При своих пяти футах пяти дюймах он оспаривал у Нура право считаться самым маленьким мужчиной в группе. Тем не менее Бёртон выбрал себе в спутники именно его. Француз отличался исключительной храбростью и имел огромный опыт в военных кампаниях. Под началом Наполеона он участвовал во всех великих битвах императора и, проведя несколько сотен дуэлей, получил семнадцать ранений. Его отважная жизнь настолько воодушевила Артура Конан Дойла, что тот написал серию рассказов, основанных на подвигах де Марбо. Барон прекрасно владел шпагой, отлично стрелял и обладал выдающимся хладнокровием.

Обсохнув под струями теплого воздуха, они сменили плавки на шорты и безрукавки. Бёртон вложил в кобуру лучемет и, подойдя к краю бассейна, известил Терпина о том, что они решили совершить небольшую вылазку.

— Когда планируешь вернуться? — с набитым ртом невнятно спросил негр, поедая фаршированную куропатку в черничном соусе.

— Около шести вечера.

— Может, вам лучше ежечасно выходить на связь?

— Я так не думаю,— тихо ответил Бёртон, взглянув на стену, будто та имела уши.— Незнакомец попытается вести за нами слежку. И мы не собираемся облегчать его задачу.

— Да-да, ты прав,— с улыбкой произнес Терпин.— Надеюсь, мы еще увидимся.

Он захохотал, и из его рта полетели кусочки мяса и хлеба. Бёртон неодобрительно покачал головой. Во время трудного и опасного перехода к северному морю негр значительно сбавил в весе. Теперь же он, казалось, вновь хотел стать таким, каким был на Земле,— толстяком, чей вес приближался к тремстам фунтам. Терпин ел беспрерывно, и его страсть к еде не уступала пьянству Ли По.

— Мы полетим наугад. У меня нет ни малейшей идеи, куда заведут нас поиски.

— Желаю удачи,— ответил Терпин.

Бёртон направился к двери и вдруг обнаружил, что француз куда-то пропал. Осмотревшись, он увидел его рядом с Афрой. Очевидно, барон объяснял ей причину намечавшейся отлучки, и, судя по их жестам, они уже о чем-то спорили, В отличие от остальных де Марбо повезло — он имел любовницу. Но это предполагало и некоторые неудобства. Ему приходилось отчитываться перед ней в свои делах, и теперь он отговаривал Афру лететь вместе с ними. В любое другое время Бёртон не возражал бы против ее компании. Она могла дать фору многим мужчинам в ловкости, храбрости и хладнокровии. Но в данный момент он не хотел брать с собой больше одного спутника.

Через минуту расстроенный барон присоединился к Бёртону.

— Она мне сказала довольно странную фразу,— печально поделился он.— Я никогда еще не слышал такого на английском. «Чтобы тебе всю жизнь трахаться с удирающей гусыней».— Внезапно он рассмеялся и спросил: — Забавно, правда? И разве такое можно сделать?

— Все зависит от синхронизации движений,— ухмыляясь, ответил Бёртон.

Они покинули бассейн, и дверь за ними закрылась. Шум и голоса исчезли. Огромный коридор наполнился безмолвием. Испуганное воображение рисовало за углом бесформенные фигуры, которые поджидали их, присев для быстрого и фатального прыжка.

Выполняя приказ Бёртона, маленький француз наполнил кармашки кресел силовыми батареями для лучеметов. Устроившись в своих летательных аппаратах, они поднялись в воздух, и Бёртон полетел к вертикальной шахте, которая находилась в конце коридора. Де Марбо держался в двенадцати футах позади него. С ловкостью, приобретенной за три недели практики, англичанин, немного притормозив, влетел в огромное отверстие и помчался вверх на следующий уровень.

Кресло вылетело из шахты на такой скорости, что Бёртон едва не задел головой потолок. Когда он снизился до безопасной высоты, его ноги заскользили в двенадцати дюймах от пола. С обеих сторон на стенах мелькали подвижные картины. Остановив кресло у пересечения коридоров, Бёртон предложил барону лететь вперед.

— Будем надеяться на твою интуицию.

Они осмотрели каждый коридор на этом этаже, но все двери оказались закрытыми. За одной из них мог скрываться Снарк. Хотя Бёртон не верил в такую возможность. Компьютер должен был предупредить незнакомца о вылазке двух людей, и тот наверняка удрал бы на другой этаж, если бы они начали приближаться к его убежищу. Скорее всего, за ними сейчас следила сотня видеокамер.

Прочесав все коридоры, де Марбо остановил свое кресло у вертикальной шахты.

— Восхитительно! — воскликнул он.— Ветер бьет в лицо, и кресло летит вперед мимо декораций! Пусть наша погоня далека от скачки на лошадях, но она имеет и некоторые преимущества. Ни одной лошади не удалось бы взобраться вверх по этой шахте.

Бёртон принял руководство на себя и поднялся на самый верхний этаж. В конце коридора располагался ангар, который они недавно посещали. Пролетев широкие ворота, оба землянина оказались на огромной стоянке, заполненной воздушными и космическими кораблями. Тщательный осмотр показал, что все они оставались на своих местах. Незнакомец по-прежнему находился в башне. Если только он не имел какого-то корабля, который размещался в потайном ангаре. Бёртон выругался и топнул ногой, поймав себя на вездесущем «если».

— Мы могли бы изъять из бортовых компьютеров навигационные карты,— сказал он,— и это помешало бы Снарку воспользоваться космическим кораблем. Но я уверен, что у каждого файла есть свой дубликат. Незнакомцу потребуется лишь запросить у компьютера новые копии.

— Ты думаешь, он воспользуется космическим кораблем?

— Не знаю. Но мне хотелось бы подпортить его планы и тем самым хоть немного расстроить Снарка.

— Укус москита.

— Да. Боюсь, это все, на что мы способны. Однако москит иногда может довести человека до смерти, заразив его малярией.

В его словах не было никакой бравады. Он действительно верил, что в обороне Снарка имелись слабые места — по крайней мере одна, пусть и небольшая, лазейка.

Вернувшись к вертикальной шахте, они спустились на следующий этаж и оказались в круглом зале, диаметр которого составлял сто пятьдесят, а высота — пятьсот футов. Сюда выходило две-

надцать прямоугольных дверей, которые располагались на равных расстояниях друг от друга. Судя по схеме компьютера, каждая из них служила входом в треугольное помещение, по форме напоминавшее кусок пирога. Высота этих гигантских комнат равнялась четыремстам одному футу, а длина достигала пяти целых четырех десятых мили. Острие заканчивалось дверью в стенах центрального круга.

Несколько дней назад, рассматривая схемы этажа, Бёртон пообещал себе выяснить назначение двенадцати помещений. В тот момент он был занят другими делами, а потом забыл поговорить с компьютером на эту тему. Теперь же, находясь рядом с огромными комнатами, он и сам мог узнать, что в них находилось.

В центре каждой двери изображался золотой символ, который указывал на то, что данная собственность принадлежала члену Совета Двенадцати. Знак на ближайшей двери состоял из двух горизонтальных полос, пересеченных двумя длинными вертикальными линиями. Бёртон знал, что это подобие двойного креста являлось символом Логи. Он произнес свой опознавательный код, и на двери засветился экран.

— Я хочу войти в комнату,— сказал Бёртон.— Для этого нужен пароль?

На экране возник ответ: «ДА».

— Какой пароль необходим для того, чтобы открыть дверь?

Он ожидал, что компьютер откажет ему в доступе к этой информации. Однако на экране появилась надпись: «ТАК ГОВОРИТ ЛОГА».

— Пока все достаточно просто,— прошептал де Марбо.

Кодовый замок мог быть настроен только на голос Логи. Тем не менее Бёртон, надеясь на лучшее, четко произнес фразу на языке этиков.

Дверь открылась. Они вошли в небольшую, хорошо освещенную комнату. У дальней стены виднелась маленькая транспортная платформа, к которой вела лестница, покрытая ковром. Бёртон и де Марбо поднялись на нее, и платформа плавно заскользила к большой прямоугольной двери. Створки входного проема разъехались в стороны; в тот же миг пространство перед ними озарилось мягким светом весеннего дня, и люди застыли в изумлении, не веря своим глазам.

Они находились в вершине треугольного сектора, но создавалось впечатление, что стены тянулись на несколько миль вправо

и влево. Вдали за полоской нарисованного леса просматривался горизонт. Но пространство перед ними было действительно огромным, и расстояние до дальней стороны равнялось пяти целым четырем десятым мили.

— Это маленький мир,— тихо сказал де Марбо.

— Не такой уж и маленький.

Большую часть площади занимал огромный, хорошо ухоженный парк с подстриженными газонами и тенистыми аллеями. Впереди, примерно в двух с половиной милях, возвышался высокий холм, на вершине которого находилось здание, сиявшее под лучами полуденного солнца. Вилла, скорее всего, существовала на самом деле, но иллюзия солнца, вне всяких сомнений, создавалась осветительной аппаратурой.

— Напоминает римский стиль,— произнес Бёртон, рассматривая здание.— Но я готов держать пари, что, подлетев поближе, мы увидели бы множество структурных различий.

Их летающие кресла без труда прошли бы через дверь, однако Бёртон решил не рисковать. Они вернулись в центральный зал и запросили у компьютера пароль на доступ в следующее помещение, которое принадлежало жене Логи. Передняя комната ничем не отличалась от первой. Но внутренний вид смутил обоих людей. Ландшафт этого маленького мира представлял собой огромный лабиринт — непонятную и запутанную композицию из больших и малых зеркал. Фигуры Бёртона и де Марбо отражались в них на всем обозримом пространстве. Свет, не имевший определенного источника, изливался отовсюду и фокусировался на далеком круге колонн, которые едва просматривались среди зеркал. Колонны тоже отражались, и оптическая система помещала крошечные фигуры людей внутрь странного и загадочного круга.

— И зачем все это нужно? — спросил де Марбо.

— Не знаю,— пожимая плечами, ответил Бёртон.— Когда-нибудь мы это выясним, но только не теперь.

Следующий маленький мир воспроизводил ландшафт арабской пустыни. Под жарким солнцем тянулась огромная песчаная равнина с вереницей каменистых прогалин и барханов. Сухой воздух обжигал легкие и не шел ни в какое сравнение с приятной атмосферой двух первых помещений. Вдали, на расстоянии трех миль, виднелся большой оазис. Из густой травы поднимались высокие пальмы, посреди которых в лучах утреннего солнца сияли

ручьи и голубое озеро. Неподалеку от двери на песке белели скелеты трех животных. Подойдя поближе, Бёртон определил, что один из черепов принадлежал африканскому льву.

— C'est remarquable!* — прошептал де Марбо, переходя от удивления на родной язык.— Три разных мира — лилипутских, но вполне достаточных для каких-то особых целей. И все же у меня нет ни малейшего представления об их предназначении.

— Мне кажется, они задуманы для того... чтобы члены Совета могли проводить здесь время в уединении,— сказал Бёртон.— В некотором роде это места для отпусков и отдыха. Каждый из них оформил свой мир по собственному желанию, исходя из склонностей характера и навеянных грез. Они удалялись сюда для духовных и, конечно же, физических наслаждений.

Де Марбо захотел осмотреть остальные помещения, но Бёртон сказал, что им следовало бы продолжить свой рейд. Достопримечательности башни могли подождать, а вот с незнакомцем шутить не стоило. Барон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Бёртон оборвал его на полуслове:

— Да, я понимаю твои чувства. Но мне хочется как можно быстрее разведать обстановку. В принципе мы могли бы осмотреть всю башню, не выходя из своих комнат. Компьютер показал бы нам на экране любое помещение. Но я не уверен, что он давал бы полную информацию, и мы все время подозревали бы вмешательство и противодействие Снарка. Именно поэтому я и задумал наш рейд. Мы немного полетаем по этажам, составим общее представление о планировке башни, а позже перейдем к осмотру тех мест, которые заслуживают более пристального внимания.

— Ты меня не так понял,— ответил де Марбо.— Я просто хотел пожаловаться на свой желудок. Он, как мать-природа, не терпит пустоты и уже ворчит на меня от голода.

Они вернулись в центральную шахту, спустились на следующий этаж, пролетели по коридору до ближайшей двери и, открыв ее, вошли внутрь. В комнате у стены располагался небольшой конвертер. Де Марбо потребовал себе на ленч escargots bourguignonne**, французский хлеб и бокал белого вина. Через тридцать секунд перед ним появился поднос, на котором рядом с заказанным

* Потрясающе! *(фр.)*

** Улитки по-бургундски *(фр.)*.

блюдом находились серебряные столовые принадлежности, накрахмаленная салфетка и бокал. Когда аппетитный аромат достиг ноздрей барона, его голубые глаза расширились от восхищения.

— Sacré merde!* Я никогда еще не пробовал такой прекрасной пищи. От нее можно прийти в экстаз! Очевидно, этики использовали для своего эталона самое лучшее творение какого-то парижского повара. Ах, почему история не сохранила имени этого гения? Я воскресил бы его, чтобы поблагодарить за доставленное удовольствие!

— Да, еда у них отменная,— согласился Бёртон.— Вершина кулинарного искусства! Однажды для разнообразия я даже заказал себе плохо приготовленное блюдо. А ты не находишь всю эту изысканность немного утомительной?

— Я? О нет! — ответил де Марбо.

Взглянув на поднос Бёртона, он трагически закатил глаза. Выбор был действительно незатейливым — пахта с печеньем, пирог с бараниной в сметане и высокий бокал холодного пива.

— Варвар! Мне казалось, что тебе не нравится пиво.

— Я пью его лишь под ветчину и мясные пироги.

— De gustibus non disputandum**. Хотя такое мог сказать только идиот.

Бёртон произнес условную фразу; из стены выдвинулся стол, и они приступили к еде.

— Delicieux!*** — вскричал де Марбо и громко почмокал губами.

Еще три недели назад он выглядел как скелет, обтянутый кожей. Теперь же его лицо округлилось, как полная луна. На пояс нависали небольшие жировые складки.

— Надо будет попробовать glace de viande,— произнес он с набитым ртом.

— Прямо сейчас?

— Нет. Я не свинья. Немного позже. Вечером.

На десерт француз заказал суфле из инжира и стакан красного вина.

— Чудесно! Просто чудесно!

Они освежились под душем и вернулись в свои кресла.

* Вот же дерьмо! *(фр.)*

** О вкусах не спорят *(лат.)*.

*** Восхитительно! *(фр.)*

— После такого ленча нам следовало бы пройтись,— сказал Бёртон.

— Ничего страшного. Перед ужином поработаем с саблями, и все обойдется.

Глава 7

Они пролетали коридоры, свет в которых включался за несколько секунд до их появления. Инфракрасные датчики, установленные в стенах, реагировали на тепло человеческих тел и запускали в действие особые реле, которые включали свет перед ними и отключали его при пролете кресел. Между прочим, эта система могла выдать незнакомцу их маршрут. Ему оставалось лишь вывести на экран структурную схему башни, а затем отобразить на ней освещенные участки коридоров. Но Снарк не мог наблюдать за экранами все двадцать четыре часа в сутки. Ему требовалось время на сон, еду и удовлетворение естественных нужд. Хотя все тот же компьютер мог бы разбудить незнакомца в случае опасности, когда люди стали бы приближаться к его потаенной обители.

Спустившись по вертикальной шахте на один из нижних этажей, Бёртон и де Марбо остановились посреди коридора. Они вылезли из кресел и подошли к прозрачной выгнутой стене, которая окружала огромный колодец. Его верхняя часть оставалась пустой, но в паре сотен футов под ними сияла и переливалась красками феерическая иллюминация, в центре которой находилась текучая масса, состоящая из крохотных светил. Де Марбо достал из ящика на стене две пары темных очков и протянул одни своему спутнику. Бёртон надел их и в двенадцатый раз взглянул на самое великолепное зрелище, которое когда-либо видел. Под ним искрилось и блистало более восемнадцати миллиардов душ, собранных в одном месте.

Этики называли их ватанами — термином более точным, чем английское слово «душа». Каждый ватан являлся сущностью искусственного происхождения, которая притягивалась к своему физическому двойнику в момент зачатия, когда сперма и яйцеклетка объединялись и формировали зиготу человека. В течение всей жизни бессмертный ватан сохранял свою связь с homo sapiens и наделял того способностью самосознания.

Любой ватан оставался невидимым, пока не попадал в зону действия особой аппаратуры, которая в данном случае размещалась в поляризационном материале на стенках колодца. «Души» выглядели как разноцветные сияющие сферы, чьи протуберанцы вытягивались и сокращались, раскручивая внутренние ядра то в одну, то в другую сторону. Все это напоминало вихрь света, хотя на самом деле зрители видели не реальную картину, а лишь то, что мог охватить разум,— подобие истины, воспринятой их нервными системами.

Ватаны парили, кружились, изменяли цвета, просачивались друг в друга и срастались, образуя «сверхдушу», которая через несколько секунд рассыпалась на отдельные сферы.

Сохраняли ли они сознание, когда обретали свободу от физических тел? Могли ли они думать, паря и вращаясь в огненном вихре? Этого никто не знал. А воскрешенные люди ничего не помнили о том времени, когда их ватаны отсоединялись от макушек голов.

Де Марбо и Бёртон восхищенно смотрели на самое чудесное и неповторимое зрелище во всей Вселенной.

— Мне даже трудно представить, что я сотни раз участвовал в этом спектакле,— прошептал англичанин.

— Хорошо, что этики догадались их сделать,— добавил француз.— В противном случае наши тела стали бы прахом тысячелетий, а после гибели Земли превратились бы в космическую пыль.

Далеко внизу виднелась огромная темная масса, едва заметная в сияющем зареве ватанов. Она казалась бесформенной, но Лога уверял их, что это не так.

— Вы видите вершину гигантской массы организованного протеина,— объяснял он им суть вещей.— Это центральная часть нашего компьютера или, иными словами, живой, но не осознающий себя мозг, телом которого являются питающие камни, башня и камеры воскрешения.

Форма «мозга» не имела ничего общего с серым веществом, извлеченным из черепа человека.

— В какой-то мере он напоминает один из ваших готических соборов, с контрфорсами и шпилями, дверями и окнами, резьбой и декорациями внешнего оформления. Красивая вещь, на которую стоит взглянуть, поэтому обязательно полюбуйтесь им, если вам представится такой случай. Протеин находится в водном

растворе с большим содержанием сахара. Если удалить этот раствор, мозг разрушится и превратится в серую вязкую жидкость.

Несмотря на сияние ватанов, огромные размеры мозга впечатляли даже на таком расстоянии. Его вершина располагалась тремя милями ниже, и два человека видели лишь маленький кусочек купола. По словам Логи, мозг занимал широкую часть «колбы», а ее «горлышком» являлся колодец.

Ни французу, ни англичанину пока не доводилось спускаться на уровень, откуда они могли бы рассмотреть весь мозг. Но это не входило в планы Бёртона и теперь. Развернув кресло, он помчался на другую сторону башни и, влетев в шахту, на всей скорости понесся вниз. Де Марбо едва поспевал за ним.

Во время своего первого подъема по шахте Бёртон догадался посчитать этажи, которые они пролетали. Поэтому он знал, где находилась потайная комната Логи. Влетев в коридор, англичанин остановил кресло и подождал отставшего спутника. Француз, возбужденный быстрым полетом, весело прокричал:

— Что случилось, приятель? Потерял шпоры?

Бёртон покачал головой и приложил палец к губам. Он не видел линз видеокамер, но незнакомец мог предусмотреть особые способы наблюдения. И даже если он не следил за ними сейчас, компьютер наверняка записывал их действия для дальнейшего просмотра.

Они вошли в большую лабораторию, оборудованную странными и непонятными приборами. Среди консолей и пультов Бёртон увидел четыре огромных конвертера, чьи толстые стенки содержали все необходимые электрические цепи. Фактически нутро этих шкафов из них и состояло. Питание к преобразователям материи подавалось по оранжевым кабелям, которые стыковались со штекерами в нижней части шкафов. Два конвертера намертво крепились к полу, в то время как другая пара имела небольшие колеса и могла перемещаться по лаборатории. Бёртон и де Марбо попытались сдвинуть один из шкафов с места, но у них не хватило сил.

Англичанин поманил за собой француза и, сев в кресло, полетел по коридору к шахте. Когда они промчались мимо того места, где скрывалась потайная комната Логи, де Марбо удивленно взглянул на своего спутника, но воздержался от вопросов. Значительно позже, после того как они дюжину раз поднимались

и опускались по шахтам, носились по коридорам, выбранным наугад, и заглядывали в пустые залы и комнаты, барон уже не казался удивленным. Он выглядел усталым.

Тем не менее при возвращении на их этаж де Марбо вытащил из кармана кресла небольшой блокнот и что-то написал на листке. Бёртон взял записку и, почти прижимая ее к груди, прочитал следующую фразу: «Когда ты мне расскажешь о своем плане?»

Вытащив из встроенного пенала карандаш, Бёртон написал ответ: «Этим вечером».

Барон прочитал записку и с улыбкой прошептал:

— Значит, можно ожидать какого-то стоящего дела!

Он разорвал листок на мелкие клочки, положил их на пол и сжег огнем лучемета. После этого француз растер пепел ногой и, набрав в легкие побольше воздуха, сдул его остатки.

В тот же миг в стене открылся проем, и оттуда выкатилась цилиндрическая машина на колесах. Она без колебаний направилась к пятну золы, выдвигая из передней части суставчатую конечность, которая походила на совок. Машина обрызгала испачканное место особой жидкостью, и та, высохнув за несколько секунд, превратилась в множество крохотных шариков, которые «совок» втянул в себя, как пылесос. Через минуту машина вернулась в нишу, проем закрылся, а пятно на полу исчезло.

Решив еще раз посмотреть на работу автоматического уборщика, де Марбо плюнул на пол. Агрегат вновь выполз в коридор и, очистив ковер, начал возвращаться в свое логово. Француз пнул машину ногой. Та ускорила ход и невозмутимо исчезла в нише.

— По правде говоря, я предпочитаю роботов из протеина и костей,— сказал барон.— Эти механические штуки вызывают у меня дрожь и отвращение.

— А меня, наоборот, тревожат андроиды,— ответил Бёртон.

— А-а, понимаю! Чтобы сорвать гнев или выразить эмоции, иногда полезно пнуть кого-нибудь под зад. Если это обычный робот, ты считаешь, что тут нет ничего плохого, но, когда перед тобой андроид, тебе становится стыдно за свое желание. Несмотря на плоть и кровь, он всего лишь безмозглое существо, которое не имеет понятия об оскорблении и несправедливости. Ты знаешь, что он не ответит ударом на удар и даже не подумает о возмездии.

— Мне не нравятся их глаза,— сказал Бёртон.

Де Марбо засмеялся:

— Они выглядят такими же мертвыми, как глаза моих гусар в конце долгой кампании. Ты чувствуешь в них отсутствие жизни, которой на самом деле не существует. Андроиды абсолютно бестолковы, и, чтобы действовать, они используют лишь крохотную часть своих мозгов. Тем не менее можно говорить о том, что мы видим перед собой людей, а не машины.

— Ты прав,— ответил Бёртон.— Можно говорить о чем угодно и сколько угодно. Не хочешь присоединиться к остальным?

Француз посмотрел на часы:

— До ужина еще час. Возможно, я успею помириться с Аффой. Ты же знаешь, что мрачный сосед за столом портит не только настроение, но и аппетит. А для меня это самое страшное на свете.

— Скажи ей, что она тоже может поучаствовать в следующей фазе нашего плана. Я думаю, такое предложение улучшит настроение Афры. Только не говори ей о том, что мы делали, и постарайся обойтись без этого.— Бёртон указал на блокнот.

Де Марбо поморщился и кивнул.

— Наш надзиратель пойдет на все, чтобы узнать о твоем замысле,— произнес барон.— Но разве мы можем что-то от него скрыть? Едва ты бзднешь, как он уже об этом знает.

— Тогда мы заставим его наложить в свои штаны,— с усмешкой ответил Бёртон,— образно выражаясь.

По общему согласию каждый из восьми землян поочередно устраивал у себя прием гостей. Этим вечером ужин проходил у Алисы, и она встречала их в зеленом вечернем платье с глубоким декольте по моде 1890 года. Впрочем, Бёртон сомневался, что она надела и те бесчисленные нижние юбки, которые дамы носили во времена ее земной молодости. Алиса уже привыкла к удобным одеждам долины Реки — к широкому полотенцу, которое служило короткой юбкой, и легкому тонкому покрывалу, заменявшему бюстгальтер. Ее платье украшали драгоценности, воспроизведенные конвертером. В ушах поблескивали золотые серьги с жемчужными подвесками, а на руке виднелось золотое кольцо с большим изумрудом. Наряд завершали шелковые чулки, доходившие, вероятно, до колен, и элегантные зеленые туфли на высоких каблуках.

— Ты прекрасно выглядишь,— сказал он, склоняя голову и целуя ее руку.— Конец девятнадцатого века, верно? Год моей смер-

ти. Может быть, ты так тактично пытаешься намекнуть, что решила отметить это событие?

— Поверь, я не имела в виду ничего подобного,— ответила она.— И давай обойдемся сегодня без колкостей.

— Колкостей? — вклинился в разговор Фрайгейт.— Это слово вошло в обиход в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Год твоей смерти, не так ли, Алиса?

— Слава богу, первой и последней,— ответила она.— Но неужели нам обязательно говорить о таких вещах?

Фрайгейт склонился и поцеловал ее вытянутую руку.

— Мне ли спорить с тобой, Алиса? Скажи слово, и я отдам за тебя жизнь. Нет, лучше ничего не говори. Я и так весь в твоей власти.

— Ты сегодня очень галантен,— сказала она.— И очень настойчив.

— Вот настойчивости ему как раз и не хватает,— фыркнув, ответил Бёртон.— Кроме тех случаев, когда он пьян. Голландская отвага.

— In bourbono veritas*,— ответил американец.— Но ты ошибаешься, Дик. Я робок даже во хмелю. Не так ли, Алиса?

— Наша милая хозяйка — это замок на высоком холме,— пошутил Бёртон.— Вернее, мощная крепость, окруженная широким рвом. Поэтому не пытайся ее минировать. Бери штурмом!

Американец покраснел. Алиса, все еще улыбаясь, сказала:

— Прошу тебя, Дик. Не будь таким гадким.

— Хорошо, обещаю вести себя прилично,— ответил Бёртон.

Холодно кивнув, он направился к столу.

— О боже! Кто это?..

Стол накрывали два человека в ливреях слуг — хотя нет, два андроида. У одного из них было лицо Гладстона, у другого — Дизраэли.

— Дорогие гости! — сказала Алиса.— Сегодня вас будут обслуживать два премьер-министра Великобритании!

Бёртон резко развернулся на каблуках. Его лицо пылало от возмущения; брови сердито сошлись.

— Алиса! Мы ведь говорили об этой опасности! Снарк мог запрограммировать их на нападение!

Она спокойно встретила его вспышку гнева:

* Истина в бурбоне *(пародия на латынь)*.

— Да, мы говорили об этом. Но ты сам сказал, что Снарк может добраться до нас тысячью и одним способом. Если бы незнакомец хотел нашей смерти, мы бы давно уже были мертвы. Однако он не сделал нам еще ничего плохого. Я считаю, что в такой ситуации два андроида не изменят положения.

— Совершенно верно! — громко прокричал китаец.— Браво, Алиса! Прими мои поздравления! Это воистину решительный шаг! Я и сам имел кое-какие планы насчет андроидов. И осуществлю их сегодня вечером! О, что это будет за ночь! Ты больше не будешь мучиться, Ли По!

В глубине души Бёртон признавал правоту Алисы. Однако она не имела права поступать так без предварительного и общего одобрения всей восьмерки. По крайней мере, она могла бы посоветоваться с ним.

Возможно, если бы лидером группы был не он, а кто-то другой, Алиса так бы и поступила. Бёртону казалось, что она использовала каждую возможность, чтобы навредить ему и бросить вызов. За тихими и мягкими манерами скрывалась сильная и упрямая натура.

В комнату вошли де Марбо и Бен. Судя по их потным и покрасневшим лицам, они либо только что покинули постель, либо оборвали бурную ссору. При втором варианте им довольно хорошо удавалось скрывать свои чувства. Оба шутили, пощипывали друг друга и непринужденно улыбались.

Поприветствовав их, Бёртон отошел к столу, на котором вокруг чаши со льдом стояли бутылки и бокалы. Он отмахнулся от андроида с лицом Гладстона, когда тот приблизился к нему и предложил приготовить какой-нибудь напиток. Следовало признать, что, воссоздавая по памяти черты премьер-министра, Алиса сделала очень хорошую работу. И она могла это сделать, поскольку министр часто обедал в доме ее родителей. Впрочем, Алиса, скорее всего, поступила по-другому. Она могла отыскать фотографию Гладстона в файлах компьютера, после чего конвертер, получив исходные данные, за несколько секунд воспроизвел бы это живое, но безмозглое существо.

— О господи! — прошептал Бёртон.— Она скопировала даже голос.

Попробовав виски, он нашел напиток просто великолепным. Как видно, для образца использовался лучший продукт, когда-либо созданный на Земле.

Бёртон подошел к Нуру. Маленький иберийский мавр налил себе бокал светло-желтого вина, который, возможно, мог стать первым и последним за этот вечер. Заметив взгляд англичанина, Нур с улыбкой сказал:

— Пророк позволял любые алкогольные напитки, кроме финикового вина. Позже его ретивые и усердные ученики распространили этот запрет на все спиртное. Лично я не вижу для себя вреда в крепленых напитках и не желаю подчиняться предписаниям упрямых фундаменталистов. Мне нравится китайское вино. Кроме того, будь я даже горьким пьяницей, Аллах не наказал бы меня так, как мне уже удалось наказать самого себя. Что же касается Магомета, то где он теперь?

Они заговорили о Мекке, и в этот момент андроид, похожий на Дизраэли, объявил, что ужин подан. Поскольку утром каждый гость заказал Алисе свои любимые яства, меню уже находилось в памяти компьютера. За долю секунды большой конвертер выполнил заказ, и расторопные слуги расставили на столе аппетитные блюда. Перед Бёртоном появился овощной салат, осетрина по-московски и два пирога с ревенем. Напитки и вина подавались по мере надобности.

Чуть позже Бёртон, Бен, Фрайгейт и Ли По закурили кубинские сигары. Нур довольствовался тонкой ароматной сигаретой. Англичанин подошел к французу, но тот, замахав руками, отступил назад.

— Избавь мои драгоценные легкие от этой отвратительной отравы! — вскричал барон.

— Вдыхая ее, человек умирает счастливым,— с усмешкой ответил Бёртон.— Однако, как ты недавно говорил, non disputandum de gustibus. Как себя чувствует Афра? Ты сказал ей, что она может принять участие в предстоящей вылазке?

— Да, сказал,— ответил де Марбо.— К сожалению, все ее вопросы остались без ответов, так как я и сам не знаю, что это будет за вылазка.

Бёртон передал ему записку. Француз прочитал ее и с удивлением взглянул на своего собеседника:

— Что?..

Он замолчал, затем поднялся на цыпочки, и его губы коснулись уха Бёртона, который, в свою очередь, пригнулся к нему.

— Как я и говорил, мы готовы. Но... не мог бы ты намекнуть мне, что у тебя на уме?

— Лучше этого не делать.

— О-о! Как интригующе! — воскликнул де Марбо.— Возможно, твой план превзойдет все мои ожидания. Опасность, романтика и военная хитрость; открытая атака или внезапное окружение; угроза плена, неопределенность и сложная задача, требующая отваги, выдержки и стальных нервов.

— Можешь не волноваться,— ответил Бёртон.— Как раз все это нас и ожидает.

Глава 8

Примерно около часа ночи Бёртон припарковал свое кресло у апартаментов де Марбо и Бен. Как они и договаривались, барон оставил дверь открытой. Бёртон вошел в большую гостиную, в которой тут же вспыхнул свет, и, миновав небольшой коридор, постучал в дверь спальни. Оттуда раздался сиплый голос француза:

— Quelle?*

— C'est moi, naturellement**,— ответил Бёртон.

Через минуту, сонно потирая глаза, англичанка и француз вышли из спальни.

— Ты будешь должен мне шесть часов сна,— сказал де Марбо.— Кстати, у тебя есть чем оплатить этот долг?

— Конечно есть, дорогой барон. Шестью часами, потерянными мной. Но поскольку ты сам напросился на дело, я тебе ничего не должен.

Де Марбо успел надеть килт, но на Афре были только кружевные трусики и бюстгальтер.

— Эй, моя капусточка! Ты собираешься идти в бой в этом наряде?

— А что? — задорно ответила она.— Для полуночных встреч это самая подходящая амуниция.

Француз засмеялся, обнял ее и поцеловал в щеку.

— Ах, моя дикая английская розочка! Ты всегда такая неожиданная и восхитительная!

Однако она ввела его в заблуждение. Афра вернулась в спальню и вскоре вышла оттуда в короткой юбке, тонкой блузке и вы-

---

* Кто там? *(фр.)*

** Конечно же я *(фр.)*.

соких ботинках. К тому времени Бёртон вытащил из конвертера три большие кружки бразильского кофе. Глотая горячий напиток, он туманно и кратко намекнул своим друзьям на то, что им предстояло сделать.

— Сказать по правде, я ничего не понял,— признался де Марбо.— Но это хорошо, потому что тогда тебя не понял и наш враг — если он только наблюдает за нами. В каком-то смысле мы похожи на кота с колокольчиком на шее.

— Поэтому, прежде чем охотиться на Снарка, мы должны лишить его глаз и ушей,— ответил Бёртон.

Он улыбнулся, увидев, как взметнулись вверх брови де Марбо.

— Ага! — взревел француз.— Мои предчувствия сбываются! О господи! Я трепещу от возбуждения.

— Сначала нам придется потрудиться,— предупредил его Бёртон.— И прежде чем мы закончим эту работу, вы оба будете валиться с ног от усталости.

— Только не я! В былые дни меня называли человеком из железа! Что касается Афры, то она крепка, как платина, и в два раза дороже кучи бриллиантов ее веса.

— Между прочим, этот вес становится все больше и больше,— проворчала она, похлопав себя по бедрам.

Бёртон сделал нетерпеливый жест, и влюбленная пара последовала за ним в коридор. По пути они на всякий случай прихватили два лучемета и ножи. Когда Бен и де Марбо устроились в своих креслах, Бёртон махнул рукой, и их маленький отряд влетел в вертикальную шахту. Через несколько минут они уже мчались по коридорам этажа, который находился на одном уровне с поверхностью моря.

Вскоре Бёртон остановил кресло, и де Марбо, подлетев к нему, прошептал:

— Мы почти рядом с потайной комнатой Логи. Куда теперь?

Бёртон кивнул и указал на дверь ближайшего помещения — той самой лаборатории, которую они посещали днем. Афра осмотрелась и тихо сказала:

— Наверное, он сейчас удивляется, зачем мы сюда прилетели. Между прочим, я задаю себе тот же вопрос.

— Ричард — наш генерал,— ответил де Марбо,— и поэтому он не считает нужным объяснять нам, простым солдатам, свои мудрые планы. Это старая традиция настоящих полководцев.

Бёртон игнорировал их ироничные замечания. Подойдя к большому конвертеру, он заказал три стремянки, пятьсот распылителей с черной краской, дюжину мощных ламп и небольшой генератор воздуха, работающий на атомной батарее.

— Mon Dieu! — воскликнул де Марбо.— Он решил превратить нас в маляров! Что же тогда ожидать от него дальше?

Вытащив из раздаточной камеры первую партию деталей, Бёртон закрыл дверь конвертера, подождал несколько секунд и, повторив процедуру разгрузки, вывалил на пол остатки заказанного снаряжения. Покончив с этим, он велел своим помощникам приступить к приему распылителей, а сам начал собирать стремянки.

Барон приподнял брови и взглянул на Афру, словно спрашивая: «Что дальше?» Она пожала плечами и принялась за работу. Де Марбо последовал ее примеру. Чуть позже, пропотев до последней нитки, он вытащил очередную партию баллончиков и устало сказал:

— Эй, моя капусточка! Неужели мы должны оплачивать своим потом ту божественную еду и изысканные вина, которые нам посчастливилось отведать вечером?

— Да,— переведя дыхание, ответила она.— Ты заплатишь нам за все!

Афра выпрямилась и внимательно осмотрела стену.

— Снарк, как Бог, следит за каждым нашим шагом,— сказала она.— Ему известно все, что мы тут делаем. И я лишь надеюсь, что, подобно Всевышнему, он будет безразличен к нашим забавам.

— В отличие от Бога Снарк иногда должен спать,— возразил Бёртон.— Кроме того, он, как и все мы, ограничен своим телом. Его разум может быть великим, но это разум смертного, имеющий пределы.

— А возможно, его, как и Бога, просто не существует,— добавил де Марбо.

— Вполне вероятно,— ответил Бёртон.— Вот! Твоя стремянка готова.

— Почему ты не привлек к этой работе андроидов? — спросил француз.— Они красили бы стены, а мы наблюдали бы за ними, сидя в креслах, как и подобает хозяевам, за которых потеют рабы.

— Мне не хотелось рисковать,— ответил Бёртон.— Ладно, приступим к делу. Начинайте покраску с этого угла и следуйте к дальнему концу стены.

Он велел компьютеру определить, какое количество распылителей понадобится им для окраски всего помещения. Заказав в конвертере две тачки, Бёртон нагрузил одну из них баллончиками с краской и оставил ее около стремянок, с которых де Марбо и его леди красили потолок. Обеспечив коллег необходимым снаряжением, он запросил у компьютера двенадцать канистр с быстро твердеющим цементным раствором. Получив их в камере конвертера, Бёртон перенес канистры в коридор, вернулся к пульту и сделал заказ на партию кирпичей, количество которых он подсчитал заранее.

Де Марбо, наблюдая за ним, покачал головой:

— Он обещал кровавую схватку, но я уже ему почему-то не верю.

Прежде чем браться за дело, Бёртон решил открыть дверь в комнату Логи, хотя, будь она даже трижды закрытой, он все равно закончил бы первую часть своего проекта. Постучав по стене, англичанин громко сказал: «Ах-К'ак!», и круг двери бесшумно вкатился в паз стены. Бёртон полагал, что Снарк вмешается в ход операции, и поэтому для большей уверенности оставил кресло в отверстии. Теперь, если бы даже незнакомец захотел закупорить этот вход навсегда, дверь осталась бы открытой.

На старой и доброй Земле Бёртону доводилось заниматься многими делами. Однако кладка кирпичей в их число не входила. Тем не менее он часто наблюдал за арабскими рабочими, которые возводили кирпичные стены. В принципе ничего сложного в этом не было. Выбрав место в нескольких футах от двери в комнату Логи, Бёртон начал укладывать поперек коридора первый ряд. Раствор накрепко соединял кирпичи друг с другом. И к тому времени, когда он положил последний верхний ряд, построенная им стена превратилась в сплошной монолит.

Сделав лишь два небольших перерыва, чтобы попить воды, Бёртон замуровал коридор в этом месте снизу доверху и от стены до стены. Затем он подкатил тачку с кирпичами ко входу в лабораторию и принялся за возведение следующей перегородки.

Афра вышла в коридор и доложила, что они с бароном завершили окраску стен. С ее лица стекал пот, а одежду покрывали мокрые пятна. Бёртон последовал за ней в комнату.

— Сейчас проверим, что вы тут сделали,— сказал он, осматриваясь вокруг.— Мы должны быть абсолютно уверены, что каждый квадратный дюйм стен покрыт краской. Хорошо, теперь разберитесь с потолком и полом, а когда все закончите, сообщите мне.

Издав шутливый стон, француз передвинул стремянку в угол и вскарабкался на нее. Бёртон вернулся к кирпичной кладке. Работа шла споро, он укладывал ряд за рядом, и вскоре возведенная им стена перекрыла эту часть коридора. К тому времени, когда он клал последний кирпич, к нему подошел де Марбо.

— Все сделано, босс. Мы залили краской и пол, и стены, и потолок. Видеокамеры незнакомца обезврежены. Снарк может глазеть на пустые экраны, сколько хочет. Отныне твои замыслы будут загадкой не только для меня, но и для него тоже.

Бёртон вошел в лабораторию.

— Теперь надо покрасить окна на дверях конвертеров. Передвиньте всю мебель, которая двигается, и покройте краской те места, где она стояла.

— Под ними тоже? — спросил француз, указывая на два передвижных конвертера.

— Да.

— А как мы их столкнем с места? Возможно, я и похож на Самсона из Газы, но у меня нет его силы.

— Воспользуйтесь летающими креслами,— подсказал Бёртон.

Барон хлопнул себя ладонью по лбу:

— О господи! Какой же я тупой! Но это все оттого, что я не привык к лакейской работе! Она иссушила мой разум до последней капли!

— Не печалься,— сказал Бёртон.— Я уверен, что эта мысль пришла бы тебе в голову.

— Ты прав! Это не ратный труд,— ответил француз, словно его слова объясняли что-то.

Афра вышла в коридор вместе с Бёртоном и осмотрела построенные стены.

— А как мы отсюда улетим?

— Кирпичики обычные. Сделаны из глины.

Бен взглянула на него и указала пальцем на лучемет. Бёртон кивнул.

— После того как мы поймаем Снарка?

— Вряд ли.

Он посмотрел на часы:

— Нам еще многое надо сделать.

Афра вздохнула и покачала головой:

— Интересно, что же ты все-таки задумал?

— Ты все увидишь сама. Со временем.

Он установил стремянку, поднялся по ней к потолку и начал закрашивать верхний угол кирпичной стены. Закончив с этим делом, Бёртон покрыл краской пол и стены коридора, а затем заглянул в дверь лаборатории. К тому времени Бен и де Марбо отсоединили силовые кабели от двух передвижных конвертеров, сдвинули шкафы и закрасили пустые места на полу. Прислонившись спинами к стене, его помощники сидели рядом с кучей пустых баллончиков и пили воду. Афра курила сигару.

— Когда отдохнете, помогите мне докрасить коридор,— попросил Бёртон.

Де Марбо тут же поднялся на ноги. Увидев работу англичанина, он замер на месте, и его глаза расширились.

— Клянусь голубой кровью великих королей! Ты покрасил даже кирпичную стену!

— Да. Кирпичи сделаны из простой глины — я специально проверил это в самом начале. Но Снарк мог вставить в некоторые из них свою аппаратуру наблюдения. Поэтому я хочу увериться, что он нас больше не увидит.

— Просто невероятно! — сказал де Марбо.

— Мы не можем рисковать.

— Ох уж эти хитроумные британцы! Неудивительно, что мы проиграли вам войну.

Слова де Марбо следовало расценивать как комплимент. На самом деле он был искренне убежден, что к крушению империи привели ошибки и предательство корсиканских маршалов, которые окружали Наполеона. Если бы французскими войсками командовали честные и умные полководцы, империя никогда не знала бы поражений. То же самое, наверное, говорили и солдаты всех других армий, но, слушая доводы де Марбо, Бёртон обычно старался не упоминать об этом.

К пяти часам утра они покрасили коридор и комнату Логи. К тому времени прекратилась подача света и воздуха, которые прежде исходили из стен и крошечных вентиляционных отверстий. Бёртон предусмотрел такой вариант, заранее заказав мощные лампы и генератор воздуха.

— Voilà! C'est fini!* — воскликнул француз.

— Не совсем,— ответил Бёртон.— Теперь нам надо передвинуть один из конвертеров в потайную комнату.

Они сделали это с помощью летающего кресла. Бёртон, стоя рядом, управлял рычагами, а барон и Афра корректировали направление. Через десять минут вершина и бока конвертера со скрипом прошли сквозь круглое отверстие — в чем Бёртон и не сомневался, поскольку днем он предусмотрительно сравнил размеры шкафа и двери. Установив конвертер в потайной комнате, они подсоединили его к силовому кабелю.

— Дик, ты закрасил звуковые датчики, которые распознавали пароль на вход,— сказала Афра.— Что, если нам еще раз понадобится сюда войти? Или ты решил оставить эту дверь открытой?

— В случае необходимости краску можно легко соскрести,— ответил Бёртон.

Осмотрев стены, француз удовлетворенно потер ладони:

— Мы вывели из строя все линзы и микрофоны. Снарк больше не видит и не слышит нас. Может быть, теперь ты скажешь нам, что собираешься делать дальше?

Свет ламп отбрасывал на их лица густые тени, и те выглядели странными и застывшими, как маски. Маски утомленных, но решительных людей. Голубые глаза де Марбо и Бен, казалось, сияли собственным светом. Их воля не знала усталости.

— Силовой кабель конвертера подведен к основной сети питания,— объяснял им Бёртон.— Так как он не указан на схемах башни, любая мощность, потребляемая через него, не будет регистрироваться компьютером. Во всяком случае, пока Снарк не изменит программу. Таким образом, мы можем делать тут все, что угодно, а незнакомец ничего не будет знать. Но ведь он ожидает от нас какого-то подвоха. Возможно, он уже сейчас грызет ногти и гадает, чем мы тут занимаемся. В конце концов Снарк захочет взглянуть на все своими глазами. Он не выдержит и придет сюда.

— Не думаю,— возразила Афра.— Он может послать к нам андроидов.

---

* Вот и все кончено! *(фр.)*

— Не забывай, что человек любопытен, как обезьяна. Снарк сам захочет оценить серьезность наших намерений.

— Хм-м... Вполне возможно.

— Почему ты ничего не рассказал об этом остальным? — спросил де Марбо.

— Лишние слова часто мешают делу.

Француз взглянул на часы.

— Через два с половиной часа наши друзья встретятся за завтраком. В отличие от нас ты всегда участвовал в таких мероприятиях. Что, если они начнут тебя искать?

— Наши коллеги ворвутся в мое жилье, перевернут там все вверх дном и наконец поймут, что я куда-то исчез. Потом обнаружится и ваше исчезновение.

— Они подумают, что нас схватил Снарк! — воскликнула Афра.— Я представляю себе их чувства!

— Ничего страшного,— ответил Бёртон.— Это вытряхнет их из летаргической дремоты. По крайней мере, они не будут скучать.

— Довольно грубо с нашей стороны,— заметила Афра.

— И они начнут нас разыскивать,— произнес де Марбо.

— Да, найти нас будет непросто,— ответил Бёртон.— Учитывая, что им придется осмотреть тридцать пять тысяч семьсот девяносто три комнаты...

— Но они могут использовать компьютер,— прервал его барон.— Машина просканирует все помещения и, обнаружив затемненный участок, сообщит им...— Он замолчал, потер подбородок и с улыбкой закивал.— Теперь я все понял! Снарк не позволит этой информации попасть на экраны наших друзей.

— Если они воспользуются компьютером, ему придется както дезориентировать их,— согласился Бёртон.— Во всяком случае, я надеюсь, что они отвлекут его внимание на какое-то время.

— Да, но наши друзья сделали бы то же самое, попроси мы их об этом,— сказала Афра.— И они не волновались бы так о нас.

— Их тревога и недоумение пойдут нам только на пользу. Ложь легко определить, и они вряд ли ввели бы Снарка в заблуждение. Я уж не говорю о том, что он может пропустить их голоса через детектор эмоций и просканировать ватаны. Такая техника позволит ему уловить каждое неискреннее слово.

— Он прямо как Бог на Страшном суде,— проворчала Афра.

— Зря ты так думаешь,— отозвался Бёртон.— Снарк — не Бог. И вы еще увидите, какой мы нанесем ему урон.

— Черт возьми! — вскричал де Марбо.— А что, если он не придет? Что, если мы просидим здесь целый день, как крысы, попавшие в ловушку?

— Когда в твою ловушку попадает крыса, ты ее можешь видеть. А Снарк нас больше не видит и не слышит.

Они устроились у стены в самом темном углу. Теперь им оставалось только ждать, во всем полагаясь на свое терпение. В апартаментах Логи имелся туалет, и еще один находился в лаборатории. Предусмотрительный Бёртон подключил конвертер к небольшому автономному компьютеру, поэтому они могли заказывать себе не только пищу, но и любые другие вещи.

Настало семь часов. Их беседы стали редкими и немногословными. Свет ламп, глубокие тени и ожидание все больше и больше действовали на нервы. В семь тридцать Бёртон предложил своим спутникам позавтракать и выспаться на большой постели, пока он будет охранять их покой.

В восемь часов Бен и де Марбо согласились на его уговоры. Они заказали себе легкий завтрак и, поев, отправились спать. Перед уходом француз принес Бёртону поднос с едой и тихо сказал:

— Если хочешь, я останусь с тобой. В хорошей компании и время летит быстрее.

— Не беспокойся обо мне,— ответил Бёртон.— Вряд ли Снарк предпримет что-нибудь в ближайшие два-три часа.

— Ты слишком самоуверен. Незнакомец может придерживаться другого мнения.

— Ладно, будем надеяться на лучшее.

Англичанин занял позицию у входной двери. Чтобы отогнать сон, он шагал взад и вперед вдоль стены, размышляя над планом операции. Бёртон не знал, что могло произойти, и, наверное, это было его преимуществом. Тем не менее он готовил себя к любой неожиданности.

Возможно, он действовал глупо и недальновидно, но ему нравились поступки, а не сытое бездействие. В уме роились верткие вопросы, на которые Бёртон пытался найти один ответ. Что бы он делал на месте незнакомца? Неужели оставил бы трех своих врагов без наблюдения? А как же его человеческое любопытство?

Любопытство и страх? Разве он не гадал бы об их замыслах? Разве не запрашивал бы у компьютера список всего того, чем они могли навредить ему? Вернее, ему и башне?

Впрочем, нет. Снарк не стал бы запрашивать компьютер. Любая машина, даже самая умная, не имела творческого воображения. Информация на выходе никогда не превышала данных на входе. И на самом деле компьютер башни был глупее и слабее людей. Не всех, конечно, но многих.

«Ты слишком циничен,— сказал себе Бёртон.— Но разве это не так? Разве миллионы и миллиарды людей не являются копией протеиновых роботов? Они отличаются от них только тем, что могут чувствовать печаль, разочарование и горе, любовь, веселье и радость, амбиции, гнев или жалость... Хотя на жалость и сочувствие способны не многие. Да и воображение есть не у всех. Vive la difference!*»

Фрайгейт однажды сказал, что на звание людей могла претендовать лишь незначительная часть человечества. Желая остальным успеха, он не питал на их счет больших надежд. «И я первым согласен признать, что еще не дотягиваю до статуса человека».

Американец много говорил о принципах совершенства, но редко придерживался их сам. Нур тоже любил поболтать на такие темы и, надо признать, действительно следовал своей философии. А что он сам, Ричард Фрэнсис Бёртон?

Попробовав заняться самоанализом, он усмехнулся и покачал головой. Слишком огромными казались континенты и острова этой дикой Бёртонии, населенной легионами дьяволов.

— Есть только одно великое путешествие,— говорил Фрайгейт,— и оно является спуском в самого себя.

Он повторял мысль Генри Миллера, писателя из двадцатого века, который восхищал американских современников своим презрением к человеческим слабостям и недостаткам.

— Самая черная Африка, самый высокий Эверест и самая глубокая бездна Мирового океана находятся в нашем собственном уме. Так почему лишь немногие достигают этих высот и глубин?

— А почему рыбы, плавая в воде, не знают, что она мокрая? — передразнил его Бёртон.

---

* Фраза совершенно не к месту, поскольку в конце XIX века она являлась лозунгом, который провозглашал превосходство мужчин над женщинами. «Да здравствует разница!» *(фр.)*

Разговоры, разговоры, разговоры. Они ведут себя как болтливые попугаи. Неужели язык — это оперение людей? И неужели кто-то может разрушить свои внутренние барьеры?

Внезапно раздался сильный грохот. Послышались треск и низкое гудение. Бёртон вскочил, быстро разворачиваясь в направлении шума. Его сердце заколотилось в груди, заглушая остальные звуки.

Выглянув в темный коридор, он увидел две полоски света, которые пробивались из комнаты Логи и приоткрытой двери лаборатории. Впрочем, нет! Еще один луч света исходил из большой дыры в кирпичной стене. Посмотрев в отверстие, он мельком разглядел огромный механизм, похожий на опрокинутый цилиндр с коническим носом. Его темная масса неслась прямо на стену.

Глава 9

Бёртон отпрыгнул в комнату и высунул голову из двери, пытаясь рассмотреть предмет. Механическое чудовище за большой дырой быстро катилось на десяти колесах по освещенному коридору. Тем не менее для тарана кирпичной стены этой скорости явно не хватало. Возможно, Снарк не знал, что Бёртон пользовался чудо-раствором, о котором строители на старой Земле могли только мечтать.

Англичанин прицелился в пятно за острым носом машины. Алый луч, похожий на длинный посох, уперся в серую броню. За пять секунд лучемет мог пробить двенадцатидюймовую стальную пластину, однако на поверхности цилиндра не осталось ни малейшего следа. Бёртон быстро отступил назад и прижался к стене. В проем двери ворвался фиолетовый луч. За ним последовала целая россыпь алых и зеленых световых полос, а потом машина проехала мимо двери. Осмелившись выглянуть в коридор, Бёртон увидел, что стволы по бокам цилиндра стреляли вслепую под разными углами, выжигая на окрашенных стенах и черном потолке большие белые пятна.

Приблизившись ко второй кирпичной стене, машина остановилась и медленно двинулась назад. Залпы лучей из боковых орудий полыхали с интервалом в несколько секунд. Угол атаки постоянно менялся. Краска на стенах надувалась пузырями, лопалась и выгорала.

Бёртон снова отступил под прикрытие стены. Луч скользнул в дверной проем и выжег белое пятно на потолке. За ним последовал сноп разноцветных лучей, которые под разными углами разрушали окраску перекрытий.

— Дик, как ты там? — прокричал де Марбо.

— Со мной все в порядке! — ответил Бёртон.— Не подставляйся под огонь!

— Я не так глуп! — отозвался француз.

Однако он совершил невероятную глупость — по крайней мере с точки зрения англичанина. Выбежав в коридор, де Марбо бросился к машине. Бёртон велел ему вернуться, но барон без колебаний запрыгнул на заднюю часть самоходного устройства и ухватился за выступ на вершине цилиндра. Бёртон со страхом ожидал очередного залпа. К счастью, или, возможно, по приказу Снарка, стрельба прекратилась в тот момент, когда француз выбежал из двери. Позже Бёртон пришел к выводу, что луч, выпущенный в него в самом начале, был только мерой устрашения, чтобы он не приближался и не преследовал машину.

По-прежнему отъезжая назад, машина миновала дверной проем в потайную комнату Логи. Де Марбо, цепляясь одной рукой за выступ, послал англичанину воздушный поцелуй.

— Прыгай вниз! — закричал Бёртон.— Ты ничего с ней не сделаешь! Прыгай, пока она тебя не убила!

— Куда она, туда и я! — прокричал в ответ барон.

Однако уже через миг его браваде пришел конец. Машина резко остановилась. Ее колеса завизжали на мраморном полу, и она помчалась вперед. Носовое орудие выпустило мощный луч. Фиолетовое копье вонзилось в кирпичную кладку и, пробив в ней большую дыру, расширилось и превратилось в конус. Стена потрескалась и местами оплавилась. В ней возникло широкое отверстие, в которое могла пройти машина.

Де Марбо попытался спрыгнуть на пол, но сила инерции швырнула его на стену. Он с криком ударился о кирпичи и упал на мелкое крошево осколков.

— Сумасшедший лягушатник! — проворчал Бёртон.

Машина скрылась за дальним поворотом. Как оказалось, она состояла из гибких сочленений, которые позволяли ей поворачивать в стороны почти под прямым углом.

Де Марбо приподнялся и сел, держась руками за голову. Бёртон и Афра поспешили к нему на помощь.

— Ты ранен?

Француз поморщился от боли и печально улыбнулся:

— Ранена только моя гордость. О боже! Я испугался! Мне показалось, что я даже кричал от страха!

Бёртон помог ему подняться на ноги.

— Ерунда! — шутил де Марбо.— Всего лишь несколько синяков и шишек. Знали бы вы, сколько раз мне доводилось падать с лошади, сражаясь за нашего славного императора. Хотя, надо признать, я еще никогда не вылетал из седла так быстро!

Афра обвила его шею руками и нежно зашептала:

— Упрямый сукин сын! Я перепугалась за тебя до смерти!

— О нет! Ты такая мягкая и тепленькая, что я не могу назвать тебя трупом,— ответил он, прижимаясь к ней.— Только не дави на руку! Прости, что я не в силах обнять тебя, моя капусточка, хотя кому, как не тебе, знать мою огромную любовь и всеми признанную силу!

Она выскользнула из его объятий и кончиком пальца смахнула слезу.

— Ты опять называешь меня капустой, черт бы тебя побрал? Запомни, я не овощ, а женщина! Женщина, которая сердита на тебя и твой идиотский героизм!

— О-о! У розы появились шипы! Но ты простишь меня, не так ли?

Бёртон осмотрел коридор, а затем повернулся к французу.

— Зачем ты запрыгнул на эту машину? — спросил он.— Я так и не понял смысла твоего поступка.

— Мне захотелось прокатиться на ней до берлоги нашего друга, чтобы познакомиться с ним и предложить ему сдаться в плен. Однако в пылу азарта я не заметил, что эта стальная гусеница сделала дыру в стене только для себя. Для меня там места уже не хватало.

— Тебе повезло, что твои мозги не размазались по кирпичам,— сердито сказал Бёртон.

Он разделял гнев Афры, но его восхищала отвага француза.

— Зрелище было великолепным, но такой опытный солдат, как ты, мог бы вести себя немного поосмотрительнее.

— Вам обоим просто завидно — вот вы и ругаетесь. И ты, Дик, поступил бы точно так же, если бы додумался до этого.

— Возможно, ты прав,— с улыбкой ответил Бёртон.

Указав на пятна обгоревшей краски, он многозначительно поднял брови:

— Снарк снова нас видит и слышит.

— Вот же черт! — воскликнула Афра.— Он еще раз показал, насколько мы слабы и беспомощны по сравнению с ним. Нам даже не удалось от него спрятаться!

— Да, но мы заставили Снарка действовать,— возразил Бёртон.— Он испугался и послал сюда управляемого робота, чтобы выяснить наши планы. А если он боится нас, то, значит, уважает.

— И ради этого я, как раб, красил стены? — возмутился де Марбо.— Выходит, мои старания оказались напрасными?

— Твоя скачка выглядела потрясающе.

Француз самодовольно усмехнулся:

— Да. В общем-то, она заслуживает того!

Между тем Бёртон не считал исход операции успешным. С помощью видеокамер, установленных на машине, Снарк мог увидеть открытую дверь в секретное убежище Логи.

— Что мы будем делать дальше? — спросила Афра.— Тихо разойдемся по своим комнатам, как плохие дети после порки?

Бёртон не успел ничего ответить, так как справа от них послышался шум. На пересечении коридоров появилось летающее кресло, оборудованное странным куполом из прозрачного пластика. Внутри его виднелась фигура мужчины, который сидел на корточках в смешной и нелепой позе. Он помахал рукой и что-то прокричал.

— Кто это? — спросил де Марбо.

— Фрайгейт,— ответила Афра, узнавшая американца по голосу.

Кресло подлетело к ним и опустилось на пол. Фрайгейт выбрался из крошечной кабины. Осмотревшись по сторонам, он удивленно присвистнул и спросил:

— Что тут у вас происходило?

Бёртон вкратце объяснил ему суть дела. В свою очередь, американец рассказал де Марбо и Бен, почему и с какой целью он соорудил на кресле защитный купол.

— Дик попросил меня прилететь сюда к восьми часам утра. А это хитроумное приспособление не позволяет инфракрасным датчикам улавливать тепло моего тела. Пока я нахожусь под куполом, компьютер не знает, где меня искать.

Француз укоризненно посмотрел на Бёртона:

— Ты же говорил, что в деле участвуем только мы...

— Правда не всегда бывает полезной,— ответил Бёртон.— Я решил привлечь еще двух помощников, но на всякий случай сохранил это в тайне. Мне не хотелось, чтобы вы с Афрой сболтнули что-то, обсуждая наши дела.

— Двух помощников? — спросил де Марбо.— А где второй?

— Согласно моему плану, Нур обследует коридоры с другой стороны,— ответил Бёртон, махнув рукой в том направлении, куда уехала машина.

— И какой в этом толк? — спросил француз.— Думаешь, ему удастся проследить путь машины до логова Снарка?

— Поживем — увидим.

Бёртон повернулся к Фрайгейту:

— Раз уж ты ни о чем не докладываешь, сказать тебе, видимо, нечего.

— Я не заметил ничего подозрительного.

— Здесь целый лабиринт коридоров, и машина могла уехать в любом направлении. Давайте дождемся Нура.

— Если только его не поймает Снарк,— добавил Фрайгейт.

— Ах, как оптимистично! — заметила Афра.

— Пойми, мне только хочется учесть любую возможность,— начал оправдываться американец.— Разве я виноват, что плохих вариантов намного больше, чем хороших?

— На самом деле это не так. Просто ты привык замечать лишь темные стороны жизни.

Бёртон взглянул на часы. Прошло уже пять минут с тех пор, как машина проломила стены и исчезла за поворотом. Он решил подождать еще полчаса, а затем вернуться на свой этаж, независимо от того, появится Нур или нет. Бёртон сомневался, что Ли По, Алиса и Терпин отправились их искать. Скорее всего, ожидая остальных, они заняли оборону в каком-нибудь небольшом помещении.

Из-за кирпичной стены раздался голос мавра:

— Не стреляйте! Это я! У меня для вас хорошие новости.

— Все в порядке, Нур. Можешь идти,— ответил Бёртон.

Мавр прошел в широкое отверстие, на ходу снимая с себя колпак, перчатки и куртку, сделанные из пластика.

— Жарко!

Бёртон заглянул в оплавленную дыру. Кресло Нура, оборудованное защитным куполом, стояло по другую сторону у стены. Судя по широкой улыбке мавра, он действительно принес хорошие вести.

— Я настиг Снарка у двери в потайную комнату. Мое кресло вылетело из темной части коридора, и мы увидели друг друга почти одновременно. Я приказал ей сдаться, но, несмотря на мое предупреждение, она вытащила лучемет из кобуры. Мне пришлось нажать на курок, и луч попал ей в горло.

— Снарк оказался женщиной? — воскликнул удивленный Бёртон.

— И довольно симпатичной,— ответил мавр.— Как вы знаете, незнакомцы бывают двух полов, но мы почему-то считали ее мужчиной. Вернее, вы. Я-то знал, что надо рассматривать обе возможности.

Нур предложил друзьям отправиться к месту событий, где он мог бы подробно объяснить им все, что там произошло. Они пролетели на своих креслах через пролом в стене, свернули направо и остановились в сотне футов от следующего пересечения коридоров. Незнакомка лежала на спине. Ее рот и глаза были открыты. На горле виднелась узкая сквозная рана с запекшимися краями. Наряд женщины состоял из алой блузы, голубых шаровар и желтых сандалий. Рядом с небольшим худощавым телом на полу лежал лучемет.

— Она относится к расе монголоидов,— сказал Нур дрожащим голосом, который выдавал его волнение.— Я не знаю, китаянка она или японка, вьетнамка или монголка, но вряд ли это имеет какое-то значение. Впрочем, ее национальность может определить Ли По.

Перед ними находился круглый дверной проем, запорная пластина которого скрывалась в пазу стены. Сквозь широкое отверстие просматривался зал, а дальше начинались комнаты, где незнакомка скрывалась от них, оставаясь прекрасно информированной обо всех передвижениях восьми гостей Туманной Башни. Настенные экраны показывали каждое из восьми жилищ. На самом большом экране Бёртон увидел Алису, Тома Терпина и Ли По. Они играли в карты в гостиной музыканта и, судя по выражениям их лиц, не слишком тревожились об отсутствии пяти друзей. Очевидно, они понимали, что Бёртон претворял в жизнь какой-то тайный план, но на всякий случай в целях безопасности оставались вместе. Позже он узнал, что не ошибся в своих предположениях.

Конечно, после окончания операции его ожидали их упреки и слова обиды. Но у него теперь имелся веский аргумент — победа над незнакомкой.

Накануне вечером Питер Фрайгейт и Нурэддин эль-Музафир ушли в свои спальни. Они полагали, что Снарк тоже отправится спать, велев компьютеру будить его лишь в тех случаях, когда кто-то из землян покинет пределы жилищ. По мнению Фрайгейта, компьютер мог использовать для этого только инфракрасные датчики. Во всяком случае, они надеялись на то, что в коридоре не окажется видеокамер, направленных на двери их жилищ.

Под утро Пит и Нур заказали в конвертерах защитные купола, а также пластиковые костюмы и накидки. В дневное время компьютер доложил бы об этом Снарку, но в такой час он просто занес информацию в память, чтобы его хозяин мог просмотреть составленное донесение за завтраком или за первой чашечкой кофе.

Одевшись в пластиковые костюмы, Нур и Пит покинули квартиры и установили на креслах защитные купола. Инфракрасные датчики на них не реагировали. Незнакомка упустила такую возможность и не предприняла мер против подобных трюков. В отличие от компьютера она умела соображать, но по каким-то причинам не додумалась до этого.

— Нам просто повезло, и мы схватили удачу за хвост,— подытожил Бёртон.— События могли принять и другой оборот. На самом деле наши шансы были не так велики.

— Значит, ты тоже считаешь это везение подозрительным? — спросил Нур.

Бёртон ожидал, что мавр разовьет свою мысль, но тот сказал:

— Когда я ее убил, хотя хотел только ранить... мне подумалось, что она могла настроить камеру воскрешения на автоматическое и немедленное воспроизводство. Идите сюда и взгляните на это...

Они вошли вслед за мавром в одну из комнат. В дальнем углу помещения находился конвертер, а в нескольких футах от него на полу лежало еще одно тело той же самой женщины. Консоль конвертера со встроенным автономным компьютером была разрушена огнем лучемета.

— Убив ее в коридоре, я тут же вбежал сюда, но тело незнакомки уже сформировалось,— рассказывал Нур.— Она метнулась к столу и начала искать оружие в выдвижных ящиках. Я приказал ей остановиться, но женщина нацелила на меня лучемет. Мне снова пришлось ее убить, и тогда, чтобы воспрепятствовать третьему воскрешению, я разрушил компьютер конвертера. К сожалению, луч уничтожил и ее телесную матрицу.

Он подвел Бёртона к обломкам аппаратуры и показал ему оплавленный конус. Внутри виднелся почерневший предмет размером с клюкву. Полчаса назад он содержал в себе всю необходимую информацию для дубликации тела на субмолекулярном уровне.

— Меня терзают горькие мысли о том, что я навсегда лишил незнакомку возможности воскреснуть. Но вероятно, в памяти компьютера есть копия ее телесной матрицы. Я даже уверен, что она там есть, но нам вряд ли удастся получить к ней доступ. По всей вероятности, женщина приказала машине не выдавать нам эту информацию.

— Мы проверим твою догадку,— сказал Бёртон.— Хотя, наверное, ты прав.

— Но кто она? — спросил Фрайгейт.— И что она, черт возьми, здесь делала? Лога говорил, что все этики и их агенты мертвы. Если это действительно так, то незнакомка относилась к какой-то третьей силе. Кем же она тогда могла быть?

— Одним из врагов Логи,— ответил Нур.— Иначе она не стала бы убивать его. С другой стороны, если незнакомка не имела ничего общего с этиками и агентами, зачем ей понадобилось совершать убийство? Возможно, она хотела завладеть башней и получить власть над всей планетой. Но почему в таком случае она решила расправиться и с нами?

— А что, если Монат оказался более дальновидным, чем ожидал Лога? — медленно сказала Афра.— Что, если он настроил аппаратуру с таким расчетом, чтобы незнакомка, его агент, воскресла после некоторых событий? Я имею в виду убийство этиков. Хотя вряд ли он мог предвидеть события с подобной точностью.

Бёртон велел компьютеру опознать мертвую женщину, и тот ответил, что информация о ней недоступна. Машина затруднялась сказать, на каком основании появился этот запрет. Бёртон попытался обнаружить телесную матрицу незнакомки, но компьютер отказался выполнять его команду.

— Еще одна тайна,— со стоном сказал Фрайгейт.

Затребовав схему этажа, Бёртон попросил указать на ней помещение, в котором находилась цилиндрическая машина, таранившая их стены. Как он и ожидал, на экране появилась надпись, что информация по данному вопросу недоступна.

— Я просмотрел рисунки всех роботов, которые содержатся в башне,— сказал Бёртон.— Вернее, рисунки их моделей. Той машины среди них не оказалось.

— Незнакомка могла создать ее в каком-то гигантском конвертере — причем специально для разрушения стен.

Нур и Фрайгейт принесли из коридора труп женщины и положили его рядом с телом у шкафа. Со стороны казалось, что на полу лежат две женщины-близняшки.

— Может быть, расщепить их в конвертере? — спросил Нур.

— Только одну,— ответил Бёртон.— На второй мы проведем компьютерный экспресс-анализ.

— Хочешь посмотреть, есть ли в ее мозгу черный шарик?

Бёртон поморщился. Нур словно читал его мысли.

— Да.

Американец и мавр уложили одно тело в конвертер и ввели программу расщепления. Камеру заполнило белое сияние, и, когда они взглянули в окно двери, шкаф уже был пуст. Не осталось даже пепла.

Второй труп положили на стол, над которым нависло большое куполообразное устройство. Не излучая никаких видимых выбросов энергии, оно отобразило на экране тестовую серию снимков с внутренними органами незнакомки. Через минуту Бёртон нашел среди них то, что хотел. На снимке в зоне лба виднелась крошечная черная сфера, которую этики вживляли в мозг каждого из своих агентов. После произнесения особого пароля она впрыскивала яд в тело носителя, и тот мгновенно умирал.

— Итак, незнакомка являлась... агентом.

— Однако мы все еще не знаем, как она здесь оказалась и с какой целью,— сказал Фрайгейт.

— Пока нам это действительно неизвестно,— ответил Бёртон.— Но мы избавились от Снарка. Мы снова ни от кого не зависим!

Тем не менее их свобода по-прежнему имела ограничения. Бёртон потребовал изъять те команды, которые внесла в программу женщина, но компьютер ответил, что это невозможно.

— А когда ее указания потеряют свой приоритет?

Компьютер затруднился что-либо ответить.

— Мы загнаны в угол,— сказал Фрайгейт.

— Это лишь временная трудность,— успокоил его Бёртон. Хотя он и сам не верил в свои последние слова.

Глава 10

На той навсегда потерянной Земле, такой далекой во времени и пространстве, одно из лондонских издательств выпустило в 1880 году небольшую книгу с довольно странным названием: «Касиды Хаджи Абду аль-Язди, или Изложение Высшего Закона». Перевод и предисловие принадлежали перу некоего Ф. Б.— друга и ученика великого восточного мастера. Позже выяснилось, что Ф. Б. являлись инициалами Фрэнка Бекера — литературного псевдонима капитана английской армии Ричарда Фрэнсиса Бёртона. «Фрэнка» он взял из своего имени, а «Бекера» — от девичьей фамилии матери. При следующем переиздании книга вышла под его настоящим именем, но это случилось уже после смерти Бёртона.

Поэма, написанная двустишиями, как того требовала классическая арабская форма, предположительно являлась работой персидского суфия Хаджи Абду из города Язди. Титул «хаджи» мусульмане получали только после паломничества в Мекку, и поэтому Бёртон, совершив рискованное путешествие в священный город, тоже мог бы называть себя хаджи. Переводя и комментируя эту поэму, он насытил ее своими огромными знаниями и агностицизмом, мудростью и пессимизмом, бёртоновскими взглядами на мир и болью мира. Выступая под именем Фрэнка Бекера, он снабдил поэму примечаниями и послесловием, в которых излил свою циничность и язвительность. Однако его шутки и смех получились печальными и безысходными.

Предисловие книги — это итог философии, сформированной за пятьдесят девять лет скитаний по той единственной планете, которую он тогда знал. Во всяком случае, Бёртон так думал в то время.

Обращение к читателю

На свой страх и риск переводчик назвал это произведение «Изложением Высшего Закона», имея в виду, что оно намного опередило свое время. Он не побоялся опасностей сравнения с такими неприятными словосочетаниями, как «высшая раса» или «высшая культура». Его оправданием может служить цитата из поэмы, где автор утверждает, что радости и беды людей равным образом рассеяны по миру.

(Фрайгейт выразил по этому поводу довольно обоснованные замечания. По его мнению, Бёртон ошибался, полагая, что радости и беды имели в жизни людей равную долю. Взять, к примеру, тех горемык, которые, шатаясь под бременем бед, почти не видели светлых дней, или тех немногих, кто не ведал нужды и поражений. Кроме того, Бёртон не определил понятий, которыми оперировал,— как будто каждый знал, что такое радости и беды. Но что он сам понимал под словом «счастье»? Свободу от боли и проблем? Или это более возвышенное качество? Что нужно человеку для счастья? И нужно ли оно ему на самом деле?)

Относясь с должным почтением к другим приложениям разума, автор считает саморазвитие личности единственным самодостаточным объектом человеческой жизни.

(— А как же дети? — спросила его Алиса.— Если тебе хочется, чтобы они жили гармонично и счастливо, ты должен научить их этому. Каждое поколение опирается на опыт своих предшественников, улучшая тем самым уровень жизни. Да, ты прав. В истории такое случалось редко. Но видимо, нельзя научить детей счастью, если сам его не имеешь. Впрочем, что я говорю тебе о детях? Ты, наверное, даже не знаешь, что это такое.

— Саморазвитие является основным и важным принципом жизни,— сказал Нур.— Упоминая о нем, суфии подразумевали не только обретение новых знаний, но также сострадание и рассудительность. Однако большинство людей превращают саморазвитие в эгоизм. И это неудивительно. Люди могут довести до крайности все, что угодно. Вернее, так поступают многие.)

Автор полагает, что влечения, симпатии и «божественный дар сострадания» являются высшими человеческими наслаждениями.

(— Щепотка сострадания придает супу жизни особый вкус,— сказал Нур.— Но ее излишек может все испортить. Сострадание часто ведет к самосожалению и сентиментальности.

— Сострадание вскармливает манию величия,— поддержал его Фрайгейт.— Но я не порицаю жалости к себе. В ней есть какая-то утонченная радость — если только не зацикливаться на этом. Однако после самосожаления должен следовать смех — смех над самим собой.

— Дик, ты забыл включить в свой список секс,— сказала Афра Бен.— Хотя я признаю, что секс можно отнести к разряду влечений и симпатий.

— А мне кажется, что высшим наслаждением людей является творчество,— добавил Фрайгейт.— Я включаю сюда живопись, поэзию и прозу, создание скульптур и резьбу по дереву, воспитание детей и все, из чего состоит культурная жизнь человеческого общества. Хотя многие отдают предпочтение наскальным рисункам.)

Автор рекомендует не осуждать явления жизни, памятуя о том, что факты — это самые необоснованные предрассудки.

(— Однако иногда наше прошлое заслуживает осуждения,— возразил Нур.— Хотя, прежде чем судить его, человек должен спросить себя, имеет ли он на это право. И потом он должен честно ответить на свой вопрос.

— То, что один человек считает истиной, может выглядеть для других нелепым предрассудком,— добавил Фрайгейт.— Кстати, что ты этим хотел сказать?

— Верить можно только тому, что видишь своими глазами,— сказал Ли По.— И даже тогда бывают ошибки. Но когда людям не нравится реальность, они начинают верить в воображаемые вещи. Вот почему мы так часто говорим о феях и драконах. Скала — это факт, хотя в каком-то отношении она тоже является плодом моего воображения.)

На первый взгляд его суждения могут показаться разрушительными, но по своей сути они способствуют воссозданию мира и гармонии.

(— Люди думают о том, что должно быть, а не о том, что уже есть,— сказал Нур.— Вот почему, в отличие от животных, человек изменяет свое окружение, подгоняя его под себя. К сожалению, из-за глупости и крайностей он портит все, к чему прикасаются его руки. Хотя, конечно, бывают и исключения.

— Прекрасное утверждение,— добавила Алиса.— Жаль, что слова не вяжутся с делом. Когда это Дик Бёртон переставал разрушать себя и других?)

Дополнительные сведения, связанные с поэтом и его поэмой, приведены в конце книги, куда я и отсылаю любознательных читателей.

Вена, ноябрь 1880 года. Ф. Б.

(— Теперь ты находишься в конце книги под названием «Ричард Фрэнсис Бёртон»,— пошутил Нур.— Она написана в двух томах: о земном Бёртоне и Бёртоне из мира Реки. Эта башня может стать завершающей главой.

— Любая философия признает, что надо жить так, словно через час умрешь,— сказал Фрайгейт.— С этим может согласиться каждый, но так живут лишь те, кто знает о своей неминуемой смерти. Вернее, только немногие из них.

— Именно поэтому я и не упускаю ни одной возможности затянуть мужчину в постель,— добавила Афра.— Марселин, ты как — в настроении?

— Даже самому храброму и сильному солдату иногда нужны покой и отдых,— ответил де Марбо.— В данный момент я старый и уставший от скачки ветеран.)

Глава 11

Бёртон тоже чувствовал себя усталым ветераном. Слишком долго он пришпоривал себя и других. Но теперь, взяв последний барьер на этой безумной полосе препятствий, он мог отдохнуть и набраться сил. К сожалению, компьютер по-прежнему создавал проблемы. Но Бёртон, посчитав их не столь важными, решил разобраться с ним позже.

«Однако я не выгляжу на свои шестьдесят девять земных и шестьдесят семь местных лет,— размышлял он, рассматривая себя в зеркало.— Мне сто тридцать шесть, но я был таким в двадцатипятилетнем возрасте. Вот только нет вислых усов».

Этики лишили воскрешенных мужчин их былой растительности на лице. И Бёртон не переставал возмущаться по этому поводу. Конечно, такое нововведение позволяло людям обходиться без бритья, но ущемляло чувства и права тех, кто привык носить усы и бороды.

«А почему бы мне не изменить это деспотическое новшество? Скажу компьютеру, и он придумает, как возобновить рост волос на моем лице».

При жизни на Земле его тело имело физический дефект. Хотя слово «дефект», пожалуй, было слишком выразительным для такого легкого отклонения от нормы, как «блуждающий взгляд». Воскрешая его из мертвых на берегах Реки, компьютер исправил

этот недостаток и тем самым возместил ему потерю бороды. Но разве Бёртон не мог получить ко всему прочему и ее тоже?

Он достал блокнот и сделал пометку рассмотреть этот вопрос.

«Бровь бога и челюсть дьявола», как написал о нем какой-то впечатлительный биограф. Довольно точное описание. Кроме того, оно подчеркивало двойственность его натуры. Одна его половинка постоянно жаждала успеха, в то время как вторая искала поражений. Во всяком случае, так говорилось в книгах, посвященных жизни Бёртона.

Некоторые из них лежали теперь на его столе. Он запомнил несколько названий, которые ему продиктовал Фрайгейт, и компьютер воспроизвел копии этих книг, отпечатав и сброшюровав листы. По мнению Фрайгейта, лучшими являлись «Дьявольские поездки». Эту книгу, впервые изданную в 1967 году, написала американка Фовн М. Броуди.

— Мне тоже хотелось написать твою биографию,— рассказывал Фрайгейт,— но, прочитав «Дьявольские поездки», я отказался от своего намерения. Тем не менее превосходный стиль Броуди и изобилие использованного материала не удержали других литераторов от дальнейшего описания твоей жизни. И если тебе не понравится книга моей соотечественницы, ты можешь выбрать себе кого-нибудь из них. Книгу Броуди немного портит излишний акцент на фрейдовском анализе. С другой стороны, ты, возможно, скажешь мне, что она была абсолютно права. Так или иначе, только ты можешь судить об истинности того, что написано в этих книгах.

Однако Бёртона интересовали фотографии, а не текст. Одна из них воспроизводила его портрет, нарисованный сэром Фредериком Лейтоном. Позже картина этого известного художника выставлялась в Лондонской национальной галерее. Бёртон выглядел на ней довольно неприятно — как пират елизаветинских времен. Лейтон изобразил его немного в профиль, пытаясь подчеркнуть высокий лоб, широкие надбровные дуги, густые брови и проницательный взгляд. На высокой скуле рельефно выступал шрам от копья сомалийца. Лейтон говорил, что такая деталь лишь украсит портрет, и Бёртон не возражал. Шрам, полученный с честью, заменял медаль, а он, имея множество настоящих наград, относился к медалям с пренебрежением.

— Отчасти это твой недостаток,— сказал Фрайгейт.— Хотя мне понятны подобные чувства. Я и сам иногда потворствую себе в самоуничижении.

— Моя семья придерживалась девиза: «Честь, а не награды».

На той же странице располагалась фотография его жены Изабел, сделанная в 1869 году, когда ей исполнилось тридцать восемь лет. Она выглядела царственной и красивой женщиной. «Как добрая, но властная мать»,— подумал он. За несколько страниц до этого имелся ее портрет, сделанный французским художником Луи Десангесом в 1861 году. В тот год она и вышла замуж за Бёртона. Прекрасная, молодая и задорная. Рядом находился портрет Бёртона, который Десангес сделал почти в то же время. Какой контраст! Тридцатилетняя Изабел и ее сорокалетний супруг. Его усы свисали чуть не до ключиц; он выглядел мрачным и свирепым. Губы казались излишне толстыми, но, по словам биографа, это говорило лишь о его чувственной натуре. А вот губы Изабел получились тонкими и чопорно поджатыми — словно трещина на лице красивой куклы. Тонкие губы и толстые губы. Любовь, веселье и нежность по соседству со свирепостью, амбициозностью и пессимизмом. Светлая Изабел и ее мрачный супруг.

Он вернулся к странице, где находилась фотография, сделанная в 1890 году их семейным врачом — доктором Бекером. Бёртону тогда исполнилось шестьдесят девять лет. В то время они с Изабел жили в Триесте, и на снимке виднелся их задний дворик с высоким тенистым деревом, под которым Бёртон любил вспоминать о прошлом. Там он и сидел, сжимая одной рукой набалдашник железной трости; другая рука лежала на запястье. Пальцы как у скелета. Руки смерти. Высокий цилиндр, стоячий воротник и серый широкий плащ. Впалые глаза на изможденном лице, как у голодного узника. Впрочем, он тогда и чувствовал себя в тюрьме своих болезней и тела. Хотя во взгляде все еще пылали угольки былой свирепости.

Сбоку, ласково посматривая на него, стояла леди Изабел. Она приподняла белую ручку с вытянутым пальцем, словно грозила ему, как маленькому ребенку. Толстая проказница Изабел. Пока он превращался в скелет, она раздавалась вширь. Однако в ту пору, как сказал Фрайгейт, Изабел уже носила в себе семя смерти. Она знала о своей раковой опухоли, но ни слова не говорила об этом Бёртону, стараясь не тревожить его перед смертью.

В черном платье и капоре она походила на монахиню-сиделку. Добрая и ласковая, но строгая и непререкаемая Изабел. И чтобы никаких причуд, мистер Бёртон!

Он сравнил свое отражение в зеркале с безжизненным лицом на фотографии. Все те же усталые глаза старика — запавшие

и больные от отчаяния и потерь. Он так и остался пленником, потерявшим последнюю надежду на свободу. Два лица. Две луны в полной фазе затмения.

Бёртон вспомнил тот теплый сентябрь в Триесте — сентябрь, который стал последним месяцем его жизни. В ожидании смерти он покупал на рынке пойманных птиц, приносил их домой, а затем выпускал на волю. Однажды его внимание привлекла обезьяна в клетке. Он даже заплакал от обиды за нее. «Неужели в своей прошлой жизни ты совершила такое тяжкое преступление, что теперь тебя посадили в клетку и заставили пройти через это чистилище?» Качая головой, он побрел домой. С его губ слетали чуть слышные слова: «Что же такого она могла сделать? Неужели тоже пыталась жить по-своему?»

Если верить этикам на слово, мир Реки являлся чистилищем. А оно было самым страшным из трех посмертных миров — небес, чистилища и ада. На небесах душа обретала свободу и радовалась, сознавая, что ее будущее всегда будет хорошим. В аду, несмотря на страдания и боль, душа уже знала, что ждет ее впереди. Ей больше не требовалось прилагать усилий и рваться из цепей, поскольку она навек теряла право на волю. Однако чистилище оставалось перепутьем, и только от вас зависел выбор направления — к свободе небес или к безверию ада. В теории вы знали, как получают билет на небеса, но на практике... На практике люди избегали рая. Они выковыривали его из себя всеми правдами и неправдами.

Земля изобиловала ловушками для души: физическими и духовными, политическими и интеллектуальными. Но основной, если не самой главной, являлся секс.

Фрайгейт однажды написал рассказ, в котором Бог сотворил всех животных, в том числе и людей, однополыми существами. Каждый вид состоял только из женских особей, и они размножались с помощью особых фруктов, которые произрастали на спермодеревьях. Перекрестное оплодотворение представляло собой очень сложную процедуру. Так, например, женщины, рассеивая свои гены, мочились под сенью спермодеревьев на голые корни. Те же, в свою очередь, заменяли мужчин, которых Фрайгейт так и не включил в параллельный мир своих фантазий.

Каждые три года женщины заболевали древесным бешенством и после интенсивного поедания фруктов становились беременными. Во всех других отношениях они жили как обычные люди: любили друг друга, ссорились и ревновали, совершали измены и, конечно же, предавались эротическим излишествам. Самыми распространенными считались любовные интрижки с определенным деревом и поедание фруктов не в сезон беременности.

Основной сюжетной линией стала безумная ревность женщины, которая, поймав свое любимое дерево на измене, срубила его топором под корень. В конце рассказа она сошла с ума от горя, и ее отправили в клинику.

Наиболее удачным персонажем оказалась молодая писательница, сочинявшая историю о мире, в котором не было спермодеревьев. Вместо корней и фруктов героини ее рассказа использовали мужчин, во всем похожих на них самих, за исключением двух-трех деталей. Эти существа не имели молочных желез, но зато обладали корневидным органом, который при эрекции выстреливал семя в матки своих любимых женщин.

Подобный метод, по мнению писательницы и, очевидно, Фрайгейта, превосходил корнеплодный подход — причем не только по уровню гигиены. Кроме того, он устранял конкуренцию за обладание деревьями. В отличие от неподвижных растений, мужчины с палочками могли составить приятную компанию и в деловой поездке, и в домашней обстановке. После секса их можно было использовать на полях; они с радостью выполняли домашнюю работу и заботились о детях, пока женщины играли в карты или проводили политические мероприятия.

Однако история молодой фантастки завершилась трагедией. Эти парни с палочками оказались хитрее деревьев. Воспользовавшись своей физической силой, они восстали, захватили власть и превратили женщин в рабынь.

Когда Бёртон вволю посмеялся над этим рассказом, он предложил Фрайгейту немного измененный вариант, где однополая цивилизация состояла из мужчин, оплодотворявших деревья. В его параллельном мире хватало и фруктов, и другой пищи, но властолюбивые мужчины сражались за деревья и вели нескончаемые войны. Победители захватывали огромные рощи-гаремы, а побежденных либо убивали, либо изгоняли в заросли непригодной растительности. Несчастным отщепенцам приходилось удовлетворять свои нужды с колючими кустами, которые сопротивлялись и выкручивались, не желая вынашивать детей.

— Идея хорошая,— ответил Фрайгейт,— но кто бы там заботился о потомстве? Владельцы растительных гаремов охраняли бы свои рощи от других мужчин, и им просто не хватало бы времени на воспитание детей. Большая часть новорожденных младенцев погибала бы от голода и болезней. А представь себе, что рощу захватил бы очередной победитель! Разве он стал бы мириться с чужими детьми? При таком исходе все потомство прежнего владельца ожидала бы неминуемая гибель.

— Только женщина может создать для детей необходимые условия жизни, и только мужчина может обеспечить ей безопасность и уют,— подвел итог американец.— Очевидно, Бог знал, что делал, создавая Адама и Еву.

— Возможно, он имел ограниченный выбор, и поэтому ему пришлось воспользоваться не самым лучшим вариантом. Недаром мудрец сказал, что во Вселенной нет ничего совершенного. Хотя, на мой взгляд, любое совершенство остановило бы прогресс. Амебы идеальны по своему строению, но они не могут развиться во что-то другое. Вернее, они отказались от дальнейшего развития ради тех преимуществ, которыми наделила их данная структура.

Так или иначе, двуполое разделение homo sapiens и причуды судьбы связали педантичного генерал-лейтенанта Джозефа Неттервилла Бёртона с кокетливой, избалованной, но морально устойчивой Мартой Бекер. После непродолжительного знакомства они вступили в брак, и злые языки распустили сплетни, что отставной офицер, устав от пенсионных крох, женился на Марте только из-за денег. Свое состояние генерал спустил на фондовой бирже. Он презирал картежников и игроков, но считал спекуляции на рынке вполне приемлемым и христианским делом.

В ночь на 19 июня 1820 года отставной генерал-лейтенант произвел залп из своей корабельной пушки, и миллионы сперматозоидов накрыли прицельным огнем осажденную матку супруги. Какой-то проныра, опередив других собратьев, пробрался в яйцеклетку, которая ожидала его в своем темном логове. Случайная комбинация генов привела к рождению Ричарда Бёртона — старшего из трех детей этой пары. Вот так он и появился на свет 19 марта 1821 года в девонширском Торки старой и доброй Англии. Его матери повезло: она не подцепила родильной горячки, которая в те дни губила многих женщин. И Ричарду тоже повезло, что судьба избавила его от детских болезней, которые в то время заполняли семейные кладбища маленькими трупами. Корь почти пригнула его к земле, но он уцелел.

Отец его матери пришел в восторг при виде рыжего голубоглазого внука. Он даже захотел переписать свое завещание и передать основную долю Ричарду, а не единокровному брату Марты. Миссис Бёртон начала протестовать — и позже Ричард не раз сожалел об этом. В конце концов дед отмел все аргументы дочери и объявил, что его наследником станет любимый внук. К несчастью, ему потребовалась подпись нотариуса, и, усаживаясь в экипаж, мистер Бекер скончался от сердечного приступа. Его состояние унаследовал брат Марты. Доверив деньги прожженным жуликам, он потерял все до последнего цента и провел остаток жизни в безысходной бедности. Что касается Ричарда, то его рыжие волосы почернели, голубые глаза превратились в карие, и он впервые изменил свой облик — хотя в данном случае и не намеренно.

Безрассудная любовь матери к своему инфантильному брату стала бедствием для юного Бёртона. По крайней мере, он в этом никогда не сомневался. Будь Ричард богат, ему не пришлось бы проводить в армии лучшие годы жизни. Кроме того, наличие денег сделало бы его африканские экспедиции более продолжительными и успешными.

По решению родителей Ричард отправился на континент, где он мог излечить свои реальные и воображаемые недуги. Его отец не пожелал воспользоваться старыми связями, хотя друзья не раз предлагали ему содействие в карьере сына. Нелегкая жизнь вдали от Англии и семьи превратила Бёртона в скитальца. С тех пор, и это верно подметил Фрайгейт, он уже нигде не чувствовал себя как дома.

Бёртон старался не засиживаться на одном месте больше недели. Необъяснимый внутренний зуд все время толкал его в дорогу. Он начинал страдать, если цепь обстоятельств приковывала его к какому-нибудь дому или городу. И теперь он тоже не находил себе покоя.

— Ты можешь перебираться из одной комнаты в другую,— предложил ему Нур.— Хотя вряд ли это удовлетворит твою жажду перемен. Какой бы большой ни казалась башня, все путешествия здесь будут кончаться полетами с этажа на этаж. Но зачем тебе это вечное движение? Разве ты не можешь превращать в иные миры свое жилье? Когда тебе надоест вид твоих стен, закажи у компью-

тера незнакомый антураж. Не вставая с кресла, ты будешь путешествовать из Африки в Америку, из мира снегов в страны жарких пустынь.

— Твоим знаком зодиака являются Рыбы,— сказал Фрайгейт.— Они относятся к двенадцатому дому и находятся под управлением Нептуна и Юпитера. Принцип Нептуна — идеализм, принцип Юпитера — экспансия. Рыбы стремятся к гармонии. Их положительные качества делают тебя интуитивным, симпатичным и артистичным человеком, в то время как отрицательные качества превращают в мученика и пессимистичного меланхолика. Характерными чертами двенадцатого дома являются бессознательный ум, учеба, тайные враги, интуиция, вдохновение, поиск уединения, пребывание и работа в банках, тюрьмах, университетах, библиотеках и больницах, сны и сновидения, а также склонность к обидам.

— Я всегда считал астрологию лженаукой и одним из самых темных предрассудков человечества,— ответил Бёртон.

— Тем не менее ты — рыба, выброшенная из воды. Идеалист в броне цинизма с открытым, как забрало, характером. Ты стремишься побывать везде, и тебя влечет омут многих наук, куда тебе хотелось бы привнести гармонию и синтез. Ты интуитивный и симпатичный человек. И естественно, самый настоящий мученик. Что касается меланхолии, то почитай свои книги — они пронизаны печалью и тоской.

Твое бессознательное начало побуждает тебя исследовать не только чужие страны, но и неизведанные континенты человеческого разума. Ты имеешь множество тайных и явных врагов, часто полагаешься на интуицию и предчувствия, любишь одиночество и хорошие книги. Тебя не привлекают банки и учебные заведения, но ты там бывал. А сны, насколько я знаю, занимают большое место в твоей жизни. Кроме того, благодаря врожденным способностям ты стал неплохим гипнотизером.

Тезис о склонности к обидам мне кажется неверным. Твоя натура напоминает некую смесь из бультерьера, бойцовского петуха и обезьяны. Хотя я знаю, что из животных тебе нравятся только лошади.

— Под меня можно подогнать любой зодиакальный знак,— усмехаясь, сказал Бёртон.— Я могу на пальцах доказать, что каждый из них подходит и ко мне, и к тебе, и к Нуру.

— Возможно, ты прав,— ответил Фрайгейт.— Но все-таки забавно покопаться в астрологии... хотя бы для того, чтобы убедить кого-то в ее несостоятельности.

Тем не менее Нур и Фрайгейт представляли Вселенную в виде большой космической паутины. Любая муха, севшая на одну из ее липких нитей, вызывала отклик или дрожь в пределах всего мироздания. Кто-то чихнул на планете Мишраб, и это заставило китайского крестьянина оступиться на скользком камне.

— Окружающее нас пространство имеет такую же важность, как гены, но оно более огромно, чем думают люди.

— Оно является всем,— ответил Бёртон.

Он вспоминал этот разговор, отдыхая в своей гостиной после ленча. Внезапно на стене возник экран. Сначала он занял почти всю стену, но затем уменьшился до десяти футов по диагонали. Бёртон выпрямился и сжал подлокотники кресла. Его удивило, что экран остался пустым.

— В чем дело? — воскликнул он, на миг подумав, что это шутки одного из землян.

Экран потемнел и превратился в черный прямоугольник на серой стене. Из динамиков донесся слабый шум.

Приказав компьютеру усилить звук, Бёртон напряженно склонился вперед. Громкость не изменилась. Он повторил команду, однако компьютер вновь не подчинился.

Внезапно в центре экрана появилась светлая трещина. Звуки усилились, но Бёртон по-прежнему не мог понять, что происходит. Трещина расширилась, превратилась в рваный овал, и он увидел что-то белое, забрызганное кровью. Да-да. Какой-то мокрый белый предмет.

— Уже выходит, чертенок,— раздался чей-то голос.

Бёртон вскочил с кресла.

— О боже!

Изображение прояснилось, и он начал узнавать детали картины: белую простыню с красными полосками крови и остатки вод, которые отошли перед родами. Голоса казались невнятными и незнакомыми. Потом раздался пронзительный вопль, и Бёртон, вздрогнув, понял, что это кричала его мать.

Внезапно появилась новая, пока еще смутная картина. Он увидел большую комнату и нескольких гигантов. Экран потемнел, на нем промелькнул какой-то предмет, а затем все пришло в движение и стремительно закрутилось. Бёртон мельком заме-

тил руки гиганта — обнаженные до локтей, с закатанными рукавами. На большой железной кровати лежала его мать — усталая, потная, со слипшимися волосами. И господи, какая же она была молодая! Гигантская рука набросила простыню на ее голый живот и ноги, прикрывая волосатый окровавленный домик, из которого только что вытащили младенца.

Изображение перевернулось вверх ногами. Или, вернее, малыша перевернули вниз головой. Послышался резкий шлепок, за ним тоненький вопль и его первый, самый первый вздох.

— Здоровый чертенок, верно? — произнес мужской бас.

Бёртон стал свидетелем своего собственного рождения.

Глава 12

Он видел и слышал все, что происходило с новорожденным, то есть с ним. Но Бёртон не чувствовал ощущений ребенка. Он даже не понял, когда ему перерезали пуповину, и лишь мельком увидел свой окровавленный пупок. Представив, как его будут очищать, Бёртон содрогнулся и вытер пот с лица. В тот же миг на его глаза, глаза ребенка, опустилось полотенце. Чуть позже малыша завернули в одеяло и положили на широкую кровать. Оттуда он видел только нянечку в белом переднике, грудь матери и ее усталое лицо. Все остальное закрывало одеяло.

В комнату вошел отец. На его смуглом молодом лице сияла счастливая улыбка. Такое обычно случалось редко — лишь в те моменты, когда мистер Бёртон получал на бирже солидную прибыль.

А как отец вздрогнул, увидев руки доктора! Тот вытер их полотенцем, но, наверное, не совсем тщательно. Возможно, доктор не мыл их даже перед принятием родов. И скорее всего, действительно не мыл. Тем не менее его личное участие в операции почти не поддавалось объяснению. В те времена, насколько помнил Бёртон, врачи лишь изредка прикасались к роженицам и в основном обеспечивали контроль за действиями медицинских сестер. Некоторые из них вообще не осматривали гениталии матерей и в процессе родов руководствовались только отчетами акушерок.

На экране мелькнула огромная рука — рука его отца. Она что-то приподняла. Наверное, край одеяла.

— Я счастлив,— сказал отец, обращаясь к матери.— Ты подарила мне прекрасного сына.

— Он такой милый, правда? — ответила мать осипшим голосом.

— А теперь я попрошу всех удалиться,— раздался глуховатый бас доктора.— Миссис Бёртон устала, и ей нужно отдохнуть. Да и ваш чертенок уже проголодался.

В этот момент малыш, очевидно, заснул. Его следующим впечатлением стали маленькие вытянутые ручки и большая мягкая грудь с розовым соском. У верхней части экрана появилось лицо кормилицы. Миссис Бёртон, будучи светской дамой, не пожелала кормить ребенка собственной грудью.

— Интересно, кем она была? — прошептал Бёртон.— Скорее всего, какая-нибудь бедная ирландка.

Он смутно помнил, что однажды мать называла ему имя кормилицы. Миссис Рили? Или Кили?

Эта сцена потрясла его, но не настолько, чтобы он потерял самообладание. Бёртон знал, откуда компьютер вытягивал воспоминания его детства. Дублировав телесную матрицу в отдельном файле, машина потрошила ее, как рыбак форель. Она прокручивала на экране фильм о его жизни.

Несведущий человек мог бы полагать, что полный показ такого фильма занял бы время, равное этой жизни. Но память любого человека не хранила всего того, что тот видел, слышал и ощущал, обонял, осязал и думал. Она действовала выборочно и имела огромные бреши в моменты сна, если только человек не видел ярких сновидений. Поэтому для демонстрации ее содержимого требовалось не так много времени, как можно было бы ожидать. Кроме того, компьютер позволял ускорять просмотр фильма, замедлять его или прокручивать какие-то куски по нескольку раз.

Пропустив короткий и самый первый сон малыша, Бёртон наблюдал за тем, как горничная меняла пеленки. Он не мог понять, почему его воспоминания демонстрировались на экране. Кто приказал компьютеру сделать это?

Как только он приступил к допросу машины, на стене засветились несколько экранов. Взглянув на ошеломленные лица Фрайгейта, Терпина и де Марбо, Бёртон с усмешкой покачал головой.

— Да,— сказал он, прежде чем они заговорили.— Меня тоже навестило мое прошлое — начиная от родов, окровавленного пупка и дальше.

— Это ужасно! — воскликнула Алиса.— И в то же время замечательно! Но какое потрясение! Мне даже хотелось заплакать.

— Я свяжусь с остальными,— сказал Фрайгейт.— Возможно, они тоже прошли через это.

Его экран превратился в серый прямоугольник. Том Терпин все еще утирал слезы.

— Я увидел маму, отца и нашу старую лачугу... Мне казалось, что мое сердце разорвется на куски!

Бёртон взглянул на большой экран. Маленького Ричарда вновь прижимали к огромной груди. Он услышал голодный плач и жадное причмокивание младенца. Изображение дрогнуло и потускнело — его положили в колыбель, а затем задернули над ним голубой полупрозрачный полог. Комната начала медленно кренится то в одну, то в другую сторону. Время от времени он видел большую пухлую руку, которая качала его колыбель.

К каналу общей связи подключились Афра, Ли По и Фрайгейт. Теперь на Бёртона смотрели семь разных лиц, но в глазах у всех читался один и тот же вопрос.

— Конечно, поэта не удивишь картиной, где он сосет грудь своей матери,— с усмешкой сказал китаец,— но... Кто велел компьютеру сделать это?

— Если вы все согласны подождать, я спрошу машину,— ответил Бёртон.

— Можешь не утруждаться, я уже спрашивал,— произнес Нур.— Компьютер ответил, что у нас нет доступа к подобной информации. Нам отказали в праве задавать вопросы со словами «кто» и «почему». К счастью, слово «когда» в запретный список не входит. Я узнал, что два дня назад кто-то приказал машине начать этим утром принудительный показ наших воспоминаний.

— Значит, во всем виновата женщина, которую вы убили,— сказал Бёртон.

— Она наиболее вероятный кандидат.

— Но я не понимаю, зачем ей понадобился такой пересмотр нашей памяти,— проворчал англичанин.

— Очевидно, для того, чтобы ускорить наше этическое развитие,— ответил Нур.— Погрузившись в прошлое, мы станем свидетелями своих и чужих поступков; мы поймем наши пороки, а значит, и избавимся от них. Нравится вам это или нет, но вы увидите себя такими, какие вы есть. И я надеюсь, что, наблюдая за чередой комедий и драм, каждый из нас предпримет определенные шаги для устранения нежелательных черт своего характера. Возможно, этот принудительный показ поможет нам стать людьми — настоящими людьми.

— Или он сведет нас с ума,— добавил Фрайгейт.

— Скорее всего, мы просто найдем способ приостановить эту чертову программу,— сказал Бёртон.— Нур, ты не пытался отменить просмотр воспоминаний?

— Конечно пытался, но любая команда незнакомки воспринимается компьютером как директива, не подлежащая цензуре.

— Прошу меня извинить, но мне надо кое-что выяснить,— произнес Бёртон.— Подождите меня минуту.

Он вышел из комнаты и открыл входную дверь. Экран, на котором мелькала грудь кормилицы, заскользил рядом с ним, а затем возник на стене коридора. Бёртон выругался, развернулся на каблуках и вернулся в зал с семью экранами. Восьмой неотступно следовал впереди, все время оставаясь перед глазами.

Рассказав коллегам о результатах своего маленького эксперимента, англичанин грустно добавил:

— Просто так нам от него не избавиться. Он как альбатрос, привязанный шнурком к шее старого моряка.

Бёртон закрыл лицо руками и тут же услышал детский плач. Взглянув на экран, он увидел полупрозрачный полог, за которым мелькали неясные тени. До него донесся сердитый шепот служанки: «Святые угодники. Что там еще?»

— В принципе мы можем избавиться от этих навязчивых картин. Нам надо только покрасить стены. Если компьютер откажется выполнять такую работу, мы привлечем андроидов или сделаем ее сами. Кроме того, запаситесь ушными затычками — они помогут вам спать по ночам. И подумайте над тем, как убрать экраны в коридорах.

— Нет, мы точно сойдем с ума! — воскликнул Фрайгейт.

— Я не думаю, что незнакомка хотела довести нас до безумия,— сказал Нур.— Вполне возможно, она предусмотрела отдых по нескольку часов в день и, конечно же, перерывы на сон.

Бёртон спросил де Марбо и Бен, где расположены их экраны.

— Один на правой стене, другой — на левой,— ответил француз.— Я подглядываю за своим маленьким алмазиком, а она за мной. Скажу без хвастовства, мы в детстве были просто очаровашками.

— Но как же нам понять, что происходит? — задумчиво проворчал Бёртон.

Он договорился о встрече у бассейна и отключил канал общей связи. По его команде компьютер сделал пару наушников, которые могли бы заглушить любой звук. Чтобы не смотреть на экран, Бёртон начал изучать доступные файлы компьютера, но любопытство мешало ему сосредоточиться на работе. Он вновь и вновь поднимал голову, стараясь не упустить ни одной сцены, однако их однообразие навевало скуку и все больше притупляло первоначальный интерес. Не так уж и много событий случалось с ребенком в первые дни его жизни, а разговоры молодых родителей быстро теряли эффект новизны. Стоя рядом с колыбелью, они говорили только о нем или с ним, поэтому через несколько часов их агуканье надоело ему до чертиков. Хотя сам малыш казался вполне счастливым и, не понимая речи, реагировал только на лицо матери и тон ее голоса. Впрочем, она не баловала его своими визитами. В основном он видел только кормилицу и двух горничных, которые по очереди мыли его и носили на руках по дому.

В одиннадцать часов утра Бёртон направился к плавательному бассейну. Экран, скользивший перед ним по стенам коридора, присоединился к семи другим прямоугольникам, и картинки из прошлого разместились сначала на одной стене, а затем рассредоточились по периметру бассейна на равных расстояниях друг от друга.

— Мы скоро к этому привыкнем,— сказала Афра, вылезая из воды рядом с Бёртоном.— Насколько я знаю, близкое знакомство вызывает глухоту и слепоту.

— Ты забываешь очень важную вещь,— ответил он.— Пока все наши воспоминания связаны только с пеленками и сосками, но со временем они будут пробуждать в нас стыд, вину и гнев. Кому захочется смотреть на свои унижения и обиды, на собственную подлость и легкомыслие?

— Лично я никогда не вела себя подло. И ни перед кем не унижалась. Хотя унизить меня пытались многие.

Бёртон знал, что на самом деле ее слова лишь прикрывали душевную рану. Никто из них не был ангелом — и уж тем более Афра Бен. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, он плавал, шутил и болтал о пустяках, но его взгляд все чаще и чаще возвращался к окнам в зияющее прошлое.

Рядом с ним вынырнул Фрайгейт.

— Ты только посмотри на это чудо,— произнес американец.— Я даже могу осмотреть себя со стороны.

Его мать, худощавая женщина с черными как смоль волосами, держала ребенка перед зеркалом. Маленький и голенький Питер хихикал от удовольствия, и его плоское лицо с широким ртом напоминало физиономию лягушонка.

— Как странно смотреть на себя в таком возрасте! А ты представь, сколько отражений нас ждет впереди — от хихикающего младенца до пожилого мужчины на смертном одре. О Иисус Христос!

Тем же вечером Фрайгейт приступил к самостоятельным исследованиям. Прежде всего он выяснил у компьютера, что сканирование памяти могло начинаться с момента зачатия. Однако машина отказалась отвечать на вопрос, почему они наблюдали себя только после родов. Как и многие другие, американец считал, что люди проводили свои первые девять месяцев в безмолвии и темноте. При таком варианте просмотр действительно не имел никакого смысла и требовал переноса на более поздний срок.

На всякий случай Фрайгейт велел прокрутить свой предродовой период и отобразить на экране те моменты, когда эмбрион воспринимал посторонние звуки. К его удивлению, такое случалось много раз. Он даже мог слышать голоса людей, которые беседовали с его матерью. А сколько тут было различных звуков: шум моторов и свистки поездов, плеск речных волн и треск хлопушек, бурчание в животе и выделение газов, звон упавших стаканов и громкий смех. Но больше всего Фрайгейта смутили стоны и возгласы родителей, когда они занимались любовью. Послушав все это пару часов, он приказал компьютеру остановить просмотр и вернуться к первоначальной программе.

— Я полагаю, что незнакомка хотела нам только добра,— сказал он маленькому мавру.— Она намеревалась показать нам слабости и предрассудки, себялюбие, суетность и ложь, которые закрывают свет наших душ. И она сделала это только для того, чтобы мы могли измениться к лучшему — подняться на новую ступень этического развития.

— Наверное, ты прав,— ответил Нур.— Но зачем она скрывалась от нас? И почему она убила Логу?

— Мы постараемся это узнать,— заверил его Бёртон.

Как оказалось, незнакомка действительно имела сострадание. Отдавая приказ о принудительной демонстрации воспоминаний, она предусмотрела паузу для отдыха и сна. В восемь вечера экраны отключились, и люди получили передышку до восьми часов утра.

Покинув пораньше дружеский ужин, Бёртон удалился в свое жилище. Он лег в постель, но старая бессонница вцепилась в него, как голодный волк. Утомленный ум наполнился обрывками сцен из показанного прошлого. Ему вспоминались беседы матери и отца. После двух часов напрасных метаний он оделся и вышел в коридор. Сев в летающее кресло, Бёртон отправился в бесцельный полет по бесчисленным этажам. Он проносился через сотни комнат и десятки подъемных шахт. В конце концов его блуждания превратились в организованный осмотр помещений. Запросив у компьютера план этажей, Бёртон отправился на верхний уровень башни. Он и сам не знал, что пыталось найти его подсознательное начало. Но оно толкало его вперед, словно предчувствуя встречу с чем-то новым и, возможно, даже полезным.

Так и не долетев до ангара, он передумал и помчался к двенадцати огромным комнатам, в которых располагались личные миры Совета Двенадцати. Устав от монотонной череды коридоров и шахт, Бёртон захотел увидеть что-нибудь иное. Его путешествие продолжалось четыре часа. Когда оно закончилось, англичанин решил рассказать о нем другим, чтобы они тоже осмотрели эти сказочно красивые помещения.

Прилетев в ангар, он убедился, что там ничего не изменилось. Число кораблей осталось прежним, и все они находились на своих местах. Хотя это еще ни о чем не говорило. Со времени его последней проверки прошло несколько дней, то есть женщина-агент могла воспользоваться любым из этих воздушных и космических аппаратов.

Бёртон вернулся в свои апартаменты около четырех часов утра и проспал от четырех тридцати до половины восьмого. Приняв душ, он вызвал на связь Ли По. Прошлым вечером китаец предложил друзьям собраться у него на общий завтрак, и Бёртон хотел убедиться, что планы Ли По не изменились. На экране возникло красивое мефистофельское лицо, расплывшееся в улыбке.

— Да, я буду рад увидеть тебя своим гостем. У меня есть для всех вас сюрприз.

Он повернул голову и что-то сказал по-китайски. Рядом с ним появилось другое лицо. Бёртон вздрогнул и отступил на шаг. На него смотрела женщина удивительной красоты.

Глава 13

Многие мужчины и женщины напоминают паровозы, которые мчатся по рельсам, замедляя ход на подъемах и разгоняясь на пологих спусках. Другие, словно автомобили с двигателем внутреннего сгорания, выбирают себе дороги по желанию, но время от времени сбрасывают скорость и ожидают дозаправки.

Ли По казался ракетой с неиссякаемым запасом горючего. Он взрывался огненным вихрем, метался как комета, шумел, создавал проблемы и давал всем понять, что игнорировать его просто невозможно. Поведение, речь и жесты китайца вызывали в памяти Бёртона последнюю станцу из «Кубла-хана» Кольриджа:

> И все закричали: «Осторожно! Ты в беде!
> Берегись его сверкающих глаз и трепещущих волос!
> Трижды очерти вокруг него круг
> И опусти свой взор в священном страхе,
> Ибо вскормлен он на божественном нектаре
> И молоке, что бывает лишь в раю!»

Ли По, известный также под именами Ли Тай-По и Тай-Пен, родился в 701 году в оазисе Яркенд. В те времена огромная пустыня между Персией и Китаем никому не принадлежала, и поэтому Яркенд, стоявший на Великом торговом пути, считался вольным городом. Согласно семейному преданию, прадед Ли По бежал сюда после неудачной политической интриги. Спасаясь от гнева императора, он привез с собой жену и детей, и позже его старший сын взял в жены уйгурскую женщину, говорившую на тюркском языке. Один из внуков бывшего придворного женился на китаянке, а другой — на гордой и непокорной афганке.

Через пять лет после рождения Ли По его родители решили вернуться на родину. Они поселились в Сычуане — юго-западной провинции Китая. В городе, приютившем их, обитало множество чужестранцев: зороастрийских персов, индусов, евреев, несторианских христиан и мусульман из Персии, Афганистана и Месопотамии. Выучив языки всех этих народов, Ли По позже добавил к их числу корейский и японский.

Благодаря доле инородной крови его рост достигал шести футов одного дюйма. В юности он пристрастился к поэзии и вину, поэтому слава стихотворца и горького пьяницы пришла к нему довольно рано. В те времена вино считалось уделом высших классов, и никто не порицал людей, которые вкушали его без меры. Опьянение воспринимали как помощь для открытия врат божественного вдохновения. Однако скорость, с которой пьяный Ли По мог написать поэму, поражала всех его современников. Многие из стихов были настолько хороши, что литераторы той эпохи ставили Ли По в один ряд с величайшими поэтами Китая.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он отправился странствовать по белу свету. Так поступали тогда почти все уважающие себя поэты, государственные деятели и художники. Они, словно странствующие рыцари, пытались избавить страну от зла, восхваляя добро своим искусством и защищая его острыми мечами. Убив в неравных стычках нескольких воинов, Ли По прославился как «демон, скачущий на клинке». Однажды его даже посадили в тюрьму за убийство человека в кабацкой ссоре. К счастью, ему удалось бежать за день до назначенной казни.

Несмотря на разгульную жизнь, он имел прекрасное образование и среди прочих вещей разбирался в физике и химии.

Во многих отношениях Ли По походил на Байрона своей эпохи и напоминал непоседу Бёртона. Он тоже любил путешествовать, прекрасно владел искусством фехтования, сочинял стихи на многих языках и в то же время считался грубым, бесцеремонным человеком.

В отличие от многих китайских мужчин он сочувствовал рабской доле женщин. Однако это не мешало ему эксплуатировать их и удовлетворять свои непомерные аппетиты. Даже делая поправку на обычное мужское хвастовство, Ли По действительно мог претендовать на звание незаурядного любовника. «Три женщины зараз? Но это же мало!»

Устав от странствий и рыцарских подвигов, он поселился на горе Мин, округа Шу, у старого отшельника, которого звали Тан Йен-цзю. Углубляя свои знания в секретных даосских техниках, этот мудрец являлся неким подобием святого Франциска. Вместе с Ли По он приручал и выращивал диких птиц, учил их прилетать на зов и кормил с рук небесных питомцев.

Между тем китайские «отшельники» во многом отличались от своих западных собратьев. В основном это были обычные люди,

уставшие от мирской суеты. Они жили в горах вместе с семьями и свитой слуг, в окружении множества друзей и случайных знакомых.

Когда Ли По исполнилось двадцать пять лет, он покинул округ Шу и начал путешествовать по восточным и северным провинциям. Осев на какое-то время в Аньлу провинции Хубэй, молодой поэт влюбился в девушку по имени Ху. Она стала его первой женой и родила ему несколько детей, но затем умерла от неизвестной болезни.

С тех пор смерть подружилась с Ли По и сопровождала его повсюду. Однажды он путешествовал с другом к знаменитому горному озеру. Там его товарищ заболел и скоропостижно скончался. Слуги похоронили несчастного на берегу, но, поскольку тот хотел быть погребенным на родовом кладбище, Ли По выкопал его из земли, завернул в свой плащ и пронес на спине сотню миль в далекий город Вучань провинции Хубэй.

— У меня не осталось денег, чтобы купить лошадь. Я все раздавал беднякам.

Услышав о подвигах и поэмах Ли По, танский император Сюнь Цун пригласил стихотворца ко двору. И хотя надменный поэт отказался сдавать экзамены на должность государственного чиновника, в 742 году он прибыл пред тусклые очи императора. Пожив во дворце, Ли По написал несколько колких стихов о лени Сюнь Цуна, о разврате и продажности придворных и нищете страдающего народа. Однажды, когда ему приказали явиться к императору и прочитать одну из своих поэм, Ли По прикинулся пьяным и потребовал, чтобы главный евнух, одна из самых важных фигур при дворе, помог стащить с него грязные сапоги. Эти дерзкие поступки привели к тому, что все придворные избегали общества поэта, а императорские шпионы следили за каждым его шагом.

Чтобы найти влиятельных покровителей, Ли По приходилось много путешествовать. Но дороги нравились ему, поскольку он любил скитаться по свету.

Его вторая жена умерла при родах; с третьей он развелся по обоюдному согласию через несколько месяцев брака; с четвертой Ли По прожил до самой смерти.

В 757 году шестнадцатилетний сын императора, великий принц Лин, возглавил армию и флот, чтобы подавить восстание Ань Лу-

Шаня. Не зная об истинных замыслах принца, Ли По примкнул к его свите.

— Мне исполнилось сорок семь, но моя сила и подвижность остались прежними. Я думал, что слава воина мне не повредит, и мечтал о высоких постах, на которые мог назначить меня император. По крайней мере, он мог дать мне пенсию.

К несчастью, планы Лина раскрылись. Его сторонников убили или предали суду, а Ли По приговорили к смерти по обвинению в заговоре. Не желая убивать такого известного поэта, император изгнал его в дальнюю провинцию и позволил Ли По вернуться ко двору только в возрасте шестидесяти лет. Получив прощение, старый поэт отправился в долгий путь домой — к своим детям и четвертой жене. Во время плавания по реке он перепил вина и попытался поймать свое отражение в воде. Однако забава кончилась трагично. Он выпал за борт, простудился, заболел воспалением легких и через несколько дней скончался.

— Неужели ты действительно верил, что можно схватить отражение в воде? — спросил Фрайгейт.

— Да. И выпей я тогда еще одну чашу, мне бы это удалось. В тот миг я понял, что могу удержать его в своих руках, и мне захотелось совершить подвиг, который другие люди считали невозможным.

— А что бы ты делал со своим отражением? — спросил его Нур.

— С его помощью я стал бы императором! Один Ли По мог победить пятьдесят воинов! Два Ли По завоевали бы весь Китай!

Он громко засмеялся, давая понять, что знает о нелепости своего хвастовства. Однако у его собеседников имелись большие сомнения по этому поводу.

— Похоже, ты самый великий из всех любителей вина,— с улыбкой произнес Фрайгейт.

На Земле Ли По прошел вдоль и поперек все большие реки Китая. И когда после смерти он очнулся на берегу Реки, его снова потянуло в дорогу. Однажды ночью, в маленькой бамбуковой хижине, где ему дали приют, его разбудил человек в капюшоне и маске. Это был Таинственный Незнакомец, который вовлек в свои дела и Ричарда Бёртона, и многих других землян. Но скольких бы людей ни смутил этот этик-отступник, Ли По оказался одним из немногих, кому удалось добраться до башни.

— А что это тебе дало? — спросил Нур.— Разве ты как-то изменился, побывав в стенах башни? Может быть, ты стал лучше или хуже?

— В отличие от тебя, еретика-мусульманина, я не верил в потусторонний мир. Мне с детских лет внушили мудрые слова, что духовные страны — это не нашего ума дело. Думая о смерти, я всегда считал, что моя плоть сгниет и станет прахом. Поэтому воскрешение на берегу Реки разрушило почти все мои представления о мире. Я начал искать богов, поднявших меня из мертвых, но выяснилось, что их нет, как нет и демонов, о которых рассказывали христианские вестники ада. Мир Реки построили обычные люди, и они знали о потустороннем мире не больше меня, хотя и прилетели с другой планеты. Этики тоже оказались невежами, спотыкавшимися во тьме. Так где же те, кто может осветить нам путь, чтобы мы, маленькие язычки огня, отыскали создавшее нас Пламя?

— У нас в Америке обычно спрашивали: «Где найти вчерашний снег?» — сказал Фрайгейт.— А отвечали примерно так: «Он растаял, чтобы стать сегодняшним снегом».

В конце своих странствий по Земле и миру Реки Ли По достиг Туманной Башни. Он совершенно не изменился, о чем, как сказал Нур, можно было только сожалеть. По мнению мавра, мир Реки предназначался для духовного преобразования людей. Услышав такие слова, высокий и красивый китаец засмеялся. На его дьявольском лице появилась холодная усмешка, а в зеленых глазах сверкнули искорки безумного веселья.

— Любое совершенство меняется только к худшему.

Его апартаменты походили на внутренние покои дворца одного из могущественных китайских императоров. Он воспроизвел по записям из компьютера множество знаменитых украшений и прибавил к ним свои картины, которые изображали сцены жизни мира Реки.

— У меня есть то, чего не имели императоры. Но чтобы сравниться с ними, мне потребовались бы миллионы подданных, сотни жен и тысячи наложниц. В данный момент у меня нет ни одной жены, и даже самый презренный слуга мог бы сейчас смеяться надо мной, как над жалким нищим. Хотя я знаю, что делать. Я знаю, как перехитрить свою судьбу.

Ли По часто вспоминал светлый образ женщины, которой посвятил не меньше двухсот поэм. Но поскольку они терялись сре-

ди девяти тысяч других его произведений, ни один историк не упоминал о ней в биографических работах.

Семья его четвертой жены жила в Восточном Лу — в северной провинции Китая, которая в двадцатом веке называлась Шаньдуном. Поселившись там, Ли По построил дом неподалеку от кабака своего тестя. Клиентов этого заведения обслуживала молодая девушка по имени Синь Ши, или, по-английски, Звездная Ложка.

— Она была самой красивой женщиной, которую мне когда-либо приходилось встречать. Я надеюсь, Алиса и Афра простят меня за такие слова. Вы обе свежи и привлекательны, как утренний рассвет. Но, думаю, вам хватит ума признать, что на свете бывают и более изумительные женщины.

Звездная Ложка говорила мягко, как ласковый ветерок, и ее элегантные манеры абсолютно не вязались с атмосферой кабака и поведением его посетителей. Она появилась на свет из лона наложницы прославленного монарха и, вполне возможно, была плодом его благородного семени. К ее великому огорчению, это отцовство поставили под сомнение, так как мать Звездной Ложки поймали на измене с одним из охранников дворца. Незадачливых любовников обезглавили, девочку продали богатому торговцу, и тот начал спать с ней, когда Звездной Ложке исполнилось десять лет. Позже он отдал ее шестерым сыновьям, которые по очереди испытывали на ней свою юношескую удаль. Однако удача отвернулась от их семьи, и после смерти торговца девушку продали моему тестю — хозяину кабака. Она стала его наложницей, и ее жизнь переменилась к лучшему, хотя, конечно, большого счастья он ей не дал.

Когда я увидел ее в кабаке, в моем сердце вспыхнула любовь. Я всегда отличался страстной натурой, но такого чувства мне еще испытывать не доводилось. Она родила от меня ребенка, который умер через несколько дней от лихорадки. Мы скрывали наши отношения, не желая создавать проблем под собственной крышей. У моей жены случались припадки ревности и безрассудного насилия. Однажды она даже вонзила нож в мое плечо. Короче говоря, ни я, ни Звездная Ложка так никому и не сказали, кто был отцом погибшего ребенка.

Если бы Ли По нуждался в друге, он выбрал бы мужчину. Но ему требовалась женщина. Вот почему его мысли обратились к

Синь Ши. Позже он мог отыскать и своих старых товарищей, любивших теплый мужской разговор, веселое застолье и возвышенные речи. Однако первой на повестке дня стояла Звездная Ложка, и успех его плана зависел только от того, свободен ли ее ватан.

Все началось в 97 000 году до нашей эры, когда на Землю прилетели предшественники этиков. (Лога говорил, что они приступили к проекту около 100 000 года до нашей эры, но он округлял даты и свободно накидывал целые тысячелетия.) Более точный компьютер отсчитывал время с 97 000 года до нашей эры, и, значит, Синь Ши, появившаяся на свет в 721 году по западному исчислению, значилась в архивах памяти как урожденная 97 724 года.

Зная год рождения и местность, в которой она родилась, Ли По приступил к настойчивым поискам. Он надеялся, что агенты этиков не оставили без внимания дворец великого монарха и сделали о его обитателях хотя бы несколько фильмов.

На самом деле записей оказалось мало. Очевидно, династия Тан не представляла для этиков большого интереса. Обнаружив это, Ли По сам нарисовал портрет Звездной Ложки, благо его память схватывала все, как когти орла.

Машина экстраполировала рисунок и реконструировала лицо Синь Ши, каким оно выглядело в детстве. Используя полученную модель, компьютер просканировал все файлы по этому периоду времени и отыскал ее — причем не раз, а трижды. Ли По едва не танцевал от восторга, хотя главная радость была еще впереди.

Видеоаппаратура этиков фиксировала не только физические тела, но и ватаны людей. Поэтому, используя выделенные кадры как основу поиска, компьютер просканировал восемнадцать с лишним миллиардов ватанов, которые находились в центральном колодце башни. Если бы Звездная Ложка жила в долине, ее ватан находился бы рядом с телом. То есть вся затея потерпела бы крах. Но компьютер нашел Синь Ши, и уже через пятнадцать минут конвертер переслал ее в жилище Ли По.

Потрясение оказалось настолько сильным, что она долго не могла прийти в себя. Ее последняя смерть приходилась на те ужасные дни, когда питающие камни восточного берега перестали наполнять граали людей. Вместе с ордами других она пересекла Реку, чтобы в смертельном бою добыть себе немного еды. И там

ее убили. Умирая, Звездная Ложка не знала, что воскрешений больше не будет. Она надеялась пробудиться вновь на берегу Реки. Вместо этого ее перенесло в какое-то странное место, которого просто быть не могло в долине. Рядом с ней стоял соотечественник с лицом, скривившимся в дьявольской усмешке.

— Представляете! — рассказывал Ли По.— Она сначала приняла меня за демона. Впрочем, в этом Синь Ши ошиблась лишь наполовину. Она не узнавала меня, пока я не заговорил. Но потом на нее нахлынули воспоминания о былом, и она впервые за долгое время заплакала.

Ему потребовалась вся ночь, чтобы объяснить ей суть происходивших событий. Поведав историю о башне и этиках, он уложил Синь Ши в постель и уговорил ее немного поспать. О, как ему хотелось лечь рядом с ней! Однако он смирил свое нетерпение и ушел в другую комнату.

— Я не из тех, кто насилует женщин. Она сама должна захотеть стать моей.

Утром Ли По познакомил Звездную Ложку со своими друзьями. И она действительно оказалась очень красивой и изящной. Ее рост не превышал пяти футов; стройное худощавое тело имело все необходимые округлости, а длинные ноги и большие темно-карие глаза притягивали взгляды мужчин, как мощные магниты. Китаянка носила одежду, к которой привыкла на Земле, но она совершенно не подходила под описание поэта. Мир Реки менял людей по-своему. И от прежней Синь Ши остался только тихий и ласковый голос. Она свободно говорила на эсперанто, владела дюжиной языков, но, к сожалению, не знала английского.

Бёртон все еще сердился на Ли По за самовольное решение, но его гнев уже понемногу утихал. Звездная Ложка стояла перед ним, и укорять китайца в нарушении их соглашения было бы не очень прилично. Это лишь расстроило бы женщину и привело к большому спору с Ли По — если только не к дуэли. В любом случае Бёртон потерял бы свой авторитет. Кроме того, ситуация в их группе изменилась. Преодолев последнюю опасность, они вновь превратились в восемь сильных личностей, которые отныне не нуждались в вожаке. А значит, каждый из них мог поступать по-своему.

Бёртон выжал из себя улыбку, но сердитый голос выдал его чувства:

— Сколько женщин ты еще планируешь воскресить?

— Не больше дюжины,— с усмешкой ответил Ли По.— Я же не маньяк.

Бёртон фыркнул, и китаец, взглянув на него, продолжал:

— Потом я воскрешу шесть бездельников Бамбуковой рощи — моих верных и лучших друзей. Да вы не бойтесь, они вам понравятся. Это милые и забавные люди. Хотя им тоже захочется женщин... Плюс мои достойные родители, сестры, братья и тетя, которую я очень любил. Да! И мои дети! Пожалуй, я найду их первыми...

— На помощь! Вторжение! — с шутливой гримасой закричал Фрайгейт.— Нам снова грозит «желтая опасность».

— Что ты сказал? — спросил Ли По.

— Ничего. Я уверен, что все мы будем счастливы и довольны.

— Я тоже с радостью встречу тех, кого ты захочешь воскресить,— ответил китаец.

Фрайгейт улыбнулся и похлопал поэта по плечу. Он гордился дружбой с этим человеком, хотя, как и другие, находил его иногда несносным.

Глава 14

Питер Джейрус Фрайгейт родился в 1918 году в северном Терре-Хоте, штат Индиана, неподалеку от реки Уобаш. Он считал себя рационалистом, но втайне верил, что каждое место на Земле имеет свое уникальное психическое свойство. К примеру, почва в местечке Виго несла в своей структуре не только особые качества аборигенов, но и темперамент белых колонистов, которые вышвырнули отсюда всех краснокожих. Поэтому его психика, пропитанная испарениями индейцев и хужеров, уже не могла избавиться от них, независимо от того, сколько испарений иных народов он получал в других местах и в другие времена.

— В некотором смысле я состою из крови краснокожих и пота белых поселенцев.

Время от времени в его голосе появлялась хужеровская гнусавость, и этим он сильно напоминал Гарри Купера — актера, который снимался в фильмах о Монтане. Слово «мыться» Пит произносил как «мыца». «Ведро» у него всегда оставалось «бадьей», а «Иллинойс» — «Эллинойсом».

В детстве он посещал секту Христианской Науки, религия которой соединяла в себе индусскую и буддистскую философии.

Благодаря туповатой и невротичной Мэри Бейкер-Эдди этот религиозный коктейль пришелся по вкусу некоторым янки. Поначалу родители Питера причисляли себя к баптистам и членам епископальной церкви. Но потом случилось «чудо», которое изменило их духовную ориентацию. У тети его отца обнаружили рак, и когда врачи выписали ее из больницы, чтобы она отправилась в мир иной из собственного дома, а не с казенной койки, какой-то приятель посоветовал ей почитать для успокоения души скандально известный «Ключ к писаниям». Она прочитала эту книгу, и ее рак рассосался. После этого почти все Фрайгейты в Терре-Хоте стали преданными последователями Мэри Эдди и церкви Иисуса-ученого.

Будучи ребенком, Питер часто путал Иисуса с учеными, о которых он читал в семилетнем возрасте,— Франкенштейном, Дулиттлом и Ван Хеслингом. Двое из них тоже занимались воскрешением мертвых, а Дулиттл, который позже слился со святым Франциском, еще и разговаривал с животными. Одаренный мальчуган с богатым воображением представлял себе бородатого Христа в лабораторном халате. Именно здесь тот проводил свободное время, когда не бродил по фермам и не проповедовал свои научные открытия.

— Пора приступать. Как считаете, Иуда? Мне кажется, эту ногу надо пришить сюда, но я понятия не имею, откуда взялся этот глаз и куда нам его присобачить.

Эта беседа происходила в тот момент, когда Иисус пытался воскресить Лазаря. Проблему усложняли другие тела, которые находились в могиле перед последним погребением. Пролежав три дня в расщелине под жарким солнцем, Лазарь уже успел разложиться и рассыпаться на части — что, в общем-то, и привело к неразберихе с органами. Из-за тяжелого запаха Иисус и его ассистенты, Иуда и Петр, носили поверх хирургических масок военные противогазы.

Рядом с ними располагались гигантские реторты с булькавшей жидкостью; чуть поодаль находились статические генераторы, стрелявшие разрядами из круглых металлических шаров; у стен стояли книжные шкафы и лучшее оборудование голливудских лабораторий. Питер тогда еще не видел фильма о Франкенштейне, который вышел на экраны в 1931 году. Однако в шестилетнем возрасте его водили на немой кинофильм о безумном ученом, поэтому он прекрасно знал, как выглядят научные лаборатории.

Иуда нервничал по поводу расходов. Он исполнял роль казначея в организации доктора Христа и лучше всех понимал, насколько они зависели от добровольных пожертвований верующих.

— Эта операция влетит нам в копеечку,— хрипло сказал он великому ученому.

— Да, но подумай о рекламе. Когда миллионер Иосиф из Аримафеи услышит о наших результатах, он вложит в нас столько шекелей, что нам их хватит на оживление целого кладбища. Мы спишем эту операцию на его счет, и он получит за свою благотворительность шестипроцентную скидку на налог.

Позже, размышляя о своих фантазиях, Фрайгейт поймал себя на том, что тогда он еще не знал о рекламе и налоговых скидках. Скорее всего, он немного реконструировал свои детские вымыслы, хотя они казались ему ничем не хуже многих изданных книг.

Эта версия о Христе-ученом приохотила юного Фрайгейта к чтению научной фантастики. По горло занятый Свифтом, Твеном и Дойлем, Баумом, Дюма и Гомером, он едва находил время для Библии и карманного издания Джона Баньяна, иллюстрированного Доре. В его запутанных лабиринтах подсознания религиозные тексты смешивались с работой ученых, которые спасали человечество от неминуемой гибели. Те прежние журналы и книги научной фантастики проповедовали рационализм и неодолимую силу логики. Юный Питер верил, что только наука может вывести людей из той кутерьмы, которую они наворочали за последнюю сотню тысячелетий. Родившись в высокоразвитом технологическом обществе, он тогда еще не знал, что в каждом ребенке присутствовали каменный, бронзовый и железный века — багаж, который нес на своих плечах каждый мысливший человек. Некоторым счастливчикам удавалось избавиться от части этого груза, но никто и никогда не отбрасывал его полностью.

Впрочем, возможно, Нур исключение?

— Даже в тех эпохах имелось много хорошего и желанного,— ответил мавр.— Зачем же мне избавляться от этого?

Когда Фрайгейту исполнилось одиннадцать, его родители впали в религиозную апатию. Они перестали посещать Первую Церковь Христа-ученого на Гамильтон-бульваре, но отец настоял на том, чтобы их старший сын по-прежнему ходил на все церковные собрания. Отвозить его на Гамильтон-бульвар не хотелось ни отцу, ни матери, поэтому они устроили Питера в воскресную школу

пресвитерианской церкви, которая находилась на Аркадия-авеню недалеко от их дома.

И тогда на полной теологической скорости он ушел с головой в теорию предопределенности. Однако и она не излечила его от контузии души и философских травм, нанесенных необъясненными противоречиями.

— После этого мир стал для меня больничной палатой для выздоравливающих,— рассказывал он Бёртону.— Хотя я, конечно, кое в чем преувеличиваю.

К тому времени Фрайгейт уяснил, что людей награждали с небес только в том случае, если их жизни были наполнены хорошими делами, а сами они непоколебимо верили в существование Бога и самодостаточность Библии.

— Однако просвитериане утверждали обратное. Они говорили, что нет большой разницы в том, какими являются люди — тщеславными грешниками или примерными христианами. За тысячи лет до создания Вселенной великий Бог уже определил, что этот нерожденный человек будет спасен, а тот нерожденный человек будет проклят. Их вера очень похожа на теорию Твена о глобальной предопределенности событий. В тот миг, когда первый атом столкнулся со вторым, цепь событий замкнулась в определенном направлении, и отныне все явления заданы углом и скоростью, с которыми эти два атома врезались друг в друга. Если бы угол и скорость имели другие значения, наш мир выглядел бы совершенно иначе. Таким образом, жизнь человека определена во всем, и ничего уже нельзя изменить. Или, выражаясь языком двадцатого века, мы запрограммированы на все сто процентов.

Вся хитрость божественного замысла заключалась в том, что люди не могли сказать себе: «Какого черта?» — и жить распутной безответственной жизнью. Мы верили в непреложность христианского уклада, и, что хуже всего, нам приходилось следовать этим правилам. От нас требовалась вера в Бога, и при этом нам запрещали быть лицемерами. Но до самой смерти человек не знал, куда определена ему дорога — в рай или в вечное пламя ада.

Если верить словам пресвитериан, каждый из нас мог грешить всю жизнь. Если Бог отметил человека как спасенного, великий грешник раскаялся бы в последний момент и вкусил вечного блаженства. Но кто мог дать гарантии, что это случится с нами?

Наверное, мне следовало рассказать родителям о своей духовной агонии. Они избавили бы меня от сомнений и объяснили, что

на свете нет таких вещей, как ад и предопределение. По крайней мере, они успокоили бы меня. Но я стеснялся говорить им об этом и молча страдал. А может, во всем виноваты проблемы с общением? Тогда остается только сожалеть, что мои родители не знали, чему на самом деле меня учили в воскресной школе, до которой можно было дойти пешком. Короткая прогулка в ад сомнений и отчаяния.

— Неужели ты так сильно страдал? — спросил Бёртон.

— Это случалось лишь иногда и длилось недолго. Будучи смышленым и любознательным мальчишкой, я понимал, что взрослые в церкви играли в какую-то свою игру. Они только притворялись, что верят в предопределение, а сами в реальной жизни придерживались абсолютно других принципов. И уж конечно, они не страдали от сомнений и сожалений по поводу их странной доктрины. Они признавали ее лишь на словах и забывали о ней, едва выходили из церкви — а возможно, и еще быстрее.

Читая о жизни Твена, я видел, что он тоже не верил в свою безбожную и механическую вселенную. Марк Твен выбирал одни пути и отвергал другие; он всю жизнь совершал волевые поступки, хотя и много говорил об отсутствии свободной воли у людей.

В двенадцатилетнем возрасте Фрайгейт стал закоренелым атеистом.

— Вернее, искренне верующим в науку и считающим ее спасительницей человечества. Я имею в виду науку в руках разумных людей. В то время до меня еще не доходили мудрые слова Свифта, который утверждал, что большинство людей по своей сути являются тупыми иеху.

Он поспешил внести поправку. Большинство людей превращались в иеху лишь время от времени, и только малая часть всегда оставалась поросшим шерстью зверьем. Впрочем, и их хватало с избытком.

— На самом деле наука могла стать нашей спасительницей только в одном-единственном случае — если бы ее не использовали во вред. Но люди всегда и во всем доходят до крайности, и, видимо, зло является сутью наших душ. Я понял это только после тридцати пяти лет. Как и у Данте, мой маленький челн, выплыв на середину жизни, находился еще по ту сторону адских врат.

— Как много времени тебе понадобилось на такую маленькую истину,— сказал Нур.— Неужели так трудно понять, что, не-

смотря на разум, люди остались животными? Гуманность требует сил; вот они и ведут себя как звери. Так и проще и легче.

— Вот именно,— поддержал его Бёртон.— В нас живут не только люди из палеолита, но и двуногие обезьяны. Хотя мне не хотелось бы оскорблять обезьян.

Долгие годы Фрайгейт считал, что у человека вообще не существует души. И вот однажды его осенила крамольная мысль: если Бог не дал людям бессмертного начала, то они сами должны создать его для себя. Питер написал рассказ, в основу которого легла идея об искусственно созданных душах. Эти синтезированные образования обеспечивали бессмертие, которым Бог не пожелал одарить людей.

В те времена еще никто не касался этой темы. Фрайгейт развил ее до научно-фантастической новеллы, и она получилась довольно интересной. В ней он выразил свое глубинное убеждение в том, что люди должны спасать себя самостоятельно. Бессмысленно ждать спасителя, который, прилетев с небес или другой планеты, искупил бы грехи человечества.

— В чем-то я, конечно, ошибался, но не во всем,— рассказывал Фрайгейт.— Мы нашли свое спасение в синтетических душах, но их создали не люди, а внеземные существа.

— Ватан — это еще не спасение,— возразил Нур.— Это только средство, чтобы приблизиться к концу. Спасение может прийти только из глубины сердца. И оно приходит само по себе.

Слияние науки и религиозных побуждений привело к созданию мира Реки. Но ватаны завели этиков в тупик. С их появлением наука угасла, как закат солнца, и ведущие позиции заняла метафизика.

Тем временем люди продолжали свое существование, двигаясь в потоке событий и забот. Нравилось им это или нет, но они спали, питались и влюблялись, удовлетворяли старые потребности и искали новые. Задавая вопросы компьютеру, они часто не получали ответов, однако у них оставалась надежда, что однажды им их дадут.

Познакомившись со Звездной Ложкой, Фрайгейт немного поболтал с ней о жизни в долине и на Земле. Он с трудом понимал ее эсперанто, поскольку последние полсотни лет китаянка жила среди своих соотечественников восьмого века нашей эры и итальянских сабинов пятого века до Рождества Христова. Ее речь

имела множество незнакомых слов, заимствованных из других языков.

Устав от путаницы, Питер сослался на дела, извинился и ушел в свои апартаменты. Его, как и Бёртона, тревожил поступок Ли По, который без ведома коллег отважился на воскрешение Звездной Ложки. Впрочем, их группа нуждалась в новых членах; восьмерых человек не хватало для того, чтобы внести в их маленькую общину свежесть и разнообразие встреч. Лишения и беды сплотили их в одно целое — в большую и крепкую семью. Тем не менее они часто действовали друг другу на нервы и ссорились по пустякам — за исключением Нура.

Фрайгейт не возражал против новых воскрешений, но, прежде чем что-то делать, требовалось все взвесить и обсудить с остальными. Ему не нравились поспешные действия, революции, полюции и тому подобная истерика.

«А ведь Ли По открыл плотину,— размышлял американец.— И теперь остальным тоже захочется воскресить своих друзей. Но мы не готовы к колонизации Туманной Башни. У нас нет никаких квот по количеству и составу людей».

Очевидно, эта проблема волновала не только Бёртона и Фрайгейта. Однако Ричард, их палочка-выручалочка, не мог взять ситуацию под свой контроль. Будучи храбрым, сильным и настойчивым человеком, он не имел задатков лидера и годился в вожди только тогда, когда требовались крутые и насильственные меры. Для мирных времен он абсолютно не подходил.

Группа охотно приняла бы руководство Нура эль-Музафира, но тот ни за что не согласился бы стать их лидером. Его ум, доброта и предусмотрительность могли бы помочь им в сложившейся обстановке. Однако мавр утверждал, что стремление к анархии контролировать невозможно.

Глава 15

Когда экран начал показывать рождение Звездной Ложки, она едва не упала в обморок. Бёртон не ожидал от нее таких эмоций. Его удивило обилие слез и криков. Как и многие западные люди, он считал китайцев расой «непроницаемых азиатов». Неудержимый и почти маниакальный характер Ли По казался ему исключением, которое лишь подтверждало правило. Смущенно отозвав

китайца в сторону, он поделился с ним своим недоумением. Ли По громко рассмеялся и сказал:

— Наверное, китайцы твоей эпохи старались не выражать своих эмоций при странных и опасных ситуациях. Но я и Звездная Ложка принадлежим седьмому веку. Неужели ты думаешь, что мы похожи на них? Это то же самое, как сравнивать тебя и англичан седьмого века.

— Ты прав, а я достоин упреков и наказания,— пошутил Бёртон.

— Мне кажется, ее тревожит не столько то, что она видит сейчас, как то, на что ей придется смотреть в дальнейшем,— тихо произнес Нур.

При виде картин чужого прошлого они чувствовали смущение и беспокойство. По этой причине Бёртон предложил выбрать для общих встреч и совместных ужинов одно из пустовавших помещений. Закрасив стены, они избавились бы не только от экранов, но и от стыда за свои прошлые поступки. Все согласились, и на этом их очередная встреча закончилась. Вернувшись к себе, Бёртон дал компьютеру особые указания и заказал двух андроидов, которые через тридцать секунд появились в камере конвертера. Один из них во всем походил на полковника Генри Корселлиса в годы его командования Восемнадцатым полком бомбейской пехоты. Второй андроид представлял собой копию сэра Джеймса Аутрэма — героя индийской кампании и представителя ее величества в Адене.

Корселлис невзлюбил Бёртона из-за пустяка. На одной из офицерских пирушек Ричард наскоро сочинял эпиграммы на своих друзей. Зная вздорный и обидчивый нрав командира, он пропустил его имя в своей шутливой перекличке. Однако Корселлис потребовал куплет про себя, и Бёртон продекламировал следующую эпитафию:

Вот могила полковника Корселлиса,
Где лежит его бренное тело.
Все остальное находится в аду,
И надо сказать — за дело.

Как он и ожидал, полковник рассердился, и они поссорились. С тех пор Корселлис превратил службу Бёртона в сущий ад.

— Хотя я сам виноват. Знал, что так получится, а все равно полез на рожон.

С Аутрэмом вышла другая история. Когда этот офицер стал генералом Индийской армии, он затеял травлю сэра Чарльза Не-

приера, которого Бёртон считал примером для себя и других солдат. Чтобы поддержать товарища по оружию, Ричард начал издавать «Газету Карачи», в которой помещал статьи и письма, посвященные защите отважного офицера. Аутрэм воспринял это как личный вызов и пообещал при первом удобном случае отправить Бёртона под пули на передовую. Годами позже, когда капитан Индийской армии Ричард Фрэнсис Бёртон попросил разрешения исследовать Сомали, Аутрэм отказал ему в просьбе. В то время его отказ почти ничего не значил, но генералу удалось ограничить субсидии на африканские исследования.

И вот теперь Корселлис и Аутрэм стояли перед ним. Первый андроид был в форме полковника, второй носил штатский сюртук. Их лица ничего не выражали. Они могли улыбаться, но только по команде и лишь в том случае, если это значилось в программном списке их действий.

— Вы, две задницы! Приступайте к покраске комнат. Все необходимое для работы найдете вон там,— сказал он, указывая на шкаф.

Андроиды не обратили на его жест никакого внимания.

— Посмотрите туда, идиоты! Туда, куда показывает мой палец. Этот шкаф называется конвертером. Там вы найдете лестницы, распылители и краску. Процедура малярных работ вам известна. При любой нештатной ситуации обращайтесь ко мне.

Сначала Бёртон хотел запрограммировать их так, чтобы перед началом работы они облизывали его сандалии. Но потом он посчитал это детским и совершенно бессмысленным актом. Если бы его сандалии вылизывали настоящие обидчики, он бы действительно получил удовлетворение. А так... Хотя Корселлис и Аутрэм не согласились бы лизать его обувь. Да и он не стал бы воскрешать их — даже в качестве своих лакеев. Бёртон давно уже понял, что, унижая других, человек унижает и себя.

Тем не менее неловкие движения двух его слуг доставили Бёртону удовольствие, и он даже похихикал, когда они направились к конвертеру. Как жаль, что реальные Аутрэм и Корселлис не могли полюбоваться его работой. О, как они негодовали бы и плевались от злости!

Он вздохнул и подумал о том, насколько жалкой выглядела его месть. Если бы все это увидел Нур, он наверняка бы сказал:

— Такие действия и чувства недостойны тебя, мой друг. Ты становишься ничем не лучше своих врагов и этих жалких протеиновых роботов.

— Значит, мне следовало подставить другую щеку? — прошептал Бёртон, продолжая вслух воображаемую беседу.— Но я не христианин. Кроме того, я не встречал таких христиан, которые подставляли бы другую щеку после первого удара.

Ему приходилось поддерживать свой образ честного и прямолинейного человека, поэтому он решил не показывать своих андроидов остальным землянам. То, что сошло с рук Алисе, стало бы позором для Бёртона. Кроме того, создавая роботов с лицами Гладстона и Дизраэли, Алиса не имела к последним никаких предубеждений. Ее просто забавляло, что на вечеринке им прислуживали два премьер-министра.

Через полчаса Бёртон покинул свои апартаменты, хотя ему и не хотелось оставлять андроидов без присмотра. При любой проблеме, которая выходила за рамки программы, они либо игнорировали ее, либо останавливались в ожидании дальнейших указаний. Однако он больше не мог оставаться рядом с экраном, который показывал его прошлое. Время от времени последовательность записанных событий меняла свою хронологию, и в этот день экран демонстрировал эпизоды трехлетнего возраста, в которых его наказывал наставник.

— Я сказал ему, что он дышит, как больная собака,— прошептал Бёртон.— И слишком много пердит. А этот ублюдок начал меня бить...

В ту пору он еще не умел читать, но наставник уже обучал его латыни. В свои десять лет Бёртон знал латынь не хуже репетитора и свободно говорил на ней.

— Но я выучил ее назло этому висельнику. Ему так и не удалось выбить из меня врожденную способность к языкам. К сожалению, многие дети ненавидят предметы, которые им преподают учителя с охапкой розог. Для них это одно и то же.

Экран с его воспоминаниями появился на стене рядом с дверью, которую он только что закрыл. Бёртон сел в летающее кресло, стоявшее у двери, и развернул его в противоположном направлении. Экран тут же переместился на другую стену. Вставив в уши затычки и опустив на лоб длинный козырек, Бёртон погрузился в чтение книги. Очевидно, компьютер не имел указаний переносить экран на пол. Во всяком случае, фильм из детства не мешал ему заниматься своими делами.

Он вновь углубился в учебник грамматики этрусского языка, составленный римским императором Клавдием. Эту книгу Бёртон воспроизвел по файлам компьютера. На Земле она считалась утерянной в средние века, но агент этиков отснял ее копию почти сразу же после того, как Клавдий дописал последнюю страницу. Пока земные лингвисты оплакивали потерю этого шедевра, он спокойно хранился в записях предусмотрительных этиков.

Перелистывая страницу, Бёртон поднял голову и взглянул на экран. На него смотрело раскрасневшееся и разъяренное лицо Мак-Кланахана. Затычки в ушах не пропускали звук, но Бёртон читал слова по губам. Наставник вновь срывал на нем злость, ругая, оскорбляя и предрекая адские муки. Он снова кричал, что маленького Ричарда унесут с собой черти и что для него уже готова раскаленная сковорода, на которой жарят маленьких своевольных негодяев.

Бёртон не видел своих губ, но явно кричал в ответ: «Тогда там и встретимся!» Малыш, очевидно, хотел уйти, но наставник поймал его за руку и отстегал розгой. И Бёртон знал, что он не плакал и не просил прощения, а упрямо сжимал губы, чтобы Мак-Кланахан не получил удовольствия от его обиды и унижения. Наставник сердился все больше и больше, и его удары становились больнее. Но он не мог отхлестать мальчишку так, как ему бы того хотелось. Отец Ричарда одобрял применение розог, считая, что они прививают детям послушание и любовь к наукам. Однако он не потерпел бы избиения сына.

Бёртон снова опустил голову и, превратив свое внимание в острый меч, начал нанизывать на него этрусские слова и правила грамматики. Прочитав две страницы, он зажмурился и попытался представить их в уме. Они возникли перед ним, как на экране. Бёртон открыл глаза, проверил точность своей памяти и удовлетворенно улыбнулся. Он по-прежнему впитывал в себя слова, как губка.

Конечно, изучение языков во многом зависело от способности запоминать, но для живой речи требовался этруск. Бёртон подумывал воскресить одного для практики. А что он делал бы с ним потом? Поймав себя на этом проклятом «что потом?», Бёртон усмехнулся и покачал головой.

И тут его осенило. Он мог изучать этрусский язык по таким же фильмам, какой теперь показывали ему. Почему бы не прокрутить воспоминания мертвых людей? И зачем ему живой этруск, когда можно обойтись и мертвым?

Произнеся кодовое слово, он велел компьютеру сформировать на стене экран. На его вопрос, можно ли просматривать чужие воспоминания, машина ответила, что их действительно можно извлекать и показывать в виде фильма. Однако некоторые записи не подлежали воспроизведению из-за команд запрета, введенных ранее.

Бёртон взглянул на часы. По его расчетам, андроидам уже полагалось закончить работу.

К тому времени на экране воспоминаний появился Неаполь, где их семья отдыхала после долгого путешествия по Южной Европе. Ричарда снова колотил наставник, но на этот раз Дюпре — дипломированный выпускник Оксфорда.

По словам Фрайгейта, их жизни прокручивались, как фильмы. Но прежде чем показать основные кадры, сначала демонстрировали анонс из отрывков.

Наблюдая за жизнью в Неаполе, Бёртон вспомнил, что в тот период он часто занимался онанизмом в компании с соседскими мальчишками. Подумав о том, что эти сцены могут увидеть его друзья, он покраснел и вспотел от смущения.

А что же им делать с бесчисленными посещениями отхожих мест или с невыносимо откровенными сексуальными сценами? Он еще раз похвалил себя за идею окрасить то помещение, где они будут встречаться друг с другом. Бёртон знал, что делал, когда решил покрыть краской стены своей квартиры. И догадывался, что остальные поступят так же — если, конечно, они имели мозги.

Он вернулся в зал и осмотрел помещение. Все экраны находились под толстым слоем краски. Андроиды только что закончили работу в спальне и перешли в коридор. Англичанин понимал, что ему не раз захочется взглянуть на свое прошлое. Он велел протеиновым роботам оставить несколько комнат неокрашенными. Теперь Бёртон сам мог выбирать время для просмотра своих воспоминаний.

А может быть, и нет. Он выругался и щелкнул пальцами. Подойдя к консоли дополнительного компьютера и включив дисплей, Бёртон взглянул на экран и улыбнулся. Там не было ненавистных картин. Очевидно, для демонстрации воспоминаний компьютер мог использовать только стены.

Аутрэм доложил, что покраска закончена. Бёртон приказал андроидам разобрать лестницы и отнести в конвертер полные и

пустые баллончики. Дезинтегрировав их, он велел Корселлису и Аутрэму войти в камеру преобразователя. Как только дверь за ними закрылась, энергия полыхнула огнем, и от роботов не осталось даже щепотки золы.

На миг ему показалось, что в глазах андроидов промелькнула мольба. Но они не имели разума и инстинкта самосохранения.

Стены, пол и потолок зала выглядели отталкивающе белыми. Бёртон решил разрисовать их незатейливым орнаментом, но в это время раздался сигнал вызова. Подойдя к дисплею вспомогательного компьютера, он увидел на экране лицо Фрайгейта.

— Я осмотрел маленькие миры на верхнем этаже башни,— сказал американец.— Интересно, что компьютер не показывает там прошлого. Возможно, этики обезопасили свои заповедные места какими-то программами, которые не удалось переделать даже Снарку. Но у меня есть другая причина, по которой мы должны встретиться около этих комнат. Они очаровали меня иллюзией свободы. Во всяком случае, мне там гораздо лучше, чем в своей квартире, и я хочу предложить нашей группе перебраться туда. Пусть каждый выберет себе мир на свой вкус. Мы можем менять там все, что угодно. Лично я уже знаю, какой будет моя крохотная вселенная. А то центральное помещение между комнатами мы могли бы использовать для общих встреч и торжественных церемоний.

Тем же вечером они встретились на центральной площадке «преднебесного» уровня, чтобы обсудить предложение Фрайгейта.

— Вы можете посмотреть эти места сами,— говорил американец.— Они просто сказочны.

Он напомнил им, что сечение башни делилось на тридцатиградусные сегменты. Острые усеченные концы двенадцати частей, соединяясь вместе, образовывали круглую центральную площадку.

— С высоты птичьего полета этот уровень выглядел бы как зодиакальная карта. Она тоже разделена на двенадцать частей, или двенадцать домов: Водолей, Овен, Телец, Близнецы и так далее. Если вы не против, мы могли бы выбирать себе комнаты по этому принципу, то есть по датам наших рождений.

— А зачем? — спросил де Марбо.

— Я только предлагаю способ выбора. Используя зодиакальный метод, мы могли бы избежать лишних споров. Хотя, на мой

взгляд, все эти комнаты одинаковы, и причин для разногласий в принципе не существует. Но решать, конечно, вам.

Все сказали, что им по душе такой выбор сегментов.

— А я не знал, что ты веришь в такую чепуху,— произнес Терпин, похлопав Фрайгейта по плечу.— Все эти астрологические карты — просто забава для климактерических дам.

— Я не верю в астрологию. Однако кое-что знаю о ней. Взять хотя бы Ли По. Согласно западному календарю, он родился девятнадцатого апреля семьсот первого года. То есть он — Овен и принадлежит первому дому, принципом которого является энергия. Мы все знаем Ли По, и он действительно очень энергичен.

— Это еще мягко сказано! — самодовольно отозвался китаец.

— Кроме того, первый дом является домом исследователей и путешественников, что вполне соответствует склонностям нашего друга. Твои положительные качества описываются тремя словами: свободой, оригинальностью и динамикой.

— Верно! Мне надо побольше узнать об этой западной астрологии.

— Твоими отрицательными качествами являются безрассудство, самонадеянность и лживость,— с улыбкой продолжал Фрайгейт.

— Что ты сказал? Ты назвал меня лживым? Возможно, я и бываю безрассудным — хотя в мои времена это называли храбростью. Но как ты мог обвинить меня в самонадеянности и лжи?

— Не обижайся, Ли. Я только повторяю то, что астрология говорит о твоем знаке. Человек способен преодолевать свои недостатки. И очевидно, ты победил все плохое, чем наделила тебя судьба.

— Питер имеет в виду, что отрицательные качества могут превращаться в положительные,— добавил Бёртон.

— Тебе подходит дом Овна? — спросил Фрайгейт.

— Конечно! Он же первый!

Американец повернулся к Алисе:

— Ты родилась четвертого мая тысяча восемьсот пятьдесят второго года. Ты Телец, и твоим домом управляет Венера. Можно сказать, что ты очень эмоциональна.

— Подумать только! — произнес Бёртон, и Алиса метнула на него сердитый взгляд.

— Тельцы — это смиренные строители. Твои положительные качества — преданность, зависимость и терпеливость. Ты ведешь

непрерывную борьбу со своими желаниями, жадностью и гордостью.

— Что-то я этого за собой не замечала,— тихо сказала Алиса.

— Тебе подходит второй дом?

— Да, конечно.

Фрайгейт приблизился к Томасу Терпину, который, покуривая папироску, время от времени прикладывался к бутылке бурбона.

— Твой выход на сцену жизни пришелся на двадцать первое мая тысяча восемьсот семьдесят третьего года. Попав в дом Близнецов, которым управляет Меркурий, ты обрел такие черты, как гениальность, пластичность и способность к творчеству. Люди искали твоего общения и протекции...

— Продолжай, парень. Ты мне нравишься!

— Но твоими отрицательными качествами являются... хм-м... двуличие, поверхностность и непостоянство.

— Это наглая ложь, приятель! Я никогда не был двуличным! Где ты набрался такой чепухи?

— Никто тебя ни в чем не обвиняет,— ответил Фрайгейт.— Если у тебя нет отрицательных качеств, значит, ты их просто преодолел.

— Так вот запомни! Я не двуличный! А если тебе не нравится моя осмотрительность и обходительность, мы можем общаться с тобой и по-другому. Возможно, у тебя сейчас плохое настроение, но зачем же портить его остальным? Это, парень, добром не кончается.

— Ты согласен занять третью комнату?

— Она ничем не хуже других, а возможно, даже и лучше.

— Среди нас нет рожденных под знаком Рака,— сказал Фрайгейт.— Поэтому четвертое помещение останется пустым. Пятый дом — Лев, которым управляет Солнце. Его представители отличаются жизнестойкостью и драматизмом. Это я о тебе, Марселин. Ты родился восемнадцатого августа тысяча семьсот восемьдесят второго года?

— Да,— ответил де Марбо.

— Львы царственны...

— Верно!

— ...привлекательны...

— Совершенно верно!

— ...и очень внушительны.

— Трижды верно!

— Однако их плохими качествами являются напыщенность, деспотичность и тщеславие.

Француз покраснел и нахмурился. Остальные громко захохотали.

— Вот он и тебя уложил на лопатки! — давясь от смеха, сказал Терпин.

— Так ты принимаешь пятый дом или нет? — спросил барона Фрайгейт.

— Учитывая, что мы просто развлекаемся с астрологией, я беру эту комнату. Но прошу не путать мои задатки лидера с деспотизмом! Да, у меня действительно есть чем похвастать, но разве вы слышали от меня похвальбу? Я не тщеславен и никогда, слышите, никогда не был напыщенным человеком!

— Никто и не собирается это оспаривать,— двусмысленно ответил Фрайгейт.— Давайте перейдем к шестому дому — дому Девы, который управляется Меркурием. Представители этого знака склонны к анализу событий и ведут общественную жизнь. Ты, Афра, родилась двадцать второго сентября тысяча шестьсот сорокового года и, как все Девы, наделена практичностью и благоразумием.

— Никогда такой не была и не буду,— сказала Афра.

— Но, помимо всего прочего, Дева излишне критична, чопорна и часто страдает ипохондрией.

Бен язвительно рассмеялась:

— Это я-то чопорная? С моей репутацией и непристойными драмами?

— Тебе подходит шестой дом?

— А почему бы и нет?

— О чем ты говоришь? — возмущенно вскричал де Марбо.— О каком доме может идти речь? Я думал, мы будем жить вместе! Неужели я чем-то обидел тебя, моя маленькая капусточка? Неужели моя любовь больше ничего не значит? Если ты заведешь собственный дом, мы... черт возьми... больше не будем делить одно ложе под одной крышей. Подумай об этом! Неужели я тебе надоел?

Она похлопала его по руке:

— Успокойся, мой боевой петушок. Я по-прежнему тебя люблю. Но... Мы всегда вместе, никогда не расстаемся, и наша близость становится слишком уж докучливой. Кроме того, мне хочется иметь свой собственный мир. Представляешь, мы построим два дома и будем ходить друг к другу в гости. Одну ночь ты проводишь в моем мире, другую — я в твоем. Ты будешь захватывать мою империю и увозить меня в плен. Или я, как венценосная королева, буду приглашать тебя к себе с дружеским визитом для обсуждения некоторых интимных дел.

— Даже не знаю, что сказать,— ответил барон.

Афра пожала плечами:

— Если нам это не понравится, мы снова будем жить вместе, как и прежде. Неужели ты боишься, Марселин?

— Я? Боюсь? Как ты могла подумать такое! Хорошо, Питер! Я беру себе пятый дом, а Афра — шестой. В худшем случае мы останемся соседями.

— С толстой стенкой, разделяющей вас. Но только стены делают соседей хорошими друзьями.

— И плохими любовниками,— добавил Бёртон.

— Ты слишком циничен, мой друг,— сказал де Марбо.

— Весы и Скорпион, то есть седьмая и восьмая комнаты, побудут пока пустыми,— сказал Фрайгейт.— Девятый дом принадлежит Стрельцу, которым управляет Юпитер. Основной образ поведения определяется экспансией внутрь и вовне. Стрелец любит философствовать, что вполне соответствует характеру Нура. Согласно древней науке, ты общителен, склонен к логике и пророчествам.

— А что еще? — спросил Нур.

— Отрицательными качествами являются грубость, фанатизм и нетерпимость.

— Все это было в моей юности, но там и осталось. Я давно уже распрощался с ними.

— Козерогов среди нас нет, и поэтому мы переходим к моему знаку — Водолею. Одиннадцатый дом управляется Сатурном, который любит поучать других, и Ураном, раздающим дары возможностей. Водолей облагораживает окружение. Он соединяет в себе находчивого дипломата и благородного альтруиста. К сожалению, его отрицательными качествами является эгоизм, эксцентричность и импульсивность.

— И ты признаешь себя виновным в этом? — спросил Бёртон.

— Более-менее. А теперь, Дик, перейдем к тебе. Ты родился девятнадцатого марта тысяча восемьсот двадцать первого года.

По идее, Рыбы должны содействовать гармонии, но в твоем случае... Впрочем, ладно. Обойдемся без критики. Рыбы управляются Нептуном и Юпитером. Первый превращает людей в идеалистов, а второй побуждает к экспансии. Тут, пожалуй, возражений нет. Положительными качествами являются интуиция, привлекательность и артистичность.

— Но в то же время, как ты мне уже говорил, я сделал из себя доморощенного мученика,— добавил Бёртон.

— Теперь нам предстоит разойтись по новым домам,— подытожил Нур.— И мы понесем туда груз добрых и недобрых качеств. Жаль, что нельзя оставить эти чемоданы за дверью и двинуться в путь налегке.

Глава 16

Переезд в «небесный пирог»* потребовал небольшой подготовки. Обследовав свои маленькие миры, обитатели башни какое-то время не знали, сохранять их в прежнем виде или создавать что-то новое — на собственный вкус и лад. Кроме Нура, которому понравилось помещение с зеркалами, все остальные решили изменить обстановку огромных комнат. Пока орды андроидов и роботов занимались реконструкцией, люди размышляли над деталями, просматривали файлы компьютера и выбирали для себя те или иные элементы оформления. Затем они вносили поправки в чертежи, и строительные конвертеры претворяли их мечты в реальность.

В конце концов Нур передумал и сказал, что останется в своей квартире. Он планировал посещать мир зеркал только для того, чтобы медитировать там на отражениях.

Бёртон тоже не захотел менять свои апартаменты, чем удивил почти всех друзей. Он всегда считался неисправимым бродягой, который терял покой, если оставался на одном месте больше недели. Свое нежелание переезжать на верхний этаж Бёртон объяснил тем, что еще не закончил создание личного мира. Затеяв строительство арабского дворца, он возвел его до середины, а затем ликвидировал все, что уже сделал. Через некоторое время англичанин вновь приступил к строительным работам и по прошествии двух недель приостановил их на неопределенный срок.

* Это выражение аналогично «журавлю в небе».

— Скорее всего, Дик догадывается, что это будет его последний дом, и поэтому не хочет переезжать туда,— сказал Нур.— Куда бы он отправился дальше?

После переезда шести членов группы друзья подготовили центральную площадку для торжества и устроили там новоселье. Оно получилось не очень радостным, так как посреди праздника Бен и де Марбо поссорились друг с другом. Француз перебрал и вспылил, когда Афра вновь отказалась жить в его мире. Потеряв над собой контроль, он начал обвинять ее в том, что она к нему охладела.

— Я имею право на свой мир,— надменно ответила она.— Тем более что этот мир я создала сама.

— Место женщины рядом с мужчиной, которого она любит! И ей следует идти за ним, куда бы он ни пошел!

— Мы уже говорили с тобой на эту тему,— резко ответила она.— И мне уже надоели твои упреки.

— Мадам, вам следует находиться под моей крышей. Это не только просьба, но и мое условие! Иначе как я могу вам доверять?

— Вы хотите сказать, сударь, что я не могу отойти от вас даже на минуту? Какая же это любовь, черт возьми, если нет и капли доверия! Неужели вы считаете меня дешевой шлюшкой, которая при малейшей возможности прыгает по кроватям других мужчин, как блоха? Или вы относитесь так ко всем женщинам? Стыдитесь, барон! А как же вы оставляли в одиночестве свою жену, когда были солдатом? Наверное, надевали на нее пояс верности...

— Не сравнивайте себя с моей женой! — закричал де Марбо.— Она выше любых подозрений!

— Да здравствует новый Цезарь! — насмешливо ответила Афра.— Между прочим, жена настоящего Цезаря наставила мужу вот такие рога! Неужели вы думаете, мой драгоценный кусочек дерьма, что ваша супруга чем-то от нее отличалась?

Барон взъярился и, перейдя на французский, начал выкрикивать проклятия и оскорбления. Афра гордо отвернулась и скрылась в дверном проеме шестого дома.

Когда круглая дверь закрылась, она заплакала. В тот миг ей казалось, что она теряла своего любовника навсегда. В ссоре с де Марбо говорила не Афра, а ее эмоции, и теперь опыт зрелой женщины подсказывал ей, что она перегнула палку. Скольких же мужчин она оттолкнула от себя подобным образом? Пусть не сот-

ню, но, пожалуй, больше двадцати. Афра даже не помнила некоторых по именам. Хотя она знала, что вскоре вспомнит их, увидев на экране в картинах прошлой жизни. Правда, в этом маленьком мире она могла не бояться навязчивого прошлого.

Поднявшись по ступеням на верхнюю площадку, она открыла дверь и шагнула в свой мир. Рядом с дверью находилось еще одно летающее кресло. Афра села в него, взлетела на сотню футов и понеслась вперед. Под ней простирались тропические джунгли с полосками узких рек, блестевших при свете искусственной луны. Из темной массы растений доносились крики ночных птиц; мимо нее проносились силуэты летучих мышей, которые ныряли в кроны деревьев всего лишь в нескольких футах под ее ногами. Свет полной луны был в два раза ярче сияния земного ночного светила. Крупные звезды напоминали созвездия экваториальной Южной Америки. На небольшой прогалине мелькнула тень огромного животного — скорее всего, ягуара. Чуть сбоку слышался плеск и ревели аллигаторы. Ветер овевал ее лицо и теребил подол вечернего платья.

Она направила кресло к большому озеру в центре джунглей. Его воды серебрились широким кольцом вокруг великолепного дворца. Афра воссоздала его по образу того миража, который видела однажды, путешествуя из Антверпена в Лондон. Призрачный дворец возник неподалеку от корабля, словно по волшебству. Видение напугало всех, кто находился на палубе, но Афра не могла отвести от него глаз.

Сказочное строение имело четыре этажа. Его стены, выложенные мрамором различных оттенков, окружали ряды резных и винтообразных колонн. Их обвивала цветущая лоза, а на шпилях в порывах бриза реяли узкие флаги. На каждой колонне виднелись фигурки маленьких купидонов, которые, казалось, поднимались вверх, помогая себе взмахами небольших трепещущих крыльев.

Дворец видели все, кто находился на палубе корабля. Но откуда пришло это видение? Обычно миражи отражали реальные вещи. Но неужели в Англии или на континенте имелся такой фантастический дворец, построенный в стиле рококо?

Это необъяснимое видение не давало Афре покоя всю оставшуюся жизнь — как на Земле, так и в мире Реки. Она попросила компьютер объяснить ей смысл явления, но машина лишь сослалась на ее биографию, написанную Джоном Джилдоном. Эта

книга, изданная после смерти Афры Бен, заинтересовала ее и возмутила неточностями и откровенной ложью. Она запросила всю доступную литературу, связанную со своим именем, и прочитала произведения Монтегю Саммерса, Бернбаума и Сэквилла-Уэста. Все вышеназванные авторы усердно пытались отделить истину от романтики и измышлений. Однако это им не удалось. И упрекать их тут было не в чем. Официальных документов о ней почти не существовало, а ее новеллы, пьесы и поэмы либо искажали исторические факты, либо вообще не имели к ним никакого отношения.

Своим отцом Афра считала цирюльника Джеймса Джонсона из Кентербери. Ее мать умерла через пару дней после родов, и малышку вместе с братом и сестрой усыновили их родственники — Джон и Эми Эмис. В ту пору они и представить себе не могли, что маленькая девочка станет первой англичанкой, которая будет жить на деньги, полученные от литературной деятельности. К сожалению, антологии последующих веков не пожелали включить в свои подборки ее прозу и поэмы, поэтому до читателей двадцатого века дошла лишь одна новелла, представленная критиком как второстепенный образчик классики.

Ее блистательное внедрение в доселе мужскую литературу шокировало многих писателей и критиков. Их пристрастные и мстительные замечания приводили ее в бешенство, и она отвечала на них в том же духе, без жалости и промедлений. Будучи первопроходцем в дебрях женоненавистников и самодовольных ничтожеств, Афра страдала от жгучих уколов и брошенных камней. Но она проложила путь тем многочисленным толпам женщин, которые связали свою судьбу с бумагой, ручкой и карандашом.

В детстве она была нервным и болезненным ребенком. Тем не менее Афра без проблем перенесла шесть тысяч миль тяжелого и опасного путешествия в Суринам — английскую колонию на севере Южной Америки. Благодаря протекции влиятельного родственника, лорда Уиллоуби Паремского, ее приемный отец получил высокий пост в суринамской колонии. Однако во время плавания через Атлантический океан Джон Эмис умер от лихорадки. Несмотря на потерю, Афра радовалась жизни и восторгалась всем тем, что дарила ей экзотическая страна. Она подружилась со старым черным рабом, которого выкрали из королевской семьи какого-то племени в Западной Африке. Его чудесные

истории о родине и особое положение среди рабов стали основой романтической новеллы, которую она написала через несколько лет. Афра назвала ее «Оруноко — царственный раб».

— Мне никогда не забыть тех счастливых лет в стране нескончаемой весны. За апрелем и маем там шел июнь, после которого вновь начинался апрель. Деревья цвели, зеленели и плодоносили в одно и то же время. Я бродила среди рощ, собирала апельсины, лимоны, цитроны и инжир или наслаждалась ароматом мускатных орехов. Воздух пьянил благоуханием растений. В лагунах и каналах цвели огромные водяные лилии, а над ними летали ярко раскрашенные попугаи и канарейки. Птицы тва-тва издавали звуки, похожие на удары серебряного гонга. Какаду кричали: «Qu'est-ce que dit? Qu'est-ce que dit?*» Я писала стихи на странном наречии, которое наполовину состояло из африканских слов и наполовину — из английских. Мы с сестрой ходили в церковь и слушали проповеди о великом Боге, которого звали Гран Гадо, а потом священник рассказывал о его жене Марии и сыне Йези Кисто. Время от времени с гор спускались индейцы, и я видела в их руках сумки, полные золотого песка. Однако в этом земном раю случались и неприятности. Я часто болела малярией. А однажды меня спасло от смерти только снадобье негритянского колдуна.

В 1658 году, когда Афре исполнилось восемнадцать лет, ее семья вернулась в Лондон. В девятнадцать она вышла замуж за Ханса Бена — пожилого, но богатого голландского купца. Отсутствие приданого возместили красота, образованность и ум. Но более всего сердце старого купца пленила ее цветущая молодость. Пользуясь своими связями, он устроил жену при дворе Чарльза Второго.

— И это правда, что ты стала любовницей короля? — спросил Фрайгейт.

— Однажды его величество действительно предложил мне переспать с ним в летней беседке, но в то время я уже дала клятву верности своему супругу. В наши дни измена считалась тягчайшим грехом. К тому же я была беременной... хотя позже у меня случился выкидыш. Надо сказать, что я любила своего старого мужа и знала, как оскорбит его подобная неверность. Я любила человека, а не его кошель.

* Что ты сказал? *(фр.)*

В 1665 году несколько кораблей ее мужа затонули с грузом при штормах или попали в руки пиратов. Потеряв почти все свое состояние, Ханс Бен скончался от сердечного приступа и оставил молодую вдову с пятьюдесятью фунтами. К тому времени, когда она получила работу, у нее осталось только сорок фунтов. Благодаря связям при королевском дворе Афра стала агентом секретной службы и отправилась в Антверпен для выполнения шпионского задания. Та информация, которую она получала о голландском флоте, ценилась очень высоко, но ее основным заданием являлась слежка за англичанами-отступниками, проживавшими в Голландии. В те времена из Англии бежали многие, и против Чарльза Второго готовился тайный заговор.

— Да ты настоящий Джеймс Бонд! — воскликнул Фрайгейт.

— Что?

— Это я так, к слову. Не обращай внимания.

— Мне особенно рекомендовалось завести дружбу с Уильямом Скоттом, чтобы в дальнейшем склонить его к возвращению в Англию. Он не пожелал уезжать из Голландии без твердых гарантий короля, но все же согласился сотрудничать со мной. А потом у меня кончились деньги. Я послала письмо Джеймсу Хелселлу, виночерпию короля и моему непосредственному начальнику. В своем донесении я попросила его оплатить добытую мною информацию и тем самым поддержать последующую шпионскую деятельность. Однако ответ так и не пришел. Во втором официальном послании я написала о том, что мне пришлось заложить фамильное кольцо, чтобы обеспечить себе пропитание и крышу над головой. Не получив ответа, я послала два письма: Хелселлу и моему другу Томасу Киллигрею, который тоже состоял на секретной службе. Чтобы выпросить пятьдесят фунтов на оплату долгов, я отправила сведения о голландском флоте и сообщила о своих успехах с Уильямом Скоттом. Но мое начальство по-прежнему молчало. Написав отчаянное письмо государственному секретарю, лорду Арлингтону, я рассказала ему обо всем, что сделала, и о том, в какую нищету ввергли меня его подчиненные. Мне грозила долговая тюрьма, но лорд Арлингтон плевать хотел на мой позор и страдания.

— А ты не думала о том, чтобы перейти на службу к голландцам? — спросил Бёртон.

— Я? Никогда!

Бёртон возмущенно покачал головой:

— Значит, уже тогда британское правительство пренебрегало своими солдатами и шпионами.

— Потом я снова написала лорду Арлингтону и попросила направить мне сто фунтов для уплаты долгов и возвращения в Англию. Он так и не потрудился ответить. За свою службу я не получила ни одного пенни, ни слова благодарности от родины и ее чиновников. Может, меня просто сочли за жалкую дуру и бедствующую тупицу? Не знаю... Но наверное, они не нуждались в моих услугах. Случайно встретив своего знакомого, Эдварда Батлера, я заняла у него сто пятьдесят фунтов и в январе 1667 года отправилась домой.

Утомленная, больная и по уши в долгах, Афра вернулась из Антверпена в Лондон. Она ужаснулась, увидев руины города, разрушенного Великим пожаром. Впрочем, это бедствие имело и положительную сторону, так как пламя уничтожило сотни тысяч крыс и миллионы вшей, которые разносили чуму. Однако Афре было не до пожара и чумы. Мистер Батлер требовал возвращения ссуды, а лорд Арлингтон и король по-прежнему игнорировали ее просьбы об оплате выполненного поручения. Через месяц наступила неизбежная расплата, и Афру бросили в долговую тюрьму.

— Заключенных там кормили только за деньги. Те, у кого их не было, умирали от голода. В тюрьмах свирепствовали болезни, и микробы, врываясь в камеры, как дикари-краснокожие, уничтожали всех без разбора. Смерть очень демократична: она не смотрит на сословия. Ее маленькие посланцы убивали богатых и бедных, старых и молодых.

После Великого пожара многие тюрьмы сгорели или пришли в негодность. В Ньюгейте велись восстановительные работы, и поэтому Афру отправили в Южный Лэмбет. Тысячи люди, потеряв в огне все свое имущество, попадали сюда за долги. В лэмбетскую тюрьму обычно сажали нищих, и она всегда считалась самой грязной и переполненной. Но после пожара там стало хуже в десять раз, и каждая камера превратилась в чистилище.

— Даже странно, что мне удалось выжить, хотя бывали такие моменты, когда я молила Бога о смерти. Вонь немытых тел и лохмотьев, мерзкий запах от больных, страдавших кровавым поносом, невыносимое зловоние открытой канализации — разве это можно забыть? Вокруг вопили испуганные и истощенные дети.

Я затыкала уши от криков тех, кто сходил с ума и впадал в бешенство. Кашель и рвота, драки, жестокость и воровство, абсолютная невозможность побыть наедине с собой... Если надо было сходить по малой или большой нужде, это приходилось делать в камере с дюжиной других женщин, которые тыкали в тебя пальцами и отпускали непристойные шутки... Половину той пищи, которую приносила мне мать, отнимали охранники, а я платила им дань, чтобы они не насиловали меня, как остальных... Вот так я и жила, изо всех сил сопротивляясь болезням, которые роились в отвратительном воздухе этой адской дыры. Да что там ад! Мы бы только радовались его пламени после месяца судорог от холода и сырости! В каких бы грехах ни обвинял меня Господь, я искупила их все!

Двое охранников обещали подкармливать ее мясом, овощами и вином, если она будет отдаваться им обоим одновременно.

— Хорошо, что мать достала немного денег. Если бы не ее помощь, голод довел бы меня до крайности и я, наверное, согласилась бы на их уговоры. Мой живот выл от голода, и я уговаривала себя не опускаться до мольбы. Хотя иногда мне казалось, что охранники все же предпочтительнее голодной смерти. Возможно, меня остановило только то, что один из них, горбатый одноглазый урод с гнилыми зубами, имел французскую болезнь...

— Сифилис или гонорею? — спросил Фрайгейт.

— Скорее всего, и то и другое. Какая разница? В любом случае, благодаря усилиям матери я избежала их грязных лап. А потом Киллигрей оплатил мои долги и снабдил меня небольшой суммой, чтобы я могла встать на ноги. Правда, этих денег хватило ненадолго.

Афра замолчала и печально улыбнулась. Улыбка делала ее неотразимо красивой.

— Я приврала, сказав, что мне хотелось умереть в тюрьме. На самом деле меня ужасала идея самоубийства. Я никогда не уважала тех, кто поднимал белый флаг над своим поверженным духом. По крайней мере, я стояла до конца, с остервенелой яростью отбивая атаки смерти... Наверное, поэтому она и отпустила меня с миром.

Я вышла из тюрьмы худая как скелет. Друг оплатил мои долги, но они появились у матери, которая сделала все возможное, чтобы выручить меня из беды. А я ничем не могла ее отблагодарить. Я осталась без крова, одежды, косметики и книг.

Ей исполнилось тридцать лет. В те времена ее сверстницы обычно уже выглядели как старухи. Многие теряли зубы, и от их гнилых десен исходило кошмарное зловоние. Женщины без мужа, отца и брата — на худой конец, дяди или парочки кузенов — становились легкой добычей мужчин. В случае изнасилования несчастная жертва могла обратиться в суд. Но, как правило, это ни к чему не приводило. Закон служил только богатым и знатным особам. Судьи, адвокаты, приставы и присяжные открыто брали взятки и легко уступали просьбам тех, кто мог им заплатить.

В ту пору женщины сочиняли и прозу и стихи, однако на непрофессиональном уровне. В основном этим занимались дочери сельских священников, у которых не было других развлечений, или знатные дамы, пытавшиеся прослыть мечтательными и немного эксцентричными особами. Ни одна из англичанок даже не пыталась зарабатывать себе на жизнь с помощью чернил и пера.

Афра знала, что может писать интересно, остроумно и увлекательно, а главное, ей не требовалось высасывать темы из пальца. Получив прекрасное образование, она ни в чем не уступала маститым писателям, которые считали создание новелл и пьес сугубо мужским делом. Чтобы занять достойное место в плотных рядах профессиональных литераторов, ей пришлось одолеть немало врагов и пройти сквозь колючие дебри предвзятой критики.

В отличие от многих сверстниц и словно назло превратностям судьбы Афра с годами становилась все более привлекательной и красивой. Она гордилась здоровыми и ровными зубами, которые ей удалось сохранить до самой старости. Очевидно, ее красота и здоровье объяснялись тем, что Афра провела детство в Суринаме, где вместе с пищей и водой получала какие-то особые минералы. Впрочем, главную роль здесь, конечно, сыграла ее наследственность. Несмотря на небольшой рост, она обладала длинными ногами, хотя юбки той эпохи сводили на нет это преимущество. Положение спасала мода на декольте, и ее полные крепкие груди разили мужчин наповал. Прекрасные желтые волосы, большие голубые глаза и густые черные брови придавали ее лицу необычайную привлекательность, хотя общее впечатление немного портили длинный нос и короткая нижняя челюсть. Однако помимо очарования Афра имела еще и волю, которая несла ее по жизни, как упряжка из шести лошадей.

В свое время она раз и навсегда решила не выходить замуж снова. Ее перу принадлежала фраза, вошедшая в сборники вели-

ких афоризмов: «Брак — это отрава любви; семейные узы напоминают ссуду, взятую у друга; поэтому я не даю и не прошу никаких клятв!»

И еще она писала:

Согласно строгим правилам чести,
Красота вознаграждается любовью,
А не подлой посулой богатства
И дешевым колокольным звоном.

Отчего она становится бесчестной?
Оттого, что спит на грязном ложе
Тошнотворного богатого шута,
Ненавистного для плачущего сердца.

Видишь ты имущество вдовы,
Гроб супруга, как ступень к свободе?
Но ее уже не будет!
Нет, не будет, милая блудница...

Забери назад свою любовь
И верни шуту его монеты.
Не клади в его тугой кошель
Бриллианты девичьего сердца.

Несмотря на все эти слова, Афра вложила сокровища своей души в руки очень неверного мужчины. Адвокат Джон Хойл без зазрения совести пользовался и ее телом, и деньгами. А платил презрением и вероломством. А однажды ему чуть не удалось разбить ее сердце на мелкие куски. (В 1692 году, уже после смерти Афры, Хойла убили в кабацкой драке. Об этом ей рассказал Фрайгейт.)

— Один историк утверждал, что твой Хойл придерживался атеистических взглядов и открыто проповедовал гомосексуализм. Он развращал молодежь и поносил Иисуса Христа.

— Во всем этом, кроме последнего, обвиняли и Сократа,— ответила Афра.— Но Джон не подходит под твое описание. Просто он не любил меня... Разве что в самом начале...

— Что бы ты сделала, если бы встретила его в долине? — спросил Фрайгейт.

— Не знаю. У меня нет к нему ненависти. Хотя... Скорее всего, я ударила бы его ногой в пах, а потом поцеловала бы и повела в свою хижину. Или прогнала бы с глаз долой. Надеюсь, мы с ним никогда не увидимся снова.

Афра стала известной, вернее, скандально известной писательницей. Ее окрестили Астрой, по имени звездной девы из мифологии древних греков. Эта дочь Зевса и Фемиды — или, возможно, Титана и Эос — во время Золотого века наделяла людей блаженством. С наступлением Железного века она покинула Землю, и боги поместили ее среди звезд как созвездие Девы.

В особняк Афры стекались великие литераторы и их прихлебатели, юные сценаристы и трепетные вдохновенные поэты. Некоторым из них даже удалось побывать в ее постели.

— Однако многие мужчины негодовали по поводу моего успеха, а критики осуждали мои произведения только из-за того, что они были написаны женщиной. Едва ворочая залитыми ромом мозгами и потирая веки, покрытые сифилитическими язвами, они называли мои пьесы пошлыми и непристойными. Эти люди воплощали порок, но затыкали рот любому, кто начинал писать об этом. Они так упорно оберегали людей от неприглядной правды, что иногда казалось, будто на Земле живут лишь ангелы и херувимы.

Афре удалось скопить небольшое состояние, которое постоянно истощали светские приемы и ее непомерная щедрость. Она часто сетовала на то, что ее никто не любил, но любовников у нее хватало с избытком. На сорок шестом году жизни она перенесла несколько жестоких и очень мучительных приступов артрита, которые в дальнейшем и довели ее до смерти.

— Мне кажется, последствия сифилиса так же фатальны, хотя и менее заметны.

Писательский труд постепенно превращался в мучение, и бывали времена, когда ручка выскальзывала из ее слабых дрожащих пальцев. Но она продолжала писать и писала с упоением. Ее роман «Оруноко», занявший достойное место в английской литературе, вышел в свет незадолго до смерти Афры, 16 апреля 1689 года она завершила свою долгую битву с завистью, предубеждениями и ненавистью пуританского общества.

Вильгельм Оранский — голландский принц, ставший королем Англии,— довольно холодно относился к миссис Бен, считая ее безнравственной и скандальной женщиной. Тем не менее по его приказу Афру Бен похоронили в Вестминстерском аббатстве.

— Вот это да! Меня погребли среди величайших из великих? Меня, дочь простого цирюльника?

— В мое время этого тоже никто не понимал,— сказал Фрайгейт.

— И в мое,— отозвался Бёртон.— Надо будет воскресить одного из ваших современников, чтобы разобраться в этом вопросе.

— Байрона тоже собирались похоронить в Вестминстерском аббатстве,— продолжал Фрайгейт.— Но за свои непристойности и богохульства он не был удостоен такой чести. А вот ты ее заслужила.

— И я,— сказал Бёртон.— Хотя мне тоже отказали в кусочке земли среди освященных стен. Я заслужил эту честь не меньше любого из тех, кто покоится в аббатстве, но для ниггера Дика там места не нашлось.

Здесь, в мире Реки, Афра Бен испытала множество разочарований и бед. Но она прожила свою жизнь достойно, и ей не за что было стыдиться. Судьба привела ее в башню, и вот теперь она рассталась с очередным любовником. Афра снова могла сойтись с де Марбо. Хотя теперь это казалось маловероятным. Впрочем, свято место пусто не бывает. И она не собиралась затягивать свое одиночество.

Глава 17

Пока андроиды строили его личный мир, Питер Джейрус Фрайгейт занимался исследованиями. В отличие от других он не захотел отказываться от «фильма воспоминаний». И прошлое захватило его целиком и полностью. По ходу дела у Питера появились вопросы, на которые ему никто не мог ответить. Некоторые кадры вызывали слезы и боль, но он заставлял себя смотреть на них снова и снова. На одной из свежеокрашенных стен своей квартиры Питер оставил нетронутым большой квадрат. Он проводил перед ним не меньше часа в день, и в эти моменты прошлое выпрыгивало на него из своих глубин, проникая в мозг через глаза и уши.

Экспериментируя с «фильмом», Фрайгейт понял, что компьютер не настаивает на просмотре всех воспоминаний. Если Питер просил показать ему определенный период времени, машина охотно выполняла эту просьбу.

Позже выяснилось, что компьютер имел таймер, определявший даты и годы, к которым относились те или иные воспоминания его подопечного. Фрайгейт мог заказать для просмотра любой эпизод, если только знал день, в который произошло это со-

бытие. Иногда он называл лишь приблизительную дату, а затем сканировал ближайшие участки до тех пор, пока не находил того, что ему хотелось увидеть.

Позже Питер начал замечать пробелы в своем «фильме». Однажды он выбрал для просмотра 27 октября 1923 года. Ему захотелось сделать выборочную проверку, но этот день оказался пустым. В его памяти не сохранилось о нем никаких воспоминаний.

Компьютер объяснил ему причину подобного явления.

В клетках памяти не хватало места для записи всех восприятий. Механизм мнемонического комплекса стирал все, что считал несущественным для выживания человека, и оставлял резервные места для более ценных событий. Хотя, с другой стороны, часто бывало так, что память сохраняла, казалось бы, совершенно незначительные события.

В свою очередь, ватан мог записывать все человеческие переживания. Этики полагали, что он вообще ничего не упускал. Однако их слова пока оставались только теорией, поскольку ни один ватан не поддавался какой-либо проверке. Эта яркая многоцветная сущность своей красотой и безмолвием напоминала Сфинкса.

Компьютер подсчитал, что Питер прожил 55 188 000 минут. Из них в настоящий момент имелся доступ к 22 075 200 минутам. Однако это еще не означало, что запись каждой минуты проводилась в полном объеме. В клетках памяти находилось множество фрагментов. И если бы Фрайгейт захотел узнать их число и общую продолжительность, компьютер мог бы дать ему такую информацию.

— Почти две трети фильма о моей жизни осталось на полу монтажной комнаты,— прошептал он.— О боже! Если бы я начал смотреть этот фильм от начала до конца, мне потребовалось бы пятнадцать тысяч триста тридцать дней! По двадцать четыре часа в сутки целых сорок два года!

Но как могла небольшая кучка серого вещества хранить в себе так много информации? Каким образом в человеческий череп вмещалось так много миллионов и даже миллиардов миль видеопленки?

Фрайгейт попросил показать ему «контейнер», в котором содержался «фильм» его жизни. Компьютер выполнил приказ, и Питер увидел на экране желтую сферу размером с клюкву. Она была заполнена лишь наполовину.

Больше всего Фрайгейта интересовал самый ранний период детства. Когда ему исполнился год и три месяца, к ним в Терре-Хоту приехала в гости бабушка, которая жила в Канзас-Сити. Она около месяца помогала матери по хозяйству и присматривала за маленьким Питом. По какой-то необъяснимой причине Фрайгейт полагал, что бабушка, исполняя роль няни, относилась к нему очень плохо. Не то чтобы он считал ее садисткой или грубой женщиной, но слишком уж легко она выходила из себя. Основой этих подозрений стали видения, которые Питер переживал во время визитов к психоаналитику. Слегка соприкоснувшись со своими детскими воспоминаниями, Фрайгейт решил, что подавленным и покорным ребенком он стал из-за нечутких и неосторожных действий бабушки. Ему казалось, что именно она посеяла в нем семена тех отрицательных качеств, которые так буйно расцвели в его юношескую пору.

Психоаналитик из Беверли-Хиллз придерживался иного мнения. Однако он согласился провести с ним несколько сеансов на эту тему. Скорее всего, он подметил у клиента неосознанное желание свалить всю вину за свои недостатки на нормальную и добрую бабушку.

Слегка смущаясь, Фрайгейт прокрутил тот период на большой скорости и нашел эпизод, когда бабушка приехала к ним в гости.

Его подозрения оказались необоснованными. Но Фрайгейту понадобилась неделя, чтобы убедиться в этом. Поведение бабушки ни в чем не подтвердило его фантазии. Она не трясла и не шлепала малыша и уж тем более не пугала и не бранила маленького Пита. Иногда бабушка что-то бурчала себе под нос, но она говорила по-немецки, и Фрайгейт не понимал ее даже сейчас. Компьютер мог перевести эти слова на английский, но Питер не посчитал их столь важными. Что бы она там ни говорила, ее бормотание не могло оказать на него какого-то негативного воздействия. Она ни разу не сердилась на малыша за его плач и мокрые пеленки. Успокаивая Пита, бабушка пела ему немецкие колыбельные и мягко покачивала на руках или коленях.

— Ладно, черт с ним! — сказал себе Фрайгейт.— Перейдем к другой теории. Скорее всего, мой слабый характер зависел от генетической предрасположенности, а не от воздействия окружения.

Он рассказал Нуру о своих исследованиях. Маленький мавр со смехом произнес:

— Имеет значение не прошлое, а настоящее. Нельзя винить вчерашний день за промахи, совершенные сегодня. Мы живем в настоящем времени, и только сейчас ты можешь менять себя и свое отношение к прошлому.

— И все же «фильм воспоминаний» — это уникальный инструмент для психоанализа,— не унимался Фрайгейт,— Жаль, что мы не имели таких вещей на Земле. Пациенты и доктора могли бы просматривать сомнительные периоды жизни и очищать их от вздорных фантазий и отрицательных эмоций. Увидев, что происходило на самом деле, пациент понимал бы суть событий и основывался в своих действиях на верных предпосылках.

— Может быть, но вряд ли. Ты знаешь теперь о себе все. По крайней мере, будем считать, что это вполне возможно. «Фильм» разрушил твой надуманный образ, который ты создал, чтобы считать себя всегда и везде абсолютно правым. Он убедил тебя, что остальные люди обращались с тобой нормально, а не походили на монстров и вампиров. Или, наоборот, «фильм» показал эпизоды, когда с тобой действительно обходились ужасно.

Мы можем сказать, что ты теперь удовлетворил свое любопытство, отследив все эти болезненные и унизительные моменты. Ты исполнил свое желание и увидел мир таким, каким он был на самом деле. Сейчас ты стоишь на краю обрыва, собираясь прыгнуть в бездну будущего. Но после такого прыжка ты уже не будешь Питом из прошлого, и поэтому тебе не хочется делать шаг вперед. Вместо этого ты играешь с прошлым, хотя оно может служить лишь трамплином для предстоящего прыжка или просто мерилом твоего прогресса. Вот такие твои дела!

— А ты разве не смотришь свой «фильм»? — спросил Фрайгейт.

— Нет. Он меня не интересует.

— Неужели тебе не интересно увидеть своих молодых родителей или товарищей по играм?

Нур похлопал себя по голове:

— Они все там. Я могу собрать их вместе, когда захочу.

— Значит, ты считаешь наши «фильмы» пустой тратой времени? Но зачем тогда Снарк устроила этот кинофестиваль? Зачем она дала нам шанс увидеть каждую секунду наших жизней?

— Однако она не лишила нас при этом инициативы. Мы можем смотреть эти «фильмы», а можем и не смотреть. Я думаю, Снарк учитывала возможность покраски стен. И мы просто провалили экзамен, когда начали малярные работы.

— А какое наказание нас ждет за этот провал?

Нур пожал плечами:

— Скорее всего, наказанием будет самоистязание. Я расцениваю это как еще одну неудачу на пути прогресса.

— Но ты сказал, что тебе не нужен просмотр воспоминаний.

— Да, я в нем не нуждаюсь. Но ты и остальные не похожи на меня. Каждый из нас уникален по-своему.

— Может, это просто самоуверенность?

— Все зависит от точки зрения. То, что ты считаешь самоуверенностью, другой человек может воспринимать как вполне обычную вещь.

— Вам, суфиям, нравится играть в афоризмы,— сказал Фрайгейт.— Но вы редко следуете советам, которые даете.

Нур засмеялся. У американца появилось чувство, что он не прошел какую-то проверку. Питера по-прежнему мучила мысль, что он не оправдал надежд Нура, которые тот возлагал на него как на своего ученика. Он понимал, что никогда не станет таким же совершенным мастером, свободным от неврозов и слабостей, всегда исполненным логики и сострадания. Однако его раздражало превосходство Нура, и он чувствовал себя униженным, когда мавр поправлял его или указывал на недостатки. Суфий желал ему только добра, но гордость шептала Фрайгейту, что его вновь отвергают, считая недостойным возвышенных истин.

— Суфии не пугаются неудач,— сказал Нур.

— А что ты скажешь, если я попрошу тебя взять меня в ученики?

— Поживем — увидим.

— Я от многого отказался, но тогда мне придется забыть почти обо всем,— прошептал Фрайгейт.— Хотя, если мне это надоест, я всегда могу вернуться к прежней жизни.

— Прежде всего тебе следует избавиться от привычки начинать дела и тут же их бросать. Настоящее намерение не должно истощаться так быстро.

— Тогда и цель должна быть действительно великой.

— Что ты этим хочешь сказать?

Не найдя достойного ответа, Фрайгейт рассердился:

— Ты прожил сто тридцать два года, но не научился объединять свои противоположности в единое целое,— сказал Нур.— Ты разделен внутри себя на сравнительно неплохого консерватора и не всегда хорошего либерала. Ты — трус и храбрец. Тебе ненавистно принуждение, но в твоем подсознании живет насильник, которого ты пытаешься подавить. Тем не менее эту часть психики можно взять под контроль и превратить ее в силу, которая ускорит твой прогресс на истинном пути. Ты...

— Лучше скажи мне что-нибудь такое, чего бы я не знал,— сердито проворчал Фрайгейт и торопливо ушел от маленького мавра.

Иногда такую же барабанно-философскую дробь выдавал и Ли По. Ему нравилось говорить с Фрайгейтом о процессе становления «округлым», то есть о превращении человека в целостную личность. По его мнению, это достигалось уравновешиванием инь и ян — своих отрицательных и положительных качеств. Однако сам Ли По был абсолютно неуравновешенным. Фрайгейт восхищался его энергичностью, поэтической одаренностью и состраданием, изумительными лингвистическими способностями и отвагой, не запятнанной страхом. Но с другой стороны — а натуры, как известно, многогранны,— китаец обладал чрезмерной склонностью к деспотизму и абсолютно не желал видеть в себе те качества, которые делали его навязчивым и агрессивным. Кроме того, он много пил, хотя и не походил на тех пьяниц, которых Фрайгейт когда-то знал.

Питер считал, что Ли По, несмотря на свое явное превосходство во многих аспектах, имел не больше шансов на «продвижение», чем он сам. Из восьми обитателей башни только Нур, Алиса и, возможно, Афра Бен со временем могли стать кандидатами на «продвижение». Но была ли эта стадия такой желанной? Теоретически человек, приближаясь к этическому совершенству, завершал свое существование в физической Вселенной. Его ватан исчезал из поля действия датчиков и поэтому считался поглощенным аурой божества. То есть он сливался с той невыразимой сущностью, которую люди называли Аллахом, Богом, или Космическим Абсолютом.

Теория утверждала, что ватан становился частью Творца, теряя свою индивидуальность. С тех пор сознание «продвинувшегося» погружалось в вечный экстаз, уровень и качество которого оставались недосягаемыми для физического тела.

— Все это красивые слова,— размышлял Фрайгейт.— А вдруг ватан просто разрушается и исчезает? Сначала красивый пузырь из эктоплазмы, а потом — ба-бах! Но мне бы не хотелось превратиться в ничто! Великий нуль, зеро, нада! Неужели кто-то к этому стремится? А чем хуже обычная смерть? Возможно, она даже лучше. Последний вздох — и прощайте тревоги, душевные муки, разочарование и одиночество. О смерть, где твое жало?

Однако смерть не имела жала. Хотя, с другой стороны, она и не жужжала, как оса.

Что-то находишь, что-то теряешь — это неизменный закон Вселенной. Вечная и совершенная экономика божественного мироздания.

— Возможно, я и параноик, но все это напоминает мне большую жульническую игру. А каковы мотивы и цели? Жулик должен что-то получить. Так кто же мечет карты в этой игре? И что сейчас стоит на кону?

Иногда Питеру казалось, что его мозг распухает от этих мыслей, как дрожжевое тесто в маленькой кастрюльке. Он чувствовал, что черепная коробка вот-вот взорвется, как баллон под большим давлением. Наверное, это объяснялось тем, что его мысли почти ничем не отличались от горячего пара.

— Подумать только! Мне сто тридцать два года, а я по-прежнему веду себя как студент-второкурсник. Неужели я так и останусь им навсегда?

Этот второкурсник — умный дурачок, который сидел в нем всю жизнь,— отвергал любые советы Нура и не давал избавиться от балласта тревожных мыслей. Вместо этого он выставлял их напоказ и переводил скорый поезд «П. Фрайгейт» на запасные пути Великой железной дороги. К примеру, как сейчас: на станции П. К. Б. Р.— «питающих камней на берегу Реки».

Он наткнулся на тайну, о которой Лога никогда не упоминал. Хотя, возможно, этик рассказал бы им об этом, если бы его не убили. Как оказалось, питающие камни на обоих берегах Реки служили не только электрическими разрядниками для подпитки индивидуальных граалей. Они наделяли людей напитками, пищей и прочим добром, но помимо этого содержали в себе аппаратуру наблюдения. С помощью своих машин-соглядатаев эти-

ки могли видеть и слышать все, что происходило в зоне захвата питающих камней.

Обнаружив это, Фрайгейт углубился в исследования, однако их масштаб привел его в замешательство. Взяв за начало первый питающий камень в полярной зоне, он начал сканировать правый берег Реки. Каждые две секунды компьютер подключал экран к очередному камню. Через некоторое время Питер понял, что при такой скорости он потратит двести тридцать два дня на обход лишь первой из двух цепочек больших граалей. После этого он стал пропускать по двадцать камней и в течение десяти секунд наблюдать из двадцать первого за окружающей обстановкой. Мелькание человеческих тел, Реки, равнины и гор немного замедлилось, но через час его терпению пришел конец. Он понял, что ему не охватить одним взором все человечество. Тем более что восемнадцать миллиардов находились не в долине, а в записях компьютера и колодце ватанов. Но оставшееся количество могло лишить сил кого угодно.

— Как всегда, слишком грандиозно,— прошептал он себе под нос.— Мои амбиции на световой год опережают возможности. Я, словно Один, повис на ветке дерева за тысячи лиг от своих фантазий, и они умчались вперед, как восьминогий Слепнир.

Фрайгейт лишь изредка определял национальность людей, которые возникали перед ним на экране. Некоторые из них предпочитали оставаться голыми, однако большая часть носила юбки или набедренные повязки. Женщины добавляли к этому незатейливому наряду небольшие куски полупрозрачной материи, которые заменяли им бюстгальтеры. Расовая принадлежность узнавалась без труда, хотя иногда он сомневался в верности своих суждений. Перед ним мелькали лица: испанские, итальянские, среднеевропейские, греческие, арабские... Но чтобы точно установить национальность, требовался язык. Из динамиков доносились слова на тысяче диалектов, и он не отличал их друг от друга. К счастью, большинство людей говорили на эсперанто.

Через два часа он почувствовал усталость.

— Ладно, хватит скакать, как блоха. Перейдем от коллективного просмотра к личному знакомству!

Не заметив ничего интересного вокруг камня, на котором он остановил свой выбор, Фрайгейт подключился к следующему. К тому времени наступил полдень. Обитатели долины обедали на берегу, болтали, играли в карты или ловили рыбу. Некото-

рые расходились по хижинам или скрывались из виду в бамбуковых зарослях. Питер выяснил, что аппаратура наблюдения могла не только показывать крупный план, но и улавливала разговоры людей на расстоянии до трехсот футов. Очевидно, в камне находился направленный звуковой усилитель.

В особом режиме компьютер демонстрировал на экране то, что доводилось наблюдать лишь немногим. Фрайгейт с восхищением следил за яркими многоцветными ватанами, которые крепились к головам людей и завивались над ними искрящимися смерчами. Благодаря небольшому опыту Питер с первого взгляда определял «плохие» и «хорошие» цвета ватанов, хотя термин «плохой» не обязательно означал зло. Черные и красные зигзаги указывали на слабости характера и на склонность к обидам и гневу. Флюктуация и изменение цветных сегментов отражали душевно-эмоциональный настрой. По размерам и форме пятен можно было судить о работе подсознания, определять состояние здоровья да и всей нервной системы. Например, ватан больного человека мог иметь множество черных полос. Однако для более точного анализа требовалась помощь компьютера или опытного специалиста, поскольку при визуальной оценке могли возникать серьезные ошибки.

Глава 18

Внезапно он заметил человека с черным ватаном. На багрово-красных краях энергетического вихря скользили маленькие пурпурные молнии. Судя по мощному телосложению, этот мужчина вряд ли страдал каким-то неизлечимым недугом. Его рост достигал шести футов; белокурые волосы ниспадали на мускулистые плечи, а лицо с голубыми глазами можно было бы назвать красивым, не будь оно так искажено от гнева. Он осыпал проклятиями женщину, которая испуганно пятилась от него и прикрывалась руками от пощечин. Мужчина говорил очень быстро, и его английская речь изобиловала блатными словами. Однако Фрайгейт уловил, что рослый блондин обвинял эту хрупкую женщину в измене. Люди, собравшиеся вокруг них, неодобрительно качали головами, но никто из них не вмешивался в ссору.

Потом ватан мужчины стал абсолютно черным. Он схватил женщину за длинные волосы и начал избивать ее правым кулаком. Она упала на колени и попыталась вырваться, но он злобно

дернул ее за волосы и нанес несколько сильных ударов по лицу. Из носа, рта и разбитой брови потекла кровь. Женщина перестала кричать, и ее тело безвольно обвисло. Как только мужчина выпустил волосы, она упала на траву. Изо рта хлынула кровь, и в красную лужицу у ее щеки выпали выбитые зубы.

Он начал избивать несчастную ногами, но люди, подбежавшие к нему, оттащили его прочь. Жертва неподвижно лежала на земле.

Из ближайшей хижины выскочил мужчина. Упав на колени перед женщиной, он приподнял ее голову и со стоном прижал к своей груди. Что-то прошептав, юноша нежно опустил любимую на землю, поднялся на ноги и быстро зашагал обратно к хижине. Все это время убийца, вырываясь из рук дюжих молодцов, кричал, что эта сука и грязная шлюха принадлежала ему. Он мог делать с ней все, что хотел, и она получила то, что давно заслуживала. Что же касается Траки — парня, с которым она спала, то он, Билл Стэндиш, убьет его, так же как и эту маленькую стерву.

— Еще слово — и мы тебя повесим,— сказал мужчина, державший его за руку.— А веревка по тебе давно уже плачет.

Юноша — очевидно, тот самый Траки — вновь появился в дверном проеме. Увидев в его руке длинное копье, Стэндиш вырвался и побежал к Реке. Человек, который грозил ему веревкой, повернулся к Траки и закричал, чтобы тот остановился. Не обратив на приказ вожака никакого внимания, юноша обогнул толпу людей и метнул копье. Наконечник вонзился в спину Стэндиша под правой лопаткой. Блондин упал лицом вниз на мелководье, но тут же поднялся и начал нашаривать древко копья дрожащей рукой. В этот момент Траки сбил его с ног ударом кулака. Дюжина мужчин бросилась за ним следом. Они схватили кричавшего юношу и оттащили его от Стэндиша. Блондин изогнулся и, заорав от боли, выдернул кремневый наконечник из спины. Подбежав к Траки, он вонзил ему в живот копье и, прежде чем другие успели остановить его, поднял на древке пронзенное тело.

Фрайгейта замутило. По лицу потекли крупные капли пота. Но он решил досмотреть эту драму до конца. У него появились кое-какие планы по поводу Стэндиша.

Один из мужчин, побежавших к убийце, сжимал в руках большую дубовую дубину. Он ударил ею Стэндиша по голове, и тот, просев в собственную плоть, рухнул в воду. Его вытащили на бе-

рег, и какой-то мужчина, обследовав рану на голове, раздраженно сказал:

— Тебе не стоило бить его так сильно, Бен. Он мертв!

— Стэндиш сам напросился,— ответил мужчина с дубиной.— Да и какая разница? Я думаю, мы бы все равно его повесили.

— Твое мнение еще не закон! — вскричал его оппонент.

— Успокойся, док! Если кто и заслуживал смерти, так это Стэндиш,— угрюмо проворчал мужчина, и большая часть людей согласилась с его последними словами.

Фрайгейт узнал о смерти блондина раньше всех. Он видел, как его ватан исчез, будто унесенный магическим ветром. Питер отключил экран и велел компьютеру выявить синтетическую душу Стэндиша. Поскольку с момента смерти не прошло и пяти минут, это оказалось несложным делом. Однако после него в колодец уже успело попасть семнадцать других ватанов.

— Сколько раз убивали Стэндиша до этого случая? — спросил у компьютера Фрайгейт.

Машина ответила, что в мире Реки блондин погибал уже трижды.

Мог ли компьютер найти и показать воспоминания Стэндиша об этих трагических минутах?

Ответ был положительным.

Объяснив машине свое понимание термина «жестокость», Питер велел провести беглый подсчет всех эпизодов жестокости в жизни Стэндиша.

— Начиная с пятнадцати лет.

Для начала компьютер определил год, с которого следовало начинать поиск. Потребовался час, чтобы выявить моменты жизни, интересовавшие Фрайгейта. Первый из них — в указанный период — произошел на вечеринке, устроенной в честь пятнадцатилетия Стэндиша в 1965 году.

— Так! — прошептал Питер.— Значит, он родился в тысяча девятьсот пятидесятом году.

Компьютер прокрутил ему «фильм» об этом дне рождения. Мать Стэндиша, толстая низкорослая неряха, вполне соответствовала его отцу — большому пузатому мужчине с испитым лицом, на котором выступали синие вены. Гости в основном состояли из уличных дружков Стэндиша. Дом выглядел загаженным и грязным, а мебель — старой и сломанной. Судя по замечаниям го-

стей, глава семейства иногда подрабатывал плотником, но большую часть времени проводил в соседних барах. Стэндиш перепил кислого пива, и его вытошнило прямо на пирожки с салом и сандвичи с болонской колбасой. После этого вечеринка закончилась. Когда гости разошлись, пьяные родители начали выкрикивать друг другу оскорбления и непристойности. В один момент ссора едва не перешла в драку, но потом угасла, как раздавленный в пепельнице окурок. Фрайгейт вздохнул и отключил экран.

Он объяснил компьютеру, что этот эпизод являлся примером вербальной жестокости. Ему же хотелось увидеть физическое насилие. Велев машине продолжать поиски в период с 1965 по 1975 год, Питер отправился на ужин, который проходил в квартире Ли По.

Во время ужина он узнал, что остальные тоже вели самостоятельные исследования. Например, Алиса пыталась найти своих троих сыновей, родителей, брата и сестру.

— Ты хочешь их воскресить? — поинтересовался Фрайгейт.

В ее темных глазах мелькнула тревога.

— Честно говоря, я еще не знаю. Мне просто хочется уверитьсяся, что с ними все в порядке. Впрочем, если кто-то из них умер, я, наверное... что-нибудь сделаю.

Она понимала, что любой из ее родственников, чей ватан оказался в колодце, мог навсегда остаться в небытии. Воскресить своих родителей или детей могла только она сама. Однако ее тревожила возможность их появления в стенах башни — вернее, их вероятное отношение к ней и реакция на то, какой она стала. Что, например, скажет ее мать, узнав о любовной связи с таким отвратительным мужланом, как Дик Бёртон?

Кроме того, встреча с родственниками могла привести к большим разочарованиям. В ее эпоху родители не находили зазорным помыкать и командовать своими детьми. Но в мире Реки не существовало различий в возрасте; все выглядели одинаково молодыми. К тому же после многолетней разлуки и родители и дети стали совершенно другими людьми. Между ними пролегла зияющая пропасть, такая же огромная, как этот новый и жестокий мир. И преодолеть ее могли не многие.

Но Алиса любила их — мать, отца, сыновей, сестру и брата.

Фрайгейт отметил, что она ничего не сказала о своем муже Реджинальде Джервисе Харгривзе. Однако Питеру хватило ума не упоминать об этом.

— Значит, ты еще их не нашла? — спросил он у Алисы.

Отпив глоток вина из чаши, она произнесла:

— Пока нет. Я дала компьютеру их имена, а также даты рождения и смерти. К сожалению, мне ничего не известно о смерти Кэрила, но я надеюсь найти какие-то сведения в копиях тех книг и газет, которые воспроизвела для меня машина. Все это требует времени. Если кто-нибудь из них умер, я обязательно их воскрешу. Но если они живы, отыскать их будет непросто. Конечно, компьютер может начать сканирование по всей цепи питающих камней, однако для успешного поиска мои родственники должны оказаться в зоне досягаемости особых датчиков. И даже тогда вероятность обнаружения не будет превышать сорока процентов.

«Если Алиса никого не найдет, это освободит ее от решения главного вопроса,— подумал Фрайгейт.— Она боится их воскрешения и в то же время мечтает о нем».

— А тебе не хочется воскресить Льюиса Кэрролла? — спросил он.

— Нет.

Она не стала объяснять свой ответ, и, судя по ее поджатым губам, дальнейшие расспросы Питера не привели бы ни к чему хорошему.

Покинув застолье, Фрайгейт ушел в свои апартаменты. Вместо того чтобы сразу лечь в постель, он решил перед сном посмотреть несколько эпизодов из прошлого Стэндиша. Они настолько ошеломили его, что заснуть ему в эту ночь больше не удалось. Грязный необразованный подросток превратился в мерзкого и жестокого алкоголика. Фрагменты «фильма» воспроизвели всего пару дней, но Фрайгейту стало до того тошно, что после этого он вообще перестал интересоваться воспоминаниями Стэндиша.

В то время блондин нигде не работал. Он жил в домике сестры на окраине небольшого среднезападного города. Его двадцатилетнюю сестру можно было бы назвать привлекательной, если бы она следила за собой и хоть иногда проявляла признаки ума. Ее дочь, белокурая голубоглазая малышка, выглядела немного полноватой для своих трех лет — что, очевидно, объяснялось плохим питанием и огромным количеством «коки», которое девочка поглощала каждый день. Фрайгейт осмотрел запущенную гостиную. Сестра блондина, которую звали Мейзи, лежала на почти развалившейся софе и пила пиво. Малышка, спрятавшись за потертое кресло, баюкала в углу потрепанную тряпичную куклу.

Время от времени на экране появлялась бутылка виски, которую Стэндиш подносил ко рту. Судя по беседе, брат и сестра решили опохмелиться после вчерашней попойки.

Стэндиш перевел затуманенный взгляд на сестру.

— Где Линда? — спросил он.

— Там,— буркнула Мейзи, махнув рукой в сторону стула.

— Линда! Иди ко мне! — громко позвал блондин.

Малышка, прижимая куклу к груди, неохотно покинула свое убежище. Стэндиш расстегнул молнию на штанах и вытащил возбужденный член.

— Смотри, какая игрушечка. Ты когда-нибудь видела такую штуку?

Девочка отступила назад. Стэндиш закричал, чтобы она подошла поближе. Мейзи, покачиваясь, поднялась с кушетки.

— Что ты делаешь, трахнутый придурок?

— Заткнись, сучка. Сейчас трахнутой станет твоя дочь.

Фрайгейта затошнило, но он не стал отключать экран, надеясь, что Мейзи заступится за дочь. Однако та, поспорив немного с братом, махнула рукой и вновь улеглась на софу.

— Ладно, какая к черту разница! — сказала она, прикладываясь к бутылке.— Все равно ей от этого никуда не деться. А так будет о чем вспомнить. Надо же! В три года! Собственный дядя!

И она захохотала визгливым пьяным смехом.

— Вот и я так думаю. Помнится, в семь лет тебя уже долбили во все дыры, верно?

Мейзи ничего не ответила. Стэндиш повернулся к девочке:

— Иди сюда.

Она покачала головой, и он закричал:

— Иди сюда, сучонка! Или хочешь, чтобы дядя Билл задал тебе трепку? Не бойся, дура! Тебе понравится...

Фрайгейт не выдержал и отключил экран. Не в силах унять дрожь, он велел компьютеру прокрутить «фильм» на три дня вперед. В то время Стэндиш уже находился за решеткой. Вместе с ним в тюремной камере сидели двое других преступников, и он хвастался им, как нарезал резьбу у дочери своей сестры.

— Маленькая стерва давно хотела этого. И я дал ей то, на что она напрашивалась. А что тут плохого, правда?

— Бедная малышка,— прошептал Фрайгейт.— О боже!

Отыскав в памяти компьютера телесную матрицу Стэндиша, Фрайгейт хотел разрушить этот файл — разрушить до такой степени, чтобы ватан безжалостного насильника никогда не нашел пристанища в новом теле и был обречен на вечное блуждание в холодных просторах Вселенной.

Кусая губы и все еще сотрясаясь от дрожи, Питер встал из-за пульта и зашагал взад и вперед по комнате.

— Черт побери! — шептал он.— Вот же дьявол! Надо отправить его в ад, вернуть обратно и снова бросить в адское пламя! Нет, возвращать обратно не надо! Пусть веками горит в геенне огненной! — Он подбежал к пульту и прокричал: — Когда я произнесу пароль, убери из памяти все, что составляет телесную матрицу Стэндиша!

Машина ответила, что для подобной процедуры он должен ввести свой персональный код, трижды подтвердить приказ об уничтожении телесной матрицы другого человека, а затем произнести пароль, который бы подтвердил правомочность доступа к программе разрушения.

— Тогда поставь телесную матрицу Стэндиша на задержку,— приказал Фрайгейт.— Я не позволю этому скоту еще раз возродиться в долине.

Через несколько часов он почувствовал стыд за свои импульсивные поступки. Кто он такой, чтобы осуждать других людей? И все же Стэндиш, изнасиловав ребенка, заслуживал... полного забвения.

На следующий день он рассказал о своем эксперименте Нуру. Мавр поднял брови и со вздохом сказал:

— Мне понятен твой гнев. Я не видел того, о чем ты говорил, но меня тоже одолевает ярость. Этот человек показался тебе неисправимым, и он вновь доказал, что мир Реки не улучшил его характера. И все же не забывай — у него еще осталось время, чтобы измениться к лучшему. Я знаю, ты не веришь в исправление таких людей, однако этики дали каждому из нас определенный срок для спасения своих душ. Лога не зря увеличил это время. Очевидно, он имел на то основания. Поэтому смири свои чувства, Пит. Ты не должен вмешиваться в их план.

— Но его нельзя подпускать к людям! — вскричал Фрайгейт.

— Возможно, его нельзя подпускать даже к самому себе,— ответил Нур.— Тем не менее он должен пройти свой путь до конца. Сейчас тобой движет месть. И это понятно. Но не поддавайся ей. В повторных воскрешениях заложен глубокий смысл.

— Смысл! Какой смысл?

— Ты и сам все прекрасно знаешь. Смерть — великий учитель. Ее уроки помогли спастись многим — даже самым жестоким и, казалось бы, неисправимым. Вспомни Геринга. Это самый яркий пример, но я уверен, что мы могли бы отыскать и множество ему подобных.

— Стэндиш умер в возрасте тридцати трех лет,— сказал Фрайгейт.— Напившись, он угнал грузовой фургон и, проезжая перекресток на красный свет, врезался в борт рейсового автобуса. Я не знаю, к каким жертвам привела его выходка, но это не имеет сейчас значения. Ясно одно — Стэндиш никогда ничему не научится. Не жди от него раскаяния и стыда. Его не изменят и тысячи смертей! Он никогда не изменится! Никогда!

— Я понимаю тебя,— ответил Нур.— Но, уничтожив его телесную матрицу, ты примешь на свои плечи непосильный груз вины.

— А почему же этики не страдали от вины? Они знали, что придет время, когда миллиарды людей будут осуждены на вечное забвение.

— Праведное негодование затуманило твой ум. Ты только что изложил причину, по которой не имеешь права вмешиваться в судьбы людей.

— Я? Ты хочешь сказать... По плану этиков нам отведен определенный срок. Лога решил, что дополнительное время поможет многим достичь спасения. Но разве лишний год, или месяц, или день что-нибудь изменят?

— Основываясь на своих домыслах, Лога вмешался в планы этиков, и события сбились с пути. Я думаю, мы совершили ошибку, приняв сторону Логи.

— Теперь ты противоречишь самому себе.

— Я часто так поступаю,— с улыбкой ответил Нур.

— Тогда решим так,— предложил Фрайгейт.— Пусть матрица Стэндиша стоит пока на задержке. Я считаю, это никому не повредит. Однако если те восемнадцать миллиардов ватанов вновь начнут возрождаться в долине, я уничтожу файл с его записью.

— На это имеет право только та маленькая девочка. Спроси ее, захочет ли она обрекать человеческую душу на вечное страдание.

— Мне некого спрашивать. Она умерла от дизентерии в пятилетнем возрасте.

— Значит, ее воскресили в мире Садов. Возможно, она стала одним из агентов, к записям которых у нас нет доступа.

«А почему я так настаиваю на этом? — спросил себя Фрайгейт.— Неужели потому, что почувствовал власть над судьбой Стэндиша и других безволосых иеху? Власть сладка и любит лесть. Но она не для меня, потому что вместе с ней приходит ответственность. О да! Я всегда пытался уйти от ответственности. В пределах разумного, конечно».

Глава 19

Другие все еще ломали голову по поводу того, кого им воскрешать в своих личных мирах. Однако Томас Мильен Терпин давно уже для себя все решил. Прежде всего он хотел воскресить Скотта Джоплина, Луи Шовена, Джеймса Скотта, Сэма Паттерсона, Отиса Саундерса, Арти Мэтьюса, Юби Блейка и Джо Джордана. Этих парней он знавал в веселые дни своих рэгтаймов. Многие из них считались хорошими музыкантами, хотя самыми великими были, конечно, Джоплин и Човин. Том и сам играл на пианино, как ангел, но те двое парили на три небесных круга выше его, и он восхищался ими.

А как насчет женщин? Многие, кого он знал на Земле, зарабатывали себе на жизнь, торгуя телом. Однако некоторые из них выглядели очень мило и имели уживчивый характер. Однажды в долине он влюбился в женщину, которую до сих пор не мог забыть,— красавицу Менти из Древнего Египта. Том решил, что обязательно поселит ее в своем мире, если она окажется в числе восемнадцати миллиардов убитых. Он не видел ее тринадцать лет, но надеялся, что она не забыла их страстные ночи. Менти родилась в Мемфисе, в семье рыночного торговца. Благодаря смуглой коже она ничем не отличалась от черных и, главное, ничего против них не имела. Конечно, Египту и Мемфису было далеко до штата Теннесси, однако в списке на воскрешение Том поставил Менти на первое место.

Он даже сочинил для нее рэгтайм «Моя египетская красавица». Попивая джин, Терпин мечтал о той ночи, когда она услышит эту прекрасную музыку и поймет всю глубину его любви.

Самым классным местом в Терпинвиле должно было стать кафе «Бутон розы». Оно не претендовало на оригинальность — все то же старое кирпичное здание на 2220-й Макит-стрит в черных кварталах славного Сент-Луиса. Однако Том решил сделать его десятиэтажным, из золота высшей пробы, с алмазами и изум-

рудами, от которых рябило бы в глазах. И чтобы на фронтоне сияли огромные золотые буквы Т. Т.— Томас Терпин.

Он грезил о мостовых с золотой брусчаткой и стоянках, где будут припаркованы «роллс-ройсы», «кадиллаки», «студебекеры», «мерседесы» и «корды». Вокруг раскинется небольшой городок из трехэтажных строений, с золотыми крышами и огромными рубинами вместо дверных ручек.

«А что, если сделать унитазы из золота? Парни просто сойдут с ума! Да, с унитазами — это классная идея!»

На главной аллее перед «Бутоном розы» он построит великолепный фонтан, который день и ночь будет орошать бурбоном золотое пианино. Чуть дальше три фонтана с шампанским, джином и мятным ликером будут изливать свои струи на статуи Джоплина, Шовена и Терпина. При виде мебели и украшений Терпинвиля старый хрен Д. П. Морган позеленел бы от зависти. Но этому усатому пирату никогда не увидеть подобной роскоши.

В его городе найдется любой инструмент, который только может пригодиться,— сотни роялей, скрипки, барабаны, трубы. Слугами станут андроиды — все как один с белой кожей. Они будут называть Тома хозяином или боссом, а его друзей — масса или госпожа.

За городом раскинется лес с рекой, ручьями, болотами и крутыми холмами, вокруг которых будет петлять бетонная дорога. Классное место для гонок на машинах под визги подруг и азартные крики друзей! В лесу и на болотах он планировал развести различную живность: кроликов, кабанов, куропаток и уток, гусей, фазанов, индеек и лис. В реке будут водиться черепахи, крокодилы и множество крупной рыбы. Любой охотник продал бы душу за такое райское место.

— Неужели ты думаешь, что хорошие времена будут длиться вечно? — спросил его Нур.

— По крайней мере до тех пор, пока будет существовать эта башня,— ответил Том.

Усмешка Нура вызвала у него необъяснимую тревогу.

— Что бы ты там ни говорил, я сделаю себе самый балдежный мир,— пообещал он Нуру и с того момента, ссылаясь на свою личную вселенную, называл ее Балдежной планетой Терпина.

— Да, парень! — прошептал он сам себе.— Ты одолел долгую дорогу!

— Что ты сказал? — переспросил его Нур.

— Я прошел долгий путь, который начался в Саванне, штат Джорджия, в старой и ветхой лачуге. Через несколько лет после моего рождения отцу удалось сколотить неплохое состояние, и мы перебрались в большой первоклассный дом. Не какой-нибудь там бордель, а красивый дом, в котором прежде жили богатые белые люди. Потом нашей семье начал угрожать ку-клукс-клан, и нам пришлось перебраться поближе к Миссисипи. Мне говорили, что в честь отца и его братьев одну из улиц Саванны назвали позже Терпин-Хиллом. Вот каким крутым был мой папаша.

Стычки с белыми и проблемы с законом привели к тому, что семейство Терпинов перебралось в Сент-Луис. Там они поселились в черном районе, который пользовался дурной репутацией. Папаша Джон открыл салун «Серебряный доллар» и купил конюшню, где разводил беговых лошадей. Все это оказалось прибыльным делом.

— Мой папа говорил, что после отмены рабства он ни разу не работал на других людей. Свое добро наша семья защищала зубами и кулаками. А отца уважали за силу рук и крепкий череп. Он так и говорил — самый крепкий череп к западу и востоку от Миссисипи. Если кто скандалил в его заведении, он хватал человека за запястье, выкручивал руку и одним ударом сбивал с ног. Люди потом ходили шатаясь целую неделю. Но зато никто не смел посылать моего папашу на три буквы.

Как и многие негритянские музыканты, Том научился играть на пианино самостоятельно. Но в отличие от других он знал ноты.

— Когда мне исполнилось восемнадцать, мы с братом Чарли поехали на запад посмотреть страну. Потом нас потянуло на поиски золота, и мы провели в Неваде целый год. Однако при виде наших жадных глаз самородки и золотой песок уходили на недосягаемую глубину. Короче, мы вернулись домой с пустыми карманами.

Я умер тринадцатого августа тысяча девятьсот двадцать второго года. Старуха с косой имела череп покрепче, чем у моего папаши, и без труда свалила меня с ног. В ту пору смерть была единственной честной дамой в Сент-Луисе. Она не брала взяток ни товаром, ни телом, ни деньгами. Поэтому я махнул на все рукой и отдал концы. Детей у меня не завелось, но люди назвали меня отцом рэгтайма нашего старого и доброго Сент-Луиса.

— Ты оставил жене большое состояние, а твой брат Чарли получил хорошую должность,— сказал Фрайгейт.— Он стал первым черным полицейским, который дослужился до офицерского звания. Его смерть пришлась на Рождество тысяча девятьсот тридцать пятого года, и, если верить газетам, он завещал семье сто пять тысяч долларов. Приличные деньги по тем временам.

— И очень большая сумма для ниггера,— добавил Том.— Так ты говоришь, он умер в тысяча девятьсот тридцать пятом году?

— Я попросил компьютер порыться в файлах памяти и отыскать книгу, которая называлась «Те, кто играл рэгтайм»,— сказал Фрайгейт.— Если машина ее найдет, я сделаю для тебя копию. В этой книге многое написано о тебе, и, почитав ее, ты будешь собой гордиться.

— Для этого мне не надо никаких книг. Но я с удовольствием полистал бы твою книжку.

Через день после того, как компьютер закончил строить Балдежную планету, Том Терпин посетил свои владения. В десять часов утра он вступил в новый мир, и его сердце дрогнуло от счастья. Небо сияло голубизной, и лишь вдали виднелось несколько далеких и нежных, как хлопок, облаков. Том спустился по ступеням и вышел на площадку, где его ожидали андроид-шофер и розовый «мерседес-бенц» с откидным верхом. Белокожий андроид с голубыми глазами и желтыми волосами казался самым уродливым существом на свете. Но Терпин сам придумал для него такое лицо. Робот носил розовую форму, традиционную для шоферов начала двадцатого века. «Почему розовую? Под цвет машины»,— как скажет Том своим друзьям.

Он сел на заднее сиденье и тихо произнес:

— Домой, Джеймс. Домой, мой мальчик.

Красавица машина плавно тронулась с места, мотор заурчал, и они помчались по длинной извилистой дороге. Над ними искрился светом зеленый свод, образованный ветвями высоких деревьев.

— Хм-м. Не слишком ли узкой получилась дорога? — спросил себя Том.— А впрочем, какого черта? Транспорта тут будет немного.

Когда лес поредел, они поехали вдоль озера. На водной глади покачивались утки, лебеди и гуси. Цапли и журавли ловили на мелководье рыбу и лягушек. Отовсюду доносились гогот и причудливые крики птиц.

Дорога увела их от Терпинвиля к торцу огромного помещения.

— Если бы я не знал, что тут стена, то никогда бы не догадался,— прошептал Том.— Такое впечатление, словно дальше тянется лес, а за ним начинаются холмы. Если не упрешься лбом, то и не поймешь, что это иллюзия.

Терпинвиль располагался в середине помещения — примерно в двух целых и семи десятых мили от входа. Однако извилистая дорога, петляя между холмами, занимала не меньше десяти миль. Кроме того, Том мог отправиться в город по другой проселочной дороге, которая была длиннее первой почти в два раза.

Время от времени за деревьями мелькали золотые крыши города, и его сердце наполнялось гордостью. «Том! Это же все твое!»

Когда они выехали из темного леса и помчались к ажурным воротам Терпинвиля, ему захотелось увидеть толпы встречающих людей, цветы и большой духовой оркестр. Однако город пока оставался безлюдным и тихим.

— Столица призраков перед своим пробуждением! Но настанет час, и ее заполнят голоса людей!

Машина остановилась перед «Бутоном розы». Том вышел на главную аллею и направился к центральному фонтану. Сняв с декоративного крюка серебряный кубок, он зачерпнул крепко пахнувшую жидкость и попробовал ее на вкус.

— О парни! Это лучшее, что есть на свете! Теперь нужна только старая компания, музыка, сигаретный дым и смех... Мне надоело пить в одиночку и болтать с самим собой.

Он вошел в «Бутон розы» и вызвал лифт, украшенный драгоценными камнями. Поднявшись на третий этаж, Том торопливо осмотрел свой кабинет, устроился в кресле рядом с огромным пультом и приступил к поиску.

Через три недели он понял, что при желании может воскресить не только сорок человек, но и целых две тысячи.

— Это будут небеса для бедных ниггеров,— сказал он своим семерым товарищам на одном из званых вечеров, которые они проводили все реже и реже.— Балдежный мир, где исполняются любые желания. Ребята будут в полном отпаде!

Том усмехнулся, заметив, что Фрайгейт вздрогнул при словах о небесах для ниггеров. Питер был либералом и находил такие термины омерзительными. Том и сам не потерпел бы их от других — тем более от белых. Но он употреблял эти слова без всяких стеснений. Когда Фрайгейт спросил его, почему он так посту-

пает, Том ответил, что это старая земная привычка, от которой он никак не мог избавиться.

— Ты взрослый человек и достаточно долго жил в мире Реки,— сказал Нур.— За такое время можно избавиться от любой дурной привычки.

— А разве она кому-то мешает?

— Самоуничижение как метод лечения душевных ран,— с усмешкой сказал Фрайгейт.

Том Терпин молча отошел к другому концу стола.

— Когда ты пригласишь нас взглянуть на твой мир? — спросила Афра.

— В следующую пятницу. Устроит? Такого вы еще не видели, поверьте! Я рассказал о вас друзьям, и они не против, чтобы вы пришли. Но только знайте свое место. Вы там будете в гостях.

Терпин засмеялся и удалился в свой личный мир.

— После шестидесяти семи лет, проведенных здесь, на нем еще гноятся язвы Земли,— тихо произнес Фрайгейт.

— Он никогда не станет «продвинувшимся», если не искоренит в себе это зло,— сказал Нур.— Я имею в виду последствия расового произвола.

Порожденное на Земле зло не всегда умирало в мире Реки. Однако, по мнению Нура, человечество в общей массе продвигалось вперед к этическому и духовному совершенству.

— То есть, говоря простым английским языком, ты утверждаешь, что многие стали лучше, чем были? — спросил Бёртон.

— Да. Мир Реки углубляет нашу человечность. Но изменения редко происходят без боли.— Помолчав какое-то время, Нур добавил: — У Тома много хороших качеств. Он веселый и отважный человек, и с ним легко общаться, если никто не наступает ему на пальцы. Однако он никогда не сожалел о своем сутенерстве. А человек, заставлявший женщин торговать своим телом, сам является духовной проституткой. Том целиком и полностью увяз в этом отвратительном и грязном промысле. Ему приходилось бить и убивать. Вот он и променял сочувствие к людям на презрение и цинизм.

Наступила тишина.

— И что же дальше? — спросил Фрайгейт.

— Говоря о Томе, я имею в виду каждого из вас. Вы спрятались в своих маленьких мирах, позабыв о других и о своей первоначальной цели. Но разве может человек развиваться в вакууме?

— Конечно может,— ответил Фрайгейт.

— Хорошо. Посмотрим, что из этого получится,— произнес Нур.

В отличие от семерых товарищей мавр решил остаться в своей прежней квартире.

— Ее для меня вполне достаточно.

— Но это вызовет осложнения,— сказал Бёртон.— Некоторые из недавно воскрешенных могут польститься на свободные миры. И тогда, чтобы захватить их, они пойдут на все — даже на кровопролитие.

Глава 20

Бёртон, Фрайгейт и Бен беседовали об ограничениях на воскрешение людей.

— Только не надо оживлять актеров, режиссеров и кинозвезд,— сказал Фрайгейт.— Это отъявленные эгоисты, зараженные противоречиями и недоверием. Какое-то время они могут казаться прекрасными собеседниками, но потом из них начинает вылезать себялюбие, и они становятся настоящими чудовищами.

— Значит, накладываем запрет на всех актеров? — спросил Бёртон.

— На всех,— поддержала Бен.— Я их тоже знала. Просто страшно подумать, во что они превращали мои пьесы.

— Конечно, здесь могут быть некоторые исключения,— сказал Фрайгейт.— Однако продюсеров сюда точно пускать не стоит. Таких безжалостных и хладнокровных существ можно держать только в террариуме для крокодилов. Запомните мои слова! Не воскрешайте продюсеров — особенно из Голливуда. Это не люди, а что-то зубастое, прожорливое и отвратительное.

— Я так понял, их можно отнести к одному подклассу с политиками,— произнес Бёртон.

— О да. Политики и чиновники вообще недостойны упоминания. Лжецы и предатели с гибкими спинами.

— Неужели все? — спросила Бен.

— Как будто ты сама не знаешь,— ответил Бёртон.

— Я встречалась лишь с немногими и поэтому не могу судить об остальных.

— Тогда положись на мое слово,— сказал Бёртон.— Итак, политикам вход воспрещен. А что вы скажете о священниках?

— Все представители духовенства — священники, раввины, муллы, экзорцисты, шаманы — по своей сути похожи друг на друга, как братья,— произнес Фрайгейт.— И в то же время они очень разные. Некоторые из них — правда, очень немногие — являются примером для подражания. Но остальные... Лично я отношусь с подозрением к тем, кто возомнил себя духовными лидерами. Каковы их настоящие мотивы?

— Тогда я вычеркиваю попов из списка,— подытожил Бёртон.— Это все те же политики и лжецы, которые манипулировали людьми и использовали их веру для своей наживы. Во всяком случае, в башню мы их не пустим.

— Никаких раввинов, мулл, архиепископов и их преподобий,— добавил Фрайгейт.— Все, что приложимо к попам, приложимо и к ним.

— Монахинь и настоятельниц?

— Долой! — прокричал Бёртон, сжав кулак и указав большим пальцем на пол.

— А где же ваши исключения? — с усмешкой осведомилась Афра.

— Давайте пока не будем тратить на них время,— предложил Бёртон.

— Что вы скажете о продавцах подержанных машин? — спросил Фрайгейт.

Бёртон и Бен недоуменно посмотрели друг на друга.

— Это феномен двадцатого века,— объяснил Фрайгейт.— Хорошо, забудем о них. Я просто буду следить, чтобы они не просочились в башню. Хотя, учитывая их пронырливость, вряд ли мне это удастся на сто процентов.

— А доктора?

— Какие-то общие правила к ним неприложимы. Однако многие из них, попав в мир Реки, растеряли свою духовность. Здесь они почти не имели авторитета. Поэтому будем подходить к их оценке осторожно.

— Адвокаты?

— Среди них есть прекрасные люди, но встречается и абсолютное дерьмо,— сказал Фрайгейт.— Будем внимательны. Да, кстати, я обнаружил телесную матрицу Будды! Того самого исторического Сиддхартху!

— А какое отношение он имеет к адвокатам? — спросил Бёртон.

— Никакого. Но Будда... Он отмечен в записях, и о нем есть «фильм». Если вы хотите взглянуть на живого Гаутаму Будду, вам просто надо запросить компьютер. И что самое интересное, он никогда не воскрешался в мире Реки. Умерев на Земле, Будда стал «продвинувшимся».

— Теперь все ясно! — сказал Бёртон, словно действительно понял что-то важное и доселе скрытое от человеческих глаз.

— Что тебе ясно?

— Семь дней назад я отыскал файл об историческом Иисусе Христе,— ответил он.

— Я тоже его нашел,— сказал Фрайгейт.

— Тогда ты знаешь, что, воскреснув в мире Реки, он пережил здесь несколько смертей и умер последний раз около двадцати лет назад. Иисус тоже стал «продвинувшимся». Но очевидно, Будда был более «продвинувшимся», чем он.

— Гаутама жил на Земле дольше Иисуса,— напомнил Фрайгейт.

— Мои слова — не упрек, а констатация факта.

— Между прочим, я обнаружил записи о святом Франциске Ассизском,— сказал Фрайгейт.— Он тоже воскрешался на берегах Реки. Умерев десять лет назад, этот человек перешел на стадию «продвижения».

— Интересно, сколько пап и кардиналов, верховных священников и верующих достигли «продвижения»? — спросила Бен.

— Ни одного,— ответил Фрайгейт.— Во всяком случае, я таких не обнаружил. Но у меня и не было цели отслеживать их всех. Если хотите, я могу поставить перед компьютером задачу. Пусть, например, найдет двенадцать Пап...

— Включая первого — святого Петра,— добавил Бёртон.

— Петр считался не Папой, а первым епископом Рима,— поправил его Фрайгейт.

— Он что, действительно там был?

— Да, его казнили в Риме. Тем не менее он по-прежнему живет на Реке. Петр трижды умирал, но пока еще не дошел до статуса «продвинувшегося».

— Значит, мы можем воскресить его и узнать всю правду об Иисусе и христианстве? — с восторгом спросил Бёртон.— Впрочем, тут есть одно «но». Слова не могут являться объективной истиной. Даже в устах такого человека.

— Записи Иисуса хранятся в памяти компьютера,— сказал Фрайгейт.— Его ватан исчез, однако мы можем посмотреть «фильм» о его жизни.

— А как святой Павел?

— О, святой Павел! — с улыбкой ответил Фрайгейт.— Сначала он следовал ортодоксальному иудаизму. Потом стал фанатичным христианином и, пожалуй, больше всех извратил учение основателя. Попав в мир Реки, Павел фанатично проповедовал заповеди шансеров. Но поскольку Церкви Второго Шанса нужны верующие, а не фанатики, они вышибли его вон из своих рядов. Теперь, насколько я знаю, он увлекся учением доуистов.

— Доуистов?

— Я расскажу о них как-нибудь в другой раз. Что же касается Павла, то он живет на Реке. Я нашел его хижину и немного понаблюдал за ним. На вид неприятный коротышка, но оратор, конечно, изумительный. Павел отказался от безбрачия, и, судя по слухам, огонь его страсти пытаются погасить сразу несколько женщин.

Фрайгейт показал им ватаны трех мужчин, которых он поместил в свою коллекцию из-за их маниакального стремления к насилию и огромной известности в двадцатом веке. Бёртон слышал эти имена от других обитателей долины, но сам о них почти ничего не знал. Адольф Гитлер появился на свет за год до его смерти. Иосифу Джугашвили, более известному как Сталин, в год смерти Бёртона исполнилось одиннадцать лет. Мао Цзэдун родился в 1893 году.

— Я поставил их матрицы на задержку,— сказал Фрайгейт.— Мне не хватило времени на просмотр их жизней в мире Реки, но по отдельным эпизодам я понял, что они нисколько не изменились. Их ватаны имеют такую же окраску, как у Ивана Грозного. Его я, между прочим, тоже отыскал.

— Ты считаешь, что нет никакой надежды на их исправление? — спросил Нур.

— Да. Во всяком случае, на данный момент. Они по-прежнему остались садистами и убийцами, которые испытывают оргазм от массовой резни. Патологические психопаты.

— Но Лога говорил, что в мире Реки нет настоящих психопатов. На предварительной стадии воскрешения их тела излечили, устранив химический дисбаланс, который вызывал отклонения психики.

Фрайгейт пожал плечами:

— Да. Я знаю. Но дисбаланс элементов здесь ни при чем. Они по-прежнему сеют раздор и совершают зверские преступления. Поэтому они и только они ответственны за свои поступки.

— Возможно, ты прав. Но это еще не повод для уничтожения их матриц. Мы не должны укорачивать время, отведенное им на исправление. Пути судьбы неисповедимы. Они могут претерпеть какие-то радикальные изменения характера и, увидев свет истины, спасти свои души. Вспомни Геринга.

— Геринг раскаялся и признал свою вину много лет назад. А эти существа — Сталин, Гитлер, Мао и Иван Грозный — по-прежнему готовы и фактически жаждут убивать любого, кто встанет на их пути. Они рвутся к власти — безмерной власти, которая давит других людей и разрушает все, что ей противостоит. Знаешь их лозунг? «Кто не с нами, тот против нас!» А ты говоришь, что они не параноики! Эти люди полностью оторваны от реальности. Они не воспринимают мир таким, какой он есть, и поэтому стараются превратить его в ту мерзость, которая так близка их загаженным душам.

— Но многими людьми управляют те же желания.

— Зло бывает маленьким и большим!

— Ты хотел сказать, что бывают маленькие и большие пакостники. На свете нет такой вещи, как абстрактное зло. Зло всегда состоит из конкретных дел и конкретных исполнителей.

Устав от их перебранки, Бёртон начал проявлять нетерпение:

— Истинная философия обретается не в беседах, как думают некоторые мудрецы, а в решительных действиях. Пит, ты много говоришь о том, что хотел бы сделать. Почему? Не потому ли, что ты боишься совершать поступки? Мне кажется, твой страх исходит из чувства самонеудовлетворенности.

— Просто я придерживаюсь правила: «Не судите, да не судимы будете».

— Ты веришь, что тебя не будут судить, если ты воздержишься от осуждения других? — насмешливо спросил Бёртон.— Чепуха! Никто еще не избежал сплетен и болтовни людей. Даже святые не могли удержаться от осуждений, хотя и делали вид, что это идет во благо их оппонентам. Порицание и брань заложены в нас на подсознательном уровне. Они так же рефлекторны, как сокращение мышц или выделение слюны. Вот почему я говорю: осуждайте налево и направо, когда и где захотите, кого угодно и сколько угодно.

Нур засмеялся и добавил:

— Но не вынося другим приговор.

— А почему нет? — с дьявольской усмешкой воскликнул Бёртон.— Почему нам не дозволено то, что делают другие?

— Не так давно я нашел профессионального судью, увешанного дипломами и лицензиями,— произнес Фрайгейт.— Человека, который сидел в круглом зале мэрии и судил людей во времена сухого закона. Мальчишкой я читал о нем в газетах и часто слышал рассказы отца об этом кривом и продажном винтике муниципальной системы. Судья безжалостно рассовывал по тюрьмам местных торговцев спиртным и штрафовал пьяниц, которых ловили в подпольных барах. Однако у него имелся огромный подвал, заполненный ящиками с виски и джином. Он покупал и перепродавал спиртное через доверенных контрабандистов, позволяя им за это проворачивать свои делишки.

— Питер! Чем ты там занимаешься? — удивленно воскликнул Нур.

— Я просто не мог сопротивляться этому,— ответил Фрайгейт.

Бёртон понимал увлеченность Фрайгейта — или, по крайней мере, считал, что понимает. Злые люди имели определенный магнетизм, который притягивал к ним всех остальных — и злых, и добрых, и в черно-белую полоску. Зло сначала привлекало, а потом отталкивало. Парадоксально, но, оказывается, отторжение могло вызывать влечение.

— Любопытная вещь,— сказал вдруг Фрайгейт, словно решил поведать им мысли, которые не давали ему покоя.— Никто из них не считал себя злым. Я имею в виду Гитлера, Сталина и Мао, судью из Пеории и того насильника Стэндиша.

— Когда Геринг признал свершенное им зло, это стало первым шагом к его духовному спасению,— сказал Нур.— Но что ты собираешься делать с ними... с Гитлером, Сталиным и другими?

— Я поставил их матрицы на задержку,— ответил Фрайгейт.

— То есть ты до сих пор не решил, что будешь делать с ними.

— Матрицы останутся в целости и сохранности. Но если компьютер начнет воскрешать те восемнадцать миллиардов, которые погибли в долине, среди них не окажется многих моральных уродов. Знаете, что я придумал? Я хочу, чтобы эти убийцы посмотрели на себя глазами тех людей, которых они насиловали и унижали!

Лицо Фрайгейта покраснело. Его глаза расширились и заблестели.

— Пусть они испытают боль от собственных злодеяний! На этот раз им не уйти от возмездия! Там, на Земле, все было по-другому. Но здесь сама судьба определила нам роль судей! И если понадобится, мы не только вынесем приговор, но и приведем его в исполнение!

— Между прочим, приостановка в воскрешении людей вызвана не судьбой, а обычной аварией,— сказал Нур.

— Разве? — спросил Фрайгейт.

Нур улыбнулся и пожал плечами:

— Возможно, ты прав. Но тогда нам тем более надо действовать осмотрительно и разумно.

— Ты призываешь к осмотрительности? — возмутился Бёртон.— А о ком нам заботиться? Об этих подонках?

— О-о! — воскликнул мавр, поднимая вверх указательный палец.— Не будем торопиться! Возможно, это просто очередная проверка. Неужели вы не чувствуете, что за нами все время следят? Я имею в виду не компьютер, а тех, кто может им пользоваться.

— Очередная незнакомка? — с усмешкой спросил Бёртон.

— Не знаю. Но я чувствую посторонний взгляд. А как ты, Дик?

— Галлюцинациями не страдаю.

— Я тоже чувствую,— сказал Фрайгейт.— Но это ничего не значит. Меня всю жизнь преследует мысль... что за мной кто-то наблюдает.

— Кто может наблюдать за наблюдателем? — с улыбкой спросил Нур.— Кто посмел судить судью?

— Не обижайся, Пит. Эти суфии все немного с приветом,— произнес Бёртон.

— Гитлер, Сталин, Мао и Иван Грозный имели на Земле огромную власть,— продолжал Фрайгейт.— Они заняли исключительно важные места в мировой истории. И вот теперь...

— И теперь ты, безгласный и сирый, получил над ними власть,— закончил за него Нур.

— Хотел бы я, чтобы они попались мне не здесь, а в самом начале своих злодеяний,— сказал Фрайгейт.

— И тогда бы ты нажал на кнопку «Ликвидация»?

— О Иисус! Не знаю! Наверное, нажал бы...

— А что, если кто-то нажмет кнопку, чтобы уничтожить тебя? — спросил Нур.

— Мои грехи не так велики,— ответил Фрайгейт.

— Их размер зависит от мнения того, кто давит на кнопку,— сказал Нур.— Или от суждений тех, кому повредили твои грехи.

Бёртон встал и направился к двери. Но прежде чем уйти, он подошел к столику, где сидели Звездная Ложка, Ли По и его друзья — семь поэтов и художников, которых воскресил китаец. Простившись с их шумной компанией, англичанин хотел было удалиться, но тут на его плечо легла изящная ладонь.

— Нам с тобой надо увидеться еще раз,— тихо шепнула Звездная Ложка.— Как можно скорее.

— Конечно, еще увидимся,— ответил Бёртон.

— Я имела в виду тайную встречу. Наедине,— сказала она и, заметив пристальный взгляд Ли По, быстро вернулась к столу.

Бёртон не поверил своим ушам. Она сама захотела «увидеться». При других обстоятельствах он пришел бы в восторг от такого предложения. Однако ситуацию осложняла дружба с Ли По. Пусть китаец и не имел законных прав на Звездную Ложку, но он считал ее своей женщиной. Эта встреча вызвала бы у него обиду и ревность, и он никогда не простил бы старому другу подобного поступка.

«Она свободная женщина,— убеждал себя Бёртон.— Ли По дал ей жизнь, но она — человек, а не собственность. Хотя, возможно, китаянка думает по-другому. Тем не менее, если бы Звездной Ложке понадобилось встретиться со мной по каким-то обычным делам, она могла бы сделать это открыто, предупредив Ли По. Значит, ей действительно захотелось...»

Такой эгоист, как Ли По, не сразу поверил бы в измену женщины, которую он любил. «Я самый лучший. Разве можно предпочесть другого мужчину?» Но потом последовала бы буйная сцена с криками, напыщенными обидами и угрозами. Возможно, Ли По вызвал бы Бёртона на дуэль. Хотя и вызов, и его принятие в равной степени выглядели бы глупо. Ли По родился в 701 году; Бёртон — в 1821-м. И тот и другой не признавали кодексов чести своих эпох и понимали, что сражаться за женщину нелепо. И все же Ли По разорвал бы с ним дружеские узы. А Бёртон этого не хотел.

С другой стороны, Звездная Ложка — живое существо. Воскрешая ее, Ли По мог бы учесть, что она будет жить своей жизнью.

Эта женщина — свободный человек, а не прежняя рабыня его тестя.

Ее покачивающиеся бедра походили на звонящий колокол. Прекрасный колокол под короткой юбкой. Динь-дон! Динь-дон!

Бёртон вздохнул и попытался забыть о своей жаждавшей восставшей плоти. О, как же долго она оставалась без дела! Он устал от одиночества. Устал от аскетизма! Устал! Устал! Устал!

Но если они познают друг друга — не в библейском смысле слова,— будет ли она и дальше столь соблазнительной и желанной? Что, если она не заслуживает тех жертв, на которые ему придется пойти? А что пойти на них придется, он не сомневался.

«Я так и остался семидесятилетним стариком, несмотря на свое молодое тело. А оно бунтует и рвется в бой! Гормоны трубят боевой сигнал вопреки богатому жизненному опыту! Правду говорят, что в головке члена нет ни стыда, ни совести. Но надо добавить, что там нет и мозгов!»

В принципе Бёртон мог бы оживить любую из девяти с половиной миллиардов женщин. Но в тот момент он хотел только ее — странную и прекрасную, загадочную и почти неземную. Это не было любовью; никакой разумный человек в свои сто тридцать шесть лет уже не трепещет в сетях романтической любви. Нет! Его сейчас звала природа! И кто бы только знал, как сильно она звала!

Из восьми с половиной миллиардов мужчин, информация о которых хранилась в файлах, пожалуй, только шестнадцатая часть достигала возраста Бёртона. Из них в романтику любви не верила, возможно, тоже шестнадцатая часть. Так что он мог составить компанию лишь немногим из немногих.

Он включил экран, вызвал для просмотра «фильм жизни» и устало откинулся на спинку летающего кресла. Через пять минут компьютер отыскал заказанное событие, которое Бёртон пережил в возрасте тридцати девяти лет. В ту пору он находился в Лондоне, подготавливаясь к путешествию в Мекку. А поскольку Бёртон планировал выдать себя за мусульманина, он решился на обрезание. Эта мера была необходима, иначе случайные попутчики могли распознать в нем «неверного» и разорвать на части. Он знал, что мусульмане обычно оправлялись на корточках, прикрывая полами халатов интимные части тел. Но в долгом пути могли произойти любые непредвиденные случайности. Поэтому

Бёртон сделал себе обрезание, используя вместо обезболивающего средства полкварты пшеничного виски.

Он сцепил пальцы рук и приказал компьютеру подключить неврально-эмоциональное поле. От внезапной боли его зубы непроизвольно сжались, откусив при этом кончик сигары. Мысли затуманились и расползлись по черепу, как маленькие черепашки. Невральное поле передало ему все ощущения, которые он пережил в момент обрезания. Бёртон снова почувствовал опьянение. Однако оно не могло заглушить адской и жгучей боли.

— Хватит! — закричал он.— Убери невральное поле.

Боль тут же прошла. Но была ли она на самом деле? Он вздрогнул, вспомнив призрачное ощущение того тянущего медленного отделения плоти.

Бёртон не был мазохистом. Он пошел на эту муку только для того, чтобы умерить свое желание. И эмоциональное поле помогло. Правда, ненадолго.

Глава 21

Когда-то давно Фрайгейт сказал Бёртону, что на Земле так и не удалось установить личность Джека Потрошителя. Но поскольку Потрошитель должен быть в долине Реки, его можно здесь отыскать, хотя шансы наткнуться на него крайне ничтожны. Еще меньше шансов, что он сознается, даже если его удастся найти. К тому же в преступлениях может сознаться какой-нибудь самозванец. Короче говоря, решение загадки тут не более вероятно, чем на Земле.

Все это Фрайгейт говорил задолго до того, как они с Бёртоном попали в башню. Теперь они находились в таком месте, где шансы отыскать человека, известного под именем Джека Потрошителя, сильно возросли. У Фрайгейта был список нескольких кандидатур, хотя не исключено, что настоящего Потрошителя между ними не было, но компьютер мог, по крайней мере, найти их в своих файлах.

Однако Фрайгейт не стал заниматься этим проектом, поскольку по уши погрузился в другие исследования, а именно в составление собственной родословной. Башня, по его словам, была настоящим раем для специалиста по генеалогии. Ему не надо было разыскивать труднодоступные и зачастую утерянные документы, как то: завещания, налоговые и земельные акты, постановления судов о наследстве, опеке и лишении прав, окружные хроники, газеты, кладбищенские, военные и пенсионные записи и прочие зыбкие следы людей, которые могли — или не могли — быть вашими предками. Здесь вы пускали по следу компьютер, предложив ему в качестве отправной точки самого себя, и он уже раскручивал вашу родословную, начиная с родителей. Вы видели на экране, как выглядели ваши родители в разное время, где он или она бывали, смотрели на их жизнь их собственными глазами и глазами окружающих. Иногда приходилось подождать, пока компьютер, взяв за основу ватан одного из ваших предков, искал соответствующий ему ватан в своих файлах, а затем устанавливал ватаны его родителей. Когда возникало сомнение по поводу отцовства, компьютер сравнивал генетический код ребенка и родителя и определял их взаимоотношения. Если было доказано, что данный ребенок не мог родиться от данного мужчины, компьютер исследовал гены потенциальных отцов. Определить их было несложно, ибо компьютер мог просмотреть прошлое матери и в точности выяснить, когда и с кем она вступала в половую связь, после чего физические характеристики подозреваемого или подозреваемых проверялись на генетическую идентичность.

Бёртон нашел все это интересным, но сейчас ему не хотелось заниматься собственной родословной. Его всегда интересовали истории садистских и зверских убийств, и он читал все газетные репортажи об убийствах в Уайтчепеле. Решив запустить операцию «Потрошитель», как он ее называл, Бёртон запросил у компьютера список всех соответствующих книг на английском языке, содержащихся в файлах. Кем бы ни был агент этиков, который занимался сбором литературы о Потрошителе, дело свое он выполнил на совесть. Фрайгейт, оторвавшись на пару минут от своей работы, просмотрел список и выбрал книгу, с которой, по его мнению, Бёртону следовало начать.

— Я бы на твоем месте прочел для начала книгу Стивена Найта «Джек Потрошитель: окончательная разгадка», опубликованную в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. Она произвела на меня впечатление не только скрупулезным исследованием вопроса и блестящими, убедительными выводами, которыми мог бы гордиться сам Шерлок Холмс, но также тем, что, по-моему, это единственная книга, дающая правильные ответы. Хотя некоторые критики указывали на ее недостатки. Но в любом случае, прав

ли автор, или не прав, или же прав только наполовину, она послужит для тебя хорошим трамплином, с которого ты сможешь нырнуть в кровавый океан этой тайны.

Было немного странно держать в руках книгу, скопированную с произведения, увидевшего свет через восемьдесят семь лет *после* его смерти. Но Бёртон не стал углубляться в эти ощущения, ибо чудес в башне было так много, что дивиться им всем не хватало времени. Он проглотил 270 страниц за три часа. Когда он отложил книгу, то мог уже по памяти почти безошибочно воспроизвести по крайней мере четвертую часть текста.

Будь эта книга опубликована во времена его земной жизни, Бёртона возмутила бы нелепость содержавшихся в ней обвинений. Или нет? Разве по зрелом размышлении, зная о тайных маневрах верхов в борьбе за власть, зная о бесчеловечных и совершенно аморальных поступках, совершаемых представителями правительственных кругов и высшего света ради того, чтобы удержаться у власти,— разве не счел бы он заключения, приведенные автором книги, вполне правдоподобными?

Выводы же, к которым пришел господин Найт после широкого и глубокого расследования, а также в результате размышлений с применением метода дедукции, заключались в следующем.

В 1888 году бедные слои населения Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии были — или казалось, что были,— на грани революции. Радикалы левого толка, социалисты и анархисты, громогласно обличали притеснения и бедственное положение рабочего класса. Правительство было не просто встревожено — оно было напугано до смерти, и многие представители высшего класса считали, что сама монархия находится под угрозой. Они слегка перебарщивали: полнейшее незнание собственного народа заставляло их забывать о глубоком консерватизме народных масс. Те жаждали вовсе не изменений в монархической структуре, а постоянной работы, хорошей зарплаты, еды, нормального жилья и хоть какой-то экономической стабильности. Они хотели жить как люди, а не как крысы.

Королеву Викторию, по мнению правящего класса, никто не посмел бы свергнуть с трона, но она была стара и в то время уже непопулярна. После смерти королевы на престоле окажется ее сын Эдуард (Берти). А он настолько распутный, упрямый и аморальный тип, что скрыть его поведение от народа будет просто невозможно.

В то время в высших эшелонах британского правительства было много франкмасонов, не исключая и премьер-министра маркиза Солсбери. Найт утверждал, что именно эти высокопоставленные масоны на самом деле управляли за троном страной, и они боялись, что с падением монархии их тайное общество лишится власти.

По смерти отца трон должен был унаследовать старший из живых сыновей Эдуарда — Альберт Виктор Кристиан Эдуард, герцог Кларенс и Эйвондейл, а для близких просто Эдди. Жалкий, ничтожный человечек (по викторианским меркам), он обожал вращаться под вымышленным именем в богемных кругах, был бисексуалом и как-то даже зачастил в мужской бордель. Хуже того: влюбившись в помощницу лавочника Анну Элизабет Крук, с которой его познакомил художник Уолтер Сикерт, герцог тайно обвенчался с ней. Этот брак являлся противозаконным со многих точек зрения, но самым опасным и недопустимым было то, что Эдди взял в жены католичку. По закону английский монарх не имел права жениться на католичке. Эдди не был королем, но вскоре запросто мог им стать. На королеву неоднократно совершались покушения; к тому же она была стара, а батюшка Эдди, принц Эдуард, мог в любой момент загнуться от неумеренного питья и обжорства, венерической болезни, от пули ревнивого мужа, революционера или маньяка либо от любой другой болезни, против которых в ту пору не существовало никаких профилактических и лекарственных средств, кроме сопротивляемости самого организма.

Список гнусных преступлений Эдди довершило в апреле 1888 года рождение ему дочери Анной Крук. Дитя, таким образом, доводилось правнучкой королеве Виктории и двоюродной сестрицей тем персонам, которым предстояло править страной под именами Эдуарда VII и Георга VI.

Это переполнило чашу терпения королевы, и она послала премьер-министру лорду Солсбери сердитую записку с требованием принять все меры, дабы о скандале не пронюхали газеты и общество.

Солсбери, в свою очередь, дал задание обеспечить секретность врачу королевы и своему собрату-масону, сэру Уильяму Галлу. Сэр Галл был блестящим человеком и выдающимся, по викторианским меркам, врачом, а кроме того, отличался странным и из-

вращенным чувством юмора и совершенно очевидной шизофренией (очевидной для последующих поколений). Он славился своей добротой и сочувственным отношением к пациентам, но порой бывал холоден, жесток и непреклонен. Последние черты его характера, впрочем, проявлялись лишь в общении с пациентами из низших сословий и их родственниками. Он был любящим хозяином для своих домашних животных — и в то же время сумел оправдать, к своему глубокому удовлетворению, некоего вивисектора, который медленно поджаривал живых собак на плите, пока они не умирали во время его экспериментов.

Выполняя тайный приказ Галла, комиссар полиции, тоже масон, послал специальных полицейских агентов, велев им совершить налет на квартиру Уолтера Сикерта и Анны Крук. Эдди препроводили от Сикерта во дворец, а Крук — в приют. Галл засвидетельствовал невменяемость Анны, хотя она была в ту пору совершенно нормальна, и остаток своих дней бедная женщина провела в приютах и работных домах. В 1920 году, уже действительно помешанная, она скончалась. Эдди ее больше так и не увидел.

Полиция хотела изловить также Мэри Келли, молодую ирландку, бывшую свидетельницей нечестивого брака. Возможно, Галл намеревался объявить безумной и ее. Но какую бы судьбу он ей ни уготовил, на сей раз доктор просчитался. Ирландке удалось просочиться сквозь полицейскую сеть и затеряться в лабиринтах Ист-Энда. Позже она какое-то время заботилась об Алисе Маргарет, дочери Эдди и Анны, и вместе с ребенком сопровождала Сикерта в его длительной поездке в Дьепп. Будучи во Франции, Мэри Джейн Келли изменила свое имя на Мари Жаннетт Келли.

По прошествии нескольких лет Келли снова пришлось скрываться в лондонском муравейнике, то бишь Ист-Энде. Здесь она начала опускаться и превратилась в конце концов в одну из тысяч больных алкоголичек-проституток, влачивших жалкое и безнадежное существование. Как и ее сестры по профессии, Келли считала себя счастливой, если ей удавалось заработать на джин, даривший блаженное забытье, на жалкую еду, не дававшую сдохнуть с голоду, и убогую крышу над головой.

Тем не менее она не чувствовала себя одинокой, и самыми закадычными ее подружками были Мэри Энн Николс, Энни Сифи по прозвищу Торговка и Элизабет (Длинная Лиз) Страйд —

все как одна больные и вечно голодные пьянчужки, обреченные на скорую гибель, даже если бы Джека Потрошителя не существовало. Пируя с ними в кабачках или на убогих квартирках и утопив в золотистых волнах алкоголя обычную осторожность, Келли поведала своим подругам о связи принца Эдди с Анной Крук и об ужасном конце этой любовной истории. И так, во время очередной попойки, родилась мысль о шантаже принца Эдди.

Впрочем, Найт предполагал, что четверка проституток занялась вымогательством, потому что ее принудила к этому банда опасных убийц Старого Николса.

Но какими бы побуждениями они ни руководствовались, сама идея была крайне опасной и глупой. Солсбери давно оставил попытки найти Келли, поскольку ни он, ни полицейские шпионы не слыхали, чтобы она кому-нибудь проболталась о браке наследника. Пока свидетельница держала рот на замке, она не представляла опасности для власти, которую воплощал в себе маркиз Солсбери. Однако, получив записку с требованием денег за молчание, Солсбери снова привел карающую машину в действие.

Понукаемый премьер-министром, Галл отреагировал немедленно. Отдав приказ замять эту историю раз и навсегда, Солсбери даже не задумался над тем, каким образом Галл собирается выполнить задание. Как бы сильно ни хотелось премьер-министру заткнуть шантажистам рот, он наверняка пришел бы в ужас, доведись ему узнать о намерениях Галла. Упечь простолюдинку в приюты и работные дома на всю жизнь — это, с точки зрения Солсбери, была лишь печальная необходимость. Но он никогда не отдал бы приказа убить женщину и разрубить ее на куски. Тем не менее, когда по Лондону прокатилась серия убийств, Солсбери ничего иного не оставалось, как только принять все возможные меры для защиты Джека Потрошителя.

Кучера, который возил наследника на дом к Сикерту и в другие места, где Эдди предавался неподобающим принцу развлечениям, звали Джон Нетли. После того как Эдди и Анну Крук разлучили, Галл подкупом и угрозами заставил кучера хранить молчание. Теперь, принимая во внимание характер возницы, Галл рассказал ему в общих чертах, как он собирается наказать шантажисток. Нетли с радостью согласился ему помочь. А поскольку Сикерт знал главных действующих лиц трагедии, хорошо ориентировался в закоулках Ист-Энда и в свое время не отка-

зался от денег за неразглашение сведений о связи Эдди и Крук, Галл и его привлек на подмогу. Художник не хотел принимать участие в убийствах, однако понимал, что если он откажется, то его самого убьют.

Карета Нетли, в которой сидели Сикерт и Галл, появилась в районе Уайтчепела. Проведя небольшую разведку, Галл с Сикертом заманили к себе Мэри Энн Николс, пообещав заплатить за услуги. Польщенная тем, что два таких элегантных джентльмена вообще обратили на нее внимание, и гадая, каким же извращениям они собираются предаться, Николс села в карету. Галл предложил ей бокал вина (Найт считал, что вино было отравленное), а когда она потеряла сознание, перерезал ей горло от уха до уха, выпотрошил внутренности и всю изрубил. Сикерт высунулся в окошко кареты, и его стошнило.

После чего карета свернула на темную и мгновенно опустевшую улочку Бакс-роу, где Нетли с Сикертом выгрузили тело и бросили на мостовой. Несмотря на то что они знали расписание полицейского обхода, преступники скрылись буквально за несколько минут до появления констебля.

Через восемь дней троица нанесла следующий удар. Энни Сифи по прозвищу Торговка была найдена мертвой во дворе дома номер двадцать девять на Хэнбери-стрит. И тоже с перерезанным от уха до уха горлом. Тонкая кишка ее вместе с лоскутом кожи от брюшной полости лежала возле правого плеча, все еще соединенная жилкой с остальными внутренностями. Два кожных среза с нижней части живота валялись в луже крови над левым плечом жертвы.

На сей раз Галл отнес потерявшую сознание женщину из кареты во двор, где и подверг ее ритуальному надругательству в сумеречном свете.

Двадцать девятого сентября Галл убил двух проституток. Первое убийство пришлось совершить впопыхах, поскольку Длинная Лиз Страйд сесть в карету отказалась. Нетли и Сикерт поймали ее на улице и держали, пока Галл перерезал ей глотку. Но изувечить ее Галл не успел. Услыхав неподалеку громкие голоса, доктор не захотел рисковать и тащить тело жертвы в карету. Троица поспешно ретировалась.

Позже тем же вечером было совершено еще одно убийство, и на сей раз Галл, как видно, не спешил. Кэтрин Эддоуз нашли

на площади Митры (не в районе Уайтчепела). Часть носа у нее была отрезана, мочка правого уха почти отсечена, лицо и шея исполосованы каким-то острым инструментом, кишечник вынут, а левая почка и матка отсутствовали.

К сожалению — с точки зрения Галла, а также, несомненно, Кэтрин Эддоуз,— Сикерт перепутал ее с Келли. Кэтрин не входила в число доверенных лиц ирландки, абсолютно ничего не знала о делах Эдди и Крук и погибла только оттого, что художник в сумерках принял ее за Мари Жаннетт Келли. Хотя ошибка была обнаружена сразу же после того, как женщине перерезали горло, Галл настоял на исполнении ритуала. Зачем упускать такую возможность? К тому же она была просто шлюхой, и если кто-то из полицейских нападет случайно на след, убийство Эддоуз собьет его с толку.

Поздним вечером девятого ноября последняя и самая главная жертва — Мэри Келли — была подвергнута наиболее зверскому расчленению. Ритуал длился два часа. На этом серия убийств Джека Потрошителя прекратилась.

Бёртон нашел записи, касающиеся Галла, Нетли, Келли, Крук, Сикерта, Солсбери, принца Эдди и Страйд. По непонятным причинам, которые компьютер не мог объяснить, файлы Торговки и Николс обнаружить не удалось. Впрочем, компьютер обещал продолжить поиск.

Бёртон просмотрел видеозаписи всех событий, начиная со встречи Эдди и Анны Крук и кончая убийством Келли. Часть записей он прокручивал повторно, хотя его дважды вырвало: в первый раз, когда Галл обрабатывал Эддоуз, а во второй — во время расчленения Келли. Бёртон всегда считал, что у него крепкий желудок, но, по-видимому, переоценил свои возможности.

Затем он ознакомился с помощью компьютера с некоторыми эпизодами из жизни участников дела Потрошителя в долине Реки. Анну Элизабет Крук воскресили, вернув ей рассудок, но стерев память о событиях, происшедших с 1888 по 1920 год.

Шизофрению сэра Уильяма Галла, похоже, удалось приостановить. Через двадцать лет после первого воскрешения его вовлек в религиозную секту доуистов сам основатель секты, Лоренцо Доу.

Для кучера Джона Нетли, утонувшего в Темзе, а затем воскрешенного на берегу Реки, все это оказалось серьезным потря-

сением. Шесть месяцев он вел себя как истинный христианин (в согласии с идеалами христианства, а не обычной практикой поведения христиан). Но когда первый шок прошел и Нетли убедился, что его не собираются наказывать за грехи, он тут же вновь обрел свою земную натуру — натуру скользкого, развратного, эгоистичного и хладнокровного преступника.

Художник Уолтер Сикерт быстро обратился в веру Церкви Второго Шанса и дослужился до звания епископа.

Длинная Лиз Страйд и Мэри Келли были воскрешены в долине рядом друг с дружкой. Пять лет они были неразлучными подругами и добрыми соседками. Ни одна ни другая не стали здесь проститутками, хотя и обзавелись любовниками, но пили горькую по-прежнему. Потом Страйд ударилась в религию и вступила в популярную буддийскую секту нихиренитов. Келли бросила ее, отправившись вверх по Реке, и после множества приключений осела в мирном районе. Обе они погибли в те страшные времена, что наступили после поломки питающего камня на правом берегу Реки.

В общем, долгие странствия для всех них пока что закончились. Убийцы и жертвы существовали нынче только в виде телесных матриц и ватанов, которые плавали в водоворотах центрального колодца.

Глава 22

Расследование дела Потрошителя было закончено; загадка решена. Теперь Бёртон мог вернуться в свой личный мир, но по какой-то необъяснимой причине медлил. Хотя откладывать возвращение не было никаких оснований. Его раздражало это подсознательное раздвоение, поэтому он решил с ним покончить.

И все же перед уходом Бёртон еще раз погрузился в размышления о том, что он пережил, наблюдая эти две недели за чужой жизнью. Мир, увиденный глазами проституток, ужаснул его и потряс. На своем веку Бёртон повидал немало дикости и грязи, часто сталкивался с несправедливостью и угнетением, но ничто не шло в сравнение с чудовищно бесчеловечной действительностью лондонского Ист-Энда 1880-х годов. В этот сравнительно небольшой район было втиснуто восемьсот тысяч человек, которые почти постоянно голодали, питались помоями и радовались хоть такой еде, которые пили, когда могли себе это позволить, а зачастую — и когда не могли, которые жили в грязных, сырых, кишащих паразитами комнатенках с облупленными стенами, были жестоки друг к другу, невежественны, суеверны, а главное, что хуже всего, лишены всяческой надежды.

Бёртон и раньше знал, что жизнь обитателей Ист-Энда не сахар, но только пожив среди них, пусть даже опосредованно, он ощутил, что само существование этой клоаки вызывает в нем чувства отвращения и вины. Да, вины — ибо он понял, что за этот ужас ответственны все, кто предпочитал его не замечать.

С какой-то точки зрения, извращенной, однако не лишенной резона, Потрошитель совершил акт милосердия, вырвав тех голодных, изможденных и больных проституток из безысходного мрака их жизни.

Опять-таки, сам не желая того, он заставил Англию обратить внимание на преисподнюю, от которой она отвращала свои взоры. Результатом стали громкие требования перемен, и немалая часть злачных трущоб была снесена, а взамен построены более приличные жилища. Но со временем нищета и горе вновь достигли прежнего уровня — который не так уж сильно изменился,— и Ист-Энд был забыт теми, кому не приходилось здесь жить.

Фрайгейт был заинтригован, услыхав о результатах расследования Бёртона.

— Теперь тебе нужно выявить землевладельцев, которые наживались на этой чудовищной нищете, и покарать их, предав вечному забвению.

— Это марксизм,— откликнулся Бёртон.

— Я презираю практику коммунизма, но в нем есть великие идеалы,— сказал Фрайгейт.— Я также презираю практику капитализма, во всяком случае во многих аспектах.

— Но и у него есть свои идеалы,— заметил Бёртон.

Он посмотрел на Фрайгейта и рассмеялся:

— Разве хоть одна социально-политическая и экономическая система в мире сумела приблизиться к своим идеалам? Разве не все системы растленны?

— Конечно. Поэтому... растлители должны быть наказаны.

Нур эль-Музафир обратил их внимание на то, о чем они и сами знали, но как-то позабыли.

— Не важно, что они... мы... делали на Земле. Важно то, что мы делаем сейчас. Если растлители и растленные изменились к лучшему, они должны быть вознаграждены не меньше тех, кто

всегда оставался добродетелен. А теперь позвольте мне определить, что есть добродетель...— сказал он и улыбнулся.— Хотя не стоит. Вы устали от «мудреца из башни», как вы порой называете меня. Мои истины приводят вас в смущение, даже когда вы с ними согласны.

— Кстати, к вопросу о том, кого следует воскрешать и кого бы нам хотелось видеть в своей компании,— вмешался Фрайгейт.— Возьмем, например, Клеопатру. Мы с вами были бы рады увидеть ее во плоти и послушать правдивый рассказ о том, что происходило в те времена. Но царица любила вгонять острые булавки в груди своих рабынь, наслаждаясь их болью и корчами. Шекспир не упомянул об этом, когда писал «Антония и Клеопатру». Джордж Бернард Шоу в пьесе «Цезарь и Клеопатра» тоже обошел сей факт молчанием. И с точки зрения литературы они были правы. Могли бы мы с вами поверить в гений и величие Клеопатры и Цезаря или сопереживать их трагедии, если бы нам показали их варварский садизм и кровожадную жестокость? Однако мы с вами живем в реальном, а не вымышленном мире. Так что хотели бы вы видеть Клеопатру, Цезаря или Антония своими соседями?

— Нур скажет: все зависит, мол, от того, какими они стали теперь.

— И будет прав, конечно. Он всегда прав. И тем не менее...— Фрайгейт обернулся к Нуру: — Ты элитарист. Ты веришь и наверняка правильно делаешь, что только избранные наделены врожденной способностью стать суфиями или их философски-этическими эквивалентами. И еще меньше, по твоему мнению, тех, кто достоин «продвижения». Большинство людей просто не в состоянии достичь необходимого этического уровня. Жаль, но такова суровая действительность. Природа избыточна в отношении тел, но не менее избыточна она и в отношении душ. Природа устроила так, что большая часть мошек становится пищей для птиц и жаб, и она же устроила так, что большая часть душ не увидит спасения — и хотя они не сгинут, как мошки, в птичьем желудке, но достигнуть положенного уровня не сумеют.

«Продвижение» — удел немногих, а большинство подобно мошкам, идущим на прокорм.

— Разница в том,— возразил Нур,— что мошки безмозглы и лишены души, в то время как люди разумны и понимают, что им надо делать. Должны понимать, по крайней мере.

— Разве Бог, если он и есть природа, может быть столь расточительным и кровожадным? — спросил Бёртон.

— Он наделил человечество свободой воли,— сказал Нур.— Не его вина, если люди не сумели ею воспользоваться.

— Да, но ты сам говорил, что генетические дефекты, нарушения химического баланса, мозговые травмы и социальная среда могут влиять на поведение личности.

— Влиять — да. Но не определять. Нет. Я подчеркиваю это. Существуют определенные ситуации и обстоятельства, когда личность лишена свободы воли. Но... только не у нас, не в мире Реки.

— А что, если бы этики не дали нам второго шанса?

Нур с улыбкой развел руками:

— Да, но Бог устроил так, что этики *дали* нам этот шанс.

— Который, согласно твоим воззрениям, большинство людей проморгали.

— Но вы ведь тоже так считаете, разве нет?

Бёртон с Фрайгейтом не нашлись что ему возразить. Они частенько заходили в тупик, когда рассуждали с Нуром о серьезных материях.

Разговор закончился, экраны потускнели, и Бёртон вышел в коридор. Сначала он решил снять кодовое слово, которым запиралась квартира, и освободить ее для любого желающего. Но потом передумал. Ему может потребоваться убежище, где никто не сумеет его отыскать.

Не взяв с собой ничего, кроме лучемета, одетый только в килт из полотенца, Бёртон вышел в коридор. На противоположной стене коридора тут же осветился экран. Не обращая внимания на изображение — там на Бёртона с угрожающим видом надвигался отец, Бёртон уже и забыл почему,— он подошел к летающему креслу, припаркованному у стены. Потом обернулся и взглянул в другую сторону коридора. Оттуда донесся громкий треск. Бёртон потянулся было за лучеметом, но остановился, когда до него дошло, что это за треск.

Чуть погодя из-за угла в нескольких сотнях ярдов молнией вывернул мотоцикл. Водитель держал машину под крутым наклоном, чтобы сделать поворот, не снижая скорости. Затем мотоцикл выпрямился и, сопровождаемый картинками из прошлого мотоциклиста, вспыхивавшими на стенных экранах, понесся пря-

мо к Бёртону. Водитель, крупный негр в шлеме с очками и черном кожаном обмундировании, блеснул белоснежными зубами.

Бёртон стоял рядом с креслом не шелохнувшись, хотя руль мотоцикла чуть было не задел его.

— Поберегись, мать твою так! — крикнул чернокожий, и его оглушительный хохот волной докатился до Бёртона.

Бёртон выругался и велел компьютеру включить экран связи, чтобы поговорить с Томом Терпином. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем ухмыляющаяся рожа Терпина появилась на экране. Его окружал обычный антураж — мужчины и женщины в крикливых одеяниях, громкая болтовня и пронзительный смех. Том был одет в костюм начала двадцатого века в яркую и контрастную клетку, а на голову нацепил алый котелок с длинным белым пером. Во рту у него дымилась громадная сигара. Со времени их последней встречи Том прибавил по меньшей мере десять фунтов.

— Как жизнь, дружок?

— Не так весело, как у тебя,— мрачно ответил Бёртон.— Том, у меня к тебе жалоба, и вполне законная.

— А нам законные жалобы на фиг не нужны, верно? — откликнулся Том, выпустив тугую серую струю дыма.

— Твои ребята носятся по коридорам на мотоциклах, машинах и бог знает на чем,— сказал Бёртон.— Мало того что меня уже стукнули два раза, так еще вонь от бензина и лошадиного дерьма стоит невыносимая. Можешь ты как-то их урезонить? Они опасны для окружающих.

— Ни черта я не могу,— по-прежнему улыбаясь, ответил Том.— Это мои ребята, все верно, я здесь король. Но у меня нет полицейских, как ты знаешь. К тому же роботы убирают конские какашки, а вентиляторы развеивают дым. Ты ведь слышишь, когда они приближаются, правда? Просто посторонись, и все дела. Там же у тебя скучища смертная. Разве мои ребята не развлекают тебя хоть немножечко? Знаешь, Дик, ты слишком долго живешь один. Так у тебя вся кровь в жилах закиснет. Почему ты не заведешь себе подружку? А еще лучше — сразу четырех. Может, тогда ты перестанешь дуться как мышь на крупу!

— Так ты ничего не сделаешь?

— Не могу. И не хочу. Эти ниггеры — жутко вспыльчивый народ.— Он ухмыльнулся.— Соседи — вечная проблема, верно? А знаешь, Дик, ты просто пристрели их, если они будут тебе досаждать. Никто не пострадает. Я воскрешу их, и мы все вместе посмеемся. Конечно, в следующий раз они тебя тоже могут пристрелить. Ладно, увидимся, Дик. Всего хорошего.

Экран потускнел.

В душе у Бёртона все кипело. Однако он ничего не мог поделать, разве только развязать локальную войну. А это ему ни к чему. И все-таки... Он уселся в кресло и отправился в свой личный мир. Там его никто не потревожит, а когда он заселит свой мир, то уж постарается, чтобы соседи у него были не только дружелюбными, но и покладистыми. Хотя поспорить Бёртон любил и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как словесный поединок.

Сворачивая за угол, из-за которого появился мотоциклист, Бёртон чуть было не снес кому-то голову. Вздрогнув, он рванул на себя рычажок в подлокотнике, и кресло взмыло вверх. Пятеро стоявших в коридоре людей пригнулись, но лети кресло чуть пониже, аварии было бы не избежать.

Сердце у Бёртона от неожиданного столкновения забилось как бешеное. Он остановил кресло, развернул его и приземлился на пол. Двое мужчин и три женщины были ему незнакомы, но не выглядели опасными. Совершенно нагие, они не могли никуда спрятать оружие. Более того, они сами были явно напуганы и не знали, что делать. Не приближаясь к Бёртону, они заговорили с ним по-английски. Один — на британском английском, с выговором образованного человека, другой — на кокни, одна из женщин — с шотландской картавостью, другая — с ирландской напевностью, а третья и вовсе с иностранным акцентом, скорее всего скандинавским.

Бёртон сделал навстречу им два шага и вдруг остановился.

— Боже мой!

Он узнал их. Галл, Нетли, Крук, Келли и Страйд.

Глава 23

Бёртон, как правило, быстро реагировал на любую ситуацию, редко застывая от изумления или страха. Но встреча с этой пятеркой была настолько неожиданна и невероятна, что он ошеломленно пялился на них во все глаза. Будь они совсем ему незнакомы, он бы просто удивился, но то, что он так хорошо их знал

и считал существующими лишь в записях, напрочь сбило его с толку.

А пятеро людей, естественно, были ошарашены почище Бёртона. Они не имели ни малейшего понятия, куда их занесло и почему. По крайней мере, судя по выражениям их лиц, никто им ничего не объяснил. Кто бы ни воскресил этих пятерых, он просто бросил их на произвол судьбы. «Возможно,— подумал Бёртон, собравшись немного с мыслями,— возможно, это не простое совпадение, что они очутились тут, рядом со мной. Но кто — кто, ради всего святого — мог это сделать? И зачем?»

Галл стоял на голых коленях, глядя вверх с молитвенно сложенными руками, и что-то беззвучно шептал. Нетли был похож на загнанного в угол зверя — съежившегося, рычащего, готового к прыжку. Три женщины уставились на Бёртона, широко распахнув глаза. Страх на их лицах боролся с надеждой: они боялись, как бы он не оказался каким-нибудь исчадием ада, и надеялись, что он все-таки будет их спасителем.

Бёртон, улыбаясь, медленно пошел им навстречу и остановился футах в пяти.

— Вам не о чем беспокоиться,— сказал он, подняв руку.— Совсем наоборот. Если вы перестанете трястись и последуете за мной, я объясню вам, что с вами приключилось. И позабочусь о том, чтобы вы чувствовали себя как дома. Кстати, меня зовут Ричард Фрэнсис Бёртон. А вам нет нужды представляться. Я знаю, кто вы.

Он вошел в распахнутую дверь, откуда они, по-видимому, недавно вышли. Пятерка потянулась за ним — и тут Бёртон снова услышал отдаленный рев мотоциклетного мотора. Он остановился в дверях. Остальные сбились в стайку за его спиной. Коридор задрожал от треска, мотоцикл вырулил из-за угла, выпрямился и пронесся мимо них. Чернокожий наездник помахал им затянутой в перчатку рукой:

— Ну, как тебе это нравится, сукин ты сын?

Бёртон повернулся и увидел, что его гости замерли от удивления и еще больше — от страха. Ничего удивительного. Никто из них отродясь не видал мотоцикла, да и вообще машин с двигателями внутреннего сгорания. Он и сам не видел их в своей земной жизни, но привык к ним по фильмам и книгам еще до того, как попал в башню.

— Позже я вам все объясню,— сказал Бёртон.

Он велел им садиться, и они послушно уселись, но тут же заговорили все хором.

— Я знаю, что у вас много вопросов,— перебил их Бёртон,— но, пожалуйста, придержите их до поры до времени. Сначала вам нужно выпить.

Нет. Сначала он принесет им из конвертера килты, лифчики и накидки. Пока что они слишком шокированы и не замечают своей наготы. Хотя, привыкнув к виду обнаженных тел на берегах Реки, они, быть может, и не сконфузятся. Но гости тем не менее с благодарностью приняли одежду и начали облачаться. Нетли немного расслабился, хотя по-прежнему подозрительно поглядывал на Бёртона.

— Вам надо выпить,— повторил Бёртон.— Что кому налить?

Абстинентов, похоже, среди них не водилось. Нетли, Страйд и Келли попросили джина, Галл — скотч с водой, Анна Крук — вина.

— В желудках у вас, конечно, пусто, но, я думаю, вам сейчас не до еды,— сказал Бёртон, раздав им спиртное.— Когда захотите, можете заказать что угодно и сколько угодно. Здесь, в отличие от долины, вам не придется довольствоваться тем, что дают питающие камни.

Они заглотнули выпивку так быстро, что Бёртон налил им по новой. Гости слегка порозовели, оживились и, казалось, горели желанием послушать Бёртона.

— Вы, случайно, не тот самый сэр Ричард Бёртон, знаменитый исследователь Африки и лингвист? — глубоким баритоном спросил его Галл.

— К вашим услугам.

— Боже мой, я так и подумал! Вы похожи на него, только выглядите моложе. Я посетил несколько ваших лекций в Антропологическом обществе.

— Да, я помню,— отозвался Бёртон.

Галл взмахнул рукой, расплескав пару капель виски из кварцевого кубка.

— Но... все это... Где мы?

— Всему свое время.

Галл и Нетли наверняка узнают друг друга — если еще не узнали,— хотя и не виделись более сорока лет. Узнают ли они женщин, Бёртон сомневался. Анну Крук доктор видел всего несколько минут, когда удостоверял ее невменяемость, к тому же на ней

сейчас не было викторианской одежды, а свои черные волосы она коротко остригла. (Кстати, Анна немного напоминала сейчас принцессу Александру, матушку Эдди. Возможно, именно потому Эдди, явно страдавший эдиповым комплексом, и воспылал к ней любовью.) Джон Нетли видел Анну Элизабет Крук, любовницу принца Эдди, много раз, однако даже если он узнал ее, то вида не подал. Может, просто не хотел признаваться. Если она не поймет, кто он такой, ему же лучше. Но почему Крук не узнает его? Правда, он сейчас без усов, и все-таки... Может, ее забывчивость объясняется шоком и отсутствием викторианской одежды? К тому же после их последней встречи прошло немало лет.

Что же до Келли, то Сикерт с Галлом схватили ее на темной улице, заволокли в темную карету и напоили отравленным вином. Страйд тоже видела Нетли и Галла мельком и в сумерках.

Бёртон не знал, с чего начать: то ли объяснить им, что это за башня и как они сюда попали, то ли представить их друг другу. Он предвкушал их реакцию, когда они поймут, в чьей компании оказались, но побаивался, что фурор от такого открытия слишком надолго задержит объяснения. С другой стороны, объяснения будут довольно долгими, и за это время они, возможно, сообразят, кто есть кто.

— Во-первых, позвольте вас друг другу представить,— решился Бёртон.

— Что до нас с Анной, так это не обязательно, дорогуша,— проворковала Келли.— Мы старые подружки. И с Лиз тоже.

— И тем не менее,— усмехнулся Бёртон,— я обязан исполнить долг вежливости, да и мужчины наверняка хотят с вами познакомиться.

Он сделал паузу — о, какая восхитительная ситуация! — и произнес:

— Элизабет Страйд, Мэри Джейн Келли и Анна Элизабет Крук! Позвольте вам представить сэра Уильяма Галла и Джона Нетли.

Последовавшая за этим сцена оправдала все его ожидания. Галл побелел и застыл с кубком, поднесенным ко рту. Нетли тоже побелел, замер на мгновение, потом выпрыгнул из кресла и попятился, не спуская с женщин глаз.

— Теперь я узнала тебя! — воскликнула Анна, вскочив на ноги и показывая дрожащим пальцем на Галла.— Это ты, подлый ле-

каришка, объявил меня сумасшедшей! А ты,— обвиняющий перст ткнул в сторону Нетли,— ты увез моего Эдди, когда нагрянула полиция!

— Он также дважды пытался убить вашу дочь,— услужливо добавил Бёртон.— А этот человек, миссис Страйд и миссис Келли,— он указал на Галла,— этот человек вас обеих убил. С помощью своего сообщника.

— Помоги мне, Господи! — воззвал Галл, бухнувшись на колени.— Помоги мне, Господи, и прости, если на то будет воля Твоя!

— Это было давно,— огрызнулся Нетли.— Какая теперь разница? Вы все трое живы и здоровы, верно? Кто старое помянет, тому глаз вон!

— Видите ли,— сказал Бёртон,— Страйд и Келли знают, что вы их убили, но за долгие годы, прожитые ими на берегу Реки, никто не рассказывал им об убийствах Джека Потрошителя. Поэтому они...

— Он! — прервала его Келли, ткнув пальцем в Галла.— Он — Джек Потрошитель?

— Такой личности вообще не существует, то есть Джек не один человек, а целых три. Но именно Галл написал подметные письма, прославившие имя Потрошителя, и вообще был головой всего этого дела. Вы, Келли, еще не знаете, что он сделал после того, как убил вас. Помните, Келли, как изуродована была Кэтрин Эддоуз? Так это ерунда по сравнению с тем, что Галл сотворил с вами. Описать мне, как он вас расчленил?

— Нет! Нет! — возопил Галл, поднимаясь с колен.— Даже теперь, хотя я примирился с Господом, мне не забыть моих злодеяний!

— А я? — спросила Страйд.— Что случилось со мной?

— Вам просто перерезали горло, только и всего. Галл не успел исполнить над вами кровавый ритуал.

— Только и всего?! — взвизгнула Страйд.— Только и всего! По-вашему, этого мало?

Не переставая визжать, она бросилась на Галла, растопырив скрюченные пальцы. Он не отпрянул, хотя и поморщился, когда ее ногти вонзились ему в лицо. Нетли шагнул было к нему на помощь, но потом нерешительно отступил.

Бёртон оторвал визжащую женщину от доктора. Галл потрогал свои окровавленные щеки, но ничего не сказал.

— Я бы с радостью вырезала ему все кишки и держала у него перед глазами, пока бы он не подох,— пробурчала Келли.

Она подошла к Длинной Лиз, обняла подругу за плечи и увела рыдающую женщину в угол.

— Все. Покончим с трагедиями, мщением и упреками,— заявил Бёртон.— Что вы будете делать потом — это меня не касается. А пока ведите себя прилично и внимательно выслушайте меня. Вас необходимо просветить, и, хотя мне не очень улыбается заниматься вашим образованием, я обязан это сделать. Я просто не могу вас бросить здесь, как щенят.

Сначала он велел им рассказать, как они появились из конвертера. Да-да, из того громадного куба, что стоит в углу этой самой комнаты. Как выяснилось, в конвертере они пробудились от смертного сна, после чего открыли дверцу и вылезли в комнату. Обследовав соседние помещения, они вышли в коридор, где как раз в то время пролетал Бёртон на своем кресле.

— Так вы никого больше не видели? — спросил он.

Они дружно ответили, что нет.

Бёртон повел Галла в ванную комнату, где, как и следовало ожидать, нашлась бутылочка с заживляющей раны жидкостью. Кровь мгновенно свернулась, а через сутки царапины затянутся совсем.

Он спросил гостей, голодны ли они. Нетли с женщинами сказали «да», Галл покачал головой. Бёртон принял у них заказы и переадресовал их конвертеру. Пока они насыщались, сидя за маленькими столиками, Бёртон пустился в долгое повествование о мире Реки, о тяготах пути к башне, куда он добирался со своими спутниками, и о том, что они здесь обнаружили. За время рассказа он осушил два высоких кубка скотча, а гости подчистили все, что было у них на тарелках.

— Теперь вы немного в курсе событий,— заключил Бёртон.— Я знаю, что у вас осталась тысяча вопросов, и вам понадобится время, чтобы научиться общаться с компьютером. Но пока я предлагаю вам здесь переночевать — если хотите, я дам вам снотворные пилюли,— и мы с вами встретимся завтра. Я познакомлю вас со своими восемью товарищами. Возможно, не лично, но хотя бы на экране.

— Откуда нам знать, что эти два подонка не убьют нас во сне еще раз? — пробурчала Мэри Келли.

— Да мне и в голову такое не придет! — воскликнул Галл.— Я переменился, я давно уже другой человек! Поверьте мне, леди,

я глубоко раскаялся в своих преступлениях и пытался — вернее, пытаюсь — жить по-христиански, как учит нас святая вера. Я не только не причиню вам зла — я защищу вас от любого, кто посягнет на вашу жизнь или честь!

— Красиво заливаешь,— презрительно усмехнулась Лиз Страйд.

— Я говорю совершенно искренне, мадам, поверьте мне!

— Я думаю, он не врет,— сказал Бёртон.— Но вы, дамы, можете спать в отдельной комнате. Я скажу вам кодовое слово, и никто, кроме меня и вас троих, не сможет проникнуть в вашу спальню.

Показав им, как получить из конвертера еду и напитки, Бёртон вышел. Но не отправился в свой мир, а вернулся к себе в апартаменты. Поскольку завтра предстояло обучить новичков элементарным вещам, лучше быть к ним поближе.

По пути к себе он все размышлял о том, кто же воскресил эту пятерку. Кто бы он ни был, чувство юмора у него довольно зловещее. Но кто мог это сделать? О том, что Бёртон занимается расследованием дела Потрошителя, знали только Фрайгейт и Нур, а уж они-то не стали бы так шутить. Тогда кто? Лога и монгольский агент мертвы. Неужели — Бёртону не хотелось даже думать об этом — здесь бродит еще какой-нибудь Снарк?

Только Бёртон улегся в кровать, как на стене появился экран. А на нем — несчастное лицо Звездной Ложки.

Быстро говоря на эсперанто и мешая слова со слезами, она спросила у Бёртона позволения прийти к нему в квартиру.

— Зачем?

— Я устала делить По с пятью другими женщинами, хотя он почти не уделяет нам внимания. То пьет со своими дружками, то занимается исследованиями. А кроме того... я не желаю его объятий.

Бёртону не надо было спрашивать, чьих объятий она желает.

— Ли По в курсе, что ты мне звонишь?

— Да. Я сказала ему час назад. Он рвал и метал, а потом...

— Он не бил тебя?

— Нет, он женщин не бьет, надо отдать ему должное. По крайней мере не физически.

— Ну и что потом?

— Потом? Ах да! Он улыбнулся, благословил меня и сказал: он, мол, надеется, что я с тобой буду счастлива. Правда, тут же все испортил, прибавив, что он в этом сомневается.

— Я хочу потолковать с ним,— сказал Бёртон, вставая с кровати и надевая килт.

Черные глаза Звездной Ложки расширились:

— Зачем? Ты думаешь, я лгу?

— Нет, конечно нет! Просто мне не хочется, чтобы он думал, будто я боюсь встретиться с ним лицом к лицу. А кроме того, мне будет неприятно, если он решит, что я увел тебя тайком.

— О, так он не думает! Я сказала ему, что ты понятия не имеешь о том, что я тебя хочу.

— А вот это как раз вранье,— сказал Бёртон, не упрекая ее, однако. Вранье вранью рознь, и ложь китаянки относилась к «невинной» категории. А кроме того, кто он такой, чтобы упрекать кого-либо за лицемерие? — Я все-таки поговорю с ним, если он не спит.

— Нет, он не спит, но он не велел, чтобы его беспокоили. У него сейчас женщина. Он только что ее воскресил. Сказал, что она заменит меня. Бедняжка.

— Возможно,— откликнулся Бёртон.— Хотя сейчас она, должно быть, преисполнена к нему благодарности за воскрешение из мертвых.

Бёртон не был влюблен в китаянку. Однако он не считал любовь обязательным условием для приятной связи между мужчиной и женщиной. Он, безусловно, любил Алису — ну и куда их завела эта любовь?

— Ладно, приходи,— сказал он.— Я велю компьютеру впустить тебя.

Звездная Ложка прекратила хлюпать носом и просияла, словно солнышко на рассвете.

— Только поправлю макияж и соберу свои вещички. Ты же хочешь меня, правда?

— Не хотел бы — не приглашал,— ответил Бёртон.

Заснуть ему удалось только в пятом часу.

Глава 24

Бёртон позвонил трем женщинам в их спальню, а затем обоим мужчинам, которые ночевали в отдельных комнатах. Пожелав им доброго утра, он сказал, что велел компьютеру обучить их, как с ним работать. После чего пригласил их прийти вечером

на еженедельное собрание восьмерки — вернее, теперь уже больше чем восьмерки.

— Потом можете делать все, что вам заблагорассудится. Я буду позванивать вам время от времени или даже загляну, если вы не против. А вы можете звякнуть мне, если возникнут какие-нибудь вопросы.

Все пятеро не скрывали своего разочарования. Они явно считали, что он должен быть при них неотлучно, пока они не приспособятся к здешней жизни. Но делать было нечего.

Бёртон с китаянкой позавтракали, откушав яиц au beurre noir*, оладушков с черникой и инжира со сливками. Потом они полетели в маленький мирок Бёртона, Телем, названный в честь мифической страны, описанной Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Девизом ее, согласно Старику-французу, было «Делай что хочешь». Бёртон переиначил его в «Делай, что хочет Бёртон». Возможно, впрочем, что ему следовало назвать свой мир Багдадом-в-Башне. В центре его Бёртон соорудил небольшой город с замком, похожим на место действия «Тысячи и одной ночи» в представлении романтика или голливудского продюсера. Из западного угла просторного помещения вытекала река и, обогнув город, скользила змейкой к востоку, теряясь в песках пустыни неподалеку от входа. Вокруг города бродили свирепые львы и леопарды, а также стада газелей, антилоп, страусов и прочих пустынных жителей. В речке плавали крокодилы и бегемоты, а джунгли кишели обезьянами, виверрами и птицами.

Все население Телема в данный момент состояло из китаянки и самого Бёртона. Он собирался позже поселить здесь приятных для себя людей, однако не торопился.

В двадцать ноль-ноль они со Звездной Ложкой явились на вечеринку, хотя и не без приключений. Чернокожий мотоциклист, теперь уже с чернокожей женщиной за спиной, вихрем промчался мимо, махнул рукой и крикнул, на сей раз, правда, без ругани:

— Эй, Бёртон, что происходит?

Через несколько секунд они увидали, как по коридору бредет сама по себе большущая свинья, цокая копытцами.

— Бог ты мой! — воскликнул Бёртон.— Это что за диво?

---

* С пережаренным маслом *(фр.)*.

— Не знаю,— ответила Звездная Ложка.— Я говорила с Афрой сегодня днем, и она тоже несколько раз натыкалась на каких-то незнакомцев. В основном они, наверное, из мира Тома Терпина. По крайней мере, она так думает, поскольку они чернокожие. Но как-то она столкнулась с дюжиной человек, похожих с виду на цыган.

— Цыган? Кто их мог воскресить?

Они вошли в квартиру Нура, окунувшись в море веселого шума и смеха. Алиса тоже была здесь, одетая по своей любимой моде двадцатых годов. Она мельком улыбнулась им, но так и не подошла поговорить. Бёртон ожидал, что вызовет всеобщее удивление, появившись в паре с китаянкой. Однако Ли По, похоже, уже всем разболтал. Если он и ревновал, то не показывал вида. Реалист по натуре, китаец понимал, что демонстрация ревности не только ничего не даст, но и заставит его потерять лицо. Кроме того, Ли По не страдал от отсутствия компании или секса. Он успел воскресить уже сорок мужчин и сорок семь женщин, бывших его знакомыми в прежней земной жизни. Семь женщин были его любовницами, каждая в свой день недели. Но сегодня он привел с собой только одну.

— Они сопровождают меня на наши встречи по очереди,— сказал китаец Бёртону.

— Со временем им наскучит этот гарем, и они воскресят себе каждая по мужчине,— откликнулся Бёртон.— Что ты тогда будешь делать?

— Ничего,— улыбнулся Ли По.— Я не тиран. Я просто воскрешу себе новых подруг. Рано или поздно это неизбежно произойдет, поскольку нынешние мне надоедят. Или же я им надоем, как ни трудно мне в это поверить.

Бёртон представил себе кишащий людьми мир Ли По. Когда наступит перенаселение, избыток выплеснется в квартиры. То же самое творилось сейчас в мире Тома Терпина.

— Дружище, я просто не знаю, что сказать,— пожал плечами Терпин.— Я начал их воскрешать, а потом они вышли из-под контроля. Они *сами* начали воскрешать людей, те — тоже, и пошло-поехало. Теперь с этим воскрешением сплошная морока.

Бёртон рассказал ему о чернокожем мотоциклисте.

— Это Билл Уильямс,— ухмыльнулся Терпин.— Я понятия не имею, кто его поднял из мертвых. Я мог бы выяснить, конечно, но что толку? Кстати, он не американский негр. Он русский.

— Русский?

— Ага. У него была занятная жизнь. Тебе надо бы как-нибудь с ним поболтать.

Бёртон, когда вошел, сразу заметил Галла, Нетли, Крук, Страйд и Келли. Они стояли в двух углах — мужчины в одном, женщины в другом, общаясь только между собой. Бёртон провел их по комнате, чтобы представить присутствующим. Но Фрайгейт, похоже, успел распустить о них слухи, поэтому, хотя новенькие и вызывали любопытство, с Галлом и Нетли многим из гостей было не по себе. Да кому угодно стало бы не по себе в компании двух третей нечистой троицы, составляющей Джека Потрошителя. На Нетли это подействовало столь угнетающе, что он довольно рано ушел. Бёртон, выйдя в коридор, втихаря приказал компьютеру последить за бывшим кучером.

Заметив, что Страйд, Крук и Келли чувствуют себя не в своей тарелке, Нур подошел к ним и быстро развеселил. Он одинаково свободно держался со сливками общества и его низами, с образованными людьми и необразованными, богатыми и бедными, быстро вписываясь в любую компанию и нигде не теряя достоинства. Через некоторое время к ним присоединились Афра Бен с Фрайгейтом, и Нур оставил своих подопечных, остановившись в конце концов возле Галла. Бёртону стало любопытно, и он подошел к ним поближе.

Галл рассказывал Нуру о Лоренцо Доу — человеке, который обратил доктора в свою веру. Доу родился в Ковентри, округ Толланд, штат Коннектикут, в 1777 году. Обладавший богатым воображением, впечатлительный мальчик, увидав однажды ангела — по крайней мере, так он утверждал,— сделался набожным не по годам. В юности он стал странствующим священником, связанным, правда не очень тесно, с Методистской церковью. Он был самым активным и известным из всех раннеамериканских миссионеров. Его знали повсюду — от штата Мэн до Южной Каролины и от Нью-Йорка до пустынных берегов Миссисипи. Прослышав о том, что где-то живет хотя бы горстка людей, он отправлялся в путь на лодке, в повозке, верхом или пешком и произносил им свои эксцентричные и бессвязные проповеди.

Когда его воскресили из мертвых в мире Реки, он был удивлен, однако не слишком. «Кое в чем я ошибался,— заявил он своим воскресителям,— но в основном был прав».

Доу не сомневался, что ангел, виденный им в детстве, был одним из создателей мира Реки — мира, представляющего собой этап, пройдя который достойные могли продолжить свою жизнь в лучшем мире. Как и шансеры, он верил, что все должны стремиться к моральному и духовному самоусовершенствованию. Но в отличие от шансеров Доу не верил, что конечной целью является растворение в божественной сущности. Нет, эта Река — нечто вроде чистилища, в котором Бог и его ангелы дают людям еще один шанс. Те, в ком свершится великая духовная перемена, перейдут в другой мир, где их воскресят опять. Неудачники же умрут здесь, навсегда обратившись в прах.

— Встречал я ваших ангелов,— сказал Бёртон.— Они всего лишь мужчины и женщины. Кстати, все они, кроме одного, родились на Земле и умерли там детьми. Монат — единственное исключение. Негуманоид внеземного происхождения, он возглавлял весь этот проект. Оглянитесь вокруг — разве наша башня похожа на ангельское сооружение?

— Безусловно похожа,— ответил Галл.— Этот Лога, о котором вы говорите, он... Он, должно быть, падший ангел.

— Вы просто спятили, приятель,— заявил Бёртон и отошел.

— Этот человек воскресит массу своих единоверцев,— сказала Звездная Ложка,— и скоро в коридорах шагу нельзя будет ступить, не наткнувшись на кого-нибудь из них. Они не дадут нам покоя.

— Мы укроемся в Телеме. Туда они не пролезут.

— Неприступных мест, как и людей, не бывает.

Звездная Ложка пришлась Бёртону впору, как приходится по ноге мягкая и удобная туфля. И не только в переносном смысле. Когда Бёртон снимал обувь, он тут же забывал о ней до тех пор, пока не приходила пора надевать ее снова. Китаянка, казалось, не имела ничего против того, что ее игнорировали, когда Бёртон был занят исследованиями или работал с компьютером. Она и сама немало времени проводила за пультом. В общем, она была чудесной подругой, занимательным собеседником и старалась не быть Бёртону в тягость. Умная, образованная, Звездная Ложка хорошо знала китайскую поэзию, прекрасно рисовала и изумительно играла на китайской лютне. Страстная, искушенная в любовных играх и раскрепощенная, она, однако, не возмущалась, если Бёртон, поглощенный своими занятиями, не прикасался к ней целую неделю.

Звездная Ложка жаловалась лишь на то, что не может переселить сюда своих родителей. Мама ее жила в долине, отца же китаянке найти не удалось.

— Ты не будешь возражать, если я все-таки сумею перетащить их сюда? — спросила она как-то.— Возможно, когда-нибудь мне это удастся. Они могут поселиться в отдельной квартире, чтобы не мешать тебе. А я буду навещать их только с твоего согласия.

— Конечно,— согласился Бёртон.— Можешь переселить сюда всех своих братьев и сестер. А также тетушек, дядюшек и кузенов.

Он не мог бы помешать Звездной Ложке, даже если бы захотел, но не собирался говорить ей об этом. Зачем разочаровывать человека, который так хочет вам угодить? Да, она была прекрасной подружкой.

— Меня удивляет, что она так и не стала здесь более самостоятельной, чем была в долине Реки,— сказал Фрайгейт, когда Бёртон заговорил с ним на эту тему.— Конечно, она воспитана в традициях китайской культуры восьмого века, но в долине ей пришлось столкнуться со многими другими культурами. Обыкновенно жизнь на берегу Реки эмансипирует женщин.

— Не всегда,— возразил Бёртон.— У нее была трудная жизнь, и это еще мягко сказано. Ты же знаешь ее печальную земную историю. А в долине ей пришлось не легче. Ее там насиловали много раз, хотя, похоже, это не причинило ей особых душевных страданий.

— Похоже-то похоже, но не забывай, что она очень сдержанна.

— Ну конечно, восток — дело тонкое.

— Она очень красива.

— Исключительно. Должен признаться, я польщен тем, что она так страстно меня желала. И все же... я по-прежнему предпочел бы белую и не столь блестящую блондинку, которая была бы предана мне.

— Если найдешь такую и сумеешь воскресить, будь осторожнее со Звездной Ложкой. В ней куда больше огня, чем кажется.

Через несколько дней после вечеринки Бёртон с китаянкой собрались навестить Фрайгейта в его мире и уселись в специальные кресла, сконструированные Бёртоном. Они были больше обычных и находились внутри герметичных пластиковых сфер трех-

дюймовой толщины. Лучеметы, торчавшие из оболочки, могли стрелять в любых направлениях — вперед, назад, вверх и вниз.

— Кого ты боишься? — спросила Звездная Ложка, увидевшая бронированные кресла впервые.

— Я никого не боюсь,— ответил он,— но я почти никому не доверяю. По коридорам рыщет слишком много неизвестных личностей. К тому же у нас нет никакой уверенности, что в башне не прячется кто-то из этиков.

Кресла взмыли над минаретами и куполами, покрытыми золотым сплавом, в котором сверкали громадные драгоценные каменья, и полетели над рекой и джунглями к выходу. Бёртон нажал кнопку на пульте, передававшую по радио закодированную команду «Сезам, откройся». В кресле Звездной Ложки такой кнопки не было, ибо Бёртон отказался сообщать ей код. Она нерешительно спросила его почему, и он объяснил ей, что не хочет рисковать: а вдруг ее кто-нибудь схватит и выпытает кодовое слово?

— Но кому это нужно? — удивилась она.

— Возможно, никому. Однако это не исключено.

— А что, если кто-нибудь схватит тебя?

— Я предусмотрел такую возможность.

Китаянка не стала спрашивать, какие меры предосторожности он принял. Ведь эту информацию у нее тоже могли выудить под пытками.

На круглой площади не было ни одного человека, только роботы убирали мусор. Остановив кресло перед входом в мир Фрайгейта, Бёртон громко окликнул американца по имени. Через несколько секунд на экране появилось лицо хозяина. Дверь распахнулась, и кресла вплыли в тесную прихожую. Вторая дверь открыла перед ними мир, в котором солнце стояло десятью градусами ниже зенита, температура была восемьдесят пять по Фаренгейту, а воздух перенасыщен влагой. Они пролетели над очень густыми буйными джунглями, над речкой с притоками и над большими полянами. В воде и по берегам ползали громадные зубастые крокодилы. Перед глазами то и дело мелькали головы здоровенных рептилий на длинных шеях, а однажды через полянку грузно протопал ископаемый ящер в тяжелой броне. Над креслами носились крылатые ящеры — птеродактили. Всех этих чудищ не было в архивах этиков, поскольку они прибыли на Землю через семьдесят миллионов лет после того, как вымер последний динозавр. Но Фрайгейт создал компьютерные копии ископаемых, и теперь они царили в джунглях. В центре бробдингнежского помещения стоял каменный монолит двухсот футов вышиной с гладкими крутыми стенами, на которые невозможно было забраться. На верху монолита находилась резиденция американца — на плоской поверхности в десять акров посреди острова стоял особняк в стиле середины XIX века, окруженный широким рвом, в котором плавали утки, гуси и лебеди. Бёртон со Звездной Ложкой приземлились на зеленой лужайке возле дома.

Питер Фрайгейт сидел в окружении трех собак на веранде в кресле-качалке, слушал «Музыку на воде» Генделя и потягивал мятный коктейль. На коленях у него лежал сиамский кот. Собаки — настоящие собаки, а не компьютерные копии — с лаем спрыгнули с веранды и подбежали к Бёртону. Громадный ротвейлер, немецкая и шотландская овчарки, они втроем носились вокруг гостя, виляли хвостами и поскуливали от удовольствия, когда он их поглаживал. Фрайгейт встал, лишив кота удобного ложа, и поздоровался с гостями. Одет он был в белую льняную рубаху, расшитую египетскими иероглифами, и белый же льняной килт по колено.

— Приветствую вас во Фрайгейтландии,— сказал он с улыбкой.— Присаживайтесь.— Он кивнул на два кресла-качалки.— Что будете пить?

Фрайгейт хлопнул в ладоши, и в дверях появились два андроида в лакейских ливреях.

— Что, похожи? — спросил хозяин.— Я сделал их точными копиями двух президентов, которых всегда не любил. Одного зовут Хитрюга Дики, а другого — Ронни. Вот этот, у которого вид проныры, Дики.— Фрайгейт помолчал.— Хозяйка дома спустится через минутку.

— Так ты решился в конце концов обзавестись подругой? — удивился Бёртон.

— Да. Собаки и кошки — замечательные друзья, они никогда вам не противоречат. Но я соскучился по разговорам и другим вещам.

Слуги принесли напитки — скотч для Бёртона и вино для Звездной Ложки. Бёртон вытащил из кармана гаванскую сигару, и Дики, моментально подскочив к нему, щелкнул зажигалкой. Ронни поднес огонек к сигарете китаянки.

— Да, такая жизнь по мне! — сказал Фрайгейт.— Я летаю над джунглями и с огромным удовольствием наблюдаю за своими ди-

нозаврами. А чтобы тираннозавры не пожирали бронтозавров, я кормлю их мясом на раздаточной станции возле монолита. Но все равно поддерживать баланс между хищниками и травоядными довольно трудно. В один прекрасный день мне это, наверное, надоест. И тогда я ликвидирую юрский период, заменив его меловым. Я собираюсь последовательно воссоздать все эволюционные периоды до эпохи плейстоцена. И на нем остановлюсь. Мне всегда ужасно нравились мамонты и саблезубые тигры.

Глава 25

Бёртон отмахнулся от мухи.

— Неужели тебе необходимо такое правдоподобие?

— Тут и москиты тоже есть. Вечерами мне приходится скрываться от них в доме. Я не хочу, чтобы здешний мир был стерильным раем без мошек. В свое время я проклинал мух, москитов и муравьев и не мог понять, зачем Господь наводнил ими Землю, отравляя нам существование. Теперь я понимаю. Они для меня источник наслаждения. Когда они закусают тебя до смерти — не в буквальном смысле, разумеется,— и ты наконец укроешься в каком-то недоступном для них местечке, само их отсутствие доставляет несказанную радость.

Звездная Ложка посмотрела на него так, будто он слегка с приветом. Но Бёртон понимал американца. Чтобы испытать настоящее удовольствие, нужно сначала помаяться. Оправдать существование зла, безусловно, нетрудно. Не будь его на свете, откуда бы мы знали, что добро — это добро? Хотя, возможно, зло не так уж необходимо. Иначе почему этики всеми силами стремились свести его к минимуму?

В этот миг из дома вышла женщина. Обворожительная — рыжеволосая, зеленоглазая, белокожая, длинноногая, полногрудая, с осиной талией. Черты лица у нее были неправильные: нос чуточку длинноват, верхняя губа малость коротковата, а глаза посажены немного глубже, чем надо. Но вместе они создавали прекрасное, значительное и незабываемое лицо. Женщина была пяти футов и семи дюймов ростом, в белом декольтированном платье из мерцающей ткани с разрезом на левом бедре, в белых босоножках на высоких каблуках. Ни драгоценностей, ни жемчугов. Только на правой руке блестел серебряный браслетик.

— Познакомьтесь: Софи Лефкович,— с улыбкой представил ее Фрайгейт.— Я встретился с ней на конференции писателей-фантастов в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году. После этого мы переписывались и время от времени встречались на других конференциях. Она умерла в тысяча девятьсот семьдесят девятом году от рака. Ее дед с бабкой переехали из России в Кливленд, штат Огайо, в тысяча девятисотом году, а отец женился на местной уроженке, чьи предки, испанские евреи, переселились в Нью-Амстердам в тысяча шестьсот пятьдесят втором году. Забавно, но я однажды виделся с первым иммигрантом из их рода, Абрамом Лопесом. Правда, мы друг другу не понравились; он оказался ярым фанатиком. А Софи была домохозяйкой, но принимала активное участие в деятельности множества организаций, в том числе и Национальной женской организации. Кроме того, она заработала кучу денег писанием книг для детей под псевдонимом Бегония Уэст.

— Я уверен, они прелестны,— серьезно сказал Бёртон.— Но ты же сам предостерегал меня от воскрешения писателей, помнишь?

— Да, многие из них прогнили насквозь, но не все.

Софи оказалась умной и интересной собеседницей, хотя и чересчур склонной к каламбурам. Она, похоже, была чрезвычайно благодарна Фрайгейту за свое воскрешение, а тот, в свою очередь, искренне ею восхищался.

— Мы, естественно, собираемся воскресить еще кое-кого. Иначе без компании мы быстро осточертеем друг другу. Хотя выбрать подходящие кандидатуры — дело нелегкое.

— Он ищет совершенства, которого все равно не найдет,— заметила Софи.— Те, что совершенны, уже стали «продвинувшимися». Я ему говорю: выбирай более или менее подходящих, а если они нам не понравятся, пускай выметаются отсюда.

— Если так будет продолжаться,— сказала Звездная Ложка,— башня скоро лопнет от перенаселения. Каждый воскрешенный начинает тут же воскрешать себе приятелей.

— В башне свободно может разместиться пара миллионов человек,— возразила Софи.

— Но если каждый из них воскресит еще по четыре человека, население начнет расти в геометрической прогрессии,— сказал Бёртон.

— Это бы еще полбеды,— вмешался Фрайгейт.— Нам грозят неприятности похуже. Намедни я разговаривал с Томом Терпином. Он говорит, две парочки из его мира пытаются обзавестись детьми. Они велели компьютеру исключить из своего рациона противозачаточные химические вещества. Том рассердился и сказал им, что если женщины забеременеют, им придется покинуть Терпинландию. А они заявили, что им плевать.

Собеседники приумолкли, потрясенные новостью. Этики сделали все возможное, чтобы исключить появление детей, поскольку пространство мира Реки не было рассчитано на прирост населения. А кроме того, свободные места предполагалось заселить воскрешенными, родившимися на Земле после 1983 года.

— Весь проект летит псу под хвост,— сказал Фрайгейт.

— Хуже — к чертям в преисподнюю! — отозвался Бёртон.— Если он еще не там.

— Ну, по-моему, на преисподнюю это мало похоже,— улыбнулась Софи, обводя рукой их личный мирок.

В воздухе раздавались птичьи трели — анахроничные звуки, поскольку птиц в мезозойскую эру еще не было,— и попискивание парочки енотов, тоже забредшей из более позднего времени. Снизу доносились басовитые гортанные крики бронтозавров, топот тираннозавров, носившихся с грохотом пассажирского поезда или снежной лавины. Птеранодоны, размах крыльев у которых достигал тридцати футов, хрипло каркали, как простуженные вороны.

— Это временное явление,— отозвался Бёртон.

Андроиды Дики и Ронни принесли еще спиртного. Фрайгейт с Бёртоном, возможно вдохновленные присутствием андроидов, начали беседовать на свою любимую тему — о свободе воли и предопределении. Фрайгейт утверждал, что свободная воля играет более значительную роль в человеческой жизни, нежели механические, химические или ядерные элементы. Бёртон, напротив, доказывал, что в большинстве случаев выбор людей предопределен химическим составом их организмов и привитыми в раннем детстве условными рефлексами.

— Но некоторым людям удается изменить свой характер к лучшему,— сказал Фрайгейт.— Они занимаются этим осознанно, прилагая немало труда, и усилием воли преодолевают рефлексы, порой изменяют даже врожденный темперамент.

— Я признаю, что свободная воля имеет значение в жизни некоторых людей,— заметил Бёртон.— Но лишь немногим удается эффективно использовать этот инструмент. В большинстве своем люди подобны роботам. А счастливое меньшинство способно развивать свою свободную волю только потому, что им позволяют это делать гены. Таким образом, даже свобода воли зависит от генетической предопределенности.

— Должен тебе сознаться,— промолвил Фрайгейт,— что я запросил компьютер, проводили ли этики какие-то исследования в области свободы воли и предопределения. Не с философской, а с чисто научной точки зрения. Компьютер сказал, что у него гигантская база данных, поскольку первые этики, предшественники Моната, работали над этой проблемой, а затем их работу продолжили люди Моната и их последователи, земные дети, выросшие в мире Садов. У меня не было времени, чтобы просмотреть базу или хотя бы часть ее, но я, наверное, все равно ничего бы не понял. Поэтому я попросил выдать мне краткие выводы. Компьютер сказал, что проект еще не закончен, но с некоторыми выводами он может меня ознакомить.

Этики давным-давно составили список всех хромосом, установили их функции и проанализировали взаимовлияние генов. Поэтому когда они нас воскресили, то заменили испорченные гены здоровыми. С точки зрения физической, химической и электрической мы оказались в идеальных условиях. Так что любые развившиеся потом недостатки имели чисто психологическое происхождение. Конечно же, наши психические и социальные рефлексы были оставлены. Если мы хотели от них избавиться, то могли это сделать строго самостоятельно. Он или она должны были прибегнуть к свободной воле, если таковая у них имелась и если они хотели к ней прибегать.

— Почему ты мне об этом не рассказывал? — спросил Бёртон.

— Не сердись. Я просто хотел выслушать твое мнение, прежде чем открыть тебе правду.

— Ты просто хотел подставить мне подножку, а потом потоптать лежачего!

— Почему бы и нет? — улыбнулся Фрайгейт.— Ты такой заядлый спорщик, такой убежденный, догматичный и самоуверенный, что... Ну, я и подумал: неплохо бы раз в жизни заставить тебя послушать, а то ты постоянно подавляешь собеседника.

— Что ж, если это поможет тебе самоутвердиться, я не против,— улыбнулся Бёртон.— В былые времена я наверняка бы взбеленился. Но во мне тоже произошли перемены.

— Да, однако ты заставишь меня когда-нибудь заплатить за это.

— Нет, не заставлю,— сказал Бёртон.— Я прибегну к данной мне свободе воли, дабы усвоить сей урок. Буду лелеять ее и беречь.

— Посмотрим. И тем не менее...

— Выводы!

— Я постараюсь изложить их нормальным человеческим языком. Мы не совсем роботы, хотя Сэм Клеменс и тот писатель, о котором я рассказывал тебе, Курт Воннегут, утверждали обратное. Они говорили, что наше поведение и мысли стопроцентно определяются событиями прошлого и химическим строением наших организмов. Теория Клеменса утверждала, что все происходящее ныне предопределено всем происходившим прежде. Скорость, с которой первый атом при рождении Вселенной столкнулся со вторым атомом, и угол, под которым они разлетелись, начали цепочку событий, разворачивающихся в определенном направлении. Мы — результат того первоначального столкновения. Ударься первый атом о второй с другой скоростью либо под другим углом, и мы были бы иными. Воннегут об этом не говорил ничего, однако он утверждал, что мы действуем и мыслим так, а не иначе из-за «негодных химикалий», как он их называл.

Как Клеменс, так и Воннегут порицали зло, но они игнорировали тот факт, что сама их философия снимает со злодеев вину за содеянные преступления. Ведь согласно их теории, личность не может не поступать так, как поступает. Спрашивается, зачем тогда так много писать о злодеях и клеймить их, если те ни за что не несут ответственности? Разве может убийца отвечать за свое преступление, разве могут богачи не эксплуатировать бедняков, а бедняки — не позволять себя эксплуатировать, разве можно винить избивающего детей человека за жестокость, пуританина за нетерпимость и узколобость, либертинца за сексуальную распущенность, судью за мздоимство, куклуксклановца за расовые предрассудки, либерала за его слепоту по отношению к открыто провозглашаемым намерениям и кровавым методам коммунистов, фашиста и капиталиста за использование грязных средств для достижения якобы благих целей, консерватора за презрение к простым людям и за благовидные предлоги, которыми он оправдывает их эксплуатацию? Можно ли обвинять Ивана Грозного, и Жиля де Реца, и Сталина, и Гитлера, и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, и Менахема Бегина, и Ясира Арафата, и Чингисхана, и Симона Боливара, и террориста Ирландской революционной армии, бросающего бомбу в почтовый ящик и отрывающего детям ноги? Можно ли их всех винить? Нет, если ты принимаешь основы философии Клеменса и Воннегута. Убийца, растлитель, насильник и расист так же не заслуживают порицания за свои преступления, как люди добродетельные не заслуживают похвалы. Все они ведут себя так из-за своих генов, или химических процессов, происходящих в их организме, или из-за психосоциальной обработки. Так зачем же тогда писать о преступлениях, если сами писатели не в силах заклеймить преступников?

А затем, согласно их собственной философии, что так уж они запрограммированы. То есть никакой их личной моральной заслуги тут нет.

— Стало быть, эти двое утверждали, будто мы просто бильярдные шары, которые ждут столкновения с другими шарами и попадают затем в назначенный им угол? — спросил Бёртон, терпеливо ожидавший выводов.

— Да.

— Мне хорошо известна эта философия. Я даже написал о ней поэму, как ты знаешь. И все-таки даже те, кто не верит в свободу воли, всегда поступают так, будто она у них есть. Такова, наверное, человеческая природа. Возможно, это заложено в генах. А теперь, если ты не возражаешь, давай перейдем к выводу.

— Вывод не один, их несколько,— сказал Фрайгейт.— Во-первых, исследования этиков доказывают, что умственный потенциал различных рас одинаков. Все они имеют в запасе равное количество гениев, людей блестящего ума, просто умных, не очень умных и дураков. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году, когда я умер, мнения на сей счет были весьма противоречивы. Тесты на интеллект вроде бы показали, что средний уровень негроидной расы на несколько пунктов ниже уровня белой. Теми же тестами было установлено, что уровень интеллекта монголоидной расы на несколько пунктов выше, чем у белой. Многие уверяли, что эти тесты некорректны, что они не учитывают

влияние социума, экономических возможностей, расовой предвзятости и так далее. И они были правы. Тесты этиков доказывают, что все расы обладают равным интеллектуальным потенциалом.

Это противоречит твоим земным наблюдениям, Дик. Ты утверждал, что белые умнее негров. Ты, правда, признавал, что американские негры способны стать более «цивилизованными» и интеллектуально развитыми по сравнению со своими африканскими собратьями. Но объяснял это тем, что у чернокожих янки большой процент «белой» крови от смешанных браков.

— На Земле я много чего говорил неправильно, не отрицаю,— с жаром возразил Бёртон.— Но, проведя шестьдесят семь лет в тесном, хотя и не всегда добровольном общении с представителями всех рас, национальностей и племен, о которых ты, быть может, даже не слыхал, я изменил свое мнение по поводу многих вещей. Я с чистым сердцем могу назвать любого ниггера своим братом.

— Я бы на твоем месте не стал употреблять слово «ниггер». Оно слишком явно выдает твои прежние заблуждения.

— Ну, ты понял, что я хотел сказать.

— Да. Я помню строчку из твоего стихотворения «Разговор с камнем», где ты критикуешь белого американца за то, что он не хочет назвать... э-э... ниггера... своим братом. Впрочем, не тебе было бросать в него за это камень.

— Я уже не тот, каким был прежде. Когда как следует потрешься среди людей, к тебе волей-неволей пристанут частички их кожи. И наоборот.

— Ну, ты и на Земле изрядно потерся среди людей. Мало кто путешествовал так часто, как ты, общаясь при том со всеми классами, богатыми и бедными.

— Это было слишком недолго. А здесь не только другие условия — я здесь не просто *терся* среди них. Я был потрясен и вывернут наизнанку. Такое не проходит для психического механизма даром.

— Давай воздержимся от механистической терминологии,— сказал Фрайгейт.

— Психический механизм — совершенно точный термин.

— Психика не мотор, но тончайшее и сложное поле, создаваемое волнами. И не одно, а множество полей, я бы сказал, суперполе. Как и свет, оно существует одновременно в виде волн и частиц, то есть психических волниц — волниц, образующих гиперкомплекс.

— Выводы!

— Ладно. Личность — это полуробот. Каждый из нас подчиняется требованиям биологического механизма, то бишь тела. Когда ты голоден, ты ешь или пытаешься раздобыть еду. Никому еще не удавалось возвыситься над собой настолько, чтобы обходиться без еды и не умереть с голоду. Повреждения черепномозговой и нервной системы, рак, химический дисбаланс — все это может повлиять на твои мыслительные способности, сделать тебя сумасшедшим, изменить твои побуждения и отношения. Невозможно силой воли подавить необратимые изменения, вызванные сифилисом, ядами, мозговыми травмами и так далее. И все мы рождаемся с набором генов, определяющих основное направление наших интересов и вкусов даже в еде. Не всем нравятся бифштексы, помидоры или скотч.

Опять-таки, некоторые рождаются с таким набором хромосом, который делает их эмоционально более косными по сравнению с другими людьми. То есть они не могут так же легко, как окружающие, приспособиться к новым явлениям и переменам. Они придерживаются старины и тех элементов культуры, что были заложены в них с юности. Другие же рождаются более податливыми и адаптируются с легкостью. Но иногда рассудок и логика могут повлиять на волю личности, и та преодолевает собственную косность, размягчает, так сказать, свою собственную натуру.

Возьмем, к примеру, человека, воспитанного в догматах ортодоксальной христианской веры. Я имею в виду такого верующего, который воспринимает каждое слово Библии буквально. Он верит, что мир был сотворен за шесть дней, что был вселенский потоп, Ной с ковчегом, что Господь остановил вращение Земли, чтобы Иисус Навин со своими кровожадными иудеями успел при свете дня победить не менее кровожадных аморреев. Еву соблазнил змей, а она, в свою очередь, заставила Адама съесть плод с дерева познания добра и зла. И так далее. Как и его собратья по религии, этот человек игнорирует накопленные человечеством знания, доказывающие факт эволюционного развития. Он читает Библию и не замечает, что хотя Земля там нигде впрямую не

зовется плоской, это явно подразумевается. И опять-таки, он не воспринимает буквально требование Христа возненавидеть отца своего и мать свою. Он просто не замечает всех этих несообразностей. Он прячет их в потайные уголки сознания. Или же стирает их из памяти, как с пленки.

Но некоторые ортодоксы все же сталкиваются с доказательствами, которых хотели бы не замечать. Железо ударяет о кремень, и искра падает на огнеопасный материал. Пожар, естественно, неизбежен. Человек продолжает читать и находит все новые доказательства, возможно презирая и браня самого себя за «греховное» любопытство. Но он узнает все больше и больше. В конце концов рассудок убеждает его, что он был не прав, и человек становится либеральным христианином, или атеистом, или агностиком.

Где-то его генетическая защита дала течь, а может, там изначально была трещина, которая только и ждала, когда в нее хлынет вода.

Но в любом случае человек сумел прислушаться к доводам рассудка лишь потому, что его генетический склад это позволил.

— Мне казалось, ты говорил, что homo sapiens наполовину робот,— произнес Бёртон.— Но ты описываешь роботов стопроцентных.

— Нет. У роботов нет разума. Они умеют пользоваться логикой, будучи соответственно запрограммированы. Но если вы представите роботу доказательство того, что его программа ошибочна, он не сможет отвергнуть инсталлированную программу. А люди могут. *Иногда.* К тому же роботам не приходится объяснять причины своих поступков. Они просто делают что-то так, а не иначе, между тем как люди должны объяснить, почему они делают то-то и то-то, и они создают логическую систему для оправдания своего поведения. Система может быть построена на ложных предпосылках, однако в рамках собственного построения она, как правило, логична. Хотя и не всегда.

Так вот этики утверждают, и могут это доказать, что даже самые генетически неподатливые натуры, даже подвергшиеся самой суровой обработке личности способны освободиться — хотя бы отчасти — из своей клетки, вырваться за рамки той формы, в которой они были отлиты. То, что это удается лишь избранным, этики объясняют наличием свободной воли и демонстрацией ее

возможностей. Зажатые в тиски, связанные путами люди *не хотят* меняться. Они счастливы в своем убожестве.

— И этики могут это доказать?

— Да. Хотя я должен признать, что недостаточно образован, чтобы оценить их находки. Я не знаю высшей математики и микробиологии. Тем не менее я принимаю их доказательства.

— То есть абсолютной и окончательной уверенности у тебя нет, не правда ли? — спросил Бёртон.— Ведь до тех пор, пока ты не в состоянии точно оценить представленные ими доказательства, ты не можешь знать доподлинно, что их открытия истинны?

— Ну, если так поставить вопрос, то конечно. Но некоторые вещи приходится принимать на веру.

Бёртон громко расхохотался.

— Если тебе не хватает умения, чтобы самому произвести исследования, откуда ты можешь знать, что прочитанное тобою в книгах по химии, или астрономии, или биологии — правда? — покраснев, воскликнул американец.— Как ты можешь утверждать какие-то истины, не будучи в силах воспроизвести опыт? И даже если ты его воспроизведешь, то вполне можешь ошибиться или склониться к противоположной точке зрения, потому что...

— Потому что я склонен к ней генетически? — насмешливо перебил его Бёртон.— Потому что я запрограммирован верить в то, а не в иное?

— По-твоему, выходит, человек вообще ни во что не может верить!

— Правильно,— согласился Бёртон.

— Но ты сам высказывал немало мнений, основанных на наблюдениях других людей, когда жил на Земле. И зачастую совершенно неверных мнений.

— Это было на Земле.

Собеседники ненадолго умолкли. Женщины между тем разговаривали о своих матерях. Но Фрайгейт заметил, что Софи одновременно прислушивается и к их беседе. Она подмигнула ему и махнула рукой, чтобы он не прерывался.

Фрайгейт вновь подхватил тему разговора, словно мяч, с которым он собирался сделать девяностоярдовую пробежку.

— Году в тысяча девятьсот семьдесят восьмом, если не ошибаюсь,— осторожно начал он,— я прочел в книге по психологии, что один из десяти человек рождается лидером. Авторы предполагали, что это генетически определенная черта. Этики доказали

правдивость их предположения и даже определили генетический комплекс, ответственный за эту черту.

В той же книге говорилось, что десять процентов homo sapiens всегда испытывали склонность к гомосексуализму. Подчеркиваю — склонность. Не все десять процентов были гомосексуалистами на практике, но тенденция тем не менее сохранялась. Так обстояли дела, когда этики начали создавать архивные записи человечества. Предположительно так было и на заре рода человеческого.

Итак, склонность к гомосексуализму определена генетически. Меня особенно заинтересовал этот факт, потому что в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году, вернее даже раньше, воинствующие гомосексуалисты заявили, будто их сексуальная ориентация — результат сознательного и свободного выбора, будто они специально стали такими, поскольку предпочитают именно этот способ сексуальной жизни.

Тогда получается, что, достигнув определенного возраста, мы сами осмысленно выбираем себе линию поведения. Но они не учли или же проигнорировали тот факт, что если это правда, значит, и гетеросексуалы тоже осознанно и свободно решают стать гетеросексуалами. Однако это не так. Гетеросексуалы таковы от рождения.

— А как же быть с теми...— начал было Бёртон.

— Ты собирался спросить: как быть с теми, кто, имея гомосексуальные наклонности, ведет себя как гетеросексуал? И как быть с бисексуалами? Или с теми, кто женится на женщине, однако имеет гомосексуальную связь на стороне? Существуют разные степени гомосексуальности... и гетеросексуальности, естественно, тоже. А потом, когда в обществе было опасно открыто быть гомосексуалистом, людям приходилось скрывать свои наклонности. Но в любом случае гомо- и гетеросексуальность не являются предметом выбора. Это качества врожденные.

Кстати, с точки зрения этики здесь нет разницы. Гомосексуализм как таковой не имеет отношения к морали. Личность его не выбирает. Важно то, что она делает со своей гомо- или гетеросексуальностью. Вот это уже вопрос моральный. Насилие и садизм являются злом вне зависимости от того, гомосексуалист ты или нет.

— Вы так громко говорите,— вмешалась Софи,— что я не могу вас не слушать. Так вы, стало быть, рассуждаете о свободе воли,

предопределении, генах и выборе? Меня ужасно интересовали все эти вопросы, когда я училась в колледже. Интересовали по-настоящему. Я страстно спорила, я с наслаждением злилась на тех, кто со мной не соглашался, обзывая их тупыми козлами. Но, окончив колледж, даже немного раньше, я поняла, что... в общем... глупо думать, будто философские споры могут что-либо решить. Они бесконечны, ибо окончательных и неопровержимых решений не существует. Такие споры могут быть занятны — но бесплодны. Умозрительны. Увы, но это так. Поэтому я прекратила в них участвовать. Если кто-то хотел обсудить со мной философский вопрос, я просто меняла тему разговора или разворачивалась и уходила, хотя и старалась не выглядеть грубой.

— И ты была права! — воскликнул Фрайгейт.— Безусловно права! Но суть-то в том, что этики вынесли эти вопросы за рамки дискуссий. Они доказали свои утверждения. Мы больше не блуждаем в потемках!

— Возможно. Тут я не могу не согласиться с Диком. *Возможно.* Но это не важно. Как говорил Будда? «Трудитесь о собственном спасении с великим тщанием». Кем бы этот господин или госпожа Тщание ни были. Я долго искала господина Тщание, даже позаимствовала для этого у Диогена фонарь. Впрочем, древний грек в нем и не нуждался. Если он сам был честен, зачем ему искать честного человека?

В общем, все мы, как заметил Дик, ведем себя так, словно обладаем свободой воли. Поэтому какая нам разница, существует ли она на самом деле? Я, например, знаю, что я — и только я — ответственна за нравственность своего поведения. Наследственность, среда — все это оправдания. А оправдания и алиби я презираю. Раса, национальность, племя, родители, религия, общество — тоже оправдания. Я сама решаю, кем мне быть. Вот и весь разговор!

— И поэтому ты сожгла вчера суфле? — осведомился Фрайгейт.— Ты не просто забыла про него — ты решила его кремировать?

Фрайгейт и Лефкович залились смехом.

— Вы сами готовите? — спросил Бёртон.

— Да, конечно,— ответила Софи.— Я люблю заниматься стряпней. Особенно не по принуждению. Вчера я готовила ужин и забыла присмотреть за суфле. Зачиталась, а оно...

Разговор перешел на кулинарные темы, затем на другие и в конце концов завершился обедом. Совместная трапеза — обычай более древний, нежели беседа.

Глава 26

На Рождество у двери в мир Терпина собралось множество гостей. Бёртон — и не он один — с удивлением взирал на толпу, приведенную Галлом. Их было по меньшей мере сорок человек, все доуисты, с которыми Галл познакомился в долине. Благодаря своим тогам и сандалиям они походили на римлян, однако римляне никогда не носили головных повязок с большой алюминиевой буквой «Д».

— «Дэ»,— сказал Галл.— С этой буквы начинается «Доу» и «добро».

— «Дурак» и «дерьмо» тоже начинаются с этой буквы,— пробормотал кто-то из толпы.

Галл не обиделся, по крайней мере не подал вида.

— Верно, друг мой, кем бы вы ни были,— с достоинством произнес он.— Дурак и дерьмо тот, кто не становится на путь истинный.

— На дорогу дебильную,— отозвался тот же голос.

— Дрянную,— подхватил кто-то из толпы.

— Дьявольская дребедень,— откликнулся третий.

— Двурушник долбаный!

— Мы привыкли к оскорблениям и нападкам «вэ, эс, е-часть людей»,— сказал Галл.— И тем не менее всем, даже самым закоренелым грешникам, предлагаем обрести благодать.

— Что, черт возьми, значит «вэ, эс, е-часть»? — тихо спросил женский голос.

— Не знаю,— отозвался Бёртон.— Но это не означает «всечасть», как можно было бы подумать. Галл и его последователи отказываются дать объяснение. Они говорят, когда вы это поймете, на вас снизойдет благодать и вы станете одним из них.

— Это было бранное словечко, которым Лоренцо Доу частенько обзывал своих врагов,— пояснил Фрайгейт.— Не бог весть какое ругательство, хотя звучит оно, безусловно, обидно, поскольку враги никогда не могли его понять.

— Не надо было их приглашать,— пробурчал де Марбо.— С ними и побеседовать-то нормально невозможно. Они тут же начинают обращать вас в свою веру. Том должен был заранее сообразить.

— А кто вообще воскресил Галла? — спросила Софи.— Ни один человек в здравом рассудке такого бы не сделал.

— Никто не знает,— ответил Бёртон.— Я спрашивал у компьютера, кто воскресил Галла, Нетли, Крук, Страйд и Келли, но он ответил, что данные были доступны лишь одной персоне. А кому — не сказал.

На двери в светящемся круге появилось лицо.

— Дед Мороз! — воскликнул Фрайгейт.

У человека на экране была пушистая белая борода и длинный красный колпак, отороченный белым мехом. Правда, кожа у него была темнее, чем обычно бывает у Деда Мороза.

— Да, я Дед Мороз! — подтвердил Терпин.— Том Ха-Ха-Ха! Терпин собственной персоной, если точнее.

— Счастливого Рождества! — выкрикнуло несколько голосов.

— И вам тоже! — откликнулся Терпин.— У нас, ребята, снега до фига — правда, не такого, к какому вы привыкли. Я так думаю, во всяком случае. Вы такие приличные ребята, ха-ха-ха!

Дверь отворилась, и в ней тут же образовался затор, поскольку кресла, парившие впереди, старались пролететь в нее одновременно. В основном это были китайцы из компании Ли По, нагрузившиеся различными напитками ниже трех футов под килем. До приглашения Терпина они и слыхом не слыхали о Рождестве, но теперь жаждали узнать о нем побольше. Ли По тычками и незлобивой бранью заставил их построиться, чтобы они пролетали в двери по одному. За ними последовал Бёртон со Звездной Ложкой, потом — доуисты, учтиво пропустившие вперед две группы, возглавляемые Галлом. Бёртон заметил, как они обмениваются друг с другом понимающими и скорбными взглядами, не забыв о недавних оскорблениях толпы. Они явно не разделяли веселого оживления китайцев.

После доуистов появились Страйд, Келли и Крук, одетые в элегантные, хотя и слишком броские платья викторианской эпохи, с бриллиантовыми сережками в ушах и множеством перстней с огромными бриллиантами, изумрудами и сапфирами. Бёртон ничуть не удивился, увидав рядом с ними незнакомые мужские лица. Анну Крук сопровождал один мужчина; обе ее товарки шли под ручку каждая с двумя кавалерами.

Футах в двадцати за ними шествовал расфуфыренный Нетли, блистающий драгоценными каменьями, с двумя дамами по бокам.

А за Нетли ввалилась толпа человек в двадцать, поразившая Бёртона. Значит, цыган и правда кто-то воскресил. На них были экзотические одеяния, знакомые Бёртону, поскольку он не раз общался с цыганами в Англии и Европе. Он собирался спросить, кто же был их благодетелем, но забыл. А когда вспомнил, было уже поздно.

Длинная вереница гостей летела под полуденным солнцем над лесами, болотами, дорогами и рельсами. Да-да, Терпин провел у себя железную дорогу! Кресла приземлялись в условленном месте, на улице Луи Шовена, один конец которой был огорожен и превращен в посадочную площадку. Малый Сент-Луис, он же Терпинвиль, сиял рождественскими огнями и бурлил праздничной кутерьмой. Бёртону показалось, что двухтысячное население города выросло за несколько последних недель вдвое. Улицы кишели танцорами и гуляками в причудливых карнавальных нарядах. Все это скорее походило на масленицу, чем на святки. Пять оркестров играли каждый свою музыку — рэгтайм, диксиленд, «горячий» и «холодный» джаз, а также негритянские духовные гимны. Повсюду с радостным лаем носились собаки.

Гости начали пробираться сквозь толпу, которая совала им в руки бутылки со спиртным, сигареты и сигары с марихуаной и гашишем. Запах алкоголя и травки казался почти осязаемым, а глаза у прохожих были красные, как у кроликов.

Терпин, по-прежнему в наряде Деда Мороза, стоял на переднем крыльце своей громадной краснокирпичной резиденции, приветствуя прибывающих гостей.

— Сыплется снежок, радуйся, дружок, становись в кружок! — крикнул Терпин.— Дайте пять, братья и сестры!

Фрайгейт единственный понял, что это значит. Он протянул вперед руку ладонью вверх, и Терпин хлопнул по ней.

— Правильно, браток!

Пока остальные проделывали тот же ритуал, Фрайгейт объяснил Бёртону, что здесь, должно быть, много воскрешенных негров конца двадцатого столетия. Диковинное приветствие было как раз из той эпохи.

— Вот что он имел в виду, когда говорил, что у них полно снега! — Фрайгейт показал на двух чернокожих, сидящих на ступенях с совершенно отрешенным видом.— Должно быть, накачались героином, то бишь «снежком» в просторечии.

Терпин был весел и очень оживлен, не пьян. Глаза его глядели ясно, речь звучала отчетливо. Кто угодно мог упиться здесь в сосиску, только не гостеприимный Том.

Гости вошли в вестибюль «Бутона Розы», громадный, как центральный вокзал, и так же набитый народом. Вдоль стен тянулись двадцать длинных стоек, золоченых или полированного красного дерева, за которыми белые андроиды в смокингах готовили коктейли. Бёртону, шедшему за Терпином, пришлось переступить через несколько бесчувственных мужских и женских тел. Хозяин подвел их к большому лифту, и они поднялись на третий этаж. Там перед ними распахнулась дверь кабинета, бывшего, по словам Алисы, точной копией приемных покоев Бэкингемского дворца.

Том усадил гостей и, встав у стола футов двадцати длиной, пристально оглядел их черными глазами, прежде чем начал тронную речь.

— Я здесь хозяин,— сказал он,— и я управляю этим миром, как машинист паровозом. Это мой долг. Но я позволяю своим подданным веселиться, как им вздумается. В большинстве своем они славные ребята и ведут себя пристойно, не выходя за установленные мною рамки.

Однако я знаю, что кое-кто из них сам не прочь стать хозяином, поэтому слежу за ними, как пес следит за блохами. Вернее, это делает за меня компьютер. Загвоздка в том, что многих из здешних обитателей я не выбирал. Я изучил прошлое всех, кого воскресил самолично. Но я не мог предугадать, кого они, в свою очередь, выберут и захотят воскресить.

Кроме тех, кто жаждет занять мой трон, люди в моем мире делятся в основном на две категории. Большинство из них весельчаки и прожигатели жизни, бывшие на Земле шлюхами, сутенерами и музыкантами. А в другой категории — церковники: последователи «новой волны», шансеры и новые христиане. Они вопят, обличая кутил, а те вопят, чтобы к ним не лезли с проповедями.

— Почему бы вам просто не избавиться от них и не начать все сначала? — спросила Звездная Ложка.

Бёртон удивился. Китаянка редко говорила, если к ней не обращались впрямую или не просили высказать свое мнение. Да

и сам вопрос показался Бёртону странным, совершенно не в ее характере.

Терпин развел руками:

— Как же я могу это сделать?

— Должны быть какие-то способы. Компьютер...

— Я не массовый убийца. Да, в свое время я был парень крутой, но я не собираюсь убивать людей только ради собственного спокойствия. А потом, держать их в узде — это хоть какое-то занятие.— Он усмехнулся и добавил: — Пора загнать их с улицы в «Бутон Розы». У нас тут, в конце концов, вечеринка, хотя собрать этих бездельников не так-то просто.

Он обогнул стол, что-то сказал, и на стене появилось светящееся круглое пятно. Терпин произнес несколько кодовых слов, после чего обернулся, ухмыляясь еще шире.

— Я всемогущ, ребята! Я великий маг Мерлин и волшебник из города Оз в одном лице, темном, как десятидолларовая гаванская сигара! Я великий бог Терпинус, черный Зевс, могучий Тор Громовержец, шаман, насылающий дождь, главный продавец панацеи, мистер Человечий Кукловод!

В течение трех минут солнце заволокло тучами, которые быстро густели и чернели. В открытые решетчатые окна со свистом влетел ветер, задирая подолы тог, килтов и юбок.

— Вы и глазом моргнуть не успеете, как они все сюда примчатся. Злые будут, что намокли, но это все фигня.

— Некоторые валяются на улице в отключке,— сказала Алиса.— Что будет с ними?

— Пускай прочухаются. Им это только на пользу, да и помыться многим из них не мешает. А простуда им не грозит.

Терпин проинструктировал гостей, как вести себя, чтобы отвязаться от пьяниц, если те вздумают к ним приставать.

— Но вообще-то они не должны. Я приказал им обращаться с вами дружелюбно, несмотря на то что вы белые.

— А с нами? — осведомился Ли По.— Мы-то не белые!

— Для них — белые. Для них все, что не черное, белое. С точки зрения семантики такое определение довольно точно, хотя и не слишком тонко.

Последняя фраза отчасти позабавила Бёртона и отчасти раздосадовала. Том Терпин сознательно перескакивал с правильного английского языка на жаргон гетто, словно хотел подразнить

своих слушателей. А может, просто разыгрывал из себя шута. Или и то и другое вместе. В глубине души у него до сих пор гнездился комплекс неполноценности, внушенный правящим белым классом его эпохи. Он мог этого не осознавать, но факт был налицо. Если верить Фрайгейту, американские негры преодолели комплекс расовой неполноценности, во всяком случае пытались, и заявляли, что они гордятся своей черной кожей. Однако Терпин продолжал носить шутовской колпак, даром что теперь в нем не было нужды.

Хотя, как сказал Нур, цветом кожи вообще гордиться глупо, что белым, что черным. Можно гордиться лишь тем, что ты человек, да и то желательно не слишком задирая нос.

— Конечно,— отвечал ему Терпин,— но прежде нужно пройти определенные стадии, и гордость своей чернокожестью — одна из них.

— Хорошо сказано,— отозвался Нур.— Только не стоит застревать на этой стадии. Нужно взбираться на следующую ступень.

Они снова спустились в вестибюль, как называл его Терпин. Задолго до входа в зал их обдало волной громкой музыки, болтовни, раскатистого смеха, а потом цунами из алкогольных паров и табачного и наркотического дыма накрыло их с головой. Здесь было все население мира, включая и тех, кто пребывал в бессознательном состоянии. Их внесли в зал андроиды и уложили вдоль стеночки.

— Тусуйтесь, ребята! — крикнул Терпин, махнув гостям и показывая на толпу.

Представлять вновь прибывших не было надобности, поскольку Терпин показывал их лица и имена на экранах. Гости тем не менее колебались. Было непросто вот так подойти к незнакомым людям и вступить в разговор. Доуисты, шокированные и возмущенные происходящим, явно сожалели о том, что вообще сюда пришли. Терпин, заметив это, поманил к себе группку, стоявшую возле стойки бара. Люди пробрались через столпотворение и завязали с гостями беседу. Хозяин выбрал их специально, чтобы сломать лед, и сделал правильный выбор. По крайней мере, так казалось сначала. Среди них были шансеры и новые христиане, которые подошли к доуистам. Хотя основополагающие принципы их верований были различны, все три религии теоретически провозглашали себя терпимыми и мирно настроенными по

отношению к инаковерующим. К тому же у них были и общие точки соприкосновения — неприязнь к злоупотреблению спиртным и полное неприятие табака и наркотиков.

Человек, который составил компанию Бёртону, был шести футов и трех дюймов ростом, широкоплечий, с мощной грудной клеткой и массивными конечностями. На нем были белая замшевая головная повязка, белый лайковый жилет, белый замшевый пояс с большой серебряной пряжкой, украшенной рельефной волчьей головой, обтягивающие белые замшевые брюки и белые замшевые сапоги до колен. Широкое скуластое лицо и длинный орлиный нос делали его похожим на индейца, но вывернутые губы и курчавая шевелюра выдавали негритянскую кровь. Когда он улыбался, то становился даже по-своему привлекательным.

Он представился Бёртону, пожав ему руку и возвестив глубоким басом, что он, Билл Уильямс, рад познакомиться с капитаном сэром Ричардом Фрэнсисом Бёртоном. Последнему, впрочем, показалось, что негр произнес его титулы не без издевки.

— Том Терпин не назначал меня вашим верным индейцем, проводником и телохранителем,— продолжал с усмешкой Уильямс.— Я вызвался добровольцем.

— О? — Бёртон удивленно вздернул брови.— Могу я спросить почему?

— Можете. Я читал про вас; вы меня заинтриговали. А кроме того, Терпин много рассказывал мне о том, как вы привели его и других через горы в эту башню.

— Я польщен,— отозвался Бёртон.— Но небольшой зуб я на вас все-таки имею. Почему вы хотели задавить меня своим мотоциклом?

— Если бы я хотел, то давно задавил бы! — рассмеялся Уильямс.

— А ругались зачем?

— Просто так. Летуны действуют мне на нервы. А потом, мне хотелось испытать вашу выдержку. Я ничего не имел лично против вас.

— Вы так любите задирать белых?

— Иногда. И если по справедливости, вы не станете меня за это упрекать.

— Разве шестьдесят семь лет, проведенные в долине, ничуть не изменили вашего отношения?

— Совсем от него избавиться невозможно. Хотя я больше не впадаю в горячку. Это как тупая зубная боль, к которой я давно привык,— сказал Уильямс.— Хотите выпить?

— Белого вина. Любого сорта.

Бёртон решил сохранить трезвую голову.

— Давайте поднимемся в какую-нибудь комнату наверху. Там будет спокойнее, и нам не придется орать, чтобы услышать друг друга.

— Отличная мысль,— согласился Бёртон, гадая про себя, что у негра на уме.

Они ввалились в лифт вместе со смеющейся, галдящей, дурачащейся толпой. По пути наверх то и дело раздавались громкие визги, когда соседи по лифту распускали руки и щупали соседок. Не успели они доехать до второго этажа, как кто-то испортил воздух, и вся толпа разразилась веселыми негодующими криками. Тем не менее, когда открылась дверь, виновного вышвырнули на пол головой вперед.

— Народ веселится от души,— пробормотал Уильямс.— Но это ненадолго. Вы вооружены?

Бёртон похлопал по карману пиджака:

— Лучемет.

Комнаты, мимо которых они шли, были битком набиты людьми. В одной дюжина мужчин и женщин смотрели фильм на стенном экране. Бёртон из любопытства остановился и глянул на стену. Этот фильм Фрайгейт настойчиво рекомендовал ему посмотреть — о том, как американские комики Лорел и Харди продавали в июле рождественские елочки в Лос-Анджелесе. Публика покатывалась со смеху.

— Это новые христиане,— пояснил Уильямс.— Мирный и безобидный народ. Такие вежливые, что не могли отказаться от приглашения Терпина. Но они не смешиваются со здешней толпой.

За углом, дальше по коридору, они нашли пустую комнату. По пути Бёртон любовался репродукциями картин. Рембрандт, Рубенс, Давидова «Смерть Марата», много русских художников — Кипренский, Суриков, Иванов, Репин, Левитан и другие.

— Почему такое обилие славян? — спросил Бёртон.

— Есть причина.

Они взяли из конвертера выпивку. Бёртон сел и закурил сигару.

— Я не американец, как вы знаете,— помолчав, промолвил Уильямс.

— Терпин сказал мне, что вы русский,— отозвался Бёртон, выпуская дым.— Сам бы я в жизни не догадался.

— Я родился в черном гетто города Киева. Тогда меня звали Родион Иванович Казна.

— Занятно,— сказал Бёртон.— Я и не знал, что в России были негры... Ах нет, беру свои слова обратно. У русских действительно были чернокожие рабы. Пушкин был потомком одного из них.

— Очень мало кто об этом знает, поскольку российские правители тщательно скрывали сей факт, но в разных городах России в гетто жило около двенадцати миллионов черных. Они были потомками рабов. Русские обыватели так же хотели с ними смешиваться, как американские белые — со своими неграми, и правительство, правда негласно, одобряло и даже насаждало такую мораль. Несмотря на это, межрасовые сношения все-таки происходили. Чистоту крови не сохранишь в неприкосновенности, как ни старайся. Восставший член не знает предрассудков. Один из моих прадедов был белый русский, а дед так и вовсе узбек. Азиат, он даже говорил на каком-то тюркском языке, так и не выучил русский.

Зато меня как следует выучили марксизму. Я стал верным сторонником принципов Маркса — в том виде, как он их изложил, но не в том, какой они приняли на практике в России. Я вступил в партию, однако очень скоро понял, что достичь в ней командных вершин мне не светит. Мой удел — сидеть внизу, оставаясь вечным стрелочником.

Я бы попробовал пойти в армию, но черных всех поголовно загоняли в Сибирь охранять границу с Китаем. Политбюро не желало оставлять нас на западе. Мы привлекли бы к себе внимание, и тогда сразу стало бы известно, как нас притесняют. А Советам это было ни к чему, тем более что они вечно тыкали Америку носом в расовую дискриминацию. Поэтому нас старались убрать с глаз долой.

В школе я учился отлично, хотя качество обучения там было похуже, чем в школах для белых. Конечно, меня подогревали честолюбивые устремления, но не только. Я хотел учиться, хотел все знать. Читал гораздо больше, чем задавали, и особенно

преуспевал в языках. Это одна из черт, которая меня в вас и привлекла. То, что вы знаете так много языков.

Начальство прослышало обо мне в основном потому, что они искали агитаторов, которых можно было бы внедрить в Штатах. Меня попросили предложить свои услуги добровольно, и я согласился. Без особого энтузиазма, разумеется. Я не хотел наводить их на подозрение, будто я соглашаюсь лишь для того, чтобы потом исчезнуть в Гарлеме. Вообще говоря, у меня не было намерения предавать их. Я знал, кто они такие и как ко мне относятся, но я был русским марксистом и презирал капитализм.

Хотя в ту пору я уже не верил в осуществление Марксовой мечты об отмирании государства после того, как пролетариат возьмет власть во всем мире. Это казалось мне утопией. Мне легче было поверить во второе пришествие Христа; оно, по крайней мере, было возможно, хотя и маловероятно. Но стоит правящему классу забрать в свои руки власть, и он нипочем ее не выпустит. По крайней мере до тех пор, пока революционеры не вырвут ее силой, а затем новые верхи ухватятся за бразды правления крепче прежних. Естественное отмирание государства, упразднение законов, полицейского насилия и бюрократического аппарата, самоуправление личностей на основе любви, добросердечия и самоотречения — все это чушь собачья. Никто в нее по-настоящему не верил, хотя партийцы делали вид.

С другой стороны, никто особенно и не старался воплотить эту догму в жизнь. А на энтузиастов смотрели как на дураков или контрреволюционеров.

Уильямс, ускользнув с польского сухогруза, затерялся в дебрях Гарлема. Там он занялся своей ПиА (пропагандой и агитацией) среди множества черных и белых либерально настроенных групп. Но три недели спустя подхватил гонорею.

— Это было мое первое, но отнюдь не последнее венерическое заболевание. Судьба ополчилась против меня. Только я вылечился от этой постыдной болезни, как тут же заразился ею снова. Я попал в Соединенные Штаты Гонококкии и никак не мог оттуда выбраться. Выздоровев вторично, я решил воздерживаться от секса. Ничего не вышло. Я был слишком озабочен. Трижды снаряд в одну и ту же воронку не падает, сказал я себе. По статистике я никак не мог заразиться еще раз. Но заразился.

Кагэбэшный связник прознал о его болезни, доложил по начальству и передал Уильямсу депешу. «Ваши социальные болез-

ни,— говорилось в ней,— угрожают вашей безопасности и мешают эффективно работать. Держитесь подальше от женщин и грязных общественных уборных!»

После чего при встрече с Уильямсом связник всякий раз осведомлялся, нет ли у него гонореи. Уильямс, который начал избегать женщин и заработал тем самым репутацию гомосексуалиста, честно докладывал, что триппера нет. К счастью, связник не спрашивал его о сифилисе. Уильямс в ту пору как раз подвергся жестокому нападению бледной спирохеты.

— Клянусь, я понятия не имею, откуда ее подцепил. Я был целомудрен, как Робинзон Крузо до встречи с Пятницей. Я не знаю. Некоторые люди просто подвержены несчастным случаям. Может, я как раз один из тех редких бедолаг, проклятых судьбой или диалектическим материализмом, которые подхватывают бактерии на ветру и через замочную скважину? Может, я склонен к венерическим заболеваниям? Этакий одинокий сексуальный бродяга, вечно натыкающийся на бандитов — Иессеев и Иаковов из мира микробов? Но одно я знаю точно: особого толка от моего шпионажа, подрывной деятельности и пропаганды не было. Слишком много времени я проводил в кабинетах врачей.

Узнав, что сотрудники ФБР, а может, и ЦРУ расспрашивали о нем врачей, Уильямс доложил об этом связнику. Через час ему велели уехать в Лос-Анджелес и внедриться в организацию чернокожих мусульман. Связник дал Уильямсу автобусный билет, объявив, что КГБ не может себе позволить оплачивать воздушные полеты.

По дороге на запад Уильямс подцепил гонорею на заднем сиденье автобуса.

— Да, Бёртон, вам смешно! Теперь я и сам могу над этим посмеяться. Но тогда, поверьте, мне было не до смеха.

Рассказ Уильямса, с лирическими отступлениями и длинными вставками, длился уже целый час. Бёртону было интересно, хотя он и понимал, что уединяться слишком надолго не совсем учтиво.

Биллу Уильямсу удалось-таки стать членом организации черных мусульман. Но когда его товарищи узнали, что у него гонорея, которой он заразился уже в Лос-Анджелесе, вылечив подхваченную в автобусе, они вышвырнули его вон. А затем, прослышав о том, что он шпион — правда, ошибочно приняв его за агента ФБР,— пустили по его следу убийцу.

Начиная с этого момента Бёртону стало трудно следить за рассказом. Нужно было вычертить схему, чтобы удержать в памяти все побеги, перестрелки и передряги, которые пришлось пережить несчастному Уильямсу. Он удрал в Чикаго, оттуда — в Сан-Франциско, где его избили и изнасиловали в баре для геев. Пораженный гонореей с носа и кормы, как он выразился, Уильямс бежал в какой-то городок штата Орегон, предварительно ограбив кагэбэшного связника, отказавшегося его финансировать.

В дверях появилась Звездная Ложка.

— Я тебя обыскалась,— тихо заметила она.

— Входи! — пригласил ее Бёртон.— Ты же знакома с Биллом Уильямсом, верно?

— Очень приятно увидеть вас снова, мистер Уильямс,— с поклоном произнесла китаянка.— Дик, вы, как я вижу, увлеклись беседой. Извини, что помешала вам. Я вернусь на вечеринку, если ты не против.

Бёртон спросил ее, где она будет, и Звездная Ложка сказала, что Терпин принимает избранных гостей в своих апартаментах. Он попросил ее разыскать Бёртона и пригласить его туда.

— Я приду чуть позже,— сказал Бёртон.

Китаянка поклонилась еще раз, попрощалась с Уильямсом и ушла.

— Какая красивая женщина! — вздохнул Уильямс.

— Да, она знает, как сделать мужчину счастливым.

— А вы знаете, как сделать счастливой ее?

— Само собой! — воскликнул Бёртон.

— Только не горячитесь, я не хотел вас обидеть. По-моему, она из тех натур, что глубоко чувствуют, хотя и сдержанны внешне. Я неплохо определяю характеры людей с первого взгляда. Пришлось научиться, чтобы выжить.

— У нее была очень трудная жизнь,— сказал Бёртон.— Просто чудо, как ей удалось не сойти с ума.

— Таким образом вы пытаетесь тонко намекнуть, что не мне одному пришлось страдать?

— Вы слишком подозрительны, друг мой.

Продолжение рассказа заняло еще полчаса. Уильямс женился на глубоко религиозной чернокожей женщине, которая, к несчастью, не смогла отказать своему пылкому духовнику. Результат: у Билла снова триппер. Подавив в себе желание убить жену, он решил заняться охотой, таким образом сублимируя свои кро-

вожадные устремления в убийстве птичек и зайчиков. Во время охоты его смертельно ранили выстрелом из-за кустов. Умирая, он все гадал, кто же его подстрелил: агент КГБ, ЦРУ, организации черных мусульман, албанцев или же Армии Спасения? Сама АС за ним не охотилась, но одна солдатка из ее рядов вполне могла его прихлопнуть. В бытность свою в Лос-Анджелесе Уильямс сделал вид, что обратился в христианство под воздействием проповеди майора Барбаро. Затем он вступил в ряды Армии Спасения, где влюбился в капрала Рейчел Годжин, и не без взаимности. В то время он считал, что вылечился от всех венерических болезней, но после того, как они с Рейчел предались нежной страсти, обнаружил, что Немезида снова нанесла ему удар. Больше того — он заразил и свою возлюбленную.

Уильямс пообещал жениться на ней, однако кольцо врагов сжималось, и он бежал, спасая собственную шкуру. Капрал Годжин, похоже, немного повредилась в уме из-за его внезапного исчезновения, а также из-за слишком бурной реакции на благоприобретенную болезнь, к которой Уильямс уже попривык. Будучи в Портленде, он слыхал, что женщина, похожая на Рейчел, расспрашивает о нем с пушкой в руках.

— В общем, все жаждали моей крови, кроме разве «Гудвилл индастриз», да и то я в этом не уверен.

— Какой же урок вы извлекли из своего... э-э... кандидовского опыта?

— Вы говорите в точности как Нур.

— А вы с ним разговаривали?

— Конечно,— ответил Уильямс.— Я тут всех знаю. И очень хорошо.

— Но какой же все-таки урок? — переспросил Бёртон.

— Я понял, что всю жизнь был игрушкой в чужих руках и больше ею быть не желаю. В долине я сделал все, чтобы этого не допустить. Если ситуация складывалась так, что меня швыряли наземь, я старался как можно быстрее усесться на своего обидчика верхом. Мне надоело быть пешкой, которой вечно жертвуют. Поэтому...

— ...здесь вас в жертву никто не принесет. Я правильно понял? — сказал Бёртон, вставая.

— Пусть только попробуют!

Уильямс расплылся в улыбке, веселой и злой одновременно.

— Посидите еще минутку, пожалуйста. Скоро я вас отпущу. Я хотел спросить: за последние пару недель вас ничто не удивило? Не приключилось ли с вами нечто совершенно неожиданное и непонятное?

— Не припоминаю,— нахмурясь, медленно ответил Бёртон. Тут лоб его разгладился.— Разве что... Да, я был крайне удивлен... но вы к этому не можете иметь никакого отношения. Я до сих пор не могу понять, кто воскресил Нетли, Галла, Крук, Страйд и Келли.

— Вы имеете в виду людей, причастных к делу Джека Потрошителя?

— Откуда вы знаете? — Бёртон старался не выдать своего удивления.

— Просто я наблюдал за тем, как вы просматривали их файлы.

Бёртон вскочил с кресла с перекошенным и красным лицом.

— Черт побери, так вы за мной шпионили! Какое право вы имели...

— Потише, приятель! — прервал его Уильямс, тоже вставая с кресла и по-прежнему улыбаясь, хотя и сузив глаза.— Вам, значит, можно шпионить, а за вами нельзя? Не кидайтесь камнями в стеклянном домике, друг мой.

Бёртон на мгновение онемел.

— Знаете, тут большая разница,— выдавил он наконец.— Я наблюдал за умершими. А вы шпионите за живыми, за своими соседями!

— А вы разве не подглядывали за живыми из питающих камней в долине?

— Как вы смеете лезть своими грязными лапами в мою личную жизнь!

— Грязь к грязи не пристанет,— отозвался Уильямс. На лице его все еще сияла улыбка, но тело все подобралось, готовое отбить атаку.

— Ладно,— сказал Бёртон.— Но вы до сих пор не объяснили мне, зачем вам понадобилось воскрешать этих патологических убийц.

— Бывших убийц. А что касается причины... Видите ли, я коллекционирую и изучаю типы религиозного сознания. Меня это заинтересовало еще на Земле, где я частенько сталкивался с разными верованиями. Марксисты... они религиозны, хотя и отрицают это, черные мусульмане, Армия Спасения, буддисты, юж-

ные методисты — кого я только не видал! Я тоже человек верующий, хотя и по-своему. Именно я вызвал к жизни новых христиан, нихиренитов и шансеров, которые живут в Терпинвиле, а также доуиста Галла. Потом уж он сам принялся воскрешать своих единоверцев. Кстати, я не собираюсь на этом останавливаться.

Бёртон не знал, верить ему или нет, а потому просто фыркнул и зашагал из комнаты.

— Не злитесь так, сэр Ричард! — крикнул ему вдогонку Уильямс и оглушительно расхохотался.

Глава 27

По пути к лифту Бёртон обернулся и увидел, как Уильямс спускается по ступеням, очевидно собираясь присоединиться к толпе гуляк в вестибюле. Негр поднял голову и помахал Бёртону рукой сквозь решетку перил, улыбаясь с довольным видом. Был ли рассказ Уильямса правдой, или он все нафантазировал? В мире Реки у людей не осталось причин для лжи. Они находились вне общественных институтов, которые принуждали людей — или, по крайней мере, казалось, что принуждали,— создавать себе защитные оболочки и публичные имиджи. Но большинство, казалось, не замечало того, что такая необходимость отпала, или просто не могло расстаться со старыми ненужными привычками.

Что же до лестницы, то это хорошая идея, решил Бёртон. Нужно немного размяться. Он завернул за угол, миновал двери лифта и зашагал по длинному коридору к лестнице. Музыка и голоса, смутно доносившиеся до него раньше, умолкли совсем. Тишину нарушал лишь звук его шагов. Но когда он прошел мимо комнаты, находившейся рядом с лестничной клеткой, ему почудилось, что где-то раздался вскрик. Бёртон остановился. Крик был негромкий, еле слышный, так что вполне вероятно, что ему просто померещилось. Но нет! Крик повторился еще раз — и, похоже, он доносился из-за двери.

Стены в комнатах были звукоизолирующими, но не стопроцентно, как стены башни. Бёртон приник ухом к резной дубовой двери. Криков больше не было; теперь в комнате раздавался мужской голос. Слов Бёртону разобрать не удалось, однако тон говорившего был злобным и угрожающим.

Бёртон попробовал покрутить дверную ручку. Она повернулась, но дверь не открылась. Бёртон заколебался. Судя по всему, там внутри двое, и, возможно, они не хотят, чтобы им мешали. Если его выставят за то, что он вмешался в ссору двух любовников, выйдет настоящий конфуз. С другой стороны, сконфузить его не так-то просто, а если там, не дай бог, совершается преступление, то его необходимо предотвратить.

Бёртон с силой стукнул кулаком три раза в деревянную дверь, потом дважды пнул ногой. Женщина начала кричать, но крик тотчас же оборвался.

— Откройте! — заорал Бёртон и снова ударил в дверь.

Мужской голос прокричал что-то вроде: «Убирайся к чертовой матери!» По крайней мере, так Бёртону послышалось.

Он вытащил из кармана лучемет и вырезал дырку вокруг замка. Пихнув замок вместе с дверной ручкой внутрь, Бёртон сразу прижался к стенке. И, как выяснилось, правильно сделал. Прогремело три выстрела, три пули расщепили толстое дерево. Стреляли — Бёртон предположил, что стрелял мужчина,— из тяжелого ручного оружия, скорее всего из автоматического пистолета сорок пятого калибра.

— Бросай оружие и выходи! Руки за голову! У меня лучемет! — крикнул Бёртон.

Мужчина разразился ругательствами и заявил, что убьет любого, кто попробует войти.

— Сопротивление бессмысленно! Ты в ловушке! — сказал Бёртон.— Выходи, руки за голову!

— Можешь...

Голос мужчины внезапно оборвался, заглушенный звуком удара.

— Я вырубила его, Дик! — раздался дрожащий голосок Звездной Ложки.

Бёртон толкнул дверь и прыгнул в комнату, держа лучемет наготове. На толстом восточном ковре ничком лежал голый чернокожий человек. На затылке у него запеклась кровь. Рядом валялась золотая статуэтка, запачканная кровью.

Бёртон выругался. Звездная Ложка стояла совсем обнаженная, с синяками на лице и руках. Один глаз начал заплывать. По полу была разбросана разорванная в клочья одежда. Рыдая и всхлипывая, китаянка подбежала к Бёртону, и он прижал к себе ее вздрагивающее тело. Но, увидав, как мужчина пытается подняться

с пола, Бёртон отпустил Звездную Ложку. Подобрал автоматический пистолет, взялся за дуло и шарахнул мужчину по затылку. Тот беззвучно свалился обратно.

— Что стряслось? — спросил Бёртон.

Она не могла вымолвить ни слова. Бёртон подвел ее к столу и налил стакан вина. Она выпила, расплескав половину жидкости на подбородок и шею. Не переставая плакать, китаянка полузадушенным голосом рассказала, что случилось, хотя Бёртон уже почти все угадал. Она шла к лестничной клетке, как вдруг из комнаты вышел мужчина и загородил ей дорогу. Улыбаясь, он спросил, как ее зовут. Она ответила и попыталась пройти мимо, но он схватил ее за руку и заявил, что хочет поразвлечься. У него никогда еще не было китайской женщины, и он уверен, что она просто душка, и так далее.

Несмотря на ее сопротивление, мужчина затащил Звездную Ложку в комнату. От его поцелуя, разящего виски, ее чуть не стошнило. Она попыталась закричать, и тут он зажал ей ладонью рот, пихнул ее так резко, что она упала на пол, потом запер дверь на замок и сорвал со своей жертвы одежду.

К тому времени, когда Бёртон услышал ее крик, Звездную Ложку изнасиловали уже три раза.

Бёртон связал насильника, взял из конвертера успокоительное и протянул несчастной женщине стакан воды. Потом завел ее в ванную комнату и принялся поливать водой из душа, пока она отмывалась, все еще дрожа и плача.

Вытерев Звездную Ложку, Бёртон заказал в конвертере одежду, помог ей одеться и уложил на диван. После чего сел за пульт компьютера и вызвал Терпина.

— Вот сукин сын! Ну я ему покажу! — хмуро заявил Терпин, выслушав рассказ. Он посмотрел на человека, распростертого на полу, и добавил: — Это Крокет Данауэй. Вечно от него одни неприятности. Я давно наблюдаю за ним. Подождите, я сейчас приду.

Вскоре Том Терпин в сопровождении нескольких гостей вошел в комнату. Алиса, Софи и Афра сразу же взяли шефство над Звездной Ложкой и увели ее в соседнюю комнату. Терпин вытащил шприц, полный адреналина, и вколол Данауэю в задницу. Через минуту тот застонал и встал на четвереньки. Увидав незваных гостей, он вытаращил глаза и прохрипел:

— Что вы тут делаете?

Терпин не ответил. Данауэй встал, доплелся до кресла, плюхнулся в него, нагнулся и уронил голову в ладони:

— Башка раскалывается — ну просто подохну сейчас!

— Подохнешь, только не от головной боли,— резко заявил Терпин.

Данауэй поднял голову. Налитые кровью, чуть раскосые глаза его вперились в Терпина.

— О чем ты говоришь? Эта сучка повесилась мне на шею, а когда я ее ублажил, разоралась и начала звать на помощь. Я тут вообще ни при чем, это все она, косоглазая шлюха. Видно, заслышала, что ее мужик приближается, и решила устроить спектакль.

— Она не могла меня услышать,— отозвался Бёртон.— Я шел себе по коридору и, если бы не услышал ее крик, так и прошел бы мимо. Это ты во всем виноват, приятель.

— Господом Богом клянусь, ничего я не делал! Она сама попросила меня, чтобы я ее развлек.

— Что толку спорить? — сказал Терпин.— Сейчас мы проглядим твою память и узнаем правду.

Данауэй зарычал и спрыгнул с кресла. Но до двери не добежал — ноги под ним подкосились, и он рухнул на пол.

— Ага! — воскликнул Терпин.— Так я и думал. Данауэй, здесь у нас насильникам не место. Ты, голубчик, здорово влип!

Данауэй поднял голову, пуская слюни изо рта:

— Нет! Господом Богом клянусь...

Терпин велел двоим своим телохранителям усадить его в кресло за пультом компьютера.

— Через пару минут нам все станет ясно!

Данауэй попытался было воспротивиться, но, получив две плюхи, обессиленно сник. Его усадили в кресло, и телохранитель велел компьютеру показать на экране воспоминания Данауэя за последний час. Пока демонстрировалось неопровержимое доказательство его вины, насильник трясся и мычал что-то нечленораздельное.

— Я не просто убью тебя,— сказал Терпин.— Я сотру твою телесную матрицу. Ты никогда больше не сделаешь такого ни с одной женщиной. Тебе конец, Данауэй!

Луч, выпущенный из лучемета Терпина, оборвал истошные вопли насильника. Данауэй упал на пульт головой, на которой виднелись две аккуратные дырочки.

— Киньте его в конвертер и кремируйте,— велел Терпин своим телохранителям.

— Ты действительно собираешься стереть его матрицу? — спросил Нур.

— Почему бы и нет? Он никогда не изменится.

— Ты не бог.

Терпин нахмурился было, но тут же рассмеялся:

— Ну и хитрый же ты, Нур! Ты совершенно заморочил мне голову своими религиозно-философскими рассуждениями. О'кей. Значит, не стирать? А он, вернувшись в долину, начнет насиловать и избивать других женщин. Ты согласен взять это на свою совесть?

— Этики в мудрости своей устроили так, чтобы все злодеи, даже самые отъявленные, жили до конца проекта. Без исключений. Я верю этикам. Они наверняка знали, что делали.

— Да? — откликнулся Терпин.— Если они такие умные, то почему не раскусили Логу? Почему не приняли мер предосторожности против него и ему подобных? Он порушил все их расписание и программу.

— Я, например, не уверен, что они не приняли мер предосторожности против подобных Логе личностей,— спокойно сказал Нур.

— Может, объяснишь? — не понял Терпин.

— Пока что у меня нет объяснений.

Том Терпин задумчиво закурил громадную сигару.

— О'кей,— сказал он наконец.— Будь по-твоему. Поскольку сейчас людей в долину не отправляют, Данауэй никому не причинит там зла. Но когда... если... компьютер начнет снова перемещать людей сюда, пускай даже не думает трогать Данауэя с места без моего согласия. Которого я, возможно, не дам. Я просто не знаю, какое у меня в то время будет настроение.

— Да таких данауэев, которые, словно гиены, только и жаждут вырваться на свободу, миллионы! — сказал Бёртон.— Какой смысл судить и казнить одного?

— Потому что он изнасиловал твою женщину! — ответил Терпин.

— Но она не моя собственность, я и не хочу говорить за нее,— заметил Бёртон.— Почему бы... Поскольку она пострадавшая, почему бы нам не предоставить решение ей самой?

Алиса, выйдя из спальни, услышала его слова.

— Ну Дик! — воскликнула она.— Так значит, она не твоя собственность и может сама говорить за себя? Подумать только, от кого я это слышу! Ты здорово изменился.

— Надеюсь.

— Жаль, что ты не сделал этого раньше, до того как мы расстались,— сказала Алиса.— Знаешь, мне даже как-то обидно. Ты живешь с этой китаянкой без году неделю, и она уже вызвала в тебе такие перемены.

— Она тут ни при чем.

— А кто при чем? Господь Бог? Дик, ты просто невозможен.

— Как она? — спросил Нур.

— Неплохо — насколько можно после... такого. Мы с Афрой и Софи присмотрим за ней несколько дней. Если, конечно, Дик не против.

— Конечно, я не против,— сказал Бёртон не без внутреннего сопротивления.— Это очень благородно... самоотверженно... с вашей стороны.

После снотворного, рекомендованного компьютером, Звездная Ложка уснула. Бёртон с Фрайгейтом вынесли ее на носилках через боковую дверь и положили на заднее сиденье огромного «доблера» с паровым двигателем. Терпин повел машину по серпантину вниз, к выходу. Там Бёртон перенес китаянку в кресло, положил себе на колени, быстро проделал короткий путь до входа в свой мир, потом более длинный — до замка Арабских Ночей, возвышавшегося в центре. Остальные следовали за ним. Алиса и Софи, раздев спящую и уложив в кровать, вышли из ее комнаты.

— Когда проснется, она будет вполне здорова,— сказала Софи.— Физически, я имею в виду. Но умственно и эмоционально...

Женщины договорились, что будут по очереди ухаживать за Звездной Ложкой. А Бёртона позовут, как только она проснется. Он протестовал, уверяя, что в этом нет необходимости. Он будет сидеть возле ее кровати до пробуждения, а потом сам за ней присмотрит.

— Позвольте нам тоже принять в ней участие,— сказала Софи.

Бёртон сдался и сказал, что они будут заботиться о несчастной вместе; он понимал причину их настойчивости. Женщины глубоко сочувствовали Звездной Ложке, потому что сами не раз подвергались насилию. Им искренне хотелось помочь ей; это не-

преодолимое влечение, если можно так выразиться, было свойством их натуры.

— Прирожденные сиделки,— сказал Бёртон Фрайгейту.

— Везет же некоторым!

Американец вовсе не иронизировал. Он завидовал людям, которые с радостью служили своим ближним.

Звездная Ложка встала к завтраку. Хотя она выпила только немного чаю и поклевала кусочек тоста, китаянка чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы принять участие в застольной беседе. Она, казалось, радовалась обществу трех женщин, которым несколько раз даже удалось ее рассмешить. Но Бёртона сторонилась и пресекала его попытки завязать разговор, отделываясь односложными фразами, кивками или покачиваниями головой.

Через пару дней три женщины распрощались и ушли. Звездная Ложка тут же прекратила подолгу отрешенно глядеть в пустоту и занялась усердной работой с компьютером.

— Она уходит от реальности,— пожаловался Бёртон Нуру и Фрайгейту.— Хотя нельзя сказать, что уходит в себя. Она по уши погрузилась в исследования. Когда я к ней обращаюсь, она прерывает работу — не знаю, что ее так увлекло, меня в это не посвящают,— и слушает, что я ей говорю. Но я часами, вернее днями, пытаюсь вернуть ее прежнее «я», и все впустую.

— Хотя ее насиловали уже не раз,— заметил Фрайгейт.

— Наверное, это потрясение оказалось последней каплей. Оно терзает ее, как незаживающая рана.

Бёртон не рассказал друзьям, что Звездная Ложка ненадолго оживилась лишь тогда, когда он спросил ее, как бы ей хотелось покарать Данауэя. Она ответила, что не хочет стирать его матрицу. Он, безусловно, заслуживает вечного забвения, но она не в силах принудить себя к такому решению. Конечно, Данауэя надо наказать — возможно, наказание послужит ему уроком, хотя Звездная Ложка сильно в этом сомневалась. В конце концов она заявила, что не хочет думать ни о каких карах и приговорах. Она желала бы просто забыть обо всем, но не могла.

Лицо ее снова стало пустым и отрешенным, и китаянка умолкла.

Нур поговорил с ней, но потом признался, что не сумел пробиться к ее душе и впустить туда хоть лучик света. Душа ее была омрачена. Он только надеялся, что не навеки.

— Она что, теперь всегда будет такой? — осведомился Бёртон.

Нур пожал плечами:

— Этого никто не знает. Кроме, возможно, самой Звездной Ложки.

Бёртон был разочарован, а потому зол. Он не мог выплеснуть свою злость на китаянку, так что отыгрывался на Фрайгейте с Нуром. Понимая его состояние, они до поры до времени терпеливо сносили оскорбления. Но вскоре Нур сказал, что увидится с Бёртоном, когда тот придет в себя. Фрайгейт вроде как почитал своим долгом принять на себя львиную долю гнева Бёртона, то ли во имя старой дружбы, то ли потому, что какая-то часть его души наслаждалась словесными баталиями. Однако через час после ухода Нура Фрайгейт встал с кресла, швырнул недопитый стакан в стенку, заявил: «Я убираюсь отсюда» — и убрался.

Несколько минут спустя в комнату вошла Звездная Ложка. Посмотрела на пролитое виски, на задумчивое лицо Бёртона, а потом вдруг подошла к нему и поцеловала в губы.

— Мне гораздо лучше,— сказала она.— Я думаю, что сумею снова стать той веселой женщиной, какой ты хочешь меня видеть и какой я сама хочу быть. Отныне ты не должен тревожиться обо мне. Только вот...

— Я счастлив,— ответил он.— Но что-то тебя все-таки беспокоит?

— Я... Я еще не готова делить с тобой постель. Я и хотела бы, да не могу. Хотя я верю, Дик, что придет время, когда я сделаю это с огромным удовольствием. Ты просто наберись терпения. Время — лучший лекарь.

— Повторяю — я счастлив. Я могу подождать, хотя все это несколько неожиданно. Что вызвало такую метаморфозу?

— Не знаю. Просто так случилось.

— Забавно,— произнес Бёртон.— Возможно, когда-нибудь мы узнаем. А пока что поцелуй меня покрепче, если ты не против, ладно? Я обещаю не увлекаться.

— Ну конечно, я не против.

Жизнь Бёртона вернулась в обычную колею и стала почти такой же, какой была до изнасилования Звездной Ложки. Китаянка сделалась более разговорчивой, даже агрессивной, особенно во время вечеринок. То есть словесно агрессивной — она охотно вступала в споры и высказывала свою точку зрения. Но по-прежнему, как и во время депрессии, проводила много времени за компьютером. Бёртон не возражал. У него тоже были свои проекты.

Глава 28

Все люди, думал Нур, замечают, что в детстве время течет гораздо медленнее. В подростковом возрасте оно чуть ускоряет свой ход, в юности — переходит на медленный бег, который становится все быстрее и быстрее по мере взросления. Когда вам уже шестьдесят, время, которое казалось в молодости плавной, лениво текущей широкой рекой, становится вдруг узким и бурным потоком. К семидесяти оно мчится вперед как бешеное, пенясь у крутых порогов. К восьмидесяти — падает вниз стремительным горным водопадом, исчезая за кромкой жизни, уходящей у вас из-под ног в бездонную пропасть, куда время мчится так самозабвенно, точно хочет покончить с собой. И с вами тоже.

Если в девяносто лет вы обернетесь на собственное прошлое, детство покажется вам нескончаемо длинной, широкой дорогой, уходящей к невообразимо далекому горизонту. Но последние лет сорок... какими короткими были они, как они быстро промчались!

А потом вы умираете и воскресаете на берегу Реки, и тело ваше снова становится таким, каким было в двадцать пять лет, даже лучше, поскольку все ваши болячки благополучно исчезли. Казалось бы, теперь, когда вы молоды опять, время снова станет для вас медлительным потоком. А детство уже не должно вспоминаться столь далеким, как в последние годы земного существования.

Ан нет. Мозг, заключенный в молодом теле, состоит из молодых тканей, но содержит все старые воспоминания и переживания. Если на Земле вы умерли в возрасте восьмидесяти лет и прожили затем сорок лет в мире Реки, то время в ваши сто двадцать несется стремниной. Оно торопит вас, подталкивает и понукает. Давай, давай вперед, говорит оно. Некогда отдыхать. Времени нет. И мне, времени, тоже не до отдыха.

Тело Нура прожило уже сто шестьдесят один год. Поэтому, оглядываясь на свое детство, он видел его где-то в туманной дали. И чем старше он становился, тем длиннее казалось ему собственное детство. Если он доживет до тысячи лет, то детские годы растянутся в памяти лет этак на семьсот, молодость — на двести, зрелость — на пятьдесят девять, а остальное время сожмется в один-единственный год.

Друзья Нура тоже порой упоминали об этом феномене, хотя и не задумывались о нем. Насколько он знал, никто, кроме него, не углублялся в размышления о времени. А Нур был просто поражен, когда Бёртон как-то обмолвился, что они, дескать, поселились в башне пару месяцев назад. На самом деле прошло уже семь месяцев. Бёртон отложил возвращение в свой личный мир на несколько недель — а задержался на два месяца.

Не замечать стремительного бега времени им — и Нуру в том числе — помогало то, что они перестали смотреть в календари. Они могли, конечно, приказать компьютеру показывать каждое утро на стене дату и месяц, но здесь, где время значило не больше, чем в стране гомеровских лотофагов, друзья не стали отдавать такой приказ. Сообщение Терпина о том, что он собирается справлять Рождество, могло бы их потрясти, однако у них не было точки отсчета, чтобы заметить, как много времени уже прошло.

Именно это пренебрежение часами и датами, наплевательское отношение к бегу времени и объясняло то, что они до сих пор откладывали дело, которым собирались заняться сразу же, как только добрались до башни. А именно — воскрешением своих товарищей, погибших во время нелегкого пути: титантропа Джо Миллера, Логу, неандертальца Казза, Тома Микса, Умслопогааса, Джона Джонстона и многих других. Они заслужили право жить в башне, и восьмеро, которым удалось уцелеть, собирались восстановить справедливость. Время от времени они вспоминали об этом, правда нечасто. Но по каким-то причинам все тянули и откладывали.

Нур не мог оправдать себя тем, что и его, как всех остальных, закружил неудержимый водоворот времени. Он просто пренебрег этим крайне важным делом. Правда, он был более прочих занят всякими исследовательскими проектами, но компьютеру потребовалось бы полчаса, чтобы найти матрицы погибших — если таковые остались,— и еще несколько минут для подготовки к их воскрешению.

Интересно, если прожить миллион лет, будет ли тогда казаться, что детство длилось семьсот пятьдесят тысяч лет? И сожмутся ли последние двести пятьдесят в одно столетие? Способен ли мозг проделать такой фокус со своим восприятием?

Время, если смотреть объективно, всегда бежит с одной и той же скоростью. Машина, наблюдая за жизнью людей в долине Реки, считает, что каждый день их равен предыдущему, а стало быть, сегодня они могут сделать не меньше, чем вчера. Но в люд-

ском сознании не станет ли время бежать все быстрее? И не будут ли они успевать с каждым днем все меньше и меньше? Чисто физические действия, как то: вставание, завтрак, душ, зарядка и так далее — наверняка не претерпят никаких перемен. Но как будет с умственными и эмоциональными процессами? Не замедлятся ли они? И не замедлится ли тогда сам процесс изменения к лучшему, то есть главная цель, поставленная перед ними этиками? Если так, то этики должны были дать им больше ста лет для достижения морального и духовного совершенства, дающего право «продвижения».

Впрочем, была одна неоспоримая реальная причина, по которой людям отводилось не больше столетия. Энергию, необходимую для наполнения питающих камней, поддержания жизни в башне и воскрешения мертвых, получали из тепла, излучаемого расплавленным никелево-железным ядром планеты. Запасы энергии были огромны, но и потребление тоже. Этики могли подсчитать, что за сотню лет, отведенную для группы людей, родившихся с 100 000 года до Рождества Христова по 1983 год христианской эры, плюс за вторую сотню для тех, кто родился после 1983 года, энергетические ресурсы планеты истощатся окончательно. Термоэлектронные конвертеры поглощают столько тепла, что за два столетия остудят планетное ядро до критического уровня.

Этик Лога никогда не упоминал об энергетических ограничениях. Хотя наверняка знал о них и, возможно, именно поэтому так переживал и чувствовал себя виноватым. Нур, размышляя об этом, попросил компьютер представить ему расчет энергии, необходимой для двух проектов. Он догадывался, каким будет ответ. Все правильно: даже ядро этой планеты, чуть превышающее размерами земное ядро, потеряет свое ослепительно белое сияние и по прошествии двухсот лет станет красным и тусклым.

Родители и близкие родственники Логи по-прежнему жили в долине Реки. Каждый из них хоть раз был убит и ни один не стал «продвинувшимся». Лога вмешался в проект и избавился от этиков с их агентами для того, чтобы его семья могла жить дольше положенного срока и, как он надеялся, достичь того уровня, откуда начинается «продвижение».

Это, однако, не означало, что первый проект не будет закончен через сто лет. Лога мог спасти своих близких, удостоверившись, что их телесные матрицы не сотрут, а ватаны не выпустят в

свободный полет до скончания Вселенной или даже дольше. Он вполне мог закрыть первый проект по расписанию и запустить второй, с тем лишь небольшим отклонением, что его родственники продолжат жить в долине. Они станут частью второй группы и таким образом получат дополнительное столетие.

Но почему Лога не устроил так, чтобы компьютер попросту скрыл информацию об определенных лицах, которые должны были сгинуть, но были по-прежнему живы? Логе удавалось заставить компьютер мухлевать и в куда более заметных вещах.

Возможно, он, рисковавший по мелочам, не решился рискнуть самым важным — с его точки зрения, разумеется. Он хотел быть абсолютно уверен в удаче, хотя достижение такой уверенности требовало еще большего риска. Лога знал, что за год или два до завершения текущего проекта из мира Садов прилетит космический корабль, который привезет с собой команду этиков и записи телесных характеристик людей, предназначенных для второго проекта. Логе нужно было избавиться от новоприбывших, которые могли помешать его планам. Он распорядился, чтобы всех их схватили или убили, как только они выйдут из корабля в ангар.

К несчастью, кто-то добрался до Логи, убил его самого и стер его телесную матрицу.

Все улики указывали на то, что это сделала монголка — агентка, убитая Нуром. Но улик было слишком мало. Нур не мог понять, как женщине удалось проникнуть в башню, какую роль она здесь играла и, если на то пошло, не прячется ли она где-нибудь в башне по сей день.

Нур с друзьями собирались посвятить этой загадке столько времени, сколько потребуется, чтобы ее разгадать. Однако все, кроме него, похоже, отложили ее на потом, слишком увлеченные властью и удовольствиями, которые предоставляла им башня. Они, безусловно, не отказались от намерения решить загадку — они просто не имели понятия о том, сколько времени уже пролетело.

Нур не мог решить, стоит ли пенять друзьям на их забывчивость. Его собственные усилия прояснить вопрос с помощью компьютера не дали никакого результата. Почему им должно повезти больше?

С другой стороны, именно Алиса Харгривз придумала, как перехитрить компьютер, когда они попали в магический лаби-

ринт. Ни ему, Нуру, ни другим это в голову не пришло. Глядя на своих друзей, Нур понимал, что они не считают решение загадки таким уж неотложным делом. Для них вообще не осталось ничего неотложного, кроме наслаждения, которое доставляла им сокровищница компьютера. И они, так сказать, растягивали удовольствие.

Однако они ошибались, если думали, что Нур не замечает еще одной катастрофы, надвигающейся на всех парах. Ли По дал ей начальный толчок, когда бездумно принялся воскрешать людей, не помышляя о последствиях. Затем Терпин воскресил многих своих знакомцев по Земле и долине Реки. Те, в свою очередь, начали воскрешать всех, кого хотели видеть рядом с собой. И пошло-поехало. Терпинвиль был уже переполнен; Терпин пригрозил, что выгонит всех новоприбывших. Те и ухом не вели — ведь они в любой момент могли перебраться в какой-нибудь незанятый мир или свободные апартаменты. И там продолжать размножение.

Большинство из воскрешенных понятия не имели ни о каких компьютерах, даже о примитивных и ограниченных машинах земного производства. Здесь же их знакомили с машиной, которая превращала их в каком-то смысле в полубогов. Но люди есть люди, и многие из них начнут злоупотреблять своей властью по неведению или с умыслом. Уильямс, к примеру, воскресил участников убийств Потрошителя исключительно шутки ради, хотя и достаточно злобной шутки. Нур не видел в этом особого вреда, разве что Нетли мог стать неуправляемым. Остальные выглядели порядочными людьми. Галл, если воспользоваться забавной христианской терминологией, «родился свыше», а три женщины вообще никогда не были ни злы, ни властолюбивы. Хотя мужчины, которых они себе воскресили, могли оказаться кем угодно. Что же до жителей Терпинвиля, то они вообще почти не изменили своим земным привычкам. Город, населенный бывшими сутенерами, проститутками, продавцами наркотиков, грабителями и убийцами, представлял большую потенциальную опасность. Особенно если его обитатели имеют доступ к компьютеру.

Нур неоднократно, хотя и тщетно, пытался внушить своим друзьям, что компьютер — это джинн, выпущенный из бутылки, или ифрит, вырвавшийся из-под ига соломоновой печати. Или же, как выразился Фрайгейт, чудовищный Франкенштейн с неограниченной кредитной карточкой. Человек, прибегающий

к почти неограниченной мощи компьютера, мог неожиданно обнаружить, что кто-то другой использует эту мощь против него. Потенциал машины до сих пор оставался неизвестным. Чтобы безопасно пользоваться ею, надо было изучить все ее возможности, а это требовало кропотливой и долгой работы.

К примеру, Бёртон, наблюдая за действующими лицами дела Потрошителя, не учел, что сам подвергается наблюдению. Если бы он догадался вовремя, то мог бы предотвратить шпионаж. Теперь, когда он знал, что такое возможно, Бёртон приказал компьютеру сохранять в секрете все свои исследования. Но не исключено, что он опоздал. Пятеро людей, в том числе и Нетли, человек весьма ненадежный, были уже воскрешены. Более того, не исключено, что Уильямс, если ему хватило смекалки, велел компьютеру втихаря нарушить приказы Бёртона, касающиеся секретности.

В общем, любой, кто первым доберется до компьютера, мог обставить остальных.

Только тот, кто изучит список возможностей компьютера целиком, будет способен себя защитить. Себя и других. Если только еще не поздно. Кто-то мог уже ввести в машину команды, чтобы доступ к контрольным цепям был открыт лишь ему одному.

Нур собирался выучить наизусть весь перечень возможностей машины, а затем позаботиться о том, чтобы компьютер не допускал к управлению собой людей, которые могут употребить его способности во зло. Это, разумеется, даст самому Нуру большую власть над людьми, живущими в башне. Но он-то знал, что не станет пользоваться ею в неблаговидных целях.

Однако сейчас Нур собирался заняться другими делами. Часы, отведенные им на дневную работу, истекли. Пора было идти и поужинать с женщиной, которую он воскресил,— с его земной супругой, мало видевшей его на Земле, поскольку он вечно скитался в поисках знаний и истины. Нур многое ей задолжал и теперь хотел отдать долги.

Глава 29

Алиса устраивала Безумное Чаепитие первого апреля, в день смеха.

Это было также прощальное чаепитие, не для Алисы, которая никуда не собиралась, а для «декораций» и андроидов ее ми-

ра. Устав от мотивов Страны чудес и Зазеркалья, Алиса решила все переменить. Ее гости в последний раз посмотрят на диковинный антураж, а потом она даст команду компьютеру убрать его и заменить чем-нибудь другим. В данный момент, говорила она, у нее есть несколько проектов нового оформления. И возможно, гости во время чаепития подбросят ей еще какие-нибудь идеи.

Но сначала следовало составить список гостей, и это сразу вызвало затруднения. Алиса намеревалась пригласить только семерых друзей вместе с их спутницами. Но Ли По выразил желание привести всех своих «жен». Алиса ответила, что лучше бы он взял какую-то одну. Ту, например, чья очередь делить с ним постель выпадет на первое апреля. Ли По заявил, что остальные его жены, а также его друзья и их подруги будут обижены, если не получат приглашения. В конце концов, помещение у нее достаточно большое, чтобы он мог привести с собой маленькую компанию (человек около ста, по его подсчетам). Сорок мудрецов (вернее, теперь уже пятьдесят) и их очаровательные подруги будут вести себя прилично. Чуточку шумно, быть может, но ведь Алиса хочет, чтобы чаепитие прошло весело и оживленно, не так ли?

Алиса умела быть очень упрямой, однако она обожала Ли По, хотя и считала, что он слишком много пьет и развратничает. В компании он был незаменим, но, как видно, решительно настроился взять с собой друзей. В конце концов она сдалась, послав китайцам общее приглашение.

Фрайгейт сказал, что они с Софи придут с удовольствием. Но Софи — она такая общительная! — успела уже воскресить по десятку мужчин и женщин, с его разрешения, разумеется. Они были ее близкими друзьями, с которыми она общалась в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и — хочешь верь, хочешь нет, только не смейся, пожалуйста,— в Каламазоо, штат Мичиган.

Алиса озадаченно спросила, с чего он решил, что она будет смеяться.

— Каламазоо,— со вздохом ответил Фрайгейт,— как и некоторые другие американские города или городские районы, типа Пеории, Поданка и Бербанка, превратились в притчу во языцех, став предметом насмешек, подтрунивания и издевок. Точно так же, как город Готам в английском фольклоре позднего средневековья, немецкий Шильдбург, город Хелм в еврейских историях и Беотия древних греков. Вообще-то Каламазоо и другие американские города несколько отличаются от прочих, которые я упомянул. Разница в том...

Алиса вежливо выслушала, а потом заметила:

— Ты собирался спросить меня, приглашу ли я друзей Софи, но слегка отвлекся. Поскольку их всего двадцать, пускай приходят, я буду рада их видеть.

Фрайгейт поблагодарил ее, хотя и без особого удовольствия. Дело в том, что в отличие от общительной Софи он был не то чтобы отшельником, но, скажем, человеком не очень общительным. Разумеется, он радовался, что у них с Софи появилась какая-то компания. С другой стороны, постоянное присутствие посторонних начинало его тяготить. Мир для Фрайгейта никогда не мог быть слишком просторным.

Де Марбо и Бен тоже захотели привести с собой людей, которых недавно воскресили. Алиса согласилась, но, когда экран погас, горестно вздохнула. Вначале она планировала вечеринку человек на тридцать. Теперь их набралось уже сто три. Пока что.

С Бёртоном, слава богу, с точки зрения количества не было проблем. Они со Звездной Ложкой так еще никого и не воскресили.

— Да, кстати,— проговорила Алиса,— я приготовила небольшой сюрприз.

— Для всех или только для меня? — осведомился Бёртон.

— В общем, для всех, хотя ты, возможно, будешь удивлен больше других.

— Я хорошо изучил тебя, Алиса,— сказал он с улыбкой, делавшей его похожим на Мефистофеля.— У тебя все на лице написано. Ты только что пожалела о своих последних словах. Тебе неловко, что они у тебя вырвались. Так что это за сюрприз — новый мужчина?

— Иди к черту! — разозлилась Алиса и велела компьютеру прервать связь.

Она здорово изменилась в последнее время. Никогда и ни за что на Земле она не послала бы человека к черту, как бы ее ни разозлили. Даже своего мужа.

Походив взад-вперед, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, Алиса позвонила Нуру.

— Добрый день, Алиса! — сказал он.— Очень рад тебя видеть. Могу я перезвонить через минутку? Я разговариваю с Томом Тер-

пином. У него...— Нур помедлил, потом махнул рукой: — В общем, это не важно.

— Извини, что помешала,— произнесла Алиса.— Я просто хотела... Ладно, я перезвоню через полчаса.

Закусив губу, Алиса пыталась сообразить, приглашать ли ей Уильяма Галла с его доуистами. Он был, в конце концов, баронетом и придворным врачом королевы Виктории. Однако Алиса уже потеряла тот пиетет к титулам, что был присущ ей на Земле и поначалу в долине Реки, поэтому высокие связи доктора ее не волновали. К тому же он был убийца-расчленитель. Но, с другой стороны, он раскаялся и стал священником Церкви доуистов. Алиса же, хотя и утратившая христианскую веру, по-прежнему старалась вести себя по-христиански и считала, что темное прошлое Галла ее не касается. Он был занимательным собеседником, по крайней мере пока не начинал обращать вас в свою веру. Тогда он становился скучнейшим занудой. Но Алиса решила взять с доуистов слово, что они не будут читать проповедей на ее вечеринке.

В конце концов она позвонила Галлу. Тот был настолько благодарен, что Алиса даже растрогалась.

— Я собираюсь пригласить также Анну Крук, Элизабет Страйд и Мэри Келли,— сказала она.— Надеюсь, это не будет вам неприятно.

— Нет, конечно! — откликнулся Галл.— Это ваш праздник, к тому же мы с миссис Страйд вполне поладили, если не считать некоторых разногласий по вопросам теологии. Миссис Крук и миссис Келли держатся со мной холодно, что более чем понятно, однако я надеюсь со временем их смягчить. Уверяю вас, что буду вести себя достойно и ни в коем случае не испорчу вам вечер.

Потом Алиса позвонила трем женщинам, и они сказали, что жутко рады и обязательно придут. Можно им привести с собой кавалеров? Алиса, хотя и не жаждала их видеть, с улыбкой согласилась. Итак, число гостей выросло до ста пятидесяти одного, поскольку с Галлом придет его дама и еще тридцать два человека. Страйд и Крук приведут по одному поклоннику, а Келли, как всегда, явится под ручку с двумя.

Когда Алиса позвонила Нуру во второй раз, он уже освободился. Поблагодарил за приглашение и сказал, что он и Айша почтут за честь прийти на прием. У него только что состоялся серьезный разговор с Томом Терпином. Оба они были встревожены из-за тех двух женщин, что забеременели. Первая будет рожать через четыре месяца, вторая — на две недели позже.

— Том сто раз им говорил, что у младенцев не будет ватанов. Поскольку этики не планировали здесь деторождения, то, естественно, не оставили никаких устройств для создания ватанов. Я спрашивал у компьютера, есть ли у него схемы, по которым можно было бы построить генератор ватанов, но он ответил, что ничего подобного в его файлах нет. А это означает, как ты, наверное, помнишь, что дети, лишенные ватанов, будут лишены и самосознания. Внешне они будут вести себя нормально, совершенно как дети с ватанами. Но отсутствие самосознания превратит их в биологические машины — очень сложные, почти совершенные, и все-таки машины.

— Да, я знаю,— сказала Алиса.— Но что же делать?

— Если женщины согласны родить и вырастить нечто вроде андроидов, это, в конце концов, их личное дело. Но проблема в другом. Их пример может вдохновить остальных, которые тоже захотят детей, и вскоре башня окажется переполнена людьми, добрая половина из которых будет лишена души. И что тут начнется, когда перенаселение заставит их бороться за пространство? Войны. Страдания. Смерть. Думаю, ты сама это прекрасно понимаешь.

— Да, но...— начала Алиса.

— Терпин пригрозил, что вышвырнет их вон, если они не прервут беременности. Но им плевать. Они просто уйдут со своими мужьями в квартиры и будут жить там. В общем, эта маленькая неприятность скоро вырастет в очень большую. Кому-то... нам... придется принять чрезвычайные меры, чтобы предотвратить опасность и чтобы подобное не повторялось впредь.

— Ты имеешь в виду... убить младенцев?

— Мне не хочется даже думать об этом, меня это страшно удручает, но другого выхода нет. Младенцы-то на самом деле андроиды, и уничтожить их — все равно что вывести из строя робота. Конечно, андроиды выглядят совершенно как люди и до какой-то степени ведут себя как люди. Но они не обладают самосознанием; в них нет того, что делает homo sapiens человеком. Нельзя позволить этим младенцам вырасти — их нужно ликвидировать сразу, пока они ничего не понимают.

Алиса знала, что смерть их будет мгновенной и безболезненной. Младенцев поместят в конвертер и в течение микросекунды распылят до атомов. Но Алиса все равно пришла в ужас.

Добросердечный Нур, безусловно, и сам был в ужасе. Но он знал, что это необходимо, и, если Терпин не сумеет уничтожить новорожденных, Нуру придется сделать это собственноручно.

— Если бы у нас был генератор ватанов,— продолжал Нур,— я бы настоял — и, надеюсь, почти все бы со мной согласились,— чтобы для этих двоих детей сделали исключение. Мы бы создали им ватаны, приняв все меры для того, чтобы исключить рождение новых детей. Любую женщину, которая приказывает компьютеру избавить ее от бесплодия, следовало бы казнить и хранить ее телесную матрицу до того дня — если он вообще наступит,— когда компьютер снова начнет воскрешать в долине людей. Любого мужчину, который сознательно сделает женщину беременной, тоже нужно казнить. Хотя...

— Да?

— *О аллах!* Это вовсе не обязательно. Как же я не догадался? Достаточно просто запретить компьютеру выполнять те команды, которые могут привести к беременности. Почему мне это раньше в голову-то не пришло? А теперь...

— А что теперь? — спросила Алиса.

Нур махнул рукой, не желая отвечать на вопрос.

— Но тогда я не вижу причины убивать младенцев,— заявила Алиса.— Двое детей — не такая уж большая проблема.

Нур вздохнул с облегчением, хотя выглядел по-прежнему встревоженным. Возможно, потому, что так поздно додумался до столь очевидного решения.

— Кое-что нужно проверить немедленно,— сказал он, покачав головой.— А вдруг кто-нибудь уже отдал компьютеру приказание беспрекословно выполнять желания любого, кому захочется стать способным к зачатию? Из двух противоречащих друг другу приказов основным для компьютера будет тот, что отдан раньше. Единственные, кто мог изменить эту установку, были Лога и та женщина, которую я убил... если я действительно убил ее. Погоди минуточку. Я проверю.

Алиса могла его подслушать, но никогда не стала бы делать этого без разрешения. Через минуту экран напротив нее осветился вновь, и на нем показалось лицо Нура. По его сердитому выражению она сразу поняла, что случилось.

— Зря я надеялся. Кто-то успел меня опередить. Он — или она — сделал так, что теперь любой желающий сможет иметь детей. Компьютер не говорит, кто дал ему команду.

— Боже мой! — воскликнула Алиса. И, подумав, сказала: — Дик говорил мне про того черного парня, Билла Уильямса, который воскресил Галла и компанию. Может, это он?..

— Я не знаю. Возможно, мы не узнаем этого никогда. Не исключено, что приказ отдала Вандал Гудал или Сара Келпин, то есть одна из беременных женщин. Как бы там ни было...

С Нуром редко случалось такое, чтобы ему не хватало слов. Но сейчас он явно растерялся.

— Нужно сообщить Тому,— предложила Алиса.— Пускай принимает меры.

— Я сейчас же ему позвоню,— откликнулся Нур.

Алиса настроилась, что придется подождать минут десять—пятнадцать. Но экран на пульте осветился уже через шесть минут. И, к удивлению Алисы, на нем показался не Нур, а Том Терпин с перекошенным и побагровевшим даже сквозь черную кожу лицом.

— Вызываю всех! — крикнул он.

«Всех», как поняла Алиса, относилось к семерке друзей. Но что он делает на центральной площади в виде буквы О, куда выходят двери всех миров, подобно кускам торта, сходящимся к сердцевине? И почему самая его любимая женщина, Даймонд Лил Шиндлер, и самые близкие друзья — Шовен, Джоплин и другие музыканты со своими подругами — тоже там толпятся?

— О'кей! Я вижу вас всех! Я взбешен! Я совершенно взбешен, слышите вы?

— Успокойся, Том,— послышался ровный и мягкий голос Нура.— Расскажи нам, что стряслось.

— Они вышвырнули меня вон! — взревел Том.— Смяли охранников, схватили меня и моих друзей и выставили! Они сказали, что я больше не король Том! Меня свергли! Мне запретили там появляться! До свидания, сукин ты сын, сказали они, прощай, адью, гудбай, аддиос!

— Кто — они? — послышался голос Бёртона.— Там заводилой, часом, не Билл Уильямс?

— Нет, не он! Он два дня уже как убрался в один из пустующих миров. Это сделали Джонатан Холи и Гамильтон Биггс! То есть они были заводилами!

Алису, наверное, представляли им обоим, но она не помнила таких имен.

— В общем, чего-то в этом духе следовало ожидать,— произнес Нур.— Ты мало что... ты ничего не можешь сделать, Том. Почему бы тебе не переехать в какой-нибудь из пустых миров? Только заселяй его поосторожнее, чем первый.

— Я даже этого не могу! — вскричал Том, резко всплеснув руками и хлопнув ими по бедрам.— Даже этого! В одном из них Уильямс. Другой захватили цыгане. Я знаю, потому что сам видел, как они выходят оттуда. А в остальные четыре мне тоже хода нет! Кто-то запер их кодовым словом! Не знаю кто, но подозреваю, что Холи с Биггсом. Они придерживают эти миры для прироста населения — а может, заперли их просто из вредности, чтобы мне насолить!

— Могло быть и хуже,— сказал Нур.— Они могли убить тебя.

— Да, Поллианна*, могло быть и хуже!

Терпин разрыдался. Шиндлер, крупная чернокожая женщина, обняла его. Он рыдал у нее на груди, а она улыбалась, вспыхивая драгоценными камушками, вставленными в зубы. На Земле она была одной из самых знаменитых бандерш злачного района Сент-Луиса, а также одной из любовниц Терпина.

Алиса подождала, пока Том высвободился из объятий Даймонд Лил, и предложила:

— Ты вместе с друзьями можешь поселиться у меня, Том.

Остальные — Бёртон, де Марбо, Афра, Фрайгейт и Нур — поспешили сделать аналогичное предложение.

— Нет,— сказал Том, вытирая глаза громадным фиолетовым носовым платком,— в этом нет необходимости, хотя все равно спасибо. Мы просто переберемся в апартаменты.— Он поднял вверх кулак и заорал: — Я вам еще покажу, Холи и Биггс и все прочие долбаные Иуды! Я вам так покажу! Вы еще пожалеете, подонки! Остерегайтесь Тома Терпина, это я вам говорю!

Алиса не видала экрана, который появился, очевидно, перед Томом на стене. Но она услышала громкий смех и торжествующий голос:

— Вали отсюда, рева-корова!

Том зарычал от обиды и ярости и принялся дубасить кулаком по стенке. Алиса выключила свой экран. Ну и что дальше?

---

* Героиня одноименной повести Э. Портер, неисправимая оптимистка.

А правда — что? Это была лишь первая неприятность, случившаяся накануне Безумного Чаепития. Которое, как Алиса говорила потом всем и каждому, кто мог ее слышать — а таких осталось немного,— было, без всякого преувеличения, самым худшим в ее жизни.

Глава 30

Утром первого апреля Бёртон со Звездной Ложкой завтракали на балконе своей спальни. Небо было чистое, ветерок — легкий и прохладный, ибо так велел Бёртон. Окрестности то и дело оглашались трубным ревом слонов и львиными рыками. На стол упала тень птицы Рух с размахом крыльев в сорок футов — внешний вид ее придумал сам Бёртон, а воспроизвел компьютер. Когда тень упала на Звездную Ложку, китаянка вздрогнула.

— Птица запрограммирована так, что не станет на нас нападать,— сказал с улыбкой Бёртон.

— Это дурное предзнаменование.

Бёртон не стал спорить. Ли По и люди восьмого века до Рождества Христова, которых он воскресил, были умными и многоопытными, но так и не сумели освободиться от суеверий. Ли По, пожалуй, был наиболее гибок, но даже он порой реагировал серьезно на такие вещи, над которыми должен был посмеяться или вовсе не заметить.

Бёртон задумался: нужно ли человеку отрешиться от суеверий, чтобы достичь «продвижения»? Разве абсурдные верования мешают личности стать милосердной и отзывчивой по отношению к своим ближним, отказаться от ненависти и предвзятости? Да, мешают — если вызывают страх, жестокость и приводят к иррациональным поступкам. Может ли человек, который при виде черной кошки, перебегающей дорогу, боится всяческих напастей, оставаться тем не менее «хорошим» человеком? Нет — если он швырнет в кошку камнем или начнет, поддавшись тревоге, выплескивать свое раздражение на окружающих.

— Ты тоже боишься,— заметила Звездная Ложка.

— Что? — уставился на нее Бёртон.

— Ты трижды постучал по дереву. По столу.

— Ничего подобного!

— Не хочу противоречить тебе, Дик, но ты постучал.

— Серьезно? — Бёртон оглушительно расхохотался.

— Что тут такого смешного?

Бёртон объяснил, и она улыбнулась. Впервые за много дней, подумалось ему, она не выглядит такой далекой и отрешенной. Что ж, если он должен строить из себя дурака, чтобы ее развеселить, то он не против.

— Я не спросил, как ты себя чувствуешь.

— Хорошо.

— Надеюсь, ты скоро повеселеешь.

— Спасибо тебе, Дик.

Бёртон подумывал, а не предложить ли Звездной Ложке, чтобы компьютер изъял из ее памяти все пережитые страдания, в особенности изнасилования. Компьютер мог вырезать их, как хирург — воспаленный аппендикс. И хотя такая операция лишит китаянку многих воспоминаний, быть может, нескольких лет в совокупности, зато освободит от мучительных раздумий. С другой стороны, несмотря на то что воспоминания исчезнут, их эмоциональное воздействие останется. Его компьютер вырезать не в состоянии. Не исключено, что Звездная Ложка по-прежнему будет чувствовать отвращение к сексу, даже не понимая почему.

Мозг должен вылечить себя сам, но он редко бывает искусным целителем.

Звездная Ложка поднесла ко рту вилку с кусочком форели и начала жевать, глядя задумчиво вниз на дворцовые сады, бегущую в джунглях реку и пустыню вдали. Проглотив, она сказала:

— Я хочу, чтобы у тебя была еще одна женщина, Дик. Такая, которая даст тебе то, в чем ты нуждаешься. Которая сможет смеяться и любить. Я не против — я не только не против, я буду очень рада.

— Нет,— ответил Бёртон.— Нет. Это очень благородно с твоей стороны — и очень по-китайски. Я восхищаюсь культурой и мудростью твоего народа, но я-то не китаец!

— Китай тут ни при чем. Это просто здравый смысл. Я не хочу быть — как ты выразился недавно? Собакой на чем?

— Собакой на сене. Так называют эгоистов, которые сами не могут воспользоваться тем, что им принадлежит, но и другим не дают.

— Я не собака на сене. Пожалуйста, Дик, тогда я буду чувствовать себя не такой несчастной.

— Но и я не буду счастлив.

— Если тебя смущает присутствие здесь второй женщины, посели ее в квартире и навещай. Или... я могу уйти.

— Люди — не андроиды,— возразил он со смехом.— Я не могу воскресить женщину и держать в заточении ради собственного удовольствия. Во-первых, я ей, возможно, не понравлюсь. А во-вторых, даже если понравлюсь, ей потребуется общество других людей. Она захочет быть свободной личностью, а не одалиской в клетке.

Китаянка протянула руку через стол и накрыла ладонь Бёртона своей:

— Это очень плохо.

— Что плохо? То, о чем мы говорим?

— Это и многое другое. Все.— Звездная Ложка махнула рукой, как бы обводя всю Вселенную.— Плохо. Все плохо.

— Нет, неправда! Что-то плохо, а что-то и хорошо. Просто на твою долю выпало чересчур много плохого. Но у тебя есть время — полно времени,— чтобы получить и свою долю хорошего.

— Нет.— Она покачала головой.— Хорошее не для меня.

Бёртон отпихнул от себя полупустую тарелку. Андроид тихонько убрал ее со стола.

— Я останусь и поговорю с тобой, если хочешь. У меня много работы, но ты для меня важнее.

— У меня тоже есть работа,— сказала китаянка.

Бёртон встал, обошел вокруг литого золотого стола и поцеловал женщину в щеку. Ему было любопытно, чем она занимается, но, когда он спрашивал ее об этом, Звездная Ложка отвечала, что ничем интересным и что она бы лучше послушала о его исследованиях.

И все же, когда они вылетели из замка в бронированных летающих креслах, мысль о вечеринке, похоже, развеселила китаянку. Она щебетала без умолку, рассказывая о каких-то забавных случаях из своего детства, и даже рассмеялась несколько раз. Бёртон подумал, что ей не на пользу проводить так много времени в одиночестве или только в его компании. Хотя, когда они посещали еженедельные сборища, китаянка выглядела отрешенной и подавленной.

Во время полета Бёртон обратился к Звездной Ложке по радиопередатчику:

— Рано утром я пытался дозвониться до Терпинвиля. Который, по-видимому, скоро переименуют. Но не смог. Очевидно, нынешние правители города не отвечают на звонки.

— А зачем ты им звонил?

— Из любопытства. Хотел посмотреть, насколько воинственно они настроены. Не исключено, что они — или он — не удовлетворятся властью над Терпинвилем. Возможно, узурпатор захочет захватить всю башню.

— Какой в этом смысл?

— А какой смысл был вышвыривать Терпина и садиться на его трон? Я позвонил Тому тоже, проверить, как он. Мрачный — чернее тучи. Возможно, впрочем, что более уместно слово «багровее». Он по-прежнему жаждет мести, хотя и понимает, что шансов у него никаких. Бунтовщикам достаточно просто затвориться в своем мире.

Они вылетели через дверь в центральную зону. Бёртон с удивлением воззрился на бурлящую толпу народа. Здесь были Терпин, Луи Шовен, Скотт Джоплин и другие музыканты, изгнанные из Малого Сент-Луиса. Их, похоже, выбросили оттуда без всего, лишь в той одежде, что на них была. Здесь же толпилось еще не менее сотни чернокожих, некоторых из них Бёртон узнал. Что-то, по-видимому, стряслось и с Фрайгейтом, Софи и их друзьями. Они яростно жестикулировали и кричали, но слова тонули в оглушительном гвалте, в который вливался также хор голосов с экранов, демонстрировавших прошлое людей из толпы.

Тут из своего мира вылетел Ли По с друзьями, и их вопросительные возгласы усилили общий шум и гам.

Бёртон со Звездной Ложкой приземлились на пол. Бёртон встал и крикнул: «Что за базар?», однако его расслышали только ближайшие соседи.

Фрайгейт вырядился на вечеринку самым причудливым образом: громадный алый галстук-бабочка, лимонно-желтая рубашка с огромными серебряными пуговицами, широкий небесно-голубой пояс, белые штаны в облипочку с алыми лампасами и лимонно-желтые высокие сапоги. Лицо у него было сейчас почти под цвет бабочки.

— Мы вылетели из моего мира,— возбужденно затараторил он,— и обнаружили здесь Нетли с дюжиной человек. Все они были вооружены лучеметами и пистолетами, и Нетли заявил, что, если я не скажу ему кодовое слово, он пристрелит нас на месте! Ну я и сказал, а что мне оставалось? Он со своей бандой забрался внутрь и запер дверь... и... в общем, полный аут! Нас вышвырнули вон! Как котят! У меня отобрали мой чудесный мир!

— А также у меня и моих друзей,— промолвила Софи.

Она была одета в древнеегипетском стиле, а-ля Клеопатра. Урей на короне, обнаженный торс с большой красивой грудью — как, интересно, воспримет это Алиса? — и длинная юбка, разрезанная спереди почти до промежности. Она не забыла даже посох, увенчанный египетским крестом. Ее друзья были одеты в азиатские и европейские костюмы разных эпох.

— Мне надо было вылетать осторожнее! — прокричал Фрайгейт.— Проверить, свободен ли путь, прежде чем высовываться за дверь!

— Не стоит запирать сарай, когда лошадь уже сперли,— заметила Софи.— А также рыдать над пролитым молоком. Простите за банальные фразы, но в критических ситуациях почему-то всегда тянет на трюизмы. С языковой точки зрения такие ситуации не слишком плодотворны.

К ним подошел Том Терпин во фраке и цилиндре.

— Неделя сплошного бандитизма! — сказал он.— Везет им нынче.

— А это кто такие? — спросил Бёртон, показав на удрученных и ошарашенных чернокожих.

— Это? Хорошие ребята, церковники. Шансеры, новые христиане, обновленные баптисты свободной воли и нихиреиты. Биггс и Холи выставили их через пару минут после того, как Пит лишился своих владений.

Из двери лифта вышли Страйд, Крук и Келли со своими мужчинами. Бёртон предоставил Тому объяснять им, что случилось, а сам, вызвав на стену экран, позвонил Алисе. Карие глаза ее округлились, когда она увидела сцену за Бёртоном и услышала гомон толпы. Бёртон рассказал ей, в чем дело, добавив:

— Боюсь, это испортит твою вечеринку.

— Ничего подобного,— возразила она.— Я этого не допущу. Конечно, Том с Питом успокоятся не сразу, но в конце концов возьмут себя в руки. А этим беднягам, которых вышвырнули вон бандиты, скажи, пусть приходят ко мне на вечеринку, если захотят. Конечно, они и так не помрут здесь с голоду и найдут где поселиться. Но ты все равно передай им мое приглашение. Я жду вас всех.

Бёртон подошел к беспорядочно толкущимся изгнанникам, попросил тишины, добился ее и передал приглашение Алисы.

Все охотно его приняли. У них не было летающих кресел, но они могли получить кресла из конвертера, стоявшего в прихожей Алисиного мира.

Фрайгейт заказал в конвертере выпивку для своей компании, чтобы залить горе по дороге в гости. Софи взяла высокий бокал с джином, однако заметила:

— Я думаю, нам сейчас не до веселья, Пит. Мы должны изучить список возможностей компьютера и ввести все мыслимые запреты. Нужно предусмотреть все, что только может прийти в голову этим подонкам.

— Мысль хорошая,— сказал Бёртон, хотя обращались не к нему.— Но Алиса обидится, если вы пропустите прием. К тому же я уверен, что узурпаторы сейчас начнут бурно праздновать свою победу, так что в ближайшем будущем нам ничего не грозит.

— Возможно, вы и правы,— откликнулась Софи,— но все-таки я считаю, что завтра мы должны собраться и попробовать все вместе сообразить, чего эти сволочи могут выкинуть еще.

— После вечеринки головы обычно варят не ахти,— сказал Бёртон.— Но я позвоню вам и всем остальным завтра утром около десяти. Устроим большое толковище.

В прихожую вошел Нур со своей подругой. Остановился, огляделся и направился сквозь толпу к Бёртону. «Айша-бен-Юсуф»,— представил он другу свою спутницу, тоненькую смуглую женщину, еще ниже Нура ростом. Красавицей она не была, но улыбалась очень обаятельно.

— Я позже тебе все объясню,— сказал Нуру Бёртон.— А сейчас пора выбираться из этой толкучки.

Повернувшись к своему креслу, Бёртон увидел Галла с группой доуистов, одетых в длинные, белые, развевающиеся на ходу балахоны. Они изумленно вертели головами.

Бёртон поднял кресло в воздух, направив его в широкий дверной проем. Потом взмыл вверх футов до двухсот и помчался над густым дубово-сосновым лесом Глущобой к огромной поляне у подножия высокого холма, на котором стоял особняк Алисы. Поляна площадью в триста футов, совершенно гладкая и плоская, была покрыта вечнозеленой травой. Сбоку на ней возвышалось чертово колесо, рядом располагались «русские горы», карусель и маленький каток, а посредине чего только не было: уйма столиков, уставленных блюдами и бутылками, белые тенты и эстрада, где андроиды наигрывали вальс, коттеджики типа римских вилл для отдыха, крокетное поле, площадки для бадминтона, танцплощадка из полированного дерева и множество андроидов-слуг, выглядевших как персонажи двух знаменитых книг Льюиса Кэрролла.

Под гигантским дубом на краю поляны стоял домик с трубами в виде заячьих ушей и с крышей, покрытой заячьим мехом. Перед ним располагался большой стол, накрытый для чаепития, и множество стульев. За столом сидели Мартовский Заяц ростом с человека, Болванщик и маленькая девочка. Одета она была в точности как Алиса на иллюстрациях Тенниела, но длинных белокурых волос у нее не было. Алиса велела, чтобы андроид выглядел как она сама в десятилетнем возрасте.

— Ай да Алиса, разошлась не на шутку,— пробормотал Бёртон, направляя кресло к подножию холма.

Сама хозяйка стояла возле кресла, похожего на трон в Уэстминстерском Холле. Рядом, возле похожего трона, стоял высокий белокурый мужчина.

— Алисин сюрприз! — пробурчал себе под нос Бёртон.— Так я и думал!

Он был уязвлен и злился на себя за то, что ему не все равно. Значит, он лгал самому себе, когда думал, что Алиса ему безразлична.

Выглядела она потрясающе. В своем любимом наряде двадцатых годов, но без шляпы, поскольку правила земного этикета в мире Реки потеряли свою власть. Ее короткие черные волосы алебастрово блестели на солнце. Мужчина, судя по Алисе, был около шести футов и четырех дюймов ростом. На нем был наряд шотландского предводителя — шерстяной клетчатый килт, кожаная сумка мехом наружу и прочие причиндалы. Спустившись пониже, Бёртон разглядел, что клетка на килте черно-красная, клана Роб Роя. Стало быть, мужчина — потомок знаменитого шотландского разбойника и, таким образом, дальний родственник Бёртона. Широкоплечий, мускулистый, лицо красивое, хотя и очень мужественное. Он улыбнулся, увидав Бёртона в халате и тюрбане, и, точно взмах меча, перерезающего веревку и опускающего подъездной мост, улыбка отворила закрытый уголок в памяти Бёртона. Да это же сэр Монтейт Магленна, шотландский баронет и лорд! Бёртон встречался с ним в 1872 году, когда выступал в Лондоне перед Британской национальной ассоциацией спирити-

стов. Бёртон тогда еще сильно разобидел публику, заявив, что не верит в духов и не видит в них никакой пользы, даже если они существуют. Молодой баронет немного поболтал с Бёртоном на приеме, устроенном после лекции. Оба они путешествовали по американскому западу, оба были археологами-любителями. Они провели полчаса в увлекательнейшей беседе, пока остальные, надеясь улучить момент, чтобы защитить спиритизм, ходили вокруг и недовольно фыркали.

Алиса с улыбкой — чуточку злорадной, или ему показалось? — представила Магленне Бёртона и Звездную Ложку. Бёртон пожал баронету руку, и оба мужчины в один голос выпалили:

— Мы знакомы!

Они поговорили пару минут, вспоминая о своем давнем знакомстве, пока очередь желающих поздороваться с хозяйкой или представиться ей не вытянулась длинным хвостом, и тогда Бёртон спросил:

— Алиса, а ты-то его откуда знаешь?

— О, мы с Монти познакомились в тысяча восемьсот семьдесят втором году, когда мне было двадцать, а ему — тридцать, на балу у графа Пертширского. Мы потанцевали немного вместе...

— Мы танцевали до упаду,— вставил Монтейт.

— ...и после этого несколько раз встречались. А потом он уехал в Штаты, где чуть не умер, подстреленный случайно каким-то бандитом, и вернулся только в тысяча восемьсот восьмидесятом году. Я в ту пору была уже замужем.

— Я не мог поддерживать с ней переписку,— сказал Магленна.— Одно письмо с объяснениями я все же послал, но оно до нее не дошло. И поэтому...

Несколько андроидов по сигналу Алисы подняли кресла, на которых прибыл Бёртон со Звездной Ложкой, и потащили их через поляну к восточному краю. Быстрее и эффективнее было бы отвести кресла на парковочную стоянку по воздуху, но у Алисы не хватило то ли времени, то ли желания инсталлировать андроидам программу управления креслами.

Бёртон послушал Алису, которая в деталях рассказывала Звездной Ложке о том, как она горевала, когда думала, что Магленна потерял к ней интерес. В середине рассказа Бёртон решил, что с него довольно, извинился и бесцельно бродил по поляне, пока к нему не подошла Звездная Ложка.

— Ты знал про мистера Магленну? — спросила она.

— Нет! — отрезал Бёртон.— Она ни разу не упоминала о нем за все долгие годы, что была со мной!

— Как замечательно, что они в конце концов воссоединились. Подумать только: если бы не ты, они, возможно, никогда не нашли бы друг друга!

Звездная Ложка сияла довольной улыбкой. Радовалась Алисиному счастью? Или, несчастная сама, злорадствовала, понимая, как неприятно Бёртону появление Магленны? Горе порой слишком сильно коверкает души людей, и их единственной отрадой остается мысль о том, что другие тоже страдают.

Глава 31

Бёртон со Звездной Ложкой пошли покататься на «русских горах», но китаянке от всех этих взлетов-падений-кружений стало плохо, и ее стошнило прямо на сиденье. Управляющий аттракционом андроид, которого подозвал Бёртон, велел двум своим помощникам вычистить кресло.

— Ты сегодня что-то очень нервничаешь,— заметил Бёртон.

— Меня пугают все эти страшилища,— ответила она, обведя поляну рукой.

Китаянке, естественно, не были знакомы те создания, которыми Кэрролл населил Алисины книги и которых настоящая Алиса вызвала к жизни. Поскольку их экзотическая внешность не была привычна Звездной Ложке по книгам, она все время нервно вздрагивала. Особенно пугал ее Бармаглот, точно сошедший с иллюстрации Тенниела. Его чешуйчатое туловище походило на тело истощенного дракона, и кожистые крылья были вполне драконьими, но длиннющая худая шея и узкая морда, похожая на лицо очень злобного старика, а также нелепо длинные пальцы на передних лапах отличали его от прочих драконов, встречающихся в мифах, легендах или художественной литературе. Был он громадный, тринадцати футов ростом, когда стоял на задних лапах. К счастью, он не расхаживал по поляне, а рыскал в загородке под гигантским дубом, беспрестанно щелкая длинным хвостом.

— Я его боюсь,— сказала Звездная Ложка.

— Ты же знаешь: его запрограммировали так, чтобы он никого не трогал.

— Да, знаю. А вдруг случится какой-нибудь сбой? Посмотри на эти чудовищные зубы! Их всего четыре, по два вверху и внизу, но ты только представь, что будет, если они в тебя вонзятся!

— Тебе нужно выпить,— решил Бёртон и повел ее к столу.

За столом прислуживали андроиды в виде Лакея-Леща, Лакея-Лягушонка и Белого Кролика. Первые двое носили наряды восемнадцатого века и белые напудренные парики, как изобразил их Тенниел. У Белого Кролика были розовые глаза, жесткий белый воротничок, галстук-шарф, пиджак в клеточку и жилет. Золотая цепочка, прицепленная запонкой к петличке в жилете, другим концом была прикреплена к большим часам в жилетном кармане. Белый Кролик то и дело вытаскивал часы и глядел на них.

— Он великолепен! — усмехнулся Бёртон.

— Мне они не нравятся,— прошептала Звездная Ложка, как будто андроидам было не все равно, даже если бы они ее услышали.— Глянь, какие у него громадные и выпученные глазищи!

— Это чтобы тебя лучше видеть, моя дорогая!

Почувствовав, как на них упала чья-то тень, Бёртон задрал голову. Тень отбрасывало кресло де Марбо, который летел во главе стайки из тридцати с лишком друзей. И сам барон, и некоторые из его приятелей были одеты в гусарские мундиры. Остальные красовались в мундирах фельдмаршалов, хотя никто из них не дослужился до такого чина. Большинство дам были одеты по моде 1810-х годов.

Несколько минут спустя прибыли Афра и еще дюжина гостей. «Пожалуй, все приглашенные в сборе»,— подумал Бёртон. И ошибся. Как только последний из друзей Афры Бен отошел от хозяйки с хозяином, на поляне взревел мотоцикл. Впереди сидел Билл Уильямс, а сзади к нему прижималась чернокожая женщина, которую Бёртон видал в коридоре. На голову Уильямс нахлобучил типично русскую каракулевую шапку, но все лицо у него было разрисовано, как у шамана, на голом торсе висело ожерелье из человечьих костей, а ноги обтягивали черные кожаные брюки, заправленные в сапоги. Что до женщины, то она перещеголяла даже Софи: на ней не было вообще ничего, кроме блестящего колье с громадными бриллиантами и сложнейшей росписи из множества красочных фигур, которая покрывала все ее туловище и ноги.

Бёртон не знал, что Алиса пригласила Уильямса. Судя по выражению ее лица, она уже об этом сожалела. Но тем не менее, как

подобает учтивой хозяйке, улыбнулась и представила парочку Магленне. Тот, широко раскрыв глаза и так же широко ухмыляясь, пожал женщине руку. Бёртон пожалел, что стоит слишком далеко и не слышит, о чем они говорят.

Фрайгейт подкатился к Бёртону и ткнул пальцем в сторону опоздавших:

— Настоящая сенсация! Поистине последние станут первыми.

— Да уж,— хмыкнул Бёртон.

— Софи не знает, восхищаться ей или злиться.

Мимо проскакал Белый Рыцарь на своей жалкой кляче. Шлем у Рыцаря был откинут, открывая лицо точь-в-точь как у самого Кэрролла, только с длинными белыми висячими усами. На поясе у него висели ножны с громадным прямым обоюдоострым мечом, а к седлу был приторочен чехол, из которого торчала деревянная рукоятка большой палицы, утыканной острыми шипами. За спиной у Рыцаря болтался вверх дном ящик с откинутой крышкой. Это было, как написано в «Зазеркалье», собственное изобретение Белого Рыцаря — ящик для одежды и бутербродов. Надевал его Рыцарь вверх дном для того, чтобы в ящик не попадал дождь, зато все остальное из него выпадало.

За ним ехал Черный Рыцарь на черном скакуне — зловещая фигура в черных латах, в шлеме в виде конской головы и с большой палицей в руках.

Потом мимо прошли, мирно беседуя, Морж и Плотник в бумажной шляпе и кожаном фартуке. Позади них на тонких паучьих лапках семенило штук сорок Устриц, и у каждой из них торчали из-под панциря длинные усики-антенны с глазами на концах.

— Алисе пришлось немало потрудиться, чтобы все так подготовить,— сказал Фрайгейт.— Представляете, сколько деталей нужно было ввести в компьютер!

— Ой, смотрите! — воскликнула Софи, показывая на дерево.— Глазам своим не верю! Чеширский Кот!

Когда они подошли к дереву, кот, бывший размером со здоровую рысь, начал исчезать. Сначала пропал хвост, потом задние лапы, после них — передние, потом шея и голова. Осталась только улыбка, парившая в воздухе над веткой, где он сидел. Друзья обошли ствол, пытаясь обнаружить какой-нибудь механизм, но ничего не нашли.

— Надо будет спросить Алису, как это делается,— сказал Бёртон.— Хотя она, возможно, и не знает. Компьютер получил зада-

ние — и выдал научно-волшебный результат без каких-либо объяснений.

Тут они увидели Грифона с Черепахой Квази, которые чинно шествовали неподалеку, разговаривая на ходу. Грифон был существом с туловищем льва и орлиными крыльями и головой. У Черепахи Квази тело было черепашье, весом не меньше шестисот фунтов, а голова и задние ноги — коровьи. Она медленно ползла, потом вдруг остановилась, оттолкнулась от земли короткими, но невероятно мощными передними лапами и выпрямилась. Качаясь и опираясь на кончик панциря, раскорячив коровьи ноги так, что копыта почти целиком ушли в землю, Черепаха со слезами на глазах запела изумительным контральто: «Блаженный суп, зеленый и густой, нас ждет под крышкой супницы простой!»

Но когда она дошла до припева и заблажила: «Блаже-э-нная еда-а-а!», то потеряла равновесие и грузно свалилась на спину, не переставая петь. Шестеро андроидов не без труда перевернули ее, после чего Черепаха снова поползла вперед, распевая во весь голос.

— Я пойду посижу немножко где-нибудь, Дик,— сказала Звездная Ложка.— Я устала, а эти животные,— она кивнула на Грифона,— выглядят такими страшными! Я знаю, что они не опасны, но...

— Хорошо, я проведаю тебя позже,— сказал Бёртон.

Он проводил ее взглядом, пока она не добралась до западной кромки поляны и не уселась в удобное кресло. Очень толстый, лысый и старый на вид андроид — должно быть, Папа Вильям — подошел к ней и, очевидно, спросил, не нужно ли ей чего-нибудь, потому что Звездная Ложка помотала головой и губы ее шевельнулись.

Бёртон бродил по поляне, разглядывая Червонную Королеву и других андроидов, имитирующих живую карточную колоду. Спереди они выглядели в точности как на рисунках Тенниела, но в профиль были гораздо толще — около трех дюймов, как прикинул Бёртон. Компьютеру пришлось пойти на это отступление, чтобы воплотить фантазию в реальность. Андроидам необходимо было место для мускулов, органов и крови. Лица их были нарисованы на продолговатых телах, и, хотя рты не двигались, голос исходил именно из них.

— Чудо что такое! — восхитился Бёртон.

Рядом с ним оказалась Афра Бен.

— Да, верно! — откликнулась она.— Хотя у меня такое ощущение, будто я впадаю в детство. Я говорю это вовсе не в упрек Алисе. Мы так упорно боролись, чтобы попасть сюда, мы пережили столько опасностей и испытаний, что теперь расслабились и ненадолго превратились в детей. Нам нужно немножко поиграть, правильно я говорю?

— К сожалению, время для игр миновало,— ответил Бёртон.— То, что случилось с Терпином и Фрайгейтом, может в любую минуту случиться и с нами.

Бёртон подошел к столику и попросил у живой шахматной фигуры — Ладьи — стаканчик скотча и тонкую гаванскую сигару. Держа стаканчик в одной руке и сигару — в другой, Бёртон зашагал к крокетному полю. Оно было такое же, как в книге: рытвины и борозды, выгнутые дугой карты-андроиды, служившие воротцами, фламинго вместо молотков, а вместо шаров — ежи. Поскольку Алиса не была ни жестокой, ни тем более кровожадной, она наверняка велела компьютеру организовать нервную систему птиц и животных так, чтобы им не было больно.

Терпин, похоже, забыл про все свои печали и наслаждался игрой в крокет.

Прошел час. Бёртон выпил еще два стаканчика скотча. Покатался на карусели, на «русских горах», поглазел немного на оркестр. Большинство музыкантов были в облике Лакея-Леща и Лакея-Лягушонка, а дирижировал ими Ящерка Билль — огромное пресмыкающееся в плоской шляпе и с сигарой во рту. Их запрограммировали играть самую разную музыку, от вальсов до диксиленда и классики. В данный момент они выдавали какую-то дикую варварскую какофонию — должно быть, рок-н-ролл, решил Бёртон, которому рассказывал о рок-н-ролле Фрайгейт. Послушав немного, Бёртон понял, почему Фрайгейту так хотелось стереть всю музыку подобного типа из архивных записей.

Мимо вразвалочку прошли Безобразная Герцогиня и Червонная Королева, обмениваясь репликами:

— Рубите им головы! С плеч долой!

— Лупите его, пока не зачихает!

Бёртон вернулся к крокетному полю, поиграл, побродил вокруг, останавливаясь поболтать со знакомыми, а затем немного посмотрел на Безумное Чаепитие. Девочка-андроид, игравшая Алису, была очаровательна: в ее громадных темных глазах таилась та же мечтательность, что и у настоящей Алисы. «Можно по-

нять,— подумал Бёртон,— почему мистер Доджсон влюбился в десятилетнюю девочку».

Когда Болванщик сказал: «С тех пор Время для меня палец о палец не ударит и на часах все шесть...»*, Бёртон пошел прочь. Смотреть эту сценку один раз было забавно, но повторение навевало скуку.

Почувствовав желание размяться, Бёртон сыграл в волейбол. Игра получилась веселая и живая, и Бёртону очень нравилось наблюдать за подругой Билла Уильямса, когда она подпрыгивала, чтобы отбить мяч. Притомившись и вспотев, Бёртон уселся в кресло. Траляля и Труляля спросили его, чего он желает. Бёртон заказал мятный коктейль. Два гротескно жирных андроида подошли к столу и заспорили — так было запрограммировано, разумеется,— кому из них обслуживать Бёртона. Пока длился их забавный и жаркий спор, Бёртон наблюдал за Синей Гусеницей, сидевшей неподалеку на громадном мухоморе и курившей кальян. Жаль, конечно, что все эти создания будут уничтожены. Но, с другой стороны, Бёртон понимал, почему Алиса устала от них.

Он немного поглазел на танцующих. Оркестр играл что-то незнакомое. Бёртон окликнул проходившего мимо Фрайгейта:

— Что это за музыка и как называются вращательные телодвижения, которые выделывают танцоры?

— Точно не знаю,— отозвался Фрайгейт.— Мелодия знакомая, что-то из двадцатых годов двадцатого века, но не помню чья. А танец называется «Черное дно».

— Почему его так назвали?

— Понятия не имею.

Алиса и Монтейт, казалось, наслаждались буйным ритмом. Наконец-то она нашла себе партнера, разделяющего ее любовь к танцулькам. Бёртон к ним всегда был безразличен. Он и танцевал-то всего пару раз в своей жизни, когда показывал европейские танцы чернокожему африканскому вождю.

К Бёртону подошли жирные двойняшки Траляля и Труляля. Но на подносах у них не было заказанного напитка.

— Что за...— начал было Бёртон, и тут музыка оборвалась на середине такта.

Бёртон встал и уставился на эстраду. Музыканты отложили инструменты и сходили по ступенькам вниз.

* Л. Кэрролл, «Алиса в Стране чудес», пер. Н. Демуровой.

— В чем дело? — спросил Фрайгейт.

Алиса ошарашенно смотрела на музыкантов.

— Это не было запланировано,— догадался Бёртон. По спине у него побежал холодок.

Коротышка де Марбо подбежал к Бёртону, выпучив голубые глаза.

— Что-то неладно! — воскликнул он.

Бёртон развернулся на месте на триста шестьдесят градусов, обозревая окрестности. Андроиды торопливо направлялись к лесу, прибавляя шаг,— все, кроме Черепахи Квази, которая упала на спину и верещала, суча ногами. Хотя нет, не все. Часть андроидов бежала к западному краю поляны, то есть к подножию холма. Среди них были Черный и Белый Рыцари на своих скакунах. Лев с Единорогом и Грифон. Они остановились возле подножия и повернулись лицом к поляне.

Тем временем остальные андроиды скрылись под сенью громадных дубов.

— Похоже, придется тебе помахать шашкой, Марселин,— сказал Бёртон, взглянув на ножны де Марбо, из которых торчала рукоятка сабли.— Сколько у тебя... твои гусары все вооружены?

— Ну конечно,— ответил де Марбо.— У нас двадцать сабель.

— Скомандуй своим ребятам «Шашки наголо!» — сказал Бёртон.— Слушай, Марселин, я думаю, нас сейчас атакуют. Кто-то явно загнал в андроидов агрессивную программу. В планы Алисы это не входило.

Бёртон оглянулся. Звездной Ложке, по-видимому, в голову пришла та же мысль. Она бежала в сторону «русских гор».

— У тебя военный опыт больше,— сказал Бёртон французу.— Давай командуй! — А сам, повернувшись, заорал: — Все сюда! Живо! На полусогнутых!

Некоторые из гостей устремились к нему. Остальные застыли как вкопанные.

Одним из первых к Бёртону подбежал Магленна, таща за руку Алису.

— Что стряслось? — спросил он.

— Пока не знаю.— Бёртон посмотрел на Алису.— Ты тоже не понимаешь?

Алиса покачала головой:

— Нет. Может, за этим стоит Снарк? Что же нам делать?

— Командовать будет Марселин,— ответил Бёртон.— Но я думаю, нам надо двигать к креслам. Вы с Монтейтом сядете кому-нибудь на колени. Мы не сможем пробиться сквозь них,— он махнул в сторону мрачных фигур, охранявших западный край поляны,— без серьезных потерь.

Де Марбо что-то быстро говорил по-французски своим друзьям. Но внезапно прервался и уставился на юг. Андроиды выходили из леса с оружием — копьями, мечами, булавами и кинжалами.

Бёртон развернулся, оглядывая северную и восточную оконечности поляны. Там из леса тоже выходили вооруженные андроиды. И те, что шли с восточной стороны, спешили перерезать гостям дорогу к летающим креслам.

— Слишком поздно,— сказал Бёртон.

Де Марбо выкрикивал команды на эсперанто, чтобы всем было понятно. Люди начали строиться неровным квадратом с гусарами по восточному краю.

— Пойду за оружием! — крикнул Бёртон французу.

— Куда? — спросил де Марбо.

— Музыкальные инструменты. Их можно использовать как дубинки.

Он побежал к эстраде, за ним рванули еще несколько человек. Андроиды, шедшие с севера, то есть ближе всего к эстраде, не ускорили шага и не издали ни звука. Если бы они побежали, то успели бы перерезать Бёртону дорогу. Он вооружился саксофоном, другие похватали гитары, альты, флейты, валторны — все, что могло быть использовано как оружие.

Они быстро вернулись на свои места в неровном квадрате, который построил де Марбо. Француз трепетал от предвкушения, голубые глаза его горели, круглое лицо сияло улыбкой.

— Ну, дорогие мои! — крикнул он гусарам.— Сейчас вы покажете этим чудищам, как сражались солдаты Наполеона!

Голос его заглушил громкий утробный рев. Все обернулись к южному краю поляны, где возвышался на задних лапах Бармаглот, вытягивая змеиную шею и разинув пасть с четырьмя зубами. К счастью, он не сразу напал на людей, как боялся Бёртон, а опустился на все четыре лапы и медленно зашагал к ним, не прекращая реветь.

Бёртон стоял на западной стороне строя, лицом к зверям и Рыцарям. Как только Бармаглот двинулся вперед, звери и кони с Рыцарями начали неспешно приближаться к людям.

Андроиды надвигались на квадрат со всех сторон, стройными рядами и совершенно безмолвно.

Бёртон внезапно обнаружил, что Звездной Ложки нет среди гостей. Она забралась сбоку на «русские горы» и сидела, как на жердочке, возле верхушки перекрестья.

Идти за ней было поздно. Звать ее вниз — значит привлечь к ней внимание андроидов. Быть может, они ее не заметят. Да и потом, она сама себе хозяйка. Нет, это он зря. Будь у него возможность добраться до кресла, он полетел бы к ней и забрал ее отсюда.

Глава 32

— Их втрое больше, чем нас,— громко сказал Бёртон всем, кто мог его слышать.— А крупные зверюги и Рыцари каждый стоят десятерых. Но все-таки постарайтесь отобрать у андроидов копья и палицы. Если кто-то из них упадет, хватайте его оружие.

Де Марбо повторил этот совет так, чтобы услышали все.

— О господи! — воскликнула чернокожая женщина, одна из шансеров.— Как же нам быть? Мы не можем проливать кровь! Мы пацифисты, мы люди мирные перед оком Всевышнего!

— Черт побери, женщина! — крикнул Бёртон.— Это же не люди! Они машины! Защищать от них свою жизнь — никакой не грех!

— Верно! — подхватил один из негров.— Не грех! Сражайтесь, братья и сестры! Сражайтесь во имя Господне, не зная греха! Разорвите их в клочья!

Какая-то группка, скорее всего обновленные баптисты свободной воли, запела духовный гимн.

— Если будете петь, вы не услышите моих приказов!

Квадрат под предводительством француза двинулся к креслам. Бёртон, шагавший в арьергарде, то и дело оглядывался назад. Рыцари и звери не прибавили шагу: очевидно, их запрограммировали сближаться с определенной скоростью.

Бармаглот замыкал ряд андроидов, шедших с южного края поляны. Атака чудовища будет самой опасной, и против него надо бы выставить по крайней мере шестерых вооруженных саблями мужчин. Бёртон выругался. Эх, ему бы саблю вместо этого саксофона!

Живой квадрат — женщины внутри, мужчины снаружи, в виде защитной оболочки,— быстрым шагом приближался к рядам

андроидов, которые стояли перед креслами. Здесь эти твари столпились гуще всего — их было штук двести, если не больше. Тот, кто спланировал бунт, правильно угадал, что гости постараются добраться до транспортных средств. Чтобы залезть на вершину холма и укрыться в особняке, пришлось бы атаковать больших зверей и Рыцарей, а вид у них был такой устрашающий, что люди, естественно, избрали более легкий путь.

И вдруг шедшие впереди разразились проклятиями и воплями. Бёртон подпрыгнул, чтобы посмотреть, что их так напугало, и, увидев, как кресла взмывают в воздух без седоков, застонал. Андроиды, укрывшиеся за передними рядами, запускали кресла в полет. Даже если бы людям удалось пробиться через заслон, сбежать по воздуху они уже не могли; им пришлось бы уходить дальше в лес, где за ними началась бы охота.

Де Марбо мгновенно это понял и велел всем остановиться. Но люди продолжали рваться вперед, расталкивая соседей локтями, пока гусары де Марбо не остановили их наконец. Француз тут же побежал к арьергарду, ставшему теперь авангардом.

— Нужно пробиваться в особняк! — крикнул он.— Дик, возьми с собой парней и дуй на левый фланг! Доверяю вам самое главное — защищать нас от Бармаглота!

Бёртон поспешил выполнить команду. Андроиды продолжали приближаться, медленно и безмолвно. Они были уже в шестидесяти футах от людей.

Бёртон с гусарами вырвался на передний край левого фланга, пробиваясь сквозь толпу, которая с трудом разворачивалась в обратном направлении. Люди, не приученные к дисциплине и напуганные, естественно, нарушили строй: кто-то бежал быстрее других, расталкивая соседей, а кто-то, как и следовало ожидать, упал, и бегущие наступали на лежавших. Бёртон успел мельком взглянуть на авангард, который, во главе с французом, вступил в борьбу с Черным и Белым Рыцарями, со Львом и Единорогом, Моржом, Грифоном и Шалтаем-Болтаем. И вдруг прямо перед ним возникла разинутая в реве пасть Бармаглота с четырьмя блестящими зубами и слюной, стекавшей с верхней губы. Бёртон изо всех сил швырнул в нее саксофон, и страшилище машинально захлопнуло пасть, ткнувшись носом Бёртону в грудь. Тот задохнулся, отлетел назад и покатился, стараясь восстановить дыхание. Несколько женщин упали на него сверху.

Выплюнутый чудовищем саксофон приземлился рядом с его вытянутой правой рукой. Бёртон схватил инструмент. Одна из чернокожих женщин, барахтавшихся на верху кучи, пронзительно взвизгнула и взмыла в воздух, схваченная Бармаглотом. Зубы, вонзившиеся в ее тело, сомкнулись. Женщина обмякла и затихла. Чудовище одним взмахом головы отбросило ее в сторону, потом вытянуло змеиную шею вниз и схватило еще одну визжащую жертву.

Бёртон, не успев отдышаться, скинул с себя оставшихся женщин, прокатился вперед и побежал мимо громадной правой передней лапы страшилища. Навстречу ему, держа в руках длинные копья, двинулись Траляля и Труляля с бесстрастными жирными лицами. Бёртон с воплем бросился к ним, замахнувшись саксофоном.

Андроидов запрограммировали лишь на определенные действия, хотя таких было немало. Но команды избегать хвоста Бармаглота в них не вложили, хотя любой человек сразу сообразил бы, что под эту плеть лучше не попадаться. В результате двойняшки были сбиты с ног громадным чешуйчатым хвостом. И не просто сбиты. Хвост раздробил им все кости. Близнецы с жалобными стонами рухнули на поляну.

Бёртон обернулся и задрал голову. Бармаглот его не замечал; он был занят убийством очередной женщины. Бёртон побежал к хвосту и подождал, пока тот дернется влево. Он успел увидеть при этом голову и плечи Уильямса, бегущего к парковочной площадке. Андроиды неуклюже метали в него копья и пытались изрубить мечами, но он уворачивался, продолжая свой отчаянный заячий бег. Больше Бёртону глядеть на него было некогда. Он прыгнул вперед, приземлился и схватил копье, которое выронил Траляля или Труляля. Потом выпрямился, отпрыгнул назад и, схватив копье обеими руками, всадил его чудовищу в бок. Копье вошло в плоть до половины древка; из раны фонтаном брызнула кровь. Монстр оглушительно взревел и поднялся на задние ноги, выронив жертву из пасти.

Бёртон повернулся и побежал, еле успев увернуться от кончика хвоста. На него тут же набросился зеленый кабан с желтыми и влажными кривыми клыками. Бёртон подпрыгнул, пытаясь его оседлать, но соскользнул и упал на траву, задушив при этом зверя голыми руками. Рядом на земле ничком лежала тройка червей, слабо шевеля паучьими ножками. Бёртон вскочил, выхватил у

карты копье и всадил его в живот Болванщику, взмахнувшему саблей прямо у него перед носом. Болванщик свалился навзничь, раскинув руки в стороны и не пытаясь, как инстинктивно сделал бы человек, обхватить ими древко. Лицо его тем не менее исказилось от мучительной боли.

Бёртон вытащил копье и подхватил саблю Болванщика. Теперь он не чувствовал себя таким голым и беспомощным; теперь в руках у него было оружие, которым он владел, как никто другой. На него моментально накинулись Лакей-Лягушонок, гигантский филин и Безобразная Герцогиня. Самым опасным противником среди них был филин, с его тяжелым туловищем, острым клювом и хлопающими крыльями. Бёртон отсек ему полкрыла, разрубил пополам древко копья Лакея-Лягушонка, одним махом снес филину голову, выбил у Герцогини из рук копье и рассек ее поперек на две части.

Рукопашные схватки кипели по всей поляне; противники сражались поодиночке и кучками. Многие люди обзавелись трофейным оружием. Хотя враг превосходил их числом, у людей было одно веское преимущество. Андроиды не умели толком обращаться с оружием и не были способны на импровизации. Они просто перли напролом, выставив перед собой копье или рубя с плеча мечом, но выбить оружие из рук противника не могли. Поэтому те из людей, кому удалось вооружиться, успешно крушили врага. Каждую минуту еще один человек обзаводился оружием. И все же, поскольку людей было значительно меньше, они не могли защищать свои фланги так, как им бы хотелось.

В первую очередь нужно было справиться с большими зверями и Рыцарями. А уж потом — если повезет — можно прикончить и более мелких тварей.

Бёртон, воспользовавшись короткой передышкой, быстро огляделся, стараясь понять, как идет сражение. Алису он не видел, но Звездная Ложка по-прежнему сидела высоко на «русских горах». Она, конечно, могла бы спуститься и помочь им, но, видимо, перепугалась, и Бёртон ее за это не винил. Поляна оглашалась хриплыми криками, истошными воплями, визгами, стонами и ревом. Черный и Белый Рыцари по-прежнему сидели на конях, молотя людей по головам тяжелыми колючими палицами. Белый Рыцарь так и не надвинул шлем, и лицо его казалось таким безмятежным, словно он вел непринужденную беседу о погоде.

Мертвый Единорог лежал, пронзив рогом грудь гусара. Саблю убитого еще не успели подхватить живые. Лев, рыча, поднялся на задние лапы и хватил передней лапой женщину, разорвав ей грудь до кости. Но бока и грива его были залиты кровью, в том числе и своей. На глазах у Бёртона один из гусар замахнулся, держа саблю обеими руками, ударил Льва в спину чуть пониже гривы, и зверь упал.

Какая-то негритянка неслась верхом на Морже, вцепившись в него одной рукой, а другой нанося ему удары кинжалом. Морж споткнулся и свалился на спину, подмяв под себя наездницу. Но он был слишком изранен, чтобы перевернуться, и только ревел, беспомощно шевеля ластами.

В Бармаглота всадили уже три копья, но он по-прежнему буйствовал и как раз в тот момент, когда Бёртон взглянул на него, разорвал очередную жертву пополам.

Тут на Бёртона невесть откуда прыгнул розовый фламинго, трепеща крыльями и пытаясь достать его когтями. Бёртон отсек ему голову, мгновенно развернулся, отбил занесенный для удара меч Белого Кролика, схватил обтянутую перчаткой лапу и рванул его на себя. После чего, так и не дав Кролику опомниться, саблей перерезал ему шею.

Потом ему пришлось защищаться от шорька — существа размером с собаку, похожего на помесь хорька, ящерицы и штопора. Длинный трехфутовый нос мешал зверю, поскольку его нужно было закинуть за спину, прежде чем укусить. Бёртон срубил ему нос и бросился к трем живым картам — червонной двойке, пиковой четверке и трефовому валету. Они шли бок о бок, с копьями наперевес, но Бёртон собирался напасть на того, что слева, и прикончить его, прежде чем остальные очухаются. Но, поскользнувшись на залитой кровью траве, упал и с размаху въехал ступнями прямо в ноги средней карты. Четверка пик повалилась было ничком, но ее плоское туловище перевернулось в воздухе и шлепнулось, пролетев над Бёртоном. Остальные двое медленно и неуклюже начали поворачиваться к нему. Бёртон, прижимая к себе саблю, откатился в сторону, вскочил и прикончил обоих.

Тут Бёртону наперерез бросился Мартовский Заяц с моргенштерном в руках. Моргенштерн — это такое средневековое оружие, состоящее из двухфутовой деревянной палки, к которой прикреплена цепь со стальным шаром, усеянным колючками. Если умеючи, им можно пробить даже латы. Бёртон слегка попя-

тился, уворачиваясь от шара, пролетевшего прямо у него перед носом, и отсек Зайцу лапу, сжимавшую деревянную палку. Тот завопил, как было запрограммировано при ранениях, однако не бросился бежать, подобно человеку. Он просто стоял на месте, пока потеря крови не заставила его упасть.

Бёртон увидал, как еще один Морж, последний, свалился под яростными ударами трех человек. Но к ним подоспел Белый Рыцарь и убил двоих, между тем как Бёртону пришлось отвернуться, чтобы отразить нападение Плотника и Комара размером с цыпленка. Разделавшись с ними, он напал со спины на Черную Королеву, снес увенчанную короной голову с плеч и еле успел отскочить от Чеширского Кота. Громадная морда этого создания, по величине не уступающего рыси, была измазана кровью; он, очевидно, растерзал не одного человека. Кот с воем прыгнул на Бёртона, растопырив когтистые лапы, но англичанин сразил его саблей прямо между глаз. Сам он при этом не сумел удержаться на ногах, но когда поднялся, то обнаружил, что с котом покончено.

И вдруг что-то пребольно стукнуло Бёртона по затылку. В глазах у него потемнело, и он упал на колени, так и не увидев, кто на него напал. Сейчас он был легкой добычей для любого желающего, однако на помощь ему ринулся какой-то человек, которого англичанин не узнал. Он только услышал звон мечей, попытался встать, но упал на четвереньки, поникнув головой. Потом почувствовал, как чья-то рука поднимает его вверх. Бёртон начал понемногу приходить в себя, хотя затылок раскалывался просто невыносимо. Оказалось, что спас его не кто иной, как Монтейт Магленна. В руках у шотландца был кровавый обоюдоострый меч. Одежда на нем висела клочьями, из многочисленных ран сочилась кровь.

— Еле успел,— сказал он хриплым голосом.

Бёртон посмотрел на Билля Ящерку, на его залитую кровью плоскую шляпу и палицу, лежащую на земле возле трупа.

— Спасибо,— сказал он.— Я скоро оклемаюсь.

— Вот и ладно,— отозвался Магленна.— Нужно пришить этого проклятого Бармаглота. Приходите на подмогу, когда соберетесь с силами.

И блондин побежал, высоко воздев обеими руками меч, точно легендарный клеймор своих предков. У Бармаглота к тому времени от постоянных ударов копьями началось внутреннее кровоизлияние. Кровь, стекавшая из пасти монстра, не могла быть только кровью его жертв. Он стоял на всех четырех лапах, по-прежнему бил хвостом, хотя и не так энергично, и вертел головой из стороны в сторону, устрашая своим ревом обступивших его людей. Никто из них не осмеливался подойти поближе; они подпрыгивали к чудовищу, быстро наносили удар и отскакивали подальше от все еще опасной головы. За ними стоял небольшой заслон, отбивая все попытки андроидов напасть на группу, атакующую Бармаглота, сзади. Слава богу, людям хватило ума хоть как-то организоваться.

Бёртон посмотрел кругом, стараясь побороть тошноту и головокружение. Белый Рыцарь и его конь лежали на земле, но Черный Рыцарь, которому помогали несколько карт, Папа Вильям, пара Орлят, два Белых Кролика, Плотник и вездесущие шорьки, рубил головы налево и направо. Конь его оскальзывался в лужах крови, но не упал даже тогда, когда споткнулся о кучу трупов. Бёртон застонал, почувствовал укол в сердце. Так много человеческих тел! И так много андроидов еще осталось! Некоторые из них не сражались, а добивали раненых людей. Им, видно, дали команду не вступать в драку со следующим противником, пока они не прикончат побежденного.

Внезапно Бёртон увидел Алису. В руках она держала шпагу, а платье ее было все в крови. Она вырвалась из общей мясорубки и могла теперь удрать в особняк. Возможно, ей в голову пришла такая мысль, поскольку Алиса бросила на вершину холма парочку тоскливых взглядов. Но потом повернулась, сбежала по склону вниз и всадила клинок прямо Плотнику в спину.

Звездная Ложка спускалась с «русских гор», собираясь то ли присоединиться к сражающимся, то ли бежать в более безопасное укрытие. Бёртону некогда было это выяснять.

Он повернулся и зашагал к стоящему спиной Додо, который добивал раненых. Под крыльями у попугая были короткие ручонки с человечьими кистями, как на иллюстрации Тенниела. Но из-за того, что ручки были слишком короткие, удары Додо наносил неуклюже и несколько раз рубил по шее, прежде чем она падала с плеч. Бёртон снес ему голову одним махом как раз в тот миг, когда попугай собирался прикончить одного из китайцев.

Бёртон мельком подумал: «Куда, интересно, подевался Ли По?» И сразу же увидел его — высокий китаец стоял на большом столе, отбиваясь от троицы карт тоненькой шпагой. Они тыка-

ли в него копьями с трех сторон, но он уворачивался от ударов, приплясывая и отпихивая древки одной ногой, а сам колол их рапирой. К нему подбежал залитый кровью Фрайгейт с каким-то странным оружием. Бёртон не сразу сумел определить, что у него в руках. Но когда американец начал молотить им по головам карт, до Бёртона дошло. Да это ж Гусеницын кальян! Фрайгейт мигом расправился с двумя картами, а Ли По дважды ранил третью.

Бёртон снова повернулся и пошел туда, где люди сражались с Бармаглотом. Магленна бежал прямо на чудовище, высоко подняв меч.

«Взы-взы — стрижает меч»*,— вспомнилось Бёртону.

Дюжина мужчин и женщин по-прежнему изматывали чудовище; еще дюжина защищала их спины. Пока Магленна бежал, половина защитников пала, и несколько андроидов тотчас набросились на атакующих Бармаглота людей. Четверо человек были убиты ударами в спину, а остальные оказались зажаты между чудовищем и андроидами. Магленна ни на кого не обращал внимания. Едва Бармаглот наклонил голову, чтобы сомкнуть зубы на черепе очередной жертвы, как Бёртон услыхал боевой шотландский клич, прокатившийся по поляне. Магленна, без сомнения, собирался перерубить чудовищу тонкую шею. Но, к несчастью, труп, с которого он прыгнул, слегка повернулся у шотландца под ногой, и кончик меча лишь оцарапал чешуйчатую шею. Шотландец с размаху шлепнулся лицом в грязь, а меч его отлетел далеко в сторону. Магленна проворно вскочил на ноги, оглядываясь в поисках оружия, но тут Бармаглот раскрыл пасть и выронил безжизненное тело прямо на шотландца. Тот сбросил с себя труп и встал. Гигантские челюсти поймали его голову вместе с плечами, и корчащееся тело баронета взмыло вверх. На землю оно упало уже без головы и плеч, которые чудовище выплюнуло минутой позже.

Несмотря на оглушительный шум сражения, Бёртон услышал пронзительный Алисин крик; у него был богатый опыт по части ее криков. Обернувшись, Бёртон увидел, как она застыла в ужасе, зажав ладонью рот. Глаза ее казались громадными черными провалами.

* Л. Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье», пер. Д. Орловской.

Он увидел также Черного Рыцаря, несущегося галопом прямо на него с поднятой кверху колючей палицей. Черные доспехи и шлем в виде конской морды придавали ему поистине устрашающий вид. А цокот копыт напоминал барабанную дробь перед падением ножа гильотины.

Бёртон перекинул саблю в левую руку, подобрал с земли копье и приготовился к броску. Целился он не в самого Рыцаря, а в его скакуна. Когда закованный в латы андроид приблизился на расстояние тридцати футов, Бёртон метнул копье, и его острый массивный наконечник вонзился лошади под лопатку. Конь упал, перекувырнувшись через голову. Всадник подлетел вверх и с громким лязгом приземлился на траву. Бёртон, взяв саблю в правую руку, побежал к лошади, которая пыталась встать на ноги, и перерезал ей яремную вену. Конь, как Рыцарь, тоже был запрограммирован убивать: он кусался и лягался, пока его всадник махал палицей, поэтому нужно было обезвредить его в первую очередь.

Рыцарь недвижно лежал ничком. Бёртон перевернул тяжелое тело и открепил шлемные зажимы. Ему нужно было убедиться, что андроид погиб, а не просто потерял сознание. Увидев лицо Рыцаря, Бёртон вздрогнул. Это было его собственное лицо.

— Очередная Алисина шуточка,— пробормотал он.

Поднявшись, Бёртон глянул на убитого и подумал: «До чего же странно смотреть на свой труп!» Потом он перевел взгляд на поляну и подножие холма. Поляна была усеяна мертвыми телами, кое-где они были навалены кучами. Единственной стоящей фигурой в этом направлении была Алиса, только что вытащившая шпагу из тела Шалтая-Болтая. По щекам ее катились слезы, смывая кровь и грязь.

Тут Бёртон увидел Звездную Ложку, которая бежала вниз по склону с двумя лучеметами в руках. Она сумела-таки добраться до особняка, но лишь для того, чтобы вынести оттуда оружие и обеспечить людям победу, хотя не знала даже, остался ли кто-нибудь, кроме нее, в живых.

Бёртон повернул голову. В той стороне на ногах еще стояло с десяток андроидов, не считая Бармаглота. С ними сражались трое человек — Ли По, кто-то из негров и белая женщина, одна из подруг Афры Бен. На глазах у Бёртона женщина упала под градом ударов.

Бармаглот, часто и неровно дыша, заковылял к кучке сражающихся. Приблизившись к ним, он повернулся задом и смел хвостом трех андроидов вместе с негром. Ли По пронзил шпагой Белую Королеву и рванул к парковочной площадке. Там все еще стояли три кресла.

Откуда-то сбоку вынырнул Фрайгейт и тоже помчался к креслам. Оставшиеся в живых андроиды изрубили упавшего негра и бросились в погоню.

Бармаглот, качнув головой слева направо, увидел Бёртона и потопал к нему.

На поляне было теперь сравнительно тихо, и вдруг тишину разорвал треск мотора. Билл Уильямс, окровавленный, но улыбающийся, с шумом вывел свой мотоцикл из-за маленького домика с трубами в виде заячьих ушей и мохнатой крышей. Бёртон понятия не имел, как Билла туда занесло и почему там оказался его мотоцикл. Возможно, негр запрятал его туда в суматохе, намереваясь удрать в подходящий момент. А возможно, и даже более вероятно, он просто выжидал удобного случая, чтобы оседлать своего железного коня. Или же, спрятав машину, потерял сознание из-за ран, а потом очнулся и решил осуществить свой первоначальный план. В общем, как бы там ни было, парень собирался сделать то, до чего мог додуматься только он один.

Пока страшилище подбиралось к Бёртону, не реагируя на новый источник звука, Уильямс разгонялся, все больше увеличивая скорость. Лавируя между трупами, а то и наезжая на чью-то вытянутую руку или ногу, мотоцикл несся прямо на Бармаглота и на всем ходу впилился ему в ребра.

Удар был настолько силен, что Бармаглот свалился на бок. Уильямс, перелетев через него, рухнул на землю. Чудовище вытянуло голову вверх, во всю длину шеи, издало могучий утробный рев и сдохло.

Бёртон подбежал к Уильямсу, перевернул его. Негр был мертв. Лицо его было все расквашено, шея сломана.

Последние андроиды, несмотря на очевидное поражение их войска, направились к Бёртону, как велела им программа. Но дойти до него не смогли. Кресла Фрайгейта и Ли По врезались в них и продолжали лупить андроидов с воздуха до тех пор, пока они не упали без сил. Тогда оба друга слезли с кресел и завершили начатое.

Бёртон услыхал за спиной чей-то тихий вскрик. Обернувшись, он увидел, что Звездная Ложка поскользнулась и упала лицом вниз, выпустив из рук оба лучемета, чтобы смягчить падение. Он подошел к ней и поднял. Рыдая, она приникла к его груди.

Наступившую тишину нарушали только рыдания Алисы, Звездной Ложки и Фрайгейта. В живых остались лишь они, Бёртон и Ли По. Хотя нет. На гигантском мухоморе по-прежнему сидела Синяя Гусеница, да еще уцелела одна бегемошка, существо слишком мелкое, чтобы программировать его для убийства. Но они, конечно же, были не в счет.

Бёртон чувствовал такую усталость и опустошенность, каких не испытывал ни разу за свою долгую жизнь. Все тело его онемело от боли, мир вокруг казался чужим и уплывал куда-то вдаль.

— Кто же мог сделать такую ужасную подлость? — плача, повторяла Алиса.

Действительно, кто?

В этот миг Уильям Галл застонал и воссел из мертвых.

Глава 33

Сплошь заляпанный кровью, доктор был, однако, цел и невредим, если не считать огромной шишки на затылке.

— Я лишился чувств, и на меня свалился кто-то из убитых. Андроиды не заметили меня.

Он осторожно дотронулся до шишки и поморщился.

— Вам очень повезло,— бесстрастно заметил Бёртон.— Думаю, вы единственный из упавших, кому не перерезали горло.

Почему повезло именно Галлу? Почему не могли уцелеть Нур, или де Марбо, или Бен?

Впрочем, это не имеет значения, сказал себе Бёртон. Их можно воскресить.

И в ту же секунду до него дошло, что убийца наверняка позаботился о том, чтобы воскресить их было невозможно. Зачем убивать людей, если они запросто могут вернуться к жизни? Чего ради тогда затевать такую бойню?

Ладно, они это выяснят. А сейчас им надо оправиться от усталости и шока. Необходимо убрать кровавое месиво с поляны и кремировать мертвых.

— Пойдемте в дом,— предложил он.— Здесь мы ничего путного не высидим.

Но прежде всего Бёртон решил принять меры предосторожности, чтобы защитить себя и остальных.

— Были в доме андроиды, когда ты ходила туда? — спросил он у Звездной Ложки, подобрав оба лучемета.

— Я никого не видела,— отозвалась китаянка. Голос ее был так же лишен всякого выражения, как и лицо.

— Нам придется все делать самим,— сказал Бёртон.— Андроидам больше нельзя доверять.

Он вдруг остановился. Лучеметы были подозрительно легкими. Бёртон открыл приклад лучемета, посмотрел на гнезда, куда вставлялись батареи, и выругался. Они оказались пустыми.

— От этих лучеметов никакого толку,— проговорил он, показав пустые гнезда Звездной Ложке.

— Извини. Я была слишком взволнована и не заметила.— Она поежилась.— Хорошо, что мне не пришлось пустить их в ход.

— Да. Наш противник умен. Хотя...

Они тащились к вершине холма, с трудом переставляя ноги, точно шли по дну колодца с патокой.

— Что «хотя»? — спросила китаянка.

— Почему убийца не дал андроидам лучеметы? Тогда нас перебили бы запросто. Никто не смог бы уцелеть.

— Возможно, убийце нравится вид крови,— сказал Ли По, услышав его слова.— А может, он хотел, чтобы мы погибли мучительной смертью и до конца не теряли надежды уцелеть. Что нам, кстати, и удалось...

— Он на этом не остановится,— заметил Бёртон.

— Он проиграл,— возразил китаец.— Стоит нам только воскресить своих друзей, и тогда ему...— Он осекся, широко разинув рот.— О боже! А вдруг он запретил их воскрешать?

— Вот именно,— сказал Бёртон.— Что ж, скоро мы это узнаем.

Их нагнал Фрайгейт, постоянно оглядывавшийся назад. Бёртон тоже обернулся посмотреть, что так занимает американца. Позади них по склону медленно тащился Галл.

— Может, я слишком подозрителен,— сказал американец,— но разве вам не кажется странным, что его не убили, когда он упал? У меня нет никаких оснований его подозревать, и тем не менее он все-таки был Джеком Потрошителем. А вдруг он запрограммировал андроидов так, чтобы они его не убивали? Или даже дал им команду стукнуть себя легонько по затылку, если мы начнем побеждать. Мне ужасно неприятно все это говорить, но теперь нам нельзя рисковать.

— Я думал то же самое,— отозвался Бёртон.— И все же его рассказ звучит правдоподобно.

Остальной путь они проделали в молчании. Небо было по-прежнему голубое, а солнце стояло примерно там, где должно было находиться в шесть часов. Бёртон вспомнил слова Болванщика: «А на часах все шесть...»

В лесах снова запели птицы, белка сердито кого-то бранила — должно быть, одного из Алисиных котов. Напуганные шумом битвы, дикие зверушки было примолкли, но теперь, когда стало тихо, вернулись к своей обычной жизни. Весь этот шум и вавилонское столпотворение ничего не значили для них. Невинные лесные твари жили исключительно настоящим; прошлое было забыто.

Бёртон позавидовал их невинности и тому, что они не осознают бега времени.

Взобравшись на вершину, друзья остановились перевести дух в большом чудесном саду, усаженном цветами. Бёртон глянул на небо — не осталось ли там кресел, прижавшихся где-нибудь к голубой тверди. Они будут висеть, пока не кончится запас энергии, а потом плавно опустятся на верхушки деревьев.

Бёртон и его спутники вошли в огромный пустой особняк — по крайней мере, они надеялись, что он пустой,— и обшарили все комнаты с оружием в руках. Удостоверившись, что никто не прячется в засаде — ни андроид, ни человек,— они приняли душ и, надев простые, но чистые халаты, встретились в просторной библиотеке. К тому времени противошоковые таблетки, которыми снабдил их компьютер, уже оказали свое действие. Но ощущение крайней усталости и подавленности осталось. Спиртное почти не помогало. Есть никому не хотелось.

— Ладно, чего тянуть,— сказал Бёртон, усаживаясь за компьютерный пульт.

Ему было страшно задавать этот вопрос, но он его задал. И компьютер сообщил именно то, что Бёртон так боялся услышать.

Воскресить погибших — Нура, Терпина, Софи, де Марбо, Афру и прочих — было невозможно. Кто-то наложил запрет, и компьютер отказался назвать имя.

— О господи! — простонала Алиса.— Мы с Монти были вместе всего шесть дней, и теперь я потеряла его навеки!

— Не навеки,— откликнулся Бёртон.— Мы найдем способ отменить запрет. Когда-нибудь.

— Нужно предупредить остальных,— сказала Алиса.

— Остальных? — переспросил Бёртон.— А-а, ты имеешь в виду жителей Терпинвиля, Нетли с компанией и цыган!

— Предупредите цыган,— вмешался Фрайгейт.— Плевать нам на тех, кто вышвырнул нас с Томом из наших миров. Они не заслуживают никаких предупреждений. Чего они заслуживают, так это... в общем...

— Я понимаю твои чувства,— сказал Бёртон.— Но они в каком-то смысле наши союзники. Снарк — или кто-то еще, кем бы ни был этот убийца,— не ограничится нападением на нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Фрайгейт.

— Я не знаю, но предупредить их мы обязаны.

Сперва он попробовал дозвониться в Терпинвиль. Но хотя связь работала исправно, никто не отвечал. Экран же сплошь был залит мутным темно-янтарным светом, в котором ничего не удавалось разглядеть.

Бёртон уже собрался попробовать вызвать Нетли, как вдруг Ли По воскликнул:

— Погоди! Мне кажется, я что-то видел!

— Что? — спросил Бёртон, сощурив глаза, словно это могло помочь.

— Что-то темное. Движущееся,— ответил Ли По.

Остальные сгрудились возле пульта, пристально вглядываясь в экран.

— Я ничего не вижу,— заявил Бёртон.

— У тебя нет моих орлиных глаз,— возразил Ли По и ткнул пальцем.— Вот оно! Неужели не видишь? Темное и движется очень медленно!

Чуть погодя Бёртон тоже заметил зыбкое темное пятно. Оно перемещалось еле-еле, бесконечно долго подплывая поближе. Прошло несколько минут, и наконец очертания стали более отчетливыми.

— Это же человек! — ахнула Алиса.

Бёртон попросил компьютер сделать изображение посветлее, если возможно. Жидкость — а это бесспорно была жидкость, раз

человек в ней плыл,— слегка осветилась. Прошло еще несколько минут, и они увидели лицо чернокожего человека с выпученными глазами и разинутым ртом.

— Не знаю, что там стряслось,— проговорил Бёртон,— но, похоже, что-то ужасное. Терпинвильский экран для принятия сигналов извне находится в комнате рядом с кабинетом Тома. И эта комната явно наполнена водой или какой-то другой жидкостью.

— Не может быть! — воскликнула Звездная Ложка.

— Еще как может! Компьютер способен сделать что угодно.

— Попробуй звякнуть Нетли,— посоветовал Фрайгейт.

Бёртон так и сделал. На сей раз жидкость на экране была более прозрачной. В глубине все сливалось, теряя черты, но вблизи темнело какое-то пятно, похожее на диван. Рядом с ним виднелся какой-то небольшой черный предмет, слишком расплывчатый, чтобы его опознать. Однако он несомненно плавал. Это могла быть пластиковая бутылка, наполовину пустая, которую воздух вытолкнул наверх.

— Жидкость определенно другая,— промолвил Бёртон.

— Спроси компьютер, может, он знает, что там случилось,— сказал Фрайгейт.

— Не будь ослом! — Бёртон бросил на него сердитый взгляд.— Убийца наверняка отдал компьютеру команду не давать нам никаких ответов.

— Почему ты так уверен? Возможно, Снарку без разницы. Может, он даже хочет, чтобы мы знали. И вообще, если он не сомневался, что убьет нас всех, на кой ему было вводить запреты — вопросы-то задавать будет некому!

— Все может быть. Извини, я погорячился.

Бёртон спросил у компьютера, записал ли тот недавние события, происходившие в Терпинвиле и мире Фрайгейта. Тот ответил утвердительно. Бёртон велел вывести на экран запись Терпинвиля начиная с того момента, когда туда хлынула жидкость.

Все они до сих пор были уверены, что аудио- и видеосообщения внутри личных миров могут осуществляться лишь через локальную компьютерную сеть, соединенную кабелями, пролегающими по дну мира. Но Снарк — таинственный убийца — ухитрился преодолеть видеобарьер и подключиться к местной сети. На экранах появились отдельные участки стены, ограждавшей

мир Терпина, и Бёртон с друзьями увидели наводнение с высоты птичьего полета. На глазах у изумленной публики вода в фонтанах, в реке, на болотах и в озере сменилась янтарной жидкостью — бурбоном, как сказал компьютер в ответ на вопрос Бёртона.

— Бурбоном?

Бёртон, не веря своим ушам, попросил компьютер повторить ответ.

Да, подтвердил тот, бурбоном.

Виски хлестало из всевозможных источников с чудовищным напором. Струи фонтанов взмыли почти под потолок бробдингнежского помещения; река, озера и болота быстро набухли от притока бурбона.

— Зуб даю — бурбон там самого лучшего сорта,— пробормотал Бёртон.

Охваченные паникой жители Терпинвиля на разных видах транспорта рванули к выходу. За сотню летающих кресел разгорелась настоящая драка с воплями и поножовщиной. Те, кому кресел не досталось, не менее яростно сражались за автомобили, мотоциклы и экипажи с лошадьми. Поезд был набит под завязку, люди лезли на крыши вагонов и автомобилей. Счастливчики в креслах быстро долетели до выхода — и поняли, что не в силах отпереть дверь. Люди, шедшие пешком и ехавшие наземным транспортом, утонули, не успев достичь дверей.

Если бы они не запаниковали, то могли бы заказать летающие кресла в конвертерах массы-энергии и добраться до выхода. Где обнаружили бы тщету своих усилий.

Хотя виски текло бурным потоком, емкость ему нужно было наполнить поистине необъятную, так что уровень жидкости поднялся всего на четверть высоты стен. Люди в креслах взмыли под потолок и задохнулись — то ли от испарений, то ли из-за недостатка кислорода. Некоторые могли быть еще живы, хотя ненадолго. Уровень виски, правда, подниматься перестал, но жидкости было вполне достаточно, чтобы прикончить уцелевших.

— Какая жуткая смерть! — сказал Бёртон. И, оглядев бледные лица друзей, добавил: — И все-таки посмотрим, как погиб мир Нетли.

Там картина была точно такой же, только вместо виски отовсюду хлестал джин. Самый высокопробный, разумеется.

Бёртон был почти уверен, что компьютер откажется воскрешать погибших в обоих мирах, и его предчувствие полностью подтвердилось.

Цыгане шли по коридору, ведущему к колодцу с ватанами,— возможно, хотели полюбоваться местной достопримечательностью,— когда навстречу им выехал большой робот на колесах и всех перестрелял из лучемета. Десять минут спустя тот же робот вычистил залитый кровью пол и отвез трупы к конвертеру, где превратил их в пепел.

— Значит, в живых остались только мы шестеро,— сказал Бёртон.— Вернее, семеро, если считать вместе со Снарком. Но...

— Что «но»? — после долгой паузы не выдержала Алиса.

Бёртон ничего не ответил. Он думал о том, что убийца мог гораздо легче расправиться с ними, если бы он — или она — затопил также Алисин мир. Почему же он выбрал другой способ? Или он натравил на них экзотических андроидов исключительно забавы ради, потакая своему извращенному чувству юмора? И поэтому превратил обаятельные создания из двух фантастических книжек для детей в кровожадных чудовищ?

Более вероятно, впрочем, что убийца сделал исключение для Алисиного мира потому, что сам — или сама — был в числе гостей. И этот гость хотел своими глазами увидеть, как его — или ее — враги, которых он, должно быть, страстно ненавидел, погибнут в кровавой бойне.

И этот гость, опять-таки, запрограммировал андроидов так, чтобы его они не тронули.

Бёртон знал Алису, Питера Фрайгейта и Ли По слишком давно, чтобы подозревать их. Стало быть, остаются только двое. Уильям Галл, который уверял, что переменился и стал глубоко верующим человеком, однако же убил в свое время пятерых женщин. И Звездная Ложка — но у нее, насколько Бёртон знал, не было никаких мотивов.

Однако Галл пробыл в башне слишком недолго, чтобы научиться управлять компьютером с таким умением, вернее, даже изобретательностью, какие проявил убийца.

Звездная Ложка работала с машиной часто и усердно, но могла ли она за столь короткий срок приобрести познания, неведомые даже тем, кто общался с компьютером значительно дольше?

Наверное, все-таки объявился Снарк номер два.

И тогда они все шестеро полностью в его власти.

С другой стороны, может статься, что кому-нибудь из шестерки все-таки удалось досконально изучить возможности машины и организовать убийства.

Но зачем?

— Мы должны просмотреть воспоминания каждого из нас за последние шесть недель,— заявил Бёртон, вставая с кресла.

— Я слишком вымотался для такой процедуры,— возразил Фрайгейт.

Алиса, Галл и Звездная Ложка тоже запротестовали, ссылаясь на усталость.

— Давайте отложим просмотр на завтра, когда отдохнем,— предложила Алиса.

— В любом случае это пустая трата времени,— сказала Звездная Ложка.— Ясно же, что убийца записал фальшивые воспоминания.

— Да, я знаю. И все-таки нужно проверить.

Они просидели еще около часа в гнетущей тишине, изредка обмениваясь угрюмыми репликами. Наконец Фрайгейт заявил, что не прочь немножко подкрепиться. Остальные тоже решили перекусить и вопреки ожиданиям съели довольно много. Выпито тоже было немало, так что компания стала более оживленной, если не сказать беспечной. Тогда Бёртон заговорил о том, что не давало ему покоя с той самой минуты, когда они вошли в особняк.

— Наш враг закрыл выход в Терпинвиле и мире Нетли. Стало быть, он вполне может проделать то же самое и здесь. Поскольку убить нас с помощью андроидов ему не удалось, он может прибегнуть к беспроигрышному варианту с наводнением. Лучше нам убраться отсюда в какую-нибудь квартиру.

Они обсуждали этот вопрос довольно долго, и в конце концов Алиса по предложению Бёртона приказала открыть дверь, ведущую в центральную зону. На экране они увидели, что приказ ее исполнен.

— Это еще не значит, что Снарк не сможет закрыть ее в любую минуту,— пробурчал Бёртон.

— Тогда пошли отсюда,— сказал Фрайгейт.— Только кто помешает Снарку запереть и квартиру тоже?

— Не знаю,— ответил Бёртон.— Но там он нас, по крайней мере, не затопит.

Они заказали в конвертере летающие кресла и полетели над сумеречным миром под имитацией полной луны. Никто не проронил ни слова по поводу трупов, оставшихся на поляне. Убирать их было некогда; вороны, орлы и ястребы склюют человечью плоть. Если люди когда-нибудь вернутся в мир Алисы, то застанут здесь лишь голые кости.

Выпив на ночь еще по рюмочке, все шестеро, за исключением Бёртона и Звездной Ложки, разошлись по отдельным спальням. Китаянка сразу же запрыгнула на кровать и, пробормотав: «Спокойной ночи, Дик», заснула. Бёртон последовал ее примеру через несколько минут и вопреки ожиданиям тоже моментально уснул. Пробудился он через четыре часа — бессонница, вечная спутница его жизни, вцепилась в него не хуже Старого Морехода. Китаянка, повернувшись к нему спиной, тихо посапывала. Бёртон встал с кровати, надел халат, пошел в гостиную и заказал большую чашку кофе. Прогнав таким образом усталость, он снова сел за пульт. Через пять часов Бёртон ввел в компьютер все мыслимые команды и запреты, способные защитить его квартиру. Однако он был уверен, что не сумел всего предусмотреть. Нужно будет, решил Бёртон, с утра попросить остальных дополнить список.

— Давным-давно нужно было это сделать,— проворчал он себе под нос.

Он решил не ждать, пока спящие соберутся к завтраку. Люди настолько устали, что могли проспать до полудня. Не придумав ничего более интересного, Бёртон начал просматривать коридоры. Начал с ангара, расположенного на вершине башни, спустился на один уровень, потом на другой. Это заняло немного времени, поскольку с первого взгляда было видно, что центральная площадка пуста, а в малых мирах, кроме зверей, нет никого живого.

Сканирующее устройство принялось за шестидесятый уровень, пробегая по коридорам и заглядывая в комнаты. Вскоре оно дошло до коридора, внутренняя стена которого была одновременно частью стены колодца с ватанами. Здесь, как помнил Бёртон, можно было увидеть массу ватанов воочию.

— Стой! — крикнул он.

И уставился на изогнутую прозрачную стенку колодца.

Красивые, яркие, разноцветные, то разбухающие, то сжимающиеся крутящиеся субстанции, называемые ватанами, исчезли. Колодец был темен и пуст.

Глава 34

Питер Фрайгейт пришел в гостиную первым. Остановился, посмотрел на Бёртона, на лежащий рядом с ним лучемет, на полуоткрытую дверь в коридор.

— Что все это значит?

Только Бёртон открыл рот, чтобы ответить, как в комнату вошел Ли По.

— Выпей сначала кофейку, Пит,— сказал Бёртон.

— Как ты, Дик? — спросил китаец.

— Не спал почти всю ночь. Работал.

Ли По тоже глянул на оружие и дверь, удивленно нахмурил брови, но не проронил ни слова.

— Ты ужасно выглядишь,— заявил Фрайгейт, налив себе кофе из кофейника, стоявшего на столе.— Черные круги под глазами... Ты похож на задрюченного енота. Чем ты занимался?

— Чувствую я себя тоже ужасно,— медленно проговорил Бёртон.— Я чувствую... Как бы вы чувствовали себя, если бы знали, что близок конец света? Вернее, если бы он уже наступил, причем на самом деле?

Фрайгейт, не поморщившись, выпил целую чашку горячего кофе.

— Конец света наступает каждую секунду,— промолвил он.

Бёртон не понял, что хотел сказать американец, да и не хотел этого выяснять. Скорее всего, фраза американца была чисто риторической.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ли По, отхлебнув глоточек кофе.

— Наверное, лучше мне подождать, пока мы не соберемся все вместе. Не хочу повторяться.

— Вот еще! — возмутился Фрайгейт.— Выкладывай, что стряслось!

Бёртон рассказал им про пустой колодец.

Ли По побледнел, но промолчал.

— Потом я проверил телесные матрицы,— сказал Бёртон.— Мне пришлось принудить себя это сделать, поскольку я не хотел знать, что с ними случилось, хотя в душе уже знал. Но проверить было необходимо, и я проверил.

— И они... они...— запинаясь, проговорил Фрайгейт.

— Они все стерты. Все тридцать пять миллиардов и шестьсот сорок шесть миллионов. Без исключения. Все. И за это время в колодец не поступило ни одного нового ватана.

— Удар за ударом,— пробормотал китаец.

— Значит... когда мы умрем,— сказал Фрайгейт после долгой паузы,— то умрем навеки.

— Вот именно.

Выдержав еще одну длительную паузу — только катастрофа вселенских масштабов могла заткнуть Ли По рот так надолго, мельком подумалось Бёртону,— Фрайгейт влил бренди в недопитую чашку кофе и залпом заглотнул дымящуюся жидкость. Китаец привстал, собираясь последовать его примеру, но, покачав головой, рухнул обратно в кресло. Бёртон впервые в жизни видел, чтобы Ли По отказался от выпивки.

Лицо у Фрайгейта чуточку зарумянилось от бренди. Он выпил еще, на сей раз без кофе, и произнес:

— Снарк отменил эту автоматическую функцию... Я хочу сказать, отныне мы не сможем воскресить ни одного человека?

— Верно.

— Но мы можем дожить до прилета обитателей мира Садов, и они вновь запишут наши данные. Иначе все мы тоже навсегда утратим шанс на бессмертие.

— Конечно,— откликнулся Бёртон.— Но когда они сюда прилетят, наше время выйдет. Если мы не будем готовы к «продвижению», наши матрицы просто сотрут — вместе с нами самими.

Он встал, плеснул себе еще кофе, глянул на бутылку бренди, но удержался.

— Я сразу же спросил об этом у компьютера. Я, конечно же, был в шоке, ругал себя последними словами, проклинал все на свете — ведь сразу после того, как мы вернулись от Алисы, я ввел в компьютер команду, чтобы он не стирал телесные матрицы. Но было слишком поздно, хотя тогда я этого не знал, поскольку эта идиотская машина не сказала мне, что моя команда запоздала. Компьютер должен был сказать, но Снарк велел ему не выдавать никаких данных, пока о них не запросят.

— Все мы плетемся в хвосте у событий и постоянно опаздываем,— убитым тоном промолвил Фрайгейт.— Порой я думаю, а не заставил ли Снарк машину излучать какое-нибудь поле, подавляющее нервную систему, чтобы оболванить нас?

— Сомневаюсь,— отозвался Бёртон.— Мы ведь ничего подобного не ожидали — просто играли в игрушки, как дети. Однако...— Бёртон приподнял салфетку, под которой лежал желтый шарик размером с клюкву.— Я поработал, покуда вы спали. Это сфера, в которую записывают телесную матрицу. Я велел компьютеру сделать копию для себя. Сейчас она пуста, но мне просто хотелось на нее посмотреть. И когда я взял ее в руки, меня осенило... это всего лишь теория, но она вполне правдоподобно объясняет некоторые факты. В частности, она дает ответ на вопрос о том, как Снарку удалось проникнуть в мир Алисы, Терпина и твой — вернее, в мир Нетли. Ведь подготовить все эти убийства снаружи попросту невозможно.

Тут в гостиную вошла Алиса. Бёртону пришлось повторить весь рассказ и подождать, пока она немного оправится от удара.

— Во-первых,— продолжал затем Бёртон,— я не думаю, что это сделал Снарк. То есть я не верю, что в башне прячется кто-то из этиков. Нур уничтожил их последнюю агентку, хотя полной уверенности в этом, конечно, быть не может. Но убийства в личных мирах совершил кто-то из нас. Я имею в виду — из уцелевших.

— Галл! — воскликнул Ли По, вскочив с кресла и дрожа всем телом.— Или Звездная Ложка! Но почему?

— Возможно, Галл взялся за старое,— кивнул Бёртон,— хотя в таком случае он, видно, совсем ополоумел. Звездная Ложка? Тогда она тоже должна была сойти с ума. Однако если кто-то из них и спятил, то успешно скрывает это. Но сначала дайте мне досказать мою теорию.

— Сначала... прости, что прерываю,— вмешался Фрайгейт,— мы должны учесть, что убийца — не обязательно Галл или Звездная Ложка. А вдруг это кто-то, кого мы даже в глаза не видали? В конце концов, Уильямс воскресил Галла и других участников дела Потрошителя. И цыгане тоже появились невесть откуда. Мы не знаем, кто их поднял из мертвых, но я подозреваю, что это сделал тот же Уильямс — шутки ради или чтобы нам досадить. Хотя, возможно, он тут ни при чем. Разве не могло случиться так, что кто-то воскресил маньяка, который и стал нашим вторым Снарком?

— Я попросил компьютер проверить, есть ли в башне другие люди, кроме нас. Он доложил, что никого не обнаружил. Тогда я затребовал список всех воскрешенных, и их количество в точности совпало с моими расчетами. Но компьютер, опять-таки, мог утаить какие-то дополнительные данные, о которых я не догадался поинтересоваться.

— В общем, все та же сплошная неопределенность,— сказал Фрайгейт, махнув рукой.

— Как обычно. И все же я полагаю, что существование Таинственного Незнакомца в башне маловероятно.— Бёртон поднял желтый шарик.— Вот как, по-моему, он — или она — проделал этот фокус.

Убийца заказал в конвертерах несколько копий своей телесной матрицы. Компьютер выполнил заказ, поскольку я ввел запрет на подобные просьбы слишком поздно. Дело было сделано.

Так у Снарка номер два появилась возможность проникнуть в миры Терпина, Фрайгейта и Алисы. Я думаю, теперь ему ничего не стоит пробраться и в другие миры, а также в некоторые квартиры.

Для этого ему достаточно было поместить один такой шарик со своей записью в какой-нибудь стоящий на отшибе конвертер, которым сравнительно редко пользуются. Скорее всего, Снарк припрятал такие же шарики в других легкодоступных местах и наверняка носил парочку у себя в карманах.

Потом Снарк убил себя в пустой запертой квартире, предварительно договорившись с компьютером, чтобы тот воскресил его в конвертере, стоящем в чьем-либо мире.

Конвертер, в котором остался умерший Снарк, дезинтегрировал его тело, чтобы никто на него случайно не наткнулся.

А попав в мир Алисы, Снарк номер два принялся за дело. То есть начал словесно программировать андроидов, когда они не были в поле зрения Алисы с Магленной. Хотя, возможно, их запрограммировали еще до появления Магленны. Поскольку Снарку приходилось работать тайком, ему потребовалось по меньшей мере несколько недель, чтобы все подготовить.

Что касается двух затопленных миров, то эта команда была отдана снаружи.

Этики считали, что их личные миры стопроцентно защищены от вторжения извне. Да им, в общем, и не приходилось серьезно задумываться над вопросами безопасности, ибо они считали башню неприступной крепостью. Они, конечно, знали, что среди них есть предатель, однако не думали, что он угрожает им лично.

Но человек изобретательный запросто мог затопить малые миры, дав компьютеру команду увеличить приток жидкости, пока население мира не утонет.

— Все это звучит правдоподобно,— сказала Алиса,— но как Снарку удалось запереть выходы из миров? И как он мог увидеть, что там творится, когда началось наводнение? Компьютер отпирает и запирает двери только в ответ на кодовые слова и никогда не передает изображений из малого мира, кроме тех, что заказывают его обитатели. Эти запреты никто не в силах отменить.

— Но их можно обойти. Снарк, проникнув с помощью своих шариков в чей-либо мир, заказал в конвертере камеры, поднял их к самому потолку, скорее всего ночью, и закрепил там. Главный компьютер действительно передает волновые импульсы через стенные сети только по строго определенным каналам. Но в то же время ему велено передавать за стены миров импульсы, адресованные конвертерам, вспомогательным компьютерам и устройствам связи. Для него нет разницы между аппаратурой, установленной этиками, и той, что появилась позже. Он воспринимает все новые устройства как вполне законные.

— А как же с дверьми? — не унималась Алиса.

— Снарк обработал их извне каким-то веществом, которое затвердело и не давало механизмам открыть двери — ведь они открываются наружу.

Это означает, что Снарк задраил двери во время твоей вечеринки, Алиса. Он — или она — убил себя, воскрес в одной из квартир, полетел оттуда к центральной площади и обработал двери двух миров. Потом скомандовал устройствам, подающим воду, перейти на бурбон и джин и начал затопление. После чего снова совершил самоубийство, воскрес и явился к тебе в гости, ожидая, когда андроиды пойдут в атаку. Во время битвы Снарк принял все меры, чтобы не пострадать от андроидов. Его или ее планы не осуществились полностью, но Снарка, я думаю, это не смутило. У него есть еще возможность завершить задуманное.

— Ага! Значит, в число подозреваемых входят только гости вечеринки! — воскликнул Ли По.— Стало быть... это Галл либо Звездная Ложка.

— Не обязательно,— возразил Фрайгейт — Снарком может быть кто угодно, коль скоро он умеет проникать в разные миры. Возможно, это кто-нибудь из воскрешенных, кого мы с вами знаем или должны были бы знать. В конце концов, мы не видели всех трупов в мирах Терпина и Нетли, то есть в моем. Нужно узнать — а вдруг там кого-то недостает?

— Сначала нам нужно всерьез заняться Галлом и Звездной Ложкой. Пропустить их через сито,— сказал Бёртон.

И тут же подумал: «Если кто-то из них так дьявольски умен, он, очевидно, предвидел, что у нас хватит сообразительности сузить круг подозреваемых до двух, пусть даже мы не Шерлоки Холмсы!»

— Вот почему у тебя на столе лучемет? — спросил Ли По, словно прочитав его мысли.— На случай встречи со Снарком?

— Да. Если кто-то из них появится в двери с оружием в руках, меня не застанут врасплох.

— Но раз они... вернее, кто-то из них... в состоянии убить себя и воскреснуть где угодно,— сказала Алиса,— что может помешать Снарку явиться сюда? — Она показала на открытую дверь в коридор.

— Ах, это! — откликнулся Бёртон.— Видишь ли, я скопировал modus operandi* убийцы. Сегодня рано утром я задраил двери Галла и Звездной Ложки.

Бёртону не надо было объяснять собравшимся, зачем он так поступил. Убийца, обнаружив, что дверь не отпирается, быстро поймет почему. И тогда у него останется лишь один выход, к которому Снарк прибегал уже не раз. Совершить самоубийство и воскреснуть где-нибудь в другом месте.

— А что, если Снарк сделает вид, будто ничего не понимает, и попросит выпустить его? — спросил Фрайгейт.

— Мы будем держать взаперти их обоих. Рано или поздно Снарк не выдержит и удерет.

Сиюминутные треволнения как-то сгладили шок от известия об исчезновении ватанов. Друзья отвлеклись от пугающей мысли о том, что следующая их смерть окажется последней, равно как и смерть жителей долины. А также от раздумий о том, что все их страдания в этом мире были тщетны.

«Нет,— подумал Бёртон.— Они не были тщетны, и нас воскресили не зря. Мы прожили гораздо дольше, чем смели надеяться прожить на Земле. Нам вернули наши молодые тела, и мы боролись и любили со всем пылом юности, полные здоровья и сил. Мы жили без оглядки, на всю катушку, мы трудились в поте

* Образ действий *(лат.)*.

лица, стремясь достичь заветной цели. А цель того стоила. И если нам удастся дожить до прилета обитателей мира Садов, то... Хотя нет. Первая фаза проекта завершится, и мы должны будем умереть, чтобы освободить место для следующих воскрешенных.

Но что толку сейчас об этом думать? Сейчас самое главное — изловить Снарка».

— Экран! — воскликнул Фрайгейт.

Бёртон встал и подошел к угловому пульту. С экрана озадаченно смотрел Галл.

— Доброе утро,— сказал он, увидев Бёртона.— Не знаю, в чем дело, но я не могу открыть дверь.

— Странно,— ответил Бёртон.— Вы спросили у компьютера почему?

— Конечно, но он говорит, что не знает.

— Мы попробуем что-нибудь сделать,— пообещал Бёртон.— Но вы не морите себя голодом. Закажите завтрак, а мы тем временем посмотрим, в чем дело.

Когда экран погас, Бёртон попросил компьютер показать свою спальню. Комната тут же появилась на дисплее — Бёртон не был уверен в том, что спальня не отрезана от связи,— но кровать оказалась пуста. Звездной Ложки не было видно, хотя она могла зайти в ванную. Бёртон, удостоверившись, что аудиопередача тоже в порядке, громко окликнул ее по имени. Потом еще раз — но китаянка так и не появилась.

— Она сбежала.

— Где ее тело? — спросил Фрайгейт.

— Не знаю,— ответил Бёртон.— Нужно выяснить.

Друзья, вооруженные лучеметами, отправились по коридору к спальне. Бёртон вместе с Ли По начали плавить лучами затвердевшую массу, которой была задраена дверь. Повалил густой едкий дым, они закашлялись и вынуждены были подождать, пока кондиционеры не всосали ядовитые пары. Когда фиолетовая стеклянистая масса полностью расплавилась, Бёртон кодовым словом открыл дверь и осторожно вошел, держа лучемет наготове. Спальня и ванная были пусты.

— Она, должно быть, покончила с собой — залезла в конвертер и велела ему испепелить себя,— предположил Фрайгейт.

— Но где она намеревается воскреснуть? — отозвался Бёртон.— Вот какую загадку нам надо разгадать.

— Ты, похоже, не очень удивлен, Дик,— сказала Алиса.

— Да, не очень. Я всегда считал, что у Галла было слишком мало времени, чтобы научиться так искусно работать с компьютером, как требовалось Снарку.

— Бога ради! — воскликнул Фрайгейт.— Но *зачем* ей было это делать? Что она имела против нас? Она должна была нас ненавидеть! Всех и каждого! Но за что?

— По-моему,— проговорил Ли По,— за ее веселым лицом всегда таилась неизбывная грусть. Жизнь слишком часто бывала к ней несправедлива — так часто, что стала ей невыносима. Звездная Ложка столько выстрадала, ее так много раз насиловали и унижали, что нападение Данауэя переполнило чашу. Я думаю — возможно, я ошибаюсь, хотя мне так не кажется,— она решила, что всем нам лучше умереть. Раз *ей самой* хотелось умереть — стало быть, и другим так будет лучше. Она не раз говорила мне о том, как ей жаль, что нас всех воскресили, какой это ужас, что человек не может найти покоя даже в смерти. А тебе она говорила что-нибудь подобное, Дик?

— Неоднократно.

— Нет, за этим кроется что-то еще,— сказал Фрайгейт.— Если она хотела умереть навеки, ей достаточно было просто стереть свою матрицу.

— Она же не в себе,— возразил Бёртон.— Возможно, она считала, что оказывает всем живущим большую услугу, ибо им не придется страдать так, как страдала она. К тому же ей наверняка хотелось лишить обидчиков возможности издеваться над окружающими.

Бёртон был потрясен деяниями Звездной Ложки до глубины души, потрясен как никогда в жизни. Но ненависти к ней не испытывал. Каким бы чудовищным, непростительным и непоправимым ни был ее грех, он просто не мог возненавидеть эту помешанную страдалицу. Он жалел ее. Он даже горевал о ней. Но убить ее придется, никуда не денешься. Пока она жива, всем им грозит смертельная опасность, к тому же гибель станет для нее избавлением от мук.

Бёртон был уверен, что она собиралась сама покончить с собой, но только после того, как убьет всех людей в башне. Она наверняка жалела, что не может расправиться со всеми жителями долины. Ну что ж — ей оставалось утешаться тем, что после смерти их уже никто не воскресит.

Глава 35

— Чушь собачья!

— Что? — спросила Алиса.

— Мы не имеем ни малейшего представления о том, что творится в ее сдвинутых мозгах. Да это и не важно. Нам важно ее остановить.

Раздался громкий сигнал. Бёртон вздрогнул, хотя и ожидал вестей, и подошел к пульту. На экране появилась схема уровней башни; по коридору двигалась крохотная, но яркая оранжевая точечка. В углу экрана высветилась надпись: «Уровень 4, коридор 10».

Остальные столпились за Бёртоном.

— И что теперь? — спросил Фрайгейт.

— Она, по-видимому, вышла из комнаты, в которой воскресла,— сказал Бёртон.— Стены комнаты, естественно, закрашены, так что картины прошлого Звездной Ложки ей не видны: по-моему, компьютер вообще показывает их только тогда, когда тот, к кому они относятся, может их видеть. Я велел машине отметить на схеме эти картинки, когда они появятся. Звездная Ложка, без сомнения, скомандовала компьютеру не сканировать те помещения, где она находится. Но она не в силах запретить ему сопровождать ее сценами из прошлого — ведь в коридорах-то стены не закрашены.

— Она умна,— произнес Ли По.— Она скоро поймет, что ты следишь за ней по дисплею. То, что в состоянии сделать мы, сможет и она. Ей достаточно просто попросить компьютер показать ей наши картинки.

— Да,— согласился Бёртон,— однако с нашим компьютером кто успел, тот и съел. Более ранняя команда для него закон. А я велел ему не показывать Звездной Ложке нашего местонахождения.

— Она это сразу поймет, как только компьютер откажется выполнить ее просьбу,— сказал Ли По.— И станет еще осторожнее.

— Осторожной она будет в любом случае,— заметил Бёртон и обернулся к Фрайгейту: — Пит, иди выпусти Галла. Введи его в курс дела и дай ему лучемет. У нас сейчас каждый человек на вес золота.

Фрайгейт нехотя ушел.

— Мы можем остаться в квартире,— сказал Бёртон.— Звездная Ложка не сумеет задраить дверь, пока та открыта. Зато она может подстроить нам ловушку — к примеру, запрограммировать робота, чтобы тот расстрелял нас из лучемета, как только мы высунем головы наружу,— поэтому оставаться здесь не стоит.

Оранжевая точка остановилась у шахты лифта под номером ВС-А3-2.

— Она направляется к нашему коридору,— проговорил Бёртон.— Пора, у нас мало времени.

Он встал и прошел в коридор, ведущий к спальням. Фрайгейт только что закончил обрабатывать дверь и ждал, пока рассеется дым. Дверь в спальню Галла распахнулась.

— Скажи ему, пускай задержит дыхание и выходит! — крикнул Бёртон.

Все остальные разошлись по своим спальням и похватали лучеметы с запасными батареями. Пока они вооружались, Бёртон следил за экраном. Когда все собрались в гостиной, он изложил им свой план. Галл был совершенно сбит с толку, поскольку Фрайгейт почти ничего не успел ему объяснить. Но, выслушав краткие наставления Бёртона, бывший доктор кивнул и выбежал из гостиной.

Когда все покинули квартиру, Бёртон велел компьютеру запереть дверь, которая выходила в коридор как раз посередине между двумя шахтами лифта. Звездная Ложка в этот момент была у входа в правую шахту на четвертом этаже. Друзья побежали по коридору к лифту, а Алиса, отстав от них, нырнула в одну из квартир с правой стороны. Там она спряталась в темноте за дверью, оставив ее приоткрытой. Отсюда, с расстояния четырехсот пятидесяти футов, Алиса могла держать дверцу лифта под прицелом.

Добежав до перекрестного коридора, четверо мужчин разделились. Шахта лифта находилась в центре перекрестка, и в каждом углу коридора были сделаны глубокие ниши, чтобы большие машины могли ее объехать. Войти в лифт можно было с четырех сторон. Ли По с Галлом свернули по перекрестному коридору направо и заняли позицию футах в ста от шахты лифта за полуоткрытыми дверями квартиры. Бёртон промчался вперед и притаился в комнате тоже футах в ста. Фрайгейт должен был свернуть на перекрестке влево и спрятаться за дверью в двухстах футах от шахты.

Когда Звездная Ложка выйдет из лифта, то окажется под прицелом пяти лучеметов.

В комнате, где стоял Бёртон, было темно, светился лишь экран на пульте. Бёртон следил за оранжевой точкой, ожидая, когда она войдет в лифт и поднимется на третий этаж.

— Она не больно-то спешит,— пробурчал он себе под нос.

Что она делала сейчас? Пыталась представить все возможные ловушки? Или просто собиралась с духом?

Рано утром Бёртон взял из конвертера сто фунтов пластиковой взрывчатки, облетел в кресле семь шахт и, работая в лихорадочном темпе, прилепил ее вокруг дверей близлежащих лифтов. Внизу, у порога, он класть взрывчатку не стал, поскольку Звездная Ложка могла ее заметить. Но когда она выйдет из шахты, то уже не успеет удрать, даже если увидит пластик. Дистанционный взрыватель сработает быстрее.

Труды Бёртона вполне могли пойти прахом, если Звездная Ложка выберет дальнюю шахту. Но и в этом случае, стоит ей пройти рядом с заминированной дверью, как раздастся взрыв.

Бёртон осмотрел коридор и дверцу лифта. Потом снова глянул на экран. Ага! Оранжевая точечка поднималась вдоль линии, изображавшей ту самую шахту, что они взяли в кольцо.

Бёртон съежился за дверью. Через несколько секунд в лифте появился прозрачный шар с сидящей в нем Звездной Ложкой. Шар остановился, зависнув в шахте лифта, и Бёртон разглядел его в деталях. Он в точности походил на его собственное бронированное кресло, только тяжелых лучеметов из него торчало еще больше.

Звездная Ложка сидела к Бёртону спиной, потом повернула голову, и он увидел ее бесстрастный профиль.

Броня какое-то время выдержит луч, даже если поставить лучемет на предельную мощность. Только если беспрерывно бить лучом в одну точку, он сможет расплавить пластик. Но Звездная Ложка не будет висеть на месте.

Больше всего Бёртона удручало то, что китаянка, даже если они ее убьют, тотчас воскреснет в каком-нибудь башенном закоулке. Любая победа ее врагов будет для них лишь полупобедой, а для нее — временным отступлением. И все-таки они должны сражаться и надеяться, что успеют схватить Звездную Ложку до того, как она покончит с собой или будет убита. Или же им повезет и они найдут шарики с матрицами китаянки, так что ее следующая смерть окажется последней.

Бёртон так и думал, что она появится в бронированном кресле. Он рассчитывал, что броня защитит китаянку от гибели и она лишь потеряет сознание при взрыве. Именно поэтому он прикрепил у каждой двери всего по три с половиной фунта взрывчатки, да и то сомневался, не переборщил ли.

— Давай же! Давай! Чего ты ждешь! — тихо шептал Бёртон.

В ту секунду, когда сфера двинется из центра шахты к выходу, он отойдет от двери и, зажав руками уши, прижмется к стене, чтобы не оказаться на пути ударной волны. Так же поступят и остальные.

Звездная Ложка наконец решилась. Оглядев перед собой коридор, она увидела, что все квартиры закрыты, кроме одной. Бёртон надеялся, что китаянка решит, будто все они прячутся в этой квартире. Обзор перекрестного коридора покажет ей ряды открытых по обе стороны дверей — так было почти повсюду в башне.

Убедившись, что китаянка движется к выходу из лифта, Бёртон отошел от двери на несколько футов. И тут же потерял сознание, так и не услышав взрыва.

Когда он очнулся, не совсем еще придя в себя, то сразу закашлялся, окруженный клубами дыма. Бёртон сел, прислонясь спиной к стене, потом попробовал встать, но не смог. Силы оставили его, а мысли разбегались, точно грибники при виде медведя. С трудом поднявшись наконец, он заковылял по комнате, из которой кондиционеры усердно высасывали дым. Экран на пульте светился по-прежнему, показывая оранжевую точку в коридоре за углом. Бёртон смутно вспомнил, что именно там сидит в засаде Ли По вместе с Галлом.

Ну что ж, по крайней мере теперь он сообразил, кто он и что с ним. Хотя двигался по-прежнему замедленно.

— Нужно идти туда и схватить ее,— сказал он себе. Губы шевелились с мыслями в унисон, однако собственного голоса Бёртон не слышал, как не слышал и голоса своей земной жены Изабел, что-то кричавшей ему со стенного экрана.

Когда Бёртон добрался до двери, в голове у него немного прояснилось, и он понял: что-то тут неладно. Взрыв оказался гораздо сильнее, чем было запланировано. Неужто он дал такого маху в расчетах? Или случилось нечто непредвиденное?

Бёртон оглянулся, увидал на полу свой лучемет, вернулся назад, подобрал его и снова направился к двери. Вместо густых клу-

бов в воздухе осталась лишь легкая дымка. Бёртон разглядел на полу коридора далеко разбросанные куски прозрачной сферы. По-видимому, она была сделана из какого-то бьющегося материала. Взрыв произошел у входа, ближайшего к Бёртону. Очевидно, кресло, направляясь к двери, активизировало взрыватель. Дополнительный взрыв удвоил силу взрывной волны — но не настолько же, черт возьми, чтобы превратиться в ураган!

Должно быть, сам шар был напичкан взрывчаткой, и вся она рванула, когда сработала ловушка Бёртона. Или же так совпало, что шар взорвался сам, едва выплыв из шахты.

Сидел в нем, конечно же, андроид, точная копия Звездной Ложки, которого она выслала вперед в качестве жертвенной пешки.

Голова у Бёртона все еще болела. Мысли его карабкались по отвесному склону, стремясь добраться до вершины, где они могли построиться и стать грозной силой. Большинство из них уже залезли наверх, но построиться не успели. Почему картинки из прошлого сопровождали андроид, а не настоящую женщину?

Не сразу, но до Бёртона все же дошло, что китаянка, должно быть, выпустила андроид из комнаты первым. А этот идиот компьютер принял копию за оригинал и начал показывать на стенах картинки. Настоящая женщина тем временем вышла из своего убежища... закрыв лицо капюшоном или маской... и поднялась в незаминированном лифте.

Вот она, легка на помине! Вылетела из-за угла, из того коридора, где прятались Ли По и Галл. Как Бёртон и ожидал, китаянка сидела в бронированном летательном аппарате, точной копии первого шара. Лицо ее было открыто и в отличие от бесстрастной маски андроида искажено дьявольской улыбкой. Губы шевелились, что-то неслышно бормоча.

Машина пролетела до середины коридора, миновав шахту лифта — Бёртону было видно сквозь открытые двери,— потом остановилась и повернулась на четверть оборота, лицом к коридорной стене. Что стряслось с Ли По и Галлом? До сих пор не очухались после взрыва? Или сдуру напали на китаянку, когда она пролетала мимо? Бёртон томился неизвестностью; даже если они и кричали, он ничего бы не услышал, поскольку был оглушен взрывом.

Машина, паря в шести футах над полом, остановилась возле одной из дверей и развернулась. Из-под сиденья выполз ствол, просунулся в отверстие в корпусе и выстрелил фиолетовой жидкостью. Голова у Бёртона, по-видимому, еще шла кругом, иначе он сразу бы узнал эту клейкую массу. Звездная Ложка задраивала дверь, за которой, по ее предположениям, прятались люди. Пусть даже полной уверенности у нее не было, она решила не откладывать эту операцию.

Бёртон мельком увидел, как из-за приоткрытой двери другой квартиры высунулась и тут же скрылась темная головка. Звездная Ложка, сосредоточенно ведя машину вдоль кромки двери бёртоновской квартиры, Алису не заметила.

На стене за спиной у китаянки сияло большое пятно — очевидно, сцены из ее прошлого. После того как андроид взорвался, компьютер переключил картинки, пустив их следом за настоящей женщиной. Теперь, когда она была у цели, Звездную Ложку не волновало, что враги узнают, где она находится. Возможно, она даже желала этого, надеясь, что они рискнут напасть на нее.

Тут в поле зрения Бёртона с лучеметом в руках показался Ли По. Увидев женщину, он отступил назад. Повезло ему, что она не заметила ни его, ни сопровождавшие его картинки, которые вспыхнули за ним в нише.

Слева в кабине машины виднелся небольшой видеоэкран. Стало быть, китаянка может связаться с компьютером и узнать, не сбежали ли пятеро из квартиры, а если сбежали, то куда.

Фиолетовая жидкость на двери и прилегающей части стенки тем временем уже затвердела. Бёртон думал, что теперь китаянка приземлится, но она начала поливать двери новым слоем. Очевидно, хотела задраить их поосновательнее.

У Бёртона оставалась минута, возможно две, прежде чем китаянка покончит с дверью и пустится на поиски. Он подошел к конвертеру и дал компьютеру задание. Того, что Звездная Ложка может его подслушать и таким образом напасть на след, Бёртон не опасался. Он давно уже приказал компьютеру не давать ей сведений ни о ком из них пятерых. Китаянка могла просмотреть на экране все квартиры в башне, кроме тех, где прятались люди. Правда, отказ компьютера снабдит Звездную Ложку отрицательной информацией, и она сможет вычислить их местонахождение.

Бёртон открыл конвертер, нагнулся и вытащил одной рукой тестообразную массу — три и три четверти фунта пластиковой взрывчатки. Отнес ее к выходу, прилепил на дверь и вернулся назад. Захлопнул крышку конвертера, через две секунды открыл — и достал со дна дистанционный взрыватель. Подойдя к

двери, Бёртон воткнул длинный тонкий металлический пруток, торчавший из маленькой коробочки, во взрывчатое вещество.

Запустив механизм взрывателя простой голосовой командой, Бёртон выглянул за дверь и ахнул. Звездная Ложка каким-то образом умудрилась застукать Алису, очевидно, с помощью термоакустического детектора. Алиса сделала единственно возможную вещь: заперла двери кодовым словом. И теперь Звездная Ложка задраивала дверь.

Бёртон выпрыгнул в коридор, прицелился, и ярко-алый луч в полдюйма толщиной, вырвавшись из закругленного наконечника лучемета, ударил в бок прозрачной сферы. Если бы ему удалось пробить броню, он пронзил бы голову Звездной Ложки возле левого уха. Но на корпусе вспыхнула ослепительная точка, и китаянка, тотчас заметив ее, рванула правой рукой рычажок на пульте. Машина, крутанувшись, отплыла от двери и помчалась прямо на Бёртона.

Глава 36

Бёртон бросился бежать вдоль стены, надеясь скрыться за следующей дверью. Если китаянка его не собьет, если она пролетит мимо квартиры как раз во время взрыва, если он успеет спрятаться... Ему хотелось оглянуться и посмотреть, насколько быстро летит за ним машина. Звездная Ложка могла разогнаться и проскочить ловушку до того, как сработает взрыватель. Но оглядываться было некогда, это замедлит бег, да и ничего ему не даст.

Схватившись за дверь, Бёртон с такой скоростью метнулся в квартиру, что стукнулся левым плечом о косяк и отлетел вовнутрь. В дверном проеме мелькнуло два алых луча. Возможно, другие лучи попали в дверь. «Это не важно,— подумал Бёртон.— Я успел». Ударная волна сшибла его с ног, но на сей раз она была слабее предыдущей.

Бёртон встал, молясь про себя всем богам, и, цепляясь за дверь, выглянул наружу. Поскольку дыма было немного, он сразу увидел машину у стены напротив той квартиры, где он заложил взрывчатку. Прозрачный шар отбросило взрывом через коридор и ударило о стену. Звездная Ложка была без сознания. На глазах у Бёртона машина снова набрала скорость и понеслась к перекрестку, где врезалась в другую стенку и застыла на месте, точно приклеенная.

Ли По и Фрайгейт с лучеметами в руках выбежали из-за углов и подскочили к Бёртону.

— Она попалась в мою ловушку,— сказал он.— Но нужно поскорее вытащить ее из машины, пока она не оклемалась.

— Где Алиса и Галл? — спросил Фрайгейт.

— Потом, все потом,— отмахнулся от него Бёртон.— Давай сюда шприц для подкожных впрыскиваний. А ты, Ли По, живо за мной.

Фрайгейт вытащил из поясной сумки шприц. Пока Бёртон сверлил лучом дыру в броне, китаец побежал в ближайшую комнату и заказал в конвертере лестницу и две стремянки, чтобы забраться в машину. Бёртон хотел взять китаянку живой и в то же время пытался как можно скорее продырявить корпус. Если она начнет подавать признаки жизни слишком рано, он продырявит и ее тоже.

Однако Ли По обернулся очень быстро, и они успели сжечь запорный механизм на люке, а китаянка все лежала, не двигаясь. Бёртон забрался в машину, взял у Фрайгейта шприц, сделал женщине укол, после чего, нажав на кнопку, опустил машину на пол. Они отнесли Звездную Ложку в ближайшую комнату, раздели, обыскали ее одежду и уложили китаянку в конвертер, чтобы компьютер мог обследовать ее нервную систему. Тот ответил, что мозг у женщины слишком сложен для андроида.

— Похоже, мы ее словили,— сказал Бёртон.— Только... что, если она предвидела такую возможность и велела компьютеру выдать ложный ответ? А сама где-то рыщет сейчас по этому лабиринту.

— Не верится мне, чтобы она такое предвидела,— возразил Ли По.— Она наверняка считала себя неуязвимой в своей бронированной машине. Я склонен поверить компьютеру.

— А я хочу все проверить.

Хотя Бёртон в душе был согласен с китайцем, он тем не менее намеревался тщательно обшарить всю башню. Только тогда он немного успокоится.

Оставив Фрайгейта сторожить пленницу, Бёртон с Ли По освободили Алису. Она не впала в истерику, но явно нуждалась в хорошей дозе спиртного, чтобы успокоить нервы. Алиса уже думала, что ее замуровали в комнате навеки или по крайней мере на такой долгий срок, который покажется ей вечностью.

На обратном пути они увидели Галла, лежавшего ничком на полу в коридоре. Ли По сказал, что Галл попал под луч Звездной Ложки, предназначавшийся Бёртону.

— Он, должно быть, выскочил из комнаты как раз в тот момент, когда я нырнул в свою,— объяснил китаец.— А зачем — понятия не имею. Только мы заняли свою позицию, как он заявил, что не может воспользоваться лучеметом. Убивать андроидов — дело другое, они не люди, но стрелять в Звездную Ложку ему не позволяет вера.

— Ему надо было сразу об этом сказать и остаться с Алисой,— буркнул Бёртон.

— По-моему, он вышел в коридор, чтобы попробовать увещеваниями пронять Звездную Ложку,— заметил Ли По.— Он был такой же чокнутый, как и она.

Посовещавшись, они решили, что было бы жестоко сажать Звездную Ложку под замок в надежде вылечить ее безумие. Задав компьютеру несколько вопросов, друзья выяснили, что криогенная технология этиков значительно превосходит земную. Она позволяла заморозить человека в течение секунды, не повредив тканей организма,— что они и сделали. Звездная Ложка будет ждать в своем морозильнике прилета обитателей планеты Садов.

Отдохнув денек, друзья принялись за обыск. Первым делом они отправились в ту комнату, откуда появилась Звездная Ложка, когда решила покончить с ними. Компьютер отказался отвечать на вопрос, где находится квартира, но запись со схемой передвижений оранжевой точки выдал без разговоров. Попасть в комнату на сто шестнадцатом уровне — этики считали этажи не снизу, а сверху — оказалось нетрудно. Звездная Ложка не заперла дверь, поскольку была уверена, что после схватки в живых останется она одна.

Друзья осторожно вошли в просторное помещение, от которого в две стороны бежали коридоры. В каждом из них было по пять комнат, все запертые, кроме одной. Бёртон попытался было их открыть, но тщетно. Однако просмотреть их не составило труда — стоило лишь попросить компьютер просканировать помещения. Бёртон почти сразу пожалел о своем любопытстве.

Единственным узником, кого он узнал из запертых поодиночке мужчин, был Данауэй — тот самый чернокожий, который изнасиловал Звездную Ложку в Терпинвиле. Еще там сидели три

китайца, двое белых, индеец, двое негров и неандерталец. Ли По узнал одного из китайцев.

— Это Ван Чи Мао, мелкий императорский чиновник. Я както раз встречался с ним. А позже мне рассказала о нем Звездная Ложка. Он изнасиловал ее, когда ей было десять лет.

Четверо узников что-то бессвязно лепетали, явно выжив из ума. Двое были на грани помешательства. Данауэй и еще один тип впали в кататонию. Девятый спрятался под кроватью и ни за что не хотел вылезать, когда Бёртон позвал его через динамик.

По стенам, потолку и полу каждой комнаты бежали картинки из прошлого Звездной Ложки. Бёртон снова и снова смотрел глазами китаянки на сцены насилия, разворачивавшиеся в цвете на громадных экранах с усиленным звуком. Бежать от этих сцен узники могли только в сон, что было непросто, в безумие или смерть. Но покончить с собой тоже было почти невозможно. Обнаженные узники не могли сделать из одежды веревку. Конвертеры кормили их только хлебом, мясом без костей и овощами. Мебели в комнатах не было никакой, кроме кроватей, состоявших из простой рамы с матрасом. В ванных — только писсуары и краны с холодной водой над маленькими тазиками. Ни мыла, ни полотенец, ни туалетной бумаги.

— Да, она им отомстила,— содрогнулась Алиса.— Страх-то какой!

— Поэзия справедливого возмездия,— сказал Фрайгейт,— воплощенная в жизнь с помощью науки.

— Помочь мы им ничем не можем,— заметил Бёртон.— Разве что отключить конвертеры и дать им умереть с голоду.

Но компьютер, когда его спросили об этом, заявил, что не может подчиниться без приказа Звездной Ложки.

Не найдя ничего примечательного в гостиной китаянки и спальне, друзья перешли к тем помещениям, которые компьютер отказывался сканировать. Но хотя таких набралась целая дюжина, пробраться за двери или даже стены без дверей, за которыми находились комнаты, никак не удавалось. В конце третьей недели друзья прекратили бесплодные попытки. Они хотели обследовать еще одно помещение — просторное и глубокое подземелье, предварительную камеру воскрешения, где Бёртон проснулся много лет назад. Но попасть в нее тоже не смогли.

— Значит, и Звездной Ложке это не удалось,— заключил Бёртон.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, они задумались о своем будущем. Они не могли ни выйти из башни, ни воскресить себе подруг и друзей. Их осталось четверо: трое мужчин и одна женщина — и больше никого.

Будущая жизнь их, подумалось Бёртону, будет не просто скучной. Это будет психологическая Сибирь, эмоциональный ледниковый период. Конечно, они четверо знали друг друга уже много лет, вместе прошли через бесчисленные испытания и составляли прекрасную команду — просто лучше не придумаешь. Им не придется притираться друг к дружке, что так часто изматывает людей, вынужденных жить вместе, но со временем одни и те же лица наскучат им до смерти. Им потребуется общество других людей — любовниц, хороших друзей и просто случайных знакомых.

«Не хлебом единым жив человек»,— сказал как-то раз один мудрец. Он мог бы добавить, что никто не может жить полной жизнью без людей — без многих людей.

Жители мира Садов, прилетев сюда, застанут тут четверку чокнутых. Странненькую четверку, с вывертами и заскоками. Сдвинутых отшельников. Безумцев.

Немаловажной была и сексуальная проблема. Алиса не возьмет себе в любовники всех троих, а может, не возьмет и вовсе никого. Алиса твердо верила, что заниматься любовью можно только с тем, кого любишь.

Как-то вечером мужчины сидели в креслах на балконе дворца в мире Бёртона, где все они жили уже месяц. Искусственное солнце стояло десятью градусами выше искусственного западного горизонта, а троица, потягивая спиртное, ждала, когда придет Алиса. Ли По говорил о том, что чем больше времени проходит, тем менее отвратительной кажется ему мысль обзавестись постельной партнершей в виде симпатичного андроида женского пола.

— Да разве ты сможешь забыть о том, что они не люди и вообще полудебилы? — возразил Фрайгейт.— С ними не поговоришь, как с настоящей женщиной. Ты все время будешь помнить, что их страстность — сплошная симуляция, механическая и бездумная. О'кей, ты получишь сексуальное облегчение. Однако этого недостаточно.

— Все верно,— ответил Ли По.— Но это лучше, чем ничего.

— Ой ли? — усомнился Бёртон.

На балкон вышла Алиса. Мужчины сразу переменили тему — не потому, что боялись смутить Алису предметом беседы, а просто не хотели, чтобы она переживала из-за того, что ничем не может им помочь. Разговор зашел о результатах их сегодняшних исследований. Бёртон занимался диалектами, сформировавшими язык Ура, предшествовавший семитским языкам. Ли По учил английский и французский так, чтобы свободно читать на них поэзию. Фрайгейт смотрел все снятые на Земле кинофильмы (или по крайней мере сохраненные этиками). Алиса же увлеклась новым для себя занятием — писанием маслом.

За обедом, поданным андроидами, они поговорили о до сих пор не разгаданном таинственном убийстве Логи и о том, кто же была та женщина, которую убил Нур.

Бёртон, отодвинув кресло от стола, вытащил из кармана рубашки сигару, закурил и задумчиво сказал:

— Я бы посвятил решению этих загадок всю свою жизнь, если бы хоть на миг поверил, что мои усилия не напрасны. Но я убежден, что компьютер не захочет — не сможет — приблизить нас к разгадке ни на шаг. Пока не прилетят обитатели мира Садов, нам этой тайны не раскрыть. А может, и после тоже.

— Вам не придется ждать так долго!

Алиса вскрикнула. Бёртон ахнул, отпихнул кресло и встал, повернувшись на голос, который так их поразил.

В дверях столовой стоял улыбающийся Лога.

Глава 37

Лога уже не был похож на разжиревшего турка. Его одежда — небесно-голубой килт, распахнутая желтая рубаха с голубыми драконами и голубые сандалии — открывала крепко сбитое, мускулистое тело без единой унции лишнего веса.

Он был безоружен.

— Пожалуйста! — проговорил Лога, подняв руку.— Если вы успокоитесь, я все объясню. Но сначала извините за неожиданное вторжение.

— Ты всегда любил театральные эффекты,— сказал Бёртон, немного придя в себя.

— Точно.

— Как ты попал сюда? — спросил Ли По.

— Я все расскажу, дайте только срок. Впрочем, отменить кодовое слово для меня пустяк. В конце концов, это же я управляю башней.

Он подошел к шкафу рядом с дверью и налил в кубок коньяка. Алиса, прижав руку к груди, села в кресло. Мужчины переглянулись, понимая друг друга без слов: «Если этик сделает хоть малейшее угрожающее движение, мы все одновременно набросимся на него».

Но Лога вел себя совершенно непринужденно и, казалось, радовался встрече. Хотя это ничего не означало. Он был превосходным актером. «А вообще-то,— подумал Бёртон,— с чего бы ему иметь что-то против нас?»

— Пожалуй, я не ошибусь, если предположу, что твоя... гибель... была просто фокусом, который подстроил компьютер? — спросил он вслух.— И что ты наблюдал за нами с тех пор, как исчез.

Лога повернулся к ним лицом, раскорячив толстые ноги, как будто стоял на шаткой палубе.

— Да,— подтвердил он с улыбкой.— Я знаю, что вы учитывали такую возможность.

— Значит, ты шпионил за нами! Подслушивал! — взъярился Бёртон.

— И слышал все до единого словечка, кроме как в тех комнатах, что вы закрасили. Это была блестящая идея, хотя я никогда и не сомневался в вашем уме и изобретательности. Потому-то я и выбрал вас своими агентами. Правда, не скажу, чтобы вам удалось полностью выйти из-под наблюдения. Когда вы пользовались вспомогательными компьютерами, я подключался к ним.

Он отхлебнул коньяку, разглядывая сидящих поверх кромки кубка.

— Ужасно приятно, когда есть с кем поговорить,— произнес он, отставив кубок.— И не просто с кем-то, вы люди особенные. Вы мне очень близки. Хотя я понимаю, что в данный момент вы на меня сердитесь. Я вас не виню и все же не сомневаюсь, что, выслушав мой рассказ, вы простите меня.

— Я так не думаю,— сказала Алиса, сощурив глаза и поджав губы.— Не знаю, в какую игру ты играешь, но ты ответственен за гибель...— Она осеклась, точно пораженная какой-то мыслью. Щеки ее еще сильнее залились румянцем.

— Я повторяю: мне жаль, что пришлось пропустить вас через такую эмоциональную мясорубку. Но вы уцелели — вы уцелели бы, даже если бы погибли, поскольку это зависело от меня.

Мне необходимо было убедиться, что вы в состоянии справиться с управлением башней, что вам можно доверять и что большая, почти неограниченная власть вас не испортит. Я верил, что вы выдержите испытание, но моей уверенности было недостаточно. Я должен был дать вам власть на практике. Истинный характер человека проявляется не в словах, а в поступках.

Правда, несколько ошибок вы все-таки допустили. Вам следовало воскресить ваших товарищей, погибших по дороге в башню. Вы, конечно, вскоре так и сделали бы, если б вам не помешали обстоятельства. И тем не менее я был разочарован, потому что хотел и их подвергнуть проверке.

— Большинство из них сделали бы то же самое, что и мы,— проговорил Бёртон.

— Я знаю, но мне хотелось, чтобы они доказали это на практике.

— Они доказали все, что могли, по пути сюда,— возразил Бёртон.— И мы, кстати, тоже.

— До некоторой степени,— согласился Лога.— Но главной проверкой было ваше поведение в башне. Терпин, к примеру, оказался не слишком разборчив в выборе воскрешенных друзей. Так же как и ты, Ли По. Ты здорово дал маху со Звездной Ложкой.

Ли По пожал плечами:

— Откуда мне было знать?

— Но ты извлек из этого какой-то урок?

— Я учусь даже быстрее, чем обижаюсь,— ответил китаец.— Если бы я мог начать все сначала, то приказал бы компьютеру не давать воскрешенным в руки ничего, что они могли бы использовать против меня.

— Отлично. Но сумел бы ты наложить аналогичное ограничение и на себя самого? Ты ведь тоже можешь стать опасным для окружающих. К тому же воскрешенные могли отнять у тебя могущество и власть, несмотря на все меры предосторожности.

— Кто-нибудь же должен управлять,— сказал Ли По.— У кого-то в руках все равно будет власть — хочешь не хочешь, а кому-то придется ее доверить.

— Вопрос в том,— заметил Бёртон,— достойны ли мы доверия?

— А если бы вы воскресили кого-то, считая его достойным доверия, но ошиблись? Этот человек мог бы отнять у вас власть и воспользоваться ею в целях, которые показались бы вам неприемлемыми!

Лога отхлебнул еще и принялся мерить столовую шагами.

— Вы считаете мое исчезновение преступным, потому что в результате были стерты телесные матрицы и таким образом потеряна надежда на бессмертие для всех воскрешенных. Но это не так, и мне жаль, что вы поверили, будто я способен допустить такую чудовищную подлость. На самом деле...

— Ты велел компьютеру сделать его собственный дубликат, а может, такой дубликат уже существовал,— прервал его Бёртон.— Матрицы в нем и хранятся. Или же компьютер всего один, но он выдавал нам ложные данные.

Лога остановился, удивленно глянул на Бёртона, а потом разразился смехом.

— Когда ты до этого додумался?

— Минуту назад.

— Я действительно, перед тем как исчезнуть, велел компьютеру сделать запасной вариант!

— Значит, когда мы впервые попали в башню и спасли компьютер от гибели — все это было напрасно? И Геринг зря пожертвовал собой?

— Нет, тогда все было взаправду. И это меня так напугало, что я тотчас же приказал машине создать дубликат. В сущности, дубликат и стал основным компьютером, поскольку первый я отдал вам как игрушку.

— По-моему, создание запасного варианта — стандартная техническая процедура, которую должны были проделать с самого начала,— заметил Фрайгейт.

— Мы думали, что компьютер не может выйти из строя, во всяком случае настолько сильно. Мы считали его неуязвимым.

— Да, а «Титаник» считался непотопляемым.

— Так кто же была та монголка, которую убил Нур? — спросила Алиса.

— А-а! Она была всего лишь персонажем, созданным для того, чтобы озадачить вас и заинтриговать. Кто-то же должен был нести ответственность за мою гибель, ну я и подсунул вам монголку, чтобы вы помучились, пытаясь разгадать тайну моего убийства. Хотя она изначально была для вас неразрешимой.

— Стало быть, женщина была андроидом? — сказал Фрайгейт.

— Конечно.

— Кое-кто из нас говорил, что Нуру слишком легко удалось с ней покончить,— проронил Фрайгейт.

Бёртон попыхивал сигарой, надеясь, что внешне он более хладнокровен, чем внутри.

— Спасибо за объяснение,— сказал он.— Хотя не жди от меня благодарности за наши страдания и кровавую бойню, которую ты допустил. Но как ты заметил, мы должны были испытать все на собственной шкуре, и я не сомневаюсь в чистоте твоих намерений. Тем не менее, по твоим собственным словам, характер проявляется не в желаниях и намерениях, но в поступках. Поэтому я хочу задать тебе самый главный вопрос.— Бёртон немного помолчал.— Можем мы остаться в башне? Или должны вернуться в долину?

— А чего бы вам хотелось? — усмехнулся Лога.

— Я не могу говорить за всех, но я лично предпочел бы остаться здесь.

Остальные высказались в том же духе.

— Почему? — спросил Лога.

— По двум причинам,— ответил Бёртон.— Во-первых, здешняя жизнь мне больше по душе — если не считать последних событий, спровоцированных тобой. Здесь я могу учиться, приобретать такие познания, ради которых я на Земле продал бы собственную душу, если бы верил в ее существование и если бы мне кто-то предложил ее купить. К тому же жизнь тут гораздо комфортнее, почти как в раю — то бишь в раю материальном, как люди себе его представляли. А во-вторых, смею надеяться, что я достоин здесь находиться. По-моему, я уже близок к «продвижению», по крайней мере насколько мне это дано. Если ты отошлешь меня обратно в долину, разочарование и недовольство ничуть не повысят мой этический уровень. Скорее, напротив, понизят его.

Лога спросил остальных, хотят ли они остаться по сходным причинам, или же ими движет что-то другое. Ответы, в общем, не слишком отличались от того, который дал Бёртон.

— Прежде чем я скажу вам о том, что вы так отчаянно жаждете узнать, я хотел бы ненадолго отвлечься. Бёртон, когда ты заявил, что близок к «продвижению», насколько тебе это дано, ты бессознательно сказал чистую правду. И сильно возбудил мое любопытство. Скрывается ли за твоей репликой какой-то подтекст? Есть у тебя какие-то подозрения, смутные догадки по поводу...

Лога улыбнулся и снова хлебнул коньяку. Он явно ждал, что Бёртон продолжит оборванную им фразу. Зря надеялся. Бёртон понятия не имел, на что намекает Лога.

— Договаривай, раз начал,— сказал Бёртон.— Догадки о чем?

— Ладно. Тебе говорили — и я сам, и Церковь Второго Шанса,— что, когда ты достигнешь определенного нравственного уровня, когда научишься сочувствовать и сострадать, когда избавишься от неврозов и психозов, тогда, мол, ты будешь готов «продвинуться». То есть после смерти тебя уже не воскресят в долине Реки. Твой ватан исчезнет — его уже нельзя будет засечь нашей аппаратурой. Тебе говорили, будто твой ватан, или душа, если тебе так больше нравится, улетит к Богу, то есть сольется с божественной сущностью. В общем, это объяснение звучит достаточно логично, и люди в него верят. Но...

Лога сделал еще глоток и оглядел присутствующих, словно пытаясь предугадать их реакцию на свои слова. Вид у него был безумно довольный.

— Но печальная правда такова — хотя я не уверен, так ли она печальна,— что ни один ватан никуда не исчез, ни один не достиг «продвижения», пока тела, в которых они существовали, продолжают воскресать!

Бёртон был удивлен гораздо меньше, чем полагалось бы. Когда-то давно он предположил возможность такого варианта, но отверг ее. Алиса была в шоке; похоже, она решила не верить больше никогда и никому. Ли По улыбнулся и погладил свои усы. Фрайгейт сидел с непроницаемым лицом.

Бёртон вспомнил заявление компьютера о том, что такие личности, как Будда и Иисус Христос, достигли «продвижения». Значит, все это было вранье. Компьютер дал им заведомо ложную информацию. Но почему? Да потому, что Лога ему так приказал, чтобы иметь возможность обманывать их и впредь.

— Так что же тогда правда? — вздохнув, спросил Бёртон.— На сей раз ты скажешь нам правду или нет? Прости мою недоверчивость, но ты так часто лгал!

— А ватаны? — раздался дрожащий голос Алисы.— Ты говорил нам, что они искусственного происхождения. Что если бы та древняя раса их не создала, у нас бы не было души. Это правда? Истинная правда?

— Кто знает, что есть истинная правда? — сказал Лога.— Все сущее и есть истина. Древние действительно создали ватаны, и мы, их продолжатели, позаботились о том, чтобы ватаном был наделен каждый человек на Земле. Но то, что ватаны отлетают к Богу или обретают божественность,— неправда. Возможно, в один прекрасный день это и впрямь произойдет. Я не знаю. И никто не знает.

Зато правда, что вы можете быть бессмертными, хотя и относительно. До конца Вселенной вы не доживете, но в принципе можете прожить миллион лет, а то и два-три или больше. Если сумеете найти планету земного типа с горячим ядром и будете иметь в своем распоряжении аппаратуру для воскрешения.

К сожалению, бессмертие позволено не всем. Если бессмертных будет слишком много, жизнь превратится в сущий ад и кто-то непременно захочет подчинить себе остальных, захватив контроль над воскрешающими машинами. Но сотня лет после земной смерти дается каждому человеку без исключения, чтобы он доказал, что может жить в мире и гармонии с собой и окружающими, хотя бы в разумных пределах человеческого несовершенства. Те, кто сумеет это доказать, обретут бессмертие после того, как завершатся оба проекта.

— Так значит, нравственные требования и стандарты вовсе не так высоки, как нам все время внушали? — медленно проговорил Бёртон.

— Они достаточно высоки, но вполне достижимы для сорока процентов воскрешенных.

— А остальные шестьдесят процентов? — спросила Алиса.

— Их телесные матрицы будут уничтожены.

— Это жестоко.

— Да. Но необходимо.

— А потом? — встревоженно спросил Фрайгейт.

— Выживших доставят в виде желтых шариков с телесными матрицами на Землю.

— На Землю? — изумился Бёртон. Он был уверен, что Земля погибла, хотя никто ему впрямую об этом не говорил.

— Да. Жизнь на Земле практически погибла от радиации после войны с применением водородных и нейтронных бомб. Но жители мира Садов очистили планету — на это у них ушло сто шестьдесят лет — и вновь заселили ее растительной и животной жизнью. Земля будет готова принять вас — людей, которые не станут подвергать ее надругательствам и медленно губить загрязнением. И...

— Так значит, нам не позволят иметь детей? — спросила Алиса.

— На Земле — нет. Для них там просто не хватит места, зато самим вам будет уютно и просторно. Вам никого не придется распихивать локтями. Но в нашей Вселенной миллионы планет с разумной жизнью, и если вы хотите детей, то можете отправиться туда.

— На Землю! — мечтательно повторил Бёртон. Его охватила такая ностальгия, что даже заныло в груди. Конечно, Земля будет не та, которую он оставил, но топография ее наверняка не изменилась. А если честно сказать, так это и хорошо, что Земля уже будет не та.

— Должна признаться, мне трудно все это переварить,— сказала Алиса.— Я была прилежной прихожанкой англиканской церкви, потом, попав сюда, потеряла веру и стала агностиком, а совсем недавно начала всерьез подумывать о том, чтобы примкнуть к Церкви Второго Шанса. И вдруг...

— Лога! — сказал Бёртон.— Раз ты наконец решил сказать нам правду, то ответь еще на один вопрос. Почему ты предал своих друзей этиков и изменил течение предначертанных ими событий? Ты утверждал, будто не мог вынести мысли о том, что твои близкие не сумеют достичь «продвижения». Это правда? «Продвижения» не в старом смысле, а в том, о котором ты только что рассказал. Неужели ты развязал эту кровавую войну против своих же товарищей только затем, чтобы дать своим родителям и другим родственникам больше времени?

— Клянусь всем святым, что когда-либо было, есть и будет на свете,— это правда!

— Тогда я совершенно ничего не понимаю,— сказал Бёртон.— Как ты, с четырех лет выросший в мире Садов, мог пройти все проверочные испытания? Если стандарты этиков имеют хоть какое-то значение, хоть какую-то ценность, почему тебя не уничтожили? Как ты сумел превратиться в преступника? Пусть даже из благородных побуждений, но ты же стал преступником! Или ты

был сначала нормальным этиком, а потом вдруг сошел с ума? Но если ты свихнулся, что может помешать другим «продвинувшимся» впасть в безумие?

Глава 38

Лога побледнел, поставил кубок на стол и снова повернулся к ним. Он улыбался, но глаза у него бегали по сторонам, точно он пытался увидеть кого-то еще, кроме сидевшей компании.

— Я не безумен!

— Да ты только вспомни, чего ты натворил ради горстки людей! — сказал Бёртон.

— Я не безумен! Я сделал это из-за любви.

— В любви тоже есть свое безумие,— не сдавался Бёртон. Откинувшись в кресле, он выпустил струю дыма и добавил: — Впрочем, в данный момент меня совершенно не волнует, спятил ты или нет. Но ты так и не ответил на главный вопрос. Должны мы вернуться в долину или можем остаться здесь?

— Я думаю, вы можете остаться,— ответил Лога.— По-моему, вы достигли такого уровня, когда вам можно доверять, и будете отныне жить в любви, наслаждаясь обществом друг друга. Кстати, вы вполне можете воскресить еще кого-нибудь. Я собираюсь переселить сюда своих близких и показать им, как они должны себя вести, если хотят стать бессмертными. Некоторые из них...

— Значит, некоторые из них вызывают у тебя сомнения? — перебил его Бёртон.

— Нам говорили, что оценка духовного уровня личности для «продвижения» производится автоматически,— нагнувшись через стол и глядя на Логу в упор, сказал Фрайгейт.— Что решение не зависит от людских суждений. Так кто же будет нас судить?

Бёртон раздраженно зыркнул на американца, хотя и сам не раз задавался таким вопросом. Но главный вопрос он только что задал. А остальные могли и подождать.

— Судить будет компьютер. Людей, участвующих в проекте, накормят такой едой, от которой они заснут и умрут. Потом компьютер просмотрит их ватаны. Как вы знаете, цвет ватана и его ширина свидетельствуют о нравственном развитии индивидуума. Те, что будут признаны годными, воссоединятся на Земле со своими телами. Остальные же будут выпущены в космос — пускай летят куда хотят.

— И все это на основании суждения машины? — сказал Фрайгейт.

— Ее суждения безупречны.

— Пока никто не вмешивается,— заметил Бёртон.

— Это маловероятно.

— Благодаря тебе — еще как вероятно! — сказал Бёртон.

— Меня здесь не будет! — заявил Лога, кинув на него свирепый взгляд.

— А где же ты будешь?

— Я сяду на один из кораблей, что стоят в ангаре, и улечу на необитаемую планету.

— Ты мог это сделать в любую минуту, как только освободился от своих товарищей этиков и их агентов,— вмешался Фрайгейт.— Почему ты попросту не забрал свое семейство и не улетел?

Лога посмотрел на Фрайгейта так, словно не в силах был поверить, что кто-то способен сказать такое.

— Нет, я не мог так поступить.

— Но почему? — спросил Бёртон.— Это было бы вполне логично.

— Потому что они не готовы. Они бы не выдержали проверки. Компьютер бы их забраковал и обрек на гибель.

— Ну что за чушь ты несешь? — изумился Фрайгейт.— Какое тебе дело до компьютера и его оценок? Вы поселились бы на какой-нибудь планете и жили бы себе спокойно. Ни тебя, ни твою семью там и за тысячу лет никто бы не нашел!

Лога нахмурился. На лбу у него выступила испарина.

— Ты не понимаешь! Они бы там не выжили! Они не смогли бы «продвигаться». Я не могу забрать их отсюда, пока они не достигнут такого уровня, когда сумеют совладать с бессмертием.

Друзья переглянулись, сказав друг другу взглядами: «Он спятил».

Бёртон вздохнул, наклонился вперед, пошарил под столешницей и нащупал на полочке лучемет, лежавший там со дня постройки замка. Поставив пальцем боковой ограничитель на парализующую мощность, он молниеносно вытащил оружие и нажал на язычок, служивший спускателем. Очень бледный красный луч ударил Логу в грудь, и этик свалился навзничь.

— У меня не было другого выхода,— сказал Бёртон.— Он безнадежный псих, и он наверняка отправил бы нас назад в долину. А что бы он натворил потом — одному богу известно.

Фрайгейт по приказу Бёртона сбегал и принес из конвертера шприц с необходимым количеством снотворного. Бёртон остался на страже, готовый выстрелить еще раз, если Лога начнет шевелиться. Организм у этика был поистине могучим; выстрел, который парализовал бы любого человека, привел его лишь в полубессознательное состояние.

Несколько минут Бёртон шагал по балкону, пытаясь сообразить, что же делать с Логой дальше. Его необходимо было оставить в живых. Едва он умрет, как тотчас воскреснет в каком-нибудь укромном уголке. И тогда четверке уцелевших придет конец, поскольку Лога полностью подчинил себе компьютер. Если этика поместить в криогенную камеру, машина все равно сочтет его ватан свободным от тела и воскресит Логу где-нибудь в башне. А если его разбудить, но посадить под замок, он сумеет покончить с собой, какие бы меры предосторожности они ни принимали. Пусть даже им удастся хирургическим путем изъять из его мозга смертельный яд, приводимый в действие всего одним произнесенным про себя кодовым словом, Лога сможет проглотить свой язык и задохнуться. Язык, конечно, можно отрезать, но Бёртон понимал, что на такое у него никогда не хватит духу.

В принципе Логу можно было регулярно накачивать снотворным. Однако Бёртон сомневался, сумеет ли этик прожить в таком состоянии тридцать три года. А просить компьютер просканировать память Логи, чтобы найти спрятанные им шарики с матрицами, было бессмысленно. Компьютеру наверняка приказано не выполнять подобных заданий.

Бёртон вдруг остановился и улыбнулся. Есть выход!

Разработка плана заняла два дня, поскольку необходимо было продумать все до мелочей. Стоит им допустить хоть одну ошибку — и Лога в конце концов победит.

Бёртон заказал компьютеру создать андроида, как две капли воды похожего на Логу по виду и по голосу. Внутреннее строение андроида тоже было идентично оригиналу, за исключением мозгов, которые у этика были гораздо сложнее. Будь андроид стопроцентной копией, он во многих аспектах стал бы самим Логой и вел бы себя соответственно. Единственная разница, хотя и весьма существенная, заключалась бы в том, что андроид не обладал бы самосознанием.

Бёртон словесно запрограммировал андроида на языке этиков, а затем велел ему передать парочку приказов компьютеру. Маши-

на проверила отпечатки голоса, электрическое поле кожи, форму лица и тела, цвет кожи, волос и глаз, форму ушной раковины и химический состав запахов и потовых выделений Логи. Кроме того, компьютер сверил отпечатки пальцев, кисти и ступни.

К несчастью, несмотря на то что результаты проверки его удовлетворили, компьютер отказался повиноваться андроиду, пока тот не скажет кодовое слово.

— Какая жалость! — сказал Бёртон друзьям.— Все упирается в одно лишь слово или фразу, однако вариантов может быть больше миллиона!

Ответом ему было угрюмое молчание; даже Ли По в кои-то веки не раскрыл рта.

Через две минуты Алиса, которая напряженно хмурилась и кусала губы, нарушила тишину:

— Я знаю, что никто из вас не верит в женскую интуицию. Я и сама в нее не верю в общепринятом смысле. Мне кажется, это одна из форм логического мышления, не подчиняющегося правилам логики, будь то аристотелевской или символической. И кстати, я не думаю, что женская интуиция — можете называть ее как хотите — присуща исключительно женщинам. Да, так о чем бишь я?

— Вот именно — о чем ты? — поддразнил ее Бёртон.

— Вообще-то идея совершенно дикая и глупая. Вы сочтете меня полной идиоткой!

— Мы будем рады любому предложению,— серьезно сказал Бёртон.— Я обещаю не смеяться.

— Мы тоже,— поддержал его Фрайгейт — А даже если мы и посмеемся, какая тебе разница?

— Дело в том, что моя догадка совершенно бессмысленна,— сказала Алиса.— Хотя, с другой стороны, возможно, какой-то смысл в ней все-таки есть. Лога любил выкидывать всякие фокусы, довольно детские, на мой взгляд, но тем не менее...

— Что «тем не менее»? — нетерпеливо спросил Бёртон.

— Это просто догадка. Шансы, что она подтвердится, ничтожно малы. Но... Я не знаю. Попробовать можно. Много времени это не займет.

— Бога ради, да не тяни же! — воскликнул Бёртон.

— Помните вы, что крикнул Лога перед своей мнимой смертью?

— «Ай цаб ю»,— сказал Бёртон.— На языке этиков это значит «Кто ты?»

— Верно. А не мог он дать нам ключ, произнести настоящую кодовую фразу? Он был бы дико доволен, понимая, что мы никогда ею не воспользуемся. До нас просто не дойдет, что это самый главный ключ, открывающий доступ к компьютеру. И Лога не мог удержаться, чтобы не бросить нам его. Мы-то думали, что он обращается к своему убийце, но такой личности, как мы теперь знаем, просто не существует. И в то же время...

— Он совсем, должно быть, спятил, если решился играть с нами в такие игры,— проговорил Бёртон.

— Ну так что?

— Это вздор, но проверка займет всего минуту,— откликнулся Фрайгейт.— Что мы теряем? А потом, Алиса у нас хоть и скромничает, но психолог она действительно блестящий.

— Благодарю,— сказала Алиса.— Я не очень-то хорошо разбиралась в людях, когда попала в мир Реки, но мне пришлось развить в себе сей талант, чтобы выжить.

Они вошли в комнату к спящему андроиду. Бёртон ласково разбудил его, дал ему чашечку кофе, а затем медленно и внятно объяснил, что от него требуется. Андроид встал лицом к стенному экрану и произнес:

— Ай цаб ю.

На экране вспыхнули буквы алфавита этиков.

— Это значит: «К работе готов»,— сказал Бёртон.

Потом андроид заявил, что передает главное управление компьютером Бёртону. Но компьютер отказался выполнить приказ.

— И что теперь? — приуныл Фрайгейт.

Бёртон, подозвав к себе андроида, вышел с ним в коридор, хотя и не был уверен в необходимости такой предосторожности. Но он не хотел рисковать. Проинструктировав андроида, Бёртон из дверей наблюдал за тем, как он отдает команды. И компьютер подчинился.

Друзья бросились поздравлять друг друга, обнимать, а Ли По даже что-то сплясал.

Андроид приказал компьютеру воскресить в долине всех, чьи имена содержатся в памяти, за исключением нескольких лиц, внесенных в отдельный список. Таким образом, отныне процесс воскрешения будет продолжаться вплоть до завершения проекта.

Андроид также заявил, что хочет отменить все меры безопасности, касающиеся его самого, то есть Логи. Компьютер мгновенно ответил, что команда выполнена, и показал схему, на которой были отмечены все тайники, где Лога спрятал свои матрицы.

— Отлично! — улыбнулся Бёртон.— Если нужно общаться с компьютером через андроида, пускай. Это я переживу.

У них ушел целый час, чтобы собрать все тридцать девять желтых шариков, рассованных по разным комнатам и этажам.

— Я был бы полностью уверен, что Лога не сможет воскреснуть без нашего ведома,— сказал Бёртон,— не будь он таким хитрецом. А вдруг он припрятал парочку матриц, не поставив компьютер в известность?

— В таком случае он не сможет воскреснуть,— откликнулся Фрайгейт,— поскольку компьютер, не зная о существовании матрицы, не выполнит операцию воскрешения.

— Лога мог сунуть шарик в конвертер, соединенный с компьютером только как с источником связи. А процесс осуществило бы периферийное устройство.

— Значит, мы прикажем главному компьютеру докладывать нам обо всех необычных командах. Лога запретил машине выдавать данные об использовании энергии, но мы же сняли этот запрет!

— Придется пойти на риск. Мы не можем сидеть сложа руки из-за того, что остается крохотный шанс на воскрешение Логи.

Друзья согласились с Бёртоном и начали сызнова заселять башню, предварительно вычистив как следует три личных мира. Все трое единодушно поддержали предложение Бёртона рассказать обитателям долины Реки всю правду, от начала и до конца.

— Этики считали необходимым распространять полуправду с помощью Церкви Второго Шанса, поскольку верили в силу религиозного чувства. Но я верю, что нужно рассказать всю правду, приятна она или нет. Мы воскресим здесь группу людей, дадим им пожить немного в башне, а потом отправим их в долину, снабдив фотографиями и кинопроекторами на батарейках. Это должно убедить скептиков. Правда будет распространяться очень медленно из-за громадного населения и длины долины Реки, но со временем дойдет до каждого. Конечно, найдутся такие, кто откажется верить. Что ж, пускай это будет их личное горе.

Логу поместили в морозильную камеру.

Ли По воскресил своих друзей; Алиса — Монтейта Магленну и еще нескольких человек, включая своих сестер Эдит и Роду; Фрайгейт — Софи Лефкович и двадцать ее товарищей; Бёртон — блондинку Логу из племени древних тохаров, Сирано де Бержерака, титантропа Джо Миллера, неандертальца Казза, Тома Терпина, барона Жана Марселина де Марбо и многих других, избранных Логой для борьбы с этиками.

Шесть месяцев спустя Бёртон пригласил всех жителей башни, числом уже более двухсот, к себе во дворец на обед. Когда со столов убрали посуду, он велел андроиду ударить в огромный бронзовый гонг у себя за креслом. Потом встал и поднял кубок с вином.

— Граждане башни, прошу внимания! Я предлагаю тост. За нас.— Все выпили, и Бёртон тут же продолжил: — Еще один тост. За всех имеющих двойное гражданство — земное и мира Реки!

Он поставил кубок на стол.

— Все мы живем здесь уютно и счастливо, и я молю Бога, чтобы так продолжалось до прибытия жителей мира Садов. А может, и после тоже. Но когда придет срок, мы будем вынуждены, хотим мы того или нет, вернуться на обновленную Землю или же кануть в небытие. Я надеюсь и верю, что все здесь сидящие будут признаны достойными переселиться на Землю, где мы будем наслаждаться жизнью до тех пор, пока не остынет земное ядро, после чего сможем переселиться на новую планету. Впрочем, это случится через много миллионов лет — и кто знает, как все изменится за столь долгое время?

Бёртон сделал паузу, отпил вина, снова поставил кубок и оглядел своих гостей.

— Насколько я понимаю, конвертеры будут питаться энергией земного ядра. Но ее придется тратить лишь на воскрешение тех, кто умрет на Земле, а поскольку население будет избранным и немногочисленным, энергии потребуется немного. Питающих камней там не будет, и конвертеры не станут снабжать нас пищей. Мы будем выращивать себе пропитание сами, в земной почве. Земля, если все пойдет по плану, предусмотренному этиками, превратится в чудесную и спокойную планету, где воцарится мир и гармония — хотя я сомневаюсь, что лев возляжет рядом с ягненком. По крайней мере, если будет голоден. Львы никогда не соглашались считать траву питательной едой.

И конечно же, даже признанные достойными «продвижения» не будут совершенны. Ни один человек, за очень редкими исключениями, которые служат для нас недосягаемым примером, не способен достичь совершенства.

Гости смотрели на Бёртона так, словно тщетно пытались понять, к чему он клонит.

— Некоторые из вас, я уверен, с большим удовольствием предвкушают будущую жизнь на Земле. Вы знаете, что там вас ждет множество интеллектуальных приключений, ибо возможностей для научных исследований и художественного творчества на Земле будет не меньше, чем в башне. И вы радуетесь при мысли о безмятежной, упорядоченной и безопасной жизни. Такая перспектива наполняет ваши души восторгом.

Бёртон запнулся и нахмурился.

— Однако у нас есть альтернатива той Земле, которую я описал. Обследовав космические корабли, стоящие в ангаре, я убедился, что они не нуждаются в высокопрофессиональных экипажах для управления. Сами по себе суда эти очень сложны, но даже двенадцатилетний ребенок после недолгого обучения сможет привести такой корабль в любую точку Вселенной. Если, конечно, у него хватит топлива.

Фрайгейт улыбнулся и, подняв руку, сложил большой и указательный пальцы в колечко.

— Что, если мы откажемся возвращаться на Землю с ее утопическим раем? — продолжал Бёртон.— Что, если мы предпочтем другой образ жизни? Ведь даже если нам удастся полюбить описанную мною Землю, еще не сказано, что все мы туда попадем!

Зато мы все без исключения можем сесть на корабль — на все корабли, что есть в ангаре, если захотим,— выбрать по каталогу навигационной системы девственно чистую планету и улететь туда.

Что ожидает нас там — нас, разношерстную группу почти бессмертных людей разных рас, наций, языков и эпох? Конечно, не та роскошная и легкая жизнь, какой мы наслаждаемся здесь, или более скромная, но не менее легкая жизнь на Земле. Даже взяв с собой записи научных и технических достижений этиков, мы практически не сможем ими пользоваться в течение нескольких столетий. Нам придется долго ждать, пока население планеты увеличится настолько, чтобы хватило рук для черной и трудной работы по добыче сырья и его обработке.

Этики разместили генераторы ватанов с записывающими устройствами на многих планетах, как и на нашей Земле в свое время. Мы сможем иметь там детей, поскольку они будут рождаться с ватанами, а стало быть, будут обладать самосознанием и свободой воли. Но,— Бёртон вновь внимательно оглядел аудиторию,— если кто-то из нас или наших детей умрет, то останется мертвым надолго. Возможно, навсегда. Сумеют ли этики проследить наш путь, мы выясним сразу, как только прибудем на место. Не исключено, что нас признают достойными и позволят жить дальше. А может, и нет. Но в любом случае, если мы умрем рано, то это будет надолго, поскольку этики доберутся до нашей планеты, быть может, лишь через много тысячелетий. И даже если наши потомки сумеют построить необходимую для воскрешения аппаратуру, откуда нам знать, захотят ли они нас воскрешать? Мы не в силах предугадать, какая политическая, религиозная и экономическая ситуация сложится на планете к тому времени. Наши потомки могут решить, что лучше оставить нас покойниками.

И это далеко не самое худшее, что может с нами случиться. Сначала, когда мы высадимся на планету, построим своими руками жилища, возделаем землю, посеем зерно и пожнем урожай, дадим жизнь первому поколению, мы будем довольно-таки гармоничным обществом. Но по прошествии веков и тысячелетий наш общий язык, эсперанто, разделится на диалекты, а затем и на языки, которые будут отличаться друг от друга не меньше, чем французский от албанского. И хотя смешанных браков будет много, некоторые группы наверняка сохранят свои расовые особенности, и наш отважный новый мир поделится на расы.

Разные языки и разные расы. В точности как на старой Земле. Зато нам не грозит однообразие.

И как бы ни старались мы воспитывать детей с любовью, со временем, после смены нескольких поколений, а то и гораздо быстрее, население планеты станет таким же, каким оно было на прежней Земле.

Дамы и господа! Приложив немало усилий, пережив неисчислимые трудности и опасности, создав по возможности наиболее справедливое общество для всех, мы тем не менее неизбежно станем свидетелями его деградации. Как и на Земле, оно расслоится на сильных и слабых, бедных и богатых, ведущих и ведомых, смелых и трусливых, глупых и умных, открытых и замкнутых, дающих и берущих, милосердных и равнодушных или жестоких,

отзывчивых и черствых, нежных и грубых, мучителей и жертв, разумных, полубезумных и ненормальных.

Там будет ненависть, но и любовь, отчаяние, но и радость, поражения, но и победы, горе, но и счастье, безнадежность, но и надежда.

Бёртон мельком посмотрел на слушателей, охватив все лица единым взглядом. Они предчувствовали, что он скажет дальше — если не точные слова, то смысл наверняка.

— Зато... жизнь наша будет полна разнообразия, богата всеми красками спектра, чего не сможет дать нам безопасное существование на Земле.

Дух приключений не покинет нас.

Мы откажемся от земного рая, но захватим толику рая с собой — и, я уверен, немалую долю ада. Может ли рай существовать в пустоте? Если не будет ада, как вы узнаете, что живете в раю?

Я спрашиваю вас, друзья мои, и даже тех, кто, возможно, не хочет быть мне другом: что мы выбираем? Новую Землю? Или неизведанное?

Аудитория молчала. Наконец голос Фрайгейта разорвал тишину:

— Это что, риторический вопрос? Куда ты сам собрался, Дик?

— Ты знаешь куда,— ответил Бёртон.

И махнул рукой, показывая на звезды.

— Кто со мной?

Послесловие

Хотя автору, конечно, хотелось бы верить, что каждое его слово останется запечатленным в сердцах читателей навеки, некоторые события предыдущих четырех романов о мире Реки, быть может, потускнели в чьей-то памяти. Поэтому представляю вам краткое изложение приключений, завершающихся в книге «Боги мира Реки».

Ричард Фрэнсис Бёртон, знаменитый (или печально знаменитый) английский исследователь, лингвист, писатель, поэт, воин и антрополог, умирает в 1890 году после Рождества Христова в возрасте шестидесяти девяти лет. Вопреки своим ожиданиям он пробуждается от смертного сна в просторном помещении, где в воздухе парят миллиарды тел. Все они человеческие, за исключением одного, которое находится рядом с Бёртоном. Это тело, хотя и гуманоидное, явно не относится к виду homo sapiens. Бёртон не успевает выбраться из помещения, поскольку появляются двое человек в каком-то летательном аппарате и он теряет сознание.

Когда Бёртон снова приходит в себя, он лежит обнаженный на берегу широкой Реки в узкой долине, зажатой с обеих сторон высокими неприступными горами. Тело у него такое, каким было в двадцать пять лет, только без шрамов. И он всего лишь один из тридцати пяти миллиардов людей, воскрешенных под неведомыми небесами на берегах Реки длиною в десять миллионов миль.

Воскрешение, как покажут последующие события, не было вызвано сверхъестественными силами. Его обеспечила научно-техническая аппаратура, изобретенная существами, которые в начале первой книги («В тела свои разбросанные вернитесь») оста-

ются неизвестными. Существа эти зовутся этиками, и они разместили записывающие устройства на Земле задолго до того, как там появился первый обезьяночеловек. (По крайней мере, так Бёртону и другим было сказано по ходу развития событий.) Устройства записали данные всех без исключения людей, начиная от момента их зачатия и кончая смертью. И как выясняется в книге четвертой, под названием «Магический лабиринт», души (а на языке этиков — «ватаны») имеют искусственное происхождение. Такой штуки, как естественная душа, не существует; душой наградили человечество этики.

Обитатели мира Реки поначалу считают, что в долине воскрешены все люди, жившие на Земле приблизительно с 2 000 000 года до Рождества Христова по 2008 год христианской эры. Но вскоре выясняется, что умершие до пятилетнего возраста дети, умственно отсталые люди и явные психопаты не воскресли в мире Реки. Их, как Бёртон узнает от этика-отступника, пробудили от смерти на планете под названием Сады, в мире Садов. В долине Реки — это станет известно в следующей книге — находятся люди, жившие примерно с 99 000 года до Рождества Христова по 1983 год христианской эры. А когда текущий проект этиков будет завершен, они воскресят тех, кто умер после 1983 года.

Этики — наследники нескольких предшествующих цивилизаций, в том числе и негуманоидных,— взяли на себя нелегкий труд записать и воскресить разумные виды жизни множества планет по всей Вселенной. Не сделай они этого, все разумные виды умирали бы навеки.

Несколько этиков, маскируясь под землян, распространили в мире Реки религиозную концепцию «продвижения». Жители долины, не соответствующие определенным и весьма высоким этическим стандартам — иными словами, не сумевшие стать «хорошими»,— не смогут жить дальше. По истечении столетия проект будет закрыт, и те, кто не достигнет надлежащего уровня нравственного развития, умрут навсегда. Ватаны же «продвинувшихся» сольются с божественной сущностью.

Эта концепция насаждается этиками с помощью различных религий, в том числе, например, Церкви Второго Шанса. Миссионеры шансеров обучают заодно своих последователей говорить на эсперанто. Смешение народов из разных эпох и времен настоятельно требует языка, понятного для всех.

Бёртона и некоторых других героев посещает некий этик, скрывающий свое имя. Бёртон зовет его Икс, или Таинственный Незнакомец. Икс (он же Лога, член Этического Совета Двенадцати, как выясняется в книге «Магический лабиринт») вынашивает планы, противоречащие планам его товарищей этиков. Объяснений этому он приводит множество, однако настоящая причина его отступничества изложена в книге четвертой. Икс вербует некоторых из воскрешенных, чтобы те помогли ему совершить переворот. Среди избранных оказываются Бёртон, Сэм Клеменс, Сирано де Бержерак, гигантский титантроп по имени Джо Миллер и другие незаурядные мужчины и женщины.

Река, как они узнают, вытекает из маленького моря на северном полюсе планеты, прочерчивает своими извивами и изгибами одно полушарие, огибает южный полюс, а затем, проделав такой же извилистый пусть по другому полушарию, впадает обратно в свой источник — полярное северное море. С каменного дна этого моря поднимается ввысь исполинская башня, воздвигнутая этиками,— их штаб-квартира, в которой находится громадный протеиновый мозг компьютера. Там же расположен и центральный колодец, где хранятся ватаны умерших, покуда их тела существуют в виде записанных матриц. Как только человека воскрешают, ватан немедленно воссоединяется с его телом. В этой емкости, то есть в ватане, содержится вся память личности, а также ее самосознание. Без ватана человек был бы не в состоянии сохранить целостность своей личности.

В книге первой («В тела свои разбросанные вернитесь») описываются в основном устройство мира Реки и попытки Бёртона удрать от этиков, которые обнаружили, что его воскресил в предварительной камере некий их коллега-предатель. Бёртон во время бегства совершает 777 самоубийств, но в конце концов попадается этикам в руки. Его допрашивает в башне Совет Двенадцати, один из членов которого — отступник. Этики подключаются к памяти Бёртона, надеясь увидеть предателя его глазами. Однако тот тайно перестраивает некоторые компьютерные цепи и в результате заставляет Совет поверить, что все воспоминания Бёртона о допросе стерты. На самом же деле Бёртон возвращается в долину с нетронутой памятью.

В книге второй («Волшебный корабль») американский писатель Сэмюэль Клеменс мечтает о постройке большого колесного речного парохода, чтобы проплыть по реке до ее источника, а

затем пробраться в башню. Но он довольно долго не может осуществить свою мечту, поскольку планета бедна железом и другими металлами. Икс отклоняет большой железо-никелевый метеорит с его естественного пути, чтобы тот упал в долине, и таким образом снабжает Клеменса металлом. Но пароход у писателя крадет его партнер, король Иоанн Безземельный, брат Ричарда Львиное Сердце. Сэм клянется, что построит новое судно, поймает Иоанна и отомстит.

В книге третьей («Темные замыслы») Клеменс, преодолевая многочисленные трудности, заканчивает строительство второго парохода, который у него тоже пытаются украсть. После его отплытия другая группа людей строит дирижабль и улетает на нем к башне. Но в башню проникает только один член команды — и не возвращается оттуда. На обратном пути экипаж разоблачает Икса, затесавшегося к ним в команду, но тому удается ускользнуть, а дирижабль гибнет от взрыва бомбы, подложенной Иксом.

В книге четвертой («Магический лабиринт») встречаются два тяжеловооруженных речных парохода. В результате сражения оба они тонут, а капитаны их погибают почти со всей командой. Среди уцелевших — Бёртон и еще несколько человек, завербованных Иксом. Они поднимаются вверх по реке в маленькой лодочке, потом карабкаются по скалистой горной гряде, опоясывающей северное море. Бёртон уверен, что Икс тоже среди них. И когда путники проникают в башню через вход, тайно подготовленный Иксом, Бёртон наконец устанавливает личность Таинственного Незнакомца.

А между тем из-за долгого отсутствия жителей — этиков и их агентов (убитых Иксом) — механизмы башни остались без присмотра и нуждаются в настройке. Но поскольку настраивать их некому, клапан, регулирующий поступление морской воды, заклинивает, и протеиновые мозги компьютера оказываются под угрозой. Если клапан срочно не починить, то компьютер сломается, и весь проект будет обречен, а все телесные матрицы погибнут.

В числе отряда смельчаков находится также Герман Геринг, бывший нацист и рейхсмаршал Третьего рейха. Он раскаялся в своих земных злодеяниях и обратился в веру во второй шанс. Геринг жертвует своей жизнью, пытаясь добраться до клапана и починить его, однако терпит неудачу. Кажется, ничто уже не спасет

компьютер от гибели — а вместе с ним погибнут все надежды на бессмертие тридцати пяти миллиардов человек.

Но Алиса Лидделл Харгривз, проявив недюжинную изобретательность, придумывает способ, как преодолеть самоубийственное подчинение компьютера определенным запретам, и спасает проект.

Таким образом обитатели долины получают дополнительное время, которое позволит им, как уверяет этик-отступник Лога, достигнуть нравственного уровня, необходимого для «продвижения». В остальном же проект будет возобновлен в своем первоначальном виде. Однако этики — коллеги Логи — и их агенты воскрешены не будут, поскольку они помешают выполнению его планов.

Действие книги пятой, «Боги мира Реки», начинается через несколько недель после событий, изложенных в «Магическом лабиринте».

Содержание

МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ. *Перевод Н. Виленской* 5

Часть первая. ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ 7

Часть вторая. НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» 12

Часть третья. НА БОРТУ «РЕКСА»: НИТЬ РАЗУМА 36

Часть четвертая. НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ». НОВОБРАНЦЫ И КОШМАРЫ КЛЕМЕНСА 72

Часть пятая. МОНОЛОГ БЁРТОНА 89

Часть шестая. НА БОРТУ «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ»: НИТЬ РАЗУМА 97

Часть седьмая. ПРОШЛОЕ ГЕРИНГА 103

Часть восьмая. ПАРОХОДЫ ПРИБЫВАЮТ В ВИРОЛАНДО 131

Часть девятая. ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ В МИРЕ РЕКИ 173

Часть десятая. АРМАГЕДДОН: «ВНАЕМ НЕ СДАЕТСЯ» ПРОТИВ «РЕКСА» 189

Часть одиннадцатая. ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ: БЁРТОН ПРОТИВ БЕРЖЕРАКА 247

Часть двенадцатая. ПОСЛЕДНИЕ 20 000 МИЛЬ 259

Часть тринадцатая. В ТЕМНОЙ БАШНЕ 297

Часть четырнадцатая. ИГРА ВТРОЕМ: КЭРРОЛЛ — АЛИСА — КОМПЬЮТЕР 364

БОГИ МИРА РЕКИ. *Перевод С. Трофимова, И. Васильевой* 379

Литературно-художественное издание

Филип Фармер

МИР РЕКИ: МАГИЧЕСКИЙ ЛАБИРИНТ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *В. Сергеев*
Корректоры *В. Дроздова, Л. Ершова*

В оформлении переплета использована репродукция работы *Донато Джанколо*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 32.
Тел./факс: (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 12.09.2007.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 7000 экз. Заказ4006.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15.
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - *sales@tverpk.ru*

ISBN 978-5-699-24469-0

9 785699 244690 >

Филип

ФАРМЕР

Philip José Farmer

ISBN 5-699-09661-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА